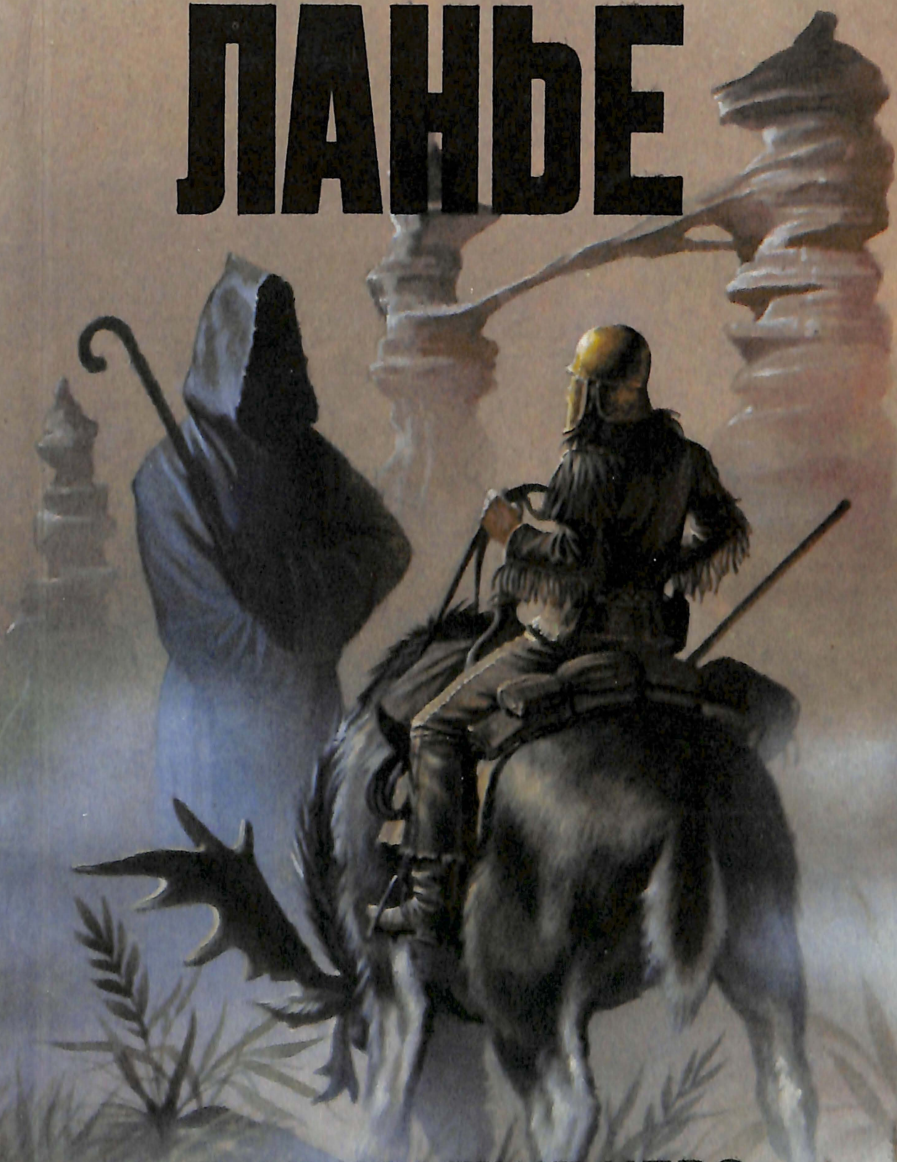
ELITE SERIES

С. ЛАНЬЕ

СТЕРЛИНГ

ЛАНЬЕ

• ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРО •
• ИЕРО НЕ ДАЮТ ПОКОЯ •

СТЕРЛИНГ ЛАНЬЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
СФИНКС СПб
ЭГОС
1994

ББК 84.7 (США)
Л 22

Sterling E. Lanier
Hiero's Journey
London, 1976
The Unforsaken Hiero
New York, 1984

Перевод
М. Нахмансона и С. Нахмансона
Оформление художников
С. Григорьева, Н. Зубкова и А. Соловьева

**Печатается с разрешения автора
и его литературных агентов
«Curtis Brown Ltd.» и «Литературное Агентство Мэтлок»**

**Исключительное право публикации данных произведений
на русском языке принадлежит Агентству «СФИНКС СПб»**

Ланье С.
Л 22 Иеро не дают покоя: Фантастические романы. Пер. с англ.— СПб.: Агентство «СФИНКС СПб», АО «ЭГОС», 1994.— 704 с.

Главный герой дилогии Стерлинга Ланье Иеро, воин, в совершенстве овладевший ментальными силами, совершает трудное, полное приключений путешествие в поисках оружия, которое сможет помочь его народу выстоять в борьбе с силами Зла.

Наряду с уже издававшимся романом «Путешествие Иеро» в данный том включена вторая часть дилогии — «Иеро не дают покоя», рассказывающая о дальнейших приключениях героев.

ББК 84.7 (США)

© Sterling E. Lanier. 1973, 1983
© Название серии, эмблема. АО «ЭГОС». 1992
© М. С. Нахмансон, С. М. Нахмансон.
Перевод. 1990, 1993
ISBN 5-86188-002-6
© Агентство «СФИНКС СПб» 1994

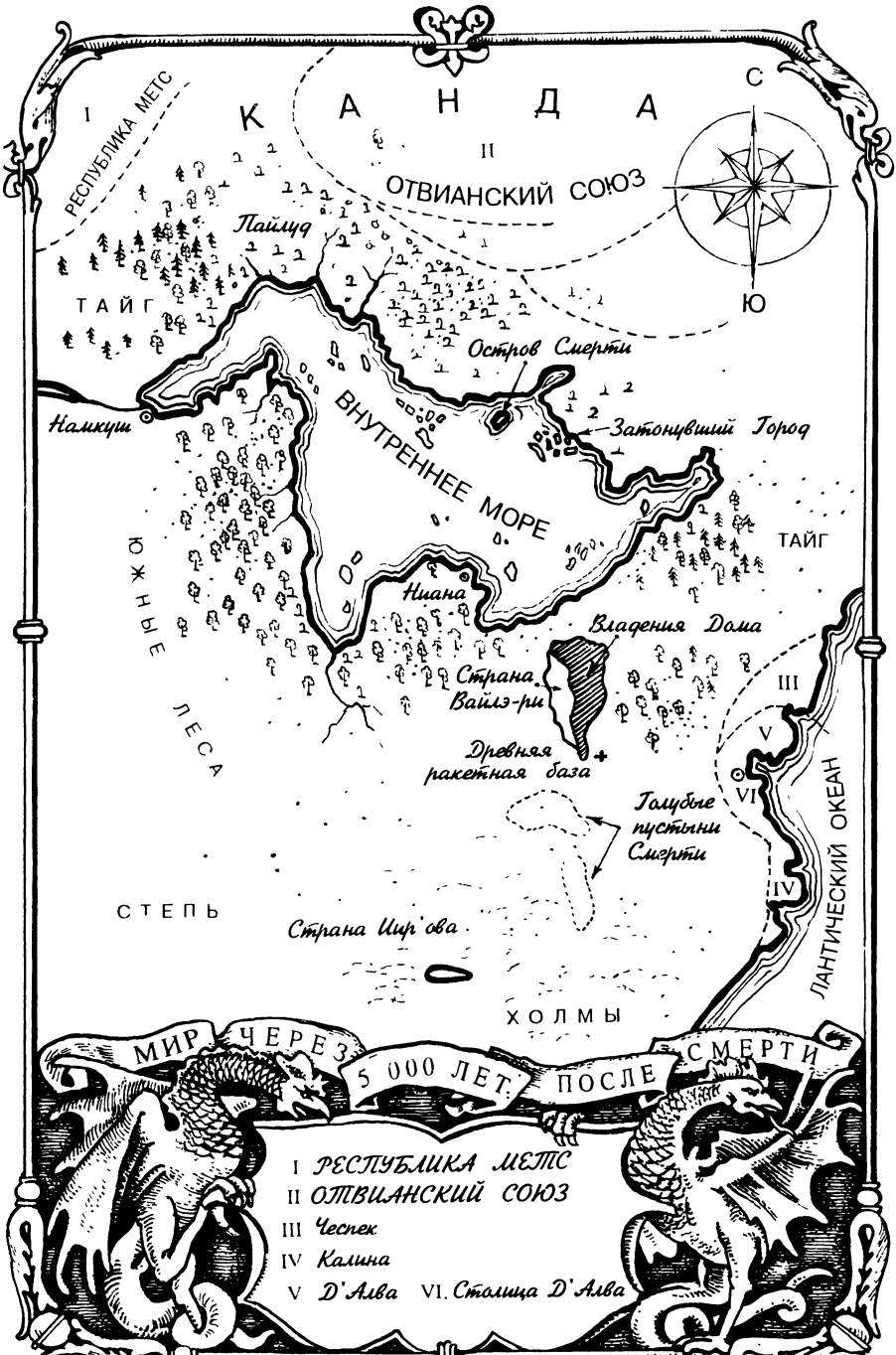
Предисловие переводчиков

Первый роман Стерлинга Ланье о приключениях Иеро Дистина, воина-киллмена и священника Универсальной Кандианской Церкви, вышел в серии фэнтези издательства «Северо-Запад» в 1991 году. В 1992 году последовало второе издание романа, но, хотя оно было оформлено гораздо более роскошно, его текст остался тем же наполовину любительским переводом, который мы сделали много лет назад. Для настоящего издания текст значительно переработан.

Хотя впервые на русском языке роман Ланье вышел в свет в упомянутой выше серии фэнтези, он, конечно, не относится к этому сказочному жанру. «Путешествие Иеро» — классический образец «твердой» научной фантастики, и за всеми упоминаниями о колдунах, Нечистом и злом волшебстве стоят совершенно конкретные и рациональные понятия — мутации после ядерной катастрофы и изменения климата, развитие телепатических способностей человека, борьба за власть между сторонниками Добра и Зла. Безусловно и то, что, оставаясь в рамках «твердой» научной фантастики, роман тяготеет к приключенческому жанру, очень популярному как среди наших читателей, так и на родине автора.

По-видимому, Ланье задумал целый сериал об Иеро: второй роман, также включенный в настоящую книгу, безусловно предполагает продолжение. Иеро, разгромив полчища Нечистого на севере, отправляется на юг, чтобы спасти Лучар, изгнанную из своего королевства. Подобный конец можно рассматривать как несомненную заявку на третью часть сериала, о которой пока ничего не известно.

М. Нахмансон, С. Нахмансон

КАНАДА
I
РЕСПУБЛИКА МЕТС
II
ОТВИАНСКИЙ СОЮЗ
С
Ю
ТАЙГА
Пайлуд
Остров Смерти
Затонувший Город
Намкуш
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
ТАЙГА
Ниана
Владения Дома
Страна Вайлэ-ри
III
V
VI
Древняя ракетная база
Голубые пустыни Смерти
ЮЖНЫЕ ЛЕСА
СТЕПЬ
Страна Ир'ова
ХОЛМЫ
IV
ЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
МИР ЧЕРЕЗ 5 000 ЛЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ
I РЕСПУБЛИКА МЕТС
II ОТВИАНСКИЙ СОЮЗ
III Чеспек
IV Калина
V D'Алва
VI. Столица D'Алва

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРО

ГЛАВА 1

Знак Рыболовного Крючка

Не человек, а безмозглый чурбан,— размышлял Иеро.— Здоровый, энергичный и важный. К тому же,— пополнил он список своих отрицательных качеств,— действующий, как правило, необдуманно».

Под ним мерно покачивалась спина крупного лорса по кличке Клуц, который бежал иноходью по грязной дороге, пытаясь иногда схватить пучок молодых листьев с ближайшего дерева толстыми, выпяченными губами, прекрасно приспособленными для этого.

Пер Иеро Дистин, священник-заклинатель второй степени, Страж Границы и киллмен, отбросил бесплодные размышления и выпрямился, оперевшись рукой о высокую луку седла. Лорс перестал хватать листья, остановился и тревожно замер, высоко задрав разлапистые рога. Хотя сейчас их отростки были мягкими, огромный черный зверь, превосходивший размерами и мощью любую породу давно вымерших лошадей, был благодаря острым тяжелым копытам смертельно опасным бойцом.

Иеро внимательно прислушивался, удерживая Клуца на месте. Впереди нарастал смутный шум, постепенно превращавшийся в громкий рев, от которого наконец затряслась земля. Священнику, как и его скакуну, были хорошо знакомы эти звуки. Хотя тут, на севере, еще стоял август, стада баферов уже начали свою осеннюю миграцию на юг, как делали это бесконечное множество лет.

Лорс и его всадник пытались разглядеть что-нибудь сквозь стену лиственниц, пальм и ольхи, которыми заросла обочина дороги. Стволы деревьев и кустарник ограничивали обзор, но доносившийся до путников гул становился все сильнее.

Иеро решил положиться на чутье Клуца, который мог инстинктивно определить, куда двигается стадо. Величайшая опасность угрожала им, если бы они очутились перед огромным скопищем животных, не имея возможности убраться с их пути. Баферы не были особенно зловредными, но ничто, кроме огня, не могло их остановить.

Лорс забеспокоился, чувствуя, что они оказались в опасном месте в опасное время. Иеро решил больше не медлить и свернул с тропы на юг, предоставив Клуцу выбирать направление.

Как только они покинули тропу, священник оглянулся. На сколько хватало глаз, огромные коричневые косматые головы, увенчанные острыми желтыми рогами, сминая подлесок, прокладывали себе дорогу. Рев и фырканье животных стали оглушающими. Во главе нескончаемого стада мчались огромные быки.

Иеро сжал коленями косматые бока лорса.

— *Беги, растяпа,*— передал он ментальный приказ.— *Ищи безопасное место, иначе нас растопчут!*

Клуц рванулся вперед рысью, его большое тело двигалось на удивление быстро. Огромное животное мчалось по лесу, ловко уклоняясь от ветвей деревьев и кустарника. Человеку, который трясся на его спине, приходилось труднее: он внимательно следил за ветвями, которые могли вышибить его из седла.

Высокие сапоги, куртка и штаны из оленьей кожи надежно защищали всадника от тонких веток, хлеставших по ногам и плечам. Голова его оставалась непокрытой, но в одной из сумок, притороченных к седлу, находились кожаный подшлемник и медный шлем. Иеро поднял руку, защищая лицо, и мысленно пришпорил лорса. Огромный зверь помчался еще быстрее; раздражение поднималось в нем, и мозг Иеро ощутил эту волну ярости.

«Прости старина, что мешаю делать тебе твою работу»,— почти нежно подумал он. Ни одна домашняя тварь не была так предана человеку, как лорсы.

Выведенные много поколений назад путем мутаций гигантского дикого лося, уцелевшего после Смерти, они были прекрасными боевыми и верховыми животными. Аббатства тщательно охраняли их стада и с очень неохотно продавали особо ценных производителей. Однако большая сообразительность сочеталась у лорсов с упрямой независимостью и некоторой капризностью, которую никто не мог преодолеть, и поэтому специалисты Аббатств все еще продолжали селекционные работы с ними.

Внезапно Иеро выругался и хлопнул себя по лбу. Атаковавшие его тучи москитов и веером взлетевшие брызги свидетельствовали, что Клуц устремился в болото. Рев стада позади начал затихать. Баферы не любили воды, хотя при необходимости могли проплыть несколько миль.

Иеро тоже не питал пристрастия к грязным болотным лужам. Он подал сигнал «Стой!», слегка сжав ногами лорсиные бока, и Клуц остановился, тяжело дыша.

— Ах ты, неслух,— сказал Иеро, ласково потрепав животное по шее.

Болотца и лужи темной воды лежали вокруг, сливаясь впереди в довольно большое озеро. Путники остановились на скалистом мыске, который загромождали бревна, принесенные в последнее половодье. Здесь было тихо; уже еле слышный шум стада удалялся к востоку. Маленькая черная птичка проскользнула вниз по упавшему стволу. Темные сосны и стволы кипарисов вставали прямо из воды, затеняя солнечный свет и придавая местности сумрачный вид. Тучи москитов роились над головой; спасаясь от них, человек стал обмахиваться сломанной ветвью. Лорс топал ногами и недовольно фыркал.

Рябь на черной поверхности воды — вот что их спасло. Хотя Иеро обладал превосходной реакцией, борьба с насекомыми поглощала все его внимание. Только случайный взгляд, скользнувший по стеклянной

глади озера, заставил его насторожиться: какое-то тело, в полном безмолвии движущееся под водой, оставляло на поверхности две расходившиеся масляные полосы, и они стремительно приближались к оконечности мыса.

— Бежим! — крикнул он, пришпоривая лорса.

Огромный зверь рванулся вперед, и когда снапер вылез из воды, между ними и берегом оказалось уже добрых десять футов.

Сражаться было бессмысленно. Метатель, висевший в чехле на боку Иеро, а тем более его копье и меч были бесполезны против взрослого снапера. Клуц тоже чувствовал это, несмотря на всю свою силу и постоянную готовность к драке в любое время дня и ночи.

Отвратительная голова снапера достигала четырех футов в длину и трех в ширину. Гигантская черепаха припала к земле, затем стремительно рванулась вперед, царапая когтями скалу. Желтые глаза чудовища сверкали, вода потоками стекала с выпуклого серого зазубренного по краям панциря. Хотя монстр весил не меньше трех тонн, он был на удивление проворен. До Смерти вес предков снаперов не превосходил шестидесяти пяти фунтов; с тех пор они чудовищно выросли и превратились в грозу водоемов. Даже Народ Плотины опасался их.

Все же, каким бы быстрым ни был снапер, он не мог состязаться на суше с испуганным лорсом. Клуц сломя голову ринулся с болота, и когда монстр вылез на скалистый гребень мыска, лорс и его всадник уже мчались на сотню футов впереди, разбрызгивая воду в лужах и направляясь к дороге, по которой они ехали ранее. Тупой, как и все его сородичи, снапер мог видеть только мелькающую впереди точку. Он с недовольным щелканьем захлопнул пасть, глядя, как стремительно удаляющаяся добыча исчезает в зарослях.

Едва беглецы достигли сухой земли, Иеро натянул повод и прислушался. Слабый топот баферов удалялся на юго-восток. Он сам собирался следовать в этом направлении, а потому без лишних колебаний погнал

лорса прямо по следам мигрирующего стада. Оба — человек и зверь — были потрясены собственной неосторожностью. А в год семь тысяч четыреста семьдесят шестой от рождества Христова потеря бдительности стоила дорого.

Иеро медленно и осторожно ехал по дороге, чтобы не потревожить бегущих в арьергарде стада самок с телятами и старых ослабевших быков. Баферы ушли далеко вперед, но в безветренном воздухе стоял тяжелый запах стада, почва была истоптана тысячами копыт, ветви деревьев обломаны, исходившая от куч помета вонь перебивала все другие запахи. И человек, и лорс чувствовали себя неуверенно, так как привыкли полагаться на свое великолепное чутье не меньше, чем на зрение и слух.

Священник, однако, решил ехать за стадом. Как он установил, оно было невелико, всего около двух тысяч голов. Движение по следу баферов отчасти гарантировало от опасностей, которые таились в зеленом океане Тайга. Правда, и тут был риск,— в Тайге беда подстерегала всюду — но осторожный и опытный человек из двух зол выбирал меньшее. В число малых опасностей входили хищники, которые также следовали за стадом и пожирали раненых, старых и молодых неокрепших животных.

Сейчас перед всадником маячила пара больших серых волков, то и дело с рычанием поворачивающих в его сторону оскаленные пасти. Мутация животных и растительных форм, как и вообще серьезные перемены во всем мире, как это ни странно, практически не коснулись волков. Некоторые существа, казалось, упорно сопротивлялись спонтанным генетическим изменениям; волки, пластичность генов которых позволила вывести в древние времена сотни пород собак, сумели сохранить после Смерти свой основной тип. Они, однако, стали умнее и по возможности избегали столкновения с человеком. Зато убивали любую домашнюю собаку, которую могли обнаружить, с дьявольским

терпением выслеживая ее. Поэтому люди Тайга не спускали глаз со своих собак и надежно запирали их на ночь.

Иеро, будучи заклинателем и, следовательно, ученым, превосходно все это знал. Он знал и то, что волки не доставят ему хлопот, если он не даст к этому повода. Он мог мысленно ощутить или, как говорили, «услышать» исходившую от волков ненависть; такой способностью обладал и его лорс. Впрочем, оба понимали, что грозящая им опасность в данном случае невелика.

Переставляя в мерной иноходи длинные ноги, лорс мчался по следам стада, бегущего впереди них на расстоянии двух-трех миль. Передвигаться по этому грязному разбитому тракту всего в две повозки шириной было тяжело, но он считался важной торговой артерией между западом Канды и востоком, куда Иеро сейчас и держал путь. Республика Метс, гражданином которой он был, представляла собой весьма обширную территорию с нечеткими границами. Она поглотила ряд западных провинций древней Канады: Саскачеван, Манитобу и Альберту, а также изрядную часть бывшей Северо-Восточной территории. Здесь обитало так мало людей, что проводить границу в старом смысле слова было бы нелепым. Жители Республики образовывали этническое и, скорее, религиозное объединение, чем национальное.

Тайг, огромный хвойный лес, который покрывал эту часть мира по крайней мере за миллион лет до Смерти, опять воцарился на Севере. Он, однако, сильно изменился, в нем появились многие древесные породы, которые росли когда-то лишь в теплых странах. Некоторые растения и животные погибли, исчезли полностью, но большинство выжили и приспособились к более мягкому климату. Зимы на западе Канды были теперь сказочно мягкими; температура редко падала ниже пяти градусов Цельсия. Полярные шапки планеты таяли и отступали; мир стоял на грани очередного

межледникового периода. Потепление было причиной решительных изменений человека и окружающей природы, и это стало отправной точкой обучения в школах Аббатства.

Старые книги предостерегали от последствий парникового эффекта, но пока накопилось слишком мало опытных данных, позволявших утверждать что-либо определенное. Ученые Аббатств никогда не оставляли попыток получить новые данные о прошлых веках, надеясь, что смогут яснее предвидеть будущее, тем более, что древний ужас Смерти, несмотря на прошедшие пять тысячелетий, продолжал витать над миром. Догмат о том, что Смерть никогда не должна появиться снова, главенствовал во всех науках. С этим были согласны все люди, кроме мерзавцев, объявленных вне закона, и приспешников Нечистого. Как искренне верующий и священник Аббатств Иеро непрерывно размышлял о прошлом — даже сейчас, когда, казалось, просто предавался праздным мечтам, мерно покачиваясь в седле.

Выглядел он эффектно, и не без тщеславия сознавал это. Молодой человек, коренастый и крепкий, чисто выбритый, с прямыми черными волосами, кожей цвета меди и орлиным носом коренного метса. Он гордился — в разумных переделах — чистотой своего происхождения и мог без ошибок перечислить тридцать поколений предков. Впрочем, Иеро довелось испытать глубокое изумление, когда в школе Аббатств старый священник вежливо указал ему, что все истинные метсы, включая и самого отца Демеро, происходят от метисов, франко-индейских полукровок, которые в давние времена были почти бесправным меньшинством в Канаде и которых спас от Смерти уединенный образ жизни вдали от больших городов. После этого юный Иеро и его товарищи по обучению никогда больше не хвастались своим происхождением. Основное правило Аббатств: место человека определяется исключительно

его заслугами — стало для подростков новым источником внутренней гордости.

За спиной Иеро, стянутой ремнем перевязи, висел тесак, похожий на короткий массивный меч с сорокадюймовым лезвием, заточенным с одного края. Он был очень древним, сделанным еще до Смерти; Иеро получил его в награду за успехи в школе. На лезвии были выгравированы буквы и цифры: «U. S.» и «1917» и еще: «Сделано в Филадельфии»; ниже находилось изображение предмета, похожего на луковицу с листьями. Иеро знал, что его оружие, невероятно древнее, когда-то принадлежало человеку из Соединенных Штатов, огромной империи на Юге. Это было все, что он или кто-либо другой могли поведать о старом корпусе морской пехоты США, сражавшемся в долгих, долгих кампаниях в Центральной Америке и Азии и полностью забытом пять тысячелетий спустя. Но тесак был отличным оружием, и Иеро любил ощущать в руке его тяжесть.

В его снаряжение также входило короткое тяжелое копье с древком из ореха и десятидюймовым стальным наконечником. Копье не было древним оружием; его сделал для Иеро оружейный мастер Аббатства в Саске, когда он прошел обряды Посвящения. На боку у него висело еще одно орудие убийства, деревянный приклад которого торчал из чехла. То был метатель, заряжавшийся с дула гладкоствольный карабин, стрелявший шестидюймовыми разрывными снарядами. Оружие стоило безумно дорого, столько же, сколько двадцать плащей из лучшего меха куницы; его ствол изготовлен из бериллиевой бронзы, снаряды производились вручную в маленькой мастерской, расположенной в тайном месте. Карабин подарил отец, когда Иеро окончил школу. Когда запас снарядов истощится, метатель станет бесполезным. Но в сумке, висевшей у седла, Иеро хранил пятьдесят маленьких ракет; немногие существа выжили бы после их удара. Шестидюймовый

нож с костяной рукояткой, висевший в ножнах на поясе, завершал боевое снаряжение священника.

Его одежда была легкой и отлично сшитой из коричневой оленьей замши, выделанной почти так же тонко, как ткань, но более прочной. В притороченных к седлу сумках лежали меховая куртка, перчатки и зимняя обувь, запас пищи, несколько кусков меди и серебра для обмена и принадлежности заклинателя. На ногах Иеро были кожаные сапоги с каблуками и прочными подошвами, легкие и удобные для ходьбы и бега. Символ Аббатств — крест и меч в круге — сиял серебряным блеском на его груди; прочный ремень поддерживал тяжелый медальон. На бронзовом лице путника были нанесены знаки, определяющие его ранг в иерархии Аббатств: желтый кленовый лист на лбу и под ним — две змеи, обвивающие древко копья. Символы были очень древними, их ввел еще Великий Отец, первый глава Аббатств, когда устанавливал систему рангов. Каждое утро Иеро возобновлял их, пользуясь красками из маленьких баночек, лежавших в сумках. На Севере эти символы узнавали и почитали все, кроме людей, стоявших по ту сторону закона, и мерзких созданий, лемутов, отродий Смерти, величайших врагов человечества.

В свои тридцать шесть лет Иеро еще не был женат, хотя многие мужчины в его возрасте уже возглавляли большие семейства. Он также не хотел становиться аббатом и закончить жизнь администратором высокого ранга — в этом он был уверен. Когда ему слишком надоедали с подобными вопросами, Иеро с непроницаемым лицом заявлял, что женщины интересуют его не более, чем сапоги, сношенные три года назад. Он, однако, не давал обета безбрачия. Целибат остался в давно погибшем прошлом. Сейчас считалось, что священники принадлежат миру, в котором они должны бороться и жить, а ведь нет ничего более мирского, чем женщина.

Аббатства не были уверены в том, уцелел ли где-то за восточным океаном древний Рим, легендарное средоточие их веры. Но даже если бы Рим еще существовал, традиционное повиновение его Первосвященнику ушло безвозвратно, ушло вместе с искусством быстрого преодоления огромных расстояний и другими подобными знаниями.

Дружный хор птичьих голосов звенел над дорогой. Иеро ехал, купаясь в ярких лучах полуденного солнца. Небо было безоблачным, августовская жара — умеренной и приятной. Лорс бежал мерной иноходью; он мог двигаться так часами без каких-либо понуканий. Клуц любил своего хозяина и точно знал, как далеко дозволялось ему заходить в своих капризах, чтобы не вывести Иеро из терпения. Большие уши зверя слегка шевелились — звуки служили источником новостей, а Клуц мог слышать движения любой мелкой твари в лесу на расстоянии четверти мили. Но пыльная дорога, расстилавшаяся перед длинной мордой лорса и внимательными глазами всадника, была пуста. Волки исчезли, и только кучки помета напоминали о стаде баферов, мчавшемся где-то далеко впереди.

Их путь проходил через девственный лес. Многие районы Канды еще не были заселены, и многое в них оставалось совершенно неизвестным. Наиболее отважные и предприимчивые устремлялись на новые земли; волны колонизации расходились кругами от каждого из крупных центров Аббатств. Однако поселенцы часто исчезали бесследно. Пионеры, отправившиеся в дикие области, утерявшие связь с центром и твердое руководство, пропадали таинственно и необъяснимо. Однажды какой-то лесной рейнджер — охотник или, возможно, священник, посланный пограничным Аббатством,— обнаружил в глухом лесу развалины домов, окруженных заброшенными полями, и жалкие остатки раздробленных человеческих костей. Жителей ближайших районов предупредили об опасности, но в народе прошел слух, что Аббатства специально сдерживают поселенцев и

пытаются воспрепятствовать захвату земель в дальних лесах. Однако ни у кого не появилось даже мысли, что Аббатства сами причастны к исчезновениям людей. Эти слухи были нелепы: Аббатства имели мало секретов и никогда не накладывали запретов на повседневную жизнь населения.

Совет Аббатств повторил предостережение, призывая к осторожности при освоении новых территорий. Это, однако, не погасило стремления смельчаков к опасным скитаниям. Совет пытался строить новые Аббатства в осваиваемых районах, создавая форпосты цивилизации и знания, вокруг которых могли бы сплотиться поселенцы. Однако, хотя в мире хватало людей, очень немногие из них могли стать хорошими священниками и солдатами. Для этого нужно было время.

Размышляя, Иеро покачивался в высоком седле. Специальная мнемоническая тренировка помогала ему интуитивно запоминать и систематизировать для будущего отчета все, что он видел. Устремленные в небо сосны, большие белоствольные осины, масличные пальмы, огромная куропатка, мелькнувшая среди деревьев,— все было интересно священникам-регистраторам Аббатства. Еще в ранней юности будущий священник хорошо усваивал, что только знание служит единственным реальным оружием против жестокого и ненадежного мира.

Лорс и его всадник находились сейчас на расстоянии восьми дней пути от самого восточного Аббатства Республики Метс. Эта южная дорога, один из основных торговых трактов, связывающих Метс с Отвой, была мало известна. Иеро выбрал ее после длительных размышлений, потому что собирался двигаться на юго-восток, а также потому, что путешествие по ней могло дать новые данные для исследовательских центров Аббатств.

Мысли священника обратились к его миссии. Он был лишь одним из шести добровольцев, посланных Аббатствами, и не питал иллюзий относительно полученного

задания; поручение было опасным. Мир населяли жестокие звери и еще более жестокие люди, которые не признавали никаких законов и заключили союз с темными силами и лемутами. А сами лемуты, что они такое? За свою жизнь он дважды сражался с ними; последний раз — два года назад.

Свора из пятидесяти отвратительных существ, похожих на обезьян, верхом на неоседланных полосатых собаках гигантских размеров атаковала караван на Великой восточной дороге, охраной которого он командовал. Несмотря на всю бдительность, несмотря на то, что под его командой была сотня опытных солдат и целая армия торговцев, также хороших бойцов, нападение удалось отбить с большим трудом. Двадцать погибших людей, несколько исчезнувших повозок и ни одного пленника, ни живого, ни мертвого — вряд ли это можно было считать хорошим результатом. Если лемут падал сраженным, одно из пятнистых собакоподобных созданий хватало его и уносило прочь.

Иеро изучал лемутов несколько лет и знал о них довольно много — не меньше, чем специалист, имеющий высший ранг Аббатства. Он знал о них достаточно, чтобы понимать, сколь многого еще не знает, и что в этом огромном мире существуют вещи, о которых он не имеет ни малейшего понятия.

Мысль о том, что необходимо изучить как дальнейший путь, так и ближайшее будущее, заставила Иеро остановить лорса. Использование сил разума для дальновидения и прекогностики — с помощью лукинаги или без нее — было весьма опасным занятием. Слуги Нечистого тоже обладали телепатической мощью и могли воспринимать человеческие мысли. Не стоило спрашивать, что произойдет, если свора таких же монстров, как те, что атаковали караван, наткнется на одинокого человека на пустынной дороге.

Однако, если существовала какая-либо опасность, дальновидение иногда помогало избежать ее, надо только не впадать в крайности. В школе Аббатств

учили: «Ваш ум, ваши знания и ваши чувства — наилучшие помощники. Телепатический поиск, дальновидение и предсказание будущего не заменят их. И если слишком часто прибегать к этим средствам, они могут стать очень опасными». Это ясно. Но Иеро Дистин вовсе не был беспомощным; он ветеран, опытный священник-воин, и все подобные соображения давно уже перешли у него из области разума в область безошибочно действующих инстинктов.

Он направил своего лорса на север, в сторону от дороги, услышав близкое сопение стада баферов. «Они двигаются быстро,— подумал он и удивился,— почему бы?»

На маленькой солнечной прогалине в сотню ярдов длиной Иеро натянул поводья, спешился и приказал Клуцу стоять тихо и наблюдать. Большой лорс знал эту процедуру не хуже человека; подняв голову, он тряхнул все еще мягкими рогами. Из левой седельной сумки Иеро достал деревянные знаки Сорока Символов, кристалл и ритуальную накидку. Набросив ее на плечи, он уселся, скрестив ноги, на мягкую подстилку из сосновых иголок, и начал пристально всматриваться в кристалл. Через некоторое время Иеро протянул левую руку и положил ладонь на кучку крохотных деревянных фигурок, одновременно начертив правой рукой знак креста перед собой.

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа,— произнес он.— Я, священник Божий, прошу показать мой дальнейший путь. Я, смиренный служитель человеческий, прошу помощи в моем странствовании. Я, существо земное, прошу дать предзнаменование.

Он сосредоточился, вглядываясь в кристалл и направив свои мысли на дорогу, на ее юго-восточную часть — ближайшую цель своего путешествия.

Ясная глубина кристалла затуманилась, наполнилась плывущей призрачной дымкой. Тысячи лет назад антропологи двадцатого века отказывались верить собственным глазам, когда видели двух австралийских

аборигенов, пристально вглядывающихся в водяные лужи и обменивающихся мыслями на расстоянии сотен миль. Сейчас человек семьдесят пятого века готовился разглядеть то, что ждало его впереди в опасном странствии.

Дымка рассеялась, и Иеро почувствовал, что погружается в кристалл, как бы становясь его частью. Он отогнал это привычное ощущение, и ясно почувствовал, что парит в воздухе на высоте нескольких сотен футов и смотрит вниз на стадо баферов и на дорогу. В какой-то части его сознания промелькнула мысль, что на этот раз он использует глаза птицы, почти наверняка — ястреба. Пока возникшее перед ним изображение местности качалось взад и вперед по широкой дуге, он запоминал все увиденное. Тут было озеро, южнее — река у большого болота. Мили три дорога тянулась через какие-то нагромождения и каменные завалы. Священник увидел их на краткое мгновение и не мог понять, что это такое (птица не сознавала зачем ее используют), но отметил, что здесь надо быть осторожным. Он не держал птицу полностью под своим контролем, это было бы трудно, почти невозможно. Но его сосредоточенность на предстоящем пути как бы притягивала сознание любого существа, которое видело этот путь яснее, чем он, подобно тому, как магнит притягивает железо. Если бы рядом не оказалось птицы, он увидел бы дорогу глазами белки на высоком дереве или даже глазами бафера, если бы не нашлось ничего более подходящего. Лучшие «глаза» — ястребы и орлы, а так как здесь их водилось в избытке, шанс попасть в цель был достаточно велик. Их глаза не походили на человеческие, но, по крайней мере, обеспечивали бинокулярное зрение. Впрочем, имевшиеся различия не вызывали затруднений у человека с опытом Иеро; при необходимости он мог воспользоваться глазами любого создания в лесу, в поле или в небесах.

Он заметил, что баферы двигаются быстро. На паническое бегство это не походило, но животных явно что-то встревожило. Волки, которых он видел раньше, не могли быть источником серьезной опасности для стада. Иеро привычным усилием воли вышел из транса и взглянул на свою левую руку.

В его кулаке были зажаты две крохотные фигурки, два из сорока деревянных знаков священника-заклинателя. Он раскрыл ладонь и увидел в ней другую миниатюрную ладонь — Руку, вырезанную из дерева. Этот символ означал «друг». Иеро бросил его в кучку остальных символов и посмотрел на второй знак — маленький деревянный Рыболовный Крючок. Он медленно уронил его на кучку фигурок, затем сложил их в кожаный мешочек, в котором они хранились. Его опыт предсказателя-прекогноста обнаружил странную комбинацию, над которой нужно было подумать. Рыболовный Крючок имел несколько значений. Одно из них — «скрытая опасность», другое — «скрытое значение чего-либо». В сочетании с каким-нибудь другим символом Крючок означал тайну, загадку; с раскрытой Рукой, например, он мог толковаться как «загадочный друг». Возможно и другое значение: «остерегайся, кажущийся другом сделает тебе зло». Все это не имело ничего общего ни с рыбой, ни с рыболовством.

С использованием только Сорока Символов смысл предсказания часто оставался неясным. Но, как говорили каждому начинающему прекогносту, если эта процедура спасала вашу жизнь или чью-то жизнь вообще, она была, очевидно, стоящей, не так ли? И любой человек, мужчина или женщина, обладавший нужными способностями, мог многое сделать с этими деревянными фигурками. Иеро оценивал свои собственные таланты в данной области как средние; они не шли ни в какое сравнение с его умением использовать глаза животных для наблюдения. Но символы не раз помогали ему раньше, и священник чувствовал себя уверенней, когда пользовался ими.

Когда он упаковал седельную сумку, лорс, все еще стоявший на страже, неожиданно фыркнул. Иеро стремительно обернулся, его тяжелый клинок, казалось, сам вылетел из-за пояса и, стиснутый в сильной руке, замер в оборонительной позиции. Только тогда священник поднял глаза и увидел небольшого медведя.

Медведи тоже изменились за прошедшие тысячелетия, как и большинство животных. Это был черный медведь, и зоолог двадцатого века на первый взгляд не нашел бы никаких заметных перемен в его облике, кроме более выпуклого лба. Однако, хотя внешне зверь почти не изменился, в его глазах явственно различались проблески разума. Медведей и раньше никто не назвал бы тупицами; теперь же они, несомненно, поднялись над уровнем мышления животного. Этот медведь, как заметил Иеро, подошел один; рядом никого не было.

Медведь качнул головой и поднялся на задние лапы; передние висели перед грудью. «Он весит фунтов сто пятьдесят,— прикинул священник,— и выглядит подростком. Возможно, это взрослый зверь, какая-нибудь новая разновидность». Иеро мысленно настроился на животное, осторожно зондируя его мозг. Мысли, которые он принял в ответ, были поразительны:

— *Друг — человек друг — пища (просьба). Друг — помогать — опасность (чувство жары). Друг — медведь (имеет в виду себя) — помогать — опасность.*

Восприятие было на удивление четким и ясным. Иеро доводилось и раньше мысленно общаться с дикими существами, что всегда требовало большого напряжения, но это существо обладало такой же ментальной мощью, как и тренированный человек. Сколь много удивительного в мире Божьем!

Путник опустил свой короткий меч, и медведь присел на задние лапы. Иеро дал мысленный приказ Клуцу стоять на страже, отметив про себя, что большой лорс, кажется, считает медведя безопасным.

Подойдя к сумке, он достал пластину сухого пеммикана. Пища древних путешественников в север-

ных странах — жир, кленовый сахар и сушеные ягоды, все смешанное и спрессованное,— сохранила свое название с древних времен. Отломив кусок и протягивая его медведю, священник послал мысль:

— *Кто — что ты? Что — кто несет опасность?*

Медведь очень человеческим жестом зажал пеммикан в передних лапах и расправился с ним в один присест. Его мысли потеряли четкость на какое-то время, затем снова стали ясными.

— *Пища — (хорошо / удовлетворение) — больше? Плохие существа идут — охотники — охотники люди, звери — охотники на этого человека — недалеко позади теперь — недалеко впереди — смерть вокруг — медведь помогать человеку?*

Затем последовала неясная мысль, из которой путник понял, что медведь пытается сообщить ему свое имя. Оно было непроизносимым; созвучие «Горм» казалось наиболее близким. Иеро продолжал отчетливо воспринимать его мысли. Горм, молодой медведь, только трех лет от роду, сравнительно недавно пришел в эту местность, двигаясь с востока. Опасность, о которой он сообщал, была вполне реальной и кольцом охватывала место их встречи.

В коротком проблеске мысли своего странного собеседника Иеро уловил ощущение холодной вражды, исходящей от чего-то раздувающегося и мягкого, спрятанного в тайном месте и обвивающего паутиной ужаса весь лес. Медведь показал ему этот образ еще раз, более подробно, и теперь священник понял грозившую ему опасность. Лемуты, Нечистый! Ничто другое не могло вызвать подобного ужаса и отвращения у нормального человека или животного. Позади него Клуц фыркал и бил о землю копытами.

Иеро заканчивал паковать сумку, повернувшись спиной к Горму. Он был уже уверен, что это существо, почти детеныш, ему не опасно и что медведь сам напуган и нуждается в помощи. Люди редко охотились

на медведей, и старая вражда поселенцев-пионеров к этим зверям давно угасла.

Вскочив в высокое седло, человек послал ментальный вопрос сидевшему на земле животному:

— *Где?*

— *Следовать — безопасно — опасность первым — медленно — следовать*,— пришел ответ, и Горм, встав на все четыре лапы, направился вперед.

Клуц без понуканий побежал за ним следом на расстоянии примерно пятидесяти футов. То, что его скакун охотно двинулся за медведем, показалось метсу хорошим признаком. Лорсы были не только быстры и сильны, но и сообразительны, их телепатические способности ценились не меньше физических качеств.

Они двигались на юг, по пути, который Клуц уже проходил недавно, и скоро пересекли дорогу. Тут медведь выкинул такое, что Иеро широко раскрыл глаза от изумления. Подав ему сигнал остановиться, Горм опять перебежал пыльную тропу и затем переполз обратно, цепляясь за землю передними лапами. Его толстый живот полностью стер отпечатки широких копыт Клуца! Только следы стада баферов виднелись теперь на дороге.

— *Следовать (Горм) — идти твердая земля (тихо) — не оставлять следов*,— пришла к священнику мысль медведя, и затем опять: — *Не говорить — следовать (за мной) только — другие услышат — говорить — опасно.*

Иеро кивнул головой. Медведь действительно был умным, очень умным. Наверное, здесь или где-то поблизости находится логово лемутов. Если пользоваться мысленной речью, можно навести врагов на свой след. Вспомнив вспышку ненависти и страха в сознании Горма, когда тот показывал этих тварей, метс содрогнулся и направил своего скакуна вслед за медведем.

Горм двигался вперед со скоростью, которая была прогулочной для большого лорса. Воин-священник внимательно оглядывал окружающий лес. Ему, ветерану,

не один год изучавшему Тайг, не составило труда заметить, что они двигаются по твердой почве и что лес вокруг неестественно тих.

Великий зеленый океан Канды был полон жизни, царившей на деревьях, на земле и в воздухе. Здесь лес молчал. Белки не скакали по ветвям рядом с путниками, птиц было мало, следов крупных животных, таких как олени, не попадалось. В неподвижном знойном воздухе летнего дня их собственные, почти бесшумные движения, громом отдавались в ушах священника. Что-то угнетало его разум; он ощущал какое-то давление извне, словно атмосфера приобрела вдруг плотность каменной скалы.

Иеро перекрестился. Странная тишина вокруг и испытываемое им томление не были естественными; они могли возникнуть только под влиянием сил тьмы, Нечистого и их приспешников.

Внезапно Горм остановился. Хотя никакого сигнала он не подал, огромный лорс отреагировал мгновенно: тоже остановился и лег на землю около большой кучи листьев. Клуц весил около тонны, но сумел опуститься на колени с грацией танцора и совершенно бесшумно. В десяти футах от морды лорса прижался к земле медведь; его маленькие глазки были устремлены в чащу. Иеро, распластавшись на спине лорса, тоже пытался разглядеть, что встревожило их проводника.

Все трое смотрели вниз, на широкую мелкую лощину, поросшую редкой ольхой и кустарником. Пока они наблюдали за этой впадиной, из леса по другую ее сторону и справа от них внезапно появилась дюжина странных созданий.

Иеро знал много видов лемутов: людей-крыс, Волосатых Ревунов, вербэров (медведей-оборотней, которые не были настоящими медведями) и несколько других пород. Но эти были какой-то новой формой; подобно всем лемутам, выглядели они неприятно. Невысокие, примерно четырех футов роста, с очень широкими коренастыми туловищами, опиравшимися на полусо-

гнутые задние лапы. Эти создания, покрытые длинной маслянистой шерстью желтовато-коричневого оттенка, двигались, непрерывно приседая и подпрыгивая; такой забавной походкой они перемещались довольно быстро; их лохматые хвосты волочились сзади по земле. На остроконечных вытянутых мордах словно бусины, посверкивали маленькие глазки, которые казались хитрыми и злыми.

Даже опытным специалистам Аббатств было бы нелегко проследить их генетическое происхождение после Смерти от дикой россомахи, и священник просто отметил их как новую опасную разновидность лемутов. Они имели руки, и их круглые головы и блестящие глаза указывали на наличие интеллекта. Существа не носили одежды, но каждое держало дубинку с длинной рукоятью, усаженную осколками обсидиана. Волна злобы неслась перед ними подобно облаку пара. Через каждые несколько футов идущий впереди лемут, по-видимому, предводитель, останавливался и нюхал воздух, а затем землю, в то время как остальные настороженно оглядывались по сторонам.

Троица на краю лощины замерла, стараясь не дышать. Мохнатые Прыгуны, как их назвал Иеро, находились примерно в двухстах ярдах; если, двигаясь по прямой, они пересекут лощину и поднимутся на другую ее сторону, схватка неминуема. Однако, когда цепочка прыгающих фигур достигла центра впадины, лемуты остановились. Иеро напрягся, его рука инстинктивно легла на рукоятку меча. Внезапно из леса показалась другая фигура; Мохнатые Прыгуны тоже заметили ее.

Это был высокий человек, закутанный в длинный серый плащ, который полностью скрывал его тело. Отброшенный назад капюшон плаща позволял разглядеть гладкий безволосый череп. Его бледная кожа казалась мертвенно-белой; цвет глаз на таком расстоянии различить было невозможно. Справа на плаще блестел знак в виде спирали; хотя его тоже было трудно

рассмотреть, Иеро показалось, что этот символ состоял из переплетения линий и колец. Человек как будто не имел никакого оружия, но телепатическая сила, смешанная с ледяной угрозой, исходила от него, как холод от огромного айсберга.

Случай был исключительным, и священник прекрасно понимал это. Нечистый, как гласила молва, имел верных слуг среди рода человеческого, расу людей, объединенных способностью к злому волшебству. Иногда этих колдунов видели мельком; они руководили нападениями на караваны Аббатств и на поселенцев, но сведения о них были смутными и противоречивыми.

Два раза в Республике погибали люди, которые пытались проникнуть в тайные помещения архива, охраняемого стражей Центрального Аббатства в Саске. В обоих случаях тела убитых почти мгновенно растаяли, не оставив для изучения ничего, кроме кучки пыли и обычной одежды, которую можно было приобрести где угодно в Канде. Но каждый раз стража и священники Аббатства мысленно ощущали тревогу, и в каждом случае убитый успевал проникнуть далеко, а охраняющие помещения солдаты потом утверждали, что никого не видели.

Тот, кто стоял перед ними, мог быть только одним из этих наделенных мистической силой адептов, которыми, как полагали, правит сам Нечистый. Ни один нормальный человек, даже стоявший вне закона, не стал бы заключать союз с мерзкой сворой лемутов; этот же явно чувствовал себя господином. Он направился прямо к мохнатым тварям, и лемуты с заметным страхом отшатнулись, сохраняя почтительную дистанцию.

Лишь главарь Мохнатых, низко согнувшись, подскочил к человеку в плаще; остальные беспокойно бродили вокруг, скуля и подвывая. Иеро видел, как двигаются губы человека, потом желтые клыки предводителя сверкнули в ответ. Они действительно говорили друг с другом, не используя мысленной связи!

Хотя священник продолжал испытывать чувство гадливости к мерзким тварям, такое достижение невольно восхитило его.

Встреча заканчивалась. Казалось, человек в плаще отпустил мохнатых чудовищ и, повернувшись, пошел на юго-восток к дальнему краю лощины. Мохнатые Прыгуны окружили своего вожака, который что-то им прорычал. Они снова построились в колонну и двинулись на запад.

Когда человек в сером плаще скрылся из виду, а стая лемутов исчезла в другом направлении, три путника на краю лощины немного пришли в себя. Но ни один не использовал мысленную речь — они просто сидели и ждали.

Прошло, должно быть, добрых полчаса. Наконец Горм по-медвежьи неуклюже встал и потянулся. Он посмотрел на Клуца и его всадника, не подавая никакого сигнала, но по взгляду медведя все было ясно. Большой лорс медленно поднялся с земли, столь же бесшумно, как и лег. Сидевший на его спине человек окинул взглядом замерший в тревожном молчании лес.

Вечернее солнце светило сквозь частокол сосновых стволов и зарослей ольхи, на земле ярко зеленели пятна мха и лишайников, кора сосен окрасилась в красновато-коричневые и золотистые тона. «Как прекрасен мир,— подумал священник,— и сколь полон он зла!»

Но Горм напомнил о деле, начав спускаться в лощину. Клуц следовал за ним; большими копытами лорс производил не больше шума, чем крадущаяся в траве мышь.

Иеро с тревогой заметил, что молодой медведь двинулся к дальней стороне лощины, в том же направлении, в котором исчезла зловещая фигура в плаще. Это показалось метсу опасным; сейчас он не хотел бы неожиданно наткнуться на человека, обладающего подобной телепатической силой. В конце концов,

та миссия, ради которой его отправили на далекий Восток, была важнее всего. Он не рискнул послать Горму ментальный сигнал и подумал, что придется остановить медведя более осязаемым способом.

— Ш-ш-ш-ш... — тихо прошипел священник, свесившись с седла.

Горм повернулся и увидел, что человек жестом приказывает остановиться. Медведь присел на клочке земли, устланном листьями; Клуц подошел к нему.

Иеро глядел на зверя сверху, размышляя над тем, как объяснить свои опасения. Он поддерживал непроницаемый ментальный барьер и был уверен, что даже крохотная щель в нем приведет сюда всю шайку дьяволов, как по компасной стрелке. Но Горм избавил его от хлопот. Проницательно взглянув на священника, медведь разгреб в стороны листья передними лапами. На ровной земле своим длинным когтем он начертил линию, завершив ее стрелкой. Иеро вновь поразился: только человек мог сделать такое! Стрела указывала направление, по которому они следовали. По обе стороны стрелы и позади нее Горм тщательно изобразил несколько маленьких кружков или спиралей. Изумленный священник узнал таинственный символ, который он видел на плаще врага. Смысл рисунка был ясен. Опасность лежала позади них и по сторонам; необходимо двигаться за лысым человеком, в этом случае угроза значительно меньше. Медведь снова посмотрел на всадника, и Иеро кивнул головой. Горм засыпал листьями свою искусную работу и не спеша двинулся вперед. Человек поехал следом.

Покачиваясь в седле, он вернулся к своим размышлениям. Каким образом существа окружающего мира обретают разум? Народ Плотины мыслил столь же логично, как и люди, хотя во многом их взгляды на жизнь не совпадали с человеческими. Большинство лемутов не уступали людям в уме, хотя и были враждебными и опасными для любой нормальной формы жизни. Этот вопрос станет сложной проблемой для

теологов Аббатств, решил Иеро. Они продолжают спорить, есть ли душа у представителей Народа Плотины, а тут еще этот медведь... Еще одна раса разумных существ, о которой ни слова не сказано в Священном Писании... Это, пожалуй, будет трудно объяснить...

Солнечный свет угасал, под покровом огромных деревьев наступила почти полная темнота. Но Клуц видел в сумерках не хуже кошки, и медведь, по-видимому, тоже. Иеро чувствовал, что может положиться на своих спутников. Он тоже неплохо видел при тусклом вечернем освещении; с детства привычный к темному лесу, усиливший свои способности длительной тренировкой, он не боялся мрака. Священник совсем не устал и не собирался останавливаться, желая поскорей убраться прочь из этого молчаливого леса, из зоны ментального гнета, который до сих пор ощущал каждым нервом, каждой клеточкой мозга.

Милю или две маленький отряд двигался по чистому сосновому бору без подлеска. Длинные хвойные иглы слегка похрустывали под копытами лорса и лапами медведя. Солнечный свет умирал, последние лучи скользили по стволам сосен.

Вдруг без предупреждения Горм пошел быстрее. В один миг он оторвался футов на двадцать, и в следующую секунду исчез в чаще. Клуц, наоборот, замедлил шаг. Его большие уши встали торчком, ноздри раздувались, как будто он почувствовал какой-то необычный для этого места запах. Иеро положил руку на гладкий приклад метателя и некоторое время внимательно смотрел вперед. «Предательство? — бешено мчались его мысли.— Медведь — друг? Или он тот самый изменник, о котором предупреждал знак Крючка? Какое из двух толкований верно?» Вытащенный из чехла метатель уже лежал на передней луке седла, когда лесное молчание прервали звуки человеческого голоса.

Сильный и глубокий, принадлежащий, видимо, опытному оратору, голос зазвенел под низко нависшими ветвями слева от них. Говоривший знал язык метсов.

— Безобразный зверь и еще более безобразный всадник. Так вот кто идет по следам С'нерга! Это и есть добыча, которую мы искали весь день?

Один из солнечных лучей упал на гладкий валун в двадцати футах слева от лорса. На нем, скрестив руки на груди, с мерзкой улыбкой на лице стоял закутанный в плащ человек; его холодные глаза изучали Иеро.

— Священник, я вижу, и довольно высокого ранга в вашей дурацкой иерархии,— сказал человек в плаще, которого, очевидно, звали С'нерг.— Мы редко видим священников в этих местах, где к ним питают большую неприязнь. Когда я набью из тебя чучело, мой маленький друг, мы станем любоваться на них чаще!

Слушая бледнокожего, Иеро медленно сжимал пальцы на стволе метателя, лежавшего на луке седла по другую сторону от врага. Он не строил иллюзий относительно собственной безопасности, несмотря на то, что С'нерг, казалось, не был вооружен. По мощности ментального излучения, генерируемого мозгом этого человека, метс уже понимал, что встретился с адептом Зла, обладающим такой телепатической силой, которая, возможно, равна способностям члена Совета или даже самого Верховного Аббата. Физическое оружие против подобного существа было практически бесполезным.

Опустив руки, С'нерг сошел с валуна и шагнул к Иеро. Священник мгновенно повернул метатель в его сторону и попытался открыть огонь, однако не смог даже шевельнуть пальцем, лежавшим на спусковом крючке. Внезапно тело метса оказалось скованным, словно в столбняке; несмотря на нечеловеческие усилия, он полностью потерял способность двигаться и в ужасе взглянул вниз, на С'нерга, который спокойно стоял рядом с лорсом и безмятежно разглядывал животное и всадника.

Невероятная власть мозга этого человека держала Иеро в жестких тисках. И не только Иеро. Священник смутно ощущал, что огромный лорс пытается разорвать такое же оцепенение, но ему это не удается, как и хозяину. Испарина выступила на лбу Иеро; он использовал все приемы, которым был обучен, чтобы освободить свою волю от смертельных ментальных объятий колдуна. Пристально посмотрев в лицо С'нерга, он содрогнулся. Казалось, глаза колдуна не имели зрачков, они были подобны провалам серой пустоты, безразлично созерцавшим перед собой такую же пустоту.

Несмотря на все попытки сопротивления, метс чувствовал, что им овладевает желание спешиться. Каким-то образом он понимал, что, если сделать это, контроль над его волей усилится; прямое соприкосновение с огромным телом Клуца хотя бы в малой степени ограничивало власть С'нерга. Очевидно, подумал священник, физическая жизнеспособность и психическое поле лорса как-то поддерживают его слабеющие силы.

Глядя вниз, в ужасные тусклые глаза, он заметил, что, несмотря на улыбку на жестоком лице колдуна, его лоб тоже покрылся бисеринками пота. Напряжение мысленного поединка сказывалось и на нем. Но Иеро не мог больше сопротивляться. Он закачался в седле. «Во имя Отца, Сына и...» — задыхаясь, прошептал он, борясь из последних сил. Адепт Нечистого холодно усмехнулся.

И тут из леса выскочил Горм. Он выпрыгнул из мрака чащи, словно призрак, и стремительно бросился на помощь. Даже у маленького медведя челюсти обладают огромной силой, и сейчас они с лязгом сомкнулись на самой чувствительной части тела колдуна. Тот пронзительно вскрикнул от боли и испуга, пошатнулся и упал. Сжимавшие Иеро мысленные тиски мгновенно исчезли, силы вернулась к нему, как и прочие способности. Клуц еще вздрагивал от напряжения, когда его всадник уже спрыгнул с седла. На

земле, спутанные в клубок, корчились человек и медведь. Священник выбрал удобный момент и, когда С'нерг попробовал подняться, длинный кинжал перечертил белое горло. Фонтан темной крови ударил в искаженное болью и злобой лицо, затем закутанная в плащ фигура замерла.

— *Торопись*,— пришла мысль медведя.— *Сделали — много — шум. Теперь идти — быстро (бежать, скакать).*

— *Ждать*,— передал Иеро своему спутнику.

Он осматривал тело колдуна. Рядом с трупом валялись странный тяжелый стержень из голубоватого металла длиной около фута, нож, похожий на запятнанный кровью клинок метса, и свиток пергамента. Под плащом мертвый адепт носил костюм из серой ткани, показавшейся Иеро на ощупь странно скользкой. В маленьком мешочке на поясе лежал круглый металлический предмет, который на первый взгляд походил на небольшой компас. Это было все. Священник бросил стержень, нож, пергамент и похожий на компас предмет в сумку и вскочил в седло.

— *Теперь едем*,— передал он.— *Здесь сделано все.*

Медведь немедленно пустился вперед легкой рысцой в направлении, которым они шли раньше. Длинными прыжками лорс следовал за ним.

Оглянувшись назад, Иеро уже не увидел в наступившей темноте тела своего врага. «По крайней мере,— подумал он,— этот не рассыпался в пыль, как те, другие. Может быть, они даже не были людьми?»

Несколько миль троица двигалась с большой скоростью, пока не наступила ночь. Рассеянный свет звезд озарил лес, несколько позже на небосводе появилась полная луна. Так как, к радости Иеро, ужасная лощина осталась далеко позади, угнетающее чувство удушья, которое преследовало его последние часы, рассеялось. Это, должно быть, решил он, закончилось действие телепатической силы колдуна, которого они уничтожили.

Священник не забыл вознести краткую благодарственную молитву, принятую среди солдат; он понимал, как близко находился от смерти или, возможно, чего-то еще более страшного, чем физическое уничтожение. Еще секунда-другая, и его разум был бы полностью подчинен чудовищной воле того, кто называл себя С'нергом. Убили бы его на месте или забрали в какое-нибудь тайное логово для пытки и допроса, не стоило сейчас гадать. Рано или поздно слуги Нечистого уничтожили бы и его, и животных, в этом священник не сомневался. Горм поразил Иеро; он понял, каким огромным мужеством обладает молодой медведь. Зверь, которому Господь даровал разум, сумел выждать и неожиданно напасть на врага! Иеро определенно чувствовал уважение к своему новому союзнику.

Наконец медведь замедлил бег, его тяжелое дыхание указывало, что он устал. Клуц тоже сбавил темп, и теперь они двигались со скоростью быстро идущего человека. Темнота наполнилась шорохами и вскриками, но то были нормальные звуки Тайга: далекое утробное хрюканье грокона, гигантской свиньи, визг дикой кошки, болтовня белок высоко на деревьях и резкие вопли ночных сов. В этом шуме не было ничего внушающего тревогу. Что-то большое, бледное, как привидение, неожиданно поднялось с земли, помчалось прочь длинными прыжками и скрылось во тьме. Одинокий огромный заяц был легкой добычей для любого хищника и никогда не чувствовал себя в безопасности.

По прикидке Иеро они прошли не менее пяти миль, двигаясь на юго-восток, когда Горм дал сигнал остановиться. Они находились под большими темными ветвями, и гнилые стволы лежали вокруг на ковре из хвойных иголок. Полная тьма царила под деревьями; даже отблеска слабого света звезд не проникало сюда.

— *Стоять — отдыхать — теперь (безопасно) — здесь,* — пришли мысли медведя.

Путник соскочил на землю и подошел туда, где черный силуэт медведя слабо вырисовывался во тьме. Присев на корточки, он попытался разглядеть глаза своего нового друга.

— *Спасибо — помог (нам) — опасность — плохо,*— послал он сигнал.

Иеро заметил, что с каждым разом ментальный обмен происходит все легче и легче. Он теперь мог говорить с животным почти так же легко, как с Маларо — своим товарищем по комнате в школе Аббатства, с которым был связан мысленно сильнее, чем с кем-либо другим в мире. Обмен мыслями с медведем происходил примерно на таком же интеллектуальном уровне и резко отличался от телепатического контакта с большим лорсом. Ответы Клуца были очень простыми и не содержали абстрактных понятий.

Медведь отозвался. Священник почувствовал, как длинный шершавый язык Горма коснулся его носа и щек и понял, что это были приветствие и ласка. Он ощутил также волну доброжелательности или какой-то эмоции, родственной ей, полной скрытого юмора. Горм развлекался.

— *(Почти) убил нас — плохими мыслями. (Я) увидел их (почувствовал их) — пошел вперед — (он) взял (поймал) меня — сделал меня неподвижным (неживым). Затем снова — стал живым — пришел — укусил — остановил (прекратил) — дурные мысли. Хорошо (удачно)?* — Медведь сделал паузу.

— *Почему, зачем ты помог мне?* — спросил Иеро.— *Чего ты хочешь?*

Последовала долгая пауза. За спиной человек слышал легкое пофыркивание Клуца; очевидно, лорс разыскивал в еловой хвое свое любимое лакомство — грибы. Наконец молодой медведь ответил. Его мысли были ясными, но отрывистыми, словно он представлял, что хочет сказать, но не знал как.

— *Идти с тобой — видеть новые вещи — новые земли — видеть, что ты видишь, узнать, что ты узнаешь.*

Иеро в замешательстве откинулся назад. Мог ли Горм получить представление о его миссии? Откуда? Это казалось невозможным. Он сам не говорил этого никому; его путешествие было тайным.

— *Ты знаешь, что я ищу, куда иду?* — резко спросил он.

— *Нет*,— пришел отклик.— *Но ты расскажешь. Расскажешь сейчас. Возможно, потом не будет времени.*

Священник размышлял. Он дал клятву ничего не говорить о своей миссии. Но эта клятва не была абсолютной, потому что давалась не на Священном Писании. Клятва означала, скорее, общую секретность его задачи; но он мог исходя из собственного здравого смысла искать себе любых помощников. Он принял решение и больше не колебался.

Две фигуры лежали голова к голове в полном молчании. Большой лорс наблюдал за лесом, его нос и уши просеивали ночной воздух, выбирая новости, близкие и далекие. А в это время те, кого он охранял, беседовали, и каждый из них узнал много нового под темным пологом из еловых ветвей.

ГЛАВА 2

В начале

— Мы проигрываем, Иеро, мы проигрываем... Медленно, но неизбежно.— Отец Демеро, облаченный в коричневую рясу, безостановочно шагал от стены к стене классной комнаты; тонкие руки сложены за спиной, белая борода спадает на грудь.— Одной веры недостаточно, по крайней мере, для такого дела. В последние годы мы снова и снова сталкиваемся с проявлением враждебной воли человека или группы людей, замышляющих зло. Человекоподобные существа, уничтоженные при попытке проникнуть сюда, в Центральное Аббатство, это только малая часть проблемы. У нас есть много фактов; Совет принял мудрое решение не доводить их до сведения народа.— Старик остановился, и тонкие суровые черты лица смягчились усмешкой.— Ни один из нас не имеет права рассказывать об этом даже своим женам.— Через мгновение он снова стал серьезным и, выбрав кусок мела в ящике, шагнул к классной доске.

Его преподобие Кулас Демеро начинал свою карьеру в Аббатстве наставником молодежи и до сих пор сохранил старые привычки.

— Смотри,— сказал он и начал писать.— Наш большой караван два года назад наткнулся на засаду у северного берега Внутреннего моря, на главной дороге, ведущей из Отвы. Захвачено десять фургонов, груженых старинными лабораторными инструментами; все это найдено потом разбитым и переломанным. Эти инструменты разведчики нашли в почти неповрежденном городе периода, предшествовавшего Смерти, что лежит на берегу Восточного океана. Мы думаем, их использовали для производства оружия, о котором сейчас

ничего не известно. Обозначим этот случай номером один.

Мел заскрипел по черной поверхности доски. Аббат продолжал, оглядываясь иногда на Иеро, сидевшего за длинным школьным столом.

— Второе. Мы послали большой отряд солдат и поселенцев под командой помощника аббата и двенадцати священников для строительства обители у Гудзонова залива, где недавно основаны рыбные промыслы. Так как отряд направлялся на крайний север, в холодные места, он был отлично укомплектован и снабжен запасами на шесть месяцев. Ты слышал об этом, я полагаю, поход был крупным событием. Несмотря на все предосторожности, непрерывную мысленную связь отряда с центрами контакта здесь и в других Аббатствах, тысяча сто молодых, полных сил мужчин и женщин исчезли. Предостережением для нас послужил только внезапно оборвавшийся поток связи. Команда киллменов нашла двумя неделями позже место исчезновения отряда и брошенные припасы, частично ставшие добычей диких животных. Там обнаружили и смутные следы Нечистого, но ничего вещественного, что можно было бы подержать в руках. Одиннадцать сотен лучших людей! Это ужасный удар. Итак, как я говорил, обозначим этот случай номером два.— Лицо аббата помрачнело, он сделал паузу и взглянул на молодого священника.— Ты хочешь что-нибудь спросить?

— Нет, отец мой,— спокойно ответил Иеро.

Тот, кто не был знаком с этим человеком, счел бы его флегматиком, но старый аббат наблюдал за ним с юности и знал его лучше. Он кивнул головой и снова повернулся к доске.

— Отряд пропал около полутора лет назад. Следующий случай, который я обозначу номером третьим, произошел с кораблем. Только несколько членов Совета знают об этом, так что, полагаю, ты ничего не слышал. Спустя два месяца после потери отряда колонистов, которые могли бы основать Аббатство Сан-Джоан,—

тень страдания снова промелькнула на лице старика,— на севере Ванка, как передали нам надежные люди с Западного Побережья, появился большой корабль. Эта область называется Беллас; океан там полон скал, лесистых островов и крайне опасен для плавания. Люди, которые сообщили об этом, не метсы; их раса более древняя...

— Это чистокровные иннейцы,— подтвердил Иеро.— Их осталось немного, они бродят там и тут, живут маленькими охотничьими группами и не желают объединяться ни с кем. Некоторые из них хорошие люди, некоторые знаются с Нечистым и могут быть опасны. Давайте прекратим детский лепет, отец. Вы же знаете, я не юноша первого года обучения!

Несколько секунд старый аббат сконфуженно смотрел на своего бывшего ученика, потом рассмеялся:

— Извини, но я так привык беседовать в подобной манере с моими коллегами в Совете, что это стало привычкой. Итак, на чем мы остановились? Да, на корабле.

Этот корабль, большое, странно выглядевшее судно, много больше, чем любой наш рыболовный баркас, потерпел крушение на одном из внешних островов Белласа. И на его борту находились люди, вероятно, с другой стороны Западного океана! Погода была плохой, и корабль разбился на скалах. Наши иннейские друзья пытались помочь людям с корабля, желтокожим и узкоглазым. Как записано в старых хрониках, такими и должны быть люди с Западного Побережья Великого океана. Несколько лодок с лучшими гребцами попытались достичь острова, но в такую погоду это оказалось невозможно. Как только мы получили сообщение о корабле, из ближайшего Аббатства Святого Марта отправили на запад кавалерийский отряд. В той части страны хорошие дороги.

Когда наши люди прибыли на место, там уже ничего не осталось. Потерпевшие аварию исчезли, как и все следы их пребывания. В этом месте на побережье

находились три маленьких иннейских лагеря; они исчезли тоже, но тут сохранились кое-какие следы. Около одной из стоянок нашли в лесу старика, или же он сам вышел к нашим солдатам. Этот старый калека сидел в шалаше, где у иннейцев устроено что-то вроде парной бани, и его не заметили во время нападения на лагерь. Орда лемутов — как я полагаю, Волосатых Ревунов,— появилась из воды. Они ехали верхом на огромных животных, похожих на больших тюленей. Наши люди видели потом таких вокруг побережья. Они снесли до основания три иннейских лагеря, убили всех, кто мог двигаться, и швырнули мертвые тела в море; туда же бросили имущество и запасы иннейцев. Старик не знал, что случилось с кораблем. О нем он только слышал от других членов племени, но сам его не видел. Кто знает, какое новое знание о Потерянных Годах мы упустили? Ты начинаешь улавливать нечто общее во всех этих случаях?

— Я полагаю так,— ответил Иеро.— Нас уничтожают физически, но еще более стремятся оградить от знаний, особенно от тех, которые могут представлять опасность для Нечистого и лемутов. По-видимому, их совместные действия организованы, и когда к нам приходит весть о каком-либо новом знании, они стремятся немедленно вырвать его у нас из рук.

— Точно,— сказал аббат.— И я так думаю, да и другие тоже. Но слушай дальше. Год назад двадцать наших лучших молодых ученых, мужчин и женщин, работающих над проблемами мысленного контроля, которые открывают много новых и удивительных возможностей, решили провести встречу. Они прибыли сюда, в город Саск, со всех концов Республики. Несколько членов Совета Аббатств, входящих в наш постоянный научный комитет, встречали молодых ученых и были в курсе работы этого совещания. Как положено, у двери зала, где собрались ученые, стояли два охранника Аббатства. И один из них, наблюдатель-

ный парень, заметил, что как-то утром мимо него прошел двадцать один человек.

Если бы он тотчас поднял тревогу... Но он колебался. Через некоторое время молодой страж все же заглянул в зал и увидел, как двадцать ученых в полном молчании убивают друг друга. Они пустили в ход поясные ножи, обломки мебели и все, что попалось под руки. Охранник пронзительно закричал и разрушил наваждение. Шесть человек оказались мертвыми, а восемь получили тяжелые ранения. Как ты понимаешь, здесь мы столкнулись со случаем сильнейшего ментального воздействия, подчинившего волю этих людей.— Аббат прекратил расхаживать по комнате и сел на скамью напротив Иеро.

— Ученые мало что помнили. У них тоже было смутное чувство, что на встрече присутствует кто-то лишний, но описать его они не могли. Страж тоже не сумел этого сделать. Но для нас ясно, что случилось. Это может произойти и с тобой. Понимаешь?

— Мозг огромной силы, я полагаю,— сказал Иеро.— По-видимому, это был один из легендарных темных адептов Нечистого. Они действительно существуют, или же это сказки?

— Боюсь, что правда,— ответил аббат.— Ты хорошо знаком с сущностью мысленного внушения и понимаешь, что для выполнения этой опаснейшей операции надо, как ты сказал, иметь мозг огромной силы и необходимо внушить окружающим мысль о собственной невидимости. Следовательно, нужно держать их под постоянным контролем. Полностью это сделать не удалось — парень из стражи смог кое-что заметить, хотя бы присутствие лишнего человека. С другой стороны, постоянно внушая идею о своей невидимости, это создание одновременно мысленно усилило мелкие ежедневные трения, несогласия и обиды, пока они не выросли в чудовищное, всепоглощающее стремление к убийству. Но, возможно, ты заметил одну странную деталь в этой истории.

— Молчание,— улыбнулся Иеро.— Да, я обратил на это внимание.

— Отлично, мой мальчик! — воскликнул наставник.— У тебя есть кое-что в голове, Иеро, хоть ты и выглядишь записным лентяем. Да, молчание. Какой мощный мозг! Заставить их, два десятка молодых людей с превосходной ментальной подготовкой убивать друг друга в полном молчании! Шум мог сорвать весь план, и он лишил их дара речи. Я думаю, в Республике найдется не более четырех человек, которые могли бы совершить нечто подобное.

— И вы — один из них, отец мой,— сказал Иеро.— Вы хотите рассказать что-нибудь еще, или мы можем теперь перейти к непосредственной задаче?

— Ты знаешь о тех двух нелюдях, которые чуть не проникли в наши учебные помещения и исследовательские лаборатории в Центральном Аббатстве,— продолжил наставник.— Мы можем присвоить этому случаю номер четвертый. Их сущность — свыше наших сегодняшних знаний. Если они человекоподобные создания, то каким образом их плоть и кости могли превратиться в горстку пыли?.. Нечистый обогнал нас, Иеро.

Есть много других случаев, несомненно, интересных для нас. Небольшая часть наших разведчиков, хорошо подготовленных людей, вроде тебя, исчезла бесследно в дальних районах. Вероятно, они наткнулись на засаду или опасность, с которой не смогли справиться. Наши посланцы с сообщениями огромной важности для Восточного Отвианского Союза также исчезали не раз. И так далее, и тому подобное. Все это говорит только об одном, Иеро,— это паутина, смертельная паутина, которая опутывает нас! — Старик внимательно смотрел на молодого священника.— Но пока я не услышал от тебя, моего лучшего воспитанника, ни одного серьезного вопроса. Иеро, ты не можешь больше оставаться пассивным. Соберись, сейчас нужен весь твой ум. Ты выполняешь работу, которую может сделать любой

странствующий священник-заклинатель, ты бегаешь по лесам и шатаешься в прерии. Но ведь во время обучения в Центральном Аббатстве твои оценки были самыми высокими, а ты даже не очень старался!

Теперь обрати слух ко мне, пер Дистин! Я обращаюсь к твоему разуму от имени нашего Бога и твоих наставников на этой земле и хочу, чтобы ты выслушал меня с подобающим вниманием и серьезностью. Члены Совета, знающие тебя, вынуждены считать, что есть лишь две причины, оправдывающие твою нынешнюю жизнь. Во-первых, мы надеемся, что преодоление опасностей развило в тебе чувство ответственности и отточило твое боевое искусство. Во-вторых, разносторонние способности позволяют тебе достигать успеха во многих видах деятельности. Но время подготовки миновало. Я высказался откровенно. Теперь задавай серьезные вопросы, потому что нам еще многое предстоит обсудить.

Иеро сидел теперь прямо, его черные глаза сердито смотрели на старшего друга и наставника.

— Значит, вот что вы думаете обо мне,— сказал он с обидой.— Некий привилегированный бездельник и неплохой парень, живущий в свое удовольствие! Это не так, отец мой, и вы это знаете!

Аббат Демеро молча смотрел на Иеро. Его взгляд выражал симпатию и добродушную насмешку. Иеро почувствовал, что его гнев остывает. В словах наставника была правда, и как человек справедливый он не мог этого не признать.

— Простите мой гнев, отец,— с трудом проговорил он.— Я полагаю, во мне намешано много не только от священника, но и от солдата. Что я должен сделать для вас?

— Хороший вопрос, Иеро,— кивнул аббат,— но не из тех, которые я сейчас хотел бы от тебя услышать. Об этом мы поговорим позже. Ответь сначала, мой друг, каково твое мнение о том, что я тебе рассказал. Я имею ввиду все: силы, слабости, оценку нашего

положения и, наконец, способы и средства решения проблемы. Давай выслушаем твои собственные идеи по этому поводу.

— Ну,— произнес Иеро медленно,— прежде всего я подумал о том, что число трагедий, о которых вы рассказывали, возросло в последнее время. Возможно предательство по крайней мере одного высокопоставленного лица в Республике. Мне не хотелось бы говорить об этом, но я предпочитаю правду. Что вы думаете о членах Совета?

— Хорошо,— обрадовался аббат,— просто отлично! Ты еще не разучился соображать, бегая по лесам! Да, возможна измена, и нужно быть осторожным, очень осторожным, даже здесь, в этой комнате. Ни мои коллеги в Совете, ни ты сам не имеете представления о том, какие шаги будут предприняты, если мы заподозрим предателя в таком маловероятном месте... Следовательно, я не скажу тебе ничего об этом.

Они обменялись понимающими улыбками. Старый аббат вроде бы и не сказал ничего, но теперь стало ясно, что и Совет не гарантирован от проникновения предателя.

— Я не против конспирации,— заключил молодой священник.— Мы определенно получили от кого-то ряд жестоких ударов, и все эти действия, очевидно, четко скоординированы. Хотя мы беседуем с вами в надежно охраняемом помещении, утечка сведений возможна и отсюда. Поскольку наши мысли сосредоточены на некоторой теме, возникают телепатические волны, которые могут быть восприняты, особенно адептом такой силы, как вы описали. Что вы предприняли, чтобы не допустить такой возможности? — Он скрестил руки на груди и пристально посмотрел на аббата.

— Вот это,— ответил старик.

Пока они беседовали, Иеро не обращал внимания на плоский деревянный ящик, стоявший на дальнем конце стола. Аббат приподнял его крышку и показал забавный механизм — маленький полированный маятник из ма-

териала, похожего на слоновую кость, подвешенный на тонкой деревянной оси. У обоих концов маятника были закреплены на гибких опорах два металлических диска.

— Этот маятник сделан из удивительного вещества, очевидно, в Потерянные Годы. Если сюда проникнет чья-либо мысль, направленная на нас, даже ничтожное воздействие заставит колебаться маятник между этими дисками, и мы услышим звон. Мы проверяли это устройство два года, и пока ошибок не было. С помощью таких приборов нам действительно удалось обнаружить двух шпионов в Центральном Аббатстве. Нужно ли говорить тебе, что только очень немногие знают о нем?

— Понимаю,— медленно произнес Иеро, разглядывая маленький сигнальный прибор.— Это меня успокаивает. Теперь, как я полагаю, вы хотите услышать мои соображения. Очевидно, Совет разработал план, чтобы предохранить нас от этой постоянно нарастающей опасности, и какие-то мои действия в нем предусмотрены. Должно быть, возникла необходимость в человеке опытном и достаточно подготовленном, так как выполнение плана сопряжено с риском. Что меня ждет? Путешествие, разведка в некотором районе, занятом врагами? Я прав?

— Продолжай,— кивнул аббат.

— Хорошо,— Иеро усмехнулся.— Я полагаю, есть сведения о каком-то мощном древнем оружии. Чтобы проникнуть к нему, нужен храбрый человек, способный украдкой миновать занятую врагом область и добиться успеха там, где не может помочь целая армия. Откровенно говоря,— добавил он,— я уже несколько утомился от всей этой таинственности. Скажите ясно, отец мой, чего вы от меня хотите?

— Твои догадки близки к истине, Иеро. Ты и еще несколько хорошо подготовленных парней должны разыскать это самое секретное оружие. Мы хотим, чтобы ты попытался проникнуть в Забытые Города на дальнем

Юге. И мы полагаем, что тебе удастся раскрыть кое-какие тайны прошлого, которые защитят нас от Нечистого, готового сокрушить Канду.

Несмотря на то что он ожидал чего-нибудь подобного, Иеро был заворожен. Он бывал далеко на востоке, в Отве, и во многих районах Севера, но дальний Юг оставался тайной за семью печатями почти для всех. На каждое мутировавшее растение или животное на севере континента приходилась целая дюжина на юге. Там, по слухам, водились монстры, разрушительная мощь которых была равна силе стада лорсов и которые могли проглотить целиком крупного оленя; там стояли деревья, столь огромные, что человеку требовалось несколько минут, чтобы обойти вокруг ствола.

Многие из этих историй породило воображение охотников и лесных бродяг, но многое, как знал Иеро, было правдой. В своих странствиях он достигал южных границ Тайга, где бесчисленные сосны хвойных лесов начинали сменяться огромными лиственными деревьями. Забытая империя, легендарные Соединенные Штаты, лежала там, и каждый ребенок знал, что Смерть ударила в тех краях сильнее, чем где-либо в мире.

Смерть стала причиной чудовищного изменения всей жизни, которое лишь в незначительной степени коснулось более северной Канды. Бесконечные болота, внутренние моря и огромные пространства радиоактивных пустынь простирались на юге; до сих пор там светились неугасимыми голубыми огнями Зоны Смерти. А сами Забытые Города, куда ему предстояло отправиться, были опаснее всего! Детей пугали историями об ужасных, медленно расползающихся древних зданиях, один взгляд на которые приносил гибель. На Севере тоже имелись Забытые Города, но большинство из них было изолировано либо исследовано, о чем знали все. Кроме того, разрушительная мощь Смерти только слегка задела их. Отважные охотники и вольные бродяги, невзирая на запрещение Аббатств, иногда

рисковали проникать на юг, но их было мало, а возвращалось еще меньше.

Все эти сведения промелькнули в голове молодого священника, пока он смотрел в старые мудрые глаза Демеро. Он выпрямился на скамье и обвел взглядом длинную комнату без окон с низко нависшим потолком. Наконец его взгляд снова остановился на лице аббата.

— Вы представляете, что я должен искать там, отец? — спросил Иеро.— Или это должно быть любое устройство, какое мы сумеем использовать для защиты?

— Ну, с этим все в порядке.— Старик кивнул головой.— Мы немного представляем себе, что нам нужно. Конечно, это должно быть оружие. Но уничтожающее оружие породило Смерть, и мы не хотим будить ее снова. Страшная атомная отрава и все ей подобное должно быть похоронено. Иначе Нечистый оживет снова и, говорю тебе, я опасаюсь, что это возможно! Нет, такого мы не хотим. Но существуют и другие виды оружия, вернее, орудий, дающих обладателю огромную силу. Все это трудно объяснить обычными словами. Скажи мне, ты когда-нибудь размышлял над нашими центральными архивами — здесь, в Саске?

— Конечно, отец,— ответил молодой священник.— Но что вы имеете в виду под словом «размышлять»?

— Меня интересует твое мнение о них,— сказал Демеро.— Насколько полезна работа с ними? Они занимают площадь в две квадратные мили под землей, ими пользуются около двух сотен высокообразованных священников и ученых. Ценны ли эти архивы?

Иеро пытался понять, к чему клонит его старый наставник, но не мог.

— Конечно, ценны,— подтвердил он; мысли тяжело ворочались в его голове.— Без собранной в них информации мы бы ничего не могли сделать. Половина усилий наших ученых и разведчиков направлена на их постоянное пополнение. Так в чем же дело?

— Дело вот в чем,— сказал Демеро.— Когда я запрашиваю информацию, которая, как я точно знаю,

есть в архивах, часто приходится ждать днями, пока ее разыщут. Теперь, предположим, мне требуется получить данные по нескольким вопросам. Скажем, я хочу знать уровень дождей, выпавших на востоке провинции Саск, урожай хлебов на юге и сроки сезонной миграции бафероов. На розыск этих сведений уйдет еще больше времени. Затем с помощью других специалистов я оцениваю полученные данные и принимаю решение. Эта процедура тебе знакома, не так ли?

— Конечно,— кивнул Иеро в недоумении.— Но зачем вы все это говорите? Ведь это обычная процедура использования информации.

— Да. А теперь представь себе, что я иду по архивам и беседую с ними — обрати внимание, не с хранителями, а с самими архивами! — советуюсь об угрожающей нам опасности. Не перебивай, мой мальчик, я еще не совсем потерял здравый смысл. Архивы сами выдают мне всю нужную информацию. Например, через десять минут я получаю бумагу, на которой написано: «Если вы сделаете операцию X, затем Y и Z, то ваши враги будут обезврежены».— Он внимательно посмотрел в глаза Иеро.

— Говорящие архивы и картотеки? — изумился тот.— Я полагаю, отец мой, вы шутите? Мы снова начинаем использовать радиосвязь, однако, в конечном счете, радио — это всего лишь помогающий человеку прибор. Но вы говорите о такой машине, которая не только хранит информацию, но и делает выводы. Разве это возможно?

Аббат удовлетворенно улыбнулся:

— Да, мой мальчик, и не только возможно, но и хорошо известно. Такие машины были созданы до Смерти и названы компьютерами. Некоторые наши ученые нашли в архивах сведения о том, что существовали компьютеры, превосходившие размерами здание, в котором мы находимся. Можешь себе это представить?

Иеро сидел, уставившись на стену позади аббата Демеро, его мысли мчались подобно стаду баферов. Если все это — не выдумка, то мир можно изменить за сутки. Все знания прошлого могут сохраниться в такой чудесной машине.

— Я вижу, ты начинаешь немного понимать, что нам надо,— сказал старый священник.— Совет Аббатств посылает троя на юго-восток, где, как мы полагаем, подобные устройства могли сохраниться. Еще пять человек пойдут в другие места. Будет лучше, если их маршруты останутся тебе неизвестными.— Сказанное не нуждалось в объяснениях. Если кто-либо из шести попадет в руки Нечистого живым, чем меньше он будет знать о своих товарищах, тем лучше.

Теперь подойди сюда, Иеро, я покажу твой путь по карте. На ней нанесены самые последние данные о компьютерных городах. Знай, ты не найдешь там чего-либо похожего на наши библиотеки. Информация кодировалась в этих устройствах различными способами, которые мы пока представляем себе весьма смутно. Позже ты получишь инструкции от нескольких ученых, которые дальше других продвинулись в изучении этого вопроса...

...Рассказать медведю абсолютно все было невозможно: медведи, даже разумные, не умели читать и писать. Поэтому Иеро излагал только основные факты, причем предельно просто. В предрассветный час человек окончил свою историю и решил немного поспать. Горм теперь понимал, что его друг отправился в долгое и опасное путешествие, но, к радости священника, медведь снова выразил желание идти с ним.

Зверь сообразил, что речь шла о знании, ему недоступном. Может быть, первым в своем роду он пытался усвоить идею абстрактного знания вообще. Но ему стало ясно, что человек — враг лемутов и что они должны разыскать в далеких землях нечто обеспечивающее надежную защиту от подобных тварей. Эти

сведения его удовлетворили, и теперь он тоже задремал, время от времени всхрапывая.

Стоящий над распростертыми на земле человеком и медведем большой лорс пребывал в состоянии между дремой и бодрствованием, что не мешало ему бдительно охранять спящих. Клуц не устал; лорсы вообще никогда не спали лежа, хотя отдых был им, естественно, необходим. Но этой ночью Клуц только покачивался на своих длинных ногах, перетирая крепкими зубами жвачку и не пропуская ничего, что происходило в радиусе нескольких десятков ярдов.

На рассвете Иеро ощутил мягкое касание рогов и увидел влажную морду лорса в дюйме от своего лица. Довольный, что хозяин пробудился, лорс отошел на несколько шагов в сторону, и по раздавшемуся оттуда хрусту кустарника священник сообразил, что его скакун начал завтракать.

Иеро протер глаза. Он немного замерз; конечно, следовало бы распаковать спальный мешок и выспаться как следует, но он так устал вчера вечером... Кроме того, для него, настоящего лесного бродяги, провести ночь на голой земле было привычным делом. Осмотревшись вокруг, он увидел Горма, который тоже встал и сейчас умывался, как кошка, вылизывая себя длинным тонким языком.

— *Есть ли поблизости вода?* — послал вопрос Иеро.

— *Прислушайся — услышишь ее*,— пришел ответ, но не от медведя, а от большого лорса.

Мысленная картина маленького ручья в сотне ярдов к востоку вспыхнула в его голове; он поднялся и пошел вслед за Клуцем.

Через двадцать минут путешественники, поевшие и умытые, готовы были продолжить свой путь. Иеро проверил запасы пеммикана, его оставалось не так уж много. Конечно, можно охотиться, но это наверняка задержало бы их. Он в раздумье потер лоб, и внезапно в его голове вспыхнула мысль медведя:

— *Старайся сохранить сладкую пищу для себя,*— передал он.— *Я могу найти много еды в лесу.*

И опять разум и бескорыстие странного создания, неожиданно вторгнувшегося в его жизнь, поразили священника.

Иеро растер шкуру лорса пригоршней мха. Он чувствовал себя виноватым, что оставил своего скакуна оседланным на всю ночь, но животное, казалось, не испытывало каких-либо неудобств.

Поднялось солнце, и лес наполнился шорохами и писком. Путники двинулись в путь по ручью под свист и щебет птиц. Священник увидел оленя и нескольких кроликов, услышал далекий рев грокона и невольно подумал, как не похож этот лес на вчерашнюю мертвую и зловещую чащу.

Прошлой ночью Горм пытался объяснить своему спутнику маршрут, ведущий прямо на юг, которого, как он считал, им лучше всего придерживаться. За дорогой, по которой Иеро ехал всю последнюю неделю, наблюдало множество невидимых и враждебных глаз; им просто повезло, что они с Клуцем смогли проехать по ней так далеко, не подвергнувшись нападению. Люди уже давно не пользовались этим трактом, а тот, кто отважился на это, не добирался до его конца. Священник полагал, что им ни в коем случае нельзя возвращаться на дорогу. Рано или поздно труп колдуна обнаружат, и тогда за ними наверняка вышлют погоню.

Путники шли прямо по стремительному течению ручья, стараясь оставлять как можно меньше следов. Примерно через три часа они внезапно получили доказательство того, что их путь небезопасен. Иеро вдруг почувствовал, что лорс замер под ним, и через мгновение увидел медведя, застывшего на камне посреди воды. Еще через секунду какая-то сила сковала и его. Никогда раньше священник не ощущал ничего подобного этому, словно кто-то чужой и злобный сжимал, скручивал его мозг, требовал ответить, кто он

и где находится. Он собрал все силы, весь опыт и умение, накопленные годами тренировок, чтобы выстоять под этим властным зовом. Он сам и его спутники явно были целью телепатического поиска, и минуты, когда импульс чужого разума накрыл их, показались Иеро вечностью. Наконец он ощутил, что воздействие стало слабеть, как будто сдвинулось куда-то, но не был вполне уверен, что врагов удалось обмануть. Встряхнув головой, он посмотрел вперед и встретил помутневший взгляд Горма.

— *Что-то плохое охотилось за нами,*— пришел его сигнал.— *Я был (простым, обычным) медведем. Оно не узнало меня.*

— *Я думаю, оно не узнало и меня,*— ответил Иеро.— *Клуц также не интересовал его. Оно не искало животных на четырех ногах.*

— *Здесь могут быть разные существа, похожие на злых Мохнатых (которых мы) видели вчера,*— прозвучала мысль медведя.— *В этом лесу есть существа, обладающие злой силой. Многие из них бегают на четырех ногах и имеют хороший нюх.*

Священник испытывал все меньше трудностей в общении с медведем. В этот раз на мысленный диалог, как и на решение продолжать путь по воде, ушли доли секунды.

Весь долгий день они шли по ручью, который постепенно расширился до речушки глубиной фута в два. Иеро не нашел ее на своих картах; очевидно, она была слишком мелкой. Враждебная сила, пытавшаяся обнаружить их, более не появлялась. К вечеру путники разбили лагерь на маленьком острове.

Пока медведь занимался поисками пищи, а Клуц, еще нерасседланный, хрустел кустарником и ветками, Иеро перекусил немного пеммиканом. Солнце еще стояло высоко; он специально разбил лагерь пораньше, так как нуждался в свете. Священник хотел изучить странные предметы — свою добычу, взятую с тела мертвого колдуна.

Первым он достал из сумки металлический стержень. Около дюйма толщиной и длиной в фут, из очень тяжелого голубоватого металла, он казался на первый взгляд совершенно гладким. При более внимательном осмотре священник обнаружил на поверхности стержня четыре небольших выступа, похожих на кнопки, и нажал один из них. Внезапно стержень начал вытягиваться, так как состоял из нескольких трубок, плотно входящих одна в другую. Он рос, пока не превратился в гладкий длинный прут около пяти футов длиной. Иеро снова нажал кнопку, и прут стал укорачиваться; третье нажатие кнопки остановило этот процесс. Затем метс надавил другую кнопку. Два тонких ответвления начали расти из толстого конца стержня, и на них неожиданно возникли гладко отполированные диски.

Иеро повернул стержень, внимательно изучая возникшую конструкцию, но понять ее назначения не смог. Он поднял стержень вертикально на уровень глаз, чтобы рассмотреть диски получше; они закачались на своих гибких ответвлениях и вдруг коснулись его лба. Иеро в раздражении отдернул голову, затем вернул диски на прежнее место и выпустил стержни из рук. Гибкие ответвления-зажимы плотно прижали диски к его вискам, стержень упруго покачивался перед лицом. Этот аппарат пришелся ему впору! Пораженный неожиданной мыслью, он поднял руку и нажал на первую кнопку. Стержень выдвинулся вверх на полную длину, и над головой священника закачалась металлическая антенна. С сильно бьющимся от возбуждения сердцем, он медленно надавил третью кнопку.

Ужасный голос невероятной силы почти физически ударил в его сознание.

— Где вы были? Почему не выходили на связь? Группа странных существ беспрепятственно движется по нашей территории. Возможно, это разведчики северных варваров.

Наступила пауза, и потрясенный Иеро почти осязаемо ощутил подозрение, возникающее в чужом разуме.

— *Кто это?* — пришел мысленный голос.— *Вы слышите, я...*

Раздался резкий щелчок. Священник успел выключить странное устройство.

Он в изнеможении прислонился спиной к древесному стволу, одновременно испуганный и сердитый на свою неосторожность. Этот прибор был устройством связи и усилителем большой мощности; с его помощью дистанция передачи мысленного сигнала могла быть увеличена как минимум в десять раз. Он никогда не слышал о таком устройстве и сомневался, что какой-нибудь ученый из Аббатств знал о чем-либо подобном. Необходимо доставить прибор в исследовательский центр в Саске, даже если кроме этой штуки он больше ничего не принесет. Мысль, что Нечистый обладает подобными достижениями, беспокоила его. «Не удивлюсь, если аббат подпрыгнет, увидев такое устройство»,— подумал он.

Иеро снова посмотрел на стержень и, осторожно нажав на кнопку, сложил антенну. Он заметил, что ответвления-зажимы вместе с дисками исчезли в металлическом цилиндре безо всякого следа, как бы образовав с ним единое целое. Священник бережно завернул стержень в кусок ткани и уже положил обратно, как вспомнил о четвертой кнопке. Она располагалась отдельно от трех прочих, ближе к одному из концов стержня. Некоторое время Иеро раздумывал, потом зажал стержень между двумя тяжелыми камнями. Сломав гибкий ивовый прут футов восьми длиной и предусмотрительно спрятавшись за ствол толстого дерева, он удостоверился, что сможет дотянуться своим шестом до загадочной кнопки. Мысль о том, что зловещие изготовители этого прибора могли сделать его самоуничтожающимся, слишком поздно пришла ему в голову, однако теперь он намеревался действовать осторожно.

Метс огляделся вокруг — лорс пасся далеко, в нескольких сотнях футов. Тогда, выставив из-за дерева руку с прутом, он ткнул гибким концом в кнопку. Прижимаясь к стволу лицом и всем телом, он услышал резкий металлический лязг, как будто распрямилась тугая пружина, и затем — молчание. Иеро подождал мгновение и выглянул из-за дерева.

Последний трюк, который выкинул этот механизм, был простым и совершенно неожиданным. Он снова вытянулся во всю длину, причем сделал это одним стремительным движением. Но теперь на его конце появилось острие, подобное наконечнику копья, полдюйма шириной и около фута длиной. Священник взял в руки прут, превратившийся в отличную пику, и стал внимательно разглядывать наконечник, смазанный каким-то липким веществом. «Несомненно, не крем для бритья»,— подумал он. Нажав кнопку, Иеро снова сложил оружие и, завернув его в ткань, сунул в седельную сумку.

Следующим был нож — короткий, заточенный с одного края клинок в кожаных ножнах; им, очевидно, недавно пользовались, так как лезвие было покрыто еще липкими пятнами крови. Иеро почистил лезвие и, удостоверившись, что на нем нет никаких надписей или знаков, положил нож обратно.

Теперь он принялся изучать круглый предмет, напоминавший маленький компас. Большинство его товарищей все еще пользовались компасами, но ему такие устройства были не нужны. Он обладал врожденным чувством направления и в школьные времена выигрывал немало споров, когда с завязанными глазами безошибочно указывал положение сторон света.

Иеро сразу понял, что если этот предмет и был компасом, то подобного циферблата он никогда раньше не видел. На нем не было обычных направлений и традиционного изображения сторон света. Вместо этого под стеклянной крышкой тонкой черной линией был изображен круг, разбитый на ряд сегментов. Сегменты

помечались какими-то символами, цифрами или буквами, совершенно не известными Иеро. На линии, очерчивающей круг, находилась сверкающая капля света, которая немного колебалась, когда он покачивал футляр на своей ладони; ее движения напоминали колебания пузырька воздуха в обычном плотницком уровне.

Иеро внимательно разглядывал символы. Четыре более крупных знака находились на тех же местах, где и обозначения на настоящем компасе. Он последовательно ориентировал их по сторонам света, вращая футляр на ладони. Возможно, этот похожий на петлю символ обозначает север? Но светящаяся капля не указывала ни на север, ни на другую сторону света! «Если эта штука не компас, то что же это такое?» — с раздражением подумал священник. Недоуменно пожав плечами, он положил круглый прибор обратно в мешочек, решив, что потом еще раз изучит его.

Последним он достал свиток из желтоватого, похожего на пергамент материала. Иеро попытался надорвать краешек свитка; это ему удалось, но с большим трудом: лист был прочным. Он определенно не имел отношения ни к бумаге, ни к пергаменту — какой-то синтетический материал, подобного которому священник никогда не видел.

Свиток состоял из нескольких скрученных трубочкой листов, большая часть которых была мелко исписана темно-красными чернилами, производящими неприятное впечатление засохшей крови. Буквы, как и символы на подобном компасу приборе, показались Иеро совершенно незнакомыми. Но на одном листе была изображена карта, и ее он изучил особенно тщательно. В общем этот чертеж центральной части североамериканского континента походил на тот, что хранился в его сумке. На нем присутствовало Внутреннее море и несколько хорошо известных дорог, идущих на север. Одна из черных линий, несомненно, изображала главную дорогу в Отву, протянувшуюся с запада на восток. Многие

значки на карте были непонятными, особенно те, что относились к южным районам. И все же Иеро почувствовал, что карта может оказаться очень полезной. Он решил отыскать на ней обозначения погибших городов той эпохи, что предшествовала Смерти; некоторые из них были помечены на его собственной карте. Но на карте врага таких городов он нашел значительно больше — так много, что это казалось странным.

Иеро положил свиток обратно в сумку и приготовил себе постель, развернув тюк со спальным мешком. Клуц кормился поблизости на острове; лорс был спокоен, и его хозяин знал, что пока никакая опасность им не угрожает. Медведь еще не вернулся, но предыдущие события убедили священника, что Горму можно доверять полностью; он придет, когда закончит свои дела. Иеро лег, последние лучи заходящего солнца скользнули по его лицу, и наступила темнота.

Его разбудил дождь. Темные облака клубились на востоке, напоенные влагой далекого океана. Иеро затянул капюшон спальника, полностью закрыв лицо. Было рано, и он мог подремать еще часа два. Но вдруг он почувствовал запах мокрой шерсти. Горм стоял рядом с ним в напряженной позе, и поведение медведя вызвало тревогу у человека.

— *Что-то движется в ночи (возможно) их много, но один наверняка. Слушай!*

Человек внимательно прислушался. Он чувствовал, что Клуц стоит неподалеку и тоже вслушивается в ночные шорохи. На мгновение дождь ослабел, и Иеро различил тихий всплеск воды в ручье, а затем далеко на западе уловил какой-то звук.

Это был высокий пронзительный визг, почти на самом пороге звукового восприятия; разорвав тишину, он прозвучал дважды. Но ни человек, ни зверь не нуждались в повторении — все было ясно. Они слышали клич охотника, взявшего след; и не было сомнений, кто являлся дичью. Погоня, которой они ждали каждое мгновение со вчерашнего дня, началась.

Опытному следопыту, подобному Иеро, требовалось не более двух минут, чтобы свернуть лагерь. Вскочив в седло, он передвинул свой меч так, чтобы рукоять торчала над правым плечом. Медведь быстро заковылял вперед, а Клуц ринулся следом, вздымая фонтаны брызг. Ощущение времени у Иеро было не так развито, как чувство направления, но он четко знал, что сейчас не больше двух часов после полуночи. Подобно многим древним механизмам, часы были забыты и потом изобретены снова; теперь они стали больше и грубей. Но киллмен с лесной Границы не нуждался в часах; при необходимости точный отсчет времени можно произвести по биению пульса. Долгая жизнь в диких лесах учит человека использовать все возможности своего тела.

Дождь кончился, напитав воздух туманной мглой. Уже два часа они пробирались по ложу маленького ручья, который по-прежнему бежал в нужном направлении. Наконец Иеро дал команду остановиться, спрыгнул на берег и, разминаясь, сделал несколько наклонов. Горм плюхнулся в траву рядом с ним, с блаженством задрав лапы кверху. Медведи умели совершать долгие путешествия, но постоянное движение, день за днем, ночь за ночью, было не в их правилах. Клуц бродил по мелководью, поедая водоросли, богатые протеином.

Священник вознес краткую утреннюю молитву. Медведь слегка заинтересовался его действиями, но ненадолго. Иеро, однако, отметил этот интерес, решив, что обсуждение вопросов религии с разумным животным было бы чрезвычайно благочестивым делом.

Закончив молитву, он постоял, вслушиваясь в темноту. И снова, как тогда, на островке, далекий крик охотника прорезал ночную тишину. Несомненно, на сей раз он прозвучал гораздо ближе. Бурча проклятия, Иеро вскочил в седло, одновременно послав мысль медведю:

— *Поторапливайся, или нас схватят!*

Молодой медведь пустился вперед неуклюжей рысцой. Фонтаны брызг опять взлетели вверх, когда большой лорс бросился за ним; его широкие, как тарелки, копыта разбивали невидимую в темноте поверхность воды.

Иеро скакал, упорно прислушиваясь, пытаясь размышлять спокойно и анализируя грозившую им опасность. Он не представлял, кто гонится на ними. Вероятно, их преследовала целая свора, и охотники обладали необыкновенным чутьем. Двигались они тоже поразительно быстро. Лорс и медведь не ленились, и, учитывая, что стояла ночь, путешественники шли в хорошем темпе. Но ни скачка в проточной воде ручья, ни прочие хитрости не сбили погоню со следа. Кто же мчался за ними, нагоняя с каждой минутой?

Лишь одна слабая надежда мерцала у Иеро. Любые существа, которые двигались столь стремительно, не могли при этом нести на спине человека. «По крайней мере,— решил священник,— если я прав, то неприятностей, подобных вчерашней встрече со С'нергом, не будет». Скорее всего, ему и животным угрожала физическая расправа.

Едва эти мысли пришли в голову путника, как злобный визг, ясно различимый сквозь плеск воды, раздался где-то неподалеку. Охотники, кто бы они ни были, двигались уверенно. Проклятье, преследователи могут напасть в темноте! Это было очень плохо. До рассвета оставался еще как минимум целый час.

Отклонившись назад, Иеро нащупал левую седельную сумку, стараясь точно определить положение нужного ему свертка. Затем он распустил ремень на кобуре метателя и передвинул его так, чтобы карабин можно было выхватить быстро и одной рукой. Немного подумав, он снова полез в сумку и достал стержень, взятый у мертвого С'нерга. В крайнем случае, если он потеряет копье, эта штука может пригодиться, решил священник, сунув стержень за пояс. Собственное его

копье было надежно укреплено в специальном гнезде под седлом и находилось всегда под руками.

Теперь он сосредоточил внимание на лорсе и медведе.

— *Найди открытое место, если возможно — поближе к ручью,*— мысленно приказал он.— *Мы должны сражаться. Кто бы ни гнался за нами, они двигаются слишком быстро, чтобы мы смогли убежать.*

Иеро подумал, что Горм, оказавшийся столь полезным в прошлый раз, сейчас, очевидно, устал, и от него будет мало пользы в схватке. Даже если дать молодому медведю несколько минут отдохнуть, это ничего не изменит. Но одно из правил Боевого Кодекса Аббатств, навечно запечатленного в памяти любого киллмена, гласило: «Используй каждое, даже самое крохотное преимущество. Возможно, тогда их будет меньше у врага».

Бегущий медведь не ответил на призыв, но священник знал, что Горм понял приказ. Он почувствовал также, что сознание Клуца начинает туманиться от ярости предстоящей схватки. Большой лорс был готов к сражению с противником любого размера, вида и формы.

Позади них снова раздался вопль, от которого кровь стыла в жилах, отвратительный тонкий визг в сыром ночном мраке. В этот миг Иеро различил несколько голосов и понял, что расстояние сократилось до предела. Итак, преследователей много. Это было логично. От одинокого охотника, каким бы стремительным он ни был, гораздо меньше проку, чем от стаи. Но что это за стая?

— *Здесь,*— пришла вдруг мысль Горма,— *место, поросшее травой и без деревьев. Это то, что ты хотел?*

— *Да,*— ответил человек.— *Ложись и отдыхай, пока они идут. Не вступай в схватку, если поймешь, что не в состоянии помочь.*

Он погнал лорса на берег ручья, где простиралась довольно большая поляна. Первый проблеск света мелькнул на востоке, ночной мрак, серея, отступал. Клуц остановился, вода текла с него ручьями; медведь немедленно растянулся на земле. Что касается Иеро, то он, осматривая местность, размышлял над тактикой предстоящей битвы.

Поляна имела около ста ярдов в ширину и понижалась в сторону ручья. Это был грубый полукруг, в центре которого, на расстоянии пары сотен футов от ручья, находилась ровная площадка. Священник проехал на середину поляны и развернул лорса спиной к лесу, до которого оставалось теперь футов пятьдесят. Таким образом, никто не мог неожиданно напасть на них сзади, пользуясь деревьями как прикрытием. Иеро достал из сумки и надел на голову шлем из бериллиевой бронзы, круглый и без украшений, с изображением креста и меча на верхушке. Затем он попытался уловить какие-либо мысли или чувства преследователей. Он ощутил, что их действительно несколько, что они быстро приближаются и что их основная эмоция — слепой, всепоглощающий и ненасытный голод!

Человек и лорс спокойно ждали, готовые к битве. Они сделали все, что полагалось. Горм ускользнул в предрассветный сумрак, чтобы в нужную минуту поспешить на помощь.

Ожидание не затянулось. Ночной мрак еще не рассеялся полностью, когда от ручья донесся плеск воды под множеством стремительно движущихся лап. Скорее почувствовав, чем увидев нападающих, киллмен открутил головки двух осветительных гранат, которые держал в руках, и швырнул их налево и направо от себя. Там, где они ударились о землю, вспыхнули два взрыва, и белый раскаленный свет залил все вокруг.

В этот миг Иеро догадался, какую непоправимую ошибку совершил, двигаясь по воде. Вид пяти лоснящихся гибких созданий, выскочивших на берег и

похожих на огромных норок или каких-нибудь других водоплавающих хищников, ясно говорил, что русло ручья было последним местом, где стоило бы пытаться ускользнуть от них. «Не удивительно, что они двигались так быстро»,— с запоздалым раскаянием подумал священник.

Их нижние челюсти, сильно выступающие вперед, усеивали остроконечные зубы. От мокрых морд до кончиков длинных хвостов эти твари были футов десяти в длину и весили, очевидно, не меньше взрослого мужчины. Ошейники из голубоватого металла, сверкавшие на каждой, не оставляли сомнений, кто их хозяин. Очутившись на поляне, хищники не медлили ни секунды и с визгом и рычанием бросились в атаку.

Иеро выстрелил из карабина и одним движением отбросил его. Слишком долго перезаряжать метатель и слишком быстро двигаются нападающие. Но крошечный снаряд сделал свое дело. Бегущее впереди стаи животное исчезло в оранжевой вспышке взрыва, и еще одна тварь с пронзительным визгом поползла в сторону, волоча перебитую лапу.

Когда трое остальных остановились, ошеломленные взрывом и смертью вожака, Клуц с яростным ревом бросился вперед. Схватив копье и крепко сжимая коленями бока лорса, священник приготовился нанести удар.

Раненая тварь не смогла увернуться и погибла под страшным ударом передних копыт лорса. Другая, прыгнув на Иеро, напоролась прямо копье, выбив его из рук всадника. Зверь упал на землю, захлебываясь кровью; удар тяжелого меча закончил дело.

Но два оставшихся хищника не собирались отступать. Яростно оскалившись, они атаковали одновременно с двух сторон, прыгая на всадника и не обращая внимания на лорса.

К счастью для Иеро, он отрабатывал такую ситуацию с Клуцем во время тренировок. Лорс повернулся

к противнику слева, не обращая внимания на другого, с которым предстояло сражаться его хозяину.

Приподнявшись в седле, метс вложил всю тяжесть своего тела в один точный и сильный удар. Древний клинок не подвел его; огромная тварь замертво рухнула на землю, из ее полуоткрытой пасти хлынула кровь.

И в это мгновение человек ощутил страшную боль в левой ноге. Самонадеянный Клуц недооценил скорость реакции своего противника. Когда огромное копыто опускалось, зверь отклонился в сторону, и его клыки впились в тело человека, распоров ему икру почти до кости. Иеро покачнулся в седле, когда хищник отпрыгнул прочь.

Но лорс не повторил ошибки. Понимая, что его хозяину причинили боль, Клуц пришел в холодную ярость. Он медленно надвигался на последнюю оставшуюся в живых тварь, угрожающе мотая головой и высоко поднимая страшные копыта. Зверь прыгнул, изогнувшись в воздухе, и опять нацелился на всадника. Но Клуц был начеку. Стремительно мелькнуло огромное копыто, раздался треск, и огромная норка отлетела на траву с переломанной спиной. Лорс бросился следом и в яростном порыве принялся топтать визжавшего зверя, пока последние признаки жизни не покинули изуродованное тело.

Иеро безвольно висел в седле, когда Клуц осторожно опустился на колени, чтобы человек мог сойти. Священник покачнулся и рухнул на землю возле огромного потного бока лорса, тяжело дыша и пытаясь справиться со слабостью. Наконец он смог оглядеться и увидел озабоченную физиономию Горма в ярде от своего лица.

— *Я был готов, но это (существо) слишком проворно (для меня),*— пришла его мысль.— *Могу я помочь?*

— *Нет,*— ответил Иеро.— *Я должен перевязать (лечить) ногу. Пока я занят этим, слушай, наблюдай, стереги.*

Медведь кивнул и отошел от него.

Преодолевая боль, священник стянул кожаный сапог, полный крови, и осмотрел рану. Она казалась чистой. Дрожащими руками он ощупывал сумки, преодолевая волну беспамятства, грозившую затопить сознание. Наконец он нашел мешочек с медицинскими принадлежностями, осторожно нанес тонкий слой мази на кровоточащую рану и туго забинтовал ногу. Затем принял таблетку лукинаги. Этот препарат, расширяющий возможности сознания, сильный наркотик, снотворное, снимал любую боль. Последним ощущением Иеро была тревога, что кто-то может взять верх над его разумом, пока он находится в бессознательном состоянии. Больше он не помнил ничего.

ГЛАВА 3

Крест и Глаз

Иеро очнулся в сумерках. Тишина раннего вечера окутала лесную страну, перистые листья пальмы висели над головой в неподвижном воздухе. Очевидно, он проспал целый день. Оглядевшись, священник заметил, что лежит на куче пальмовых листьев и что его второй сапог снят. Инстинктивно его рука метнулась к поясу, где должен был находиться тяжелый нож. Оружие оказалось на месте.

Он сел, ощущая небольшое головокружение. В нескольких футах от его постели лежал Горм, всхрапывая во сне. От ручья доносился хруст: лорс поедал кустарник. Иеро послал мысленный сигнал, и Клуц мгновенно очутился около него; челюсти лорса мерно двигались. Клуц встряхнул головой, и фонтан воды от длинной мокрой шерсти ударил в лицо священника.

— Прочь, прочь, невежа, ты утопишь меня! — отплевываясь, вскричал человек, но его сильные руки нежно гладили огромную голову и рога животного.

— Твои рога твердеют, мой мальчик, и это хорошо. Там, куда мы идем, никакое оружие не будет лишним.

Затем, перейдя с речи на мысленную связь, Иеро велел лорсу не отходить, пока он попытается встать.

Он выяснил, что может выпрямиться с большим трудом; при каждом движении в ноге начинала пульсировать боль. Однако ему удалось расседлать Клуца и снять с него седельные сумки. Он отпустил лорса, но приказал ему оставаться поблизости от лагеря и продолжать внимательное наблюдение.

Затем Иеро устроился поудобнее и повернулся к Горму; тот проснулся и сидел на траве, уставившись на человека. Иеро протянул руку и осторожно погладил медвежий нос.

— *Спасибо, брат*,— передал он вместе с ощущением дружеской теплоты и привязанности.— *Как ты сумел сделать постель из листьев? И почему ты снял мой сапог?*

Это было действительно неразрешимой загадкой для священника. Он полагал, что молодой медведь достаточно умен, чтобы соорудить постель, такую же, как делают медведи в своих зимних берлогах. Но как это создание могло догадаться, что его ногам нужен отдых и для этого надо снять второй сапог?

— *Это было в твоей голове*,— услышал он поразительный ответ.— *Я смотрел, чтобы понять (что) надо делать. Твое сознание не спало*,— добавил Горм,— *и можно было увидеть все, что в нем есть, если посмотреть. Я посмотрел очень немного, но все, что увидел, постарался сделать.*

Иеро вновь достал мешочек с бинтами и лекарствами и тщательно осмотрел рану. Одновременно он размышлял над тем, что сказал ему медведь. Невероятно, однако это, должно быть, правда! Только он сам знал, что нужно делать, и молодой медведь получил это знание прямо из человеческого разума. Горм не мог оказать ему хирургическую помощь, но сделал удобную постель и ухитрился стащить сапог, чтобы раненому было удобней спать.

Священник собрал все силы и волю: то, что предстояло ему теперь, было очень неприятной, но необходимой операцией. Сначала он разрезал и содрал набухшую от крови повязку, которую наложил утром. Далее, подбадривая себя блокирующими боль психологическими приемами и небольшой дозой лукинаги, он со сноровкой опытного врача промыл рану и соединил ее края. Сорок стежков легли затем вдоль длинного разреза; наконец рана была продезинфицирована и забинтована. Иеро натянул сапог на правую ногу, а на левую надел чистый чулок и мокасин, взяв их из сумки. Затем он велел медведю забрать окровавленные тряпки и закопать где-нибудь поглубже.

Сделав это, священник в изнеможении привалился спиной к стволу пальмы; крупный пот выступил у него на лбу. Прошло некоторое время, прежде чем он смог внимательно оглядеться вокруг. Темнело, но черные пятна крови, рассеянные тут и там по траве, были еще заметны; трупы его утренних противников исчезли.

Из сгущающихся сумерек пришел ответ Горма:

— *Большой (с рогами на голове) и я спрятали этих. Их тела привлекали других созданий, но только маленькие (животные) приходили. Мы отпугнули их.*— И он передал образы шакалов, лис, дикого кота и других мелких хищников.

Итак, медведь и лорс могли работать вместе, даже когда он не руководил ими! «Это поразительно»,— подумал Иеро. Медведь мог предвидеть последствия своих действий и дать необходимые команды Клуцу! Обширное поле для размышлений и будущих исследований.

— *Ты не ощущаешь никакой опасности для нас?* — спросил он Горма.

— *На каком расстоянии (как далеко)?* — ответил тот вопросом на вопрос.

Очевидно, медведь не понимал, какое расстояние до опасности имеет ввиду человек. Затем Горм попробовал пояснить свою мысль:

— *Длинный путь (имеется) много удаленных указаний (опасности). Но только одно сильное, и оно пришло сверху (с неба).*

И медведь передал представление о чем-то крылатом и неприятном.

Человек попытался вникнуть в образ, но достиг немногого. Ему представилось неясное и удаленное зрелище какого-то объекта с крыльями, но явно не птицы. Этот предмет медведь видел днем раньше, и от него исходило интенсивное ощущение зла.

Отметив это как новую важную информацию, которую надо будет со временем уточнить, и решив впредь не появляться на открытом пространстве, Иеро

распаковал свое имущество. Хромая, он дотащился до воды и смыл кровь с оружия, после чего наточил копье и меч, а вернувшись, перезарядил метатель и убрал его в чехол.

Снова усевшись под пальмой, священник поел немного пеммикана и сухарей. Он предложил пищу Горму, но тот отказался, заявив, что весь день ел чернику, и показал место, где ягоды росли особенно густо. Человек, прихрамывая, набрал несколько горстей, а затем наполнил водой большую флягу, висевшую у седла, и маленькую, которую обычно носил у пояса. Воспользовавшись последним светом угасавшего дня, он умылся в ручье, стараясь не замочить рану. Обсохнув и одевшись, он произнес вечернюю молитву и улегся на кучу пальмовых листьев. Казалось, ничто в ночи не предвещало опасности; звуки, доносившиеся из леса, не возбуждали тревоги. Предсмертный крик кролика, верещание белок, мяуканье дикого кота и поскрипывание сосновых стволов — естественный привычный голос Тайга. Иеро уснул спокойно.

На следующий день рассвет оказался туманным. Ветра не было, но сизые тучи клубились в небе, временами закрывая солнце. Иеро вновь надел сбрую на своего скакуна, и после скудного завтрака человек и медведь решили покинуть русло ручья. Они двинулись новым путем, который все более отклонялся к югу. Рана теперь отзывалась только тупой болью; отдых и могучее здоровье восстановили силы метса не хуже, чем целительные средства докторов Аббатства.

Пять дней они спокойно путешествовали под кронами гигантских сосен Тайга, постепенно продвигаясь на юг. Путники вели бдительное наблюдение, останавливаясь на отдых только под прикрытием деревьев, и редко использовали мысленную речь, хотя вокруг не было ничего угрожающего. Дичь тут водилась в изобилии, и Иеро подбил копьем огромную куропатку,

втрое больше индюка прошлых времен. Он разложил небольшой костер и быстро прокоптил грудку птицы, весившую около одиннадцати фунтов; этого ему и Горму должно было хватить на несколько дней.

На шестой день священник прикинул, что они сделали около восьмидесяти миль; теперь можно было чувствовать себя спокойнее. Кого бы злоба Нечистого ни послала теперь в погоню, они имеют большое преимущество во времени. Иеро не мог себе представить мощь и возможности своих врагов, не мог угадать, какую ярость в них пробудило убийство одного из высших членов их Темного Братства.

К полудню почва стала болотистой и сырой. Было ясно, что, двигаясь в этом направлении, они попадут либо на болото, либо к границе открытой воды. Иеро скомандовал остановиться, достал карты и стал изучать их, иногда советуясь с медведем.

Перед ними лежала огромная территория, приблизительно изображенная на одной из метсианских карт,— гигантское болото Пайлуд, никем и никогда не пройденное. Опыт и знания медведя тоже мало помогали, хотя он и согласился с тем, что за полосой болот должно лежать Внутреннее море, как это показывала карта. Он инстинктивно чувствовал большую воду на расстоянии многих десятков миль. Но никогда в своей жизни медведь не путешествовал так далеко, как сейчас с Иеро.

Почти инстинктивно священник решил обратиться к своему кристаллу и магическим символам. Он достал все необходимое, сотворил молитву и велел животным не мешать ему. Сосредотачивая свои мысли на предстоящем пути и пристально глядя в кристалл, он послал телепатический импульс в поисках пары подходящих глаз.

Первая попытка оказалась неудачной. Он смотрел на безграничную морскую гладь с очень низкого холма, расположенного у самой воды. Берег был почти не виден, так как лягушка, глаза которой он использовал,

скрывалась в зарослях тростника. Прервав связь, Иеро совершил еще один поиск, стараясь представить себя парящим над землей. Он полагал, что поблизости найдется коршун или какая-нибудь другая птица, подходящая для его целей.

Кристалл очистился, и в тот же миг ментальный поиск Иеро был завершен, но совсем не так, как он рассчитывал! Теперь он словно висел в воздухе, вероятно, очень высоко, на расстоянии мили от простиравшейся внизу земли. Он видел, как исчезали сосны Тайга, и великий лес переходил в огромное болото, за которым сверкала поверхность Внутреннего моря. Его зрение было великолепным, просто великолепным! Он внедрился в сознание с высочайшим интеллектом, равным его собственному. И этот мозг, в свою очередь, немедленно ощутил его присутствие и тут же попытался выяснить, кто он такой и где находится. Казалось, еще мгновение — и холодному безжалостному разуму, с которым он случайно связался, удастся определить это.

Иеро прервал связь так резко, что тупая боль разлилась в его голове. Последний взгляд, который он бросил вперед, воспользовавшись глазами этого странного существа, показал ему обтекаемый нос летательного аппарата и большие крылья по бокам, сделанные из чего-то похожего на окрашенную древесину.

Полет человека пока еще оставался лишь мечтой для ученых Аббатств, но они хорошо знали, что летательные аппараты широко применялись в древние времена. Они также не сомневались, что подобный аппарат можно вновь сконструировать, когда в их распоряжении окажутся нужные материалы. Но такой аппарат уже находился в руках Нечистого!

Высоко в голубом небе Тайга злые глаза обшаривали земли и воды; возможно, они уже выследили путников, сковав их незримыми цепями. И Иеро сам выдал безжалостному наблюдателю их тайное укрытие, при-

чем таким способом, который позволял наиболее быстро организовать погоню! Он вскочил на ноги.

— Туда, скорее! Ложись на землю! — приказал он лорсу вслух, показывая на густые заросли елей и свободной рукой подталкивая Горма. Медведь немедленно понял все и не пытался вступить в мысленную связь.

Лежа на спине у лорсиного бока, священник держал метатель стволом вверх, оперев его о согнутое колено. Гладкоствольный карабин позволял вести прицельную стрельбу на три сотни футов, но его снаряд мог пролететь и вдвое больше. Это было самое мощное оружие, которым располагал Иеро. Напрягая глаза, он пытался разглядеть своего врага в просвете между еловыми ветвями и наконец увидел его. Высоко в небе описывала медленные круги черная машина, похожая на огромного сокола или орла. Священник отложил в сторону оружие, протянув правую руку, вытащил из сумки короткую подзорную трубу и попытался рассмотреть аппарат более подробно.

Машина оказалась безмоторным планером (правда, Иеро не знал, что она называется именно так). Он сумел разглядеть крылья, немного изогнутые назад и похожие на крылья хищной птицы. «Должно быть, эту штуку пытался описать медведь»,— подумал он. Итак, охота продолжалась, и расстояние, которое он прошел, не значило ничего; Нечистый снова напал на след. Иеро мрачно уставился в землю, потом перевел взгляд на левую руку, все еще сжатую в кулак.

В кулак! Он внимательно огляделся вокруг. Кучка деревянных фигурок и кристалл лежали там, где он их бросил. Он так спешил укрыться, что совершенно забыл о своих магических принадлежностях. Он позволил врагу напугать себя, поколебать мужество и веру! Иеро произнес слова молитвы и посмотрел вниз, на раскрытую ладонь левой руки и на три символа, которые он бессознательно стиснул в кулаке, прервав ментальную связь с летающим в небе существом.

Первый знак — Рыбы — означал воду и все, что плавало в ней. Он символизировал корабли, верфи, сети и другие понятия, связанные с мореходством и рыбной ловлей. Он также обозначал мужскую силу. Вторым был знак Копья, предрекавший войну, а также опасную охоту. Последний знак имел необычный вид — Крест, символ семитысячелетнего христианства, но в его центре, на перекрестье, находилось изображение Глаза. Крест и Глаз! Иеро ощутил, как мурашки пробежали по его спине. Этот редко выпадавший символ использовался для обозначения спиритуального зла, которое угрожало не только телу, но и бессмертной душе человека.

Он осторожно положил три резные фигурки на землю и метнул взгляд вверх. Летательный аппарат, уже еле заметный, удалялся на север и казался крохотной черной точкой на голубом небе. Иеро вышел из-под прикрытия деревьев, собрал деревянные знаки и поднял кристалл.

Сложив в сумку магические принадлежности, священник вернулся к размышлениям о смысле гадания. Итак, его путь лежал к большой воде. Возвращаться не имеет смысла: это наверняка не менее опасно. Пилот летательного аппарата примерно установил, где он находится, и погоня, очевидно, уже выслана. Иеро не рискнул воспользоваться захваченным прибором, раздвигающимся стержнем, чтобы подслушать врага, боясь себя выдать, однако был убежден, что эфир наполнен переговорами слуг Нечистого. Несомненно, на севере из всех берлог вылезают лемуты; готовится облава. Но что ждет его на юге? Может быть, еще одна западня?

Рыба, Копье и Крест с Глазом! Вода, сражение и ожидание какого-то духовного зла или горя! Но верно ли прочитаны знаки? Как правило, они допускали много толкований. Последний символ, Крест с Глазом, мог означать неотвратимую физическую опасность, но мог предсказывать также великое бесчестье, измену и

смертный грех. «Проклятье! — сердито подумал священник.— Что же все это значит?»

Перед тем как покинуть Республику, он исповедался аббату Демеро. Однажды он сказал некой Леолэйн д'Ондо, что она никогда не станет его женой — ни первой, ни второй, ни какой-либо еще, несмотря на ее совершенно исключительный талант падать на спину в любое время дня и ночи. Возможно, подобное заявление покруче грубой шутки, однако смертным грехом тут и не пахло. И это самый тяжкий проступок в его жизни, воспоминание о котором хранила его совесть.

Предположим теперь, что Копье означает охоту, а Рыба — лодку. Нет, сейчас это глупо. Но тогда каковы же другие возможности? Тянулся долгий теплый день, а он снова и снова перебирал в уме различные комбинации толкований трех символов. Но знак Креста с Глазом неизменно маячил в его мыслях, загадочный и зловещий. Глубоко в душе метса жила уверенность, что он никогда не совершал и не совершит смертного греха; значит, его подстерегает какое-то зло от Нечистого.

После долгих размышлений Иеро решил, что существо в летательном аппарате, кем бы оно ни было — человеком или лемутом — не смогло достаточно точно засечь их укрытие. Поэтому он со своими спутниками оставался под сенью елей, пока тусклое красное солнце не стало склоняться к западу. Тогда они покинули свое мрачное убежище и двинулись в путь по грязной тропинке, петлявшей между последними большими деревьями Тайга.

Вскоре вокруг стали появляться поблескивающие под светом ярких звезд озерца, одно, другое, третье... Деревьев становилось все меньше, величественные сосны и ели сменились чахлыми их подобиями, да и те вскоре исчезли. Огромные бледные ночные цветы, плавающие на поверхности озер, источали странное и тревожное благоухание. Вокруг тянулся к небесам чудовищных размеров папоротник; некоторые заросли

скрывали Клуца с головой и были столь непроходимыми, что путникам приходилось огибать их.

Воздух стал более теплым и сырым, кроме аромата цветов в нем постоянно ощущался запах гниющих растений. Тайг с его свежими прохладными ветрами кончился, и путники дышали теперь испарениями Пайлуда, чудовищного болота, окаймлявшего на протяжении сотен миль северное побережье Внутреннего моря. Границы этого непроходимого и опасного района были известны только приблизительно.

Пока Иеро вспоминал все это, где-то впереди раздался оглушительный квакающий рев, который, словно мощная сирена, перекрыл привычные ночные звуки, постоянное жужжание туч насекомых, громкоголосый хор лягушек и птичьи вскрики.

Клуц резко остановился. Перед ним, во мраке, Горм размазанной серой тенью припал к земле, не более чем на фут возвышаясь над ковром травы и мха. Все замерли на несколько мгновений, вслушиваясь в темноту, но нового вопля не последовало, и путешественники осторожно двинулись дальше. Однако не успели они пройти и сотни ярдов, как утробный рев снова разорвал тишину. Затем воцарилось молчание. Стихли голоса и шорохи мелких животных и птиц, и только мириады москитов продолжали зудеть над головой. Троица снова замерла, но ненадолго.

Новый ужасный рев раздался в ночи, на этот раз — за их спинами и явно ближе, чем предыдущие. Иеро с отчаянием огляделся по сторонам. Они стояли на открытом пространстве, залитом лунным светом, под ногами чавкала голубоватая светящаяся грязь. Прямо и слева простиралась все та же грязь, но справа в темноте угадывались какие-то заросли.

— *Быстро направо!* — послал он команду медведю и лорсу.— *Прячьтесь в кусты и ложитесь на землю! Эти твари не должны заметить нас!*

Они едва успели повернуться, как нечто огромное возникло в конце прогалины, футах в ста от путников,

и лик ночного кошмара воззрился на них. Иеро, все еще не потерявший самообладания, отметил про себя, что это жуткое существо произошло от лягушки или обычного головастика. Огромные опалесцирующие глаза торчали на высоте десяти футов на скользкой, как будто обрубленной морде. Казалось, что чудовище присело на корточки; его гигантские задние лапы были согнуты, растопыренные пальцы впились в мягкую болотистую почву. Невероятно огромная разинутая пасть была усажена клыками футовой длины, блестевшими в лунном свете, как слоновьи бивни. Это было странно, ведь лягушки никогда не имели зубов.

Лорс не шевелился, Горм, почти парализованный ужасом, сжался комочком в грязи. Священник поднял метатель и тщательно прицелился, бормоча про себя молитву. Каким бы мощным ни был заряд маленькой ракеты, он просто не предназначался для чудовища таких размеров. В эту минуту Иеро всем телом ощутил, как Клуц осел назад и его задние ноги напряглись; еще мгновение — и лорс сделает гигантский отчаянный прыжок.

— *Ждать!* — приказал Иеро, заметив, что монстр отвлекся.

Чудовище еще сильней согнуло гигантские лапы и медленно повернуло голову налево, к застывшим от ужаса путникам. Вдруг мощный толчок похожих на колонны задних ног буквально поднял монстра в воздух, швырнув огромное тело с длинным, волочащимся по грязи хвостом вверх и вперед. Чудовищная тварь пролетела над тремя замершими в страхе путниками и столкнулась с чем-то в темноте. Жуткие звуки донеслись оттуда; покрывающая почву густая грязь вспучилась волной, и целый ливень земли и раздавленных растений, поднятый ударами гигантских конечностей, обрушился вниз. Там, во мраке, шло сражение, и священник вдруг вспомнил о втором чудовище, вопль которого они слышали впереди.

Медведь и лорс, испуганные звуками битвы, очнулись. Они бросились прочь, через грязь и кустарник, разбрызгивая воду из мелких луж, заросших дурно пахнувшими травами. Наконец грохот схватки гигантских монстров затих позади, и Иеро велел остановиться. Они очутились теперь на узкой полоске земли, заваленной сухим тростником; все трое внимательно прислушивались к ночным шорохам, тяжело дыша после панического бегства.

Вокруг раздавались писк и жужжание насекомых, кваканье лягушек, но более — ни звука, ни движения под неярким белым светом луны. Их окружал высокий тростник, стволы которого достигали двух футов в окружности и вздымались выше рогов Клуца. Между стеблями тростника росли гигантские мальвы и еще какие-то цветы, не знакомые Иеро. Водяные протоки, как серебрящиеся под светом луны тропинки, прихотливо извиваясь, прорезали заросли. Эта странная, но прекрасная картина не оставила священника равнодушным; невольно он снова подумал о красоте и опасности окружающего их мира.

С трудом оторвавшись от чарующего пейзажа, он вернулся к действительности. Им очень повезло — они чудом избежали столкновения с похожим на лягушку чудовищем. Теперь предстояло, используя передышку, обдумать дальнейшие действия. Было ясно, что метсианские карты здесь совершенно бесполезны и что в этом странном мире полузатопленной земли, воды и тростника Горм как проводник стоит не больше самого Иеро. Что же делать дальше? Путники знали, куда надо двигаться — на юг, и где юг, им тоже было известно. Как, впрочем, и то, что слуги Нечистого, возможно, уже спешат по их следам с севера.

Огромное болото простиралось перед ними до самого горизонта. Если идти прямо, можно быстрее всего достичь границ болота; в этом убеждали и карты, и краткий взгляд на местность, который Иеро успел бросить с высоты, из кабины летательного аппарата.

Ему казалось, что расстояние до южного края Пайлуда по прямой вряд ли превосходит пятьдесят миль.

Итак, весь остаток ночи они медленно двигались на юг, перебираясь вброд через мелкие озерца и обходя стороной более глубокие водоемы. Дважды им приходилось плыть, когда дорогу пересекали длинные глубокие протоки, обогнуть которые было невозможно. Первую они преодолели легко, однако, выходя из второй, Клуц вдруг приостановился. Оглянувшись назад, Иеро увидел, как угрожающе вздыбилась черная вода, будто что-то огромное двигалось под самой поверхностью. На всякий случай он вытащил метатель и замер, готовый действовать в любое мгновение; его страшило нападение снизу, из-под воды, откуда они были особенно уязвимы. Но лорс уже карабкался на топкий берег, спеша вслед за медведем.

Отъехав на безопасное расстояние от протоки, священник окинул взглядом своих спутников и не смог сдержать печальную улыбку: все промокли, грязь налипла на шерсть медведя и ноги лорса, гнилостный запах трясины пропитал их до самых костей. Однако эта вонючая грязь хотя бы частично спасала животных от туч москитов, носившихся над ними. В своих странствиях по лесам священник привык к укусам этих тварей, но в Пайлуде, казалось, их целые тучи!

Первый день они провели в чаще взметнувшегося на двадцатифутовую высоту зеленого тростника. Иеро не рискнул оставаться на открытом пространстве днем, где их могли заметить с воздуха. Метс, однако, отмечал свой путь в болоте тайными зарубками, которые, как он надеялся, увидеть сверху невозможно.

Августовское утро было облачным, и москиты, особенно многочисленные в зарослях тростника, свирепствовали еще сильнее, чем ночью. Священник разрезал свой противомоскитный полог и соорудил из него защитные сетки для измученных животных; теперь они могли, по крайней мере, свободно дышать. Тела их, облепленные грязью, были практически неуязвимы.

Мрачно осмотревшись по сторонам, Иеро подумал, что недостатка в воде они испытывать не будут. Однако с едой могли возникнуть сложности. Правда, у него еще оставался большой кусок копченой куропатки, пеммикан и сухари, но он понимал, что пищу надо беречь. Лорс мог легко прокормиться водяными растениями и молодыми побегами тростника, но что делать бедному медведю? С ним придется делить скудный рацион несколько дней, пока они не достигнут более благодатных мест.

Но тут в голове у него мелькнула мысль, заставившая забыть про удушливую жару и надоедливых насекомых. Он поспешно протянул руку и ощупал ближайшую седельную сумку. Рыболовные снасти на месте! «Ну-ка, поглядим,— подумал он,— что я смогу добыть в этой воде». Осторожно размотав блестящую прочную леску, он насадил на крючок кусочек мяса и забросил его в протоку, бурая и грязная вода которой струилась рядом с их убежищем.

С третьей попытки удача улыбнулась ему, и скоро крупная рыбина, похожая на окуня, фунта на три весом билась на земле. Довольно быстро Иеро поймал еще пару таких же окуней и дал одного на пробу Горму, которому рыба пришлась по вкусу. Остальные священник вычистил и, отложив одну про запас, быстро расправился с другой. Он много раз прежде ел сырую рыбу без всякого вреда для себя.

В сумерках Иеро, успокоенный тем, что за целый день они не увидели наблюдателя, отпустил Клуца попастись на берег протоки. Следя за лорсом, он заметил, что животное старается держаться подальше от воды. Это было странно, так как Клуц любил купаться.

— *Что-то (природа неизвестна) в глубокой воде,*— пришел ответ на его безмолвный вопрос.— *Что-то очень плохое.*

Это замечание скакуна заставило Иеро подняться на ноги. Он поспешно оседлал Клуца и, позвав медведя,

поехал к дальнему концу заросшего кустарником островка, на котором они провели день. Ему никогда еще не приходилось сомневаться в здравом смысле и тонкой наблюдательности Клуца. Если лорс сообщил, что в воде скрывается что-то плохое, значит, так оно и есть; если лорс боялся, значит, это нечто враждебное. В темных болотных водах мог сидеть кто угодно — от огромного снапера до похожего на лягушку монстра, которого они встретили накануне. «Или еще что-нибудь похуже»,— подумал Иеро. Его удивляло, что за ними никто не следит. Переход через огромное болото был столь опасным, что, вероятно, Нечистый либо не мог представить себе, что странник с севера рискнет совершить его, либо полагал, что из болота ему уже не выбраться.

Ночью они снова слышали вопли чудовищных фрогов, как Иеро решил назвать гигантских лягушек; к счастью, завывания раздавались где-то на востоке, далеко от их пути. Затем, позднее, из зарослей тростника, мимо которых они проходили, донеслось такое громкое шипенье, будто там скрывался прародитель всех змей мира. Они поспешно миновали это место, и Иеро целый час внимательно наблюдал, не крадется ли кто-нибудь по их следам.

Сырой воздух всколыхнуло дыхание бриза, который принес странные ароматы и напомнил, что они приближаются к морю. Иеро, глядя, как широкие копыта Клуца месят грязь, подумал, что он, возможно, первый человек, которому удастся преодолеть огромное болото.

Весь следующий день лил дождь, к счастью, теплый. Под утро Горм отыскал холмик, покрытый кучей гниющих растений и сплошь поросший тростником и гигантским щавелем. Вдвоем с Иеро они выкопали нечто вроде землянки, где и провели светлое время дня.

К вечеру дождь не прекратился. Несмотря на многочисленные попытки, метсу не везло; он не смог поймать ни одной рыбины. Пришлось разделить с медведем остаток куропатки, добавив немного сухарей.

Что касается Клуца, то он был удовлетворен полностью, так как мелкие лужи вокруг их убежища покрывали водоросли — любимая пища лорса.

Вечером они двинулись дальше. Горм, как обычно, шел впереди, с неподражаемым искусством выбирая твердые участки почвы и избегая открытых освещенных пространств. Глядя на него, Иеро подумал, что если ему и повезет выбраться из болота, то только благодаря своим спутникам. Действительно, оба были незаменимыми компаньонами для подобного странствия — чуткий, бдительный и осторожный медведь и могучий лорс, неприхотливый и приспособленный к переходам по топям и воде не хуже любой амфибии.

До сих пор им сопутствовала удача. За три дня они сумели глубоко проникнуть в эти дикие места, где смешались вода и твердь земная; они даже смогли, не подвергаясь особой опасности, наблюдать некоторые чудовищные формы жизни, обитавшие тут. И, несмотря на миллиарды насекомых, причинявших путникам неимоверные муки, Иеро, самый чувствительный из них, не ощущал каких-либо симптомов болезни — смертельно опасной лихорадки Пайлуда.

Они шли вперед всю ночь. Священник снова помечал путь, оставляя зарубки на зеленых стволах тростников. На исходе ночи странники разбили лагерь на краю темной глубокой лагуны. Эта черная маслянистая вода почему-то не беспокоила Иеро, словно его обычная настороженность уснула под чьим-то странным и убаюкивающим влиянием.

Священник настолько выдохся, что скоро почувствовал необоримую сонливость, несмотря на горящие укусы москитов и удушающую жару. Наступил день, а он все еще лежал в каком-то наркотическом оцепенении. Животные также спали, вздрагивая, когда укусы насекомых или пиявок проникали через корку грязи, покрывавшую их тела.

Они были истощенными и усталыми, но дело заключалось не только в этом. В глубине одной из

седельных сумок крошечная капля света на круглом циферблате со странными обозначениями разгоралась, тускнела и снова наливалась светом. Силы и токи, невидимые для глаз, но тем не менее мощные, пронизывали мглистый туман, который лежал над Пайлудом. Где-то в темных норах, в подземных тайниках проводились совещания, высказывались опасения, принимались решения. В самом сердце трясины пылал контрольный сигнал, показывающий, что некий враг, обладающий неизвестной мощью, проник в запретный район. Нечистый собирал силы. В затонувших городах, затерянных и захороненных навеки под топью и грязью болота, начала шевелиться странная и неестественная жизнь.

Миновало утро; бледное солнце слабо просвечивало сквозь туман. Ни один порыв бриза не рябил поверхности луж и озер; листья и стебли тростника неподвижно замерли в сыром воздухе. Путешественники все еще дремали, иногда всхрапывая или что-то бормоча во сне. Прошел полдень, но они все еще лежали неподвижно. Кончался день, солнце медленно садилось за облаками, затянувшими горизонт на востоке. Белесое ночное марево поднялось с темной поверхности воды, смешиваясь со светом уходящего дня.

И в этот сумрачный час пришел Обитающий в Тумане. Никто не знал, в каком логове он скрывался, где прятался днем. Грандиозные космические силы, спущенные с цепи Смертью, породили странных и ужасных созданий, никогда не знавших дыхания жизни. Одним из них был бродящий в туманах Пайлуда монстр. Оставалось лишь догадываться, каким образом он нашел троих путников; возможно, ему помогло сигнальное устройство, спрятанное в седельной сумке. Так или иначе, он разыскал их — и этого было достаточно.

Но Иеро получил предостережение. Его тренированный разум, даже во сне контролирующий окружающее пространство, поднял тревогу. Он проснулся, судорожно

сжимая свой серебряный медальон, как будто крохотные крест и меч могли защитить от подкравшейся к нему гибели.

Туман наконец поднялся над темной протокой, у которой они разбили лагерь, и теперь можно было разглядеть маленькое судно, появившееся из-за соседнего островка. Размерами с небольшой баркас, с закругленными носом и кормой, оно было выкрашено в черный цвет, и его корпус почти сливался с поверхностью воды. В нем неподвижно стояла фигура, закутанная в белесый плащ с низко надвинутым капюшоном. Каким образом двигалось это странное судно, было непонятно, но оно уверенно рассекало маслянистую воду, направляясь прямо туда, где сидел изумленный священник.

Перед жуткой фигурой, облаченной в одеяние, напоминающее саван, распространялась мощная волна злобы, ударившая по сознанию человека и охватившая его, словно огромная и холодная сеть. За спиной Иеро покачивались два его верных спутника, спящие, недвижимые. Телепатическая сила Обитающего в Тумане подняла животных на ноги, но не разбудила их, оставив погруженными в транс. Метс понял, что нечто ужасное захватило их всех, что это существо может уничтожить его животных, может командовать им самим и что цель жуткого монстра — поработить его, Иеро, душу, разум и тело. Он вдруг отчетливо осознал, что приближающаяся тварь и есть та опасность, о которой предупреждали Крест и Глаз.

Все это вихрем пронеслось в его голове, пока он лихорадочно готовился к схватке. Черная лодка завершила свое безмолвное скольжение по воде, уткнувшись носом в берег в десяти футах от того места, где сидел священник. И тогда он увидел в тени капюшона глаза Обитающего в Тумане, два бездонных провала, источавших ужас и злобу.

Это был еще один телепатический поединок, подобный тому, который Иеро безуспешно пытался вести со

С'нергом. Существовало, однако, важное отличие. Колдун Нечистого, какой бы силой он ни обладал, все-таки был человеком, и его телепатические способности, развитые и усиленные годами тренировок, были врожденными. Это же существо, возникшее из тумана, не имело ничего общего с родом людским. О существовании подобного создания Иеро ничего не знал; он мог только ощутить, что огромная телепатическая сила присуща самой природе этого монстра, естественна для него. Болотная тварь искала мыслящие формы жизни, чтобы паразитировать на них, высасывая мозг так же инстинктивно, как вампиры пьют кровь своих жертв. Это давало ему жизнь.

Иеро ощутил удушье; это чувство всегда сопутствовало появлению Обитающего в Тумане. Казалось, мозг и тело сдавили могучие тиски, выжимавшие из него энергию и силы. Одновременно с этим он почувствовал странный покой и даже в какой-то степени удовольствие, как будто телепатический вампир убаюкивал его, чтобы быстрее сломить волю к сопротивлению. Атака этой болотной твари была сокрушительной. Напряжение ментального поля возрастало, оно стало почти физически реальным, окутывая плотной телепатической аурой капюшон монстра, очертания которого стали искаженными и расплывчатыми.

Сжимая священный символ, висевший у него на груди, Иеро сражался с мужеством отчаяния. Он попробовал противостоять убаюкивающему ощущению блаженства, сосредоточив все свои силы на идее аскетизма и чувства долга. Невольно ему вспомнились суровые тренировки в школе Аббатства, во время которых ученики вступали в молчаливые телепатические поединки друг с другом, стремясь подчинить противника своей воле. Используя один из приемов отвлечения сознания, он начал мысленно повторять таблицы логарифмов, восстанавливая логические связи в своем мозгу, угнетенном внезапным ментальным ударом возникшего из тумана чудовища.

Специалисты Аббатств уже давно знали, что древние математические формулы были действенной защитой от телепатической атаки. Повторение и мысленное воспроизведение этих формул, основанных на логике и здравом смысле, создавало мощный барьер против иррационального распада разума, главного телепатического оружия Нечистого. Сначала Иеро чувствовал себя довольно уверенно, но выматывающая, вытягивающая все силы телепатическая мощь Обитающего в Тумане казалась неисчерпаемой. Едва священник успевал отбить одну атаку, как немедленно начиналась новая. И чем сильнее становилось безжалостное давление на его разум, волю и чувства, тем более безнадежным казалось дальнейшее сопротивление.

Однако, когда его силы начали слабеть, Иеро неожиданно обнаружил в своей душе новый источник мощи — воспоминания об убитом колдуне, С'нерге. И сердце его воспрянуло, как развернувшая крылья птица, и понял он, что не иссякли его мужество, его мощь и его человеческая гордость перед болотной нежитью.

Иеро сосредоточился, мир вокруг него исчез, подернутый пологом небытия; он не видел ничего, кроме озер ужаса и мрака, плескавшихся перед ним, двух бездонных черных провалов — глаз Обитающего в Тумане. И в этих глазах он заметил (или почувствовал?) какие-то изменения, что-то уклончивое и нерешительное. Его мысленная связь с вампиром в эту минуту была столь тесной, что он сразу же осознал происходящее. Тварь больше не атаковала его! Сомнение в собственной силе, каким бы ничтожным оно ни было, подтачивало мощь телепатических ударов монстра, разбивало его холодную сосредоточенность и решимость завладеть добычей.

Впервые с начала схватки Иеро получил возможность нанести своему противнику ответный удар. Этот ментальный выпад не был сильным, скорее, нерешительным и неуклюжим, но болотный вампир покачнулся. Никто и никогда еще не смел бросать ему

вызов, его жертвы сдавались безропотно. Никто не знал, что происходило с ними, в какой ад они попадали и какой была их дальнейшая судьба, однако Иеро чувствовал, что их ожидало не только духовное порабощение, но и физические страдания.

Священник снова нанес мысленный удар и увидел, как в ответ страшным светом вспыхнули глаза призрака. Но он уже ощутил уверенность в своих силах, которая делала его непобедимым, снова вдруг начал осознавать внешний мир, почувствовал прохладный ночной ветерок на разгоряченном лице и ясно увидел перед собой остроконечный капюшон, скрывающий его врага. Он ударил еще раз и мощным телепатическим импульсом вдребезги разнес ментальные тиски, которыми вампир старался блокировать его разум. Теперь, призывая Троицу и всех святых на помощь, он начал сдавливать мозг чудовища — так же, как тот пытался раньше подавить его собственное сознание.

До сих пор ни один из сражавшихся в этом безмолвном поединке даже не шевельнулся, но когда мощная, почти осязаемая физически ментальная сила воина-священника начала уничтожать Обитающего в Тумане, он издал ужасный вопль, какой-то мяукающий звук, похожий на резкий звон оборвавшейся гитарной струны. Затем вампир начал отчаянно сражаться за свое существование, однако его усилия были напрасны; он еще жил, еще боролся, но уже был обречен.

Блокируя попытки призрака собраться с силами, Иеро мощью своей тренированной воли безжалостно сдавливал его сознание все сильнее и сильнее. Он напрягся в последнем страшном усилии — и неожиданно обнаружил, что воля врага сломлена. Тогда, глубоко вздохнув, священник нанес сокрушительный удар, остановивший все жизненные процессы в мозгу вампира. Еще раз последний ужасный визг раздался над болотной топью — предсмертный крик существа, никогда раньше не издававшего ни звука.

Затем — мгновенное разрежение воздуха, вакуум, беззвучный взрыв... и ничего более. Только посвистывание ночного ветра в верхушках тростников, писк насекомых и режущее ухо кваканье лягушек.

Черное судно по-прежнему стояло возле топкого берега, прямо перед Иеро, но фигура в плаще с капюшоном больше не маячила на носу. Куча бесцветного тряпья свешивалась с планшира, из нее медленно сочилась какая-то маслянистая субстанция, покрывающая отвратительными пятнами освещенную луной поверхность воды. Мерзким зловонием тянуло от этой одежды; по сравнению с ним аммиачный запах болотных газов казался благоуханием.

Задыхаясь от вони, Иеро подошел к черной лодке и сильно оттолкнул ее ногой от берега. К его изумлению, суденышко не заскользило по направлению толчка, а двинулось обратно точно тем же путем, которым раньше пришло к берегу. Туман рассеялся, и в лунном свете четко вырисовывалось черная тень, скользившая по воде к соседнему островку. Наконец лишенное своего страшного пассажира судно завернуло за остров и исчезло. С ним вместе исчезла последняя тайна Обитающего в Тумане.

Священник устало взглянул на полную луну, сиявшую над болотом. Ему казалось, что невероятная борьба, длившаяся не менее трех часов, заняла всего несколько мгновений. Однако он помнил, что в начале схватки небо на западе еще освещали лучи садившегося солнца; теперь же положение луны показывало, что время приближалось к десяти.

Он повернулся, взглянул на своих спутников и впервые за последние часы на его изможденном лице появилась улыбка. Спящий медведь, облепленный тучей москитов, тихонько повизгивал, его шкура мелко подрагивала. Клуц тоже спал, и его могучий храп и фырканье иногда перекрывали визг медведя. Вне всякого сомнения, оба были живы и невредимы, хотя вряд ли им снились приятные сны.

Священник произнес краткую благодарственную молитву. Он был еще слишком слаб; огромная нервная энергия, израсходованная на борьбу с болотным монстром, восстанавливалась медленно. Он чувствовал себя так, словно скакал галопом целые сутки, не слезая с седла.

Но медлить было нельзя. Каким образом этот обитатель туманов Пайлуда смог найти их? Эта загадка казалась неразрешимой, по крайней мере, сейчас; одно было ясно — монстр сумел добраться до них! И он получил откуда-то помощь! Это Иеро успел прочитать в мозгу гибнущей твари в последние мгновения, когда послал ее обратно в темную утробу Смерти, породившей вампира. И это не было связано с летательным аппаратом; путников выследили как-то иначе. Им надо двигаться, и немедленно, пока новые силы не брошены в погоню. Если вампир сумел найти их, это могли сделать и другие. Надо подумать, как Нечистый обнаружил их след... но не сейчас, позже...

Его забавляло новое чувство безграничной уверенности в своих силах — как он полагал, временное. В основе его, несомненно, лежали воспоминания о двух последних поединках, которые помогли священнику осознать собственную телепатическую мощь. Иеро вдруг понял, не удивившись даже, как пришло к нему это знание, что аббату Демеро и другим членам Совета было бы непросто выстоять против него в ментальной схватке. Он сердито отогнал такие мысли, считая их недостойными, но они не исчезли, оттесненные в глубины сознания. В школе Аббатства его обучили, по сути дела, начальным приемам ментального искусства; в действительности же телепатическая сила возрастала в геометрической прогрессии в зависимости от того, как часто и как успешно ее использовали. Две схватки, которые Иеро выиграл, даже при содействии медведя в первом случае, так усилили мощь его тренированного мозга, что он даже не мог себе и представить.

Священник снова повернулся к своим спутникам и, послав сильный ментальный импульс, разбудил их. Медведь чихнул, втянул носом влажный ночной воздух и сообщил:

— *Ты сражался. Я чувствую. Это в воздухе. Но нет крови и мы (никто из нас) не ранены. Был враг, который сражался мысленно?*

В очередной раз удивленный чуткостью медведя, Иеро кратко рассказал ему о нападении Обитающего в Тумане и о победе, которую он одержал.

— *Хорошо,*— последовал ответ,— *это очень хорошо. Но ты утомлен, сильно! Утомлен и встревожен (как) враг нашел нас. Пойдем. Пойдем немедленно. Мы можем поесть позже!*

Большой лорс обнюхал хозяина и с отвращением скривил губы, будто обнаружил какой-то неприятный запах, исходивший от покрытой болотной грязью кожи человека. Иеро оседлал его, попутно оторвав нескольких огромных пиявок, присосавшихся к ногам лорса. Прошло не более десяти минут, и они снова двинулись в путь под ярко светившей луной.

Ночное путешествие протекало спокойно. Единственным событием была неожиданная встреча с довольно крупной водяной змеей, попытавшейся укусить Клуца.

На рассвете путники разбили лагерь, как обычно, выбрав для него укрытое в зарослях место. Здесь рос уже не тростник, а густой высокий кустарник с темно-зелеными листьями, похожими на листья лавра. Иеро решил, что появление такой растительности, а также более твердая почва, по которой они двигались последние два-три часа, означают, что их странствие по болоту близится к концу. Нарубив тонких ветвей, он приготовил себе ложе и устало опустился на него. Он слышал, как лорс медленно пережевывает ветки, как тихо сопит во сне Горм; издалека до него доносился смутный гул множества птичьих голосов. Затем он уснул.

Вечером, когда путешественники поели, священник принялся обдумывать вопрос, занимавший его всю прошлую ночь, пока он покачивался в высоком седле.

Как вампир обнаружил их? Жидкая грязь, лужи и дождь мгновенно скрывали любой след. Если бы их искали по слуху, они наверняка бы почувствовали приближение погони. Мог ли летчик, паривший высоко в ночном небе, наблюдать за их продвижением? Возможно, враг, о котором ученым Аббатств было известно так мало, обладал умением видеть далеко в темноте? Но после длительного обдумывания Иеро отбросил эту мысль. Образы, которые он извлек из памяти погибающего монстра, достаточно определенно указывали, что тот сам обнаружил их, причем по какому-то следу, который они оставляли. Что это был за след?

Священник продолжал размышлять об этом, седлая Клуца и собирая свой нехитрый скарб. Он вскочил в седло и двинулся в путь под яркими звездами, неотступно думая о том, где и какую ошибку допустил? Хищники, похожие на огромных норок, просто бежали за ними по ручью, ориентируясь, вероятно, с помощью своего превосходного обоняния. Или же у них была еще какая-то подсказка? Может ли быть так, что и хищники, и пилот летательной машины, и подкравшийся в тумане монстр ориентировались по некоему указателю, который, если и не позволял определить точное положение троицы, то, по крайней мере, выдавал их присутствие в некотором районе? «Проклятье! — с досадой подумал Иеро.— Они как будто что-то привязали ко мне! Что-то вроде неистребимого сильного запаха, по которому меня сумеет выследить любая тварь».

Его мысли переместились к Нечистому и к возможностям, которыми тот мог обладать. Вдруг Иеро снова выругался, на этот раз возмущенный своим легкомыслием, и тут же приказал остановиться. В эту минуту они пересекали отмель, и метс, не тратя

времени даром, спрыгнул на твердый песок. Он открыл одну из седельных сумок, сунул в нее руку и вытащил то, что искал, под свет яркой луны.

Иеро так гневался, что руки у него дрожали. Он мрачно усмехнулся при мысли, что имущество мертвого С'нерга навело мстителей на след его убийцы. Бусинка света по-прежнему горела на циферблате похожего на компас прибора, слегка покачиваясь на линии, очерчивающей черный круг. Священник не нуждался более в доказательствах, он з н а л. Чем бы ни был этот удивительный прибор, а у него, возможно, имелось несколько назначений, именно он указывал, сообщал, где находится его владелец. Взбешенный собственной глупостью, Иеро бросил прибор на землю и раздавил его каблуком. Он не опасался взятого у С'нерга стержня, так как изучил его возможности. Что касается ножа колдуна, то он был только ножом и ничем больше. С облегченным сердцем священник снова вскочил в седло и подал спутникам команду двигаться на юг.

Далеко от него, в месте, недоступном свету солнца и звезд, высокая фигура в остроконечном капюшоне повернулась к панели, густо усеянной разноцветными светящимися лампочками. Заметив, что одна из них погасла, он пожал плечами; больше здесь ему нечего было делать.

ГЛАВА 4

Лучар

Когда перед восходом солнца путники остановились на очередной привал, стало ясно, что огромное болото кончается. Ночью им все чаще встречались полосы песчаного грунта, перемежавшиеся топким болотом. Огромные бревна, явно занесенные весенним половодьем, показывали, что эта местность иногда затопляется водой. На высоких участках сухого грунта, попадавшихся навстречу, стали появляться крупные деревья, постепенно сменявшие заросли тростника. Остроконечные скалы и крупные камни, торчавшие из прудов и каналов, образовывали целые острова. Задержавшись на одном из этих утесов, Иеро бросил взгляд вперед и в предрассветном сумраке увидел несколько больших движущихся куполообразных предметов, чернеющих внизу. Их неистовая активность поразила его, но, внимательно присмотревшись, он понял, что натолкнулся на группу снаперов, откладывающих яйца в прогретый солнцем песок. Он спешился и ждал около часа, пока последняя из чудовищных черепах не скользнула обратно в воду; до следующего сезона они больше не вспомнят о своем потомстве.

Осторожно озираясь по сторонам, человек и медведь спустились вниз и разрыли рыхлый песок. В неглубокой яме лежало несколько огромных, больше ладони взрослого мужчины, золотистых яиц. Горм жадно проглотил содержимое трех яиц, остальные Иеро сложил в одну из седельных сумок, и путники двинулись дальше. Медведь, отяжелевший после сытного обеда, едва поспевал за длинноногим лорсом.

Когда они поднялись на небольшую возвышенность, священник придержал своего скакуна. Впереди возвышалась гряда темных холмов или невысоких гор,

закрывающих горизонт. Эти неожиданно возникшие загадочные горы удивили его; здесь, в равнинном краю, среди болот и воды они казались ненастоящими. Метс решил разбить здесь лагерь и выбрал удобную расщелину в большой скале, недоступной для наблюдения сверху.

Взошло солнце, и Иеро, с нетерпением дожидавшийся рассвета, радостно и облегченно рассмеялся, так что даже медведь с испугом оглянулся на него. «Горы», возникшие перед ними в ночном сумраке, оказались гребнями высоких песчаных дюн, расположенных всего в миле от убежища. Они пересекли Великое Болото!

За этими дюнами лежало Внутреннее море, огромное, причудливо изрезанное водное пространство, легендарные Великие Озера древней Америки. Дорога, тянувшаяся из Республики Метс, вела дальше на восток, к шумному портовому городу Намкушу, находившемуся, очевидно, в сотне миль от места их привала. Что касается ближайших окрестностей, то никому, кроме нескольких неразговорчивых и осторожных торговцев, забредавших иногда в Канду, не было известно, какие города и селения лежат на этих берегах.

Люди купеческого сословия были, в основном, язычниками и неприязненно относились к Аббатствам и к любой твердой государственной власти, кроме собственного союза свободных торговцев. Они неохотно делились своими знаниями, и, возможно, каждый второй из них был шпионом или прямым слугой Нечистого. Однако Аббатства не могли отказаться от их услуг, и, кроме того, некоторые из торговцев, отважные и честные люди, служили разведчиками и тайными посланниками Аббатств, нередко принимая за это страшную смерть.

Слухи, просачивающиеся иногда на тысячи миль, и любые сведения, полученные от странствующих торговцев о западной, центральной и южной областях Внутреннего моря, были противоречивыми и неточ-

ными. Тренированная память Иеро легко воскресила ту скудную информацию, которую он смог получить перед тем, как отправился в путь.

Множество кораблей плавало в водах Внутреннего моря, от небольших гребных баркасов до парусных судов. Некоторые из них принадлежали пиратам, другие промышляли торговлей и перевозкой грузов. Однако подчас трудно было определить, кто есть кто; подобно легендарным викингам, честный купец мог с одинаковой легкостью ограбить своего партнера или совершить с ним торговую сделку — все зависело от обстоятельств. В глубоких водах, среди бесчисленных островов можно было изредка наткнуться на странные, таинственные корабли адептов Нечистого.

Здесь также водились огромные животные, которые обычно предпочитали большие глубины, но иногда охотились на мелководье вблизи берегов. Другие гигантские безымянные чудовища поедали только растительную пищу, но тем не менее были очень опасными, так как обладали большой силой и легко приходили в ярость.

Наихудшие из так называемых природных опасностей — все-таки самые древние, такие же древние, как само Внутреннее море, образовавшееся, как показывали старейшие карты Аббатств, из пяти огромных озер. Здесь были места, где огонь страшной радиации, следствие последнего катаклизма, все еще отравлял воду и воздух. Пираты, рискуя жизнью, иногда отваживались на грабеж какого-нибудь из Забытых Городов, расположенных на побережье Внутреннего моря и обозначенных пять тысяч лет назад как цели Первого Удара.

Некоторые из этих опасных мест стали рассадником мора; человек, рискнувший проникнуть туда, через некоторое время начинал ощущать тошноту и слабость, причем перед тем как погибнуть, передавал эту болезнь своим близким и соседям. Обычно те, кто посещал Забытые Города, стремились делать это тайно, опасаясь,

что их убьют соседи или члены пиратской команды их корабля, чтобы зараза не успела распространиться.

По берегам моря бродили группы кочевников, некоторые из них жили прямо на воде, другие основывали временные лагеря; почти все без исключения занимались рыболовством и почти все относились к чужакам недоверчиво и даже враждебно. Одним словом, Внутреннее море и его окрестности были оживленным и опасным местом, где человека могли прикончить разнообразными способами в любую минуту, причем совершенно неожиданно.

Все это пронеслось в голове Иеро, пока он пристально разглядывал дюны, стараясь представить, что находилось за ними. Наконец он задремал. Лучи солнца падали на его осунувшееся лицо, спутанные волосы, грязную, заскорузлую одежду. Он был похож на бродягу, принадлежащего к последним отбросам человеческого общества; никто не смог бы узнать в нем пера Универсальной Кандианской Церкви, одного из лучших учеников Аббатств.

Он проснулся вечером. Клуц меланхолично жевал молодые листья и побеги, стоя в тени скалы; рядом нетерпеливо переминался с ноги на ногу молодой медведь. Они быстро перекусили остатками куропатки пятидневной давности и сухарями и пустились в путь. Все трое испытывали чувство облегчения; казалось, тяжкие испытания последних дней близятся к концу.

Путешественники быстро преодолели узкую полосу земли, поросшей кустарником вперемежку с низкими кактусами, и достигли дюн. Песчаные холмы, как прикинул Иеро, возвышались не больше чем на сотню футов. Они поднялись на вершину ближайшей дюны и замерли в восхищении, разглядывая освещенное луной пространство.

Внизу, прямо перед ними лежал большой залив Внутреннего моря. Не более тысячи шагов отделяло их от длинной узкой прибрежной полосы, покрытой песком и кое-где заваленной принесенными водой стволами

деревьев. Прямо за тихим пляжем недвижно поблескивала в лунном свете вода, простиравшаяся до темного ночного горизонта. Слева и справа в морскую гладь вдавались два мыса, окаймляющих залив; до них было не менее нескольких миль. Ветер стих, и поверхность воды казалась спокойной, как в ванне. Внутреннее море, в котором не редкостью были суровые и сильные штормы, сейчас тихо дремало.

Но оно не было безжизненным. На гладком зеркале залива темнели огромные круглые листья водяных лилий, достигавшие нескольких ярдов в диаметре. Кое-где над ними нависали гроздья цветов, запах которых был так силен, что Иеро без труда различал его даже на значительном расстоянии.

На открытых водных пространствах между огромными листьями шумно плескались какие-то большие темные тела; иногда они исчезали и вновь выныривали сотней футов дальше. Стадо громадных, похожих на бегемотов животных резвилось на мелководье, относительно близко от берега; подымаемые ими небольшие волны покачивали цветущие лилии и иногда набегали на песок пляжа.

Иеро опустился на берег и стал наблюдать за морем. Очевидно, с купанием придется подождать. Конечно, ночью невозможно точно определить размеры, но и сейчас понятно, что любое из этих животных раза в четыре больше Клуца. Горм и лорс, шумно фыркая, нюхали воздух, возбужденные ночными запахами и играми животных в воде. Иеро велел им лечь и ждать вместе с ним.

Наконец одно создание выбралось из воды и, неуклюже переваливаясь, пошло по песку. Его длинное и низкое туловище опиралось на короткие и толстые ноги с тремя пальцами, а голова с довольно длинным рылом, выдававшимся вперед, походила на большой, немного сплюснутый с боков бочонок. Неожиданно животное зевнуло, показав сверкнувшие в лунном свете огромные зубы. Вода ручьем сбегала с его широкой

спины, мокрая короткая шерсть слегка блестела. Внимательно наблюдавший за ним священник понял, что это что-то среднее между свиньей и гиппопотамом, только значительно крупнее этих животных периода до Смерти. Бегемот начал поедать какие-то листья, короткие стебли которых пробивались через песок. Это мирное занятие так резко контрастировало с его ужасающим видом, что Иеро тихонько рассмеялся.

Очевидно, слабый шорох или запах долетел до гигантского создания; оно стало озираться с подозрительным видом, его короткие уши поднялись торчком. Наконец животное решило, что, если даже скрывающиеся во тьме наблюдатели ничем ему не грозят, безопаснее все-таки удалиться. Оно плюхнулось в воду, подняв тучу брызг, и через несколько минут присоединилось к своим сородичам, продолжающим резвиться среди лилий.

Священник встал, надеясь получше разглядеть стадо подобных бегемотам чудищ, и в эту минуту его взгляд уловил нечто изумившее и испугавшее его.

Над спокойной водой залива пронесся в лунном свете черный контур чудовищной рыбы, длинной и тонкой, с остроконечной вытянутой головой, похожей на щуку, которую Иеро мог выловить в любом северном озере. На короткое мгновение он почувствовал себя снова на родине, среди сосновых лесов и холодных прозрачных озер, а не на неведомых берегах теплого южного моря. Затем он покачал головой, прогоняя это ощущение; размеры существа, которое он увидел, вернули его к действительности.

— Отец Небесный! — тихо прошептал он.

Гигантская тень ударилась о воду с грохотом, подобным шуму от падения снаряда, выпущенного из какого-нибудь огромного метателя. Эта рыба могла проглотить любого резвящегося на мелководье бегемота в два приема!

Он в изумлении посмотрел вниз, на залив. Небольшая рябь пошла по воде, и крошечные волны набежали

на песчаный берег. Казалось, все увиденное просто приснилось ему. Появление левиафана заставило мгновенно исчезнуть стадо гиппопотамов, словно их никогда и не было.

Иеро подождал несколько минут, но, так как поверхность воды оставалась спокойной, решил, что крупные водяные твари исчезли надолго. Во всяком случае, он не собирался более терпеть грязь, облепившую его тело и одежду за время путешествия по болоту.

Оперев приклад метателя о бедро, Иеро погнал своего скакуна вниз по песчаной поверхности дюны. Клуц просто сел на свой широкий круп и съехал вниз, притормаживая вытянутыми передними ногами. Медведь последовал за ним.

Внизу они остановились — внимательные, настороженные, готовые и к бегству, и к сражению. Однако ни острое зрение и чуткий слух, ни великолепное обоняние — ничто не улавливало признаков опасности. Поверхность залива лежала перед ними спокойная и гладкая, как зеркало, и они без промедления направились к воде. Несмотря на раздраженное фырканье большого лорса, хозяин оставил его на страже. Сердитый Клуц топал копытами, ворчал и швырял рогами песок.

Горм осторожно вошел в воду на глубину шести дюймов, улегся на дно и стал перекатываться с боку на бок, пыхтя от наслаждения. Иеро стащил грязную одежду и бросил ее в теплую воду, прижав сверху большим камнем, затем тщательно вычистил кожаные сапоги, отскребая грязь ножом, и вымыл их. Покончив с этим, он занялся собственной персоной. Как и медведь, священник не стал заходить глубоко в воду. Он был прекрасным пловцом, но то, что он видел с вершины дюны, не оставляло сомнений, что глубокие места залива небезопасны. Даже сейчас, плескаясь на мелководье, он был все время настороже. Однако никто и ничто не побеспокоило его во время длительного

купания и последующей стирки. Наконец Иеро вернулся на берег вместе с медведем, шерсть которого так намокла, что, казалось, он стал меньше по крайней мере на треть.

Ворча и фыркая, большой лорс устремился в воду, взбивая пену огромными копытами. Грязь пластами отваливалась от его шкуры, постепенно принимавшей свой естественный темно-серый цвет. Закончив купание, лорс принялся поедать стебли водяных растений, бродя по колено в воде около берега.

Тем временем Иеро побрился и даже подровнял свои черные волосы, так что они больше не падали на глаза. Он достал из сумки чистую одежду, а выстиранную разложил на камнях для сушки. Одеваясь, он испытывал настоящее блаженство от чистоты своего тела и прикосновения свежего белья. Иеро растер ладонью рубец от раны; она уже не болела, подвижность ноги восстановилась, но шрам немного зудел.

Под мелким песком пляжа, намытым за столетия упорной работой прибоя, лежала гранитная плита. Ее выступы, пронзая слой песка, формировали причудливые скалы, торчавшие из дюн. Здесь, подумал человек, можно отыскать укромное место для дневки. Одна из скал показалась ему особенно подходящей; широкий выступ, нависавший сверху, козырьком прикрывал узкий вход в небольшую пещеру.

Скоро все содержимое сумок и прочее имущество перенесли туда. Иеро и медведь, расположившись на теплом песке, покрывавшем дно пещерки, дружно храпели. Клуц, челюсти которого неутомимо перетирали жвачку, стоял рядом; его мощный бок загораживал вход.

Священник проснулся поздним утром, чувствуя себя лучше, чем неделю назад. Неужели только семь дней прошло с тех пор, как он покинул узкую грязную дорогу далеко на севере? Прислушиваясь, он различил резкие крики птиц и какой-то отдаленный рокот,

причину которого установить не мог. Иеро вышел наружу.

Свежий теплый ветер дул над огромным озером, по его голубой поверхности пробегали волны с белыми шапками пены. Недалеко от песчаного пляжа покачивалась на волнах большая стая лебедей; казалось, внезапно налетевший из Арктики ураган забросал побережье кучками белейшего снега. Два его спутника, полные радостного возбуждения, затеяли веселую возню на открытом песке. Маленький медведь, рыча в притворной ярости, нападал на огромного лорса, который отчаянно старался зацепить этот меховой комок своими еще не окрепшими рогами. Когда это ему удавалось, Клуц становился на дыбы и в полном восторге молотил по воздуху передними копытами. Раздосадованный медведь начинал описывать круги, почти свиваясь в кольцо и пытаясь цапнуть свой собственный короткий хвост.

Эта игра показалась Иеро такой забавной, что на мгновение он забыл о возможном наблюдении с воздуха, однако через минуту уже внимательно всматривался в залитые солнечным светом небеса. Кроме нескольких маленьких пушистых облачков, медленно плывущих по ветру, никакого движения в небе не было. Тем не менее его возмутило легкомыслие помощников. Им, правда, удалось справиться с несколькими неприятными ситуациями, любая из которых грозила гибелью. Однако нельзя забывать, что лишь один хороший дневной переход отделял их от места, где он сам уничтожил коварный прибор, который так неосмотрительно взял у убитого колдуна. Иеро подумал, что этот приступ эйфории может погубить их так быстро, как скоро враги нападут на след.

Но метс не чувствовал никакой опасности и был бы рад тоже обзавестись четырьмя ногами, чтобы присоединиться к игре своих спутников. Продолжая внимательно осматривать окрестности, он начал обдумывать план дальнейших действий. Последние четыре дня

летательный аппарат, казалось, не появлялся. Почему бы не продолжить путешествие днем? Путь на восток вдоль морского побережья, усеянного скалами, был нелегким. Пусть будет так, решил он. Пока не появится летающая машина или какая-нибудь другая неведомая опасность, они будут двигаться в светлое время суток.

Животные заметили священника и стали прыгать вокруг, осыпая его ливнем песка.

— *Прекрасно!* — передал Иеро.— *Вы оба замечательно меня охраняли! Меня могли съесть, похитить или убить, пока вы тут развлекались!..*

Оба проказника знали, что он шутит, и не обратили внимания на его ворчание. Только Клуц вежливо покивал украшенной огромными рогами головой. Иеро положил ладонь на мягкие отростки и ощутил под тонкой бархатистой кожицей крепнувшие острия.

— *Стой!* — послал он сигнал.— *Стой спокойно, ты, неслух! Дай мне очистить тебя (твои рога) от шелухи.*

Лорс наклонил голову и стоял неподвижно, пока хозяин ощупывал его рога, проверяя, как сходит с них мягкий покров. Подобно самцам оленей, Клуц отращивал новые рога каждый год, и это не только отнимало у него много энергии, но и делало излишне нервным и раздражительным. Однако ученые Аббатств давно отказались от мысли вывести безрогую породу лорсов. Рога служили для животных важным орудием защиты; кроме того, излишек энергии, который образовался бы, если б рога ликвидировали, мог оказаться плохим приобретением.

Иеро осторожно счищал пальцами шелушащийся покров там, где тот легко сходил. И сам он, и Клуц хорошо знали, где следует остановиться. Они были неразлучны уже шесть сезонов, с тех пор как смешной и неуклюжий годовалый теленок впервые появился в доме Иеро. Затем священник достал маленькое стальное зеркало, тщательно побрился и нанес на лицо знаки своего сана, которые почти стерлись за время путе-

шествия по болоту. Сделав это, он упаковал сумки и оседлал своего скакуна.

Вскоре они двигались на восток вдоль пляжа; человек ехал, покачиваясь в седле, медведь ковылял за ним, увязая в песке и мелкой гальке. Им не пришлось долго ожидать признаков возвращения к цивилизации.

Из кучи полусгнивших стволов, палок и сорной травы, нанесенной волнами на берег маленькой бухты, на Иеро пристально уставился пустыми глазницами блестящий человеческий череп. Священник спешился и тщательно его осмотрел. Несколько клочков черной ссохшейся кожи показывали, что череп был не очень старым; в височной части зияла дыра. Иеро почтительно положил череп обратно и, вскочив в седло, двинулся дальше. Конечно, это могло быть случайностью, но куда делся скелет или хоть одна кость от него? Эта дыра выглядела так, будто что-то или кто-то пробил голову. Он перекрестился и произнес краткую молитву, испрашивая прощения у Всевышнего для несчастного существа, погибшего здесь.

Они немного отдохнули в полдень в тени большого дерева, в котором Иеро опознал пальму неизвестного ему вида. Такие деревья он видел раньше только на картинках; растущие в Тайге пальмы были гораздо мельче и походили на кустарник. Он решил, что зимы в этих краях, видимо, не столь суровы, если теплолюбивое дерево смогло перенести их.

В течение долгого полуденного времени с ними случился только один казус, к счастью, закончившийся весьма благополучно. Путники огибали по мелководью крутую скалу, выдававшуюся на десяток ярдов в море и закрывающую следующий участок побережья. Там, на открытом песке, они неожиданно наткнулись на большого дикого кота, пожиравшего тушу какого-то животного.

Хищник обнажил окровавленные клыки и сердито зарычал; его желтая с черными пятнами шкура подергивалась от возбуждения. Иеро вдруг решил

испытать новое оружие, появившееся в его арсенале. Он сосредоточился и нанес телепатический удар.

— *Прочь!* — приказал он.— *Уйди с дороги или будешь уничтожен!*

Животное скорчилось, будто получило сильнейший удар палкой, испустило пронзительный звук, как кошка, которую неожиданно шлепнули ладонью, и одним прыжком скрылось за ближайшей дюной. Собственный успех словно громом поразил священника; затем он залился смехом.

Снова спешившись, Иеро осмотрел тушу небольшой антилопы. Дикий кот разорвал ей горло и только приступил к трапезе. Это мясо вполне годилось в пищу и ему, и Горму, решил путешественник. Он бросил тушу на спину лорса перед лукой седла. Клуц даже ухом не повел. Кровь не пугала его; большому лорсу случалось перевозить и более неприятную ношу.

Несколько позже священник, в очередной раз окидывая взглядом море, резко осадил скакуна. Вдали, на фоне сверкающей под солнечными лучами голубой воды, появились два черных треугольника. Иеро наблюдал за судном несколько минут. Сначала казалось, оно тоже двигается на восток вдоль берега, но паруса начали постепенно опускаться за горизонт, и он понял, что корабль следует на юго-восток.

Двинувшись дальше, священник принял решение внимательнее наблюдать за морем. В подзорную трубу с корабля вполне можно было разглядеть Клуца и его всадника на большом расстоянии, а Иеро отнюдь не улыбалось закончить свою жизнь на галерах язычников, прикованным цепью к веслу, как он читал об этом в древних книгах. Кроме того, Нечистый тоже имел корабли, и эти удивительные суда появлялись, подобно призракам, в самых неожиданных частях огромного моря.

Они достигли мыса, на котором торчала темная скала, выдававшаяся в воду, когда до них долетел шум. Прошло уже довольно много времени после полудня, и

пока они не замечали ничего тревожного. Иеро выбирал наиболее безопасный путь, чтобы обойти скалу; как ему показалось, у подножия скального массива было довольно глубоко. В эту минуту в его ушах раздался яростный клекот, чудовищный, десятикратно усиленный эхом птичий крик. Он прозвучал снова и снова, и затем Иеро увидел ее.

Над ними, у гребня остроконечной скалы, парила коричневая птица, ее подобные парусам крылья простирались не меньше чем на тридцать футов. Опускаясь вниз, она раскрыла свой длинный клюв, загнутый на конце крючком, и снова издала поразивший священника клекот. В ответ откуда-то из-за скалы раздался такой же крик, и Иеро понял, что огромная птица была не одна.

Затем, смешавшись с птичьим клекотом, раздался ясный рокот барабана, долгий громоподобный раскат. Когда он оборвался, Иеро уловил шум множества пронзительных человеческих голосов; крики людей и птиц образовывали дикую какофонию. Снова загремел большой барабан, на мгновение заглушив все другие звуки. Иеро вздрогнул. Этот рокот он уже слышал сегодня на рассвете!

В это время Клуц, подгоняемый своим хозяином, огибал скалу; вода доходила ему до брюха. Медведь, загребая лапами воду, плыл перед ними.

Не только любопытство заставило Иеро двинуться вперед. Он подумал, что, очевидно, гигантские птицы гнездятся где-то у подножья скалы. Этот огромный изогнутый клюв выглядел достаточно впечатляюще, и священник не имел ни малейшего желания вступать в схватку со стаей подобных существ.

Продвигаясь на расстоянии фута от гранитного массива, человек и лорс обогнули его и осторожно выдвинулись за край, пытаясь установить, в чем причина странного шума. Медведь переместился в арьергард маленького отряда, предоставляя своим спутникам первыми храбро встретить любую опасность.

Первое, что заметил Иеро — столб с привязанной к нему девушкой, затем — стаю гигантских птиц и, наконец, последнее — зрителей. Он не сразу обратил внимание на шамана или колдуна, окруженного целой толпой помощников.

Небольшой, изогнутый в форме полукруга пляж спускался к воде. Его часть, противоположная морю, была отгорожена высокой наклонной насыпью из камней и земли, не позволявшей разглядеть, что расположено за ней. Скала, которую обогнул Иеро, и крутой холм, лежавший на расстоянии нескольких сотен ярдов, образовывали две другие стороны этой арены или своеобразного амфитеатра. С четвертой стороны плескалось море, волны которого лениво лизали белый песок. Маленький пляж был безупречно чист, и высокий деревянный столб в центре резко выделялся на его фоне.

К столбу на длинном, пятидесятифутовом кожаном ремне была привязана темнокожая, почти обнаженная девушка. Клочок ткани, обернутый вокруг талии, служил ей одеждой, шапка пышных черных волос обрамляла лицо. Один конец ремня был прицеплен к столбу, другой плотно охватывал оба запястья девушки. Она могла бегать, прыгать, увертываться, падать и вставать, но только в радиусе пятидесяти футов от столба, что она и делала. Ее тело, уже покрытое потом и блестевшее, как лакированное дерево, извивалось, когда она тщетно пыталась отсрочить надвигающуюся гибель.

Огромные птицы! Их было не меньше восьми, как заметил Иеро. Похожие на гигантских чаек, но коричневые, а не белые, с хищно загнутыми клювами, они кружили над девушкой, почти задевая ее крыльями. Как у чаек, их ноги имели плавательную перепонку и, видимо, их оружием были только смертоносные клювы. Несмотря на все старания девушки, было ясно, что она недолго продержится. Иеро видел, как она зачерпнула песок стянутыми ремнем

ладонями и швырнула его в глаза налетевшего хищника — птица отпрянула в сторону с яростным клекотом. Но длинная кровоточащая царапина на спине показывала, что не каждую атаку девушка отражала столь успешно.

Когда птица метнулась в сторону, люди пронзительно и насмешливо завопили. Они сидели рядами на насыпи; каждый ярус прикрывала сверху плетеная из ивовых прутьев крыша. Очевидно, это архитектурное сооружение они создали своими руками. Что касается крыши, то она предназначалась не столько для защиты от палящего солнца, сколько для того, чтобы птицы не смогли облюбовать себе жертву среди самих любителей развлечений.

Они были светлокожими, словно люди древней расы, которых Иеро видел на картинках в старых книгах, многие из них имели волосы каштанового и желтого цвета. Все, мужчины, женщины и дети, были полуголыми, и все вооружены — без сомнения, чтобы защищаться от птиц. Они размахивали мечами, копьями, топорами и хрипло вопили, подбадривая летающих убийц, подобно публике, наблюдающей увлекательное соревнование на одном из стадионов древних времен.

Отдельно на насыпи располагалась группа мужчин в устрашающих масках, увенчанных плюмажами из перьев; рядом с ними стояли огромные барабаны. Эти люди не защищались от птиц и, по-видимому, совершенно их не боялись. Пока Иеро наблюдал за ними, они, повинуясь приказу человека с самым высоким плюмажем,— очевидно, главного жреца,— согнулись над барабанами, и рокочущий грохот вновь раздался над побережьем. Зрители снова завопили, и их крики подхватили птицы, которые начали снижаться, сужая круги над своей жертвой. Внезапно шум прекратился, и толпа замерла в нетерпеливом ожидании дальнейших событий.

Почти без размышлений Иеро послал Клуца в атаку и выхватил метатель. В зубах он зажал две крохотные

ракетки, чтобы иметь возможность быстро перезарядить оружие. Когда лорс стремительно выскочил на пляж, его всадник заметил еще одну группу людей, занимавших места на ближайшей к нему стороне насыпи, которую раньше закрывала от него скала. Это были смуглые мужчины, добротно одетые, с кожаными шляпами на головах и совершенно не похожие на остальную публику. Как и все прочие, они тоже изумленно раскрыли рты при внезапном появлении Иеро.

Огромные птицы, напуганные атакующим лорсом и всадником, которых они приняли за некое невиданное комбинированное существо, быстро взметнулись в небо. Все, кроме одной, которая была так занята девушкой, что ничего вокруг не замечала. Пытаясь ускользнуть от нее, беглянка резко прыгнула в сторону и упала ничком на песок. Очевидно, пленница ударилась так сильно, что почти потеряла сознание. Она медленно ползла по песку, но, когда птица почти неподвижно зависла над ней, вытянув голову со страшным клювом, девушка, казалось, почувствовала это, перевернулась на спину и попыталась прикрыть лицо связанными руками.

«Она все еще готова сражаться! — с восхищением подумал Иеро.— Эта девчонка крепко держится за жизнь!» Он вскинул метатель и прицелился. Длительная практика в обращении со всеми видами оружия сделала это движение почти инстинктивным, причем выработанный тренировками рефлекс действовал только тогда, когда это было нужно.

Грянул выстрел, и маленький снаряд ударил крылатое чудовище прямо в грудь. Последовала ослепительная вспышка белого пламени, затем на землю упали два больших крыла, уже ничем не соединенные друг с другом, да несколько перьев, кружась, поплыли по воздуху. Иеро соскочил на песок, одним движением перерезал ремень, которым девушка была привязана к

столбу, и перебросил ее легкое смуглое тело через переднюю луку седла.

Тем временем ошеломленные любители зрелищ пришли в себя. С яростными воплями они вскочили на ноги, и священник понял, что следующим номером программы будет обстрел его персоны из всех видов метательного оружия. Он вскочил в седло и ударил Клуца деревянным прикладом метателя.

— Вперед, парень! — крикнул он вслух и только тогда заметил, что выронил два снаряда, которые сжимал зубами.

Он сунул метатель в кобуру и крепко обхватил девушку за талию левой рукой. К счастью, она либо потеряла сознание, либо была исключительно понятлива и потому лежала совершенно неподвижно, не мешая своему неожиданному спасителю.

Путь же к спасению был только один — по мелководью, в обход дальнего холма, ограничивающего пляж с востока. Клуц ринулся к воде как раз в ту секунду, когда первое копье воткнулось в песок за его задними копытами. В следующее мгновение Иеро услышал свист летящих копий, более опасных, чем стрелы, одна из которых проткнула левую седельную сумку.

Но основное его внимание было направлено вперед. Главный жрец или шаман с высоким плюмажем, который командовал барабанщиками в масках, покинул насыпь вместе со своими помощниками и устремился к морю с явным намерением перекрыть дорогу беглецам. Обстрел прекратился; очевидно, орда опасалась попасть в соплеменников.

Шаман бежал впереди своих людей, размахивая длинным тяжелым мечом; он сбросил маску, и в его бледном узком лице и блестящих голубых глазах Иеро прочитал яростный фанатизм. Однако в этом человеке чувствовался незаурядный интеллект, и он не походил на тупого дикаря. После мгновенного раздумья Иеро решился. Он передвигался значительно быстрее и мог

избежать столкновения, но лучше всего было максимально ослабить противника.

— *Убей его, Клуц!* — послал он мысленную команду, продолжая железной хваткой сжимать безжизненное тело девушки. Он знал, что его приказ будет выполнен.

Большой лорс повернул чуть влево и помчался так, чтобы пересечь дорогу предводителю врагов. Шаман, боясь упустить беглецов, ринулся вперед еще быстрее. С воплем он поднял свой меч — и упал.

Не прерывая стремительного бега, лорс нанес страшный удар передней ногой. Огромное копыто попало жрецу прямо в живот и отбросило его тело, изломанное и залитое кровью, в толпу. Клуц мчался вперед, и первые крики ярости и горя долетели до ушей его всадника, когда они уже выехали на мелководье и огибали скалу, ограничивающую восточную оконечность пляжа.

Иеро с радостью увидел, что за скалой на несколько миль простиралось ровное побережье. Теперь преследователи уже не смогли бы их настичь, и священник погнал лорса вперед, намереваясь двигаться до тех пор, пока хватит сил. Единственным препятствием, которое он успел заметить, была маленькая речка, чьи воды сверкали в лучах послеполуденного солнца полумилей дальше. Она не показалась Иеро особенно широкой, и он решил, что только ее середину придется преодолевать вплавь.

Священник взглянул назад и усмехнулся, увидев маленькие фигурки, размахивающие копьями у скалы. Внезапно, будто резкий толчок всколыхнул его память, тревожная мысль мелькнула в голове. Горм! Куда подевался его товарищ и проводник? Может, он убит? Или попал в плен? Иеро не успел еще обдумать до конца все возможные версии, как получил ответ он своего скакуна. Это поразило священника; внезапно он почувствовал, что никогда, вероятно, не сможет до конца оценить ум и сообразительность Клуца.

— *Он найдет (нас) по следу/запаху (позднее),*— пришел сигнал от лорса.— *Он идет (в отдалении) не около воды.*

Передав это сообщение, лорс погрузился в молчание и стремительно понесся по белому песку к быстро приближающейся реке.

Далекий пронзительный крик одной из гигантских птиц долетел до Иеро, снова заставив его оглянуться. Он подумал, что шаманы этих дикарей, возможно, умеют телепатически управлять птицами, и тогда скорая погоня и схватка неизбежны. Он не забыл про одинокий череп с дырой в виске; здесь наверняка поработали птичьи клювы. Но не было времени проверить это предположение. Вскоре, к своему облегчению, он заметил, что птицы кружат высоко в небе. Наконец вся стая потянулась в сторону моря.

Внезапно спасенная девушка разразилась потоком непонятных, но явно сердитых слов; одновременно она начала дрыгать ногами и извиваться, как ящерица. Иеро придержал лорса и огляделся. До реки еще оставалось несколько сотен ярдов, крошечные фигурки их врагов едва виднелись позади.

— Я уже могу отпустить тебя, женщина,— сказал он вслух, помогая девушке устроиться на спине лорса.

Он потянулся за ножом, чтобы перерезать ремень, который все еще стягивал руки пленницы, но первый же внимательный взгляд на нее заставил Иеро замереть в изумлении. Совершенно не смутившись, девушка ответила ему таким же пристальным взглядом.

Она была совершенно не похожа на любую из женщин, которых он видел раньше, но, несмотря на это, показалась ему прелестной. Что-то дикое, неукротимое и одновременно своеобразное и бесконечно пленительное ощущалось в ней. Ее кожа была темнее, чем у него, цвета густого шоколада, а большие черные глаза не светлее его собственных, нос имел изящные правильные очертания, темные губы казались непривычно полными. Огромная копна спутанных волос

состояла из множества плотных вьющихся локонов, похожих на черную проволоку. Взгляд на ее крепкие небольшие груди привел Иеро к убеждению, что она значительно моложе, чем ему показалось сначала. Женщины метсов прикрывали верхнюю часть тела, но он инстинктивно почувствовал, что нагота была естественной и привычной для беглянки, и не сомневался, что даже утрата очень короткой и порядком изношенной юбки не слишком смутила бы ее.

В свою очередь недавняя пленница изучала его бронзовое лицо с орлиным носом и короткими черными усами и, очевидно, осталась вполне довольна. Она подняла свои связанные руки и что-то нетерпеливо произнесла на своем непонятном языке. Иеро вытащил нож, перерезал ремень, стягивающий тонкие запястья, и усадил девушку перед собой. Касаясь ее рук и тонкой талии, он чувствовал, что мышцы под бархатистой кожей крепки, как сталь.

Он снова направил Клуца к реке. По какой-то причине, которую он не мог понять, его мысли обратились к этому не очень внушительному потоку. Казалось, с рекой связано что-то важное, что обязательно нужно вспомнить. Относилось ли это к людям, бесновавшимся позади, в амфитеатре на маленьком пляже? Дьявол, да что же это такое? Ощущение вины из-за того, что он рискнул успехом своего предприятия, поддавшись чувству жалости к девушке, которую никогда не видел раньше? Нет, не то! Проклятье, думай о реке, это как-то связано с рекой!

Предчувствие, так мучившее его, превратилось в ясную и четкую мысль с некоторым опозданием. Они уже достигли реки, и священник увидел длинное каноэ, пересекавшее мутный поток под ударами дюжины весел. Когда белокожие гребцы заметили их, свирепые крики огласили окрестность, и весла заработали быстрее.

Конечно же — деревня или временный лагерь! Укрытый от налета с моря поселок должен лежать у реки,

если он не встретился раньше! Там, на пляже, Иеро почти догадался об этом. Среди зрителей было много детей и женщин; значит, поселок где-то неподалеку, иначе они не смогли бы дойти сюда. Сообщение о случившемся передали в лагерь почти наверняка с помощью примитивной, но достаточно действенной телепатической связи. Это искусство было известно не только в Канде; им владели народы материка, хотя и в меньшей степени. Очевидно, у этого дикарского племени были хорошие шаманы.

Пока эти мысли проносились в голове, Иеро лихорадочно заряжал метатель, одновременно посылая Клуца в воду. Если они попадут в ловушку на берегу... Лучше рискнуть и войти в реку. Поток был не больше нескольких десятков ярдов в ширину; за ним простирался ровный и заманчиво пустой пляж.

Сидевшая перед Иеро девушка, не говоря ни слова, потянулась назад и вытащила копье, притороченное к седлу. Непроизвольное высокомерие этого жеста заставило Иеро усмехнуться. Она, похоже, была весьма упорным созданием, и не робким!

С метателем его постигла неудача. Он долго целился, но когда Клуц шагнул в воду, от толчка случайно надавил на спусковой крючок. Выстрел оказался напрасным, ракета ушла в сторону. Перезарядить карабин было невозможно: каноэ слишком приблизилось, и его острый нос плясал уже в нескольких ярдах от лорса, энергично плывущего к противоположному берегу.

Но люди, сидевшие в каноэ, никогда раньше не видели такого северного зверя и не имели представления о смертельной опасности, которой грозил им союз тренированного человека с могучим животным. Иеро обхватил обеими руками девушку, крепко сжал ногами бока своего скакуна и приказал Клуцу нырнуть.

— *Вниз, парень, вниз!* — послал он мысленную команду.— *Двигайся под ними!*

Опускаясь вместе со своим скакуном под воду, он видел ошеломленные лица гребцов; некоторые из них уже отложили весла и взяли в руки оружие, готовясь к схватке.

Клуц благодаря своей ловкости или удаче — этого Иеро никогда не смог бы до конца понять — беспрепятственно шел по дну реки, ступая осторожно, но уверенно. Священник, закрыв глаза, согнулся над своим неожиданным призом, защищая девушку от возможного удара сверху. Он почувствовал, как каноэ скользнуло над ним, задев спину. В следующую минуту лодка наткнулась на круп Клуца, который не собирался разводить лишние церемонии. Слегка присев на задние ноги, он мощным толчком подбросил суденышко вверх.

Когда два полузадохнувшихся человека и лорс вылезли из-под воды, каноэ, взлетевшее прямо в воздух, развалилось, раскидав свой бравый экипаж в разные стороны. Эти люди умели плавать, и Иеро с облегчением заметил, что на этот раз, кажется, обойдется без лишних жертв. Священник умел быть безжалостным к врагам Аббатств, но ему претило убивать людей, чья единственная вина состояла в их невежестве.

Лорс нес своих всадников под бессильными угрозами и невнятными воплями, заглушаемыми плеском воды. Они достигли восточного берега, и метс, насмешливо прищурив глаза, помахал рукой барахтающимся в воде противникам.

В низких лучах заходящего солнца перед всадниками неслись их гигантские тени. Иеро отпустил девушку, и она, слегка согнув ноги, сидела прямо перед ним. Длинный порез на ее плече и спине начала кровоточить, и мили через две священник велел лорсу остановиться. Спрыгнув на землю, он усмехнулся, увидев, что девушка все еще сжимает копье.

— Хм-м, пожалуй, ты можешь положить его обратно,— сказал он, указывая на петлю под седлом, в которой закреплялось оружие.

Девушка что-то пробормотала, огляделась вокруг, кивнула головой, не обнаружив опасности, и, вставив древко копья в петлю, соскочила вниз. Она с любопытством наблюдала, как Иеро доставал мешочек с медицинскими принадлежностями, и послушно кивнула, когда он жестом показал, что хочет перевязать ее порез. Свидетельствовало ли это о ее доверии или покорности, Иеро пока не понял. Даже чудодейственная мазь, которой его снабдили врачи Аббатств, не снимала сильной боли, но девушка не издала ни звука. Наконец он забинтовал рану и снова посадил девушку на спину лорса. Укладывая обратно мешочек с лекарствами, Иеро заметил, как она прильнула к длинной шее Клуца и легонько почесывает его за ушами, что лорс очень любил. Теперь Иеро не сомневался, что она превосходно умеет обращаться с животными.

Вскочив в седло, он по привычке оглянулся назад, но погони не заметил. Над пляжем поднимались покатые силуэты дюн с торчащими кое-где скалами. Никакого движения, ни шороха, ни подозрительного запаха — только тихий плеск волн и шипение пены на белом песке.

Был поздний вечер, низкие облака багровели на западе, освещенные последними лучами солнца. Настало время выбирать место для лагеря, но они проехали только несколько миль, а Иеро не без оснований полагал, что дикари умеют хорошо выслеживать добычу. Убийство шамана наверняка привело их в дикую ярость, и они могут начать упорное преследование, чтобы отомстить за его смерть. Девушка, однако, нуждалась в пище и хорошем отдыхе. Она казалась крепкой и сильной, но то, что она вынесла за этот день, было свыше человеческих сил. Священник тоже

устал, хотя на его долю пришлось значительно меньше утомительных приключений.

После часа езды в почти полной темноте впереди замаячила вода. Было невозможно установить ширину потока, и переплывать его во тьме показалось Иеро рискованным. Он повернул лорса, и путники направились вдоль этой реки или ручья вверх по течению. Их движение поневоле замедлилось, так как берег зарос кактусами, соснами и кустарником. Пристально всматриваясь в прибрежный откос, Иеро заметил слева темный холм. Он приказал Клуцу двигаться туда и с удивлением обнаружил, что «холм» — необычный круглый кустарник или низкое дерево около сорока футов высотой, с толстым центральным стволом. Его ветви образовывали плотный естественный тент диаметром в несколько ярдов низко над землей.

Расседлав лорса, Иеро отпустил его кормиться, велев также бдительно охранять лагерь. Он решил рискнуть и развел маленький костер. Когда вспыхнувшее пламя осветило их убежище, священник вдруг подумал, что разжигать костер было вовсе ни к чему, просто ему хотелось видеть лицо девушки. Это открытие раздосадовало его.

Она сидела спокойно, обхватив колени тонкими руками, пока Иеро распаковывал сумки. Когда он протягивал ей еду или воду во фляге, она молча принимала все это, не делая попыток заговорить. Закончив короткий ужин, она стряхнула крошки с коленей и уставилась в огонь, спокойная и безразличная. Очевидно, пришло время попытаться наладить контакт.

Для этого было четыре возможности. Вскоре выяснилось, что она не понимает метсианского языка, наречия западных иннейцев и не знает языка знаков. Но когда Иеро попробовал батви, жаргон купцов и торговцев, она впервые улыбнулась и ответила. У нее был непривычный акцент, и произношение многих слов звучало для метса странно, но священник догадывался,

что если сам он пришел с одного конца длинной торговой дороги, то ее родина скорее всего была на другом, за тысячи миль от лесов Канды.

— Откуда ты? — спросила она.— Ты похож на торговцев невольниками, продавших меня бледнокожим дикарям, но ездишь на чудесном животном, которое умеет сражаться, и спас меня от этих варваров. Но ты же ничем мне не обязан! Почему ты это сделал?

— Сначала я хотел бы кое-что узнать о тебе,— прервал ее Иеро.— Как твое имя, кто ты такая и как появилась в этих краях?

— Я — Лучар,— сказала она.

Ее голос был высоким и тонким, приятного тембра. Она назвала свое имя с достоинством; «я — это я» прозвучало в этом коротком ответе. Так мог говорить только человек, уважающий себя. Иеро это понравилось, как нравилось многое в странной девушке, но он не подал вида.

— Прекрасно, Лучар,— произнес он,— у тебя красивое имя. Не ответишь ли на другие мои вопросы? А также скажи, что я могу сделать для тебя? — добавил священник.

— Я убежала из дома... — Ее голос, как и лицо, были сейчас спокойными, лишенными каких-либо эмоций; казалось, она просто констатировала факт — не более того. Однако Иеро заметил, что она очень внимательно наблюдает за ним и что глаза ее блеснули в свете костра.— Моя родина далеко, очень далеко от этого моря, я думаю, вон там.— И она уверенно указала на северо-запад, на хвойный океан Тайга.

— А я думаю, ты не права,— сухо возразил священник,— потому что сам пришел оттуда. И я никогда не слышал, чтобы в наших краях жили похожие на тебя люди. Но не надо мучиться с географией,— добавил он, пытаясь смягчить свой резкий тон,— это неважно. Расскажи мне о своей стране. Она похожа на эту? Какой народ населяет ее? Ты назвала

этих бледнокожих варварами. Странное слово в устах девушки-рабыни!

Им было не просто говорить друг с другом. То и дело приходилось уточнять некоторые слова, которые они понимали по-разному, догадываться о смысле неизвестных выражений и учитывать различия в произношении. Но они оба обладали острым умом и быстро нашли общий язык. С каждой минутой, с каждой произнесенной фразой они понимали друг друга все лучше и лучше.

— Мой народ силен и могуществен,— сказала девушка твердо.— Наши люди живут в каменных городах, а не в грязных хижинах из шкур и ветвей. Они великие воины, и даже большой рогатый зверь не мог бы спасти тебя, как он сделал это днем на реке, если бы тебе пришлось сражаться с нашими мужчинами.

«Только женщина,— подумал Иеро с горечью,— смогла бы приписать Клуцу наш успех». Он покачал головой и произнес вслух:

— Ну, ладно, твой народ велик и силен. Но что ты делаешь здесь? Я полагаю, ты проделала долгий путь, пока попала в эти места.

— Я предпочитаю,— заявила она,— чтобы ты первым рассказал, кто ты такой, откуда прибыл и какое положение занимаешь в своей стране.

— Я — пер Иеро Дистин, киллмен и священник Универсальной Церкви. И я не понимаю, почему голую девчонку-рабыню интересуют положение и титулы человека, который спас ее от очень неприятной смерти! — Он сердито сверкнул глазами, но это не произвело на нее никакого впечатления.

— Твоя церковь не может быть универсальной,— ответила она спокойно,— ведь я ничего не слышала о ней. И ничего удивительного, сэр священник, так как истинная церковь существует только в моей стране. И если бы у нас кто-нибудь похожий на тебя, с такой дурацкой раскраской на лице, заявил, что он священник, то без промедления попал бы в дом умалишен-

ных. Должна также сказать,— продолжала она спокойным лекторским тоном,— что я не всегда была девчонкой-рабыней, и любой воспитанный человек, обладающий приличными манерами, мог бы это заметить.

Несмотря на привитую в школе Аббатства выдержку и умение общаться с людьми, Иеро слегка смутился.

— Приношу свои извинения вашей светлости,— кисло заметил он.— Я полагаю, вы были принцессой в вашем могущественном королевстве, обрученной с недостойным поклонником, и предпочли сбежать из дома, нежели выйти за него замуж. Я верно излагаю суть дела?

Лучар уставилась на него, открыв рот:

— Откуда ты узнал все это? Может быть, ты шпион моего отца или Эфрема, посланный, чтобы вернуть меня обратно?

В свою очередь Иеро в недоумении уставился на нее, после чего расхохотался самым неприличным образом.

— Мой бог! — воскликнул он.— Эти фантазии можно извлечь из головы любой девчонки, наслушавшейся древних легенд! Давай прекратим бесполезно тратить время на эти бредни, согласна? Я хочу получить ответы на свои вопросы. И должен предупредить тебя, что умею получать правдивые ответы, если только утонченное воспитание и манеры, которыми ты хвастаешь, плюс некоторая благодарность ко мне не подвигнут тебя ответить. Теперь рассказывай! Из какого места известного нам мира ты пришла? Если ты действительно не знаешь, где лежит твоя страна, то скажи мне, по крайней мере, как она называется? Как ты очутилась здесь?

Девушка мрачно посмотрела на него, ее глаза сузились, как будто в задумчивости. Затем лицо ее прояснилось, она приняла решение и заговорила мягко и смущенно.

— Прости меня, пер Иеро, я не хотела грубить тебе. Очевидно, я так долго была важной персоной, что мне очень трудно стать обычным человеком. Моя страна, как я полагаю, лежит где-то на юге, только, видишь ли, теперь я не знаю, где юг. Я действительно жила в городе, и этот дикий берег, скалы и болота — совсем не то, к чему я привыкла. О да, моя страна называется Д'Алва и лежит на побережье соленого моря Лантик. Что еще ты хочешь знать?

— Ну,— сказал Иеро весело,— это уже значительно лучше. Должен заметить, что я вовсе не такой дрянной человек, как тебе могло показаться. Только запомни, я люблю правду, моя девочка. Оставь сказки для детишек, и мы будем друзьями. Расскажи теперь, как ты оказалась в том довольно неприятном положении, в котором я тебя застал.

Пока крошечное пламя костра плясало на тонких ветках, Лучар поведала ему свою историю. Хотя Иеро поверил ей не больше чем наполовину, и этого было достаточно, чтобы приковать его внимание.

Судя по ее рассказу, она действительно пришла с далекого юго-востока — оттуда, куда направлялся он сам. Это заставило его с особым вниманием ловить каждое ее слово, каждую фразу.

Ее страна была землей каменных городов и тропических лесов, гигантские деревья которых достигали небес. Это была также земля постоянных сражений, крови и смерти, земля огромных зверей и воинственных людей. Церковь и духовенство, насколько он понял, как и Аббатства, проповедовали мир, терпимость и сотрудничество. Но священники не могли прекратить постоянные войны между различными городами и государствами. Их социальная структура включала несколько слоев: благородных дворян, купцов, ремесленников, крепостных крестьян; во главе стояли самодержавные властители. Государства обладали армиями, настолько крупными, насколько позволяла их экономика, основанная на налогах, взыскиваемых с крестьян.

Иеро засыпал девушку градом вопросов:

— Умеют ли ваши люди читать и писать? Есть ли у вас старые книги о прошлом? Знаешь ли ты о Смерти?

Конечно, они умели читать и писать, отвечала она. По крайней мере, духовенство и многие из сословия дворян. Бедняки занимались тяжелым трудом и, кроме некоторых, посещавших церковные школы, не учились ничему. Купцы знали простейшие арифметические действия. Что еще его интересует? О Смерти, конечно, помнили все. Но книги древних лет были запретными для населения, кроме, возможно, духовенства. Она сама никогда не видела ни одной, хотя слышала о них. Каждый, кто нашел такую книгу, должен был сдать ее властям под угрозой наказания смертью.

— Великий бог! — воскликнул пораженный метс.— Если все, что ты говоришь,— правда, то ваш народ собрал весь социальный утиль прошлого в его наихудшем виде. Я знаю, некоторые племена, живущие здесь, у Внутреннего моря, имеют рабов и занимаются разбоем, и думал, что они, вероятно, наиболее отсталый народ из всех известных нам. Но ни в Республике, ни в Отве ничего не слышали о вашей стране. Королевства, крепостные крестьяне, беспрерывные войны, армии и почти поголовная неграмотность! Если твоя страна в чем и нуждается, так это в хорошей социальной чистке!

Его непритворное негодование было встречено молчанием девушки. В гневе она закусила полную нижнюю губу, кровь прилила к ее темным щекам. Однако глупое упрямство не было свойственно Лучар; она уже понимала, что ее странный спаситель человек умный и, главное, образованный. И она впервые за всю свою жизнь почувствовала, что ее далекая родина отнюдь не совершенна.

— Извини меня,— отрывисто произнес Иеро,— я слишком резко отозвался о твоей стране. Я никогда не слышал о чем-либо подобном. Возможно, Д'Алва — очень приятное место или, во всяком случае, интерес-

ное. Давай перейдем к твоей собственной истории. Мне хотелось бы услышать, как ты очутилась здесь, так далеко от Лантического моря. Я знаю, какой длинный путь ведет туда; ведь мой путь с севера был не меньшим.

— Ну,— начала она несколько неуверенно,— я убежала... убежала от моего хозяина... Я была его рабыней, и он жестоко относился ко мне... Я говорю правду,— прошептала она, и ее темные глаза наполнились слезами.

— Хорошо, девочка, я верю тебе. Продолжай. Когда это случилось?

Лучар бежала больше года назад. Первое время ей было очень тяжело, она воровала жалкую пищу из крестьянских лачуг и почти все время оставалась полуголодной. Несколько раз она встречалась с дикими зверями; немного удачи и огромная жизненная стойкость помогли ей избежать гибели. Вскоре она раздобыла оружие, украв копье и нож. Так она жила несколько месяцев на границе между обитаемыми землями и великими джунглями, пока однажды не сломала лодыжку, упав с дерева. Она ожидала неминуемой смерти, если какой-либо хищник обнаружит ее, но, на счастье Лучар, первым нашел ее эливенер.

— Как, ты тоже знаешь о них? — с изумлением спросил Иеро.— Я не представляю себе, как они могли забраться в такую даль. Что делают эти люди в вашей стране? Доверяет ли им ваш народ?

Он был очень возбужден; здесь, несомненно, была связующая нить между их странами, разделенными огромным расстоянием и несходством жизненного уклада.

Эливенеры, последователи так называемой «Одиннадцатой Заповеди», были братством странников, образовавшимся, возможно, еще до Смерти. Они носили простые коричневые хламиды, были строгими вегетарианцами и не касались никакого оружия, кроме деревянного посоха и небольшого ножа. Они редко собирались группами и обычно странствовали в одино-

честве, никому не доставляя беспокойства и не причиняя вреда. Иногда они выполняли за пропитание какую-нибудь работу — обучали детей или пасли стада. Все они — хорошие врачи, всегда готовые помочь больному или раненому. Эливенеры ненавидели Нечистого, но не предпринимали никаких активных действий против него, если только не подвергались непосредственной угрозе. Они обладали странной властью над животными, и даже лемуты обычно сторонились их.

Никто не знал, где расположены их центры и есть ли они вообще, как и где пополняется их братство. Они казались далекими от политики, но многие руководители Республики, члены Ассамблеи и даже Совета Аббатств не испытывали к ним доверия и не любили их. Когда же таких людей спрашивали о причинах их неприязни к эливенерам, ответ бывал очень неопределенным — наверное, они что-то высматривают или замышляют. Очевидно, эливенеры не были христианами, а если и были, то умели хорошо это скрывать. Они исповедовали пантеизм, жили и действовали в соответствии с древней заповедью, ставшей их лозунгом: «Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней».

Иеро нравились эти вечные скитальцы. Члены братства, которых он не раз встречал, казались ему порядочными, здравомыслящими людьми, во многих отношениях гораздо более достойными, чем некоторые самозванные лидеры его собственной страны. И он знал, что аббат Демеро любил их и, что было еще важнее, относился к ним с доверием.

Священник слегка откинулся назад, распрямляя затекшую спину и намереваясь продолжать свои расспросы. Вдруг Лучар с криком метнулась над погасшим костром к стволу дерева, около которого было сложено оружие и, споткнувшись, упала прямо на грудь священнику, повалив его навзничь.

ГЛАВА 5

На восток

— Посмотри! — визжала она.— Позади тебя чудовище! Я вижу его! Черное, с длинными клыками! Вставай и защищайся, быстро!

Прошло уже три недели с тех пор, как он последний раз разговаривал с женщиной, размышлял Иеро, крепко сжимая горячее сильное тело и не делая никаких попыток двинуться с места. От девушки шел пряный свежий аромат и еще какой-то едва уловимый запах, ассоциировавшийся с чем-то диким, свободным, непокорным.

— Это мой медведь, глупышка,— нежно сказал он.— Не бойся, он не причинит тебе вреда.

Пока он говорил, его губы, прижимавшиеся к ее густым душистым волосам, осторожно скользнули к нежной шее. Иеро обнаружил Горма уже минут десять назад и передал ему мысленный приказ не заходить в убежище и оставаться снаружи, под плотной кроной дерева. Очевидно, любопытному и общительному молодому медведю захотелось поглядеть на нового человека.

Девушка резко оттолкнула Иеро, вскочила на ноги и разгневанно уставилась в его смеющиеся глаза.

— Эй, значит, о священниках говорят правду? Компания трусливых бездельников, любителей задирать женские юбки! Брось свои лукавые мысли, святой отец! Я могу защитить себя, и я это сделаю!

Иеро сел и стряхнул чешуйки коры и сухие листья со своей куртки. Затем он подбросил несколько веточек в костер; вспыхнул огонь, осветивший его меднокожее лицо и высокие скулы.

— Послушай, юная леди,— сказал он спокойно,— давай поговорим начистоту. Я не любитель ходить вокруг да около. Возможно, в вашей стране на юге

другие обычаи, но священники Аббатств Канды не дают обета безбрачия. Я здоровый нормальный человек, и в моем возрасте большинство священников женаты, а кое-кто даже дважды. Однако у нас очень строгие законы, карающие насилие над женщиной и любые подобные преступления. Я также не имею привычки заниматься любовью с детьми, а тебе, полагаю, не больше пятнадцати? Не так ли?

Читая ей эту нотацию, он поглаживал Горма, который положил свою голову на колени человеку, всматриваясь маленькими, насмешливо блестящими глазками в стоявшую напротив девушку.

— Мне семнадцать, почти восемнадцать,— заявила она независимо,— и я прекрасно знаю, что священники не должны иметь никаких дел с женщинами; по крайней мере, в моей стране это так. Кто когда-нибудь слышал о женатом священнике? — В ее голосе уже слышались извиняющиеся нотки.— Прости меня, но откуда я могла знать? Ты ничего не говорил об этом новом животном. И как ты узнал, что он уже здесь? Я ничего не слышала, хотя не жалуюсь на слух.

— Я принимаю твои извинения,— сказал священник.— И хочу ненадолго прервать тебя, чтобы сообщить некоторые важные сведения, так как мы, очевидно, будем путешествовать вместе какое-то время, пока я не решу, что с тобой делать. Умеет ли кто-нибудь в твоей стране говорить с такими существами? — Он похлопал косматую голову медведя, лежащую у него на коленях.— Я имею ввиду — передавать свои мысли, не пользуясь голосом, так, чтобы другой человек или животное понимали его?

Лучар присела, пораженно всплеснула руками, ее губы приоткрылись, темная кожа посерела.

— Говорят, Нечистый и его злобные чудовища умеют делать такое,— медленно проговорила она.— И еще ходят слухи, что Нечистый правит колдунами, мерзкими людьми, которые тоже обладают этой силой. Старый добрый священник, который учил меня, го-

ворил, что такая сила разума не обязательно должна быть связана со злом, но в действительности только Нечистый и его дьяволы знают, как пользоваться ею.— Глаза девушки вдруг сверкнули.— Я понимаю! Ты узнал, что твой зверь пришел, связавшись с ним мысленно! Но ты же не один из... — Ее голос упал до шепота; возможно, она заподозрила, что оказалась во власти злого колдуна, ночного кошмара ее детства.

Иеро успокаивающе улыбнулся девушке:

— Нечистый? Нет, Лучар, я не имею к нему отношения. И Горм тоже.

Он перешел на мысленную связь.

— *Горм, подойди медленно к ней и положи голову на колени. Она никогда не видела медведя и не умеет передавать мысли. Мы постараемся ее этому научить.*

Девушка застыла, подобно статуе из темного дерева, когда маленький медведь направился к ней и сделал то, что велел ему Иеро. Но вот длинный тонкий язык нежно лизнул ее руку, и Лучар немного оттаяла.

— Ты... ты сказал ему, чтобы он сделал это? — Потрясенная, она говорила срывающимся голосом.— Ты действительно можешь беседовать с ним — так же, как со мной?

— Не так легко, конечно. Но он очень умен... пока я даже не могу себе представить, насколько. Как и ты, он совсем недавно путешествует со мной, не более недели. А вот Клуц, мой большой лорс — этот бездельник уже много лет со мной. Я могу легко говорить с ним, но он не такой сообразительный, как Горм. Этот медведь время от времени подшучивает надо мной. Когда я думаю, что установил пределы его разума, он выкидывает что-нибудь новенькое и снова поражает меня.

— Горм,— сказала она мягко, поглаживая черную голову медведя,— ты будешь моим другом, Горм?

— Он станет твоим другом, не сомневайся,— уверил ее священник.— К тому же, он отличный проводник и

разведчик. Но сейчас, пожалуйста, помолчи несколько минут. Я хочу расспросить его, как он очутился здесь. Мы расстались у скалы на побережье, когда я бросился выручать тебя.

Священник замолчал и сосредоточился на сознании Горма.

Медведь, оказывается, обошел со стороны суши скалистый мыс и пляж с амфитеатром. Горм пытался вступить в мысленный контакт с Иеро в то миг, когда лорс прикончил шамана, но в сумятице, воцарившейся на пляже, это было безнадежно. Медведь, однако, поймал чужие телепатические сигналы, но смысла передаваемого сообщения не понял.

— *Я думаю, это были наши враги, которые пытались заставить тех диких бледнокожих охотиться (напасть) на нас*,— передал Иеро.— *Но как ты сумел нас найти?*

— *Легкая (детская) задача*,— пришел ответ.— *Вернулся к большой воде — пошел вдоль большой воды — нюхал — нашел след — переплыл через маленькую воду около жилищ людей — снова нашел след — нашел тебя.*

Итак, Горм прошел мимо поселка белых дикарей, большинство которых уже возвратились из амфитеатра после неудавшегося развлечения с птицами. Они бродили вокруг, создавая ужасный шум и суматоху. Понаблюдав немного за жителями селения, Горм обнаружил огромную стаю злобных собак и поспешил убраться подальше. Он переплыл маленькую речку и двинулся по побережью на восток, разыскивая следы Клуца. Это удалось ему без большого труда; затем он просто пошел по следам лорса, пока не наткнулся на лагерь своих друзей.

Священник решил, что погоня этой ночью маловероятна и что они могут спокойно отдыхать под охраной Клуца и медведя. Он уселся на прежнее место и принялся снова расспрашивать Лучар.

— Тебя удивило, что меня нашел эливенер? — спросила девушка.— Почему же? Он выглядел как любой другой человек моего народа, ему было около пятидесяти лет. Он носил коричневую одежду, очень простую, и держал в руках посох...

— Это очень интересно,— прервал ее Иеро.— В твоей стране, очевидно, все люди имеют такую же темную кожу, как у тебя, курчавые волосы и черные глаза?

— Конечно. Когда я жила там, то только один раз видела белокожих рабов с севера, из мест, где мы сейчас находимся. И все эливенеры, которые встречались мне, были людьми моего народа.

— Так,— сказал он задумчиво, пристально глядя в огонь костра.— А в моей стране все они выглядят подобно людям моего народа, с бронзовой или красноватой, как у иннейцев, кожей, прямыми черными волосами и высокими скулами. Я думаю, ты можешь рассказать кое-что интересное об эливенерах... еще неизвестное Аббатствам... Перед тем как вернуться к своей истории, вспомни, что ты знаешь о них. В наших краях они не носят оружия, учат детей в школах, лечат людей и животных, работают на фермах, не едят мяса и никогда не берут никакой платы, кроме пищи. Они ненавидят Нечистого, но, кажется, не стремятся к столкновению с ним. А чем они занимаются в Д'Алва?

— Тем же самым,— ответила девушка.— Простой народ, ремесленники и крестьяне, относятся к ним с большим уважением, ведь эливенеры лечат бедняков и обучают грамоте детей. Но наша церковь их не любит. Священники подозревают, что они безбожники, такие же как давиды.

— Кто такие давиды? — спросил Иеро.

— О, это странная группа людей, которые занимаются торговлей и называют себя Народом Давида. Они живут в нашем большом городе и в других тоже, не ходят в церковь, не едят многое из обычной пищи и

женятся только на своих девушках. Но эти люди всегда исправно платят налоги и торгуют честно. Они очень дружны и сражаются, как дикие звери, если кто-нибудь пытается обидеть их или оскорбить их религию. Давиды испытывают странное отвращение к кресту и не признают богом Спасителя, принявшего смерть за наши грехи. Когда я еще училась в школе, один из них как-то сказал мне, что их народ — самый древний на Земле. Нет, право же, они очень чудные.

— Уф-ф... — выдохнул метс, пытаясь переварить лавину обрушившихся на него сведений. Он отметил мельком брошенное ею замечание «училась в школе» — ого! Факт, достойный внимания! Поразмыслив о таинственных давидах, он сказал: — Это, должно быть, какая-то странная еретическая секта древних времен; мы никогда с такой не встречались. Последняя секта в Канде, простаны*, слилась с нашей церковью две тысячи лет назад. Теперь весь наш народ принадлежит к единой Универсальной Церкви. Кажется, в твоей стране на юге много странных пережитков... Но, прошу тебя, продолжай свою историю, а я постараюсь больше не прерывать тебя.

Он подбросил несколько сучьев в костер, пламя вспыхнуло, и еле заметный дым поднялся вверх и растаял в плотной кроне дерева. Девушка говорила, и прозаичный тон рассказа резко контрастировал с необычностью ее истории. Иеро сам пережил немало странных приключений, но сейчас он был буквально зачарован. Медведь дремал, уткнувшись носом в колени девушки.

Эливенер, пожилой спокойный человек, наложил лубки на ногу Лучар и помог ей перебраться в безопасное место. Затем он ушел и, вернувшись через несколько часов, привел большого быка. Это верховое животное называлось кау и было широко распространено на юге. По словам Лучар, кау немного походил на

* Видимо, имеются в виду протестанты.— *Прим. ред.*

Клуца, но шкура у него была полосатой и более светлой, а рога — короткими и прямыми.

Эливенер, которого звали Джон, сказал девушке, что попытается отвезти ее в одно из убежищ его ордена, но место это находилось далеко, и путь туда был труден. Они странствовали много дней, пересекая огромные тропические леса и стараясь не появляться на главных дорогах, соединявших враждующие города-государства. Крестьяне и лесные жители встречали их приветливо, охотно предоставляя путникам кров и пищу и предупреждая о миграциях стад, появлении лемутов и других опасностях. В свою очередь Джон помогал больным в деревнях и раздавал наборы маленьких резных деревянных букв, с помощью которых дети могли учиться читать и писать. Лучар сказала, что именно просветительская деятельность эливенеров особенно раздражала официальную церковь; ни священники, ни благородное сословие не хотели, чтобы крестьяне воспринимали какие-либо новые идеи.

— Некоторые из наших церковников тоже не любят эливенеров,— заметил Иеро,— хотя в моей стране все умеют читать и писать. Но наши консерваторы с подозрением относятся к ним, считая их соперничающей религиозной группировкой. Мой учитель, аббат Демеро, как-то сказал, что они стоят за нашей спиной, и, если мы не сделаем как следует свою работу, они помогут нам или же заменят нас. Но, прошу тебя, продолжай.

На исходе третьей недели произошла трагедия. Двигаясь на запад, они уже покинули пределы городов-государств побережья и вышли из зоны окружавших города деревень. Джон сказал девушке, что через неделю они достигнут убежища. Она чувствовала себя спокойно, странствуя с эливенером. Опасные звери им почти не встречались, но если какой-нибудь хищник и пытался встать на пути, то тут же с визгом и фырканьем убегал прочь. Лучар рассказала, как стадо

гигантских змееглавов, властелинов тропического леса, просто расступилось перед кау, пронесшим свой двойной груз по узкому проходу, который образовали чудовищные животные. Джон только улыбался в ответ на ее изумленные расспросы.

Иеро подумал, что эливенер, должно быть, обладал великой ментальной мощью. Он чувствовал, что в нем самом начала зреть, подобно чудесному плоду, такая же огромная сила, вызванная к жизни двумя сражениями, которые он выдержал. Он также подумал, что Лучар сообщает исключительно важные сведения. Никто ранее не мог представить, насколько разветвлено общество эливенеров и как далеко простираются его связи. Иеро внимательно слушал девушку.

Они ехали по узкой тропинке в джунглях, рассказывала Лучар, ничем не отличавшейся от дюжины других, попадавшихся им на пути. Неожиданно на тропе появился человек; скрестив руки, он стоял неподвижно, загораживая дорогу путникам. В то же мгновение из леса по обе стороны тропинки появилось десятка два лемутов. Отвратительные, похожие на огромных крыс, покрытые шерстью существа с длинными голыми хвостами держали в лапах копья и дубинки. (Люди-крысы, отметил про себя Иеро.) Путники были окружены, хотя ни один из противников не подходил ближе чем на несколько футов.

Лучар безумно испугалась, но Джон оставался, как обычно, бесстрастным. Стоявший перед ним человек был бледнокожим, с совершенно безволосой головой; капюшон его плаща, откинутый на спину, оставлял открытым лицо с холодными блеклыми глазами. Она поняла, что перед ними один из Мастеров Нечистого, злой колдун, и постаралась не поддаваться страху. Она только закрыла глаза и крепче обхватила сидевшего впереди Джона за плечи. После продолжительного молчания она услышала спокойный голос эливенера, говорившего на языке Д'Алва:

— Давай беседовать вслух; не надо пугать этого ребенка. Я предлагаю тебе сделку.

— Что ты можешь предложить, поклонник букашек? Вы оба в моих руках.

— Это правда, о Бродящий во Тьме. Но я могу убить многих твоих слуг и нанести немалый вред тебе самому.... как минимум, ты надолго истощишь свои силы в борьбе. Я — Обладающий Властью, и, думаю, тебе это хорошо известно. Твоя западня устроена с такой осмотрительностью и в таком неожиданном месте...

Трепетавшая девушка услышала резкий голос врага, снова спросившего, что за сделку предлагает ее спутник.

— Отпусти девочку и животное. Если ты сделаешь это, то, клянусь своей душой, я не стану сопротивляться и подчинюсь тебе. Решай быстро, иначе будем сражаться, и борьба не будет для тебя легкой!

— Что ж, пусть будет так. Ты действительно отличная добыча. Нелегко поймать любителя букашек такого ранга; обычно вы предпочитаете отсиживаться в безопасности по углам. Пусть девчонка и зверь уходят, а ты пойдешь с нами.

— Во всех твоих мыслях и делах обман и ложь,— раздался спокойный голос Джона.— Девочка уйдет, и никто из твоей грязной своры не последует за ней, это я легко могу проверить. Я буду ждать здесь час, и только потом пойду с тобой. Таковы условия сделки.

Лучар почти физически ощутила ужасную ярость, охватившую адепта Нечистого; однако, как, очевидно, и предполагал Джон, колдун согласился на это условие.

Благословив ее спокойным голосом, эливенер подал команду кау на неизвестном языке, и животное немедленно помчалось прочь по тропинке, теперь только с одним всадником на спине. Девушка успела бросить последний взгляд на эливенера. Невысокий пожилой человек в коричневой одежде стоял лицом к

лицу перед серым дьяволом и сворой его отвратительных помощников. Затем зеленая стена джунглей скрыла их.

Иеро видел, что Лучар едва сдерживает слезы, вспоминая своего друга.

— Он, наверное, был очень хорошим человеком,— медленно произнес священник.— Я встретил одного из этих колдунов, очень похожего на человека, которого ты описала. Этот дьявол едва не убил меня; возможно, он сотворил бы со мной что-нибудь похуже смерти. Так бы и случилось, если б не этот толстый увалень, который устроился на твоих коленках.

Как он и рассчитывал, девушка отвлеклась и, заинтересовавшись, забыла о своем горе. Он коротко рассказал ей о схватке со С'нергом, после чего попросил продолжить свою историю.

Бедный преданный кау погиб через несколько дней. Однажды ночью, когда она спала на высоком дереве, какой-то подкравшийся зверь напал на стоявшего внизу быка и растерзал его. Утром она спустилась вниз, сторонясь кровавых останков, на которых уже пировали мелкие хищники, и бросилась бежать, едва сознавая, куда несут ее ноги.

Огромные звери, большинства из которых она никогда раньше не видела, иногда шли по следам беглянки, и несколько раз она была на волосок от гибели. Доведенная до отчаяния, девушка хотела покончить с собой, но то ли прирожденная сила характера, то ли неистребимая тяга к жизни помешали ей сделать это. Сохранив свое копье и нож, она могла добывать себе пищу и, кроме того, высматривала, какие плоды едят птицы и маленькие обезьянки, однако эти опыты не всегда кончались удачно. Дважды Лучар серьезно отравилась какими-то ягодами и грибами, хотя птицам они, казалось, не причиняли вреда.

Измученная, в изорванной одежде, близкая к голодной смерти, она услышала однажды человеческие голоса. Подкравшись поближе, девушка обнаружила

лагерь торговцев, смуглых черноволосых людей, немного похожих на Иеро. Несколько фургонов и повозок стояли посреди большой поляны, неподалеку паслись полосатые кау. В дальнем краю поляны пролегала широкая тропа, почти дорога, тянувшаяся в лес, на северо-запад.

Она пряталась в кустарнике, надеясь, что случай пошлет пищу или одежду, когда ее заметил часовой, охранявший лагерь. Девушка попыталась убежать, но часовой спустил собак, и все закончилось быстро. Ее отвели к караванщику, который внимательно осмотрел девушку и задал ей несколько вопросов. Она ничего не ответила, хотя предводитель немного знал язык Д'Алва. Тогда он приказал женщинам, которые тоже были в караване торговцев, осмотреть Лучар. Когда ему сообщили, что она девственница, начальник велел хорошо с ней обращаться, но тщательно охранять. Видимо, он счел девушку ценным приобретением, за которое можно получить хорошую цену.

Она ехала с караваном несколько недель и за это время выучилась говорить на батви, болтая с женщинами, которые присматривали за ней. Торговцы обращались с ней неплохо; ее не били и не морили голодом. Женщины дали ей поношенную одежду и с интересом расспрашивали о жизни в лесу. Но стерегли девушку всерьез.

Они пересекли несколько широких, покрытых травой равнин и обогнули странную местность, холмистое, засыпанное песком пространство. Лучар сказали, что это одна из страшных пустынь Смерти. Наконец караван достиг побережья Внутреннего моря, о котором девушка слышала столько легенд. Здесь стоял большой портовый город, в его гавани теснились корабли, а улицы переполняли купцы, торговцы и повозки с товарами. В городе было много постоянных жителей, и занимались они не только торговлей, но и сельским хозяйством на раскинувшихся вокруг плодородных равнинах. Люди всех цветов кожи встречались здесь —

белые со светлыми и рыжими волосами, темнокожие, как она сама, и смуглые, похожие на Иеро и похитивших ее торговцев. Лучар видела несколько церковных колоколен, но ее новые хозяева не были христианами, и ей не разрешали приближаться к церквям и говорить со священниками.

Этот очень древний город назывался Ниана. Здесь жил угрюмый мрачный народ, и на улицах Лучар видела лица, напоминавшие ей колдуна Нечистого. Правда, Нечистого тут упоминали только шепотом, неоднократно оглянувшись через плечо. Но девушка чувствовала присутствие Нечистого, который ткал здесь свою паутину зла. Ей было трудно объяснить, откуда возникло это ощущение, но Иеро понял ее. Очевидно, как многие тонко организованные натуры, девушка обладала естественной восприимчивостью к ментальному излучению.

Через несколько недель Лучар продали купцу, который вскоре отправился в плаванье на большом корабле, груженом разнообразными товарами. Новый хозяин тоже тщательно охранял ее, очевидно, намереваясь получить за девственность своей рабыни хорошую цену. Услышав это, Иеро усмехнулся. Его удивляло, что эти странные южане сделали выгодным товаром даже женскую непорочность.

Раньше ей не приходилось бывать на судах, кроме каноэ, продолжала Лучар. Большой парусный корабль показался ей необъятным. Через три дня разыгрался шторм, сорвал паруса и выбросил неуправляемое судно на маленький скалистый остров. Утром их обнаружило племя белых дикарей, подплывших к острову на лодках — те самые люди, от которых ее спас Иеро. Казалось, они дружелюбно относятся к купцам; их главный шаман долго совещался о чем-то с хозяином корабля. Выяснилось, что в обмен за спасение торговцев и их товаров дикари хотят получить Лучар. Они никогда раньше не видели человека с таким цветом

кожи и хотели принести ее в жертву чудовищным птицам, которым поклонялось племя.

— И торговцы, эти вонючие хорьки, согласились! — с гневом воскликнула Лучар.— Они даже пришли посмотреть на это зрелище. Ты видел их? Они смуглые, их одежда похожа на твою, но они носят шляпы.

На следующий день с нее содрали одежду и привязали к столбу, у которого Иеро и увидел ее. Целая толпа дикарей прибыла из поселка, чтобы насладиться любимым зрелищем; с собой они тащили огромные барабаны. Отдаленный грохот этих барабанов священник слышал накануне; тогда они предвещали гибель предыдущей жертвы — захваченного в стычке воина соседнего прибрежного племени.

Лучар закончила рассказ и теперь, измученная событиями последних дней, с трудом боролась с сонливостью. Иеро достал из седельной сумки и протянул ей шерстяное одеяло и свою запасную куртку. Девушка благодарно улыбнулась ему, закуталась в одеяло и через минуту уже спала. Она лежала на боку, подложив руку под голову, и блики света от угасающего костра играли на смуглой гладкой коже ее лица. Несмотря на спутанные волосы и утомленный вид, она была прелестна, как весенний бутон еще нераспустившегося цветка.

Священник залюбовался ею, но усталость взяла свое. Он зевнул, достал второе одеяло и, расположившись у костра, уснул так же быстро, как Лучар.

Снаружи густого шатра, образованного ветвями дерева, стоял большой лорс, подняв голову к небу и широко раздувая ноздри. Он втягивал ночной воздух, приносивший сообщения обо всех существах, которые жили и двигались вокруг. Внезапно из темноты возник медведь; он коснулся носом колена Клуца, затем повернулся и направился в свою ночную охотничью экспедицию. Лорс тряхнул головой и снова стал нюхать теплый влажный воздух. Он стоял на страже, он охранял, и его хозяин мог спать спокойно.

Иеро пробудился внезапно. Странный звук проник в его подсознание, и мгновением позже он уже сидел, сбросив одеяло и протянув руку к оружию.

Но он тут же приостановил свое резкое движение и смущенно улыбнулся. Этот звук был голосом девушки, напевавшей какую-то незамысловатую песенку. Снова и снова она повторяла рефрен мелодии и, хотя Иеро не понимал слов, он подумал, что эта песенка похожа на колыбельную, которую поют у него на родине. Очевидно, так оно и было.

Он раздвинул густые ветви и выбрался на солнце. Стояло позднее утро; значит, он проспал десять часов. В нескольких футах от него сидела девушка и что-то шила; рядом с ней стояла раскрытая седельная сумка, из которой она, по-видимому, достала иглу и нитки. Увлеченная своим занятием, она не заметила священника, и он вежливо кашлянул.

Лучар подняла глаза и улыбнулась.

— Ты любитель поспать, пер Иеро,— сказала она.— Видишь, что я делаю?

Она поднялась и, прежде чем Иеро успел вымолвить хотя бы слово, сбросила свою истрепанную юбку. Секунду девушка стояла обнаженная, словно сверкающая статуя из полированного темного дерева, затем скользнула в свою новую, только что сшитую одежду. Через мгновение она уже хохотала над его замешательством. Ее тело плотно облегал комбинезон с короткими, по локоть, рукавами и шортами, доходившими до середины бедер.

— Ну, что ж,— выдавил он наконец,— очень неплохо. Мое запасное платье, я полагаю?

— Только часть. Я взяла одну рубашку и трусы. Ты не сердишься на меня? — Ее личико вытянулось от огорчения.

— Ни капельки. Ты прекрасная швея. Я вижу, тебе можно поручить починку любой одежды.

— Я научилась этому сама, когда убежала из дома. Раньше я совсем не умела шить. Это так интересно!

Она вскинула руки и на мгновение застыла — прелестная девушка, залитая ярким солнечным светом. Позади нее стоял большой лорс, задумчиво жевавший пучок травы. Горм, свернувшись пушистым клубком, спал у костра.

Прищурившись, Иеро посмотрел на берег, понижавшийся к востоку. Водная преграда, которую он не рискнул преодолевать вчера в темноте, лежала в сотне ярдов. В ярком утреннем свете он увидел, что это был неширокий залив.

Короткий завтрак, состоявший из слегка поджаренного мяса антилопы, сухарей и черепашьих яиц, был закончен в несколько минут. Упаковав сумки, путники снова двинулись на восток. Весь остаток дня они ехали по берегу, иногда переправляясь через ручьи и небольшие речки, впадавшие в море.

Священник был доволен своей нежданной добычей, хотя не вполне ясно представлял, что же делать с ней дальше. Как подсказывал Иеро здравый смысл, вряд ли спасение этой девушки вязалось с порученной ему важнейшей миссией. Но что еще он мог предпринять, когда такое юное существо, почти ребенок, подвергалось смертельной опасности! Правда, во всей этой истории были и положительные стороны. Родина девушки — как раз те отдаленные области, куда его послали, и она так много знала о народе, обычаях и политической ситуации в этих неведомых землях. В какой-то степени это оправдывало дальнейшее совместное путешествие. А кроме того, выбора просто не существовало!

Они ехали мимо длинных песчаных гряд, вдававшихся в море, подобно пальцам ладони. Кое-где на них грелись огромные снаперы, их темные панцири блестели на солнце, морщинистые шеи были вытянуты. Полусонные, разомлевшие от жары чудовища провожали путников ленивым взглядом маленьких злых глаз, но не трогались с места.

— В твоей стране встречаются эти твари? — спросил священник, кивая в сторону гигантских черепах.

— Да, а кроме того, есть и гораздо более опасные животные,— отвечала девушка.

Выяснилось, что все канализационные люки и колодцы в городах на родине Лучар либо перекрывали железными решетками, либо обносили мощными каменными стенами. Иначе хищные водяные твари, проникая по ночам в поселения, пожирали все и всех, до кого могли добраться. Мосты тоже прикрывали с боков и сверху стальными сетками или решетками; дороги, проходившие вблизи рек, защищали каменными стенами или строили в виде высоко приподнятых эстакад. Кроме того, всюду патрулировали тяжеловооруженные всадники, всегда готовые отразить вторжение чудовищ из джунглей или набег лемутов. Слушая девушку, Иеро начинал понимать, что жизнь на севере была мирной и тихой по сравнению с тем, что происходило в Д'Алва.

К ночи они остановились на невысоком, поросшем травой холме, с вершины которого священник еще мог различить в надвигающихся сумерках границу Пайлуда. Испарения близкого болота пронизывали теплый воздух; едва слышный жуткий вопль лягушки-монстра донесся до его ушей.

Уютно расположившись на одеялах, расстеленных в траве, они беседовали после вечерней трапезы, когда Иеро вдруг резко оборвал разговор. Очень слабо, на самой грани восприятия, он почувствовал нечто, какой-то мысленный сигнал ничтожной интенсивности. Сигнал был почти неразличим, и Иеро никогда не сумел бы сделать этого раньше, но теперь его ментальная мощь росла изо дня в день и многое становилось ему по силам. Без всякого напряжения он «слышал» нехитрые мысли птиц и маленьких животных, мимо которых они проезжали. Несомненно, он смог бы легко проникнуть и в мозг Лучар, но порядочность и привитое с детства уважение к разумным созданиям удерживало его от такого шага.

Темнокожая девушка заметила его внезапно остановившийся взгляд и хотела что-то спросить, но он прервал ее резким взмахом руки. Сосредоточившись, собрав все свои силы и новое умение, полученное в нелегкой борьбе, он пытался понять, что же уловил его мозг. Усилия были напрасными, сигнал оказался слишком слабым. Однако священник не сомневался, что его искали, искали настойчиво и целеустремленно!

Иеро встал и подошел к лежавшей на плоском камне сумке. Порывшись в ней, он достал металлический стержень — антенну и копье убитого С'нерга. Опустившись на землю и раздвинув металлический прут на всю длину, священник осторожно прижал к вискам контактные диски. Внезапно он ощутил, как едва слышный телепатический сигнал обрел мощь и раскатом грома отозвался в голове.

— *Приветствую тебя, Враг!* — донеслась волна злой силы.

Иеро ощутил, как нарастает ментальное поле, словно некто на другом конце связующей их нити пытается заключить его мозг в неосязаемые, но вполне реальные оковы. Теперь метс понимал, как ему невероятно повезло, когда он первый раз воспользовался этим устройством. Если бы тогда с ним попытались проделать такой же фокус, его наверняка бы поймали. Но теперь, обладая новой силой и знанием, он легко отразил попытку подчинить его волю, как опытный фехтовальщик парирует удар вражеского клинка. И через миг получил доказательство, что его считают равным партнером.

— *Ты силен, Враг!* — пришла следующая мысль, недовольство и разочарование ощущалось в ней.— *Кто ты? Отступник из числа наших братьев или мутант нового вида, еще нам неизвестного? Мы постоянно контролируем эту волну и знаем, что ты убил нашего брата и похитил его* (последовал неизвестный священнику термин) *коммуникатор.*

Иеро не ответил на эти вопросы. Тот, другой, знал, что он слушает; почти наверняка это был один из высших адептов Темного Братства. Очевидно, они не представляли, кем или чем может оказаться их противник. С высокомерным пренебрежением они считали его мутантом, выродком с гипертрофированными телепатическими способностями. Мысль о том, что один из их презренных врагов, священник Аббатств, может обладать подобной силой, даже не приходила им в головы.

— *Ты не относишься к любителям букашек, которые называют себя последователями Одиннадцатой Заповеди, это ясно,*— пришла новая мысль.— *Мы легко распознаем излучения их жалких мозгов. Нет, ты гораздо больше похож на нас. Ты жестокий, обладающий большой силой и умением, и не боишься крови.*

Сомнительный комплимент, отметил про себя Иеро. Он понял, что эливенеры, непримиримые враги Нечистого, в то же время каким-то образом были связаны с ним. По крайней мере, казалось, что возможности этого братства не были тайной для Темных Мастеров.

— *Мы потеряли тебя в большом болоте,*— вновь зазвучал в его мозгу голос.— *Мы послали по твоим следам слишком ненадежного союзника, странное существо, чуждое нам. Вероятно, ты убил его тоже. Во всяком случае, ты обнаружил указатель* (неизвестный термин), *который взял с тела нашего брата. Ты уничтожил этот прибор?* — Последовала недолгая пауза.

— *Ты не желаешь говорить?* — Мысль была приторно-сладкой, как голос библейского Змия, склонявшего к греху.— *Мы, наше Великое Братство, признаем в тебе равного нам и хотим, чтобы ты присоединился к нам, стал одним из нас, разделил нашу мощь и наши цели. Не бойся, мы не сможем найти тебя, пока ты сам не пожелаешь этого. Мы хотим только обменяться мыслями с разумом такой мощи, как твой — и ничего более,*— текли сладкие, как мед,

слова.— *Говори, наш Враг, которого мы хотим сделать другом.*

Священник поддерживал высокий потенциал телепатического барьера, подобно древнему гладиатору-секутору прикрываясь этим незримым щитом от смертельной сети невидимого ретиария. Он вспомнил Джона, эливенера, который погиб, спасая Лучар, и его слова: «Во всех твоих мыслях и делах обман и ложь». Иеро не был уверен даже в том, что искушавший его колдун не сможет обнаружить их лагерь, стоит только ему дать ответ. «Может быть,— решил он,— они способны выследить меня даже сейчас, когда я только слушаю их. Кто знает, какие силы в их власти?»

Он сорвал контакты с головы и нажатием кнопки свернул антенну. Чужой голос умолк. Но мозг Иеро ощущал едва заметные сигналы, воспринимавшиеся, как слабый комариный зуд. Тот, другой, еще не оставил надежды установить с ним связь.

Метс огляделся вокруг. Наступила ночь, но в свете луны он увидел, что Лучар и Горм сидят рядом, прижавшись друг к другу, и ожидают, когда он вернется к ним. Где-то в темноте лорс хрустел ветвями кустарника, поддерживая заодно охрану лагеря.

Иеро посмотрел на девушку.

— Не беспокойся,— сказал он.— Нечистый только попробовал слегка поиграть со мной. Больше он ничего сделать не может.

— Его слуги выслеживают нас? И они могут говорить с тобой без слов? — встревоженно спросила девушка.

— Нет, сейчас нет. Они не знают, где мы находимся и кто я такой на самом деле. Они посылают постоянный широко направленный сигнал, пытаясь вступить со мной в контакт. Я слушал их с помощью этого устройства,— он кивнул на коммуникатор,— которое взял у убитого нами колдуна. Понимаешь, они думают, что я лемут, или какой-то новый злобный мутант, или же просто злой человек, похожий на них. Несколько

дней назад они чуть не выследили меня, но мне удалось уничтожить их прибор-указатель. Не думаю, что они могут нас обнаружить.

Все это, но более кратко, Иеро повторил медведю, используя мысленную связь. Горм не только понял его, но и сделал замечание, поразившее священника.

— *Ты стал очень сильным теперь, друг Иеро. Большинство наших врагов не смогут противостоять тебе, кроме самых опытных.*

Это доказало священнику, что медведь на самом деле осознает его новую ментальную силу.

Ночью они спали спокойно. После завтрака Иеро решил разведать дальнейший путь с помощью своего магического искусства. Достав мешочек с Сорока Символами, кристалл и прочие принадлежности, он кратко объяснил девушке, что собирается делать. Лучар была зачарована, но у нее хватило ума воздержаться от вопросов, отложив их до более подходящего времени.

Первая же попытка с кристаллом оказалась успешной. Большая птица с белыми крыльями (он мог видеть кончики маховых перьев) и превосходным зрением летела вдоль побережья на восток, точно по тому пути, которым он собирался следовать. Обзор был отличным.

Священник увидел песчаный берег, устья нескольких рек, дюны и каменистую гряду, поросшую кустарником и деревьями, которая отделяла побережье от Пайлуда. Море просматривалось на многие мили, и вдали Иеро заметил несколько островов. Когда птица кружила, он видел на западе перистые дымки, поднимавшиеся над деревней у небольшой реки. Очевидно, это был поселок его недавних противников, бледнокожих поклонников гигантских птиц. На море не замечалось никакого движения, кроме большой темной тени, скользившей у поверхности, по-видимому, рыбы или какого-то морского животного, но деталей Иеро разглядеть не мог.

Он закончил наблюдения и открыл глаза. Лучар и Горм сидели напротив; девушка внимательно смотрела

на него. В обряде гадания не было ничего секретного или, тем более, священного. Молитва, с которой он обращался к Творцу перед тем, как вытянуть жребий, была просто просьбой о помощи. Сорок Символов не относились к числу священных предметов, таких как чаша для причастия или крест.

Он поднес левую руку к глазам и раскрыл ладонь; в ней лежали пять резных фигурок. Среди них снова были Копье и Рыба. «Война и вода, сражение и корабли, охота и рыбная ловля»,— подумал Иеро, откладывая эти знаки в сторону. Следующим он увидел символ Скрещенных Рук.

— Этот символ означает друга,— сказал священник Лучар, улыбнувшись.— Он предсказывает встречу со старым другом или появление нового, такого, которому я могу доверять. Есть еще один знак, похожий на этот — раскрытая Рука.— Он показал девушке крошечный деревянный символ, достав его из кучки.— Этот знак предсказал мне, что я встречу Горма. Но символ Скрещенных Рук немного отличается от него.

На самом деле, этот символ обозначал очень близкого друга, спутника на всю жизнь, но Иеро не хотел фиксировать внимание девушки на этом.

— Может быть, этот символ относится ко мне? — спросила Лучар.— У меня было так мало друзей, и я хотела бы...

— Почти наверняка символ означает тебя. Я сильно сомневаюсь, что нам доведется вскоре увидеть много людей, и уж совсем маловероятно, что среди них окажутся друзья. Давай считать, что каждый из нас приобрел нового друга.

Они оба улыбнулись; белые зубы сверкнули одновременно и на шоколадном личике девушки, и на медной физиономии Иеро.

— Давай посмотрим, что же еще у нас есть? — продолжал священник.— Видишь, еще два символа. Первый — Молния; у него три значения и два из них — необычные. Во-первых, в меня может действительно

попасть молния, в чем я сильно сомневаюсь. Во-вторых, я могу очень, очень рассердиться, и, значит, надо опасаться неосмотрительности, к которой приводит гнев. Возможно, что-нибудь подобное и случится, но пока мне не на что сердиться.— Он усмехнулся и подбросил маленький знак на ладони.— Нет, не думаю, чтобы случилось нечто подобное. Скорее всего, надо остановиться на последнем, совершенно заурядном значении этого символа — буря, шторм или вообще плохая погода. Будем держать глаза раскрытыми, чтобы непогода не застала нас врасплох.— Он бросил Молнию на кучку остальных знаков.

— Итак, что у нас осталось последним? Сапоги или Башмаки — длинное, долгое путешествие. И очевидно, этот знак предупреждает, что оно будет еще длиннее, чем я предполагал.— Он положил крошечные Сапоги к остальным символам.

— Ты действительно можешь что-то предвидеть с их помощью? — спросила девушка.— Все это кажется мне довольно неопределенным. Я думаю, многие неприятности можно предугадать проще, надо лишь как следует подумать, где мы, кто мы и что собираемся делать.

— Должен заметить,— заявил священник, заканчивая укладывать свои магические принадлежности,— что ты абсолютно права. Это действительно очень неопределенно. Но я не умею иначе предвидеть будущее. Я знаком с людьми, которые могут вытащить восемь или даже десять знаков одновременно и сделать удивительно точное и подробное предсказание. Мне же никогда не попадалось больше пяти-шести, поэтому я вполне доволен, если получаю хотя бы скромный намек на грядущие события.

Они уже ехали по побережью. Лучар, как обычно, сидела перед ним, а Горм бежал впереди. Иеро продолжал рассуждать вслух.

— Итак, мы имеем Копье, Рыбу, Скрещенные Руки, Молнию и Сапоги. Возможное объяснение этих симво-

лов таково: предстоит долгий путь, часть которого пройдет по воде. Встретится — или, вернее, уже встретился — истинный друг, который поможет совершить путешествие. Возможно, мы попадем в шторм — один раз или несколько. Я почти уверен, что Молния означает именно шторм или бурю.

Лучар покачала головой. Ей последнее предсказание казалось сомнительным. Уже несколько дней стояла прекрасная погода. Солнце ярко светило на голубом небе, легкие белые облака неспешно плыли в вышине, птицы и мелкие животные вели себя спокойно. Нет, пожалуй ничего не предвещало непогоды.

— *Горм*,— послал сигнал Иеро,— *будет ли погода меняться?*

Животные гораздо более чутко, чем человек, реагировали на природные катаклизмы и могли предвидеть такие события, как шторм, за один-два дня. К удивлению священника, он получил отрицательный ответ:

— *Плохого ветра не будет; вода останется спокойной еще на два восхода солнца.*

— Возможно,— заявил он девушке, передав ей ответ Горма,— погода изменится позже. Символы способны предсказать бурю за три-четыре дня.

— Могу ли я научиться предсказанию будущего? — спросила Лучар, не поворачивая головы. Они сидели на спине лорса близко друг от друга, и пушистые волосы девушки щекотали лицо метса.

— Почему бы нет? В моей стране есть подростки, которые используют символы с гораздо большим успехом, чем это делаю я. Все дело в таланте. У меня же другие способности. Я могу говорить с животными, смотреть их глазами (это называется дальновидением), и теперь я еще научился сражаться с помощью своего мозга.

— Должно быть, это чудесно — уметь разговаривать с такими зверями, как медведь и твой бык! Это

искусство нравится мне гораздо больше. Ты смог бы обучить меня?

— Безусловно,— уверенно ответил Иеро.— Эти способности вовсе не редки. Мысленной речи или телекинезу (так называется передвижение предметов с помощью излучаемой мозгом энергии) можно научить практически каждого. Главное — правильное обучение и постоянная, повседневная практика. Как-нибудь на досуге я позанимаюсь с тобой.

Девушка внезапно обернулась, обвила руками его шею, и он почувствовал на своей щеке ее теплое дыхание.

— Как это замечательно! Ну, пожалуйста, я очень тебя прошу, давай приступим прямо сейчас...

Ее руки сжимались все теснее и полузадушенный священник пробормотал в смущении:

— Ну, хорошо, хорошо, детка... Если ты оставишь меня в живых, я, возможно, смогу научить тебя чему-нибудь полезному...

Отдышавшись и пригладив растрепавшиеся волосы, он приступил к первому уроку.

— Слушай внимательно, девочка. Самое важное — защитить собственный разум, создать щит для своих мыслей, и этим умением ты должна овладеть прежде всего. Если ты не можешь защитить себя, Нечистый легко захватит твой мозг, поработит его и заставит тебя выполнять все его приказы, вплоть до убийства! Даже при наличии щита чужой разум, если он достаточно силен, может внедриться в твой мозг. Именно это они пытались дважды проделать со мной.

— Но ведь большинство людей не умеют защищать разум,— сказала девушка.— Почему же тогда Нечистый не подчинил своей власти всех мыслящих существ?

— Самый опытный телепат может обнаружить чужой мозг только в том случае, если он пытается передать мысленное сообщение, причем такой контакт ограничен определенным расстоянием. Другое дело, если ты встретишься с Нечистым лицом к лицу...

Теперь попытайся сделать так. Представь, что ты замкнула свой разум в кольцо или сферу. Затем...

Он продолжал говорить, почти не задумываясь. Его превосходная память хранила уроки первого учителя, старого пера Хадены. Одновременно Иеро внимательно наблюдал за окружающей местностью, осматривал небо, пытаясь обнаружить летающую машину врагов, но следов ее не было видно. В вышине парили несколько коршунов, ниже, над поверхностью моря, носились водоплавающие птицы.

Путники проехали мимо мелкой бухты, в которой резвилось стадо гиппопотамов или водяных свиней, которых священник уже видел раньше. Огромные существа с блестящей мокрой шкурой бродили у берега среди зарослей лилий, не обращая ни на кого внимания.

Им пришлось пересечь заболоченный участок шириной около мили. В этом месте трясина Пайлуда подходила к самому побережью, порождая несколько сбегавших к морю ручьев. Затем снова начался чистый песчаный пляж, простиравшийся до самого горизонта.

Когда совсем стемнело, путешественники остановились на ночлег под невысокой скалой, надежно прикрывавшей их лагерь со стороны моря. Воспользовавшись этим, Иеро развел небольшой костер из сухого плавника. Девушку удивила осторожность, с которой он пользовался огнем.

— В море могут быть корабли,— напомнил ей священник.— И маловероятно, что их экипажи дружелюбно настроены к чужакам. Ты должна это знать, ведь ты была на таком корабле.

Они поужинали, и Иеро продолжил занятия.

— Я хочу, чтобы ты поняла еще кое-что,— сказал он.— Можно значительно ускорить твое обучение, но тогда необходимо проникнуть в твой мозг и передать ему все необходимые навыки. Я не хочу этого делать.

— Почему? — удивилась девушка.— Я ничего не имею против, и если так можно быстрее усвоить искусство мысленной речи, то...

— Ты не понимаешь, о чем говоришь,— прервал ее Иеро.— В процессе такого обучения я должен полностью овладеть твоим сознанием. Ты согласишься, чтобы я знал все, совсем все о тебе: твои мысли, мечты, чувства, надежды и желания — все, что скрывается в глубине твоего разума?

Ее лицо стало задумчивым и серьезным.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать... — прошептала она.— Спасибо за деликатность... Очень тяжело отказаться от возможности быстро все понять и изучить... Ведь это — огромный новый мир для меня! Но я понимаю, ты прав. Никто не захочет, чтобы о нем знали все.

— Тогда не будем терять времени, девочка. Вспомни все, что я тебе уже рассказал, и попытайся использовать эту технику. Ты должна...

На следующее утро Иеро ощущал себя несколько утомленным, но Лучар была свежа, как обычно. Она захотела заниматься весь день, и священник решил остаться у приютившей их скалы до следующего утра. Девушка упорно тренировалась до полудня; наконец он предложил ей мысленно позвать Горма. К ее неописуемому восторгу медведь услышал телепатический сигнал. Иеро показалось, что ему это доставило не меньшее удовольствие, чем Лучар.

День был солнечный и яркий; ни лорс, ни медведь не ощущали привычного томления, которое охватывало их при предстоящей смене погоды. Это раздражало Иеро, хотя он постарался ничем не выдать своего настроения спутникам. Молния была одним из самых верных символов, и он понимал, что рано или поздно случится что-то связанное с этим знаком. Священник

считал себя весьма посредственным специалистом в предвидении будущего, однако на сей раз ошибки быть не могло. Возможно, грядущие неприятности все-таки связаны с погодой, и необходимо просто ждать. Он заставил себя подавить раздражение и обратился к насущным делам.

Ночь прошла спокойно, и днем они тронулись в путь по нескончаемому пляжу побережья. Однажды путники заметили стаю огромных, стремительно бегущих птиц, очевидно, нелетающих. Птицы мчались по песку далеко впереди и единственное, что бросилось в глаза Иеро — необычный зеленый цвет их оперения. Почти автоматически он отметил, что эти существа явно обладают хорошим зрением и весьма осторожны.

Следующей ночью, при ярком свете полной луны, Иеро поймал большую рыбину, весившую не менее сотни фунтов. Она чуть не порвала леску, но в самую ответственную минуту Горм залез в воду и с редкостной сноровкой оглушил ее ударом лапы, после чего Иеро без труда вытянул рыбу на песок. Клуц, возбужденный всеобщей суматохой, гарцевал вокруг, но когда Лучар начала чистить рыбу, фыркнул и ушел в заросли. Вскоре оттуда донесся звучный хруст веток.

Утром небо затянули облака. Пока все собирались в путь, пошел небольшой дождь, и Иеро набросил на плечи девушки свою запасную кожаную куртку. Погода, однако, оставалась теплой и почти безветренной.

Мелкий дождь продолжался всю ночь и весь следующий день. Море было спокойным, но легкая дымка тумана окутала окрестности. Иеро ощущал смутное беспокойство, и мысль о Молнии снова пришла ему в голову. Слабый дождь и туман трудно считать плохой погодой, во всяком случае, в том смысле, который связывался с этим символом.

Лучар усердно тренировалась и последние два дня стала необычайно молчаливой. Она уже хорошо освоила простые сигналы, и они с Гормом часами развлекались, подавая друг другу и выполняя простые команды

«стой», «иди», «ложись», доступные любой дворняжке. Прошел полдень; непонятно почему тревога священника начала возрастать, и он запретил своим спутникам использовать мысленную речь. Пока метс еще не понимал причины своего беспокойства, но привык доверять инстинктивным ощущениям. Однако его чуткие животные, лорс и медведь, казалось, ничего не замечали.

Тем не менее, когда грянула беда, священник был готов принять на себя всю вину, ведь он не смог предвидеть подобного поворота событий. Действительно, враги расставили ловушку очень тщательно!

Если бы Горм не начал выплясывать перед Клуцем... если бы девушка не послала мысленный сигнал, заявив, что медведь чует кучу дохлой рыбы... если бы сам Иеро не расхохотался... Если бы... если бы... если бы!..

На первый взгляд, эта маленькая бухта выглядела совершенно пустой. За смутной пеленой тумана виднелись маленькие островки, расположенные неподалеку от побережья. На самом берегу находилось несколько невысоких пригорков, заросших кустарником и оливковыми пальмами. Только тихий шорох прибоя нарушал тишину раннего вечера. Иеро придержал лорса. Какое-то сомнение промелькнуло в его голове. Затем он послал Клуца вперед. Неожиданно медведь обогнал их, высоко задрав нос и нюхая воздух, будто почуял какой-то мерзкий запах. Лучар, не подозревая об опасности, рассмеялась; поведение медведя показалось ей забавным.

Внезапно из-за скал и из зарослей кустарника появилось множество странных фигур. Орда покрытых шерстью лемутов, похожих на огромных отвратительных обезьян, бросилась к путникам, стремясь обойти их с тыла. В ушах Иеро раздался дикий вибрирующий вой, хорошо знакомый ему по стычкам в северных лесах. В руках Волосатые Ревуны держали дубинки и длинные копья и угрожающе потрясали большими ножами.

Однако, как оказалось, это не было главной опасностью. Из-за скалистого островка, расположенного в сотне ярдов от берега, бесшумно выскользнуло длинное черное судно без мачты. На его палубе фигуры в капюшонах согнулись над блестящим металлическим механизмом, ствол которого был нацелен прямо на лорса и его всадников.

Священник реагировал инстинктивно, с невероятной и почти бессознательной быстротой тренированного киллмена. Даже рефлексы животных, медведя и большого лорса, не могли сравниться с ним в скорости.

— *Назад!* — последовал его приказ Клуцу и Горму.

Сжимая в руках метатель, он скатился с седла. Застывшая от неожиданности девушка сидела на своем обычном месте, крепко стиснув коленями шею лорса. Клуц, присев на задние ноги, резко повернулся и сделал гигантский скачок. Он был уже в пятидесяти ярдах, когда его хозяин рухнул на песок.

Иеро навел метатель на цель, и его палец уже лежал на спусковом крючке, когда оружие Нечистого выстрелило. Блеснул голубой огонь, и резкий запах озона наполнил воздух; метс ощутил страшный удар в грудь, и мгновенно возникший холод затопил его сознание. Проваливаясь в темноту беспамятства, он успел подумать: «Так вот что означала Молния!»

Затем наступило небытие.

ГЛАВА 6

Остров Смерти

Сначала он почувствовал боль, затем вернулась способность двигаться. Иеро попытался приподняться, но что-то мешало сделать это. Наконец он понял, что лежит на спине на чем-то твердом, и пол под ним ритмично поднимается и опускается.

Боль гнездилась в груди, страшная боль, импульсы которой пронизывали все тело. Правая рука была свободна, и он инстинктивно положил ее на грудь, пытаясь определить самую болевую точку. Пальцы натолкнулись на какой-то тяжелый предмет странной формы, ощупали его... «Что-то не так,— подумал он с неосознанной тревогой,— здесь должен быть медальон, мой медальон с крестом и мечом!»

Внезапно священник понял, что его глаза открыты, но вокруг стоит полная — или почти полная — темнота. Когда он попытался направленным усилием воли блокировать боль, память вернулась к нему.

Молния! Против него использовали какое-то оружие, похожее на искусственную молнию. Это означало, что символ предостерегал правильно: его действительно поразил удар молнии, посланной с корабля Нечистого. И сейчас он, очевидно, находился на этом корабле, покачивающемся на волнах. Ему не раз случалось бывать на судах Республики и на купеческих парусниках; ощущение было точно таким же.

Боль все еще мучила его, но теперь она стала, по крайней мере, терпимой, и сознание работало нормально. Что за странный предмет лежит на его груди? Его руки осторожно ощупали эту вещь, пока не наткнулись на прикрепленный к ней кожаный ремень. И тогда, сообразив, что произошло, Иеро вознес молчаливую благодарственную молитву. Вражеское оружие, элект-

рическая стрела или нечто подобное, ударила прямо (или была направлена — кто знает промысел Божий?) в серебряный медальон, знак его сана. Медальон превратился в расплавленную, искореженную, исковерканную пластину серебра, а его обладатель остался жив!

Руки скользнули ниже, к животу, и нащупали широкую полосу гладкого металла, крепко прижимавшую его к узкой койке, на которой он лежал. Услышав тихий плеск воды, он понял, что находится в трюме корабля, стоявшего на якоре.

Глаза уже привыкли к темноте, и священник мог рассмотреть свою тюрьму. Тонкие линии света очерчивали небольшую дверь или люк. Металлическая скоба, что держала его на жестком ложе, с одной стороны замыкалась на массивный замок. Кроме этой скамьи, в маленькой, не более десяти футов площадью, комнате или каюте никакой обстановки не было. Стены, пол и потолок — все, что он мог разглядеть,— были металлическими, голыми и без заклепок или следов сварки. До сих пор он видел только деревянные корабли, и сейчас невольно поразился искусству неведомых судостроителей. Иеро был вынужден нехотя признать, что Нечистый оставил позади достижения Аббатств, по крайней мере, в судоходстве. Он вспомнил также, что этот корабль не имел ни мачт, ни трубы, и, следовательно, его приводила в движение иная сила, чем паруса или паровая машина. Суда с примитивными паровыми двигателями были последним достижением судостроительных верфей Республики.

Священник прислушался, и начал различать другие звуки кроме плеска волн и потрескивания стального корпуса. Слабые, размытые голоса доходили до него, некоторые казались знакомыми. Очевидно, на борту находилось несколько Волосатых Ревунов; он слышал их характерное завывание. Другим звуком, который удалось уловить, был тонкий, звенящий гул. Наверное,

решил он, его производит корабельный двигатель, работающий на холостых оборотах.

Иеро не тратил зря времени на поиски оружия. Его нож, меч и карабин, очевидно, достались захватчикам, а все остальное осталось притороченным к седлу. Удалось ли Клуцу и девушке спастись от гибели или плена? Смог ли скрыться Горм? Бедная Лучар, ее новый покровитель тоже не сумел избежать ловушки врага!

Его размышления прервал металлический лязг запора. Дверь открылась, скользнув в паз в стене, и свет затопил маленькую каюту, заставив священника прикрыть глаза рукой.

Еще до того как он убрал руку, наполнившее помещение зловоние подсказало ему, что один из вошедших — Ревун. Когда глаза привыкли к яркому свету, Иеро увидел, что свет исходит из большой плоской панели, закрепленной на потолке и ранее почти сливавшейся с ним.

Посреди помещения стояли два человека в одинаковых серых плащах с капюшонами. У каждого на груди было изображение спирали, но на этот раз не красного, а голубого цвета. Один из них, очевидно старший, откинул капюшон на спину. Он настолько походил на С'нерга, что губы метса дрогнули; священник едва сдержался, чтобы не открыть от изумления рот. Второй человек, подчиненный, остался в низко надвинутом капюшоне, но в его тени Иеро разглядел черты уродливого лица, клочковатую бороду и расплющенный нос. У двери в углу сгорбился Ревун, огромный краснолицый монстр не менее двухсот фунтов весом; его бурая шерсть отвратительно пахла, но глаза под выступавшими дугами бровей были осмысленными, живыми и светились злобой. В чудовищной лапе монстр держал стальной клинок, походивший на большой мясницкий секач.

Пронзительные глаза старшего, видимо, уловили мелькнувшее на лице пленника выражение, и он

заговорил первым, как отметил про себя Иеро, на батви, а не на метсианском языке.

— Итак, ты узнал меня? Значит, ты видел кого-либо из нас раньше? Все члены Братства — одна тесная семья, священник, и, если ты видел одного, значит, видел всех.

Наблюдая за ним из-под полуопущенных век, Иеро вполне согласился с этим. Человек, если только он действительно обычный человек, казался несколько старше С'нерга, морщины на его лице были глубже. Но тем не менее сходство поражало. Однако священник не произнес ни слова.

Адепт или колдун Нечистого (таково, очевидно, было звание старшего) что-то коротко сказал на незнакомом языке. Его подчиненный поспешно направился к Иеро и наклонился над замком. Раздался щелчок, и металлическая полоса, державшая пленника, откинулась, но он продолжал лежать неподвижно, внимательно наблюдая за тройкой своих врагов.

— Отлично, отлично,— усмехнулся адепт.— Ты выдержанный человек. Если б ты поднялся, даже медленно, я велел бы сбить тебя с ног, чтобы преподать начальный урок повиновения. Но, мы уверены, ты будешь умницей. К чему тебе неприятности? Теперь слушай внимательно, священник, если ты действительно священник, а не кто-нибудь еще.

Меня зовут С'дана. Этот здоровенный тип в углу — Чи-Чук, и ты ему очень не нравишься. Он никогда не видел священника-метса, но знает, что это враг. Не так ли, Чи-Чук? Но вообще-то он отличный парень. Видел бы ты, как он отрывает человеку ногу или руку и съедает у него на глазах... Прекрасное развлечение, не правда ли, мой друг? — Он улыбнулся ужасному существу, оскалившему в ответ клыки.

Иеро с трудом сдержал гримасу отвращения, и это не укрылось от С'даны.

— О, я вижу, ты не любишь Ревунов. Да, священник, мы используем ваше название для этих

созданий; оно звучит совсем неплохо. Понимаешь, они всего лишь мутанты обезьян определенной породы. Мы полагаем, что до Смерти их использовали как лабораторных животных. Они очень поумнели с тех пор и ненавидят всех человекоподобных, кроме своих хороших друзей.— Его тон был шутливым; казалось, он совсем не торопился.

— Теперь мы пойдем на берег, чтобы выяснить кое-какие вопросы. Как видишь, пытаться бежать было бы довольно глупо. Этим ты только доставишь удовольствие Чи-Чуку и его веселой компании, которые получат к обеду новое блюдо.

Он наклонился над койкой, и его мертвенно-бледная физиономия нависла прямо над бесстрастным бронзовым лицом Иеро.

— Есть одна маленькая деталь, священник, и я сейчас о ней скажу. Мы еще можем договориться. Благодари судьбу, если это случится. Обычно мы не берем пленников, разве что для развлечения. Конечно, нашего, а не их, должен сказать. Но в твоем случае — кто знает?.. Теперь вставай,— вдруг резко прервал сам себя адепт,— и иди за нами, а за тобой пойдет Чи-Чук. Шевелись быстрее и делай что тебе говорят, проживешь дольше.— Он повернулся и вышел из каюты вслед за своим молчаливым помощником.

Иеро поспешно поднялся, однако недостаточно быстро, чтобы избежать мерзкого прикосновения Ревуна, толкнувшего его в спину. Он направился к двери, ощущая сильную слабость в ногах; в эту минуту огромная лапа схватила его за воротник и грубо толкнула вперед.

Они попали в короткий коридор с такими же серыми стенами, как и в каюте. Кое-где в стенах были двери. Иеро очень хотелось узнать, нет ли здесь Лучар, но использовать телепатическую связь в таком месте было бы безумием.

Когда он поднялся на палубу, подталкиваемый сзади Ревуном, выяснилось, что дождь заметно усилился.

Священник попытался оглядеться вокруг, но двое в серых капюшонах подхватили его под руки, потащили к борту корабля и толкнули на трап, который вел вниз, к большой гребной лодке, покачивающейся на волнах.

Позади него огромный Ревун съежился на корме; С'дана и его помощник стояли на носу лодки. Два гребца, сидевших посередине, были полуголыми рабами, белыми людьми, похожими на поклонявшихся птицам дикарей. Их кожу покрывали рубцы и шрамы, физиономии заросли бородами, длинные, свалявшиеся волосы падали на лоб. От них воняло еще хуже, чем от Ревуна, их глаза были пустыми, апатичными. Эти люди, доведенные до состояния животных, гребли быстро, не издавая ни звука.

Иеро осторожно огляделся. Они находились в гавани, на уединенной якорной стоянке, окруженной высокими скалами, которые вздымались прямо из воды. Несмотря на дождь и туман, священник смог заметить несколько кораблей; некоторые из них не имели мачт, очертания других казались более привычными его взгляду. Нигде не было видно ни людей, ни какого-либо движения.

Лодка повернула, и теперь он мог, почти не изменяя положения головы, разглядеть захвативший его корабль. Это судно имело острый нос, стремительные обводы темно-серого длинного металлического корпуса и нечто вроде кабины в средней части палубы, также сделанной из металла. В задней ее части торчала невысокая башенка с наблюдательной вышкой, над которой на нескольких шестах или мачтах были подняты странного вида инструменты и приборы. На носу стояло сразившее его орудие, плотно закутанное какой-то тканью, очевидно, непромокаемой.

Лодка обогнула выступающую в море скалу, и корабль исчез из вида. Впереди Иеро разглядел каменный мол, протянувшийся от скалистого побережья острова. Выше, наполовину скрытый скалами, громоздился квадратный каменный замок. На фоне серых

тридцатифутовых стен виднелись массивные металлические ворота.

Казалось, ничего не росло на этом острове, усеянном черными и бурыми камнями. Окружавшие замок серые стены почти сливались со скалами; на стенах маячили немногочисленные фигуры в неизменных плащах с капюшонами. Они не походили на стражу. Видимо, крепость Нечистого не охранялась часовыми.

С'дана, стоявший на носу лодки, обернулся и пристально посмотрел на Иеро, а затем указал на маслянистую черную воду, расступавшуюся перед суденышком.

— Посмотри сюда, священник! На этом острове у нас много охранников. Смотри и запоминай! Никто не может покинуть остров Смерти Манун без разрешения!

Иеро посмотрел на воду. Возле лодки, ясно различимое даже сквозь туман и дождь, всплыло нечто округлое и белесое, похожее на кусок увеличенного во много раз шланга. Это создание крутилось и извивалось в воде, и священник увидел, что на одном его конце находится что-то похожее на глаза и рот; кошмарная голова, приподнявшись на фут над поверхностью, пристально следила за лодкой. Круглая пасть этой огромной, похожей на червя длиной в несколько ярдов, твари ритмично сжималась и раскрывалась, обнажая несколько рядов острых зубов. Наконец, как будто удовлетворенный осмотром, червь погрузился в воду и скользнул под лодкой. Все это было проделано совершенно беззвучно.

Священник посмотрел на С'дану и еле заметно пожал плечами; его лицо было спокойным и непроницаемым. Адепт Нечистого злобно усмехнулся:

— Ты кажешься отважным человеком, маленький священник. Посмотрим, много ли смелости останется у тебя, когда мы нанесем визит в дом нашего Братства на Мануне. Тебе здесь не очень нравится, не так ли?

Иеро не обратил внимания на эти слова. Лодка приближалась к безлюдному острову, и на его сознание началась все усиливающаяся атака. Он чувствовал, что С'дана знал об этом. Злобная сила, царившая на острове, ожидала прибытия пленника, и нападение готовилось тщательно. Это была одновременно попытка сломить и проверить его, выяснить, сможет ли он защитить свой разум. Правители Мануна, очевидно, не знали, с чем или с кем имеют дело. Они могли убить его, пока он валялся без сознания, но решили все-таки сначала проверить. Видимо, они все еще надеялись убедить его присоединиться к Темному Братству!

Лодка подошла к берегу, и священника вытолкнули на каменную набережную, а затем вслед за мрачными фигурами в капюшонах повели к воротам замка. Волосатый Ревун замыкал процессию.

Это последнее физическое усилие, не слишком значительное, почти истощило его убывающие силы. Он не знал, как долго пробыл без сознания, но чувствовал себя смертельно усталым и, кроме того, его мучили голод и жажда. Впрочем, пленник не рассчитывал ни на какие удобства, ему хотелось хотя бы отдохнуть. Но ведь враги знали, какое они получат преимущество, допрашивая ослабевшего и полумертвого пленника.

Особенно Иеро утомляла необходимость поддерживать постоянную защиту против непрекращающейся телепатической атаки; на это уходили последние силы. На половине пути к замку он упал, и когда волосатая лапа Чи-Чука поставила его на ноги, упал снова. Он не пытался подняться, сосредоточившись только на поддержании ментального барьера и в то же время блокируя любые неприятные физические ощущения. Пока он лежал, Ревун несколько раз ударил его, но пленник не почувствовал ничего.

С'дана внимательно посмотрел на обессилевшего человека.

— Подожди,— велел он лемуту и остановил того жестом бледной руки.— Подними его. Какая нам

польза, если он сдохнет здесь! Он на грани полного истощения, и допрашивать его сейчас бесполезно. Возьми его на руки, Чи-Чук, и неси. Неси так же осторожно, как таскаешь своих грязных детенышей, понял?

Иеро признал, что колдун умеет добиваться повиновения даже от звероподобного чудовища. Огромные волосатые руки подняли его. Исходившее от лемута зловоние было ужасным, но священник блокировал это ощущение. Таким образом, на руках Ревуна, он и попал под холодные своды Мануна.

Когда священника внесли во двор крепости, ментальная атака на его разум прекратилась. Иеро почувствовал, что непонятным для него способом С'дана сообщил кому-то, что пленник крайне истощен и лучше дать ему некоторую передышку. Как бы то ни было, телепатическое давление исчезло, и он мог спокойно оглядеться по сторонам.

Крепость была не очень велика, около двухсот квадратных ярдов. Несколько фигур в капюшонах шагали по верху широких стен; вооруженных людей среди них не было. Священник вообще не видел никакого оружия, кроме клинка в лапе Чи-Чука.

Посередине двора находилась трехъярусная квадратная каменная башня с несколькими узкими окнами, расположенными без какого-либо определенного порядка. Плоская крыша делала это строение похожим на серый каменный куб, жесткие очертания которого подчеркивали неприветливость и безотрадность окружающего крепость пейзажа. Священнику показалось, что это строение и мрачные стены вокруг возведены с холодным и сухим расчетом, исключающим даже намек на красоту или фантазию строителей. Однако он понимал, что нужно внимательно наблюдать и запоминать. Никто из его соплеменников не сумел проникнуть в логово врага так глубоко, как он, либо не смог вернуться назад. Он должен наблюдать и д о л ж е н вернуться.

Они миновали узкую дверь и в молчании двинулись по плохо освещенному каменному коридору. Тусклый голубой свет немногочисленных ламп едва разгонял темноту. Иеро посмотрел назад, поверх волосатого плеча своего носильщика. Серый дневной свет, проходивший через распахнутую дверь, исчез за поворотом коридора.

Наконец после нескольких поворотов коридор стал опускаться вниз. Впереди раздался голос С'даны, усиленный отражением от каменных стен.

— Манун лежит под нами, священник. Там мы, члены Великого Братства, находим отдых, покой и защиту от глупой суеты мира. Только глубоко под землей царит полное молчание, которого мы жаждем, безмерная пустота, к которой мы стремимся. И только она способна поддерживать совершенствование чистого разума.— Его голос грохотал в замкнутом пространстве, и многократное эхо повторило: — ...разума, разума, ...азума, ...азума,— и затихло в темном коридоре.

Неожиданно идущие впереди остановились. Открылась маленькая металлическая дверь, и Лемут, наклонившись, вошел в нее. Он бросил Иеро на соломенный тюфяк в углу и покинул комнату, метнув на пленника злобный взгляд и тихо рыча от сдерживаемой ярости.

— Мы расстанемся на некоторое время, священник,— донесся из коридора голос С'даны.— Отдыхай и готовься. Тебя вызовут.

Тяжелая железная дверь закрылась, глухо лязгнув, и в камере воцарилась тишина.

Иеро осмотрелся. Каморку, видимо, вырубили прямо в скале. Здесь не было окон, и только высоко под потолком находилась щель, такая узкая, что в нее не проходила даже рука; в щель поступал свежий воздух. Маленький светильник на потолке, забранный в металлическую сетку, давал достаточно света. Площадь камеры составляла не больше десятка квадратных футов, и в ней не было ничего, кроме соломенного

тюфяка и бадьи с крышкой — по-видимому, для санитарных целей. В одном из углов виднелось закрытое металлической решеткой отверстие сливной трубы, от которого тянуло дурным запахом.

Рядом с тюфяком стоял поднос с двумя глиняными кувшинами. В одной была вода, в другом — какая-то темная жидкость, похожая на вино; рядом лежал каравай простого черного хлеба. В школах Аббатств обучали искусству мысленно распознавать состав пищи. Иеро понял, что вино содержит примесь какого-то неизвестного вещества, но вода и хлеб оказались безвредными. Он вылил вино в сливную трубу, съел хлеб, напился и лег на свое убогое ложе. Воздух был сырым, но не особенно холодным, и священник чувствовал себя вполне сносно. Боль от огромного синяка на груди все еще терзала его; впрочем, киллмены севера привыкли к таким ощущениям и сносили их с терпением раненого зверя. Немного отдохнув, Иеро решил, что можно приступать к ментальным экспериментам.

Он чуть-чуть понизил барьер, защищавший его мозг. Сейчас он походил на человека, спрятавшегося внутри замкнутой каменной стены, чтобы спастись от враждебных сил или опасных животных, бродивших снаружи. Чрезвычайно осторожно священник начал проделывать щель в стене своей крепости. Он вынимал камень за камнем, часто останавливаясь, прислушиваясь, не раздадутся ли сигналы тревоги, очень стараясь при этом, чтобы внешняя сторона стены казалась по-прежнему монолитной, чтобы самый пристальный взгляд не мог обнаружить в ней даже крохотного отверстия. Но пока такая щель не будет пробита, он не сможет установить связь с внешним миром и получить помощь. И Иеро продолжал медленно разбирать окружающую его мозг невидимую стену, песчинка за песчинкой, камень за камнем.

В самом последнем шаге не было необходимости. Его мозг стал таким чувствительным, столь изощренным в

средствах защиты, что Иеро смог вовремя понять: там, снаружи, Нечистый подстерегает его! Это был жуткий эксперимент. Враги ждали, они непрерывно следили за ним, они подстерегали мгновение, чтобы захватить его разум, поработить, превратить в безмозглое животное!

Столь же осторожно, как он разбирал свой барьер, священник восстановил защиту. Враги могли в любую минуту ворваться в камеру и прикончить его ударом меча, но захватить его мозг и душу они были не в состоянии.

Иеро лег на спину и погрузился в размышления. Он твердо знал одно: адепты Нечистого напуганы, и сильно! Ведь по логике событий он должен сейчас корчиться на дыбе, развлекая своими муками властителей Мануна. Но они, очевидно, желали знать о нем как много больше. И священник был уверен, что прежде всего они захотят узнать, есть ли еще поблизости — а может, и в отдалении — подобные ему существа. Он понял, что пока ему удастся держать их в неведении, его жизни не грозит опасность.

Но как же установить ментальную связь с друзьями? Стены крепости не мешали, связь блокировал тот телепатический барьер, которым он окружил свой мозг. Что же делать? Рискнуть — и снять блокировку? Иеро понимал, что должен спешить; одному богу известно, сколько времени он будет находиться в относительной безопасности. Эта проблема напоминала змею, пожирающую собственный хвост. Снять защиту — и попасть под полный ментальный контроль адептов Нечистого; не снимать ее — и погибнуть несколько позже из-за собственной пассивности. Все «двери» его разума, все известные, обычно используемые для связи волновые частоты были наглухо перекрыты; никто не мог получить доступа в его мозг: ни адепты Нечистого, ни специалисты Аббатств, ни его спутники. Но он также не мог связаться ни с кем.

Или все же мог? Подобно многим революционным идеям, новая мысль долго зрела в подсознании и затем

внезапно возникла в виде ясного, четкого заключения. Откуда она пришла? Он не сумел бы этого объяснить. Он знал, что ментальный щит блокирует определенный диапазон волн, однако почему бы не использовать другие частоты, другие каналы телепатической связи, на которые еще никто не успел наткнуться? Иеро начал экспериментировать, посылая сигналы в таком диапазоне ментального спектра, которым ни он сам, и ни кто-то другой не пытался воспользоваться раньше. Эти телепатические каналы были «пустыми» или, скорее, заполненными «шумом», фоновым ментальным излучением. Подобные хаотичные волны обычно порождали существа с крохотным и несовершенным мозгом, условно соответствующим суммарному разуму пчелиного улья или муравейника. Частота этих каналов была настолько низкой, что вплотную примыкала к невоспринимаемым человеком звукам, которые издают некоторые насекомые.

Как бы это объяснить? Представьте радиотехника, которому известен только микроволновый диапазон и который пытается установить связь на дециметровых волнах, используемых полицией, где все частоты давно заняты, имеют определенные позывные и конкретных «хозяев». Кроме того, наш специалист работает в новом для него диапазоне с помощью неподходящего оборудования, используя свой почти бесполезный опыт.

Примерно это пытался сделать Иеро. Вытянувшись на соломенном ложе и закрыв глаза, он начал прощупывать сознания своих врагов на такой частоте, о возможности использования которой они даже не подозревали. Сначала это было трудно, но новый канал давал невероятные возможности. Например, Иеро выяснил, что может полностью сохранить свой телепатический щит в обычном диапазоне и одновременно вести разведку, пользуясь низкими частотами. Эти две «зоны» ментального излучения совершенно не зависели друг от друга.

Для начала он исследовал источник внешнего давления на его мозг, мощность которого, однако, не превосходила противодействия его собственного ментального щита. Мимоходом он отметил, что способен теперь в одно и то же время использовать свой мозг на т р е х отдельных, совершенно различных уровнях.

Наблюдатель, который вел непрерывную атаку на его сознание, удивил священника. Это был только один человек — но он вооружен! Враг сидел перед какой-то машиной, низкое гудение которой ритмично менялось в зависимости от частоты излучаемого телепатического сигнала. Панель этого устройства была усеяна множеством кнопок и разноцветных маленьких лампочек. Вверху пульта находилась стеклянная трубка, к концам которой подходили провода; в такт гудению трубка мерцала неярким опалесцирующим светом. Человек — несомненно, тоже адепт Нечистого,— сидел с закрытыми глазами; его руки скрывались в узких пазах, расположенных внизу панели. Он был совершенно неподвижным и казался точной копией С'нерга и С'даны.

Увидел! Не успело это слово прозвенеть в сознании Иеро, как он моментально захлопнул канал и, совершенно невредимый, спрятался за свой телепатический барьер. «Увидел, увидел!» — Ликование билось в его голове, как птица в клетке. Не используя глаза животного, он увидел комнату и человека в ней. Это можно было объяснить только тем, что на новом уровне он сумел неощутимо вселиться в другой мозг, используя его восприятие. Теперь следовало установить, какими еще чувствами чужого разума, кроме зрения, он мог воспользоваться.

Иеро снова скользнул вдоль невидимой нити, связывающей его с разумом слуги Нечистого, который, в свою очередь, наблюдал за ним, и поразился, насколько быстро ему удалось освоиться в чужом сознании и подключиться ко всем центрам восприятия. Комнату, в которой сидел адепт, наполнял резкий неприятный

запах, исходивший от небольшой жаровни. Иеро предположил, что тлевшее в ней вещество подобно лукинаге и тоже используется для усиления ментальной мощи. Но, главное, он, Иеро, воспринимал этот запах, используя чувства наблюдавшего за ним человека, и мог ощущать холод металлической панели машины — там, где лежали его руки!

Следующий шаг он сделал с некоторым опасением. Странная машина, без сомнения, настроенная на чужой мозг, находилась в тесном физическом и ментальном контакте с ним. Священник хотел узнать как можно больше о ней, ощутить ее взаимодействие с разумным существом. Аббатства еще только начинали попытки усиливать мощь с помощью специальных устройств. Было совершенно ясно, что в этом отношении враги ушли далеко вперед.

Медленно, так медленно, как человек с плохим зрением продевает нитку в ушко иглы, Иеро попробовал использовать свой новый канал, чтобы исследовать связи адепта с машиной. Эксперимент оказался непростым и опасным. Постепенно священник начал ощущать, как разум адепта, усиленный странной машиной, пытается сломить его собственный ментальный барьер. В этот миг его охватило удушье, почти невыносимая жара, и он поспешно прекратил опыт. Очевидно, круговое замыкание ментального излучения было небезопасно. Ни к чему уничтожать себя собственными руками; Иеро вполне удовлетворила предварительная проверка его новых способностей.

Когда ощущение жары, чувство не физиологической природы, но от этого не менее опасное, исчезло, священник начал методично изучать окружающее пространство в поисках других интеллектов. Внезапно он понял, что может управлять этим поиском и что действует так же, как и раньше, в состоянии транса с помощью магического кристалла. Это открытие вдохновило его.

Он искал С'дану, достаточно хорошо представляя себе особенности ментального излучения его мозга, и не мог ошибиться. Разум Иеро поочередно коснулся нескольких человеческих сознаний и одного явно негуманоидного, очевидно, Чи-Чука или другого лему-та, но это его не заинтересовало. Еще несколько попыток — и Иеро нашел человека, которого искал.

С'дана, видимо, отдыхал: священник ощутил, что мозг адепта заторможен влиянием какого-то странного наркотика. Он увидел часть большой комнаты, стены которой закрывали темные драпировки; на многочисленных столах стояли незнакомые инструменты и приборы. С'дана вытянулся на низком ложе, позади него находилась курильница, над которой вился тонкий голубоватый дымок. Мгновенного восприятия мыслей врага было достаточно для Иеро. В воображении этого человека под действием наркотика рождались причудливые и чувственные картины, мерзкие и грязные, возбудившие у священника физическое отвращение. Он покинул грезившего адепта, уверенный, что теперь легко найдет его, когда будет нужно.

Что же дальше? Очевидно, в его распоряжении еще было время. То, что С'дана пребывал в наркотическом забытьи, внушало надежду. Вряд ли в ближайшие часы адепт вспомнит о своем пленнике.

Постепенно метс начал понимать, что новые возможности его разума позволяют получить ответ на любой вопрос. А главным вопросом для него сейчас была связь.

Он сконцентрировал свою мысль в узкий пучок, способный преодолеть значительное расстояние. Ментальный сигнал шел по новому каналу, образуя невесомую арку, упиравшуюся одним концом в его мозг; другой конец скользил свободно и стремительно, касаясь сознаний разумных существ, находившихся на острове, и продвигался все дальше и дальше, подобно гигантской руке, ощупывающей окрестности.

Скоро он понял, что способен послать сигнал далеко за пределы Мануна, начал надеяться, что отыщет Горма и Лучар. Иеро хорошо знал их ментальные спектры и не сомневался в том, что не ошибется.

Теперь его мысленный щуп плыл над морем. Он коснулся многих сознаний, но то были животные. Он встретил птиц, высматривающих добычу (наверное, мелких рыбешек); скользнул по смутным разумам рыб и других водных созданий; наткнулся даже на целый сгусток человеческих разумов, локализованных на небольшой площади, должно быть, на корабле, бороздящем воды Внутреннего моря. Все дальше и дальше, все шире и шире забрасывал наблюдатель свою невидимую сеть.

И наконец он нашел их.

Горм! Сознание медведя раскрылось перед ним, по крайней мере, частично. К его удивлению, в мозгу животного оказалось несколько зон, в которые Иеро не мог проникнуть. Однако сейчас было не до исследований. Используя слабые медвежьи глаза, он видел Лучар и ровный пятачок пляжа, ограниченный изогнутой скалистой грядой. Очевидно, его друзья находились в небольшой уединенной бухте. Медведь повернул голову и в поле его зрения попал огромный темно-серый бок и ноги с громадными копытами. Клуц тоже там, вместе с ними!

Удастся ли установить связь?

— *Горм, Горм,*— позвал священник, используя новый канал со всей доступной ему мощью.

Он ощутил беспокойное движение животного, но ответного сигнала не поступило. В лучшем случае он мог привести медведя в состояние эмоционального возбуждения, раздражая его мозг. Иеро сделал еще одну попытку, сконцентрировав телепатический сигнал в виде тонкой иглы. Это было нечто совершенно новое; подобной техники мысленной связи еще не применял никто. Возможностей такого способа пока не знал и сам экспериментатор.

Мгновенный, мимолетный контакт возник, главным образом, благодаря удаче.

— *Иеро!* — неожиданно появился отклик в сознании священника, и он почувствовал, как медведь буквально подпрыгнул, получив его сообщение, затем связь прервалась.

Он попытался вызвать Лучар, но безуспешно. Да и понятно: девушка в отличие от медведя — новичок в мысленном общении. Иеро машинально отметил, что и возможности Горма в этом отношении до конца еще не выяснены. Закрытые зоны в его сознании свидетельствовали, что в будущем от молодого медведя можно ждать новых сюрпризов.

Однако времени на обдумывание этой интересной темы не было. Он снова направил невесомую ментальную иглу в мозг Горма, терпеливо пытаясь найти точку, в которой был установлен контакт. Неожиданно поток мыслей захлестнул его.

— *Иеро,*— отчаянно звал медведь,— *Иеро (друг) защитник, где ты? Как ты говоришь (со мной), каким (странным) способом?*

Священник остановил его вопросы, начал медленно объяснять, что и как он сделал, и невольно в очередной раз поразился тому, как быстро медведь понял его и освоил новый способ связи. Он подумал, что мозг молодого медведя не менее сложен, чем человеческий, и что интеллектуальные способности Горма, пожалуй, не ниже, чем у него самого.

Он передал сообщение:

— *Я в плену у Нечистого. Нахожусь на острове, точного его положения не знаю. Попробую бежать в самое ближайшее время, так как уверен, что меня будут пытать. Где вы и что произошло с вами?*

Практикуясь в новом способе связи, Горм изложил историю злоключений троицы. Из схватки на пляже, в результате которой, как они полагали, Иеро погиб, они выбрались без единой царапины. Напрягая все силы, преследуемые ордой лемутов, они мчались по побе-

режью на запад. Затем, наткнувшись на подходивший к морю край Пайлуда, ушли в болото, и здесь Волосатые Ревуны потеряли их след. Опять повернув на восток, беглецы с огромными трудностями обогнули по болоту место засады и снова спустились на побережье. Теперь они разбили лагерь примерно в половине дня пути от места, где был захвачен их предводитель. Враги не разыскивали их. Это доказывало, что они считают глупых животных и жалкую девушку-рабыню совершенно безопасными. В конце своей истории Горм сообщил, что с момента пленения Иеро прошло полтора дня. Что его друг собирается делать теперь?

Священник размышлял несколько мгновений. Было бы глупо рассчитывать на помощь юной девушки, которая ничего не знала о кораблях и плавании по морским водам, медведя, знавшего об этом еще меньше, и лорса, не поместившегося бы ни в одной гребной лодке. Вне всякого сомнения, он должен полагаться только на себя и договориться со спутниками только о месте встречи.

— *Идите на восток*,— передал он.— *Разыщите какую-нибудь бухту, где небольшой корабль или лодка могли бы тайно пристать к берегу. Ждите меня там; я приду или свяжусь с вами. Нечистый ничего не знает про ментальный канал, которым мы пользуемся.*

Он попросил Горма передать ему зрительно картину места, которое они выберут, и сообщить, на каком примерном расстоянии оно находится от залива, где произошла схватка. Он был совершенно уверен, что с этими сведениями сумеет правильно выдержать направление. Затем он передал привет Лучар и прервал связь. План уже созрел в его голове и нельзя было откладывать его исполнение ни на минуту. Кто знает, сколько времени у него еще оставалось?

Священник вновь проник в мозг адепта, который при помощи странного аппарата следил за ним. Он

опять повторил жуткий эксперимент вторжения в разум и чувства колдуна Нечистого, которые были сосредоточены на нем самом.

Затем он начал осторожно внедрять в мозг адепта мысль, которая могла, казалось бы, самостоятельно зародиться в подсознании этого человека. Мысль была очень простой:

— *Заключенный слишком спокоен. Это подозрительно. Надо выключить машину и пойти проверить его. Слишком спокоен; надо пойти проверить. Надо проверить.*

Снова и снова посылая эту мысль, Иеро постепенно увеличивал ее силу, стараясь сделать это как можно осторожнее. Адепт, мастер ментальной науки, не должен заподозрить источник появления этой навязчивой идеи. Секунда за секундой, шаг за шагом Иеро усиливал давление на мозг врага. Одновременно с помощью его глаз он наблюдал за панелью машины.

Вдруг раздался резкий щелчок. Мерцавшие на пульте огоньки погасли, перестала светиться стеклянная трубка, и в комнате воцарилось безмолвие. Иеро ощутил, что давление на его мозг исчезло. И в этот миг, не давая адепту даже подняться со стула, он нанес удар! Воздвигнутый им барьер был сметен и, не заботясь больше о собственной безопасности, он хлестнул по сознанию адепта, прежде чем тот успел хотя бы подумать о самозащите. Действуя одновременно по обоим ментальным каналам, Иеро мгновенно захватил мозг колдуна. Затем он приостановился и, продолжая полностью контролировать сознание врага, мысленно огляделся по сторонам. Он не обнаружил никаких признаков тревоги или опасности; очевидно, проведенную им стремительную и безмолвную телепатическую атаку не заметил никто, кроме самого объекта нападения.

Спустя мгновение Иеро приказал своему пленнику, связанному невидимыми, но несокрушимыми путами, отправиться в камеру и освободить его. Он, конечно,

рисковал, так как адепт мог не иметь ключа, однако священник полагал, что лица такого ранга должны, по-видимому, иметь доступ во все помещения Мануна.

Иеро видел чужими глазами, как адепт покинул комнату с машиной и вышел в коридор. Используя слух врага, пленник, когда позади в коридоре раздались чьи-то шаги, приказал адепту, укрыться в плохо освещенной нише в стене и стоять там, пока проходивший мимо человек не скроется за поворотом.

В то же время священник чувствовал бешеное сопротивление. Мастер Нечистого обладал большой телепатической силой и отчаянно сражался, пытаясь разорвать наложенные на него невидимые оковы. Но тщетно! Атака метса была внезапной и стремительной; под его контролем оказался весь передний раздел головного мозга противника. А это значило, что он подчинил себе чувства, ощущения, двигательные реакции, перехватил все связи с внешним миром. Адепт Нечистого мог только бушевать в темнице своего мозга, бессильный против действий человека, управляющего его телом.

Они продвигались по лабиринту сумрачных коридоров, минуя металлические двери и редкие ниши в каменных стенах. Однажды Иеро услышал глухой стон и невольно замедлил шаги подчиненного ему человека. У священника появилось острое желание посмотреть, что находится за этой дверью, однако он не стал рисковать. Главное сейчас — выбраться отсюда самому. Попытка помочь другим узникам Мануна наверняка закончилась бы его гибелью.

Наконец адепт остановился перед дверью его камеры, подчиняясь приказу, нащупал узкую щель в стене около двери, просунул в нее ладонь и нажал на рычаг. Глухо лязгнул запор. Адепт открыл дверь и вошел в камеру. В то же мгновение Иеро наглухо блокировал все связи его головного мозга с нервными окончаниями и покинул сознание врага. Лишенный возможности видеть, слышать, двигаться, дышать, адепт рухнул на

пол. Дверь медленно закрылась, и теперь никто, кроме Иеро, не смог бы увидеть этого подергивающегося в слабых конвульсиях тела и услышать жуткий хрип умирающего.

Священник быстро поднялся со своего ложа и сорвал с врага серый плащ. На поясе у того висел кинжал, который победитель сунул за голенище сапога. Затем он плотно закутался в плащ и надвинул капюшон на глаза. На минуту Иеро прислушался — и к звукам, и к мыслям,— но вокруг не было ничего тревожного. Он снова восстановил свой обычный ментальный барьер; это было необходимой предосторожностью здесь, в подземельях Нечистого.

Наступившая внезапно тишина заставила его взглянуть вниз — недвижное и безмолвное тело лежало на полу. Он понял, что злое сердце остановилось навсегда, и забыл о нем. Он не ощутил жалости, ибо твердо знал: чем скорее подобные существа будут уничтожены, тем лучше.

Перед тем как покончить с врагом, Иеро тщательно обследовал его память. Теперь он знал, где расположена камера, и мог свободно ориентироваться в подземном лабиринте Мануна. Он вышел, запер дверь и двинулся вниз по коридору спокойным ровным шагом; капюшон надежно скрывал его лицо. Казалось, Мастер Темного Братства следует куда-то по своим неотложным делам.

Он не избрал ту дорогу, по которой его привели или, точнее, принесли сюда. Этот путь был не самым близким и не самым безопасным. Кроме того, Иеро хотел забрать кое-что перед тем, как покинуть негостеприимный кров Мануна. Его мозг был настроен на ментальную зону, которую, как он уже знал, предпочитают адепты Нечистого, и он мог своевременно обнаружить любого человека, который имел шансы увидеть его.

Священник прошел несколько сотен ярдов по темным коридорам, когда его настороженные чувства как

будто уловили какой-то слабый звук. Он замер, внимательно прислушиваясь. Звук, если только это не был шум крови в висках, напоминал мягкие крадущиеся шаги. Но сейчас он не слышал ничего; подземный мир Мануна оставался безмолвным и недвижимым. Только редкие лампы мерцали на потолке коридора позади и впереди беглеца.

Иеро снова тронулся в путь и вскоре замедлил шаги, увидев впереди яркий свет и движущиеся фигуры. Он приближался, как это и входило в его намерения, к центральной, наиболее населенной части подземного комплекса. Люди скрылись за ближайшим поворотом. Очевидно, это были служители низшего ранга, метс опознал их по характерной черте их ментальных полей — тупой злобе. Он подождал несколько минут и отправился дальше.

Источником яркого света оказалась большая лампа, расположенная на потолке широкого коридора, который пересекал его путь. Беглец добрался туда, куда хотел, и пока все шло нормально. Он не ощущал ментальных излучений слуг Нечистого в ближайших окрестностях и мог действовать свободно. Отбросив на спину капюшон, священник двинулся по широкому коридору налево. Спустя мгновение он стоял перед нужной дверью; обнаружив, что она не заперта, Иеро быстро вошел. В небольшой комнате, которую, видимо, использовали как склад, не было никого. Там, куда его швырнули равнодушные руки людей, презиравших столь примитивное оружие, на одной из полок высокого стеллажа, занимавшего всю стену напротив двери, лежал любимый меч метса, в ножнах на наплечном ремне. Иеро откинул плащ и повесил меч через плечо. Минутой позже он снова был в коридоре и быстро направился обратно. То, что умерший в его камере человек знал, где находится меч, оказалось немалой удачей. Однако лишь собственному хитроумию священник был обязан тем, что догадался поискать сведения о своем оружии в гибнущем сознании врага.

Он не стал разыскивать метатель, который куда-то унесли для исследований, да у него и не было снарядов к нему.

В узком и мрачном коридоре, что вел к дальнему выходу, Иеро не встретил никого. Постоянно прощупывая ментальное поле на длине волны Нечистого, он был уверен, что поблизости нет ни одного человека. И тем не менее священник нервничал. У него появилось чувство, что кто-то обнаружил его побег. Он ускорил шаги, перейдя почти на бег. Казалось, никто во всем Мануне не поднял тревоги, однако ощущение слежки не покидало метса.

Пол извилистого коридора пересекали трещины, грубо обработанные каменные стены сочились водой, светильники попадались редко. Это была дорога к почти неиспользуемому теперь выходу, который в далеком прошлом предназначался для бегства в случае осады подземной крепости. Этот путь подсказал ему мозг умирающего адепта; выход был тайным и почти наверняка неохраняемым.

Пол начал подниматься под небольшим углом вверх. Это успокоило Иеро; он сильно удивился бы, если б допустил ошибку. Здесь коридор загромождали кучи щебня и каменные обломки. Иеро споткнулся и замедлил шаги, затем остановился. Что за звук раздался позади? Он был похож на шум упавшего камня. Священник снова прошелся по всему ментальному диапазону, соответствующему человеческому разуму, и не обнаружил ничего. Очевидно, это крыса или другое мелкое животное, решил он и отправился дальше. Пока ни один человек в крепости не обнаружил его бегства — в этом он был совершенно уверен.

Коридор выровнялся. Он шел теперь под довольно крутым углом; неяркий свет в отдалении показывал, что выход близко. Ободренный Иеро чуть расслабился, успокаивая дыхание. Он начал ощущать усталость от постоянного телепатического напряжения — в большей степени, чем от физических усилий.

Он миновал очередной тусклый светильник и снова очутился в тени. Внезапно сзади раздался шум, и священник резко обернулся, одновременно выхватив тяжелый меч. В неярком свете, падавшем сверху, он увидел массивный силуэт, который, казалось, заполнял туннель от края до края и продвигался вперед с огромной скоростью. В то же мгновение, очевидно сообразив, что его обнаружили, лемут бросился вперед с диким воплем, заполнившим туннель.

Чи-Чук! Каким-то образом гигантский Ревун обнаружил побег Иеро и стал преследовать его! Священник контролировал мысли людей, принадлежавших к братству Нечистых, но он забыл про слуг и союзников с ментальными излучениями других длин волн! Но времени сетовать на свою невнимательность уже не оставалось.

Тусклый свет закрепленной на потолке лампы падал прямо на лемута, и метс увидел блеск стального лезвия, зажатого в его чудовищной лапе. Затем он атаковал.

Перебросив меч в левую руку, Иеро стремительно нагнулся, схватил тяжелый булыжник и изо всех сил швырнул его в клыкастую оскаленную пасть монстра. Кусок известняка разбил рот лемута, он отпрянул назад, опустив свое оружие и судорожно загребая воздух свободной лапой. Сотрясавший туннель дикий вопль внезапно сменился визгом ошеломленного болью животного.

Иеро выхватил кинжал; сжимая его в правой руке и вытянув левую, вооруженную мечом, он бросился вперед. Чи-Чук попытался поднять свое оружие, но священник отразил его выпад длинным кинжалом, одновременно послав тяжелый меч прямо в ужасную, залитую кровью морду. Жалости не было в его душе, как и сомнений в собственной судьбе, если он промахнется.

Удар был страшен. Короткое тяжелое лезвие вошло между красными, налитыми яростью глазами лемута. Раздался резкий чмокающий звук, когда человек

выдернул свое оружие. Все было кончено. Колени Ревуна подогнулись, огромное тело начало медленно заваливаться вперед. Иеро прижался к стене коридора, и туша чудовища рухнула у его ног.

Вокруг по-прежнему царило молчание, прерываемое только тяжелым дыханием священника. Он прикрыл глаза и, сосредоточившись, попробовал уловить какие-либо признаки тревоги. Но все было спокойно. Люди, находившиеся в подземной крепости, были заняты только повседневными делами. С'дана все еще пребывал в сонном оцепенении, вызванном действием наркотика, злобные и чудовищные видения хороводом кружились в его мозгу. Очевидно, из этого удаленного туннеля ни звука не долетело до центральной части Мануна.

Беглец склонился над трупом и вытер короткий клинок о грязную шерсть лемута. Он стоял, глядя вниз на сведенное предсмертной судорогой тело, отдыхая от страшного напряжения схватки.

— Бедный Чи-Чук,— произнес вслух священник,— бедный, глупый Чи-Чук! Если бы порядочные люди занялись твоим воспитанием, ты, возможно, стал бы совсем другим существом, а не грязным вонючим людоедом, порождением ночного кошмара!

Полный сострадания к трагической судьбе этого создания, он произнес краткую молитву, затем повернулся и продолжил путь наверх. Свежий ветер, ворвавшийся в сырой коридор, коснулся его лица. Он ускорил шаги.

Прошло, однако, довольно много времени, пока он достиг выхода и вскарабкался на крутой скат в конце туннеля. Священник сильно устал, ноги его дрожали, и он чувствовал, что схватка с лемутом стоила ему по крайней мере года жизни.

Этот запасной выход из подземного мира Нечистого не имел двери. В конце туннель делал двойной зигзаг и заканчивался узкой щелью, через которую беглец протиснулся наружу. Он настороженно огляделся. Ему пришлось прикрыть ладонью глаза, пока они не

привыкли к свету внешнего мира. Солнце низко висело над горизонтом. Дыра, из которой он вылез, темнела в склоне скалистого массива, довольно высоко над бухтой, служившей пристанищем кораблям Нечистого. Перед ним простиралась заваленная каменными глыбами скала, на которой не росло ни травинки; за ней лежала гавань, где покачивались на волнах несколько кораблей, в том числе узкое черное судно, доставившее его на остров.

Здесь была только одна пристань, на противоположной стороне бухты. Около нее начиналась дорога, тянувшаяся наверх, к замку Нечистого. Иеро поднял голову, разглядывая берег за темной полосой воды. Замок хмуро смотрел на него черными щелями окон через молчаливую гавань и окружавшее кольцо скал. Ворота были закрыты. Ни движения, ни звука не доносилось оттуда. Причал и гавань также были пустыми и безмолвными.

Справа от Иеро вилась узкая тропка, которая вела вниз, к неширокой полосе покрытого галькой пляжа. На нем, натянутые на деревянные колья, сушились рыболовные сети. У кромки прибоя лежали на берегу два небольших суденышка; их якоря на длинных канатах были зацеплены за обломки скалы. Священник решил, что правители острова, очевидно, не брезгуют свежей рыбой. Так ли это было на самом деле, значения не имело. Главное, эти лодки давали возможность успешно завершить побег. Насколько он мог разглядеть, весла были брошены внутри лодок, а одна из них даже имела складную мачту, туго обтянутую полотнищем паруса.

Тени становились длиннее. Ни один огонек не мерцал в окнах замка, и его четкие контуры становились все более расплывчатыми. Не было видно света и в гавани. «Они даже не выставили охрану у кораблей»,— подумал Иеро с недоумением. Видимо, Мастера Нечистого очень самоуверены и считают, что никто не может бросить вызов их могуществу, решил

беглец. К счастью, это излишнее самомнение сейчас защитило одного из слуг Божьих и помогло ему бежать. Но так ли все просто? Он вспомнил замечание С'даны, которое тот обронил в лодке: «На этом острове много охранников!» Лучше вести себя как можно осторожнее.

Первые звезды засверкали в вышине. Ночь была безлунной. Тонко и жалобно завывал ветер среди голых скал острова Смерти. Иеро невольно подумал, что это стоны бесчисленных и безымянных существ, принявших здесь смерть, несчастных жертв Нечистого и его слуг, и твердо решил, что не окажется в их числе.

Священник медленно двинулся вниз по откосу, озираясь по сторонам и сжимая рукоять меча. Никакой видимой опасности вокруг. Ментальные излучения обитателей крепости по-прежнему не вызывали тревоги.

Скоро Иеро различил очертания маленьких суденышек. Выбрав лодку с мачтой и парусом, он освободил якорь и начал толкать ее к линии прибоя. Это было нелегко, и ему дважды пришлось останавливаться, чтобы отдохнуть. Наконец он столкнул суденышко в воду, забрался в него и установил мачту, оставив парус пока свернутым. Затем вылез на берег, острым обломком скалы пробил дыру во второй лодке и, забрав из нее весла, снова вернулся в свой баркас. Спустя минуту он уже плыл к выходу из гавани.

Иеро греб осторожно, внимательно осматривая скалы и не пытаясь развить большую скорость; его лодка была почти невидима в густой тени скалистого берега. Он миновал один из больших кораблей, стоявших на якоре. Ментальных излучений не было, а значит, судно не охранялось. Самым сложным оказалось преодолеть довольно сильное встречное течение в узкой горловине, соединяющей бухту с открытым морем. Волнение усилилось, водяные брызги летели через борта лодки, и скоро лицо и волосы беглеца стали мокрыми. Ну что ж, решил он, ворочая тяжелые весла, по крайней мере,

не придется страдать от жажды на долгом пути к северному берегу.

Порывы ветра, встретившие лодку в горловине бухты, сначала ошеломили его. На самом деле ветер был не слишком сильным, но человеку в крохотном суденышке четырех ярдов длиной он казался яростным. Волны накатывались на лодку, вода лилась на непокрытую голову Иеро, скатываясь по шее и спине. Он мгновенно промок, однако ночь была теплой, и опасность замерзнуть ему не угрожала. Священник умел обращаться с веслами и парусом. Постепенно он вошел в ритм и размеренными неторопливыми гребками погнал лодку поперек волны.

Он был уже на середине прохода, когда почувствовал тревогу, поднявшуюся в подземной крепости. Немедленно усилив свою ментальную защиту, Иеро продолжал упорно грести, одновременно прислушиваясь к суете, наполнившей логово Нечистого.

Он мог слышать мысли С'даны, почти бессвязные от яростного гнева, когда тот пробудился и узнал последние новости. Мысли других адептов тоже были ему доступны, и он ощущал лихорадочную поспешность, с которой слуги Нечистого обшаривали ментальное пространство в недрах и на поверхности острова, пытаясь разыскать его. Но он также чувствовал и бесплодность их усилий. Его телепатический барьер был непроницаем и неощутим. Эта новая сила и умение, посланные ему в трудную минуту Господом, делали его невидимым для служителей Зла. Гораздо больше священника беспокоила погоня, ведь его могли увидеть. И он понимал, что враги рано или поздно тоже придут к этой мысли.

Однако ему сопутствовала удача. Он успел уже выйти из горловины бухты и обогнуть один из обрамлявших ее огромных утесов, когда в стенах замка вспыхнул свет; затем зашипела взлетающая осветительная ракета. Она взорвалась над гаванью, залив ее ярким голубым светом, но огромные скалы, составлявшие внешний бастион острова, укрыли Иеро от глаз

врагов. Тем не менее он не строил иллюзий относительно своей безопасности; конечно, пропажу лодки довольно быстро обнаружат и поймут, как он сбежал.

Беглец сложил весла в лодку и поставил парус; теперь пришлось пересесть на корму и взяться за руль. Он повернул вдоль восточного побережья острова. Ему хватило нескольких минут, чтобы приноровиться к крошечному судну. К счастью, с запада дул ровный ветер, и лодка под парусом была устойчивой. Постепенно священник убедился как в ее надежности, так и в собственной способности справиться с рулем и парусом.

Он настолько увлекся управлением лодкой и наблюдением за прибрежными скалами, что несколько ослабил ментальный контроль за событиями на острове. Это, конечно, не касалось его телепатического барьера, который поддерживался почти инстинктивно. Вскоре Иеро ощутил нечто новое, какую-то странную неприятную дрожь ментального поля. Что вызвало ее, священник понять не мог, но, поскольку это явление не показалось ему опасным, он оставил его без внимания.

Вдруг слева от него, за границей отбрасываемой скалами тени, из воды всплыло полукольцо гигантского, мертвенно-бледного каната толщиной с тело взрослого человека. Оно скрылось в черной воде и появилось вновь, ясно видимое в свете непрерывно взлетающих осветительных ракет.

Черви-гиганты из гавани! Манун вызвал из темных глубин Внутреннего моря и послал за ним ужасную погоню.

ГЛАВА 7

Забытый Город

Лучар сидела, скрестив ноги и пристально уставившись на пламя крошечного костра. Ее била дрожь, но не от холода, совсем нет. Молодой медведь лежал рядом, положив голову ей на колени. Он спал, чуть слышно посапывая. Справа, из-за небольшого оврага, доносился шум волн, разбивающихся о берег, и тихий хруст — Клуц перемалывал свою бесконечную жвачку. Огромный лорс стоял на страже, и девушка знала, что опасность не нагрянет неожиданно в эту ночь.

Она думала об Иеро. Он сумел сделать невозможное — связаться с ними, и это чудо снова вдохнуло в нее желание жить. Последние часы были очень тяжелыми; ей казалось, что все потеряно, и она серьезно помышляла о самоубийстве. И в этот миг священник перебросил им ниточку надежды. Но он мог бы сказать что-нибудь и для нее, думала девушка, сердито и по-женски непоследовательно. Нет, действительно, она оказалась слишком глупой, слишком неумелой, чтобы услышать его. Медведь, четвероногое животное, был более чутким, чем женщина, которая... Она вздрогнула и прогнала прочь эту мысль, невысказанную и непрошенную. Она, Лучар, дочь Даниэла Девятого, не может любить заурядного священника-иностранца, низкорожденного дикаря, раскрашивающего лицо, ничтожество, охотнее беседующего с медведем, чем с ней! Смешно!

С чувством внезапно возникшего раскаяния она нежно погладила мохнатую голову Горма. «Медведь, умница мой,— прошептала она едва слышно.— Пожалуйста, приведи его обратно невредимым».

Их лагерь был расположен в углублении скалы, в нескольких сотнях футов от моря. Как передал ей

Горм, они должны найти небольшую бухту или залив и, затаившись там, ожидать Иеро. Этот крошечный заливчик, огороженный скалами, открытый только небу и морю, оказался идеальным убежищем. Лучар, вспомнив осторожность Иеро и его уроки, построила изгородь из кустарника со стороны пляжа, так что разведенный ею костер был незаметен даже с расстояния нескольких футов.

Медведь внезапно пробудился и глубоко втянул носом воздух.

— *Ветер усиливается, девушка* (так он обозначал Лучар). *Небо стало темным. Это большая удача для друга Иеро.*

Он улегся обратно и снова закрыл глаза.

— *Но ведь он в тюрьме!* — отвечала Лучар.

Священник удивился бы, узнав, насколько хорошо она научилась пользоваться ментальной связью. Они с Гормом прекрасно понимали друг друга и проводили настоящие совещания. Девушка уже могла давать мысленные команды большому лорсу, хотя чаще прибегала к помощи медведя. Клуц выполнял приказы своего мохнатого приятеля так, словно они исходили от самого Иеро. Это наверняка показалось бы священнику весьма примечательным.

— *Не пытайся говорить с Иеро!* (чувство опасности),— передал медведь.— *Говори только со мной и Клуцем, когда мы рядом.*

Лучар была достаточно умна и понимала, что он лучше представлял возможные последствия плохо контролируемого ментального общения. Она могла невольно выдать Иеро или навести врагов на их лагерь.

Однако как тяжело давалось ей это томительное ожидание!

Примерно через час она почувствовала, что медведь снова проснулся. Он поднялся, вытянул шею и стал вглядываться в темноту, как будто пытался разглядеть мчавшиеся над ними облака. Каким-то шестым чувством она поняла, что медведь снова вступил в контакт

с Иеро. Если бы она только могла чем-нибудь помочь ему! Нервная дрожь сотрясала ее тело. Внезапно девушка поняла, что Горм сейчас будет говорить с ней.

— *Я не могу описать ему подробно место, в котором мы находимся. Ты должна сделать это. С помощью моих глаз он не может хорошо рассмотреть берег.*

Затем в ее сознание, подобно бурному потоку, ворвался Иеро! Но он не произнес ни слова привета или ласки, одни только приказания!

— *Быстро, девушка, где ты? Попытайся рассказать мне об этом месте — как оно выглядит со стороны моря. И торопись!* — Последовала пауза.— *Меня преследуют; я не могу долго поддерживать связь с вами. Торопись же!*

Лучар пришла в ужас. Она так хотела помочь ему, но теперь не могла даже думать. Кто-то может убить Иеро, если переданные ею сведения будут неправильными или недостаточными. Эта мысль мучила девушку, но она была из породы бойцов и сумела собраться с силами.

— *Слушай*,— передала она спокойно,— *я попытаюсь сделать это. Мы находимся на расстоянии одного дня пути к востоку от того места, где тебя взяли в плен. Здесь в море вдается одинокая скала, на ее вершине растут две пальмы. Скала выше с западной стороны и понижается к востоку. За ней находится маленький залив с пляжем. Мы прячемся там, у подножья скалы.*

— *Достаточно! Ни слова больше, иначе они вас найдут! Не связывайтесь больше со мной, ясно? Ждите!*

Затем наступило молчание. Лучар залилась слезами. Он был где-то там, в море, в смертельной опасности и не нашел для нее ни одного теплого слова! В следующее мгновение она подумала, что рассуждает, как эгоистка, и зарыдала еще сильнее. Пока она негодует на его

холодность, он борется со смертью и, возможно, уже мертв!

— *Жди и не волнуйся,*— возникли слова в ее сознании.— *Он тоже думает о тебе. Только сейчас он должен сражаться за свою жизнь. Он вернется к нам, будь уверена.*

Сквозь слезы Лучар удивленно воззрилась на медведя. Как он узнал, что она чувствует?

— *Твой разум был открыт для меня,*— передал Горм.— *Когда Иеро говорил с тобой, я слышал ваши мысли. Твой собственный мозг еще не может справиться с такой задачей. Теперь спи, пока я буду наблюдать за берегом.*

Успокоившись, она легла на одеяло, вглядываясь в темное ночное небо и слушая шорох волн, накатывающихся на берег, и свист ветра в кронах пальм. Она была уверена, что не сможет сомкнуть глаз, но, к удовлетворению медведя, уснула почти мгновенно.

«Люди — странные существа,— подумал четвероногий философ.— Их привязанности так дорого обходятся им».

Затем он начал внимательно прислушиваться к ночным шорохам.

Лицо Иеро оставалось спокойным, но сердце невольно дрогнуло, когда он увидел гигантское белесое тело червеобразной твари, в следующий миг скрывшейся под водой. Он сидел с подветренной стороны, упираясь ногами в противоположный борт и сжимая одной рукой руль, а другой — леер для управления парусом. Маленькое судно мчалось вдоль скалистого берега Мануна, и священник старался направлять его как можно ближе к утесам. Что-то подсказывало ему, что в открытой воде опасность возрастет. Скоро, однако, ему придется покинуть прибрежные воды острова и пробиваться к большой земле. Он все еще ощущал вибрацию менталь-

ного поля; очевидно, это был сигнал тревоги, посланный с острова чудовищным призракам морских глубин.

Внезапно в тридцати футах от лодки поверхность воды вздулась, приподнявшись невысоким горбом. Однако, как ни напрягал священник глаза, он не смог ничего увидеть в темноте. Скрывался ли там кто-нибудь, или это была просто высокая волна?

Взошла луна. Бледный свет, озаривший поверхность моря, помогал ему выбирать правильный курс. Он наконец покидал прибрежную зону Мануна. Самый дальний, восточный мыс острова оставался справа. За ним лежало открытое море. Где-то там, неизвестно где, лежала большая земля и ждали его друзья.

Миновав мыс, Иеро перебросил рею с парусом на другой борт и лег на новый галс. Этот маневр был достаточно простым и не вызвал у него затруднений. Он хорошо представлял, куда должен плыть. Внутреннее чувство ориентации, как и умение правильно оценивать время, было развито у него очень сильно. Закончив манипуляции с парусом, Иеро снова уселся на корме, посмотрел назад и вздрогнул от омерзения.

Из воды показалась ужасная круглая пасть, пульсирующая в непрерывном отвратительном движении. Гигантский червь находился в десятке ярдов позади лодки, и его голова примерно на фут возвышалась над поверхностью. Священник назвал это жуткое создание червем, но, как и многие другие монстры, оно имело родоначальника до Смерти. В прошлом всего лишь минога, рыба-змея длиной в несколько дюймов, превратилась под влиянием радиации в тупого и безмозглого колосса, способного опрокинуть небольшое судно. Колдуны Нечистого нашли ментальную волну, заставлявшую этих тварей подыматься на поверхность в поисках пищи. Очевидно, адепты умели как-то контролировать их, чтобы обеспечить безопасность своих кораблей. Множество белесых тварей обитало на морском дне вблизи Мануна, и они составляли самую надежную охрану острова.

Огромный червь, ясно видимый в свете луны, плыл, изгибаясь, следуя за каждым поворотом лодки. Иеро показалось, что это чудище двигается нарочито медленно, как будто играет с ним. Судя по тому, что монстр сумел так быстро догнать лодку, он мог развивать гораздо большую скорость. Вероятно, его поведение диктовалось просто инстинктивной предосторожностью; в этом крошечном мозгу вряд ли копошились какие-либо мысли. Наконец червь решил, что преследуемое им существо годится в пищу. Его скорость резко возросла, тело сжалось, подобно пружине, и затем огромная голова нанесла удар в корму лодки — прямо под тем местом, где находился Иеро.

Священник был готов к борьбе и очень, очень разгневан. Пройти такой путь, полный опасностей и лишений, чтобы погибнуть в пасти отвратительной безмозглой твари! На мгновение обжигающая волна ярости затмила разум. Но он был опытным бойцом и помнил, что первое правило в любом сражении — оставаться спокойным.

Иеро стоял на корме, плотно зажав коленями перо руля и держа в руках одно из запасных весел. И в тот миг, когда чудовище таранило лодку, он воткнул весло прямо в округлую, усаженную остроконечными зубами пасть. Лопасть весла попала прямо в глотку монстра, и священник приложил все силы, чтобы вогнать его поглубже.

Тварь отдернула голову. Это движение швырнуло священника на колени, но ему удалось перехватить руками руль и сохранить контроль над своим судном. Как зачарованный, он наблюдал за метавшимся в воде огромным червем, тело которого то судорожно свивалось в кольца, то резко распрямлялось в безуспешных попытках освободиться от весла. Скоро чудовище исчезло позади, во мраке ночи, но он не решался ослабить бдительность. Эта тварь могла быть не одна, и Иеро понимал, что в следующий раз трудно рассчитывать на такой же удачный удар. Кроме того,

он находился на грани полной потери сил. Напряжение двух схваток и длительное ментальное усилие почти исчерпали огромный запас его жизненных сил. Он ни мгновения не отдыхал с тех пор, как попал в плен и не знал, как долго сможет еще продержаться.

Остров скрылся на западе, и теперь в бликах лунного света, танцующих на пенных вершинах волн, вокруг простиралась лишь бескрайняя водная гладь. Утомившись от ее созерцания, Иеро решил, что пора получить кое-какую информацию. Он не верил, что силы добра восторжествуют столь легко. Покидая гавань Мануна, он мысленно ощутил гнев С'даны и свирепую ярость остальных адептов. С'дана сказал, что никому не удастся ускользнуть с острова Смерти. Ему же удалось это совершить; отмщение будет быстрым. В любую минуту могла начаться погоня, и чем скорее он вступит в контакт со своими друзьями, тем лучше.

В этот миг он и вызвал Горма и Лучар. Если бы девушка могла прочесть его мысли, когда их контакт прервался, она бы уснула с улыбкой на лице. Постепенно священник начал ощущать, что ее милое лицо, шапка темных кудрей и легкая изящная фигурка стоят перед его глазами во время работы и отдыха и даже в самые критические минуты высшего напряжения сил. Если только он сумеет вернуться... и снова увидеть ее...

Затем он переключил внимание на оставшийся позади остров и, используя новую волну, выделил несколько потоков из ментальной реки, которая лилась к нему из крепости врага. Кроме центрального потока он обнаружил еще три, более сильных, чем первый, и, следовательно, более близких. Судя по направлению ментальных сигналов, их источники находились между островом и его лодкой! Очевидно, это были три корабля, посланные в погоню и следующие примерно по его курсу. Да, слуги Нечистого не теряли времени даром! Теперь необходимо выяснить, далеко ли до большой земли.

Священник пристально всматривался в ночной полумрак, но в слабом свете луны не мог различить ничего, кроме бесконечной череды катящихся валов. Боже милостивый, берег не мог быть далеко! Он прошел уже не менее пяти миль, и сигналы его друзей были достаточно отчетливыми! Но сила ментальных потоков преследователей тоже нарастала, и это значило, что они приближаются. Иеро не сомневался, что враги постоянно пытаются обнаружить излучение его мозга и не могут найти его. Только это его и утешало.

Стало немного светлее. Свежий ветер разгонял облака, луна все чаще показывалась в их разрывах. Это было плохо, но он ничего не мог поделать. Оставалось ждать и молиться.

Что это там, впереди? Темная, четкая линия, показавшаяся в обманчивом лунном свете? Снова и снова он видел ее, когда лодка взлетала на гребень волны. Это была земля, немного левее его курса! Иеро чуть повернул руль, вглядываясь в очертания побережья и одновременно заметив, что ментальное излучение Горма становится все сильнее.

— *Вставайте, сверните лагерь и ждите!* — передал он.— *Будьте готовы и не отвечайте мне, иначе вас обнаружат!*

Иеро трижды повторил обращение, используя новый способ связи, и прервал контакт. Он сделал все, что мог.

Облака разошлись. Теперь в свете полной луны даже его маленький парус можно заметить на большом расстоянии. Он снова поймал ментальную волну врагов и поразился, насколько они близко, однако, оглянувшись назад, ничего не заметил.

Метс уже мог различить детали побережья, но, к его огорчению, ничего похожего на скалу, описанную Лучар, не было видно. Слева тянулся бесконечный пляж, за ним — заросли кустарника, а в отдалении возвышались дюны. Неужели он пропустил залив? Но сейчас это было не важно, главное — уйти от пресле-

дующих его кораблей. Он направил лодку прямо к берегу, до которого оставалось не более полумили.

В этот миг он внезапно ощутил резкий эмоциональный всплеск в ментальном излучении своих противников; очевидно, его заметили. Встревоженный, он оглянулся и увидел их. Два темных прямоугольника возникли над водой, приподнялись, исчезли и появились снова. Паруса! Иеро находился на одинаковом расстоянии и от судна преследователей, и от берега, означавшего спасение. Но удача его не покинула. У корабля, видимо, не было другого двигателя, кроме парусов, а это почти уравнивало их шансы. Однако своеобразное колебание сигналов в зоне связи подсказало ему, что преследователи передают сообщение,— скорее всего, связанное с появлением его лодки в пределах видимости. И тут же два других сгустка ментальных полей — несомненно, корабли врага — изменили курс и стали приближаться к лодке. Рука Иеро метнулась к поясу и сжала рукоять кинжала; второй раз он не попадет в плен живым! Священник знал, что Нечистому нужна его жизнь, а не смерть. Он снова оглянулся назад, оценивая скорость двухмачтового судна и прикидывая, какова вероятность уйти от погони. Корабль быстро нагонял его; уже виднелся черный контур корпуса, и лунный свет отражался от лезвия какого-то оружия.

Но берег тоже был совсем рядом. Беглец слышал шорох волн, накатывающихся на песок, и видел заросли пальм, кроны которых колыхались под свежим ветром.

Внезапно позади раздалось жужжание — раз, другой. Круглая дыра, как по волшебству, появилась в парусе, но прочная ткань не порвалась. С резким стуком тяжелая стрела, вероятно, из арбалета, ударилась в планшир рядом с его ладонью. Тут ничего нельзя было поделать и, даже не оглянувшись, он продолжал упорно направлять лодку прямо в бушующий у берега прибой.

Внезапно суденышко встало на дыбы, и метс поспешно спустил парус. Затем последовал резкий

наклон вперед, едва не сбивший его с ног. Присев, он съежился у борта, уцепившись за него руками. Волны прибоя играли его баркасом, как щепкой. Наконец под днищем заскрипел песок. В одно мгновение священник сбросил длинный плащ, прыгнул в воду и выскочил на берег.

Тяжелая стрела, просвистевшая над его головой, не задержала его ни на секунду. Когда он мчался по песку к ближайшей дюне, за спиной раздалось дикое улюлюканье, и Иеро понял, что на борту корабля находится отряд Волосатых Ревунов. Вскарабкавшись на вершину песчаной горы, он впервые оглянулся назад. Лодка лежала на берегу, и пенные валы били в ее борт. На мгновение он ощутил горечь — ведь это суденышко спасло его. За линией прибоя качался на волнах вражеский корабль, и в лунном свете виднелись темные фигуры, в ярости метавшиеся по палубе; слышались бешеные вопли. Священник устало усмехнулся. Высадиться здесь на берег было нелегко. «Господь не оставил своего слугу»,— подумал он, подняв глаза к звездам.

Он лег на гребень песчаного холма, скрывавшего его от врагов, и стал наблюдать за ними. Разыскать друзей он успеет, но надо убедиться, что корабль ушел. Вражеский парусник был больше, чем он предполагал, и на борту могло оказаться душ пятьдесят; вполне достаточно для преследования на суше.

Затем вдалеке показался обтекаемый корпус корабля, захватившего Иеро; судно стремительно приближалось. Оно шло с юга, разрезая волны острым, как лезвие ножа, носом; через несколько мгновений оно уже покачивалось рядом с парусником. Священник увидел группу темных фигур на палубе корабля и понял, что стреляющее молниями световое орудие снова ищет цель. Он стремительно скатился по обратному склону дюны, и вовремя — трава на вершине песчаного холма вспыхнула оранжевым пламенем в нескольких ярдах над его головой.

«Болван! Надо было прятаться в стороне! Они же видели, как я взбирался на дюну!» Шепча проклятия, он двинулся прочь от берега, через заросли кустарника и пальм. Позади слышались треск и гудение огня.

Измученный и усталый, Иеро шел медленно, одновременно пытаясь разобраться в мыслях врагов. Но здесь он столкнулся с новой трудностью. Их было так много! И все они пытались защитить ментальными барьерами свои мысли, в то же время концентрируя сознание на нем. Разобраться в подобной мешанине почти невозможно, даже используя новый телепатический канал, о котором они не подозревали.

Вдруг до него дошло четкое сообщение, перекрывшее все другие сигналы подобно горе, возвышающейся над холмами.

— Священник! Полагаю, ты слышишь меня! Ты выкинул новые фокусы, священник, и я желаю разобраться с ними. Ты убил еще одного Старшего Брата и уничтожил нашего верного слугу, мы уже знаем об этом. Слушай меня, священник! Я, С'дана, Мастер Темного Братства и глава Голубого Круга, клянусь прикончить тебя самым страшным способом, который есть в моем распоряжении. Это будет ужасная смерть, священник! И пусть я не узнаю покоя, пока не выполню свою клятву! Я ухожу, но мы еще встретимся!

Иеро опустился на землю в тени большой пальмы и уставился на залитую лунным светом стену кустарника. Он так устал, что любые физические усилия, вероятно, убили бы его. Одновременно он испытывал огромное изумление. Он ощущал мысли врагов — те действительно не собирались высаживаться на берег. И причина была только одна: они боялись! Боялись его, одинокого и израненного, боялись отчаянно! Только это могло заставить хорошо вооруженный отряд, включавший не меньше сотни людей и лемутов, прекратить погоню. Враги не представляли себе его возможностей, и их предводитель боялся попасть в засаду. Подумав

об этом, священник слабо усмехнулся. Все, что он мог сейчас сделать, сводилось к защите собственного разума. Но слуги Нечистого страшились его, считая сверхчеловеком, обладающим невиданной телепатической мощью!

Эта мысль воодушевила его. Но тот небольшой запас сил, который у него еще остался, надлежало использовать разумно. Он настроил новый канал связи на Горма. Медведь, должно быть, ждал этого; ответ пришел сразу же.

— *Я нахожусь на берегу, думаю, к западу от вас,*— передал Иеро.— *Ты должен найти меня, так как я не обнаружил скалу и вашу стоянку. Я спрятался в зарослях кустарника в четверти мили от берега. Больше мы не станем пользоваться ментальной связью, поэтому ищи меня, полагаясь на свой нос и глаза. Враги близко, иди за линией дюн и охраняй свои мысли! Повторяю, охраняй свои мысли!*

Он упал лицом на песок, и последние силы покинули его. Он лежал в тени пальмы, сам подобный тени в свете луны, не способный пошевелить пальцем. Даже ребенок, вооружившись камнем, мог бы убить его.

Иеро очнулся в темноте. Вода капала на его лицо, и он сначала подумал, что идет дождь, но затем ощутил горлышко фляги у своих губ и почувствовал, что сидит, прислонившись к чему-то мягкому и чудесно пахнущему. Его голова лежала на груди Лучар, а в нескольких шагах перед ним стоял молодой медведь. Горм наклонил голову и слегка пофыркивал, разглядывая своего друга. Неподалеку темной глыбой на фоне звездного неба маячил огромный лорс.

С усилием, преодолевая слабость, священник протянул руку и взял флягу из рук девушки. Она взвизгнула от возбуждения и радости и залепетала:

— Все хорошо, с тобой все в порядке, мы искали тебя весь день и обнаружили только несколько минут назад, это он, Горм, нашел тебя по запаху. Отдай

флягу, я сама, тебе нужен покой, я хочу умыть твое лицо, я...

Свободной ладонью Иеро прикрыл ей рот и жадно приник к горлышку. Напившись, он положил флягу на землю и только тогда убрал ладонь.

— Я голоден,— сказал он хрипло.— Пока я ем, буду рассказывать. Но сначала ответьте, вы видели кого-либо из наших врагов? На море или здесь, на берегу?

Она вскочила, подбежала к сумкам, притороченным к седлу лорса, и вернулась обратно с едой. Теперь она пыталась, правда, без особого успеха, говорить равнодушным тоном.

— Как ты себя чувствуешь, Иеро? Мы прятались тремя милями восточнее. Если бы ты поплыл дальше, то легко нашел бы наш залив. Ты выглядишь ужасно, и от тебя так странно пахнет... — С этими словами она вложила ему в руки кусок рыбы и сухарь.

Откусывая небольшие кусочки от того и другого, он кратко рассказал, что случилось с ним в плену. Затем повторил всю историю Горму, вступив с ним в ментальную связь. Это было еще несколько утомительно для него, но необходимо. Телепатический рассказ занял только минуту или две, так стремительна мысленная речь. Медведь выслушал Иеро, мотнул тяжелой головой и отправился в темноту — обследовать окрестности.

Священнику захотелось сладкого, и он закончил свою трапезу куском пеммикана, а затем встал, потянулся и глубоко вздохнул.

— Ты не представляешь, девочка, как хорошо на свободе после подземелья,— проговорил он, подставляя лицо прохладному ночному ветру.— Манун — это ужас... Ужас и гибель! Там даже воздух пропах смертью. На этом острове ничего не растет: ни трава, ни кустарники, ни кактусы.

Девушка вздрогнула, и Иеро внимательно взглянул на нее. Она выглядела очаровательно — тонкая, изящная, с темными кудрями, на которых играли блики

лунного света. Что-то в его глазах заставило ее поднести руку к голове и нервно пригладить волосы.

— Я скучал по тебе, ты знаешь,— сказал он просто и прилег на землю, опершись на руку.

Лучар отвернулась; казалось, она внимательно изучала залитые лунным светом дюны.

— Вот как,— отозвалась она, и голос ее дрогнул.— Это хорошо, потому что мы тоже скучали без тебя.

— Я сказал, что скучал по тебе,— повторил Иеро.— И я много думал... Удивительно, я больше думал о тебе, чем о собственных делах.

Девушка повернулась, и он увидел, что ее большие темные глаза блестят. Несколько мгновений они молчали, затем Лучар заговорила:

— Иеро, я вовсе не сбежавшая от злого хозяина девушка-рабыня.

— Ну что ж,— вздохнул он,— я догадывался. И будь я проклят, если это меня хоть немного волнует, даже если оно кажется очень важным тебе. Девушка, которую я полюблю, всегда будет мне дорога, что бы с ней ни случалось в жизни раньше. И меня не интересует, кем и чем ты была в своей варварской стране!

— О-о-о! — воскликнула она сквозь слезы.— Ты ужасный человек! Что ты подумал обо мне! Я собиралась сказать что-то важное, но ты даже не хочешь слушать! Можешь отправляться обратно на свой остров Смерти или куда угодно! Ты сам полумертвый и выглядишь, как выкопанный из земли труп, и пахнешь также! — Разгневанная, она вскочила и умчалась в ночь, покинув рассерженного священника.

Но его раздражение скоро прошло. Он уныло почесал в затылке, с удивлением подумав: «Почему я так разозлился? Пожалуй, я вел себя не слишком умно!»

— *Что нового?* — спросил он у Горма, который внезапно появился из темноты и лизнул его грязное, заросшее лицо.

— *Никакого движения вокруг*,— пришел немедленно ответ.— *Я ничего не почувствовал, кроме запаха мелких ночных животных. Враги ушли, вероятно, на свой остров.*

— *Жди здесь и наблюдай*,— передал священник,— *Я пойду к воде, мне надо умыться.*

Он медленно поднялся на дюну. Внутреннее море было пустынным; лунный свет серебрил его воды, тихие и спокойные в эту ночь. Мысли Иеро бродили далеко от этого прекрасного зрелища; он искал следы врага, забросив ментальный щуп вверх и вниз по побережью, но не обнаружил никого, кроме зверей и птиц.

Затем он собрал в тугой комок свою новую силу и бросил ее вдаль, над многомильным пространством воды, туда, где находился остров Смерти, снова пытаясь обнаружить направленные против него злые мысли, но не нашел ничего.

Удивленный, Иеро повторил поиск, но это не принесло успеха. Там, в далекой крепости, Нечистый огородил ментальным барьером свои владения; и хотя недавний пленник Мануна ощущал нечто витающее над островом, понять он не мог ничего. Он находился в положении человека, пытавшегося разглядеть через мутное стекло внутренность аквариума. Он чувствовал какое-то движение за барьером, но что это такое, оставалось для него тайной.

«Ловко сделано!» — неохотно признал Иеро, спускаясь с песчаного холма на пляж и сбрасывая одежду.

Позади он услышал фырканье Клуца, который последовал за ним на берег. Большой лорс не хотел снова потерять своего хозяина и решил, по-видимому, нести неусыпную охрану.

Священник мылся и сбривал свою жесткую щетину, продолжая обдумывать действия врагов. Очевидно, они не представляли себе его возможностей. Но С'дана и его свора почувствовали, что существуют какие-то новые каналы связи, и сумели быстро нейтрализовать их. Враги не смогли бы помешать Иеро обнаружить их

присутствие в любом месте, где они находились, однако они полностью лишили его возможности проникнуть в их мысли.

Метс привел себя в порядок, сменил одежду и выстирал платье, которое было на нем во время плена. Луна светила настолько сильно, что он смог нанести на лицо знаки своего сана. Священник чувствовал себя вполне отдохнувшим, и только отсутствие привычной тяжести медальона на груди напоминало о событиях последних дней. Он швырнул в море кусок оплавленного и осквернённого металла, в который превратился его серебрянный значок, и пошел обратно к дюнам. Клуц следовал за ним по пятам.

Перевалив гребень песчаного холма, Иеро увидел, что девушка и медведь карабкаются по склону ему навстречу. Взглянув на Лучар, он ощутил удар крови в висках. «Боже милостивый,— подумал он с удивлением,— что творится со мной?»

Подняв голову, она холодно взглянула на него, затем неожиданно улыбнулась. Иеро испытал почти непреодолимое желание прикоснуться к ее разуму. «Во имя девяти кругов ада, что она думает обо мне? Кто она? Почему я полюбил ее?» — Эти вечные вопросы звучали в его сознании, лишая привычного равновесия.

— Извини, я, кажется, был невежлив,— сказал он натянуто.— Забудь о моих словах.

Его слова звучали искусственно, он понимал это и в душе проклинал свою неуклюжесть.

— Не стоит вспоминать об этом, пер Иеро,— ответила девушка.— Я была слишком глупой. Прости меня.

Они холодно поглядывали друг на друга, пока Иеро привязывал к седлу выстиранную и еще мокрую одежду. Затем он вскочил на лорса, протянул руку девушке и посадил ее впереди. Они снова двинулись в путь по побережью.

Оба путешественника были напряжены и не разговаривали о недавних событиях и тяжелом испытании,

пережитом ими. Им хотелось бы поговорить о другом, но каждый не решался начать разговор.

Тем временем миля за милей пролетала под копытами Клуца, и Иеро принялся объяснять девушке план дальнейших действий.

— Они довольно хорошо представляют, где мы находимся,— сказал он.— Сейчас они сильно напуганы, но это не надолго. Мы должны обогнуть Внутреннее море с востока или пересечь его, чтобы попасть примерно в район Нианы — города, о котором ты мне рассказывала. Нечистый объявит тревогу среди своих слуг и союзников по всему нашему пути, можешь не сомневаться в этом. Впереди,— он указал рукой на юго-восток,— нет ничего, кроме нескольких Забытых Городов. Они сильно разрушены и полузатоплены, и вряд ли там сохранились устройства, нужные мне. Карта Нечистого, которую я взял у колдуна, убитого мной на севере, показывает, что около этих городов южная оконечность Пайлуда подходит вплотную к морю, вдаваясь в него широким полуостровом. Я хотел отойти от побережья и пересечь полуостров севернее; это сильно сократит наш путь. Но тогда нам придется идти по болоту, а без метателя это слишком опасно. Мне нечем сражаться с огромными животными, населяющими Пайлуд.

Они ехали под луной до самого рассвета, двигаясь по северной стороне дюн. Песчаные холмы скрывали их от наблюдения с моря, но замедляли продвижение вперед. Эта местность, граница между болотом и песчаным взморьем, густо заросла кустарником, пальмами и колючими кактусами. Клуц должен был тщательно выбирать путь и не мог двигаться здесь с такой же скоростью, как на ровном пляже.

Иеро, однако, не рисковал появляться на открытом пространстве; С'дана и его милая компания в любую минуту могли высадиться на побережье. Он все время проверял каналы связи, пытаясь обнаружить хотя бы следы ментальных сигналов, но во всех диапазонах

царило молчание. Очевидно, у слуг Нечистого зародились некоторые подозрения о его возможностях, и любая ментальная связь была прекращена. Это становилось все более опасным.

Шло время, миля за милей ложились под копыта Клуца. Наконец Иеро перестал ощущать ментальную ауру врага. Это означало, что они далеко ушли от острова Смерти, и настроение священника несколько поднялось. Если его мысль не могла достигнуть логова Нечистого, то, наверное, враги тоже были не в состоянии обнаружить его. Кроме того, он полагал, что ментальный барьер непосредственно связан с крепостью, с самим Мануном, и, вероятно, поддерживался с помощью какого-то аппарата, подобного усилителю мысленной энергии, использованному для контроля за его сознанием. Вряд ли такое устройство можно было передвигать с места на место. Значит, нужно только избегать крепостей и городов Нечистого. Если б знать, где они находятся!

К рассвету путники разбили лагерь под непроницаемой кроной огромной пальмы. Иеро проявлял максимальную осторожность, внимательно осматривая окрестности и безоблачное небо. Хотя он не видел вражеского пилота с тех пор, как вышел из болот далеко на востоке, он не отваживался путешествовать днем. Он не решился также бросить взгляд на окружающую местность, воспользовавшись глазами какой-нибудь птицы; любая неосторожность могла навести Нечистого на их след.

Они быстро поели и проспали все утро в тени пальмы. Затем Иеро принялся изучать соседние деревья и кустарник, пока не нашел то, что было ему нужно. Невысокое дерево с узловатым стволом, покрытым блестящей черной корой, зазвенело под ударом меча. Священник срубил его и трудился над неподатливой древесиной весь день, многократно затачивая меч и нож. Наконец к исходу дня он вырезал несколько деталей.

— Это для арбалета,— объяснил он Лучар в ответ на ее вопрос.— Любой киллмен, опытный воин, умеет сам делать оружие. У меня нет больше карабина, и надежный арбалет — лучшее, что я могу соорудить. Еще мне понадобятся прочные рога какого-нибудь животного, а также металл и перья для стрел. Все это потребует времени, но метательное оружие мне необходимо.

— Ты научишь меня стрелять?

— Почему бы нет? Здесь достаточно дерева, чтобы изготовить два арбалета. Чем лучше мы будем вооружены, тем больше надежда благополучно достичь цели. Арбалет устроен так...

Объяснить это было довольно сложно, пока они ехали верхом. Но на следующее утро он нарисовал чертеж на песке, и весь день они дружно строгали деревянные ложа, по обыкновению болтая о чем придется. Паузы в разговоре возникали только тогда, когда кто-либо из людей обращался к Горму, который лежал напротив, внимательно наблюдая за их работой. Иеро изложил свои соображения о предстоящем пути и предупредил медведя, что их маршрут будет пролегать по очень опасной области, где расположено несколько городов Смерти. Горм, однако, ни удивился, ни встревожился.

— *Я бывал в таких местах на севере*,— объяснил он.— *Это плохие, злые места; там живут нечистые создания, которых ты называешь людьми-крысами. Но они очень неуклюжи и так же плохо умеют нюхать и слушать, как и вы оба. Я не боюсь этих мест.*

Иеро понял, что молодой медведь действительно побывал в развалинах древних городов в Канде. Он, однако, отвечал очень уклончиво, когда священник попытался выяснить, зачем ему это было нужно.

— *Старшие заставляют нас ходить туда*,— сообщил он наконец, не сказав больше ничего.

Священник сделал вывод, что, вероятно, посещение таких опасных мест было для народа Горма своеобразным испытанием на зрелость.

Он объяснил медведю, что гигантские южные города Смерти совершенно не похожи на покинутые человеческие поселения в Канде; они занимали намного большую площадь и были в десятки раз опаснее. Слушая священника, Лучар кивала головой.

— Несколько таких городов находятся в Д'Алва,— сказала она.— Кроме Нечистого и его слуг, никто не отваживается посещать их. Говорят, в них скрываются страшные и удивительные создания, существа, которых больше не найдешь нигде.

— *Возможно,*— пришел ответ медведя.— *Я буду очень осторожен. Но мы все равно идем в эти места, так к чему же лишнее беспокойство?*

— У моего народа есть странные инструменты,— продолжала девушка.— Говорят, они очень древние, сделанные еще до Смерти, либо скопированные со старых образцов. Их хранение доверено священникам и некоторым людям благородного звания. Когда приходится идти недалеко от города Смерти или пустынь Смерти, эти инструменты берут с собой. Они показывают, есть ли невидимая смерть в том месте, по которому ты хочешь пройти.

— Да,— кивнул Иеро, внимательно разглядывая почти готовое ложе арбалета и подравнивая его ножом.— Я знаю, о чем ты говоришь. У нас тоже есть такие устройства. То, что ты называешь невидимой смертью, на самом деле атомная радиация. Мы не можем уничтожить ее и не умеем ее производить, но что это такое, нам известно.— Он отложил арбалет, посмотрел на садившееся за горизонт солнце и продолжил: — Пока ты с нами, такие приборы тебе не понадобятся. Клуц и я обучены определять радиацию, мы умеем чувствовать ее. И я уверен, наш мохнатый друг тоже способен делать это без всяких приборов.

Он обратился к Горму, и тот подтвердил, что ему хорошо известна опасность радиоактивного заражения и он умеет определять ее источники.

Лучар изумилась. Она обладала большим жизненным опытом, чем это могло показаться с первого взгляда, а также немалыми знаниями. Но каждая новая способность Иеро, казалось, демонстрировала, что он был существом более высокого ранга по сравнению с ней. В душе она чувствовала, что ее гордость за собственное благородное происхождение — не более чем последняя защита против того ясного и очевидного факта, что чужак с далекого севера ничем не хуже девушки с варварского юга. Он опытнее, умнее и образованнее ее, как бы она ни кичилась своим высоким положением на родине.

Однако на ее лице Иеро не смог прочесть ничего. Врожденное уважение к человеческой личности не позволяло ему зондировать мозг Лучар, и он продолжал терзать себя сомнениями, как и всякий влюбленный мужчина на его месте. Но внешне он тоже сохранял полное спокойствие.

— Давай-ка достанем и посмотрим карты,— предложил он.— Мы движемся довольно быстро и скоро достигнем опасных мест. Ты слышала лягушек прошлой ночью?

Резкие, усиливающиеся звуки хора амфибий преследовали их всю ночь, и путники понимали, что это значит. Они приближались к гигантскому болоту, его испарения уже висели в воздухе.

Иеро бережно развернул карту. Пространство Внутреннего моря голубело посередине; широкий, почти прямоугольный полуостров вдавался в море на северо-востоке. Здесь Пайлуд вплотную подходил к огромному озеру, их границы сливались на протяжении многих миль. На карте С'нерга болото было помечено ярко-зеленым цветом, а здесь, на грани между водой и трясиной, стояло несколько черных кружков. Иеро знал, что так обозначают полузатопленные древние

города. Они лежали прямо по их маршруту на расстоянии дня пути.

— Смотри,— произнес священник,— этот кружок внизу побережья может обозначать только Ниану, портовый город, о котором ты мне рассказывала. А вот здесь,— его палец очертил волнистую линию, которая вела от Ниану на восток,— дорога, по которой шли захватившие тебя торговцы. Готов держать пари, что это красное пятно к югу от моря — пустыня Смерти. Смотри, рядом маленькими кружками показаны три древних города, один из них лежит на самой границе пустыни. Эти три города есть и на моих картах; здесь я собираюсь искать то, за чем меня послали.

С этими словами священник свернул карту и спрятал ее в седельную сумку.

Они отдыхали до той поры, пока вечерний свет не померк. В этом негостеприимном краю кроме кваканья лягушек был слышен только гул огромных туч жалящих насекомых. Мазь Иеро закончилась, и им оставалось только терпеливо ждать, когда можно будет отправляться в путь.

Ночь застала их в дороге. Почва становилась все более топкой, и наконец Клуц начал расплескивать широкими копытами лужи и жидкую грязь. Высокий тростник и заросли огромных хвощей показались в темноте подобно стене, огораживающей болото.

Так мчались они всю ночь. Несколько раз им пришлось объезжать широкие озера, окруженные топкими берегами. Однажды Клуц раздавил копытом серовато-бледную водяную змею, имевшую неосторожность попасться ему под ноги.

Иеро регулярно проверял все доступные ему ментальные каналы, пытаясь обнаружить опасность. Впрочем, он не слишком надеялся на свои способности. Мозг амфибии практически одинаков, независимо от того, принадлежит он существу размером в три дюйма или в двадцать ярдов. И в том, и в другом случае инстинкты и нервные реакции почти неизменны; поэтому священник не рассчитывал, что ему удастся

таким образом различить чудовищного фрога и обычную лягушку. К счастью, здесь, у озера, болото было гораздо менее опасным, чем в центральных районах. Только один раз они слышали жуткий вопль чудовища, раздавшийся где-то далеко на севере.

Первые лучи солнца уже озарили восточный небосклон, когда они расположились на привал. За несколько минут до этого Иеро велел Клуцу остановиться и, спрыгнув на землю, стал внимательно разглядывать почву.

— Похоже,— сказал он себе вполголоса,— что тут не больше дюйма земли. Недаром мне послышалось, будто копыта стали бить по твердому покрытию.— Он заговорил громко, так, что девушка могла его слышать.— Я думаю, мы находимся на дороге или на каком-то искусственном сооружении.

Он повернул голову к медведю и передал:

— *Горм, иди сюда и скажи мне, что находится у нас под ногами?*

— *Построено людьми, очень старое*,— вынес вердикт медведь.

Они стояли, слушая кваканье лягушек и гул насекомых в теплой ночи, пока облако болотного гнуса не опустилось на них. Иеро почувствовал укусы москитов, добравшихся до его лодыжек через прорехи в сапогах, и посмотрел вниз. Ноги лорса окутало темное колеблющееся покрывало, ясно видимое в предрассветных сумерках.

— Наступает день,— сказал священник.— Мы должны найти укрытие.

Он велел медведю разыскать что-нибудь подходящее и двинулся вперед пешком. Лорс последовал за ним.

Они обогнули заросли гигантского тростника и оказались перед открытым водным пространством. Невысокие холмики торчали из лагуны наподобие небольших островов. Оглядевшись вокруг, Иеро заметил неподалеку возвышенность, поросшую тростником; не-

сколько пальм возносили над ней свои кроны. Это было то, что нужно. Он снова сел в седло, и Клуц с Гормом, покинув твердую поверхность древней дороги, зашлепали к холму через жидкую грязь.

С гулким чмокающим звуком Клуц вырвался из трясины, которая доходила бы человеку до пояса. Оба всадника быстро спешились. Они стояли на островке строго прямоугольной формы, ярдов десяти в поперечнике, возвышавшемся над морем грязи. На его твердой поверхности нашлось место для полудюжины пальм; тростник и тонкие ветви кустарника подымались до середины стволов, образуя нечто вроде подлеска. Рассматривая на удивление ровные края островка, Иеро расседлал своего скакуна и начал обирать пиявок, присосавшихся к его огромному телу.

— Я уверен, мы находимся на развалинах древнего здания,— заявил он, отрывая последнего паразита и швыряя его в болото.— Под нами его крыша, и Бог знает, как глубоко оно уходит вниз, в эту грязь. Эти старинные здания иногда имели высоту в несколько сотен футов.

Путники растянулись под кронами пальм, предварительно укрывшись от вездесущих насекомых. Они страдали от жары, их тела и одежда были покрыты грязью, но все, что они могли сделать — терпеливо ожидать вечера.

Лучи солнца, осветившие окружающий ландшафт, не улучшили их настроение, по крайней мере, у двуногих путешественников. Что касается четвероногих, то Горм спал, уткнув нос в собственные лапы, а Клуц похрустывал какими-то болотными растениями, медленно перемещаясь по периметру островка. Открывшийся перед людьми пейзаж производил тяжелое впечатление даже при ясном небе и теплом, ласковом солнце.

Внутреннее море исчезло. Насколько хватало глаз, вокруг простиралась вода, точнее — бурая и грязная жидкость, вытекавшая из огромного болота. Над лагуной торчали руины гигантского древнего города, мертвого памятника исчезнувшей цивилизации. Некоторые

здания вздымались выше самых больших деревьев, их размеры потрясали воображение. Другие, почти полностью погруженные в грязь, представляли собой небольшие островки, поросшие буйной растительностью, подобные тому, на котором нашли приют путешественники. Остальные поднимались на различную высоту над водой, разбитые, опаленные — страшное напоминание о могуществе и жестокости человеческого разума.

Чудовищной силы удар и беспощадный огонь разрушили город в незапамятные времена сильнее, чем пролетевшие над ним тысячелетия. Водные растения и огромные цветы лилий покрывали поверхность простиравшейся вокруг субстанции — смеси вод Внутреннего моря и болотной грязи. Повсюду валялись бревна и стволы деревьев с обломанными ветвями, занесенные сюда штормами и весенним разливом.

На фоне бурых стен кое-где темнели провалы окон. К изумлению путников, в некоторых поблескивали на солнце осколки старого стекла. С крыш зданий свешивались листы ржавого железа. Было горько и страшно смотреть на этот мир смерти и древних развалин.

Вопли лягушек умолкли с восходом солнца, но насекомые все еще роились над поверхностью воды, хотя их стало значительно меньше. Другой жизни здесь не было, если не считать каких-то небольших серых птиц, стаи которых носились над крышами. Большие пятна белого помета на стенах подсказали Иеро, что сюда, вероятно, залетают более крупные птицы, но сейчас их не было видно.

Священник прозондировал ментальные поля в ближайших окрестностях, но не обнаружил ничего интересного. Жизнь кипела над поверхностью воды, но все эти бесчисленные создания были лишены разума, их существованием управляли только голод и страх.

Никогда раньше он не заходил в подобные места. Даже в солнечный день здесь ощущалось давление

страшного прошлого, неимоверного горя и чудовищной катастрофы.

Все утро священник и девушка наблюдали за зданиями и водой, но не увидели ничего нового. Прошел полдень, и солнце начало склоняться к западу; раздались первые трели лягушек, и новые армии комаров и москитов атаковали путников.

— Пора трогаться в путь,— сказал Иеро, разгоняя облако гнуса.

Они навьючили Клуца и сели верхом. Священник решил держать курс примерно вдоль линии побережья, огибая заброшенный город. Клуц мог бы переплыть лагуну вместе с ними, но Иеро чувствовал, что вода между руинами зданий глубока и опасна. Кто знает, какие создания таились под ее поверхностью?

Едва они тронулись с места, едва только Горм опустил переднюю лапу в воду, как внезапно все вокруг замерло. Смолкли насекомые и лягушки, и в наступившей тишине над поверхностью лагуны, над древними развалинами раздался звенящий, тоскливый вой. Пока они стояли, замерев от неожиданности, он повторился. «Аоуу, аоуу, аааоууу!» — рыдания, возникшие, казалось, в самом вечернем воздухе. Трижды прозвучал этот полный тоски вопль, а затем воцарилось молчание.

Вскоре подала голос лягушка, за ней — другая. Наконец весь оркестр болота зазвучал снова.

— Что это было? — прошептала Лучар.

— Не знаю. И Горм тоже не встречал ничего подобного,— ответил Иеро после непродолжительного молчания.— Кажется, звук шел со стороны болота, но я не уверен. Так может кричать только разумное существо, клянусь святой троицей! Кто-то враждебный и злой, затаившийся во тьме. Останемся здесь, я хочу подумать. Нельзя двигаться ночью, не зная, что нас ожидает. Здесь может быть какая-нибудь тварь Нечистого, спрятавшаяся за ментальным щитом.

Солнце село, и тьма опустилась на руины древнего города. Иеро сидел нахмурившись. Возможно, безопас-

ней вернуться назад? Искать другой путь через болото? Он чувствовал себя тупицей. Нужно придумать какой-то способ, неожиданный и эффектный, не предусмотренный врагами. Проклятье! Он хлопнул себя по лбу, раздавив разбухшего от крови москита.

— Нам бы пригодилась лодка,— сказала девушка, задумчиво глядя вдаль.— Но это должна быть большая лодка, способная выдержать Клуца. Тогда мы могли бы переплыть лагуну.

— Всеблагой Боже, прости мою глупость! — воскликнул священник.— На севере, если нам надо переправить животных через реку или озеро, мы строим плот — плот, только и всего! И я сидел весь день, глядя на тысячи бревен и эти вьющиеся лианы, которых полно на каждом острове! Слезай вниз, девочка, сейчас мы примемся за дело!

Вокруг островка скопилось множество древесных стволов. Работа нашлась для всех. Лучар зацепляла бревна гибкими стеблями лиан, а Клуц тащил их к берегу, где Иеро, орудуя мечом, обрубал ветви и сучья. Горм навалил рядом целую кучу лиан, которые он перегрызал у самого корня. Вскоре плот был готов. Связанный из мощных стволов, он имел около тридцати футов в длину и пятнадцать в ширину.

— *Я (могу) плыть по воде*,— передал Клуц, пробуя поверхность плота огромным копытом.

— *Нет, глупый*,— ответил его хозяин.— *Под водой опасность. Ты поедешь на плоту.*

Потребовались огромные усилия, чтобы протащить громоздкое сооружение по жидкой грязи к открытой воде, но путники справились и с этим. Наконец плот закачался на мелких волнах. Иеро встал на корме с шестом в руках, Лучар расположилась на носу, Клуц лег посередине; он чувствовал себя неуверенно: при таком способе передвижения его сила и выносливость были бесполезны. Рядом с лорсом свернулся мохнатым клубком медведь.

Иеро навалился на шест, и неуклюжее судно со своим странным экипажем скользнуло в темноту.

ГЛАВА 8

Опасность и Мудрец

Громоздкий плот оказался еще более неуклюжим, чем полагал Иеро. Они плыли вперед очень медленно, раздвигая стебли водных растений, которыми заросла лагуна. Сначала Иеро рубил их мечом, затем привязал меч к концу шеста кожаным ремнем, словно косу. Теперь резать водоросли стало удобнее, и он больше не опасался, что какая-нибудь тварь цапнет его за руку.

— *Что-то плохое и опасное близко!* — вдруг раздался в мозгу священника ментальный сигнал медведя.— *Не человек, что-то совсем иное; оно думает и не думает одновременно.*

Иеро оперся на свой шест; то же сделала Лучар. Большой плот медленно плыл вперед, пока его экипаж внимал ночным шорохам, используя одновременно и уши, и мозг. Но люди не уловили ничего; вокруг раздавались только оглушительные вопли лягушек, из-за них было почти невозможно говорить вслух.

— *Оно идет*,— передал Горм.— *Оно быстрое, подобно движущейся рыбе. Слышу... нет, теперь не слышу ничего.*

Священник не тешил себя надеждой, что медведь ошибся. Горм был очень чуток к любой опасности, и это уже несколько раз спасало путников. Если его ментальное чутье, превосходящее человеческое, определило нечто угрожающее, значит, это создание здесь и ничего хорошего от такой твари ждать нельзя!

Думает и не думает одновременно! Сейчас некогда разбираться в этих странных словах медведя. Встревоженный и расстроенный неведомой опасностью, Иеро пристально вглядывался в темную неподвижную воду, ближайшие здания и заросли тростников. Он подумал

мельком, что огромные рога Клуца уже достаточно окрепли и стали грозным оружием.

Но все вокруг было спокойно под бледным светом луны. Наконец метс махнул рукой Лучар и снова опустил шест в мутную воду. Неуклюжая конструкция медленно двинулась вперед, в открытое пространство между двумя разрушенными зданиями.

Когда плот оказался в тени огромных стен, путники встретились с неожиданным препятствием — плавающей на поверхности воды кучей гниющих стеблей. Иеро перебежал на нос и начал рубить растения мечом; Лучар помогала ему. К счастью, вода здесь была глубока, и они быстро справились с этой задачей.

Плот неторопливо двигался во мраке. Зияющие провалы окон и бреши в разрушенных зданиях смотрели на путешественников, словно темные глаза ночи. Однажды стая летучих мышей вырвалась из руин и пронеслась над ними, судорожно трепеща крыльями. Вода в провалах между зданиями была черна и казалась бездонной. Иногда плот пересекал обширные открытые пространства; как полагал Иеро, здесь находились когда-то площади и парки огромного древнего города.

Небо на востоке порозовело под первыми лучами восходящего солнца. Иеро бросил взгляд вперед, на девушку, и оба одновременно улыбнулись. Оба устали и вымазались в грязи, тела покрытые укусами москитов, нестерпимо зудели. Но они были живы, здоровы и одолели вполне приличное расстояние.

— Я не хочу плыть днем,— произнес Иеро, вытирая пот со лба.— Смотри, вон там вполне подходящее место для лагеря.

Он указал на большой свободный квадрат, который был, очевидно, затопленной площадью древнего города. С трех сторон над их головами нависали огромные изуродованные каменные громады, испещренные провалами окон, дырами и шрамами. Длинные плети лиан и гибкие стебли кустарника оплетали развалины.

С четвертой стороны открывалось более отрадное зрелище. Огромное здание, когда-то стоявшее здесь, рухнуло, по-видимому, не так давно. Его обломки образовали островок неправильных очертаний, вздымавшийся в центре на несколько ярдов над водами лагуны. Часть этого холма поросла высоким кустарником, его ветви низко свисали к воде, обещая путникам надежное укрытие.

Вскоре плот причалил к берегу, заваленному кучами листьев, мокрыми полусгнившими сучьями и бревнами. Путешественники, двуногие и четвероногие, сбились в кучу, ожидая восхода солнца. Настала пора обсудить кое-какие подробности минувшей ночи.

— *Горм, что за существо напугало тебя прошлым вечером?* — спросил священник.

— *Что-то новое*,— передал медведь, пытаясь прикрыть лапами свой чувствительный нос от укусов москитов.— *Оно быстрое, коварное, с плохими мыслями, полное ненависти к любому, кто не похож на него. Это не человек и не обычное животное, я знаю наверняка. Может быть*,— медведь сделал паузу, размышляя,— *оно немного похоже на лягушку, но оно думало!*

Пока собеседники переваривали его сообщение, Горм добавил:

— *Я чувствовал только одно такое существо, и оно ушло прочь. Вероятно, нужно искать других таких же.*

Сделав это заявление, медведь прикрыл глаза и задремал.

— Нам придется поддерживать постоянное наблюдение,— сказал Иеро девушке.

Он вытер испарину со лба грязной ладонью, и соринка попала ему в глаз. Лучар вытащила откуда-то клочок относительно чистой ткани и, смочив его, промыла глаз священнику.

— Вот так,— заявила она с удовлетворением.— Держи свои грязные пальцы подальше от глаз. Что ты

думаешь о сообщении Горма? Мне кажется, у него просто разыгралось воображение. В таком месте кошмары могут посетить любого, даже медведя.

Она посмотрела на широкую поверхность воды перед ними. Даже теперь, под яркими лучами восходящего солнца, молчаливые обломки прошлого нельзя было назвать приятным зрелищем.

— Он вовсе не придумал эту тварь,— пробормотал священник, пытаясь не смотреть на грязную, но очаровательную мордашку, оказавшуюся совсем рядом с его лицом.— Тут кто-то есть... может быть, много таких тварей. Я не могу ничего принять по любому из ментальных каналов, но ч у в с т в у ю мысли, их ауру, понимаешь? Мы должны быть осторожны, очень осторожны! «И удачливы, чертовски удачливы!» — добавил он про себя.

День тянулся бесконечно, как и предыдущий. Солнце достигло зенита и начало медленно опускаться. Лучар наконец уснула, как и оба четвероногих путника. Кроме гула насекомых, ни один звук не нарушал тишины лагуны. Даже птицы не носились больше над развалинами, и ни облачка не было в голубом небе. Прослушивая все доступные ему ментальные каналы, священник не мог обнаружить никакого следа разумной мысли. Однако тяжелое, гнетущее предчувствие не покидало Иеро. Ему казалось, что за маской сонного покоя скрывается какая-то лихорадочная деятельность, недоступная его чувствам...

Люди заканчивали погрузку плота, лорс и медведь уже перебрались на борт. Свет позднего вечера еще позволял ясно различать здания вокруг; нигде никакого движения, ни звука, кроме ставших привычными воплей лягушек и жужжания москитов. Внезапно путники замерли; гнетущая тишина опустилась на воды лагуны.

С востока, оттуда, куда лежал их путь, прилетел странный крик, ошеломивший вчера. «Аоуу, аоуу, ааааоуууу!» — тоскливо рыдал призрак болот. Трижды

раздался этот вопль, затем снова наступила тишина. Медленно, одна за другой, как будто просыпаясь от тяжелого сна, заквакали лягушки. Четверо чуждых этому миру созданий неподвижно стояли в надвигающихся сумерках, каждый наедине со своими мыслями и своим ужасом.

— Я ненавижу это место! — внезапно вскричала Лучар.— Этот город страшнее смерти! Я больше не выдержу! — Она разразилась слезами, судорожно всхлипывая и пряча лицо в ладонях.

Иеро шагнул к девушке и отвел ее руки; мокрое, заплаканное лицо поднялось к нему, в огромных глазах был невысказанный вопрос. Метс наклонился и вдруг ощутил трепет ее губ, непокорных, свежих и душистых, как лесной мед. Сильные молодые руки обняли его шею, и когда поцелуй наконец прервался, Лучар спрятала лицо на его груди. Он гладил ее плечи, ничего не говоря, вдыхал аромат ее волос, и бесконечная нежность рождалась в его душе.

— Зачем... зачем ты сделал это? — раздался едва слышный голос девушки.— Как подарок испуганному ребенку...

— Конечно, конечно,— весело согласился Иеро.— Я раздаю такие подарки всем жутким тварям, которых встречаю по пути. Правда, иногда это бывает довольно неприятно, но зато я надеюсь заслужить их любовь.

Лучар подняла голову, подозревая, что он смеется над ней. Но то, что она прочла в его глазах, не было шуткой. Они молчали несколько мгновений.

— Я люблю тебя, Иеро,— прошептала девушка.

— Я тоже люблю тебя,— ответил он.— Не уверен, правда, что это хорошо. Да, человек страдает от одиночества, и женщина может сделать его жизнь садом Эдема... Но я должен выполнить такую задачу, от которой зависит существование последней человеческой цивилизации на планете. Это важно, девочка, это очень важно... И любовь нужна мне сейчас не больше, чем третье ухо на затылке.— Он улыбнулся, глядя на ее

сердитое лицо, и обнял девушку еще крепче.— Но я не могу справиться с собой, малышка. Отныне и навсегда мы будем вместе — в радости и в горе, в смерти и в жизни. Клянусь в том Господом Всемогущим!

Она приникла к нему, словно боялась выпустить из своих объятий в жестокий и злобный мир, который окружал их. Они стояли, забыв про время, про голод и усталость, про своих врагов и друзей; стояли, пока неощутимый ментальный голос с некоторым оттенком юмора не сообщил:

— *Когда люди проявляют нежные чувства, это выглядит просто очаровательно. Но мы находимся в слишком опасном месте, чтобы тратить время на подобные развлечения. Это я чувствую совершенно определенно.*

Будто ведро холодной воды обрушилось на них. Отпрянув друг от друга, оба подняли свои шесты и оттолкнули плот от берега. Демонстративно не обращая внимания на Горма, сидевшего посредине плота рядом с Клуцем, люди вели неуклюжее судно в темноту. Медведь поглядывал на них, поворачивая налево и направо мохнатую голову, и священник был готов поклясться, что его глаза лукаво щурились.

Опять полная тяжкого труда ночь предстояла им. Снова и снова подымались шесты, плот плыл через заброшенный город, по его площадям, улицам и скверам, придавленным неизмеримым грузом воды, грязи и тысячелетий. Молчаливые черные руины смотрели на них из прошлого миллионами глаз погибших, сгоревших, раздавленных людей. Безмолвные развалины, последние свидетели былого рая...

Они восприняли первые лучи солнца, как чудо. Наконец можно посмотреть друг на друга в ясном свете наступающего дня!

— Любимая,— сказал священник нежно,— если я выгляжу хотя бы наполовину таким же грязным и

усталым, как ты, то здешние края не видели более мерзкого создания.

— Ты выглядишь много хуже,— был ответ.— Возможно, я никогда больше не поцелую тебя, по крайней мере, пока как следует не отскоблю ножом.— Ее утомленный голос был полон любви и ласки.

— Посмотри на этого проклятого лорса,— ворчал Иеро, меняя объект насмешек,— как он сладко спит! Ничего, через день-другой мы достигнем берега, и он будет у меня скакать, прыгать и бежать галопом с самой тяжелой ношей, которую я смогу взвалить на его костлявую спину!

Клуц действительно спал, подобрав под себя длинные ноги; его уши слегка подрагивали. Рядом с ним, свернувшись в мохнатый клубок, дремал медведь.

— Вот как они охраняют друзей! Просто удивительно, что до сих пор нас никто не съел с такими стражами!

— Я так устала, Иеро, что согласна даже на это. Ты представляешь, где мы сейчас находимся?

Плот медленно плыл по длинной водной магистрали, которая была когда-то городским бульваром или проспектом. Развалины зданий по обеим сторонам еще возносились вверх на десятки футов, и большая часть солнечного света не достигала воды, плещущейся у их подножий, поэтому здесь почти не росли водоросли и плот легко двигался в глубокой воде.

Путешественники видели свет далеко впереди и позади, но с двух сторон их окружали мрачные, тесно прижатые друг к другу гигантские руины. В этих каменных утесах встречались выступы и бреши, затененные ниши и пещеры, наслоения кирпича, бетона и ржавых железных балок; казалось, плот движется по дну огромного каньона.

Иеро внимательно осмотрелся. Затем его взгляд застыл на одной точке; он увидел нечто, вызвавшее у него холодную дрожь.

— *Лучар!* — Она вздрогнула от его резкого ментального окрика.— *Не издавай ни звука! Не двигайся! Осторожно посмотри направо — на воду за большой дырой в этом здании!*

Света было уже достаточно, чтобы разглядеть разрушенную временем башню огромного небоскреба и широкую брешь в ней. Через эту щель вода вливалась в обширный бассейн, образованный стенами здания и достигавший сотни ярдов в поперечнике.

Посередине бассейна, напротив бреши торчало из воды что-то высокое и тонкое. Сначала Иеро подумал, что это архитектурная деталь, возможно, шпиль затонувшего здания, но по мере движения плота увидел очертания гигантского янтарного листа, пронизанного веерообразно расходящимися жилами. Колоссальный плавник, обладатель которого находился под водой! Размеры этого существа невозможно было представить.

— *Оно, должно быть, здесь в засаде,*— передал священник,— *высматривает проплывающую мимо добычу. Если мы пошевелимся, оно получит легкий завтрак!*

Слабое течение пронесло плот мимо дыры, люди застыли, съежившись на бревнах, почти не дыша. Животные лежали посередине и казались спящими, но их глаза уже были широко раскрыты.

— *Что случилось?* — пришла мысль Горма.— *Где опасность? Я ничего не вижу!*

— *Что-то очень большое, под водой,*— ответил Иеро.— *Не двигайся. Оно наблюдает. Думаю, эта тварь может проглотить плот целиком. Попробую прозондировать его сознание.*

Священник проверил все известные ему ментальные каналы, включая и новый, открытый в Мануне. Через несколько минут он признал свое поражение. Ментальная активность этого чудища, несмотря на его титанические размеры, оказалась ничтожной.

Плот медленно удалялся от страшной стены. Через сотню ярдов Иеро подал знак Лучар, и оба осторожно опустили шесты в воду.

Они проплыли около двух миль, когда священник внезапно сказал вслух:

— Толкай плот направо, я вижу кое-что интересное!

Объединенными усилиями люди загнали неуклюжее судно за угол большого здания, и Иеро указал на ближайшее окно:

— Смотри, какая удача!

Проем окна был окован толстой металлической лентой. Достав нож, священник отодрал длинную полосу и поскреб позеленевшую поверхность; под лезвием сверкнула яркая желтизна.

— Думаю, это бронза,— обрадовался он, разглядывая металл.— Еще одна удача! Бронза лучше меди, более прочная. Здесь хватит на наконечники для сотни стрел.

— Что ж, прекрасно,— кивнула Лучар.— Но давай поплывем дальше. В этом месте мне как-то не по себе... Все время кажется, что за нами подсматривают из этих старых окон. Где мы проведем сегодняшний день? Солнце уже совсем высоко.

— Пока не знаю,— ответил Иеро.— Будем грести, пока сможем держать шесты в руках. Потом найдем подходящий островок или какое-нибудь укрытие в развалинах.

Они поплыли дальше. Течение в водяном каньоне усилилось, и плот пошел быстрее. Однако было уже позднее утро, когда их громоздкое судно покинуло мрачное ущелье и выплыло на солнечный свет.

Путники очутились в небольшом круглом озере с чистой голубой водой, вероятно, связанном с Внутренним морем. С южной стороны оно открывалось в широкую протоку; развалины высоких зданий окаймляли его с севера, запада и востока.

Посередине озерка находился маленький зеленый остров, покрытый кустарником, пальмами и сочной густой травой. Яркие цветы, желтые и голубые, росли у воды, и их аромат долетел до путешественников, заставив блаженно зажмуриться. После дней и ночей, проведенных в чудовищной клоаке мертвого города, этот островок показался им райским садом на голубом бархате вод.

— Плывем туда, Иеро! — радостно воскликнула девушка.— Смотри, зелень и чистая вода! Мы сможем умыться и, наверно, найдем какие-нибудь плоды на деревьях. Скорее!

Но священник стоял неподвижно, опираясь на шест. Остров действительно выглядел очень приветливо. Пожалуй, там все было в порядке. Однако Иеро не мог отделаться от впечатления, что кто-то постоянно наблюдает за ними; это чувство преследовало его последние два дня. Островок же находился на территории города, и, возможно, не стоило задерживаться здесь надолго.

Но усталость оказалась сильнее осторожности. Им были необходимы отдых, пища, чистая вода; после долгой и тяжелой работы и он, и Лучар находились на грани физического истощения.

— Ладно, остановимся здесь,— сказал он, опуская шест в воду.— Но не кричи так громко, мы не дома. Я все время чувствую какие-то ментальные излучения вокруг и не могу определить, что это такое.

Они причалили к ровному песчаному пляжу на западной оконечности островка. В центре его находилось озерцо с чистой прозрачной водой, окруженное зарослями папоротника и цветами, издающими нежный аромат. Кроме того, Иеро обнаружил недалеко от берега целую устричную отмель. Трое путников принялись жадно поедать сочных моллюсков; эта пища отлично подкрепила их. Клуц, не обращая внимания на устриц, хрустел ветвями кустарника, травой и папоротником.

Наступил полдень. Умытые, чистые, с полными желудками, путешественники спали в тени. Клуц бродил по острову, поедая зелень и внимательно поглядывая на лагуну и здания, окружавшие озерцо. Иногда он испытывал прочность своих новых рогов на стволах пальм, оставляя глубокие царапины на их коре.

Люди так утомились, что проспали весь день и большую часть ночи. Только пробудившись в полумраке перед рассветом, Иеро понял, что стоянка вышла неожиданно долгой. Но прежде чем он успел почувствовать тревогу, в его сознании раздался ментальный голос медведя:

— *Вы нуждались в отдыхе. Вокруг никого не было. Но за нами продолжают наблюдать. Я так же уверен в этом, как в том, что скоро взойдет солнце.*

— *Мы должны быть готовы ко всему,*— ответил священник и вскочил на ноги, ощущая еще некоторую скованность в мышцах, утомленных многочасовой возней с шестом.

Разбуженная его резким движением, Лучар открыла глаза и сладко потянулась.

— Неужели мы проспали почти сутки? — спросила она.— Но я все еще чувствую себя усталой. Нам пора двигаться в путь?

— Нет, пожалуй, еще рано. Мы слишком утомлены. Останемся здесь на весь день. Я полагаю, мы успеем закончить арбалеты и сделаем несколько стрел к ним. Без метательного оружия нам будет трудно охотиться.

День начался прекрасно. Они плотно позавтракали, и к полудню Иеро уже закончил свой арбалет. Срезав несколько молодых деревьев с ровными стволами, он принялся выстругивать стрелы.

Лучар не стала помогать ему. Она долго возилась у воды, приводя в порядок свои волосы, затем бегала по острову и собирала цветы. После обеда Иеро тоже прекратил работу и улегся на мягкой, густой траве, положив голову на колени девушки. Поглаживая

ладошкой его жесткие волосы, она начала говорить, то вспоминая свое прошлое, то строя планы их будущей жизни, непременно долгой и счастливой. Но вдруг Иеро прервал ее щебет:

— Я тоже надеюсь, что у нас впереди долгая и счастливая жизнь, малышка. Но нам предстоит еще много борьбы и горя, пока мы сумеем добраться до моей или до твоей родины. И ты еще не рассказала мне, что же на самом деле заставило тебя убежать из Д'Алва? Тебя принуждали выйти замуж против воли, я полагаю?

Девушка смутилось:

— Откуда ты знаешь?! — воскликнула она.— Ты проник в мое сознание?

— Нет.— Он улыбнулся, поднял руку и погладил ее по щеке.— Для меня ясно, что ты никогда не была рабыней. Я уверен, что ты дочь дворянина, потому что, по твоим же собственным словам, в вашей стране только священники и люди благородного сословия могут учиться. А ты училась и знаешь немало. Насколько же велико звание твоего отца?

— Величайшее,— ответила она коротко. Затем наступило молчание.

— Он действительно король, да? — Иеро больше не улыбался.— И ты его единственное дитя! Это очень важно!

— У меня был старший брат, но он погиб в сражении с войском Нечистого. Мой отец хотел выдать меня замуж и тем самым скрепить союз с нашим северным соседом — Эфремом из Чеспека. Все знают, как он жесток. Чтобы избавиться от своей первой жены, он довел ее почти до помешательства и выколол ей глаза. А потом заявил, что слепая и сумасшедшая не может быть королевой, и заставил ее постричься в монахини. Кто знает, что было бы со мной? Вот я и убежала.

— Не могу сказать, что порицаю тебя,— сказал задумчиво Иеро.— Но я надеялся установить связи с

вашим государством. Мы могли бы торговать, а главное — попытались бы вернуть ваше королевство к цивилизованному состоянию. Начинать контакт с похищения принцессы — это плохо, очень плохо.

Она вспыхнула:

— Что значит «вернуть к цивилизованному состоянию»? Должна сказать тебе, пер Дистин, что в Д'Алва живет великий и могучий народ. У нас два города, обнесенных стенами, а в них — церкви и много дворцов из камня! Не говоря уже о нашей храброй и многочисленной армии!

Посмотрев на нее, Иеро улыбнулся, но не возразил. Глаза девушки сердито сверкнули.

— Я вижу,— сказала она,— что ты не считаешь все это признаками высокой цивилизации.

— Ну а как ты думаешь? — ответил священник.— В основе того, что ты перечислила, лежат жестокое рабство, ограничение знаний, грабительские налоги, вырождающаяся религия и кровавые стычки с соседями. Последнее ужасно само по себе, но еще страшнее то, что междоусобные войны ослабляют вас, тогда как надо собрать все силы для борьбы с Нечистым. Теперь скажи мне, это говорит о высокой культуре? О цивилизованности? По-моему, это самое настоящее варварство!

— Очевидно, ты прав,— произнесла она задумчиво.— Но меня с детства учили, что наш мир устроен разумно... И мне очень трудно признать, что это не так...

— Я понимаю, моя маленькая принцесса,— кивнул Иеро, обнимая ее за плечи.— Но ты перенесла многое... боль, страх, рабство... любовь... Чем больше испытал человек, тем лучше он понимает других... Ты еще так молода, девочка...

Лицо Лучар, прекрасное, внезапно повзрослевшее, с темными бездонными глазами, было рядом с его лицом, от аромата ее волос кружилась голова. Он почувствовал, как девушка вздрогнула, затем юные гибкие руки обвили его шею, и высокая трава сомкнулась над ними...

Горм лежал на пляже, оглядывая маленькими глазками сверкающую поверхность лагуны. «Эти люди! — думал он.— Сколько лишних эмоций! Но, по крайней мере, теперь мы сможем сосредоточиться на главном деле, не отвлекаясь больше на пустяки». Он повернул голову к Клуцу, который стоял рядом и перетирал свою бесконечную жвачку, потом глаза его закрылись. Залитый теплым солнечным светом островок спал в голубых водах лагуны, и только огромный лорс, вздымая остроконечные рога, нес неусыпную охрану.

Они проснулись утром, вернее, их разбудил сигнал Горма, ударив спящих, словно выпущенный из пращи камень:

— *Тревога! Они идут!*

Через мгновение люди были на ногах, готовые и к сражению, и к бегству. Жуткий вопль ширился и рос над лагуной, и они поняли, что враги близко. «Аоуу, аоуу, аааоууу!» — рыдали, выли тоскливые голоса, надвигаясь со всех сторон. Теперь даже в ярких лучах солнца их остров больше не казался безопасным убежищем в мире первозданного хаоса. Кроны пальм угрожающе шелестели, вода лагуны была серой, подернутой легкой рябью, развалины гигантских зданий вплотную придвинулись к островку и нависали над ним.

Сопровождаемые лорсом и медведем люди устремились к центральной, более возвышенной части острова. Отсюда они наконец увидели своих врагов и поняли, кто следил за ними с самого начала их путешествия по заброшенному городу.

Враги появились со всех сторон в маленьких узких суденышках, наполовину плотах, наполовину каноэ, сплетенных из тростника. Поверхность воды на четверть мили вокруг острова была усеяна этими странными лодками, экипажи которых не нуждались в веслах, ибо гребли собственными конечностями, снабженными плавательной перепонкой. И множество белесых голов в

воде между судами показывало, что еще больше этих созданий добралось сюда самым простым и естественным для них способом — вплавь.

«Новый вид лемутов! — думал Иеро, разглядывая их.— Похожи на жаб и, вероятно, происходят от них! Вот что это такое! Дайте жабе огромный череп и белую кожу. Дайте ей злые черные глаза, взгляд которых подобен уколу кинжала. Дайте ей почти человеческие размеры. Дайте ей нож и копье из рыбьих костей. И дайте ей ненависть!»

Пока враги приближались, сжимая кольцо вокруг острова, священник вспоминал первое впечатление Горма, что эти создания «думают и не думают». По-видимому, медведь почувствовал разведчика, следившего за ними.

Тоскливый, жалобный вопль внезапно прекратился. И только тогда Иеро понял, что люди-жабы не издавали ни звука. Этот странный вой шел от окружавших остров зданий, а не от жутких созданий, сновавших в воде. Был ли он сигналом к нападению? Кто знает? Много других вопросов переполняло его мозг, но не было времени искать на них ответы. Первые отряды атакующих достигли острова и кишели на берегу.

Решение священника уйти от лагуны и встретить врагов на твердой земле оказалось правильным. Они передвигались неуклюже, нелепыми прыжками; большие плавательные перепонки на ногах делали их гораздо менее опасными на суше, чем в родной стихии — болоте или воде. Однако их было очень много, а путников только четверо. Правда, Иеро прекрасно владел искусством рукопашного боя, мастерством киллмена, отточенным годами тренировок и бесчисленных схваток в северных лесах. Кроме того, он даже не думал о поражении, ведь оно означало гибель.

Сражение начала Лучар. Ее длинный кинжал — трофей, привезенный Иеро с Мануна,— сверкнул под лучами солнца, перечеркнув алой полосой горло бли-

жайшей жабы. Ливень костяных дротиков засвистел вокруг, и люди быстро присели. Один ударил Иеро в плечо, повергнув священника в полное изумление — наконечник даже не проколол его кожаную куртку! Эти лемуты-амфибии были никуда не годными копьеметателями, вероятно, им мешали перепонки. Это вселяло в людей надежду, но нападающих было так много... Сотни безобразных тварей плавали вокруг острова. «И с каждым часом их будет все больше»,— подумал Иеро, заметив, как новые плетеные каноэ появились из-за развалин.

— *Клуц!* — позвал он.— *Ко мне!*

Огромный лорс охранял левый фланг маленького отряда, тогда как медведь находился справа. Рога Клуца были угрожающе выставлены вперед, и несколько мертвых людей-жаб валялось у его копыт. Лемуты боялись этого невиданного яростного зверя и старались держаться от него подальше.

Получив приказ, лорс ринулся к людям. Оба вскочили в седло. В правой руке Иеро сжимал копье, в левой — меч.

— *В атаку!* — передал священник.— *Скачи по побережью, вокруг острова! Сбросим их в воду! Горм, следуй за нами!*

Как только физиологические особенности этих странных существ стали ясны, опытный киллмен сумел придумать наилучший способ борьбы с ними. Неопасные поодиночке, они толпились вокруг в таком количестве, что могли задавить людей своей массой. Но если быстро атаковать, то на твердой земле они окажутся беспомощными, ибо ноги их неуклюжи и слабы.

Огромный лорс был практически неуязвим для костяных дротиков, не способных даже оцарапать его. Низкий кустарник и несколько деревьев вокруг не мешали его атаке, и он прошел через толпу амфибий, как раскаленный нож через масло. Страшные передние копыта крушили тела лемутов, в ужасе разбегавшихся с пути лорса. Некоторых Иеро успевал достать своим

копьем. Но, если не считать свирепого фырканья лорса, сопения медведя и выкриков людей, странная битва происходила в полной тишине. Почти бездумно действуя оружием, священник пытался понять, каким же образом общаются эти существа. Было ясно, что люди-жабы не издавали звуков; однако он не мог уловить и никаких ментальных излучений.

Дважды они пронеслись вокруг острова, посеяв опустошение в рядах врагов. Внезапно, без всякого сигнала, который мог бы увидеть или услышать человек, лемуты бросились обратно в воды лагуны. Иеро заметил, что мертвых и раненых они унесли с собой. «Вероятно, их съедят»,— подумал он, вздрагивая от отвращения. Скорее всего, так оно и было; вряд ли подобным существам знакомо чувство сострадания.

— Они ушли,— сказала Лучар, спрыгивая на землю.

— Да, но недалеко. Посмотри!

Со всех сторон остров по-прежнему окружала орда лемутов. Они сидели в своих плетеных судах и плавали между ними, выставив на поверхность белесые глаза. Они никуда не собирались уходить! Смеркалось, и тела амфибий начали светится холодным фосфорическим светом.

— Думаю, они атакуют опять с первыми лучами солнца,— сказал Иеро и обратился к животным:

— *Горм, с тобой все в порядке? Клуц, ты не ранен?*

— *Их оружие очень слабое*,— ответил медведь.— *Я думал, в наконечниках может быть яд, но это не так. Я даже не оцарапан.*

Клуц только сердито фыркнул, встряхнув рогами. Капли крови с них полетели в лицо метсу. Тот спешился и подошел к Лучар.

Мужчина и юная женщина стояли на берегу, глядя на живое светящееся кольцо, окружавшее остров. Наступила ночь, но фосфоресцирующие тела лемутов были видны не хуже, чем днем.

— Пойдем,— сказал Иеро, положив руку на плечо девушки.— Нужно наточить оружие, поесть и отдохнуть. Я буду дежурить первым. Мой арбалет закончен, и я хочу заготовить побольше стрел. Скоро взойдет луна, и здесь будет достаточно света.

— Я не усну, пока ты работаешь! — заупрямилась она.— Два арбалета лучше, чем один. Может быть, мы успеем закончить к рассвету и мой.

Нежность, звучавшая в ее голосе, заставила сжаться сердце Иеро. Даже себе он боялся признаться, насколько безнадежно их положение. Что могло принести им утро, кроме нового нападения несметной орды этих тварей? Он хотел сделать несколько стрел, чтобы занять свои руки работой. Кольцо фосфоресцирующих лемутов сомкнулось вокруг острова; что значили против них два арбалета? Ничего.

«Настоящий киллмен никогда не сдается»,— напомнила одна часть его сознания. «Священник надеется на Бога»,— добавила другая.— «Ты должен умереть вовремя; вспомни о Мануне»,— сказала третья. Он горько усмехнулся, и Лучар удивленно посмотрела на него, но промолчала. Она уже привыкла к мысли, что ее странный спаситель, ее любимый, был человеком настроения.

— Хорошо,— кивнул он,— давай закончим с арбалетами.

Это случилось после полуночи. Иеро внезапно отложил почти готовую стрелу, его рука, сжимавшая нож, дрогнула. Странный ментальный сигнал пришел к нему. Нечто безымянное двигалось в ночи, прикрытое щитом, под который он не мог проникнуть. Но оно таило угрозу, в этом священник не сомневался. И оно двигалось с запада, со стороны Мануна!

Он быстро разбудил своих спутников. Лучар, которую все-таки сморил сон, слегка застонала, открыв глаза. Он успокаивающе положил руку на ее голову.

— *Я тоже чувствую это,*— передал медведь.— *Не могу сказать, что это такое, но ты прав — оно движется к нам. И быстро!*

— Нечистый! — воскликнул Иеро в отчаянии.— Эти проклятые лемуты — наверняка их союзники и должны были только обнаружить и задержать нас! — Он повернулся к медведю:

— *Надо попытаться покинуть остров, даже если придется принять бой на воде. В конце концов, копья этих тварей угрожают только нашим телам, но не душам!*

— *Терпение,*— пришел холодный ответ.— *Ты сможешь найти лучший выход. Ты наш вождь. Мы сумели избежать многих других ловушек.*

Наступила пауза, как будто странный нечеловеческий разум медведя рассматривал какую-то новую и непривычную мысль. Затем пришло замечание, поразившее Иеро: в нем был юмор!

— *Не стоит прощаться с жизнью раньше, чем нас действительно убьют!*

Он ощутил прикосновение ладони Лучар и повернулся к ней. Девушка смотрела на него широко раскрытыми темными глазами.

— Дорогой мой, значит, мы должны умереть? Нет никакой надежды, никакого пути к спасению?

— Я не вижу выхода, девочка. Мне удалось бежать, но больше они не допустят такой ошибки. Из моего мозга, от всех наших разумов, они могут получить новое знание, что обеспечит им окончательную победу. Древнее оружие, которое я разыскиваю, может стать неотразимой силой в их руках; добавь к этому необычные способности медведя и мое собственное открытие — новый канал ментальной связи.— Он печально улыбнулся и продолжил: — Трижды мне удавалось избежать смерти... но на этот раз... Клуца они тоже не возьмут живым.

Он повернул голову к медведю:

— *Горм, ты готов умереть, сражаясь вместе с нами?*

— *Если необходимо,*— был ответ.— *Наши Старейшие велели мне быть с тобой всюду. Когда ты прикажешь, я перестану существовать. Однако давай все же подождем до рассвета.*

— Мрачный будет рассвет! — воскликнула девушка.— Он несет нам только ужас и смерть!

— Горм прав,— твердо сказал Иеро.— Мы не умрем, пока не придет наше время. Кто знает, что может случиться?

Он обнял ее за плечи, и так они стояли на берегу, ожидая восхода. Рядом с ними, как часовые, застыли животные; фырканье Клуца, ловившего ноздрями утренний бриз, иногда нарушало тишину. Фосфоресцирующее кольцо врагов стало бледнеть на востоке под первыми лучами солнца. Снова путники услыхали тоскливый вопль, ставший для них символом этого страшного города.

И вслед за жутким, заунывным звуком пришли те, кто охотился за ними. С юга, со стороны открытого моря, к острову скользил черный корабль; с ним шла гибель, жестокая и неизбежная.

Лемуты-амфибии, бледные тела которых покрывали поверхность воды, расступились, и корабль скользнул в этот обрамленный живыми стенами канал. Люди-жабы плыли за ним, стягиваясь отовсюду к замедлявшему ход судну. Наконец оно замерло в сотне ярдов от берега, казалось, не на воде, а в этой отвратительной белесой массе. Слуги пришли к своему господину.

Теперь, когда корабль оказался рядом, Иеро был вынужден снова поставить ментальный барьер, ибо Нечистый мог попытаться овладеть его разумом с помощью своей дьявольской машины. Он почувствовал, как плечи Лучар дрогнули под его рукой, и взглянул на нее. Лицо девушки не выражало ничего.

Адепт, который стоял на мостике корабля в окружении людей и нескольких Волосатых Ревунов, громко

заговорил на батви. Он был точной копией С'даны, и только по голосу, более молодому и сильному, можно было понять, что это другой человек.

— Ты попался, священник, вместе со своим зверьем и девчонкой. Согласен ли ты сдаться без сопротивления?

Его тон был насмешливым, и кровь закипела в жилах у метса. Стиснув зубы, он справился с возбуждением и спокойно взглянул в лицо врагу.

— Ты пришел за моим мозгом, лысая тварь? — усмехнулся он — Попробуй, возьми его.

Расстояние, разделявшее их, было невелико, и священник едва повысил голос. Бледная кожа адепта покраснела, а в толпе Ревунов раздались злобные крики. Заметив это, Иеро усмехнулся еще раз и перевел взгляд на нос судна, где находилась световая пушка, стреляющая молниями. Если как следует раздразнить врагов, то с ним и его спутниками быстро покончат. Это была бы легкая смерть. Но два человека в капюшонах, стоявшие у орудия, были хорошо вышколены и даже не шевельнулись.

Адепт небрежно взмахнул рукой, и Ревуны умолкли. Безволосая голова с гладкой блестящей кожей повернулась к Иеро.

— Ты смелый человек, священник забытого бога! Это качество Братство умеет ценить. Ты в нашей руке, но мы можем не сжать ее в кулак! Мы еще раз предлагаем тебе союз. Я открыто признаю, что мы хотим использовать твой разум, его удивительную силу и неведомые нам возможности. С'дана послал меня, С'карна, чтобы я попытался убедить тебя. Прояви благоразумие, священник!

Метс не колебался ни секунды.

— Ты лжешь, С'карн, как и вся твоя гнусная шайка! С'дана боится меня, иначе он пришел бы сам, чтобы полюбоваться на мою смерть! На твоем корабле есть машина, с помощью которой ты надеешься поработить мой разум. Ну, иди же, попробуй сделать

это! Я плюю на ваше грязное братство и на тебя, лысый мерзавец!

На мгновение, глядя на корабль, находившийся на расстоянии броска камня, Иеро поверил, что добился своей цели. Холодное лицо С'карна исказила ярость, его руки судорожно стиснули поручни мостика. Однако адепт справился с гневом и не отдал команды стрелкам, застывшим у орудия. Он заговорил, и его голос был хриплым и угрожающим.

— Ищешь легкой гибели, священник? В Мануне, куда ты скоро попадешь, ты будешь молить о ней своего несуществующего бога. Будь уверен, смерть не придет так быстро, как ты надеешься! — Он повернулся к стоявшим позади него людям и лемутам.— Спускайте лодки! Вперед! Возьмите их живыми!

Иеро поднял с земли арбалет, вложил стрелу с блестящим бронзовым наконечником и повернул рукоять. Тетива натянулась, сухо щелкнул затвор. Он целился прямо в грудь С'карна и знал, что не промахнется, но нажать на спусковой крючок не успел.

— Мир!

Прозвучавший сзади голос был таким сильным и звучным, что перекрыл поднявшийся на корабле шум. Иеро в изумлении опустил оружие и обернулся.

Огибая западную оконечность островка, по голубой воде лагуны скользило каноэ. В нем сидел старик с веслом на коленях; его длинные белоснежные волосы и борода падали на коричневый плащ. Он казался невооруженным, только небольшой нож висел на ремне. Его кожа была очень темной, такой же темной, как у Лучар.

Адепта, казалось, не меньше, чем Иеро, поразило появление темнокожего старца. Его взгляд стал пристальным и тяжелым, как будто он увидел нового врага.

— Что ты делаешь здесь, эливенер? — спросил он презрительно.— Ты сошел с ума, раз встаешь между

мной и моей добычей? Или ты не знаешь, что ожидает тех, кто идет против нас?

«Элиневер! Конечно! — подумал Иеро.— Один из Братства Одиннадцатой Заповеди! Но что он делает здесь? Неужели он настолько безумен, чтобы отдать себя во власть врага?»

Тысячи вопросов вертелись в его голове.

Но вот старик заговорил снова.

— Слушай меня, служитель Зла! Ты и твои помощники должны уйти. Ступайте прочь и оставьте в покое этих путников, как двуногих, так и покрытых шерстью. Я, брат Альдо, говорю вам это. Если вы не подчинитесь, наказанием будет смерть.

Это было уже слишком для С'карна. Иеро тоже считал, что старик, пожалуй, перегнул палку. Угрожать предводителю врагов, в распоряжении которого корабль с воинами, лемутами и дьявольским оружием, было, по меньшей мере, неблагоразумно.

— Ну что ж, нам повезло,— с холодной издевкой отозвался С'карн.— В наши сети попалась неожиданная добыча. Прекрати свою болтовню, слабоумный, и плыви сюда сам, пока у меня не кончилось терпение. Нашу беседу мы продолжим в тюремной камере Мануна.

Брат Альдо поднялся в каноэ во весь рост. Несмотря на свой возраст, он казался очень гибким и сильным, его движения были легки и свободны.

— Мы убиваем без радости, отродье Нечистого, даже таких, как ты! — сказал эливенер и повелительно вытянул руку в сторону открытого моря.— Последний раз говорю — уходи! Иначе я уничтожу вас. Оглянись вокруг, где твои союзники? Может быть, это убедит тебя?

Иеро в изумлении посмотрел на воду. И правда! Поглощенный переговорами старого эливенера со служителем Нечистого, он не заметил, как и когда исчезли лемуты-амфибии. Корабль больше не окружали белесые тела. На голубой поверхности лагуны находились

только черное судно и крошечное каноэ, разделенные сотней ярдов.

Даже С'карн, казалось, оторопел. Его приспешники начали встревоженно перешептываться, и один из Ревунов пронзительно заскулил от страха. Но адепт все еще управлял своим отрядом.

— Заткнитесь, проклятые трусы! Кого вы испугались? Старого болтуна с его эливенерской тарабарщиной? — Страх, на мгновение мелькнувший на бледном лице адепта, исчез, оно снова стало жестоким и холодным.— Спускайте лодки! Схватите всех!

Брат Альдо поднял руки и закрыл ладонями темное лицо.

— Пусть будет так. Единый и Милосердный знает, что я делаю это против воли.

С этими словами он быстро сел в каноэ и опустил в воду весло. И черный корабль взлетел в воздух! Его стиснули чудовищные челюсти рыбы, размеры которой поражали воображение. В немом изумлении Иеро глядел на ее зубы, каждый с его собственное тело, и плавники, подобные парусам крупного судна. Ни звука, ни крика не донеслось со стороны корабля. Все закончилось в один миг.

На доли секунды корабль повис в двух ярдах над водой, затем челюсти левиафана сомкнулись, и в лагуну полетели обломки. Чудовище скрылось в бурлящей воде, из которой спустя мгновение возник хвост в сотню футов в поперечнике. С пушечным грохотом хвост ударил по воде, по останкам корабля, людям и лемутам, боровшимся за свою жизнь.

— *Хватайтесь за ноги Клуца!* — велел Иеро, представив, что сейчас произойдет.

На берег обрушился водяной вал, захлестнувший людей почти по грудь. Но Клуц выстоял, и они вместе с ним. Медведь уцепился сильными передними лапами за заднюю ногу лорса, Иеро держался одной рукой за переднюю, прижимая другой к себе девушку.

Волна схлынула, и глазам путешественников предстала спокойная поверхность лагуны, по которой расползалось обширное маслянистое пятно и плавали какие-то деревянные обломки. Это было все, что осталось от корабля Нечистого. Из команды никто не сумел спастись; меньше чем за полминуты все были уничтожены. Только маленькое каноэ, наполовину наполненное водой, покачивалось на волнах в нескольких сотнях футов от островка.

Иеро спустился к самому краю воды. В руках старого эливенера мелькнуло весло, и лодочка двинулась к острову. Вскоре ее острый нос врезался в песок, и гребец выскочил на берег.

Мужчины пристально смотрели друг на друга. Иеро увидел лицо, настолько спокойное, уверенное и сильное, что его обладатель казался равным богам в своем мудром величии. Темно-коричневую, почти черную кожу их спасителя покрывали морщины, единственное свидетельство возраста; широковатый нос, полные губы и вьющиеся волосы выдавали в нем соплеменника Лучар. Хотя эливенер был стар, очень стар, упругая сила чувствовалась в каждом его движении. Его глаза были живыми и острыми. Черные как ночь, искрящиеся светом, они казались наполненными добротой и юмором — глаза человека, любящего жизнь.

Иеро был покорен. Он протянул руку, и длинные, гибкие пальцы встретили ее в крепком рукопожатии.

— Пер Дистин, я полагаю, священник Кандианской Универсальной Церкви,— произнес глубокий звучный голос.— Человек, которого жаждали разыскать многие, как с дурными, так и с благими намерениями.

С изумлением Иеро понял, что брат Альдо говорит на метсианском, причем совершенно без акцента. До того как он успел что-либо сказать, старик широко улыбнулся:

— Не удивляйся, пер Дистин. У меня хорошие способности к языкам, и я выучил все, какие слышал

за свою долгую жизнь. Но кто же еще странствует с тобой?

Он повернулся к Лучар и одарил девушку такой же широкой улыбкой, как и ее возлюбленного. Она смущенно опустила глаза и протянула старику руку.

— Вы уничтожили наших врагов, отец, и мы благодарим вас за помощь.

— Да, принцесса Д'Алва, я уничтожил их.

Старик вздохнул, взяв протянутую руку в свою левую, тогда как в правой он продолжал сжимать пальцы Иеро. Казалось, эливенер не заметил испуга и удивления, мелькнувших в глазах девушки, когда он назвал ее титул.

— Иногда убийство необходимо,— продолжал брат Альдо на батви, внимательно разглядывая обоих молодых людей,— но оно не приносит радости. Людям не нужно убивать каждый день ради пропитания, как диким животным. Все эти погибшие существа, отягощенные пороками и злобными мыслями, останутся вечным бременем на моей совести.

С этими словами он освободил их руки.

— Я должен многое рассказать вам троим, вернее, четверым.

Он повернулся к Горму и передал:

— *Приветствую тебя, мохнатый друг!*

— *Долгих лет и счастливой охоты тебе, Старейший,*— ответил медведь.— *Прими нашу благодарность. На нас долг, и он будет оплачен.*

— *Это был мой долг — помочь попавшим в беду,*— последовал учтивый ответ.— *Теперь давайте поговорим о другом. Твои спутники уже слышали мое имя. Я брат Альдо, старейшина Братства Одиннадцатой Заповеди. Я послан, чтобы найти вас и доставить в безопасное место.*

— *Но зачем?* — спросила Лучар; ее лицо выражало охватившее девушку беспокойство.

— *Зачем?* — повторил ее ментальный вопрос брат Альдо, пристально глядя на нее.— *Конечно, не затем,*

чтобы насильно вернуть тебя к отцу. Неужели ты забыла того, кто добровольно отдался в руки врага, чтобы спасти тебя?

— *Как я могла забыть?* — Слезы показались на глазах девушки.— *Ты говоришь о Джоне, не так ли, отец? Жив ли он? Удалось ли ему спастись?*

— *Да, дитя мое, я имел в виду брата Джона. Но я не хотел упрекнуть тебя. Я знаю, ты о нем помнишь.*— Он ласково улыбнулся девушке и продолжил: — *Хотя я много старше любого из вас и, вероятно, всех вас вместе взятых, зовите меня братом. Наш мохнатый друг назвал меня старейшим. Пусть будет так. Слово «отец» предполагает такую ответственность, которую я не могу и не хочу брать на себя. Отец направляет и указывает, я же, в лучшем случае, только проводник.*

Они удобно устроились на теплом песке, отдыхая после напряжения схватки. Люди сидели, скрестив ноги или обняв руками колени; рядом растянулся медведь. За спиной священника высился Клуц. Иногда он наклонял голову и касался плеча хозяина мягкими губами. Оглядывая голубую поверхность лагуны, Иеро спросил:

— *Нам все еще угрожает опасность?*

— *Нет, иначе я не сидел бы здесь с вами. Там,*— старик кивком указал на спокойную воду,— *находится мой большой брат; он охраняет нас и будет ждать столько, сколько я захочу.*

— *Как ты управляешь этим созданием? Несмотря на его размеры, у него такой низкий уровень интеллекта, что я не смог уловить почти никакого ментального излучения.*

— *Твой народ еще так мало работал с животными, что вы сумели приручить и обучить не более двух десятков из многих сотен видов,*— ответил эливенер.— *Мы же тысячи лет ищем контакты с нашими младшими братьями, это наша специальность, наша основная задача. Мы стремимся уста-*

новить взаимопонимание с любой формой жизни. Что касается этого существа,— он указал рукой в сторону лагуны,— *то контакт с ним достигается скорее на уровне нервной системы, чем его неразвитого мозга. И он не вполне надежен.*

Брат Альдо потер висок длинными, гибкими пальцами и пристально посмотрел в лицо Иеро.

— *Прежде чем мы двинемся дальше, пер Дистин, я хотел бы узнать о твоей миссии все, что ты сочтешь нужным сообщить. Должен сказать, эта часть обитаемого мира пребывает в изрядном смятении из-за твоего появления в ее пределах. Я готов слушать тебя и постараюсь не прерывать.*

Иеро задумался. Насколько можно доверять эливенеру? Этот вопрос он еще не решил для себя окончательно. Ему нравились те члены Братства, которых он встречал раньше, но перед ним сидел не скромный учитель и не лекарь, а могущественный человек, ментальная сила которого вызывала у священника благоговейный трепет. Наконец он решился.

— Не знаю, что скажет Совет Аббатств, но я полагаю, что ты достойный доверия человек.— Иеро говорил вслух на метсианском.— Я расскажу тебе все, сохранив в секрете только цель моих поисков. Надеюсь, ты простишь мне это.

— *Я ценю твое мнение,*— пришел ментальный ответ.— *Однако используй мысленную связь, это экономит время, а его у нас не так много. Кроме того, все здесь присутствующие должны слышать и понимать тебя. Не тревожься, ни одна твоя мысль не достигнет врага, когда я рядом.*

Пока утреннее солнце карабкалось по небосклону, Иеро успел поведать свою историю, попутно рассказав о своих спутниках. Он начал с Аббатства в Саске, с поручения старого Демеро и ничего не скрыл от эливенера, кроме конкретного предмета своих поисков. Все дальше и дальше шло повествование, через дремучую чащу Тайга, зловонные трясины Пайлуда,

залитое солнцем побережье Внутреннего моря, Остров Смерти Манун и, наконец, через дебри заброшенного города. Священник закончил свой рассказ и взглянул на солнце. Прошла едва ли четверть часа.

Брат Альдо сидел спокойно и, сощурив глаза, смотрел на сверкающую бликами света воду. Затем он перевел взгляд на Иеро и заметил:

— Отличная история! Воистину, ты можешь гордиться собой и своими спутниками. Теперь я хочу сообщить вам кое-что. Мой рассказ не будет столь же занимательным, скорее, это лекция на историческую тему. Но все это вы должны знать, прежде чем мы тронемся в путь. И начну я не с событий двухмесячной или двухлетней давности, а с древних времен, с жизни, которая кипела в этих краях пять тысяч лет назад, до того, как пришла Смерть.

ГЛАВА 9

Морские бродяги

— Посмотрите вокруг, дети мои,— начал свой мысленный рассказ брат Альдо,— и вы увидите зеленые леса и рощи, голубые моря и реки, желтые прерии и болота. Там скрываются в засаде кровожадные звери, но даже они — одна из бесчисленных форм жизни, прекрасной и удивительной. Поющие птицы, цветущие растения, травоядные животные и хищники — все занимают свое место в вечном круговороте бытия. Все живые создания постоянно изменяются, одни виды занимают место других в течение столетий и тысячелетий. Таков порядок в природе, план ее великого Творца.

Но раньше, перед Смертью, среда обитания изменялась быстрее, и изменялась в худшую сторону. Область, в которой мы находимся, и весь этот континент назывались тогда Северной Америкой. Это был перенаселенный мир, задыхающийся от отходов промышленного производства.

Посмотрите сюда! — Он указал на кольцо развалин вокруг острова.— *Вся планета, добрая круглая Земля, была покрыта подобными чудовищными строениями! Гигантские здания заслоняли солнце. Почва, вымощенная камнем, бетоном и асфальтом, не могла дышать. Были созданы огромные машины, чтобы делать еще более огромные; дым и чад от них отравляли воздух, образуя ядовитые тучи над городами.*

Но это еще не все. Чудовищные суда, рядом с которыми корабль Нечистого показался бы скорлупкой, бороздили моря. Воздух дрожал от рева гигантских летательных аппаратов, перемещавшихся с огромной скоростью. По дорогам, покрытым бетоном, неслись мириады автомобилей, пожиравших море го-

рючего. Их выхлопы отравляли воздух, которым почти невозможно было дышать.

Были еще и люди этого мира. Воюющие друг с другом, бесконтрольно размножающиеся, безразличные ко всему, кроме личного благополучия! Люди не желали задуматься о том, что они уничтожают жизнь на планете; они даже отказывались замечать, что убивают все человечество! Однако, несмотря на потрясающую нищету, огромное невежество, болезни и бесконечные войны, люди все еще оставались жизнеспособными. С каждым годом их становилось больше. Все больше и больше, пока не разразился катаклизм! Мудрые люди, ученые и гуманисты, предупреждали их. Бог и Природа едины, говорили эти люди, и величайшее преступление против человечества — разрушать Землю и истреблять дух гуманизма на ней.

Немногие слушали их, очень немногие. Одни, религиозные лидеры, люди невежественные и не верящие в научное предвидение, отказывались признавать нарастающую опасность. Другие, контролировавшие производство и распоряжавшиеся огромными армиями, жаждали еще большей власти. Им нужно было все больше и больше людей, чтобы бросать их в огонь нескончаемых войн, ведущихся во имя тех или иных политических доктрин. Народ шел на народ, белые на желтых, черные на белых.

Конец был неизбежен. И он наступил! Многие специалисты, изучавшие в лабораториях древнего мира поведение животных в стрессовых ситуациях, задолго предсказывали его. Когда перенаселение, шум и загрязнение среды достигли предела, наступило безумие. Сегодня мы называем тот период Смертью. Во всем мире, на суше, на воде и в воздухе грянула разрушительная война. Атомные бомбардировки, радиация и ужасное химическое оружие уничтожили большую часть человечества и нанесли страшный урон животной жизни планеты.

Однако какая-то часть населения сумела уцелеть. Когда радиоактивный яд несколько рассеялся, оставшимся в живых ученым удалось возродить наше Братство. Большинство из них занималось наукой, называвшейся экологией, которая изучала все живые существа в их взаимодействии с природой. Одиннадцатая Заповедь не была для них религиозным символом, скорее, она выражала их гуманистическое мировоззрение. Эта заповедь гласит: «Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней».

В течение пяти тысячелетий мы наблюдали, как человечество вновь взбирается к вершинам цивилизации. Мы пытались направлять этот процесс, устроить жизнь людей в гармонии с окружающей природой. Мы видели, что многое изменилось к лучшему, однако появились и отрицательные тенденции в развитии мира. Множество животных теперь получило разум, подобный разуму человека. Эта мутация была удивительным и неожиданным последствием мощного радиоактивного облучения.

Но одновременно с нашим Братством организовались несколько других групп ученых, преимущественно физиологов, биохимиков и физиков. Они поставили своей целью восстановить власть человека над живой природой, существовавшую в древние времена. Они находили прекрасными чудовищные машины, породившие уничтожение и Смерть, и попытались привести их в действие. Они сделали нечто более опасное — превратили в своих слуг и помощников некоторые группы разумных мутировавших животных, которых вы, пер Дистин, называете лемутами. Они научили их ненавидеть нормальных людей, превратили эти создания в кровожадных дикарей-людоедов. Мы говорим, что ими правит Нечистый; этот собирательный термин, пришедший из далекого прошлого, обозначает союз сил тьмы и зла, направленный против рода человеческого.

Главная задача этих отвратительных остатков прошлого — уничтожить любую человеческую общину, которую они не могут контролировать. Если этого нельзя сделать силой, они стремятся проникнуть в ее органы управления, стать тайными советниками верховных вождей и правителей. Не сомневаюсь, что ты, пер Дистин, догадываешься об этом. Но ты, принцесса, знаешь ли ты, почему наш народ истощает свои силы в бесконечных междоусобных войнах? Я сказал «наш народ», потому, что по рождению принадлежу к той же расе, что и ты.

Долгое время наше Братство следило за этими группами, средоточием зла, оставаясь невидимым и неизвестным для них. У людей подобного сорта есть основная слабость: каждый из них жаждет абсолютной власти над другими, и никто не уступит ее добровольно. Мы надеялись, что этот изъян, эта разобщенность, приведет к загниванию их сообществ, что они уничтожат друг друга в смертельной борьбе за власть. Они были так же немногочисленны, как и мы, и такой исход казался вполне возможным.

К сожалению, мы ошиблись. Тысячу лет назад или около того в их среде появился гений, обладавший могучим, но злобным разумом. Он сумел объединить их разрозненные группы, в то время ожесточенно враждовавшие. Они сформировали дюжину ассоциаций, каждая из которых полностью независима в пределах управляемого ею географического ареала. Эти ассоциации, или Круги, как они их называют, образуют Темное Братство, союз Мастеров Нечистого. Верховные Мастера Кругов создали постоянный совет, который может заставить любую из ассоциаций действовать во имя интересов всей организации.

— Это напоминает структуру управления в моей стране, — заметил Иеро.

— Да, это так. Хорошую идею можно использовать и во зло, и на благо. Но слушай дальше, пер Дистин.

На этом континенте возникло несколько человеческих сообществ, или стран, если их обозначать терминами прошлого. Кандианская Конфедерация, включающая Республику Метс на западе и Отвианский Союз на востоке, наиболее развита в политическом и научном отношении. Города-государства юго-восточного побережья, подобные Д'Алва, сильны своим человеческим потенциалом, но имеют архаичную социальную структуру и наводнены агентами Нечистого. Прежде чем использовать эти страны в борьбе с общим врагом, необходимо очистить и оздоровить их. На далеком западе, на юге и еще в некоторых местах есть другие. Мы не соприкасаемся с ними, хотя, должен сказать тебе, пытаемся получить сведения об этих районах.

Итак, мы подошли к нашему времени. За последние пятьдесят лет усилилась целенаправленная атака сил Нечистого на Кандианскую Конфедерацию. Мы надеялись, что Аббатства сумеют справиться собственными силами без нашей открытой помощи. Но, по-видимому, вам не выстоять в одиночку.

Я буду говорить с тобой откровенно. Пойми, наше Братство охраняет всю биосферу. Мы сосредоточиваем свои усилия в первую очередь на жизни вообще, и только во вторую — на человечестве, рассматривая его как главный фактор воздействия на все остальные формы жизни. Поэтому сама мысль о прямом участии в борьбе человеческих сообществ долгое время была для нас неприемлемой. Но времена меняются.

В течение тысячелетий члены Братства учились владеть ментальной силой, она служила нашим целям, помогла решить задачи, которые мы поставили перед собой. Мы полагали, что нам удастся сохранить эту тайну, но наша надежда была безрассудной. Слуги Нечистого тоже овладели этим искусством! Они шли другим путем: в своих секретных лабораториях они создали машины, многократно усиливающие их ментальное могущество. Затем они узнали о нас. Они

смогли выведать немногое, но этого оказалось достаточно, чтобы души детей зла наполнились опасением и ненавистью. Они стремятся уничтожить нас везде, куда могут дотянуться их жадные руки и свирепые мысли. Много смелых мужчин и женщин погибли, охраняя наши тайны.

— Брат Джон,— сказала Лучар вслух. Слезы дрожали на ее длинных ресницах.

— Да, брат Джон тоже. Но он умер легко и не вымолвил ни слова. Эливенеры владеют секретом легкой смерти... И он успел передать нам сообщение о тебе, принцесса. Мы искали тебя и наконец нашли.

Рассмотрим новое обстоятельство, дети мои, которое мы изучаем уже долгое время, не переставая изумляться могуществу сил природы. Я имею в виду появление разума у негуманоидов, у животных, под действием радиоактивного облучения. Наш мохнатый друг,— старик кивнул в сторону Горма,— *относится к новой цивилизации. Мы полагаем, они постоянно наблюдают за людьми, не доверяя им в полной мере. Мы готовы протянуть руку дружбы, готовы приветствовать их вождей и старейшин, но они все еще сомневаются в наших добрых намерениях. Но мы продолжаем ждать с терпением и надеждой в сердцах. Что ты скажешь на это, Горм?*

— Я еще очень молод,— пришел ответ.— *Я отправился в первое свое путешествие, потому что мечтал о нем. Но мое племя, новый разумный народ Медведей, пока хочет жить скрытно. Наверное, многое из того, что я увидел и понял, заставит их задуматься. Но я не могу говорить сейчас за наших Старейших.*

— *Хорошо,*— продолжал брат Альдо,— *мы будем ждать и надеяться. Я не верю в победу Нечистого и не думаю, что ваш народ окажется в выигрыше, если перейдет на его сторону. Кроме того, есть еще Народ Плотины, который обитает в далеких северных озерах; они тоже безразличны к делам людей. А Нечистый уже сумел приобрести союзников — ему*

служат Волосатые Ревуны, люди-крысы и многие другие создания. Есть и еще более странные существа. Люди-жабы, с которыми ты сражался, пер Дистин, подчиняются другому хозяину, кому-то, кто скрывается в глубинах этого мертвого города и чью сущность я не могу постигнуть. Я не знаю, что это за тварь, но она древняя и злобная, и она тоже союзник и помощник Нечистого.

Странные создания, порождения радиации и генетических мутаций, чудовищные и ужасные, бродят в лесах и пустынях, скрываются в болотах и прериях. Вероятно, вы встречались с ними во время своих странствий?

Иеро вспомнил про Обитающего в Тумане, вздрогнул и кивнул головой.

— Я вижу, некоторые из них тебе знакомы. Но не все из них полны бессмысленной злобы. Некоторые безразличны к людям, другие даже проявляют доброжелательность. Мир полон пульсирующей, бурлящей жизни, и многие его чудеса пока еще неизвестны нам.

И, наконец, мы добрались до настоящего момента. Мы знаем, враги выследили тебя на побережье. Я догадываюсь, пер Дистин, что ты хочешь найти в разрушенных городах юга. Но об этом позже.

Он продолжал говорить, не обращая внимания на удивление Иеро.

— Мы решили помочь тебе. Мы, эливенеры, поняли, что Нечистый достиг такого могущества, ментального и физического, что нашему Братству, как и вашей Конфедерации, не справиться с ним в одиночку. Наша мощь заключается, в основном, в мысли и духе. Нам нужны физическая сила, руки, способные держать оружие, хотя мы ненавидим его. Должен сказать тебе, пер Дистин, что пока мы сидим и беседуем здесь, представители нашего Братства вступили в контакт с Советом Аббатств и предложили объединить усилия в борьбе против общего

врага. Это великое решение для нас — величайшее за всю историю Братства.

Я сам вызвался найти тебя и помочь, если это будет необходимо. Мы ничего не знали о принцессе. хотя, как я сказал, долго и безуспешно искали ее. Мы опасались, что она погибла. Совет нашего Братства наделил меня большими полномочиями. Я должен присоединиться к твоему отряду, идти с тобой и помогать тебе. Два дня назад я почувствовал концентрацию ментальных сил в этой области. Пришлось приложить немало усилий, но, к счастью, я успел вовремя. Теперь у нас есть короткая, очень короткая отсрочка, пока Нечистый собирается с силами. Они очень напуганы твоей ментальной мощью, пер Дистин. Пока ты еще плохо осознаешь свою новую силу. Но я могу сказать тебе, что твое ментальное поле распространилось на половину этого континента! Слуги Нечистого полагают, что ты разыскиваешь нечто очень важное, нечто такое, что может стать решающим фактором в борьбе. Они решили, что ты не должен получить этого нового знания, и постараются опередить тебя.

Итак, я хотел бы идти с вами. Что вы скажете на это?

Старик закончил свой мысленный рассказ и внимательно посмотрел на священника. Вся история заняла не более нескольких минут. Ментальные образы сменялись с быстротой и четкостью, поразившей Иеро. Очевидно, для брата Альдо мысленная речь была такой же естественной и привычной, как разговор вслух для обычных людей.

Лучар подняла голову, всматриваясь в сиящую голубизну лагуны, и медленно сказала:

— Я иду вместе с Иеро — сейчас и навсегда. И приму любое его решение. Но если мое слово что-нибудь значит, то я считаю, что нам очень повезло.

— *Я согласен*,— передал священник.— *Мне кажется, наш новый друг обладает огромной силой и его*

помощь не будет лишней в тяжелом странствии. Будущее может оказаться страшнее и хуже прошлого.

Он улыбнулся старому эливенеру и получил в ответ широкую улыбку.

— *Мои Старейшие говорили, что у людей Братства мы можем получить помощь. Кроме того, я чувствую, что этот человек — друг. Это не может быть ошибкой.*— Горм уставился на брата Альдо своими маленькими глазками.— *Да, он друг, этот человеческий Старейший. И он очень могущественный. Давайте не будем сердить его.*

Священник не смог бы уверенно сказать, была последняя мысль просто констатацией факта или образчиком медвежьего юмора. Но брат Альдо, вероятно, лучше понимал животных; усмехнувшись, он внезапно вытянул длинную руку и щелкнул медведя по носу. Горм проворно опрокинулся на спину, обхватив лапами морду и изобразил смертельно раненого медведя. Он мотал головой, жалобно стонал, высовывал длинный язык и сучил задними лапами. Трое людей дружно расхохотались.

— Этот медведь — великий артист, и в другом месте он бы... — пробормотала Лучар, задыхаясь от смеха.

Она не успела закончить, как Иеро вспомнил в к а к о м месте они находятся сейчас. Он поднял руку, призывая всех к молчанию, и перевел взгляд на старого эливенера.

— *Что вы предлагаете делать дальше, брат мой?*

— Я думаю, мы должны поесть и как можно быстрее покинуть этот островок,— сказал старик вслух.— В нескольких милях вниз по побережью меня ожидает судно. Слуги Нечистого наверняка встревожены внезапным прекращением сигналов с их корабля. Вероятно, они также могут связаться с существом, которое повелевает людьми-жабами в этом затонувшем городе. Я способен ощутить и понять только очень немногие их намерения кроме той ненависти, что переполняет их разум.

— Ни я, ни Горм не можем пробиться через их ментальный барьер. Неужели вам и это по силам? — в изумлении спросил Иеро.

— Вспомни, по возрасту вы оба — дети по сравнению со мной. Даже глупец сумел бы многому научиться за то долгое время, что я странствую по земле,— улыбнулся старик, поднимаясь на ноги.

Путешественники быстро поели, разнообразив свое меню сушеными фруктами из запасов брата Альдо. Затем, погрузив на плот его каноэ, двинулись дальше. Мертвый город вскоре закончился, и к вечеру они достигли сухой земли. Великое болото осталось на северо-западе. Перед путниками простирались огромные леса и прерии, которые тянулись на восток от побережья Внутреннего моря до самого соленого океана, до Лантика.

Но они не собирались двигаться на восток. Их путь лежал на юг, через восточный рукав Внутреннего моря. Где-то там находилась Ниана, торговый порт, из которого не так давно отплыл купеческий корабль с Лучар на борту. В окружавших город лесах брат Альдо надеялся отыскать тайную тропу, неизвестную их врагам.

Вечером, уже на твердой земле, усевшись вокруг небольшого костра, они опять обсуждали свои планы.

— Если вы не возражаете, я хотел бы испытать удачу с моими Сорока Символами,— обратился Иеро к брату Альдо.

Горм исчез, вероятно, отправился на охоту, и они использовали обычную речь.

— Почему я должен возражать? — удивился старик.— Искусство прекогностики мало знакомо эливенерам. Наша подготовка касается других областей разума и духа. Но если у тебя есть способности к этому, почему же не использовать их во имя общего блага? Единственное, чем мы рискуем — это возможность предсказать собственную смерть.

— Вы можете смотреть, если хотите,— заявил священник, вытаскивая из седельной сумки магические принадлежности.— Тут нет ничего тайного.

Когда Иеро вынырнул из своего короткого транса, он увидел, что брат Альдо внимательно наблюдает за ним. Глаза Лучар, сидевшей рядом со стариком, горели едва сдерживаемым возбуждением.

— В этом методе есть определенная опасность, которую я совершенно не предвидел,— сказал Альдо.— Твой мозг был полностью открыт, разблокирован и испускал такую ментальную энергию, что любой оказавшийся вблизи опытный наблюдатель легко бы обнаружил тебя. Я прикрыл тебя мысленной сетью, своего рода ментальным экраном, имитирующим маленькие мыслишки окружающих нас мелких животных, трав, кустарника, ведь шпионы врага могли оказаться рядом.— Он заметил удивленный взгляд Иеро и добавил: — Да, растения тоже мыслят, хотя ты, возможно, не назвал бы это мыслями.

— Спасибо,— коротко ответил священник, раскрыл ладонь и взглянул на лежавшие в ней символы.

Первой лежала Рыба. Снова вода! Правда, в этом не было ничего неожиданного. Следующим символом оказались обычные Башмаки.

— Половина моей жизни прошла в странствиях,— заметил священник.— Теперь нам предсказано путешествие по воде. Все это так, но ничего нового мы пока не узнали.— С этими словами он склонился над третьим знаком; это был Дом.

— Что это значит? — возбужденно спросила девушка.— Это хорошо или плохо?

— Ни то, ни другое. Это Дом. Сам по себе этот знак символизирует крышу, кров; но в сочетании с другими знаками он допускает много различных толкований. Я рассказывал тебе, что эти знаки очень, очень древние. Многие указания их первых создателей невразумительны и туманны. Тут как раз такой случай. Это может означать, что некая опасность ожидает нас

внутри дома или что мы получим кров, укрытие. Это может символизировать также здание, возможно, целый вражеский город или селение. Не много помощи от этих сведений, друзья мои!

Иеро посмотрел на четвертый символ. Это был крошечный Меч, прикрепленный к Щиту.

— Меч и Щит! Это уже что-то более определенное! Такой символ означает, что гадающему придется вступить в опасную схватку.— Он взглянул на Лучар и усмехнулся, заметив тревогу в ее глазах.— Я трижды за свою жизнь вытаскивал этот знак и пока еще цел.

Больше не было сказано ничего. Священник сложил фигурки в мешочек и подозвал Клуца.

Трое людей сели верхом на лорса, который двинулся вперед медленной иноходью. Такая нагрузка не была для Клуца чрезмерной, он мог нести и вдвое больше. Своей неторопливой рысцой он покрывал расстояние быстрее бегущего человека и мог пройти там, где пеший путник был бы вынужден идти в обход.

За два утренних часа они добрались до небольшой бухты, глубоко врезавшейся в берег. Когда они выехали из лесных зарослей на покрытый песком пляж, брат Альдо поднес ко рту сложенные рупором ладони и издал протяжный крик. Люди вздрогнули, от неожиданности, уши Клуца встали торчком, Горм, обнюхивающий край тропинки, тоже удивленно поднял голову.

К изумлению Иеро и Лучар, низкий подлесок на противоположной стороне бухты пришел в движение. Из неглубокой выемки в берегу выскользнуло небольшое двухмачтовое судно. Огромная сеть с привязанными к ней ветвями спускалась на его палубу с верхушек мачт и полностью маскировала корабль.

Длина выкрашенного в коричневый цвет парусника составляла около сотни футов, его корма и нос были высоко подняты. Между мачтами возвышалась небольшая пристройка, вокруг которой были навалены какие-то тюки и узлы — вероятно, с товарами. На палубе судна показались люди. Проворно передвигаясь между

кипами груза, они спустили на воду маленькую шлюпку. Несколько моряков сели в нее и погнали через бухту быстрыми ударами весел.

Путники спешились, когда гребцы, ловко развернув лодку, причалили ее кормой к берегу. Это позволило сидевшему на корме человеку шагнуть сразу на сухую землю, что он и сделал с немалой важностью; Лучар хихикнула и крепко зажала рот ладонью.

— Это капитан Гимп,— серьезно сказал Альдо.— Он терпеливо ждал нас здесь и готов доставить куда угодно. Во Внутреннем море нет более знаменитого капитана,— добавил старик, строго взглянув на Лучар.— Он неоднократно оказывал большие услуги нашему Братству. Капитан, позвольте представить вам моих друзей и ваших новых пассажиров.

Капитан Гимп с достоинством наклонил голову. У него было очень короткое и очень широкое туловище, похожее на корыто для стирки белья, как подумала Лучар. Истинный цвет его кожи, обветренной и задубевшей под морским бризом и солнцем, установить было невозможно. Его макушка была лысой, или, точнее, выбритой, длинная косичка из пепельных с проседью волос спускалась на спину. Могучие челюсти капитана непрерывно двигались, перетирая жвачку. Он носил грязную засаленную юбку-кильт из оленьей кожи, башмаки из невыделанной шкуры и видавшую виды зеленую шерстяную куртку. Капитан немного прихрамывал, но передвигался с изрядным проворством. Сейчас он скрестил на внушительной груди могучие руки с длинными сильными пальцами и разглядывал путешественников черными, весело искрившимися глазами. Судя по всему, капитан был человеком, ценившим юмор.

— Рад приветствовать вас,— сказал он гулким басом на батви.— Слово брата Альдо для меня лучшая рекомендация. Отпустите на волю ваших зверюшек и поспешите на борт. Ветер благоприятствует плаванию на юг, но он может перемениться.

С этими словами бравый капитан виртуозно плюнул в сторону Горма.

Медведь, который сидел на задних лапах, принюхиваясь к теплому утреннему бризу, рванулся вперед, словно молния. Широкая лапа перехватила на лету выплюнутую жвачку, Горм поднялся на задние лапы и направился прямо к остолбеневшему моряку. Дойдя до капитана, медведь пристально посмотрел в его побледневшее лицо, презрительно фыркнул и вытер лапу о грязную зеленую куртку, украсив ее новым пятном. Совершив этот подвиг, Горм уселся снова, моргая маленькими глазками и насмешливо поглядывая на капитана Гимпа.

Капитан наконец вышел из транса, его лицо приобрело естественный кирпичный цвет, глаза изумленно расширились. Он перекрестился и повернулся к Иеро.

— Разрази меня гром! — выдавил моряк.— Я никогда́ не видывал таких штук! Эта зверюга поняла мои слова! Кто он такой? Заколдованный принц? — Капитан оглядел смеющиеся лица путешественников.— Я покупаю его! Назовите вашу цену! Я честный торговец и готов щедро заплатить за такое чудо, спросите брата Альдо, если вы не верите мне!

Потребовалось некоторое время, чтобы довести до сознания маленького моряка, что Горм не продается и что его разум не уступает человеческому. Капитан все еще что-то бормотал себе под нос, когда брат Альдо попросил его подвести корабль к пляжу и перебросить на берег широкую доску, чтобы Клуц мог забраться на борт. Но это было уже слишком для бравого моряка.

— Послушай меня, брат,— заявил он старому эливенеру,— мне случалось перевозить скотину, когда я плавал на своем старом корабле. Это были каботажные рейсы, день туда, день обратно, на большее моя лохань не годилась. Но я не могу взять этого огромного быка на новое судно. Что скажут люди? Мой корабль «Морская Дева», лучшее судно торгового флота, прев-

ратился в грязную баржу! Об этом мы не договаривались, брат! Разумные медведи, женщины, этот странный северянин (не обижайся, парень) и теперь еще зверь величиной с гору.

Но у брата Альдо нашлись более веские аргументы, и к полудню все путешественники находились на борту. Капитан развил бурную деятельность, и через час у палубной надстройки появился надежный бревенчатый загон для Клуца.

Команда, как заметил Иеро, по этническому составу была очень разнообразной. Здесь попадались темнокожие люди с курчавыми волосами, очевидно, соплеменники Лучар и брата Альдо. Некоторые моряки походили на него самого, хотя и не понимали метсианского языка. Были здесь и другие. Он увидел двух полуобнаженных мужчин с белой кожей и рыжими волосами, глаза которых светились, как голубоватый лед на северных озерах. Он читал про таких людей в древних хрониках, но не думал, что их раса выжила после Смерти.

— Они пришли с острова на далеком севере, который, как я полагаю, назывался в прошлые времена Гренландией,— сказал брат Альдо, который следил за его взглядом.— Видимо, их изгнали, поэтому они оказались так далеко от дома.

— Неужели эливенеры смогли добраться до этих далеких краев? — спросил Иеро.

Он крепко стиснул поручни, так как «Морская Дева» вышла из бухты в открытое море и рванулась вперед, подгоняемая сильным ветром.

— Мы пытаемся проникнуть туда,— ответил Альдо.— Обычно мы стремимся иметь своих людей во всех известных нам землях. Один из помощников шамана в селении белых дикарей, которые собирались скормить Лучар птицам, был эливенером. Вот откуда я узнал о твоем маршруте, мой мальчик.— Он грустно улыбнулся Иеро.— Да, этот человек был вынужден смотреть, как убивают твою девушку. У него не было выбора, хотя

он по рангу — следующее после шамана лицо в селении. Через него мы могли бы влиять на все племя, а такая возможность появляется редко. Враги тоже работают с примитивными народами, и необходимо что-то противопоставить им. Прости нас, но в такой ситуации жизнью одного человека приходится жертвовать.

— Иными словами,— сказал Иеро резко,— вы помогаете мне, если можете извлечь из этого нечто полезное для себя. Сейчас, когда я и мои спутники так зависим от вашего Братства, мне это не нравится.

— Очень жаль, если у тебя сложилось подобное мнение,— ответил Альдо.— Я пытался быть откровенным с тобой, Иеро. Я сказал, что буду твоим союзником, и сдержу свое слово. Что касается человека, о котором я говорил, то он принял точно рассчитанное решение, преследующее очень долговременную цель. Разве ты не понимаешь этого?

— Возможно,— отозвался священник холодно.— Я не очень опытен в казуистике. Простите, брат, но теперь мне хотелось бы отдохнуть.

С этими словами он направился к палубной надстройке, в которой уже сладко спала Лучар. Рядом с ее койкой на полу свернулся Горм, сопением наполнявший небольшую каюту.

Следующие несколько дней стояла прекрасная погода. Пассажиры «Морской Девы» привыкли к легкому покачиванию корабля и наслаждались путешествием. Медведь освоился довольно быстро, но Клуц первое время сильно беспокоился, и хозяин проводил много времени рядом со своим скакуном, утешая и успокаивая его. Оказалось, брат Альдо тоже прекрасно умеет делать это, и Иеро с невольной ревностью ощутил доверие и нежность, которые лорс питал к старому эливенеру.

Медведь стал баловнем всей команды, считавшей его очень умным дрессированным животным и не подозревавшей о его настоящих способностях. Горма это вполне

устраивало, ведь лакомые кусочки, которые в изобилии передавали ему, были так восхитительны!

Впервые Лучар и Иеро наслаждались свободным временем — ни тяжелой работы, ни постоянной опасности. Этот чудесный полет маленького судна в безбрежной морской голубизне под ярким солнцем и бездонным небом стал их свадебным путешествием. Крошечная каюта корабля дарила им желанное уединение в ночные часы, когда прекрасный мир любви и нежности раскрывался перед ними.

Сначала Иеро ощущал некую неуверенность, так как у него, конечно, не было с собой универсального средства, которое метсианские врачи предлагали для предотвращения беременности. Поделившись своими страхами с братом Альдо, он тут же получил помощь. В маленьком сундучке старого эливенера хранилась целая аптека, и подобрать заменитель чудодейственного препарата Аббатств не составило труда.

Капитан Гимп оказался отличным компаньоном и гостеприимным хозяином. Хоть он и выглядел весьма добродушным, но поддерживал на корабле строгий порядок. «Морская Дева» сверкала чистотой от клотика до трюма, и ее разношерстная команда отличалась дисциплинированностью и готовностью к любым превратностям морских странствий. Большинство матросов носили за поясом длинные ножи, а на наружных стенах палубной надстройки был развешен внушительный арсенал: секиры, мечи, копья. На юте, позади штурвала, стояла стрелометная машина, похожая на огромный арбалет, выпускавшая одновременно шесть стрел с тяжелыми металлическими наконечниками. Она показалась священнику надежным оружием.

— Никогда не знаешь, что может понадобиться в этих водах,— сказал Гимп, когда они осматривали его арсенал.— Тут водятся огромные рыбы, на которых мы иногда охотимся с гарпунами, чудовищные звери и птицы, и в любую минуту можно наткнуться на пиратов. Здесь плавают корабли работорговцев, всегда

готовых ограбить честного купца, если представится возможность. И, наконец, тут шастает Нечистый. Некоторые его корабли двигаются с помощью волшебства. Ни парусов, ни весел — ничего! Если слухи не врут, от них нельзя ни убежать, ни скрыться.

Вспомнив стреляющее молниями орудие и свое заключение на острове Смерти, Иеро молча кивнул.

Жизнь кипела в наполненных солнцем водах Внутреннего моря. Косяки рыбы всплывали на поверхность в поисках пищи и снова уходили в глубину. Птицы носились над волнами, высматривая добычу. Когда судно проходило мимо небольших островков, огромные звери, похожие на тюленей, разевали зубастые пасти, оглашая окрестности громоподобным ревом. Капитан называл этих чудовищ отрами и спешил увести корабль подальше.

— У них отличная шкура и неплохое мясо,— объяснил он,— но чтобы взять их, нужна целая флотилия с опытными гарпунерами.

Утро на пятый день плавания выдалось ветренным, небо заволокли тучи, надвинувшиеся с севера. Иеро еще спал, когда сильный стук в дверь каюты разбудил одновременно его и Лучар.

Выскочив на палубу, он увидел, что брат Альдо и капитан стоят на юте у штурвала и пристально смотрят назад. Что их взволновало, было ясно — большое трехмачтовое судно с прямыми парусами нагоняло их с холодной неумолимостью рока. Иеро видел, как сокращалось расстояние между кораблями. Палуба преследователя была полна людей; оружие зловеще сверкало в этой толпе. На мачтах корабля развевались большие черные флаги, на парусах были намалеваны красно-синие изображения чудовищ.

Иеро обернулся к старому эливенеру:

— *Нечистый?*

— *Нет, не думаю,*— пришел мысленный ответ.— *Это пираты, жестокие, как хищные звери. Впрочем, они наверняка связаны с Нечистым. У сынов зла*

длинные руки и много помощников. Можешь попробовать проверить.

Иеро закрыл глаза, концентрируя ментальное поле. Капитан Гимп разглядывал чужой корабль через большую подзорную трубу. У палубной надстройки боцман, чернокожий одноглазый великан, раздавал оружие немногочисленному экипажу «Морской Девы». Трое моряков возились на корме у большого арбалета.

Брат Альдо оказался прав, Иеро почувствовал это сразу. Команда чужого корабля, многочисленная и свирепая, походила на стаю хищников, загоняющих беззащитного оленя. Но это были обычная человеческая злоба и жажда добычи, древние примитивные инстинкты, с которыми первые пираты бросались в погоню за первыми купеческими судами еще за пять тысяч лет до пришествия Христа.

Но разум их вождей защищен! Все, что мог извлечь священник,— это ощущение злобной силы, уверенности в себе и власти, исходившее от них. Но их мысли оставались недоступными, даже когда он попробовал новый ментальный канал, найденный во время заключения на острове Смерти. Нечистый учился быстро! Когда же они успели создать приборы или методы тренировки, которые сделали его телепатическое оружие бесполезным? Не совсем бесполезным, однако: только четыре сознания на корабле обладали защитой; кроме них, он мог взять под контроль любого из этой банды.

Он сосредоточил ментальное поле на рулевом пиратского судна. Этого человека звали Хорг, и его жизнь была нескончаемой цепью преступлений, насилий и грабежей.

— *Поворачивай штурвал, парень! Твоей жизни грозит опасность! Твой корабль погибнет! Не медли, поворачивай назад!*

Восклицание капитана Гимпа заставило его открыть глаза. Большой корабль сворачивал с курса, его паруса хлопнули и обвисли, потеряв ветер! Иеро снова закрыл глаза и внезапно ощутил, что Хорг умирает. Враг не

терял времени даром, но все же «Морской Деве» удалось выиграть четверть мили.

Почти вся команда столпилась на корме, зачарованно наблюдая за странными маневрами пиратского судна. Стон пронесся среди матросов, когда большой корабль снова лег на прежний курс. Проклятие сорвалось с губ Гимпа; повернувшись к своим людям, он велел очистить ют и всем заняться делом. Через минуту на корме вместе с капитаном остались только путешественники, рулевой у штурвала и трое у стрелометной машины.

Иеро снова сосредоточился на рулевом. Однако кто бы ни командовал этим кораблем, соображал он быстро. Теперь судном управлял человек с защищенным разумом. Не отчаиваясь, Иеро проник в сознание стоявшего неподалеку матроса. Его звали Гаммер, и его мысли были еще отвратительнее, чем у покойного Хорга.

— Рулевой — твой смертельный враг. Он ненавидит тебя. Он для тебя опасен. Он убьет тебя! Но ты можешь опередить его! Убей! Немедленно!

Холодно и расчетливо Иеро разжигал непреодолимую жажду убийства. Он не собирался церемониться с этими крысами, по попустительству Божьему принявшими облик людей.

Но его намерения снова были расстроены. Человек, разум, которого он контролировал, не успел выполнить свою задачу. Гаммер крался к рулевому, пряча нож в рукаве, когда стрела внезапно пробила его грудь. Иеро ощутил острую боль, слабость и стремительное угасание мыслительных процессов в мозгу пирата. Гаммер тоже умер.

Священник снова открыл глаза, чувствуя, что израсходовал очень много сил; его руки дрожали.

— Плохо,— сказал он брату Альдо под шум начинающегося дождя.— Они расставили хороших стрелков с арбалетами во всех ключевых точках корабля. Очевидно, им приказано стрелять в любого подозрительного человека. Я попробую найти одного из

лучников и воспользоваться его оружием. Но сейчас я устал. Я не могу непрерывно брать под контроль их людей, это отнимает много ментальной энергии. Но я попытаюсь.

На самом деле, хотя он и не хотел признавать этого, Иеро было стыдно. Он не сомневался, что в состоянии сделать много больше, чем сумел до сих пор. Но враги оказались предусмотрительными. Командир корабля и его помощники были надежно защищены, а жизнь остальных ничего не стоила. И их было много, слишком много.

Тем временем капитан Гимп решил предпринять собственный маневр. Он резко скомандовал что-то, рулевой навалился на штурвал, захлопали большие треугольные паруса, и «Морская Дева» пошла круто под ветер. Теперь судно двигалось почти точно на запад, затянутый низкими облаками, разрезая форштевнем свинцовую воду.

— С прямыми парусами труднее маневрировать,— сказал Гимп своим пассажиром, цепляющимся за перила.— Может быть, нам удастся ускользнуть от него.— Капитан кивнул на пиратский корабль.

Он был опытным моряком и знал, что должен держать круче к ветру, чем его преследователь. Если этот трюк удастся, ветер встанет невидимым барьером между кораблями.

Но он не удался. Путешественники видели крохотные фигурки матросов, карабкающихся на реи; потом огромные паруса пиратского судна на мгновение обвисли, ловя ветер, и вздулись вновь. Корабль лег на новый курс; его форштевень смотрел точно в корму «Морской Девы», как будто был привязан к ней канатом. Гимп, выругавшись, махнул рукой рулевому, и маленькое судно вновь повернуло на юг. Преследователь повторил этот маневр. Не более половины мили разделяло корабли.

— *Можешь ты сделать что-нибудь?* — послал Иеро мысленный вопрос старому эливенеру.

— Я пытаюсь разыскать какое-нибудь большое животное или рыбу,— пришел ответ.*— Однако все они слишком далеко. Кое-что мне удалось нащупать, но я еще не уверен... Мне необходимо время. Попробуй взять под контроль одного из лучников, о которых ты говорил, и использовать его. Любое замешательство на их корабле позволит нам выиграть несколько минут.*

— Я тоже так думаю,— сказал Гимп. Они не блокировали мысленной связи и, очевидно, капитан понял смысл их беззвучных переговоров.— Лысый Рок не из тех людей, с которыми стоит искать встречи. Во всяком случае, мы не должны попасть в его руки живыми. Его экипаж укомплектован таким отребьем, людьми и другими тварями, хуже которых не найдешь на тысячу миль в окрестности. Половина команды этого корабля «Похищенной невесты» — каннибалы, а другая — еще более отъявленные мерзавцы. Сам Лысый Рок может продать за медный грош родную мать и еще улыбаться при этом. Но он отличный моряк, и корабль у него прекрасный.

Иеро слушал капитана в пол-уха. Он снова искал подходящий разум на вражеском судне. Он пропустил два нечеловеческих мозга — Волосатого Ревуна и какого-то нового, неизвестного типа лемута — и наконец обнаружил то, что ему было нужно. На одной из нижних поперечных рей скорчился стрелок, вооруженный арбалетом; его взгляд метался по палубе, он высматривал любой признак странного или опасного поведения экипажа. Иеро не стал интересоваться именем этого человека и подготавливать его разум; сконцентрировав до предела ментальную силу, он парализовал двигательные функции мозга стрелка, полностью завладел его телом и почувствовал ужас человека, бессильно наблюдавшего, как его руки подняли оружие, нацелив арбалет прямо на капитанский мостик.

Но священника вновь постигла неудача. Лук дернулся и стрела попала в стоявшего рядом с рулевым человека. Три стрелы и копье одновременно пронзили стрелка, который тут же умер. В последний миг Иеро успел разглядеть капитана пиратского судна, подавшего команду стрелкам на реях. Длинный, тощий, одетый в увешанный драгоценностями кафтан из красного бархата, с голым блестящим черепом, Лысый Рок выглядел странно и отвратительно. Бронзовое от загара, бритое лицо пересекал ужасный шрам, вздернувший верхнюю губу и изуродовавший нос. Иеро чувствовал на себе его ледянящий взгляд, даже когда покинул мертвое тело своего невольного союзника. Но он заметил еще кое-что: на шее у предводителя пиратов висела цепь из голубоватого металла с квадратным массивным медальоном на ней. Священник понял, что там находится источник силы, охраняющей разум врага.

Он открыл глаза, снова ощущая нахлынувшую слабость. Какое еще оружие можно противопоставить тайному искусству адептов Нечистого?

Его мысли прервал возглас брата Альдо:

— Во имя Единого и Милосердного, они идут! Спешите, дети великих вод!

Повинуясь знаку эливенера, капитан Гимп велел привести «Морскую Деву» под ветер и опустить паруса. Они с треском пошли вниз, а затем вся команда и пассажиры столпились по правому борту, с изумлением разглядывая приближающихся созданий.

Пиратский корабль также спустил паруса и лег в дрейф. Узкая полоса воды в несколько десятков ярдов разделяла суда, и в ней грациозно и неторопливо скользили два огромных существа. Сначала Иеро даже на понял, что это такое, затем рот его открылся от удивления. Птицы! Птицы чудовищных размеров! Их тела, глубоко погруженные в воду, почти невидимые, были не меньше «Морской Девы». Прекрасные головы на длинных шеях переливались всеми оттенками золотисто-зеленого цвета. Титанические двадцатифуто-

вые клювы походили на огромные метательные копья, глаза перебегали от одного корабля к другому, птицы встревоженно вертели головами, но невидимые ментальные путы прочно держали их на месте.

— Я не хочу побуждать их нападать на парусник,— сказал вслух старик.— Возможно, вид этих созданий напугает врагов, и они уйдут по своей воле. Любое животное, в том числе и лоуна, можно убить, а на этом корабле нет недостатка в оружии.

Оба судна медленно дрейфовали по ветру. Команды бездействовали, наблюдая друг за другом и за гигантскими птицами. Затем человеческий голос перекрыл свист ветра, легко преодолев полсотни ярдов, разделявшие корабли. Человек говорил на батви.

— Эй, Гимп, кадка крысиного помета, ты слышишь меня? Отвечай, протухший кусок сала, если не боишься!

Лысый Рок собственной персоной стоял на ближайшем к «Морской Деве» борту большого корабля; его фигура в красном кафтане четко вырисовывалась на фоне серого неба. Команда пиратского судна весело загоготала, потрясенная остроумием своего капитана. Это отвлекало их от внушавших ужас чудовищных птиц, которых, казалось, держала около корабля неведомая магическая сила.

— Я здесь, Рок, грязный пожиратель трупов! — прокричал Гимп в ответ.— Уводи свою старую баржу подальше, иначе наши маленькие друзья могут случайно задеть ее!

— Неужели? — хладнокровно отвечал Рок, насмешливо улыбаясь. Он демонстративно не замечал птиц, и Иеро был вынужден признать, что у этого мерзавца крепкие нервы.— Вот что я скажу тебе, толстячок. Кто бы ни пригнал сюда этих прелестных цыплят, он может считать, что птички уже попали на мой вертел!

И снова дикая орда загоготала и завыла за его спиной, потрясая оружием. Рок небрежно махнул рукой, и шум прекратился.

— Пойми, купеческое отродье, мы можем взять все: тебя, твою лоханку и этих птичек,— продолжал пират, уставившись тяжелым взглядом на молчаливую группу на борту «Морской Девы».— Однако сегодня я необычайно добрый и готов сделать тебе великодушное предложение. Отдай эту крысу из северных лесов с раскрашенной физиономией и девчонку. А сам убирайся куда хочешь, жирный боров!

Капитан Гимп сплюнул в море и отвечал не раздумывая:

— Клянусь спасением души, здесь ты ничем не поживишься, лысый ублюдок! Но ты хвастал, что можешь взять меня, не так ли? Ну что ж, попробуй! По Морскому Праву вызываю тебя на схватку — человек против человека, меч против меча! Что ты скажешь на это, мешок с костями?

Словно поддерживая этот вызов, экипаж «Морской Девы» грозно заревел, звеня оружием; команда пиратского судна молчала. Огромные птицы по-прежнему качались на волнах между кораблями, словно чудовищные утки в пруду.

После краткого совещания с двумя своими помощниками Рок уставился на капитана Гимпа жестоким взглядом.

— Я готов выпустить из тебя кишки, бурдюк с салом! Но я хочу развлечься с большим размахом. Я и один из моих приятелей встретимся с тобой и этим дикарем с разрисованной рожей. Вот мое последнее слово! Если ты не согласен, я даю сигнал к атаке.

Гимп повернул голову к Иеро.

— Им нужен ты, пер Дистин. Лысый Рок готов рискнуть своей жизнью и своим кораблем, чтобы заполучить тебя. Можешь ли ты сражаться?

— Попробую,— спокойно ответил священник, похлопав Гимпа по плечу. Он сильно устал, но иного выхода, похоже, не было.— Если мы победим, эта шайка мошенников,— он кивнул на пиратский корабль,— не попытается взять нас на абордаж?

— О нет! — покачал головой Гимп.— Морское Право — нерушимый закон. К тому же у Рока есть помощники; каждый из них хочет стать капитаном и готов платить за это. Но Лысый — знатный боец. И кто знает, кого он приведет с собой?

С этими словами Гимп повернулся к главарю пиратов и резко махнул ему рукой в знак согласия.

Иеро увидел, как с борта большого корабля спустили шлюпку. Значит, ареной для боя будет судно, пославшее вызов. Он оглядел неширокую палубу «Морской Девы» и матросов, очищавших ее от тюков с товарами. Не слишком много места для схватки четырех человек... Гимп продолжал гудеть над ухом.

— Мы ничего не теряем, пер Дистин. Если нас прикончат, остальные превратятся в рабов. Но, по крайней мере, их не убьют и не съедят. Если победим мы, то возьмем их груз, потому что ни корабль, ни эта банда ублюдков мне не нужны...

Лучар помогла священнику стянуть кожаную куртку. Дочь королей воинственного племени, она не сказала ничего, но Иеро чувствовал, как дрожат ладони, коснувшиеся его плеч. Он знал, что она не переживет его ни на минуту. Брат Альдо повернулся к нему, кивнул головой и молча пожал руку. Лицо эливенера было хмурым и сосредоточенным; по-видимому, контроль за огромными птицами требовал непрерывных усилий.

Иеро задумчиво взвесил в руке свой короткий меч, затем повернулся к груде оружия на палубе и выбрал тяжелый квадратный щит, окованный по краям металлом, сунул за пояс обнаженный кинжал и надел шлем. Теперь он был готов к бою.

Гимп тоже сбросил тяжелую, стеснявшую движения куртку и снял башмаки. Он не взял щита, но вынес из своей каюты большой двуручный меч с немного изогнутым лезвием, походивший на огромную саблю. Необычайно длинные руки капитана бугрились мускулами. Разминаясь, он поднял меч, и лезвие несколько

раз со свистом разрезало воздух. Он больше не казался ни забавным, ни добродушным.

Шлюпка противников причалила к борту «Морской Девы». Сначала над перилами показался блестящий череп капитана пиратов, следом появился его соратник. Иеро внутренне содрогнулся. Лемут, причем неизвестной породы! И тоже с защитным медальоном Нечистого!

Это создание было ростом с человека. Нижнюю часть тела прикрывал короткий передник; серая кожа отблескивала множеством мельчайших чешуек. Оно не имело носа и выступающих ушей, только дыры в соответствующих местах. Мутные круглые глаза без ресниц глубоко сидели под массивными надбровьями. В одной мощной мускулистой руке лемут нес тяжелый боевой топор, в другой — круглый щит. Когда он поднялся на палубу, экипаж «Морской Девы» шарахнулся от него, как от прокаженного.

Лысый Рок был все еще одет в красный кафтан, украшенный бесчисленным количеством брошек и подвесок, на его пальцах сверкали перстни с драгоценными камнями. Он держал в правой руке гибкий изогнутый меч с широкой гардой, а в левой — обоюдоострый кинжал.

Люди «Морской Девы» перешли на корму и нос, чтобы не мешать сражающимся. Их глаза мрачно горели, руки сжимали оружие.

— Мы будем биться в середине корабля, скелет,— сказал Гимп.— Ты и твой похожий на труп приятель встанете там,— он махнул в сторону кормы,— мы останемся здесь. Сходимся по моему сигналу. Если к полудню мы не прибьем вас, устроим передышку. Годится?

— Это годилось бы для меня, кочерыжка. Но ты и этот дикарь с севера еще не встречались с глитами. Мне одолжили этого парня мои друзья — те, что живут на острове к северу отсюда. Ему не понадобится много времени, чтобы прикончить вас обоих.

Стоявший позади пиратского капитана монстр зарычал, показав полную желтых клыков пасть. Рок издевательски улыбнулся. Внезапно прозвучал спокойный голос метсианского священника:

— Я знаком с твоими друзьями, капитан Рок. Они — трупы среди живущих людей. Могила ждет их всех, и эту глупую тварь, и тебя самого. Пройдет не больше часа, и ты убедишься в этом.

Рок побледнел. Приведенное им ужасное существо, глит, было неожиданной опасностью для соперников. Но и сам Иеро, северный воин, киллмен-телепат — такая же неведомая угроза для пирата. И, несмотря на амулет, висевший у него на груди и защищавший его, Рок совсем не был уверен в собственных силах. Однако он быстро овладел собой, и улыбка снова искривила его тонкие губы.

— Рад услышать твой голос, раскрашенное бревно. Сейчас мы добавим красного цвета к твоей татуировке.

Через минуту все было готово. На корабле воцарилась полная тишина, нарушаемая только свистом ветра в снастях и резкими криками чаек. Два гребца, доставившие Рока и лемута на борт «Морской Девы», уцепились за поручни, удерживая лодку на месте. Их глаза бегали по палубе, не то оценивая силы врагов, не то подсчитывая будущую добычу.

Справа от Иеро раздался возглас Гимпа «Пошли!», и они двинулись вперед. Четверо вооруженных медленно сходились двое на двое, внимательно следя за каждым жестом, каждым шагом противника. По расчетливой неторопливости их движений было ясно, что это опытные воины-профессионалы, знающие свое дело.

Иеро шел на глита, уставившись в его безобразное лицо; справа сходились два капитана, длинный и коренастый. Они встретились по разные стороны маленькой рубки, почти точно в середине корабля. Иеро услышал лязг металла и тяжелое сопение, но это не отвлекло его. Как всякий опытный боец, он наблюдал

за глазами своего противника, чтобы уловить миг, когда тот перейдет в нападение.

Эти глаза! Огромные бездонные ямы! Пока священник смотрел в них, они становились все больше. Еще больше! Глит был уже в нескольких футах, топор лежал на его плече, щит прикрывал грудь. Но человек видел только глаза, круглые, источавшие ненависть; они словно росли и росли, пока не заслонили весь мир. Вдруг раздался пронзительный женский крик. Лучар! Наваждение исчезло, глаза лемута сократились до обычного размера, и Иеро вернулся к действительности. Еще мгновение — и было бы слишком поздно.

Метса спасла быстрая реакция — природный дар, усиленный годами тренировок. Его первый учитель воинского мастерства, старый сержант из Стражей Границы, всегда говорил: «Переходи в ближний бой, парень, особенно если противник сильнее тебя физически или фехтует лучше. В двух дюймах от тебя он не станет делать пируэтов с мечом. Тут все решает скорость. И удача».

Мимо левой щеки просвистел топор. Священник успел уклониться и, не пытаясь ударить в ответ, просто оттолкнул лемута щитом. Иеро пришлось опустить голову, чтобы не встречаться с ним взглядом. Только не смотреть в зрачки!

Гипноз! Никакой ментальный барьер не защищал от него! Эта тварь оказалась поразительно умной и умелой. Если бы не крик Лучар, думал священник, лежать бы ему сейчас с разрубленной головой.

Теперь он боролся с чешуйчатым монстром, отражая щитом удары топора. Его противник тоже использовал щит. От глита исходил неприятный мускусный запах, а от кожи, казалось, веяло холодом, свистящее дыхание было зловоннее склепа. Он вертел головой, стараясь поймать взгляд человека. И он был силен, Боже, как он был силен!

Священник напряг мышцы и, снова толкнув глита щитом, быстро отскочил назад. Опять просвистел топор,

рассекая сырой воздух перед его лицом. Иеро окинул взглядом противника, стараясь не встречаться с ним глазами, внимательно наблюдая за движениями мускулистых рук. Затем передвинул щит, стараясь полностью прикрыть тело, и опустил вниз вытянутую руку с мечом. Смутно, словно сквозь сон, он слышал лязг оружия по другую сторону кабины и рев Клуца, бушевавшего в своей загородке и рвавшегося на помощь хозяину.

Монстр двинулся вперед, высоко подняв топор и открылся для удара снизу. Многолетняя привычка ловить миг атаки по выражению глаз противника сейчас только мешала Иеро. Ему приходилось постоянно бороться с этим доведенным почти до автоматизма рефлексом.

Глит атаковал. Его топор ринулся вниз в сокрушительном размахе, и священник отскочил назад, готовый к резкому выпаду, когда оружие врага ударило о палубу. Могучая рука монстра выпрямилась, и лезвие топора сверкнуло возле колен Иеро. Почти инстинктивно он подпрыгнул, но лемут успел сильно толкнуть его щитом, отбросив к бизань-мачте, и с отвратительным хриплым воем ринулся к человеку, вновь замахиваясь топором. Он уже торжествовал победу, надвигаясь на скорчившегося у мачты противника.

Это была минута, которой ждал Иеро. Распрямившись, словно стальная пружина, он швырнул свой щит, как метательный снаряд, над самой палубой. Окованный медью край тяжелого диска ударил глита по ногам. Тот рухнул ничком на палубу, выбросив вперед руки и ударившись безносой мордой о дерево настила. Когда монстр попытался встать, тяжелый короткий меч раскроил его чешуйчатый череп. Хлынула кровь, и глаза мерзкого творения Нечистого закрылись навсегда.

Священник подхватил свой щит и, огибая загородку Клуца, бросился к другому борту судна, где еще звенела сталь. Странное молчание команды и напря-

женные взгляды людей подсказали ему, что там дело плохо.

Так оно и было. На глазах Иеро капитан Гимп отразил удар пиратского меча, но едва не напоролся на длинный кинжал, который его противник держал в левой руке.

— Я здесь! — крикнул Иеро.— Придержи мерзавца на секунду, сейчас я о нем позабочусь!

В этом не было нарушения правил. В подобных парных поединках выживший в одной из схваток мог помочь товарищу, и это обычно решало исход дела.

Голос Иеро, казалось, вдохнул новые силы в коротышку-капитана. Хотя его волосатый торс заливала кровь, сочившаяся из дюжины мелких порезов, он сохранил еще достаточно сил. Отступив назад, моряк смерил противника бешеным взглядом и кинулся к нему, сжимая меч в высоко поднятой правой руке. Почти не защищаясь, Рок двинулся навстречу; его глаза обезумели от ненависти и отчаяния.

Они столкнулись у стенки надстройки, и Гимп показал, на что способен его огромный меч. Сверкающий клинок описал полукруг, разрубил левое предплечье пирата и пропахал глубокую борозду на его груди. Удар был так силен, что бросил Гимпа вперед на палубу. Выронив оружие и уперевшись руками в доски палубного настила, капитан застыл в странной позе, напоминая изготовившегося к прыжку гигантского бульдога.

Левая рука Рока, вооруженная кинжалом, со стуком упала на палубу. Хлынувшие из страшных ран потоки крови залили кафтан, тяжелая ткань которого внезапно потемнела и приобрела багровый оттенок. Опустив меч, он сделал шаг к Гимпу, все еще стоявшему на четвереньках. Затем его колени подогнулись, остекленевшие глаза подернула мутная пелена, что-то заклокотало в горле, и пират рухнул лицом вниз. Это был конец.

Команда «Морской Девы» издала дружный ликующий вопль и ринулась к победителям. Иеро еще успел наклониться и поднять капитана на ноги. В следующий миг дюжина сильных рук подхватила его и с триумфом понесла к кормовой надстройке судна; там стояла Лучар, глаза которой горели восторгом. Священник, залитый кровью Гимпа и лемута, обнял девушку и внезапно расхохотался. Он перехватил раздраженную мысль, поступившую из палубной надстройки:

— Что за шум? Неужели я не могу спокойно поспать?

Разленившийся медведь спал все утро, пропустил сражение и теперь желал выяснить, что произошло в мире за это время.

Все еще держа Лучар в объятиях, Иеро перевел взгляд на море. Две огромные птицы, лоуны, вдруг погрузились в воду и исчезли. Их гигантские тела так стремительно и легко скользили вперед, словно они были не больше утят.

Брат Альдо выглядел очень утомленным. Очевидно, старый эливенер напрягал все силы, подчиняя огромных птиц своей воле целых два часа.

Гимп поспевал всюду. Он лично осмотрел тело Рока, одновременно резко отдавая команды своему экипажу. «Морская Дева» направилась к пиратскому кораблю так уверенно, будто тот был мирной баржей, перевозившей скот все семь дней в неделю.

Но Гимп, по-видимому, знал, что делает. Кроме споров о ценности груза пиратского судна никаких конфликтов между командами не возникло. Среди пиратов были мерзавцы и головорезы всех мастей и пород, но даже грязные Ревуны не проявляли видимой враждебности. Некоторые негодяи даже выражали восхищение воинским искусством Иеро или отпускали сомнительные комплименты Лучар. Это не понравилось девушке, и она скрылась в каюте.

Пока Гимп осматривал груз пиратского судна вместе с его новым капитаном, Иеро присел на скамью рядом с братом Альдо. Священник удивился, что люди без совести и чести способны уважать хоть какой-то закон.

— Морское Право — освященный временем обычай,— сказал старик.— За время моей жизни — а она, поверь, была долгой, очень долгой — только однажды пиратское судно нарушило Право. Полгода его искали все: пираты, вооруженные корабли купцов и работорговцев,— и наконец нашли. С членов экипажа, уцелевших после боя, живьем содрали кожу. Капитан, основной виновник нарушения, прожил дольше. Каждый день ему рубили пальцы, а затем — части рук или ног, и кормили его собственным мясом. Я уверен,— добавил старик задумчиво,— что, если какой-нибудь капитан снова попытается нарушить Право, его убьет собственная команда.

— Но как же Нечистый? Ведь они не уважают ничего! И потом — мы забыли, что на корабле есть еще два человека с защищенным разумом. Но я больше их не чувствую! Неужели они смогли как-то сбежать?

— Это интересно,— проговорил брат Альдо, прикрывая глаза. Мгновение он сидел будто прислушиваясь к чему-то, затем продолжал.— Я попробую объяснить это. Их или прикончили, мой мальчик, если они подбивали команду к нарушению Права, или они просто сняли эти приборы Нечистого и уничтожили их. Но сбежать не могли.

— Надо забрать те приборы, что были у Рока и глита, пока их тоже не выбросили,— сказал священник и со стоном поднялся на ноги.

На ребрах, в том месте, где он ударился о мачту, красовался огромный синяк.

Брат Альдо ухмыльнулся, похлопывая по кожаной сумке, висевшей у него на плече; там что-то звякало.

— Я попросил Гимпа принести эти штуки мне,— объяснил эливенер.— Никто из матросов не хотел даже прикасаться к ним. Мы внимательно изучим их на досуге.

Пока старик говорил, что-то шевельнулось в памяти Иеро. Возможно, это воспоминание всплыло бы на поверхность, но он не обратил на него внимания. Другие мысли отвлекли его.

— А эти птицы смогли бы напасть на корабль? — спросил он.

— Я не люблю делать этого, но, думаю, сумел бы их заставить.

Темно-коричневая кожа эливенера на миг посерела, и Иеро увидел, что брат Альдо старый, очень старый человек. Пока они наблюдали, как обе команды перетаскивают ящики и тюки с добром с большого корабля в трюм «Морской Девы», старик продолжил:

— Кто знает, чем это могло бы кончиться? В лоуне около шести тонн живого веса, он невероятно силен, хоть и миролюбив и даже робок... Они очень редкие, эти лоуны. За всю жизнь я видел их только три или четыре раза.

— Великое искусство нужно, чтобы управлять такими гигантскими созданиями,— с уважением заметил Иеро.

Старик пожал плечами:

— Я учился этому всю жизнь, мой мальчик. И ты сам достиг не меньшего за несколько последних месяцев... Но я чувствую, тебя еще что-то беспокоит.

— Да,— ответил священник, понизив голос.— Это создание, которое я убил, глит, как называл его Рок... Ты должен знать, эта тварь оказалась способной к гипнозу... Он почти зачаровал меня... Если бы Лучар не крикнула, все закончилось бы много печальнее. Что это за существо? Матросы выбросили тело за борт, и я не успел осмотреть его. Вероятно, он принадлежит Нечистому.

— До нас доходили слухи о новых мутантах, которых вы называете лемутами, новых и еще более смертоносных для человека созданий. Но их появление уже не связано с генетическими изменениями, наступившими под влиянием тех давних, давних событий... Нет, новых тварей вывели в лабораториях Нечистого и обучили в его крепостях! Этот глит, видимо, такое существо. Раньше я ничего подобного не встречал.

— Он похож на отвратительную рептилию, преобразованную в еще более отвратительного человека,— сказал Иеро.

— Ты не находишь, что такие действия очень типичны для Нечистого? — спросил брат Альдо, казалось, не ожидая ответа на вопрос; его взгляд блуждал по серой и беспокойной поверхности моря.

ГЛАВА 10

Южные леса

Ночь лежала над древним портом Нианой. Небольшие суденышки бороздили поверхность залитой лунным светом гавани — в основном, ялики и лодки, которые перевозили на берег матросов с парусных кораблей, стоявших на рейде. С заходом солнца работы по погрузке и выгрузке товаров прекратились; длинные пирсы и многочисленные пристани порта опустели. В прилегающих к порту узких грязных переулках перед редкими тавернами горели тусклые огни. Одинокие крадущиеся тени двигались в полумраке, спеша по своим сомнительным делам. Честные люди осмеливались появляться ночью на улицах Нианы только под надежной охраной. Зло пустило глубокие корни в старом портовом городе, и лишь те, кто находился под его покровительством, могли чувствовать себя здесь в безопасности. Однако нужно было торговать и, следовательно, перевозить грузы, а других портов в юго-восточной части Внутреннего моря не было, и главный торговый путь, соединявший северо-запад и юго-восток континента, проходил через Ниану, к великому недовольству тайных правителей города. Однако свойственная человеку неистребимая тяга к наживе была настолько сильна, что торговля процветала даже в эти мрачные времена.

С древней каменной башни, самой высокой точки города, две темные тени наблюдали за лежавшей внизу гаванью и морем, залитым светом луны и простиравшимся до черной линии горизонта на севере.

— Кажется, уже опробованы все средства против этого невероятного человека,— произнес резкий голос.—

Что бы мы ни предпринимали, каким бы оружием ни пользовались, все напрасно. Он проходит по нашим землям, избегает наших ударов, без следа уничтожает наши корабли и наших людей. Замечательный странник прибыл к нам с севера!

— Да, ты прав,— ответил второй голос, такой же резкий и жесткий.— Он пересек уже два Круга и теперь вошел в наш, Желтый. Маловероятно, что он вернется или пойдет обход. Я слышал, к нам прибывает С'дана, глава Голубого Круга?

— Пока он доберется сюда, наш враг уже давно будет здесь. Я только что заходил в комнату Наблюдения. Два Защитника, зарегистрированных в Голубом Круге, движутся морем в нашу сторону. Мы выяснили, что Голубые братья дали Защитников четверым. Трем доверенным людям, морякам — Лысому Року и его помощникам, и еще один — глиту! Его послали на пиратский корабль, чтобы держать Рока под контролем.

— И что теперь? — нетерпеливо спросил собеседник.

— Два прибора исчезли; надо полагать, уничтожены. Два других выключены, но, конечно, они регистрируются на наших Пультах Наблюдения. Мне кажется, все четыре владельца Защитников, включая глита, уже мертвы. Враг по собственной глупости взял с собой пару приборов, вероятно, для изучения.

Наступила пауза. Наконец второй собеседник нарушил молчание.

— Что ж, теперь мы можем использовать свои силы и методы. Уверен, Желтые братья не проиграют!

Снова наступила тишина. Две темные тени в остроконечных капюшонах разглядывали освещенный луной древний город, их город. Каменный парапет, на который они опирались, окружал колокольню древней церкви; теперь эта башня, святыня минувших тысячелетий, служила прибежищем зла.

Первые лучи солнца заиграли на востоке. Над гаванью потянуло свежим ветром, принесшим запахи

гниющих водорослей и свежей рыбы. Темные фигуры, бросив последний взгляд на море, повернулись и скрылись под сводами башни.

— Мы должны рассчитывать прежде всего на собственный здравый смысл, а уже потом — на карту Нечистого, как бы точна она ни была.— Брат Альдо положил сухую темную ладонь на расстеленную на столе карту.— Кроме того,— продолжил он,— мы не можем прочитать все надписи и условные обозначения, сделанные тут.

В углу маленькой каюты дремал медведь. В мерцающем свете подвешенного к потолку фонаря он казался чуть ли не вдвое меньше. Около круглого стола в центре каюты сидели Иеро, старый эливенер, Лучар и капитан Гимп. Палуба «Морской Девы» покачивалась под их ногами. Корабль держал курс на юг, к заросшему тропическими лесами побережью Внутреннего моря, в порт Нианы. Прошло уже два дня после их встречи с пиратским судном.

— Нам, эливенерам, знакомы некоторые из этих символов,— продолжал брат Альдо, поглаживая карту ладонью,— но такие карты редко попадали в наши руки. Можно сказать, этот случай — уникальный.

— Взгляните сюда! — Его палец прочертил извилистую линию через закрашенную зеленым цветом область на юго-восток от Внутреннего моря.— Здесь проходит тайная лесная тропа, которой я не пользовался много лет; мы должны разыскать ее. Тропа лежит севернее главного торгового тракта, соединяющего Ниану с городами лантического побережья. По этой дороге вели тебя, дитя мое.— Старик поднял глаза на Лучар.

— Ниана принадлежит Нечистому. Смотрите,— он коснулся пальцем кружка на карте,— этот их символ я знаю хорошо, он не изменился за сотни лет. Он означает «наше» и, видите, покрывает весь город! Многие торговцы не подозревают об этом и считают

Ниану вольным городом. Нечистый терпит их, облагает не очень высокими налогами, но зато собирает обильную информацию и использует купцов как прикрытие для собственных агентов.

— Что ж, мы делаем то же самое! — заметил священник.— И я готов держать пари, что обычно мы знаем больше об их планах, чем они — о наших.

— Возможно,— сказал старик.— Но посмотри сюда. Вот несколько областей, помеченных голубым цветом, и я могу сказать, что они обозначают. Это смертельно опасные радиоактивные пустыни, возникшие после атомных бомбардировок. Они постепенно уменьшаются, но все еще существуют! Там даже возникла жизнь — странная и страшная... На наших картах эти места тоже помечены голубым. Здесь падали и взрывались кобальтовые бомбы, а кобальт в древнем языке был синонимом голубого цвета.

— Самая обширная пустыня Смерти расположена к югу от Внутреннего моря. Вот она.— Брат Альдо коснулся карты.— Мне кажется, Иеро, город, который ты ищешь, лежит вблизи ее северной границы. Тут есть еще разрушенные города, но все много дальше, на востоке. Я мог бы сказать определеннее, если б взглянул на карту, полученную тобой в Саске. Если ты мне доверяешь, конечно...

Возникла пауза. В наступившей тишине раздавалось лишь потрескивание пламени в фонаре, раскачивавшемся над столом.

— Ты не доверяешь брату Альдо? — не выдержав, капитан грохнул кулаком по столу.— Он столько раз спасал наши шкуры, да и твою тоже, на моих глазах!

Бронзовое ястребиное лицо священника помрачнело; сдвинув брови, он раздумывал некоторое время, потом вдруг улыбнулся:

— Прости, брат Альдо... И ты, Гимп, тоже... Я дал слово аббату Демеро хранить в тайне свою миссию или, по крайней мере, ее конечную цель. Глаза Нечистого могут быть везде... Ну, а карта... — Иеро вздохнул и

полез в сумку.— Вот она, карта! Что ты скажешь о ней, брат Альдо?

— Так... — Старый эливенер наклонился, его белая борода легла на стол. Через минуту он поднял голову.— Я так и думал. Это старая карта, Иеро, точнее — копия старой карты. Кое-что из обозначенного на ней кажется мне сомнительным, а многое — я знаю точно! — исчезло столетия назад. Впрочем, для решения ближайшей задачи бесполезна любая карта. Нам надо попасть на берег, а капитан Гимп и без карт знает, что тут все гавани, все удобные для высадки места контролируют слуги Нечистого.

— Да, без сомнения,— проворчал моряк, внимательно сравнивая карты.— В Ниану нам лучше не совать нос. Придется высадить вас на диком берегу, прямо в этих проклятых лесах!

— Ты доставишь нас сюда.— Длинный палец эливенера указал точку. на побережье.— Где-то неподалеку должна проходить тайная тропа; я уверен, что смогу найти ее.— Он повернулся к Иеро.— И еще одно, мой мальчик. Мы пойдем лесом, этот путь опасен и труден, но мы будем путешествовать по м о е й земле. Время от времени отряды Нечистого проникают в джунгли вместе со своими союзниками-лемутами. Но они не знают джунглей так, как знаем их мы. Кроме того, ты тоже не новичок в лесу! — Он усмехнулся, встретив ответную улыбку Иеро.

— Хорошо, я принимаю этот план,— сказал священник, бережно сворачивая карту.— Как далеко от Ниану до начала той тропы?

Но вместо брата Альдо ответил капитан.

— Если карта верна, то не более пятидесяти миль по побережью.— Маленькие глаза Гимпа пристально смотрели на собеседника.— Эти места очень опасны. Здесь, в окружающих город лесах, иногда появляются крошечные дикари, карлики с красной кожей. У них отравленные стрелы и дротики, которыми они пользуются с дьявольской ловкостью. Я постараюсь доставить

вас к указанному месту как можно ближе, но вам придется искать тропу в этой страшной чаще, полной чудовищ, дикарей и бог знает каких ужасных тварей!

— Ладно,— усмехнулся старик,— ты в это время будешь в безопасности в море на своем добром корабле. Дикие джунгли и кровожадные звери не заберутся в твои голубые воды.— Он повернулся к священнику и продолжил уже серьезно: — Иеро, у нас мало времени; через несколько часов мы будем на суше. Не пора ли осмотреть устройства, которые Нечистый дал нашим врагам? Они у меня в сумке.

Вскоре два странных прибора лежали на столе перед путешественниками. Лучар и капитан Гимп смотрели на них со страхом и отвращением, Иеро и брат Альдо — с нескрываемым интересом.

Приборы были сделаны из блестящего голубоватого металла, который, как заметил метс, часто применялся в изделиях Нечистого. Таинственное устройство, защищающее своего владельца от чужого телепатического воздействия, находилось внутри плоского металлического футляра не более полудюйма толщиной. Футляр имел форму квадрата со стороной около четырех дюймов; к двум его углам были припаяны кольца, к которым крепилась прочная цепочка, а по бокам тянулся тонкий шов, разделявший его на две половины. На плоских поверхностях каждого футляра были нанесены какие-то знаки, но никто, включая брата Альдо, не мог разобраться в них.

Иеро взял в руки один прибор и попытался разнять футляр по шву, но это никак не удавалось. Он потянул сильнее, но тут Лучар положила руку на его плечо.

— Ты не думаешь,— спросила она,— что, может быть, открывать их опасно? Это изделия Нечистого; они могут взорваться у тебя в руках или причинить какой-нибудь вред!

— Возможно,— ответил Иеро, прекращая свои безрезультатные попытки и поднес таинственный прибор к уху.

Разыгралось ли его воображение, или он действительно уловил слабый писк внутри? Он протянул металлическую пластину Альдо.

— Нет, я не слышу ничего,— сказал тот.— Но я плохо разбираюсь в таких вещах, мой мальчик. Я говорил тебе, наше Братство веками развивало связи со всеми формами жизни, используя природную ментальную силу. К любым механическим устройствам мы всегда относились настороженно, хотя, вероятно, были и не правы. Пожалуй, какие-то машины и приборы, облегчающие труд и пригодные для изучения живой и мертвой материи, не помешали бы этому миру. Как бы то ни было, сейчас ни у одного человека из нашего Братства нет такого опыта в обращении с приборами Нечистого, как у тебя, Иеро.

Священник пристально смотрел на лежавшие на столе блестящие пластинки. Какая-то мысль билась у него в голове, неосознанное воспоминание стучало в мозг, но не всплывало на поверхность. Он судорожно вздохнул, потер ладонью висок и сказал:

— Я видел не так уж много их аппаратов и машин. Во-первых, усилитель мысли и похожий на компас предмет, отобранные мной у С'нерга. Потом — устройство, с помощью которого они пытались сломить мой ментальный барьер, когда захватили в плен. Еще я видел оружие — я называю его световой пушкой. Думаю, она стреляет электрическими разрядами, наподобие искусственной молнии. Но все это совершенно непохоже на такие приборы.— Он положил ладонь на голубоватую поверхность футляра.— Интуиция подсказывает мне, что с ними связана какая-то опасность. Может быть, права Лучар, и там, внутри, взрывчатка или яд.

— Ну, я лучше пойду на палубу,— заявил Гимп, подымаясь.— Земля может показаться с часу на час, а я не хотел бы наткнуться на скалы у этого побережья.

Иеро усмехнулся и сдвинул изделия Нечистого на край стола.

— Хорошо бы выспаться перед дорогой,— сказал он, тоже вставая.

— Ты прав,— согласился брат Альдо.— Но старикам долгий сон не нужен, и я лучше пойду на палубу вместе с нашим капитаном. Спокойной ночи, дети мои.

...Иеро присел на край низкой койки и стиснул руками голову. Проклятье! Что нужно вспомнить? Что он должен знать об этих дьявольских устройствах? Он с отчаянием уставился на футляры, блестевшие на столе. За его спиной спала Лучар; она погружалась в сон стремительно, как уставший за день ребенок. Священник перевел взгляд на свою подругу, нежно коснулся ладонью густых волос и, вздохнув, потушил фонарь.

Его разбудил громкий протяжный крик: «Земля-я-я-я!» Серый свет раннего утра просачивался в небольшой иллюминатор каюты. Иеро вскочил на ноги, его взгляд упал на голубоватые корпуса приборов, по-прежнему лежавших на столе, и в этот миг он вспомнил! Вспомнил страшное болото на севере, похожий на компас круглый циферблат, хрустнувший под каблуком! Тот прибор навел слуг Нечистого на его след! Точно такими же были эти голубоватые коробки, которые третий день находятся на борту корабля! Он глуп, как безмозглый снапер! Снова загнал себя в ловушку собственными руками!

Иеро схватил футляры и меч, затем выскочил на палубу, громким криком призывая брата Альдо и капитана. Оба оказались рядом. Они с удивлением наблюдали, как священник крушил приборы Нечистого рукояткой меча. Отдышавшись, он рассказал спутникам о своей догадке и заметил, как в их глазах зажглись тревожные огоньки. Повернувшись к берегу, метс посмотрел туда, куда направлялась «Морская Дева».

Леса Юга! В нескольких сотнях ярдов от корабля высились такие деревья, которые не могли присниться

даже в кошмарном сне. Линию побережья закрывали плотные заросли кустарника, переливавшиеся всеми оттенками зеленого цвета. Над этой плотной стеной переплетенных ветвей и листьев возносились к небесам стволы лесных гигантов, покрытые черной, коричневой, серой, рыжевато-золотистой корой и обвитые стеблями лиан. Священник запрокинул голову — кроны деревьев покачивались в невообразимой вышине. Некоторые из чудовищных стволов были в обхвате больше, чем корпус «Морской Девы»! Огромные яркие цветы, в основном, красные и желтые, свешивались с деревьев и мелькали среди ветвей.

В подзорную трубу, которую протянул ему капитан, Иеро разглядел множество мелких растений, гнездившихся в каждой щели, занимавших все свободное место в этом огромном многоэтажном лесном мире. Пряный мускусный запах джунглей и волна удушающей жары докатились до корабля. Позади Иеро Клуц вдруг заревел в своем загоне, застучал копытами о палубу, будто почуял в долетевшем запахе неведомую опасность. В ответ с берега раздался приглушенный расстоянием рев какого-то невидимого за стеной зелени монстра.

— Может судно двигаться быстрее? — повернулся священник к Гимпу.— Я опасаюсь больших неприятностей. На протяжении последних дней враги имели в руках путеводную нить, позволяющую постоянно следить за нашим курсом. И мы сейчас слишком близко к Ниане, которой управляет Нечистый.

— Ты видишь, мастер Иеро, что поднята только половина парусов,— ответил моряк.— Но я боюсь увеличивать скорость. Этот берег мне незнаком, и мы рискуем наткнуться на подводные скалы. Думаю, сейчас выигрыш в несколько минут ничего не решает.

В первых лучах восходящего солнца маленький парусник медленно двигался к зеленой стене джунглей, подгоняемый легким бризом. Теперь до путешест-

венников доносились щебет и крики бесчисленного множества птиц, обитавших в лесной чаще.

На палубу вышла Лучар, одетая, готовая к высадке. Мельком взглянув на нее, Иеро закончил про себя краткую молитву. Это немного подбодрило его, хотя он продолжал ощущать нервное возбуждение. Рядом с ним стоял брат Альдо; закрыв глаза, эливенер глубоко вдыхал пряные ароматы леса.

Внезапно Иеро стиснул рукав коричневого одеяния старика. «Морская Дева» теперь находилась на расстоянии сотни ярдов от побережья.

— Тут кто-то есть. Кто-то пришедший с востока! Я не могу прощупать их мысли. Они находятся под ментальной защитой, но это нечто крупное, похожее на корабль Нечистого, который ты уничтожил. Они пришли быстро!

Внезапно он почувствовал сильную боль в груди. Нечистому снова удалось обыграть его!

Альдо стремительно повернулся к капитану.

— Гимп, высади нас на берег, потом спрячь корабль и свою команду в зарослях. Торопись, или мы все погибнем!

Лицо эливенера застыло, стало жестким, глаза горели неукротимым огнем.

Капитан разразился залпом команд вперемежку с проклятиями. Несколько моряков бросились налаживать стрелометную машину. Одноглазый боцман, Блуто, встал к штурвалу. Мгновенно были подняты дополнительные крестообразные паруса, значительно ускорившие ход судна. «Морская Дева», слегка зарываясь носом в воду, ринулась прямо к заросшему гигантскими деревьями берегу.

Капитан разразился залпом команд вперемежку с проклятиями. Несколько моряков под его руководством бросились налаживать стрелометную машину. Одноглазый боцман, Блуто, встал к штурвалу. Мгновенно были подняты дополнительные крестообразные паруса, значительно ускорившие ход судна. «Морская дева», слегка

зарываясь носом в воду, ринулась прямо к заросшему гигантскими деревьями берегу. Захваченный круговоротом активности на палубе, Иеро не заметил, как Лучар пробралась к нему. Он только почувствовал ее прикосновение, и принял от нее пояс с оружием.

— *Мне не удалось,*— мысленно передал он ей, поправляя на голове свой боевой шлем. Ему даже не пришло на ум заговорить с ней вслух.

— *Чепуха,*—хладнокровно ответила ему Лучар.— *Никто другой нас вообще не предупредил. Ты нес на себе весь груз ответственности, в основном в одиночку, многие недели.*

Иеро в очередной раз поразился легкости ее послания и близости их объединенного мысленно-физического контакта. Являясь настоящим мужчиной, он не смог удержать свой ум от дальнейших соображений.

— *Я вот думаю, а не могли бы мы пока...* — передал он, обыгрывая в голове мысль о занятии любовью с одновременным участием разума и тела, то, что пока еще он ни с кем ни разу не пробовал.

— Возможно,— тут же пришел ответ.— Однако сейчас не лучшее время для этого, шут гороховый! Иди лучше, и подготовь Клуца. А я прослежу за медведем.

Ему показалось, что его окатили (дружеским) ушатом ледяной воды. Он моргнул и прервал ментальный контакт.

Большой лорс пришел почти в неистовство от возбуждения, и Иеро пришлось использовать свой разум в полной мере, чтобы обуздать и успокоить Клуца.

Спустя несколько минут пришлось спустить все паруса, и корабль осторожно пошел вперед сквозь заросли кустарника и невысоких деревьев, растущих прямо из воды. Воздушные корни, лианы и ветви скрежетали вдоль бортов, цеплялись за такелаж. Судно вздрагивало от многочисленных ударов о стволы деревьев, и находящимся на палубе людям с трудом удавалось удержаться на ногах. К счастью, здесь было достаточно

глубоко и не было подводных скал, что позволяло сравнительно безопасно подойти к берегу.

Под килем «Морской Девы» заскрипел песок, бушприт коснулся непроницаемой зеленой стены зарослей.

— На берег — все до одного! — раздалась зычная команда Гимпа.

Капитан прекрасно владел собой; по-видимому, неминуемые убытки не смущали старого авантюриста.

Самые крепкие и отважные матросы ринулись с носа судна на берег, вырубая топорами и тяжелыми мечами проход в зарослях. Ни одно существо, кроме крыс и маленьких обезьян, не могло бы свободно передвигаться в этой путанице ветвей и листьев. За передовым отрядом следовали остальные члены команды — все при оружии и нагруженные поспешно собранными припасами. Гимп и Блуто возглавляли моряков; брат Альдо, девушка и священник шли сзади вместе с животными. То и дело люди с беспокойством оглядывались на море, простиравшееся на западе. И вот из-за дальнего мыса вынырнул корабль, которого они так боялись. Черный обтекаемый корпус скользил в миле от берега, белая пена вздымалась перед острым носом, орудие было нацелено в джунгли.

Бросив взгляд на море, Гимп схватил топор с широким лезвием и, растолкав своих людей, с яростью врубился в зеленую стену, мощными ударами рассекая лианы полуфутовой толщины. Остальные моряки тоже удвоили свои усилия. Брат Альдо заметил, что четверо матросов еще стоят на корме у стрелометной машины и велел им присоединиться к команде.

С корабля Нечистого, который мчался теперь подобно урагану, донеслись яростные вопли, затем на носу сверкнуло голубое пламя.

— Световая пушка! — закричали Иеро и Лучар одновременно.

В сотне ярдов за кормой «Морской Девы» из воды ударила вверх струя пара. Через мгновение пламя сверкнуло опять, раздался страшный грохот, и обер-

нувшиеся в испуге люди увидели огонь и клубы дыма на месте палубной надстройки.

«Морская Дева» пылала. Пламя бушевало в центре судна, захватывая мачты, лизало паруса и канаты, бурый дым поднимался в безоблачное утреннее небо. Сквозь дым и пар продолжали сыпаться электрические заряды световой пушки, но они только пробивали дыры в плотной массе растений и не могли поджечь сырой, напоенный влагой кустарник.

Хотя корабль врагов подошел совсем близко, вряд ли суетившиеся у орудия стрелки могли различить что-либо, и вскоре обстрел прекратился. Черный корабль замер, покачиваясь на мелких волнах, пока множество зорких глаз с его палубы тщетно пыталось разглядеть хоть что-нибудь сквозь клубы дыма, окутавшие горящий парусник. Зеленая стена джунглей поглотила моряков и пассажиров «Морской Девы», оказавшей последнюю услугу своей команде — пылающий остов судна надежно закрыл прорубленный в зарослях ход.

Спустя несколько минут на корабле Нечистого вновь застучал двигатель, черный корпус развернулся и скользнул в открытое море.

Далеко, в глубоком склепе, под улицами, домами и башнями древней Нианы, закутанная в плащ фигура с возгласом досады отвернулась от панели, переливавшейся сотнями разноцветных огоньков.

— Ну что, это и есть ваша хваленая оперативность? — прошипела тень в остроконечном капюшоне, обращаясь к другой, стоявшей рядом.— Нечего сказать, Желтый Круг продемонстрировал Голубому свои способности! Придется мне побеседовать с вашим Мастером.

С'дана, глава Голубого Круга, вышел из комнаты взбешенный; его холодная ярость неслась перед ним по коридору, словно морозное облако. Все, кто попадался ему навстречу, шарахались в сторону, вжимались в

стены или прятались в узких поперечных туннелях. Но где-то в другом месте цитадели Нечистого уже отдавались новые приказы и посылались необходимые сигналы; союзники, слуги и адепты Желтого Круга были готовы к дальнейшим действиям. Еще одна попытка закончилась неудачей, но охота продолжалась. И она не кончится до тех пор, пока в Темном Братстве останется хотя бы один человек.

Лагерь, который путники разбили этой ночью, прятался под балдахином огромных ветвей трех деревьев. Утомленные матросы, непривычные к влажной духоте джунглей, с наступлением вечера пали духом. В сгущавшейся тьме окружавший их лес казался особенно враждебным, и страх наполнял сердца моряков, хотя Гимпу и Блуто еще удавалось поддерживать дисциплину. Два небольших костра немного разгоняли мрак, освещая сидевших группами людей. Лагерь обнесли невысокой изгородью — скорее воображаемая, чем реальная защита. Чудовищные стволы деревьев, высившиеся вокруг, загадочные крики и шорохи в глубине джунглей, блестящие глаза неведомых тварей — все заставляло беглецов теснее жаться друг к другу и говорить почти шепотом.

— Нам снова улыбнулась удача — мы живы,— задумчиво произнес Иеро.

Он сидел в нескольких ярдах от огня, привалившись к стволу, полузакрыв глаза, и вытянув ноги. Уставшая Лучар устроилась рядом, положив голову ему на колени. Из-за дерева доносилось сонное сопение медведя и фырканье большого лорса. Брата Альдо не было с ними; он исчез получасом раньше, сказав, что вернется к восходу луны.

Внезапно медведь встал и ткнулся холодным носом в щеку Иеро; мгновение они прислушивались к шорохам и хаосу ментальных сигналов огромного леса, затем священник вскочил на ноги и схватил копье.

Остальные в растерянности поднялись, сжимая свое оружие, такое жалкое и бесполезное против чудовищной мощи окружавших их джунглей. Где-то в глубине леса раздались ужасные, сотрясающие воздух звуки — яростный визг и рычание, перекрываемое трубным хриплым ревом, как будто там, во мраке, сошлись в смертельной схватке кошка неимоверных размеров и чудовищной величины бык. По сравнению с его ревом мычание Клуца казалось хныканьем младенца.

Шум сражения, от которого люди наполовину оглохли, затих. Обычные звуки, пронзительные вопли и завывания вновь наполнили джунгли. Успокоенные моряки снова сели и придвинулись ближе к кострам. Но Иеро все еще стоял, опираясь на копье, напряженно зондируя ночь, и Лучар с тревогой поглядывала на него.

— *Это очень большой зверь*,— пришла спокойная мысль Горма.— *На него напал другой, такой же огромный, и прогнал прочь. Теперь он ранен и очень раздражен. Направляется в нашу сторону. Думаю, людям надо вести себя тихо, очень тихо.*

Иеро бросился к ближайшей группе моряков, знаками призывая их молчать. Он знал уже по собственному опыту, что к предупреждениям медведя стоит прислушаться. Скоро все люди затаились среди огромных корней деревьев. Сжимая в руках оружие, они ждали, напряженно всматриваясь в темноту.

— *Он приближается*,— сообщил медведь.— *Будьте внимательны и осторожны.*

Метс стоял рядом с Клуцем, прикрывая Лучар. «Да... Легко не будет»,— мрачно подумал он, нащупывая ментальное поле приближающегося чудовища. Мозг этого существа, довольно примитивный, сейчас был охвачен слепой яростью, которая все усиливалась, так как животное мучила боль от раны. Иеро попытался овладеть его сознанием, но потерпел неудачу; зверь оказался совершенно незнакомым для него. Метс был чужаком в этом мире огромных хищников и чу-

довищных травоядных, и нужно немало сил, чтобы изучить повадки новых животных и научиться управлять ими. Он попробовал снова, но мозг гигантской твари затуманила ярость, и это тоже мешало установить контакт. «Тут нужен опыт брата Альдо»,— с отчаянием подумал священник.

— *Я уже близко, возвращаюсь!* — неожиданно пришла четкая мысль.— *Покинь его сознание, я справлюсь один! Постараюсь повернуть его. Быстро!*

Теперь все услышали, как приближается чудовище. Земля дрожала от его тяжелой поступи, яростное фырканье и сопение доносились из темноты.

— *Пусть все отойдут подальше от костров!* — пришло сообщение от старого эливенера.

Иеро махнул рукой, и люди попятились еще дальше во мрак тропической ночи, прижимаясь к стволам деревьев и к земле. Натягивая уздечку, Лучар отвела Клуца за толстое корневище огромного дерева.

Топот усилился и стал более частым; очевидно, животное побежало. Затем оно подало голос. Ужасный вибрирующий рев обрушился на людей, словно удар грома.

Оно появилось из темноты, огромное, титаническое создание, подобное тем чудовищам, что бродили, вероятно, по земле за миллионы лет до появления человека. Слепая игра генетических мутаций и резкое изменение климата снова породили этих гигантских тварей, столкнув их с обескровленной, лишенной былого могущества человеческой расой. Огромная, будто обрубленная, голова монстра, сидевшая на напоминающей колонну шее, была увенчана двумя парами бивней и возвышалась по крайней мере на двадцать футов над землей. Покрытое густой бурой шерстью тело походило на замшелую скалу, стремительно мчавшуюся на ногах-столбах.

В пляшущем свете костров священник разглядел свежие раны на боку чудища и его маленькие, сверкавшие яростью глаза. Огонь, похоже, вызвал у

животного еще большее неистовство. Оно бросилось к ближайшему костру, разметало по сторонам горящие ветви, затем атаковало второй, подняв тучи искр и клубы дыма. Не останавливаясь, ревя от боли, чудовище проломило изгородь и скрылось в ночи. Смертельно напуганные люди затаились в наступившей темноте и слушали, как зверь ломится через чащу, оглашая окрестности трубными звуками. Затем наступила тишина.

— Все в порядке,— раздался спокойный голос брата Альдо.— Можете снова зажечь огонь. Этот не вернется, но в джунглях много других тварей. А потому торопитесь!

Под руководством Гимпа моряки принялись за работу. Вскоре снова запылали оба костра, изгородь восстановили и укрепили. Гимп пересчитал своих людей; оказалось, три матроса исчезли.

— Вероятно, запаниковали, убежали в лес и потерялись. А может, их съел кто-нибудь,— философски заметил капитан.— Если люди не желают слушать разумных советов, чем тогда можно помочь? Я повторил всем тысячу раз — оставаться здесь, но они, видимо, лучше знали, что надо делать!

— Боюсь, ты прав, их нет в живых,— сказал Альдо.— Все обошлось не так уже плохо. Этот израненный зверь, порос, мог растоптать всех.

— Бедный зверь! — воскликнула Лучар.— Это порождение ужаса!

— Не надо ненавидеть его, принцесса,— спокойно ответил эливенер.— Это его лес, а не наш. Он отчаянно сражался, бежал и принял огонь за нового врага. Я послал его окунуть обожженные ноги в воды Внутреннего моря, и теперь он чувствует себя лучше,— добавил Альдо таким тоном, которым заботливая няня говорит о порученном ей ребенке.

Иеро усмехнулся про себя. Да, эливенер действительно был хранителем всего живого!

— Надеюсь, нас никто больше не побеспокоит этой ночью. У меня есть приятная новость.— Старик сиял от удовольствия, весело поглядывая на собеседников.— Думаю, вы будете рады узнать, что я нашел дорогу!

— Я был бы рад узнать кое-что другое,— буркнул Гимп.— Например, кто заплатит мне за потерю судна, груза и добычи, которую мы взяли с корабля Лысого Рока, рискуя жизнью? Кроме того, я хотел бы вернуться к своему ремеслу,— он махнул рукой в сторону моря,— и моя команда тоже желает этого. Кто заплатит нам, где и когда? Или же мы будем скитаться по этой чаще, пока всех не съедят твари вроде той, что напала на наш лагерь?

Слова капитана были резки, но Иеро заметил, что его глаза довольно поблескивали и нелепая косичка на голове бодро торчала вверх. Хотя Гимп скорее умер бы, чем признал это, он был романтиком и не мог жить без опасных приключений и лихих авантюр. Конечно, он не отказывался от прибыли, если мог получить ее, но это не было главным, как и его резкий, ворчливый тон. Закончив свою тираду, он стоял подбоченясь и переводил взгляд с Иеро на старого эливенера.

Но брат Альдо хорошо изучил этого человека.

— Разве твои отважные парни не могут перенести кое-какие неудобства? Я уверен, те, кто привык мчаться по воле ветра и волн и сражаться с каннибалами, пиратами и морскими чудовищами, не испугаются лесной прогулки в несколько миль.

Иеро и Лучар переглянулись, и на их лицах одновременно скользнули усмешки. Лесная прогулка в несколько миль! Брат Альдо, несомненно, обладал незаурядными дипломатическими способностями, и его слова произвели впечатление на коротышку-моряка.

— У меня самая надежная команда во Внутреннем море,— хвастливо заявил он.— Будь уверен, эти трусливые ублюдки с корабля Лысого Рока разбежались бы, доведись им столкнуться с тварью, что прогулялась

по нашему лагерю. Нет, мои парни пойдут за своим капитаном в огонь и в воду. Однако кто же нам заплатит? И куда нам деваться теперь, когда мы лишились своего судна?

— Ну,— сказал Альдо, поглаживая ладонью бороду,— я, конечно, не имею права обещать что-либо определенное, но думаю, Совет нашего Братства учтет мое пожелание и компенсирует все твои потери, включая корабль. Это устроит тебя?

— Вполне, мой добрый брат,— ответил капитан.— Я не сомневался, что ты примешь справедливое решение. Итак, с этим делом мы покончили. Теперь — куда же нам идти?

— На этот вопрос хотел бы ответить я,— вмешался в разговор священник.— Мы направляемся на юг, капитан Гимп, и я полагаю, тебе вместе с командой лучше идти с нами.— Он провел ладонью по стволу огромного дерева, в тени которого они стояли.— Вряд ли твои люди горят желанием в одиночку бродить по этому лесу. Трое уже погибли. Я зондировал ментальные поля вокруг, когда искал Альдо, и не обнаружил их; очевидно, они мертвы. Есть ли охотники последовать их примеру? Мы должны держаться вместе, капитан.

— Да, это так,— подтвердил Альдо,— и теперь Иеро будет командовать целой экспедицией. Не буду скрывать, наше путешествие очень опасно и мы нуждаемся в строгой дисциплине. Я буду помогать Иеро, а ты, Гимп, остаешься непосредственным начальником своих людей.

— Годится,— согласился моряк, в котором страсть к опасным авантюрам окончательно победила свойственную торговцам осторожность.— У меня тридцать человек, нет, двадцать семь, я забыл про эту слабонервную троицу. Итак, двадцать семь ловких парней плюс Блуто и я сам. У нас достаточно пищи на две недели, но только семь больших фляг с водой.

— Я найду вам и воду, и еду, в этом лесу достаточно дичи,— ответил Альдо.— Мы отправимся в путь с рассветом. Тропа, которую я искал, находится в миле отсюда; это хорошая, удобная дорога. На ней много звериных следов, но, насколько я мог установить в темноте, люди не пользовались ею очень давно.

Они беседовали, обсуждая события минувшего дня и планируя предстоящее путешествие, пока луна не поднялась над деревьями. Иногда Иеро зондировал окружавший их мрак, но ментальные сигналы, которые он обнаружил, не несли опасности. В джунглях шла обычная жизнь; их обитатели охотились, спасались бегством, утоляли голод, прятались и терзали добычу.

Затем люди заснули. Регулярно сменявшиеся часовые поддерживали огонь и бдительно несли охрану.

На следующее утро Клуца, к его величайшей досаде, нагрузили запасами.

— *Двигайся сам*,— велел ему Иеро,— *несколько дней мне придется идти пешком.*

Лорс был приучен переносить грузы, мог без труда тащить ношу десяти человек и раздражался скорее из гордости, чем от лени. Он тряс своими огромными рогами и ревел так, что у Лучар звенело в ушах. Лес ответил ему хором воплей, визга и рычания, и дневной марш начался.

Первыми шли Иеро с медведем, разведывая путь. Затем шагал одноглазый боцман с группой вооруженных топорами моряков, готовых проложить дорогу через любое препятствие. Основная часть команды под предводительством Гимпа, все с мечами и пиками, составляли ядро отряда. Несколько стрелков с арбалетами прикрывали тыл, где шли Лучар с братом Альдо и тащил свой нелегкий груз лорс. Такой порядок передвижения, по мнению Иеро, обеспечивал путникам наибольшую безопасность, так как в голове и в хвосте колонны находились опытные телепаты.

Как и предупреждал эливенер, они вскоре вышли на старую дорогу. Безошибочный инстинкт подсказал

Иеро, что тропа, ведущая почти точно на юг, вполне пригодна для передвижения, хотя на некоторых участках заросла невысоким кустарником. Моряки издали дружный одобрительный вопль и затянули песню о черноглазых красотках славного города Нианы, к словам которой Лучар старалась не прислушиваться.

Когда они остановились на дневной отдых, Иеро понял из болтовни матросов, почему они так взбодрились. Хитрый Гимп распустил слух, что они отправляются на поиски сокровищ, спрятанных в заброшенном городе в глубокой древности. Подобные истории кружили головы морякам всех времен и народов.

Путешественников окружал чудесный зеленый мир. Удушливая жара побережья сменилась умеренным теплом, воздух под кронами огромных деревьев был свежим и ароматным. Насекомых встречалось на удивление мало, по-видимому, из-за обилия птиц, населявших верхний этаж джунглей.

Обезьяны, большие и маленькие, необычного вида белки и другие мелкие животные не известных священнику пород носились вверх и вниз по лианам и ветвям огромных деревьев. Встречавшиеся изредка следы огромной лапы или копыта говорили, что в лесу обитали и крупные звери. Однажды медведь испуганно шарахнулся в сторону от гладкой неглубокой выемки, пересекавшей тропу. Подняв руку, Иеро остановил колонну и вызвал брата Альдо. Казалось, поперек дороги протащили круглое тяжелое бревно, глубоко примявшее рыхлую землю. Иеро понял, что за тварь проползла тут, но не мог поверить своим глазам. Однако эливенер подтвердил его догадку.

— Да, мой мальчик, это змея. Будем надеяться, что не встретимся с ней; эти огромные змеи очень трудно поддаются ментальному контролю и почти неуязвимы для любого оружия. Полагаю, ее длина достигает восьмидесяти или девяноста футов.— Он не добавил ничего более и снова отправился в арьергард отряда.

Внезапно лес отступил, и взглядам людей открылась заросшая травой поляна около ста ярдов в поперечнике. Залитая солнечным светом, пестревшая цветами прогалина, казалось, не предвещала никакой опасности.

Священник с медведем были уже на середине поляны, когда от лесной опушки отделилось нечто длинное и гибкое, возможно, два или три каких-то создания. Они ринулись к колонне с такой невероятной скоростью, что несмотря на наблюдательность Иеро, опытного лесного рейнджера, он не смог впоследствии вспомнить, как выглядели эти животные. Чуть повернув, они промчались мимо и, не прерывая своего стремительного бега, схватили двух матросов, шедших за Иеро. У Иеро осталось смутное ощущение, что эти звери походили на гигантских желто-коричневых лисиц на длинных ногах-ходулях. Прежде чем люди успели поднять оружие, хищники уже скрылись в чаще! Их жертвы даже не успели вскрикнуть. Только тогда Иеро сообразил, что он инстинктивно нанес ментальный удар, чтобы защититься от атакующих животных, столь же неосознанно, как человек в полусне подымает руку, отгоняя комара. Это спасло его и медведя, но стоило жизни морякам, которые шли за ними.

Отряд остановился, обескураженные и испуганные люди сбились в кучу. Иеро объяснил Альдо и Гимпу, что произошло, горько порицая себя за недостаточную бдительность. Но Лучар резко прервала его.

— Не будь глупцом! Я тоже сожалею, что матросы погибли, но ты не виноват! Вспомни лучше, что все остальные живы благодаря твоему умению! Помолись за души этих бедных моряков и веди нас дальше!

— Она права, мастер Иеро, она права, и ты знаешь это,— кивнул капитан.— Да, у нас осталось только двадцать пять парней, но все мы живы только благодаря тебе. Ты делаешь все, что в твоих силах, и никто не винит тебя.

Брат Альдо пожал плечами.

— Иеро, я разделю с тобой ответственность за судьбу этих людей. Но что мы могли сделать? Мне лучше известны джунгли и их обитатели, но даже я не предвидел нападения этих животных. Говоря откровенно, они совершенно не знакомы мне, и, думаю, ничего подобного не зарегистрировано в архивах нашего Братства. Приди в себя и помни: все мы полагаемся на тебя.

Лицо священника оставалось мрачным. Он повернулся и пошел вперед; люди молча последовали за ним. С каждым часом отряд все дальше и дальше углублялся в лесные дебри, сказочно прекрасные и грозящие смертельной опасностью.

С наступлением ночи путники остановились на небольшой поляне между тремя чудовищной толщины деревьями с сероватой чешуйчатой корой и тщательно укрепили лагерь, огородив его барьером шестифутовой высоты из ветвей, кустарника и бревен. Однако перед рассветом какое-то гигантское животное склонилось над изгородью и схватило одного из двух матросов, охранявших спящих. Пронзительный человеческий крик встревожил лагерь, люди вскочили, хватая оружие и разыскивая неведомого врага. Второй часовой, ошалевший от страха, не мог сказать ничего вразумительного.

— Он умер,— хрипло сказал Иеро через несколько мгновений.— Слава Богу, он недолго мучился... Альдо, что нам делать? Кто будет следующей жертвой? Эти бедняги гибнут, потому что не могут предвидеть опасность и не знают, когда и откуда ждать очередного удара. Мне кажется, одному из нас нужно постоянно дежурить, иначе каждая пройденная миля будет стоить нам человеческой жизни!

Было решено, что Иеро и Лучар возьмут на себя дежурство в первую половину ночи, после чего их сменят брат Альдо с медведем. Кроме того, охрану несли еще два матроса, которые сменялись каждые полтора часа. Эти меры, казалось, помогли, и две

следующие ночи путники спали спокойно. Однако Иеро не покидало чувство, что их безопасность связана скорее с удачным стечением обстоятельств, чем с принятыми мерами предосторожности.

На четвертый день после того, как путники покинули побережье, они неожиданно подошли к развилке. Обе новые тропы, левая и правая, шли примерно в нужном направлении, но одна больше отклонялась к востоку, другая — к югу.

Все остановились, чтобы обсудить это, тем более, что наступило время для дневного привала и обеда. Арбалеты, которые были у Иеро, Лучар и у нескольких моряков, позволяли добывать множество мелкой дичи почти не отходя от тропы. Дикие животные здесь совершенно не боялись человека, хотя, как утверждал Гимп, в лесу обитали дикари. Это казалось священнику и брату Альдо очень обнадеживающим: видимо, люди давно не появлялись в этой части леса.

Старый эливенер стоял у развилки, в сомнении потирая лоб длинными пальцами. Он был в замешательстве.

— Странно, очень странно! Я проходил здесь много лет назад, но память моя ясна! Дорога не разветвлялась! Такие звериные тропы не меняются много столетий.

Он прошел несколько шагов по одной из дорог, внимательно рассматривая почву. На самой развилке росло колоссальное дерево, рядом с которым старик казался мухой на стене; оно возносило свою вершину над расширяющимся к югу треугольником леса. Люди ели молча, поглядывая на своих предводителей; нависавший сверху нескончаемый ряд зеленых крон защищал отряд от полуденного солнца. Могущественный лес дремал в пронизанной зеленоватым светом тишине; изредка раздавалась случайная птичья трель.

Альдо вернулся, по-прежнему глядя вниз.

— Мы пойдем по южной тропе, если никто не возражает. Это направление подходит нам даже лучше,

чем старая дорога; мы выйдем на самую окраину пустыни. Однако меня удивляет вот что: такая развилка просто не могла возникнуть на дороге, которой не пользуются люди.

Моряки поднялись и спустя минуту отряд пересек невидимую границу, за которой начиналось лесное царство владычицы Вайлэ-ри. Но никто из путников, шагавших по южной тропе, пока не ведал об этом.

На протяжении нескольких миль дорога, как и прежде, шла по ровной местности, петляя между огромными деревьями. Однако часа через два Иеро заметил некоторые изменения и поднял руку, останавливая колонну. Альдо, Гимп и Лучар подошли к нему.

— Значит, тебе это тоже бросилось в глаза,— сказал старик.— Что же ты думаешь по этому поводу?

— Мы идем вниз по очень протяженному, слегка опускающемуся участку — по речной долине, я полагаю. Деревья здесь такие же, но почва сильнее поросла мхом, лишайником и папоротником. Земля не сырая, но воздух стал более влажным... А что же заметил ты, Альдо?

— Здесь очень мало животных. В основном встречаются виды, обитающие на деревьях. Исчезли следы крупных зверей, нет ни помета, ни клочков шерсти — ничего. Кроме того, каким-то краешком сознания я чувствую еще что-то, очень смутное и неопределенное. Твой мозг, мой мальчик, во многих отношениях сильнее моего. Попытайся с толком использовать его. Но будь осторожен!

Иеро огляделся вокруг. Огромные стволы ограничивали видимость несколькими ярдами, сверху нависал непроницаемый шатер зеленых ветвей. Он прикрыл глаза и, опираясь на свое копье, начал зондировать ментальное поле джунглей.

Он коснулся сознаний множества малых существ: птиц высоко над ними, ящериц, карабкающихся по ветвям, змей и жаб у корней деревьев. Все шире и

шире раскидывал он ментальную сеть в поисках следов разума и вскоре с уверенностью мог сказать, что на многие мили вокруг не было сознания, с которым он мог бы вступить в контакт. Он начал стягивать свою сеть, методично обыскивая ближайшие окрестности в поисках соглядатая или врага.

Внезапно священник вздрогнул. Он не обнаружил следов разумной мысли или, по крайней мере, мысли, порождаемой сознанием человека, лемута, разумного животного, подобного Горму или Народу Плотины, но почувствовал каждым нервом, каждой клеточкой тренированного мозга, что за ними кто-то следит, и этот кто-то близко! Перед его мысленным взором начало медленно всплывать чье-то лицо.

Лицо женщины! Удлиненное, с округлым подбородком и изящными ушками, почти скрытыми под шапкой волос, оно казалось прелестным. Но волосы! «Если только это действительно волосы!» — изумленно подумал священник. Плотные, покрывающие голову подобно шлему, они выглядели очень похожими на перья. Эти странные волосы слегка трепетали и как бы жили своей собственной, отдельной жизнью. И глаза! Миндалевидные, слегка раскосые, с вертикально поставленными зрачками, они сияли опалесцирующим зеленым светом. У человека не могло быть таких глаз! Бледная гладкая кожа лица и странные волосы тоже отливали зеленым, словно окружающий лес набросил свою прозрачную изумрудную тень на это существо.

Итак, за ними наблюдали. Странное и прекрасное создание видело их, и хотя священник не мог установить ментального контакта с лесным призраком, он был уверен, что эти удивительные глаза следят за ним и за его спутниками. И он догадывался, что ему р а з р е ш е н о увидеть лицо женщины. Лишь только эта мысль шевельнулась в его голове, как изображение исчезло, словно лопнувший мыльный пузырь. Но все же наблюдение за ними не ослабло. Это он знал точно.

Иеро вернулся обратно, к тропе и своим спутникам, окружившим его тесным кольцом. Его широко раскрытые глаза встретили взгляд Альдо.

— Ты обнаружил что-то интересное,— взволнованно сказал старик,— я чувствую это.

— Что-то или, скорее, кого-то,— ответил священник.— Мы попали под бдительное наблюдение. Однако я не обнаружил разумной мысленной деятельности и не смог вступить в контакт с этим существом. Откровенно говоря, это очень странно... это меня беспокоит. Даже за ментальными щитами Нечистого можно нащупать ауру разума, хотя мысли, конечно, не различишь... Но здесь что-то иное...

Он принялся описывать свое видение и внезапно заметил сердитый блеск в глазах Лучар. Прервав рассказ, он нежно обнял ее за плечи и сказал:

— Глупышка, разве из-за того, что эта женщина так красива, можно ревновать? Я сказал, что она прелестна, но я очень сомневаюсь, человек ли это. Перестань сердиться и позволь мне продолжать дальше.

Его открытый взгляд встретился с черными глазами девушки. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, затем Лучар улыбнулась.

— Я даже не подозревала, что могу быть такой ревнивой,— сказала она.— Но что поделаешь! Мне не нравится, когда эта зеленая красотка, которую я не могу увидеть, пялит глаза на моего мужчину!

— Ты совершенно права! — воскликнул Альдо с легкой усмешкой.— Но сейчас нас интересует совсем другое, принцесса! Иеро, это странное создание одно? Или их несколько? Оно показалось опасным?

— Не могу сказать... Но чувствую, здесь действуют некие силы, которые я даже не могу уловить. Вот что меня тревожит...

— Но что же нам делать? Вернемся или рискнем идти дальше?

То немногое, что бравый капитан понял из рассказа Иеро, сильно обеспокоило его. Он привык смело смотреть в лицо любой реальной опасности, но боялся запутаться в невидимых ментальных сетях.

— *Может быть, Гимп прав, и нам дают приказ вернуться и выбрать другую тропу?* — послал мысленное сообщение Альдо. Очевидно, он не хотел тревожить своими сомнениями капитана.

— *Мы не можем вернуться*,— ответил медведь.— *Обратный путь охраняется. Мы должны идти только вперед.*

Он уселся посреди тропинки и, подняв нос, начал нюхать влажный воздух.

— *Слышишь ли ты тех, кто наблюдает за нами?* — спросил Иеро.— *Попытайся связаться с ними — или с ней — и выяснить, чего она хочет.*

— *Этого я не могу сделать. Но я знаю, что мы должны идти вперед. Мне трудно объяснить, как пришло это знание. Я знаю — и все.*

— *Что же мешает нам вернуться?* — снова спросил священник.

— *Слушай*,— пришел ответ.

С севера, донесся протяжный вопль. Птицы, щебетавшие над их головами, внезапно замолкли, и вопль слышался отчетливо, хотя шел очень издалека. Его трудно было описать. Лучар сказала, что звук напоминает ей жалобный стон, Иеро же он показался похожим на вой раненого волка. Но что бы это ни было, долетевший с большого расстояния крик мог принадлежать только животному внушительных размеров.

— *Это очень большой зверь*,— со знанием дела подтвердил Горм.— *И он стережет обратную дорогу по приказу тех, кто следит за нами. Мы должны идти вперед.*

Иеро посмотрел на брата Альдо; тот пожал плечами. Впервые с тех пор, как они встретились, священник подумал, что старик выглядит утомленным. И опять

метс с удивлением спросил себя, сколько же лет эливенеру?

— Дай людям команду двигаться, Гимп,— произнес он.— Скажи им, что сзади идет какой-то крупный зверь, пусть будут осторожны. Больше не говори ничего.

Колонна тронулась. Вскоре заросли зеленых, бурых и багровых мхов стали больше и почти скрыли поверхность земли. В промежутках между зарослями мха, доходившего до колен путников, возвышались огромные папоротники с перистыми листьями. Лес стал мрачным, мутный зеленый полумрак царил под кронами деревьев, придавая пейзажу сходство с морским дном. Иеро опять попытался зондировать окрестности, но не получил никаких новых сведений. Ему даже не удалось выяснить, что за зверь преследовал их; никакой ментальной активности не наблюдалось по крайней мере на десяток миль позади отряда. Однако тревога не оставляла священника; он не мог понять, чего ждет от них это странное создание с зеленоватой кожей.

— *Ее народу нужна твоя помощь*,— внезапно сообщил медведь.

— *Моя помощь? Почему?* — Иеро был изумлен.

— *Не знаю. Я пытаюсь говорить с ними, но понимаю плохо, очень неясно. Знаю только, что ты должен выполнить для них какую-то задачу. Иначе мы все не выйдем отсюда живыми.*

Невидимому лесному народу нужна его помощь! Это становилось все более странным. Но что произойдет, если он не сможет оказать ее? Неужели погибнет весь отряд? Иеро произнес про себя краткую молитву, перекрестился и крепче сжал древко копья, лежавшего на плече.

Дневной свет уже начал угасать, когда они достигли большой, заросшей мягким мхом поляны. Увидев то, что находилось на ней, люди застыли в изумлении, затем закричали и беспорядочной толпой ринулись вперед. Иеро, Гимп и одноглазый боцман пытались

удержать их, оттесняя к опушке, причем скорый на руку капитан не скупился на увесистые затрещины. Наконец дисциплину удалось восстановить, и священник получил возможность внимательно изучить открывшуюся его глазам картину.

В центре поляны стояли три низких, длинных деревянных стола, похоже, вырубленных из цельных стволов, во всяком случае, Иеро не заметил стыков и щелей между досками. На столах теснились большие глиняные блюда, тщательно прикрытые огромными листьями, очевидно, чтобы горячая пища не остыла. Между ними торчали две дюжины объемистых фляг, которые выглядели очень соблазнительно; их горлышки были заткнуты пробками из коры. После недельных скитаний в диком лесу, постоянной опасности и морских сухарей с полупрожаренным мясом, все это казалось волшебным миражом.

— Стойте, идиоты! — орал Гимп, размахивая кулаками.— Пища может быть отравлена! Вы что, хотите отправиться на тот свет, несчастные ублюдки?!

Испуганные люди сбились в кучу на опушке леса. Кивнув головой Альдо, который помогал восстановить порядок, Иеро двинулся к столам, чтобы осмотреть пищу. Медведь заковылял следом.

— *Тут безопасно, и вы можете есть все, что стоит на этих пнях. Вот что сказала мне, Иеро, Старейшая этого народа!*

Вдруг в сознании священника возник переданный медведем образ странного и прекрасного женского лица! Итак, она была вождем этого невидимого лесного племени!

Иеро откупорил флягу и вдохнул терпкий, пряный аромат, потом приподнял лист с блюда и заглянул туда. Наконец удовлетворенный, он повернулся к опушке и махнул рукой.

— В пище и в вине нет яда,— сказал священник подошедшему Альдо.— Я умею определять это. Здесь нет ничего вредного, и мой медведь подтверждает это.

Нам помогают, но кто? И почему? И что попросят от нас за это?

Альдо молча пожал плечами, опускаясь на мягкий мох. Его лицо было усталым.

Сначала люди, напуганные предостережениями Гимпа, подсели к столам с опаской, но когда Иеро отведал почти из каждого блюда, дали себе волю. Странная и непривычная пища оказалась восхитительной на вкус. Здесь не было мяса, вся еда была приготовлена из разнообразных плодов, свежих или тушеных с какими-то специями. И вино, вино из глиняных фляг! Благоуханное, вобравшее аромат лесных трав, оно показалось усталым людям божественным нектаром!

Наконец, насытившись, моряки повалились в мягкий мох, блаженно постанывая. К удивлению священника, ни один из них не был пьян. Это странное вино, видимо, только возбуждало и чуть кружило голову, но не опьяняло.

Темная ночь опустилась на лагерь, и люди спокойно уснули на ложе из мха и папоротников. Прислонившись боком к стволу дерева, дремал Клуц; старый эливенер лежал на спине, его грудь мерно подымалась и опускалась в ровном дыхании; рядом, свернувшись в пушистый шар, похрапывал медведь. Два моряка, охранявших лагерь, сидели вместе с Лучар у костра. Иеро, опираясь на копье, стоял за спиной девушки.

Это была спокойная ночь. Замолкли птицы, ни звука, ни шороха не доносилось из чащи. Казалось, очарованная тишина опустилась над вечным лесом. Ночная мгла окутала гигантские деревья, их ветви и необъятные стволы, цветы, травы и мхи, и только слабый огонек костра мерцал на поляне. Блики красноватого света играли на лицах спящих людей, на гладкой эбеновой коже Лучар, на отливавшем серебром металле оружия.

Внезапно Иеро почувствовал, что его ноги ослабли. Он рухнул на землю, изумленно повторяя про себя: «Но в пище ведь не было яда!» Его гаснущий взгляд

еще успел уловить, как оба матроса медленно повалились в мох, и Лучар, коротко вздохнув, вытянулась рядом с ним. Затем сознание метса заволокло туманом. Туман густел, превращаясь в непроницаемую мглу, и Иеро падал в эту темную, безграничную и зловещую тучу годы, века, тысячелетия... Что-то скрывалось там, таинственное и неощутимое, злое, доброе или безразличное — этого он не знал.

Затем туман рассеялся. Он открыл глаза и увидел ту, кого Горм назвал «Старейшей» лесного народа, странную женщину, которая следила за ними на долгом пути через лес и наконец захватила в плен весь отряд.

Священник лежал в камере с округлыми стенами, похожей на высокий цилиндр; она как будто плавно раскачивалась, словно колеблемый ветром тростник. Иеро приподнялся в постели, затем спустил ноги на пол, оглядывая необычную комнату. Перед ним в резном деревянном кресле сидела женщина с изумрудными глазами и пристально рассматривала его. Она была совершенно обнажена, только узкий поясок с металлическим блеском охватывал тонкую талию да ожерелье из сверкающих камней спускалось на маленькие твердые груди. Ее нежная белая кожа чуть-чуть отливала зеленью, высокая прическа из похожих на перья волос покачивалась на голове в такт колебаниям этой странной кельи.

«Дриада»,— подумал он, вспомнив древние легенды минувшей эры. Она действительно была очень красива, эта сказочная королева леса, и, как любой мужчина, Иеро мог вполне оценить ее внешность. Однако что-то чуждое, инородное чувствовалось в ней, и это сначала отталкивало священника. Было трудно — почти невозможно! — признать, что подобное создание тоже принадлежит к роду человеческому; казалось, ее прелестное лицо и точеное тело — маска, скрывающая какое-то таинственное отличие от прочих людей Земли. В его затуманенном сознании мелькнула мысль, что эта

лесная нимфа лишь притворяется человеком, подобно дереву или цветку, которые под воздействием чар вдруг приняли облик оленя или кошки.

Теперь он заметил, что в дальнем конце комнаты расположена дверь или узкое окно, плотно закрытое деревянным ставнем. Пламя толстых желтоватых свечей, закрепленных на стенах в изящных подсвечниках, озаряло комнату, распространяя нежный цветочный аромат. Кроме кресла и низкой кровати, на которой он сидел, здесь находился небольшой стол, заставленный резными деревянными кубками и кувшинами. И эта келья действительно раскачивалась! Внезапно Иеро понял, что странная обитель находится не на земле; сознание его обрело ясность, как будто пробужденное вибрацией деревянного пола. В следующий миг он уловил чью-то мысль, чуждую и неясную. Дриада пыталась заговорить с ним.

— *Мы (находимся) на деревьях, высоко, высоко (над землей). Я (могу) понимать, что ты думаешь, но трудно/невозможно говорить так. Мы не умеем/не можем (беседовать/рассказывать) мыслями.*

Ее ментальные сигналы были бесконечно медленными и, заглянув в зеленые раскосые глаза, Иеро понял, что такой способ общения вызывал у нее почти физическую боль.

— *Как же вы тогда говорите? И кто вы такие?* — спросил он мысленно.

Его голова была ясной, вызванная вином сонливость полностью прошла. Он заметил, что его тяжелый меч по-прежнему висит на ремне, а правая ладонь нащупала рукоятку заткнутого за пояс кинжала. Эти странные создания даже на разоружили его! Последние остатки страха покинули священника; осталось только безмерное, всепоглощающее изумление.

Нежные губы женщины приоткрылись и звонкая птичья трель сорвалась с них. Поток обрушившихся на него звуков походил на журчание ручья и звенящие удары дождевых капель о камни. Теперь он понял,

откуда доносилось птичье пение, непрекращающаяся лесная музыка, которая преследовала их отряд весь предыдущий день. Он уловил в ее щебетанье одно слово и попытался повторить его.

— Вайлэ-ри,— мягко выговорил он, растягивая звуки.

Она наклонила голову и несколько раз пропела «Вайлэ-ри, Вайлэ-ри», прижимая к груди руки. Он попытался имитировать эти звуки, затем медленно и осторожно передал ей:

— Вайлэ-ри, я не могу говорить на языке твоего народа. Боюсь, я даже не в состоянии правильно произнести твое имя. Пойми, мы можем только обмениваться мыслями. Думай о том, что ты хочешь сказать мне, и не торопись.

Они еще внимательно разглядывали друг друга, когда внезапно Иеро обожгла мысль о Лучар и его спутниках. Что он делает тут, пытаясь, будто умалишенный, говорить на этом птичьем языке, когда его любимая и друзья лежат одурманенные и беспомощные Бог знает как далеко отсюда! И главное — живы ли они?

Холодное выражение исчезло с лица Вайлэ-ри, ее рот приоткрылся, явно от огорчения. Поток серебристых звуков снова слетел с ее губ, она пыталась сказать ему что-то. Поняв, что это бесполезно, она замолчала, прикрыла рукой глаза, и он ощутил ее мысли.

— Ты не должен бояться! Мы не причиняем зла другим (живущим в лесу, на Земле). Смотри (в мой мозг), я покажу.

Ментальная связь между ними становилась все более устойчивой — так же, как в начале общения с Гормом. Поток образов, сцен, зрительных картин хлынул в сознание Иеро. Он увидел лагерь на поляне, где его сморил необоримый сон. Но теперь стоянку окружала высокая изгородь из колючего кустарника, вокруг которой маячили тонкие белые фигурки, похожие на Вайлэ-ри. Священник заметил, что там были только женщины; невольно мелькнула мысль: «Боже, помоги

им, когда шайка Гимпа проснется!» Лучар, брат Альдо и медведь лежали отдельно на пышной подстилке из листьев. В углу загородки, опустив отягощенную рогами голову, дремал большой лорс. Спокойствие Клуца окончательно убедило метса, что его спутникам не грозит опасность.

— *Нам нужна помощь, моему народу и мне,*— передала женщина.

Она придвинула свое кресло ближе, ее золотистые зрачки расширились, мерцающие зеленые глаза были в нескольких дюймах от лица Иеро. Он почувствовал тонкий запах — цветов? листьев? меда? — во всяком случае, то был запах живого существа, женщины, и окружающего ее мира. Ощущение инородности этого создания постепенно таяло, исчезало; он понял, как беззащитна сидевшая перед ним нимфа... И как она желанна ему...

— *Чего ты хочешь?* — мысль священника была резкой, отрывистой; он пытался разбить чары, исходившие от нее.

Она пристально взглянула на него, затем грациозно поднялась на ноги и, покачивая округлыми бедрами, направилась к окну в дальнем конце комнаты.

— *Иди сюда, я покажу тебе.*

Она распахнула окно, и в комнату хлынул поток солнечного света. Иеро поднялся и, осторожно ступая по волнообразно колебавшемуся полу, подошел к женщине.

Они находились высоко над землей. Вероятно, это дерево было одним из самых высоких в великом лесу; ниже их на мили и мили простиралось зеленое море ветвей и листьев. Большей частью комната утопала в древесном стволе, но стена, у которой они стояли, сильно выдавалась наружу подобно огромному наросту на коре. Способ, которым этого добились, оставался для Иеро совершенно непонятным. Он подумал, что комната выращена внутри дерева и стала как бы его

естественным придатком, не мешающим жизни и развитию лесного гиганта.

Вайлэ-ри, однако, не дала ему времени на размышления над этим интересным вопросом. Требовательно коснувшись плеча Иеро, она протянула руку на восток, указывая на что-то, находившееся у самого горизонта. Он поднял глаза и там, за кронами лесных великанов, увидел ее врага.

За лесным массивом лежала обширная пустошь, покрытая песком и скалами, вершины которых сверкали под ярким утренним солнцем. Но между пустыней и краем леса находилось что-то еще, нечто отвратительное и вселяющее страх.

Это огромное безобразное пятно, в котором смешались розовато-лиловый, маслянисто-коричневый и грязно-желтый цвета, словно чудовищная опухоль, разъедало границу страны зеленых деревьев. Машинально Иеро опустил руку в сумку на поясе и достал подзорную трубу. То, что он увидел с ее помощью, заставило священника непроизвольно вздрогнуть. Действительно, это была печальная и страшная картина.

Огромные шарообразные клубни с ноздреватой структурой устилали землю; рядом возносились в небо нелепые образования, похожие на поганки на тонких ножках с широкими шляпками. Все было покрыто неприятной зеленоватой плесенью, под которой угадывались гигантские исковерканные стволы. Деревья, где паразитировала эта странная жизнь, по-видимому, погибли, и их останки служили опорой для отвратительных плесневидных наростов. Увиденное не оставляло места для домыслов: южную часть джунглей поразила какая-то болезнь, чудовищное бедствие, распространяющееся, словно раковая опухоль. Внезапно один из клубней, попавших в поле зрения Иеро, словно взорвался; миллионы крошечных спор, похожих на облако дыма, вылетели из него и рассеялись на сотни ярдов вокруг.

Священник медленно опустил трубу и повернулся к стоявшей рядом женщине. Его лицо было мрачным.

— Что я могу сделать с этим? Лес болен... Естественный процесс, в котором нет чьей-нибудь злой воли. Наверно, эту болезнь можно излечить. Вряд ли вся эта мерзость устоит против огня...

— Смотри еще, — пришел ментальный сигнал.— *Смотри и попытайся обнаружить что-нибудь движущееся.*

Он начал методично просматривать весь пораженный бедствием район, пока какое-то странное движение не привлекло его внимания. Иеро навел трубу на резкость — и замер, пораженный.

На голом клочке земли между лесом и большими, покрытыми плесенью деревьями струилось чудовище, казавшееся глыбой ожившей липкой слизи. Оно, по-видимому, не имело конечностей и головы, но над рыхлой спиной колебалось множество длинных гибких щупальцев. На концах этих отвратительных отростков вспыхивали оранжевые искры. Стремительные движения этой твари были целенаправленными и свидетельствовали об определенном интеллекте. Иеро наблюдал за жутким созданием несколько минут. Внезапно оно остановилось, и все его щупальца-псевдоподии завибрировали. Тварь резко развернулась и потекла по земле к зарослям кустарника на границе живого леса. Из кустов выскочило животное, похожее на огромного короткоухого кролика, и резво помчалось вдоль опушки, однако далеко убежать не смогло. Стремительно вытянувшееся щупальце как бы мимоходом коснулось тела животного, вспыхнуло оранжевое пламя, кролик конвульсивно дернулся и упал мертвый, будто пораженный молнией. Слизистая тварь неторопливо двинулась вперед и накрыла собой неподвижное тело. Спустя минуту она потекла дальше. Там, где лежал кролик, не осталось ничего, даже травы, только голая песчаная почва поблескивала на солнце.

Священник снова опустил трубу и взглянул на Вайлэ-ри.

— *Там много таких... таких существ?* — мысленно спросил он, передавая зрительный образ слизистого монстра.

— *Да,*— пришел ответ.— *Этот — злобный — только один из многих ужасных созданий Дома, его орудие, его помощник.*

Сознание Иеро восприняло картину странного объекта, подобного гигантскому улью или осиному гнезду, слепленному из коричневатой мягкой протоплазмы. Объект не имел четких очертаний; его стены казались сложенными из четырехугольных ячеек, немного различающихся по форме и размерам. Но он явно был живым! Поверхность его волнообразно колебалась, и какие-то процессы, которые при желании можно было бы назвать жизнью или ее подобием, протекали в этой чудовищной аморфной глыбе.

Слизистая тварь, которую видел Иеро, была мерзкой, однако она, по крайней мере, отвечала основным законам естественного развития. Но породивший ее Дом выглядел еще отвратительней и ужасней. Такое не могло появиться в результате нормальной эволюции животного мира планеты. Ничего подобного Иеро не сумел бы вообразить в самом кошмарном сне.

И лишь теперь он вспомнил последнее гадание на далеком северном берегу моря и горстку крошечных резных фигурок, зажатых в его руке. Там был Дом! И Вайлэ-ри тоже назвала это протоплазменное чудовище Домом! Он еще раз вгляделся в чудовищный образ, переданный ему сознанием зеленоглазой дриады, и пожал плечами.

ГЛАВА 11

Дом и деревья

Верни мою девушку, старика с бородой и медведя! Они нужны мне! Сейчас, немедленно!

Эти сложные препирательства и споры длились уже больше часа. Иеро успел узнать многое о предстоящем деле, однако не был уверен, что сумеет справиться с Домом. Как минимум, надо было посоветоваться со своими спутниками, но этого Вайлэ-ри не могла или, вернее, не хотела понять.

Он выяснил, что Дом находится в центре обширной территории, охваченной болезнью (если только это была болезнь), уничтожающей все живое. Дом, вероятно, был порождением древней радиоактивной пустыни. Он возник некоторое время назад — как давно, из рассказа Вайлэ-ри было неясно,— и начал методично уничтожать лес и его обитателей. Казалось, Дом и порожденные им твари неуязвимы; ничто не могло нанести им ущерба, кроме огня. Шарообразные клубни выпускали облака спор, оседавших на стволах огромных деревьев, и заживо гноили их. Плесень и стремительно растущие поганки довершали уничтожение лесных исполинов. Слизистые чудища со множеством щупальцев пожирали животных и уничтожали мелкие растения, кусты и траву. На любую попытку организованного сопротивления Дом отвечал ударами, ментальными или физическими — неясно, во всяком случае, этой невидимой энергии лесные дриады не могли противостоять. Соплеменницы Вайлэ-ри не были воинственным народом, не имели другого оружия, кроме копий и небольших луков и оказались беззащитными перед этим планомерным уничтожением любой органической жизни. Кроме того, Дом каким-то образом обнаруживал их в окрестностях пораженной зоны и парализовывал на

время, пока слизистые твари не добирались до беспомощных женщин.

Все эти сведения Иеро извлек из отрывистого, почти бессвязного мысленного рассказа зеленоглазой нимфы. Кое-что, однако, оставалось неясным, и он спросил:

— Что за огромный зверь охранял по твоему приказу дорогу, по которой мы пришли сюда? Можно ли использовать это животное в борьбе с Домом?

Он уже заметил, что Вайлэ-ри никогда не улыбается (смех, видимо, неизвестен ее народу), однако сейчас ощутил в ее сознании нечто похожее на юмор. Ему было передано изображение белокожей женщины, вращающей над головой на длинной веревке какое-то деревянное приспособление. Ничего подобного он не видел уже долгие годы, со времен своего детства, когда сам в компании мальчишек-сорванцов развлекался такими игрушками. Трещотка! И ее громкий вибрирующий звук на расстоянии действительно можно принять за рев жуткого чудовища!

— Твоему спутнику, которого ты называешь медведем, мысленно передали изображение страшного чудовища. И он посоветовал тебе продолжать путь. Если бы такое животное существовало, мы сами оказались бы беспомощными против него!

Иеро горько усмехнулся. Он привел свой отряд в западню! И пленили их женщины, с помощью нехитрого обмана и сонного зелья. Но, по-видимому, у него не было другого выхода. Насколько он помнил карту, значительная часть интересующего его района находилась под властью Дома. Именно здесь, на краю пустыни, лежал древний город — цель его странствий. Это соображение успокоило священника, настроив на более философский лад. Очевидно, схватка с Домом неизбежна в любом случае. Теперь же у него, по крайней мере, были сведения о том, что его ожидало. Кроме того, помощью народа Вайлэ-ри также не следовало пренебрегать.

Белая рука дриады легла на его плечо, и он очнулся от своих мыслей.

— *Ты атакуешь Дом с помощью своей мысли, которая так сильна. Ты отвлечешь его. Мы пустим огненные стрелы и попытаемся сжечь плесень и чудовищных слуг Дома.*— Она сделала паузу и решительно продолжила: — *Мы подожжем там все, что может гореть!*

Иеро снова посмотрел на восток, туда, где живые краски джунглей сменялись отвратительной пустыней. Что ж, план лесной королевы давал некоторую надежду на успех, если... если удастся противостоять этой глыбе одушевленной слизи. Он повернул голову и заглянул в бездонные и непроницаемые зеленые глаза.

— *Что будет с нами, если мы поможем твоему народу?* — послал он вопрос.— *Дашь ли ты нам уйти, пропустишь ли через свои владения на обратной дороге?*

Несколько секунд она не давала ответа.

— *Ты... ты хочешь уйти так скоро?*

Что-то грустное и растерянное было в ее вопросе, что-то похожее на обиду ребенка, который не может понять, почему взрослые оставляют его дома одного.

Священник холодно посмотрел на женщину. Пожалуй, ему не приходилось видеть более красивого создания. Стройное нежное тело, скульптурное лицо, изумрудные глаза — все в ней было очаровательным. Но чем больше он ее узнавал, тем более странной она казалась. И ее прелестный облик, и необычное поведение выглядели все менее и менее человеческими. Кем была Вайлэ-ри или, вернее, чем?

— *Где ваши мужчины?* — резко спросил он, пытаясь одновременно зондировать ее сознание.— *Почему они не сражаются за вас, своих жен, сестер и матерей? Почему они не пытаются уничтожить Дом? Они боятся?*

Внезапно он ощутил смущение и тревогу, вызванную его вопросами. И почти сразу же ее мозг стал

непроницаемым, как будто его оградил глухой барьер. Иеро не мог проникнуть в ее сознание, если она этого не хотела, тем более, не мог направлять и контролировать ее мысли. Как ей удавалось это? Был ли это случайный дар природы или свидетельство того, что его обладательница не принадлежит к человеческой расе?

Они пристально смотрели друг на друга — мужчина, человек, и существо другой расы, почти женщина. Эволюция сделала их разумными, но она же доказала, что носителями разума могут быть не только люди; животные и лемуты тоже по-своему разумны. Какие мысли бродили в голове этого создания? Чего она хотела, к чему стремилась? Во всяком случае, она уступила первой. Густые ресницы прикрыли густую зелень глаз, и священник внезапно ощутил ее ответ.

— Наши мужчины находятся не здесь. Они так далеко, что не могут защитить нас. Поэтому я была беспомощна (в отчаянии), пока ты не пришел. Когда ты будешь сражаться с Домом?

Иеро прислонился к стене. Он находился в замешательстве. Странное отсутствие мужчин беспокоило его, и было ясно, что Вайлэ-ри не намерена объяснять что-либо подробнее. Наконец он передал:

— Слушай внимательно и постарайся понять. Я не стану делать ничего, пока ты не разбудишь старика, девушку и медведя. Мне нужны совет и помощь, которую твой народ не может мне дать. И я не желаю больше спорить с тобой. Приведи троих, которых я назвал, или отведи меня к ним, и мы попытаемся помочь тебе. Все остальные наши спутники должны находиться в безопасности, пока мы не покончим с этим делом.

Она обдумывала его слова. Ее прелестное лицо стало сердитым, и священник воспринял гневный ответ:

— Я могу приказать — и все твои спящие спутники будут убиты! Я могу убить и тебя вместе с ними! Почему бы нет?

— *Не сомневаюсь, что можешь, хотя это не так просто сделать. Но твоему народу нужна наша помощь, поэтому, надеюсь, ты не сделаешь такой глупости.*

Их глаза снова встретились, и в этих изумрудных глубинах он заметил нечто поразившее его: она сердилась, и это было похоже на гнев женщины, ревнивый гнев, он готов был поклясться в этом! Но дриада быстро овладела собой. Очевидно, приняла решение.

— *Я согласна,*— прозвучал в сознании священника ее голос.— *Жди здесь. Твоим спутникам дадут другое питье, и они проснутся. Я прикажу сделать это.*

Она шагнула в окно, у которого они стояли, и пошла по ветке дерева. Сердце Иеро захолонуло, но движения дриады были стремительными и уверенными. Она скользила среди ветвей, листьев и цветов с быстротой, которая показалась ему невероятной. Вскоре она исчезла за непроницаемой завесой листвы, но внезапно раздавшийся хор серебристых звенящих голосов доказывал, что лесная королева выполняет свое обещание. Голоса доносились со всех сторон, хотя священник не видел ни одной женщины. Он понял, что сонм невидимых дриад окружал и стерег это лесное убежище.

Часом позже Иеро медленно спустился с гигантского дерева. К его досаде, ему помогали две юные девушки, и вряд ли он смог бы обойтись без их поддержки. Он прижал к груди растерянную Лучар, успокаивая ее, пока Горм, сонно моргая, обнюхивал землю, а брат Альдо улыбался нагим и стройным нимфам, стоявшим вокруг с непроницаемыми лицами и с копьями в руках. Старый эливенер был в восторге. По сравнению с их миссией открытие неизвестного лесного народа казалось ему куда более важным.

— Великолепно, Иеро, просто великолепно! — руки старика описали полукруг, как бы обнимая поляну и толпившихся на ней женщин.— Радиоактивная Смерть

породила целую новую расу этих очаровательных созданий! Очевидно, они прожили тут очень долго, если смогли так прекрасно адаптироваться к существованию на деревьях! Вайлэ-ри, милая, ты должна рассказать мне о своем народе, когда мы станем лучше понимать друг друга.

— Почему они все так смотрят на меня, особенно вот эта? — шепнула Лучар, пряча смущенное лицо на груди Иеро. Она имела ввиду Вайлэ-ри, которая разглядывала девушку с нескрываемым интересом.

— *Передай своей женщине, что я хочу говорить с ней наедине,*— неожиданно прозвучала в сознании Иеро мысль дриады. Прежде чем священник успел ответить, она добавила: — *Ей не причинят вреда, не бойся. Но нам необходимо говорить с ней, это очень важно!*

— Она хочет говорить с тобой о чем-то важном,— негромко сообщил Иеро прильнувшей к нему девушке.— Ты сможешь вступить в мысленный контакт с этим странным созданием?

— Попытаюсь,— медленно сказала Лучар.

Что-то шевельнулось в ее душе, похожее на чувство жалости к этой женщине, прекрасной и необычной, но вряд ли счастливой. Выскользнув из объятий своего любимого, девушка направилась за Вайлэ-ри, уходившей в лес. Священник с беспокойством следил за ней.

— Как ты думаешь, что это значит? — повернулся он к Альдо, когда гибкие фигурки, белая и смуглая, скрылись за деревьями.— Мне кажется, Вайлэ-ри хочет внести ясность в некоторые вопросы. Но если она попытается причинить вред Лучар, то, клянусь Богом, я...

— Спокойно, мой мальчик, спокойно.— Старик положил руку на его плечо.— Я не могу прочитать ее мысли, но чьи бы то ни было намерения можно понять по другим признакам — выражению лица, глаз, напряжению мускулов. Я уверен, эта странная женщина не собирается нас обманывать. Очевидно, ее народу ложь вообще неизвестна.

— Пожалуй, ты прав,— задумчиво проговорил священник.— Но мне кажется, у Вайлэ-ри какое-то особое, чисто женское дело. Она хочет больше узнать о нас и, вероятно, решила, что от глупых мужчин нельзя добиться того, что ей нужно.

К облегчению Иеро, обе женщины вскоре вернулись. Лучар улыбалась, но почему-то старательно избегала взгляда своего возлюбленного. Вайлэ-ри не удостоила священника вниманием, но, как ему показалось, выглядела довольной.

— О, она просто хотела поговорить со мной. Я думаю, в этих краях никогда не видели женщины с темной кожей,— уклончиво ответила Лучар на безмолвный вопрос Иеро. Потом, положив ладонь на его плечо, добавила: — Она хорошая. Просто бедняжка обитает в этом огромном лесу и никогда не видела другой живой души, кроме своих девушек.

Лучар явно что-то недоговаривала. Впрочем, что бы ни случилось между ней и лесной королевой, ее это не напугало, подумал Иеро.

Дриада пропела короткий приказ, ее подданные вынесли блюда с едой и поставили их на стол. Затем Вайлэ-ри подошла к путешественникам и сделала широкий приглашающий жест. Озадаченный Иеро заметил, что она ласково погладила руку Лучар. Эти женщины! Кто знает, о чем они думают!

После завтрака, состоявшего из тушеных с пряностями овощей и фруктов, они двинулись в путь. Иеро и его спутники шли прямо через лес; если здесь и была какая-либо тропа, то разглядеть ее могли только глаза сопровождавших путников женщин. Это странное племя поражало Иеро, опытного лесного рейнджера. Подобно прелестным бледным теням, дриады скользили среди зарослей кустарника, не тронув ни листика и производя шума не больше, чем пробегающая в траве мышь.

Дважды путники останавливались для краткого отдыха. К полудню лес поредел, огромные деревья постепенно уступили место кустарнику, мхам и папо-

ротнику. Впереди ощущалось огромное, светлое и открытое пространство. Люди поняли, что приближаются к границе пустыни.

Горм, ковылявший рядом с Иеро, внезапно остановился, сел и стал нюхать воздух.

— *Плохой запах*,— пришла его мысль.— *Что-то долго умирает там и никак не может умереть.*

«Долго умирает и не может умереть!» Метс глубоко вдохнул сырой воздух. Слабым запахом разложения и смерти повеяло на него. Просочившись сквозь зеленую стену леса, пришли миазмы гибнущей жизни, медленно гниющей и угасающей под покровом плесени. Запах Дома!

— *Мы не можем подойти слишком близко*,— бесстрастно сообщила Вайлэ-ри.— *Иначе рискуем потерять многих. Дом как-то обнаруживает нас и держит неподвижными. Потом приходят слизистые твари, которых ты видел, и уничтожают наших людей.*

Священник собирался привести в исполнение план, разработанный вместе с Альдо. Он осторожно двинулся вперед, разыскивая любые проявления жизни. Медведь шел рядом, и Иеро ощущал, что его лохматый спутник тоже методично обшаривает окружающее пространство. Было заранее согласовано, что порядок их продвижения останется именно таким. Брат Альдо и Лучар, находившиеся позади вместе с отрядом лучниц Вайлэ-ри, служили своеобразными ретрансляторами ментальных сообщений передовой группы. Они были готовы принять сигналы Иеро или Горма и помочь им, если это будет необходимо.

Около мили человек и медведь медленно пробирались сквозь чахлые заросли, сменившие большие деревья. Наконец Иеро остановился, осматривая с близкого расстояния останки рухнувших лесных гигантов, почти полностью скрытых под ковром зеленоватой плесени. Здесь не было никаких животных, ни больших, ни малых, только летали огромные мухи. Тела

этих отвратительных тварей вспыхивали металлическим синеватым блеском, когда они проносились над поверженными деревьями. Иеро машинально смахнул одну из них, пролетевшую около его лица, и поразился размерам насекомого, достигавшего почти трех дюймов в длину.

Он все еще ничего не мог обнаружить. Что бы ни скрывалось там, за этими зловонными кучами гнили и плесени, оно пока никак не проявляло себя. Человек и медведь снова двинулись вперед, их ментальные поля перекрывались, разбегаясь все шире и шире, подобно волнам на спокойной водной глади.

Вскоре огромное пустынное пространство открылось глазам священника. Здесь уже не было живых кустов и подлеска, только редкие гниющие стволы деревьев и тучи огромных мух, которые носились над ними. Одуряющий запах плесени бил в ноздри, жаркое полуденное солнце пекло плечи и голову; ни звука, ни движения вокруг, кроме мерного жужжания. Они снова замерли, настороженные, готовые к схватке с неведомым врагом.

И тогда Дом нанес удар!

Основная тяжесть досталась человеку. Никогда раньше Иеро не ощущал ничего подобного. Ужасный холод вдруг сковал тело, парализуя волю, туманом окутал сознание. Он выстроил мощный ментальный барьер, охранявший его разум, но ментальное лезвие Дома проникло через внешние слои защиты так, будто их совсем не было. Впрочем, священник еще не потерял контроль над своим мозгом. Он мог видеть и слышать, но не мог шевельнуть хотя бы пальцем. Он чувствовал, что рядом с ним замер Горм, застывший, замороженный и такой же беспомощный, как и он сам.

Одновременно с атакой в сознание человека хлынула информация об атакующем, наполнившая ужасом душу. Адепты Нечистого — погрязшие во зле чудовища, но они люди. Мерзкие твари, лемуты, помогающие им, обладали разумом и телами, которые имели много

общего с человеческими. Но Дом был созданием иной природы. Вскоре после Смерти под влиянием радиоактивного облучения возник странный симбиоз мицеллиевых спор с микроскопическими амебами, и в этой чудовищной смеси зародилось какое-то подобие разума. В результате тысячелетнего развития возникло странное существо, чуждое всей природе планеты. Подобно Обитающему в Тумане, Дом был воплощением Зла, живым олицетворением созданной руками древних Смерти.

Иеро напрягся, пытаясь вернуть свободу своим членам. Одновременно он попробовал связаться с братом Альдо и Лучар. Ничего! Он не мог двигаться и, казалось, был заключен в некий ментальный кокон, полностью блокировавший связи с внешним миром. Мысленный контакт с Гормом также прервался с началом атаки.

Внезапно в пятидесяти ярдах от него воздух дрогнул и помутнел. Смутные очертания чудовищного существа становились все яснее, как будто Дом стремительно воздвигал самого себя на этой голой земле. Иеро не сомневался, что перед ним только фантом, иллюзия. Физически Дом пребывал не здесь — скорее всего, он таился где-то в глубине этого покрытого плесенью отвратительного мира. Но был ли его мир в самом деле так мерзок? По мере того как смутные контуры чудовищного улья обретали четкость, новая мысль вкрадчиво скользнула в сознание священника. Дом действительно был чуждым, отличным от всей биосферы планеты. Но разве это достаточное основание для того, чтобы предать его огню? Разве он тоже не имел права на жизнь?

Это коварное послание — а он не сомневался, что ему передано послание,— змеей просочилось в мозг. Первый ментальный удар Дома не смог пробить внутренней защиты Иеро, и монстр быстро сменил тактику, пытаясь завлечь человека в ловушку. Но это ему не удалось.

Пока чары странного создания боролись со здравым смыслом человека, Иеро понял: Дом настолько чужд, что не имеет права на существование на этой планете. И еще одно: Дом не был единой сущностью, он объединял разумы множества существ, роящихся, подобно личинкам, в некой желеобразной субстанции. Эти существа, если их можно так назвать, были частями возвышавшейся перед ними твари, в какой-то степени сохранявшими свою индивидуальность и в то же время образовывавшими единый чудовищный разум.

И его приглашали присоединиться к этому разумному улью! Он тоже мог участвовать в их работе, великой работе по очистке поверхности планеты от всего живого. Только Дом должен оставаться тут, окруженный волнами плесени и слизистыми тварями, которые были его орудиями и одновременно несли его семя.

Коричневая маслянистая поверхность Дома дрогнула, по ней побежали волны, постепенно трансформировавшиеся в нечто более определенное. Перед Иеро, охваченным ужасом, начали вырисовываться гротескные лица, злобно смотревшие на него, которые через мгновение исчезли в колеблющейся массе, чтобы смениться другими, еще более чудовищными. И они звали, приглашали его к себе! «Приходи! — казалось, говорили они,— Оставь свою смертную оболочку, соединись с нами, стань одним из нас и живи вечно!»

Хотя такая перспектива вряд ли могла соблазнить священника, он по-прежнему не был способен к активным действиям. И в этот миг пришла помощь. Медведь!

Его мысли каким-то образом просочились через ментальный кокон, окружавший метса. Послание Горма было подобно струе холодного воздуха, дохнувшей на пылающий мозг человека.

— Я здесь. Полагаю, оно не считает меня разумным. Я сделал так, чтобы казаться существом без мыслей, только с инстинктами. Оно лишь держит

меня, но не пытается захватить мой разум. Я чувствую, оно боится тебя и удивляется твоей силе.

Ментальный голос медведя был полон гнева, коварства и предостережения. Иеро понял, что не нужно подталкивать Горма к каким-либо поспешным действиям, лучше подождать, как будут развиваться события.

— *Они — или, вернее, оно — становится нетерпеливым,*— пришло новое сообщение.— *Много странных разумов, но они действуют вместе, подобно муравейнику или пчелиному рою.*— После краткой паузы медведь продолжил: — *Оно не желает больше ждать. Ему надоело твое сопротивление. Оно вызывает кого-то извне.*

Холодный разум медведя был спокоен, как будто все происходящее не имело к нему никакого отношения. Несколько мгновений священник обдумывал ситуацию. Наконец он обратился к медведю:

— *Ты можешь передать сообщение Альдо? Скажи ему, что настало время использовать оружие. Я постараюсь сосредоточить внимание этого существа на себе. Действуй быстрее!*

Он почувствовал, как Горм словно бы отсоединился от него. Затем Иеро возобновил борьбу со своим чудовищным противником, пытаясь вернуть власть над телом. Внезапно Дом прекратил соблазнять его возможностью союза и вечной жизни. Священник ощутил, что монстр ждет чего-то, вспомнил об отвратительной слизистой твари и содрогнулся. Одновременно метс понял, что Горм прав: Дом боялся его или, как минимум, проявлял осторожность. Очевидно, он сильно отличался от тех людей, с которыми Дом когда-либо имел дело.

Мышцы по-прежнему не повиновались ему. Сможет ли Горм связаться со старым эливенером? Через несколько минут все станет известно.

Почва под его ногами дрогнула. Легкая, почти неощутимая вибрация подсказала обостренным чувст-

вам — приближается нечто. Нетрудно было догадаться, кто или что спешило на вызов Дома; слизистая тварь чувствовала добычу. Глаза Иеро были прикованы к Дому, он не мог отвести взгляд и посмотреть по сторонам. Внезапно перед его лицом появилось облако огромных синеватых мух. Он понял, что эти насекомые — зрительные рецепторы Дома, который хочет наблюдать его агонию со всеми подробностями.

Неожиданно гигантский улей — или, вернее, находившийся перед ним мираж — исчез. На его месте показалась мягкая бесформенная масса слизистого чудовища, и священник знал, что это не очередной фантом. Беспомощный и застывший, словно глыба льда, он с ужасом смотрел на приближавшуюся смерть.

Эта тварь оказалась значительно больше, чем он представлял себе. Мягкая, напоминающая амебу масса вздымалась выше его головы; торчавшие из нее щупальца были в четыре раза длиннее человеческого тела. Чудовище на миг замерло, потом снова двинулось вперед, но более медленно. Его щупальца вытянулись по направлению к человеку, их концы озарили вспышки оранжевых искр. Теперь монстр возвышался прямо перед священником, закрывая горизонт. Метс сотворил краткую молитву, поручив себя Богу. Он судорожно, с мужеством отчаяния, пытался вырваться из ментальных тисков Дома, но тело по-прежнему не повиновалось ему.

Священник приготовился с достоинством встретить смерть, но ужас затопил его, когда мерзкая тварь нависла над головой.

Первая пылающая стрела поразила пульсирующую плоть монстра, вторая воткнулась в щупальце. Затем стрелы посыпались градом, и каждая несла клочок пылающей пакли из растительного волокна, пропитанного горючим маслом. Одно из наиболее древних изобретений человека, огненные стрелы, было использовано против ужасного создания, вызванного к жизни бесконтрольным развитием науки древних.

Дождь пылающих стрел, свистевших над головой, подсказал священнику, что Лучар и брат Альдо наконец привели на помощь отряды лесного племени.

Щупальца слизистого монстра поднялись, он бился в агонии, и Иеро подумал, что тварь может рухнуть прямо на него. В эту минуту ментальные путы внезапно исчезли. Дом, изумленный неожиданной яростной атакой, освободил своих пленников. Предусмотрительный Горм быстро развернулся и припустил к лесу; человек бежал за ним на плохо слушающихся ногах. За несколько секунд они достигли опушки джунглей и проскочили дальше.

Иеро вдруг очутился в объятиях Лучар, рука девушки крепко обхватила его плечи и шею. Слегка повернув голову, он увидел, как брат Альдо и Вайлэ-ри, слева и справа от него, направляли отряды лесных воительниц. Огненные стрелы продолжали сыпаться на занятую Домом территорию, в воздух подымались клубы дыма. Горм фыркнул, уселся на задние лапы и начал вылизывать шерсть.

Нежно обняв талию девушки, Иеро обернулся и посмотрел назад. Стена огня встала на краю пустыни. Пылали стволы поверженных деревьев, покрытые плесенью, несколько слизистых чудовищ корчилось в огне, черный дым поднимался над горящими шарообразными клубнями и гигантскими поганками. Яростное пламя выжигало порожденную Домом нечисть, оставляя за собой опаленную, очищенную от заразы землю. Однако священник заметил, что огонь приближается к опушке леса. Он с тревогой взглянул на Вайлэ-ри.

— *Будьте осторожны. Пламя может перебросится на лес.*

— *Лучше сгореть, чем быть убитыми этими тварями,*— ответила она, кивнув в сторону объятых огнем слизистых монстров.— *Но лес сейчас влажный; два дня назад был сильный дождь.*

Резко оборвав мысль, она отвернулась и стала наблюдать за пожаром. Священник ощутил вспышку

ярости, возникшую в этом почти нечеловеческом разуме, ярости, смешанной с радостью и удовлетворением. Враги ее священного леса, ее народа, гибли в огне, и странную душу женщины наполняло торжество.

Наступили сумерки. Люди, растянувшиеся вдоль опушки леса, продолжали наблюдать за огнем. Когда пришла ночь, только дым и горячий пар поднимались к звездному небу. Равнина, населенная чудовищными созданиями Дома, выгорела на несколько миль — там было уничтожено все живое. Но сам Дом? Прекратил ли он свое существование? Или по-прежнему таился где-то в необозримой дали смертоносной пустыни?

Три человека завернулись в плащи и улеглись на мягкий мох. Медведь уже спал, свернувшись в пушистый клубок у корней огромного дерева. Последняя мысль уплывавшего в сон Иеро была о Вайлэ-ри. Через полуприкрытые веки он видел прелестное лицо женщины, освещенное бледными лучами луны; оно казалось изваянным резцом древнего скульптора. Дриада наблюдала за ним. Затем он уснул.

Сначала его сон был смутным, неясные образы возникали и гасли в сознании. Наконец, медленно и постепенно, они начали принимать некие конкретные очертания. Он находился в странном состоянии, которое было наполовину сном, наполовину явью, очаровательной и чудесной реальностью. Он шел через лес; слабый свет звезд едва озарял деревья. Он был один. Ему ничто не угрожало, он знал это. Он был наг и безудержен и, казалось, даже позабыл, что это такое. Тропинка, освещенная звездами и медленно кружившимися светлячками, извивалась между огромными стволами. Иеро шел куда-то, не ведая, где конец этого пути, но знал, что его ждет нечто прекрасное.

Наконец в увитой цветами и листьями беседке, образованной спадающими вниз ветвями дерева, он различил очертания белоснежного женского тела и, недоумевая, поспешил вперед. Не успел он сделать

нескольких шагов, как на него обрушился ливень серебристых звенящих звуков. Они очаровывали, манили, смеялись, журчали, как прыгающий по камням ручеек.

— Вайлэ-ри! — позвал он, или ему почудилось это? — Вайлэ-ри, не бойся! Не оставляй меня!

Снова водопад серебристых нот, речь или песня невиданной райской птицы, хлынул из беседки. Подавляя возникшее желание, Иеро бросился вперед, как будто его ноги обрели крылья, но зеленая беседка оказалась пустой. Он огляделся и увидел мраморную руку, манившую его в заросли папоротника. Несколько стремительных шагов — и он оказался там, обнимая руками пустоту.

Воркующий голос зазвучал справа, и через мгновение Иеро очутился на маленькой полянке, покрытой душистыми цветами. Стройная женская фигура замерла, как бы в нерешительности, посреди прогалины. Он протянул руки и коснулся ее плеч. В странных зеленых глазах, теперь обращенных к нему, он увидел огонь такой страсти, который изумил и напугал его. Но это был только сон... И обняв трепещущее тело дриады, он прижался губами к ее теплым нежным губам.

Было уже позднее утро, когда Иеро пробудился. К его удивлению, перед ним маячила приземистая фигура капитана Гимпа, живого, здорового и бодро прикрикивающего на своих людей.

Оглянувшись, священник понял, что находится на большой поляне, где совсем недавно его отряд заснул глубочайшим сном. Несколько дриад стояли в отдалении под деревьями, но Вайлэ-ри среди них не было. Он вздохнул, вспоминая свой сон.

Все моряки выглядели хорошо отдохнувшими и бодрыми. Нетерпеливое фырканье раздалось неподалеку, и, повернув голову, Иеро увидел своего верного скакуна.

— *Привет, лентяй*,— послал он сообщение, разглядывая блестящую шкуру лорса и его отросшие рога.— *Ты, кажется, неплохо отдохнул?*

Волна любви и преданности пришла в ответ от животного, и вместе с ней — вопрос без слов, хорошо понятный человеку. «Когда мы покинем это место, когда пойдем дальше, когда мы снова будем сражаться, бежать вперед и вперед, бить врага?» Все это хлынуло из сознания лорса, и зверь опять громко фыркнул, нетерпеливо ударив копытом оземь.

— Я вижу, наш четвероногий друг снова готов в дорогу. Выспался ли ты наконец? Досмотрел ли свои сладкие сны? — Улыбающийся брат Альдо стоял перед священником, поглаживая длинную бороду.

Иеро вскочил на ноги.

— Где Лучар и медведь? — спросил он, скользнув внимательным взглядом по поляне.

— Я полагаю, их пригласили нанести небольшой визит Вайлэ-ри. Скоро они вернутся. Как видишь, моряки и Клуц находятся в отличной форме. Люди думают, что они выпили слишком много вина вечером и только что проснулись. Я не стал их разубеждать, только предупредил, чтобы они не смели трогать лесных женщин. Я сказал, что они находятся под защитой могущественных чар, и каждый, кто коснется их, умрет. Это, кажется, подействовало. Удивительно, но наши люди выглядят вполне довольными и совсем не интересуются женщинами. Странно для лихих моряков, как ты считаешь?

Иеро пристально посмотрел на старого эливенера, но Альдо открыто встретил его взгляд. Он задумчиво склонил голову, его длинные темные пальцы заскользили по белоснежной бороде.

— Чем мы займемся сейчас? — спросил Иеро, меняя тему.— Не хочешь взглянуть на место, где вчера бушевал пожар? У меня возникли некоторые идеи, которые я хотел бы обсудить с тобой. Но сначала стоило бы позавтракать.

Моряки окружили священника, радостно приветствуя его, пока он поглощал тушеные плоды. Люди чувствовали, что находятся в неком странном и непривычном для них мире, в котором лишь этот северный воин может быть надежным проводником и защитником. Эти чувства распространялись и на его спутников: темнокожую девушку, седобородого мудреца, медведя и огромного лорса.

— Что произошло здесь, мастер Иеро? — спросил Гимп, когда вскоре отряд достиг обширного пространства, заваленного сгоревшими деревьями.

Кое-где легкий дымок еще поднимался в безоблачное небо, будто души поверженных лесных исполинов взлетали вверх, к солнцу. Почерневшая, обугленная, но очищенная пламенем земля простиралась перед ними. В отдалении, у скал и песчаных дюн пустыни, огонь остановился. Даже невооруженным глазом было видно, как за скалами переливались розовато-лиловыми и грязно-оранжевыми оттенками отвратительные посевы Дома. Окинув взглядом горизонт, Иеро понял, что Дом сохранил около трети своей территории. Он отложил подзорную трубу и снова посмотрел вдаль. До границы опаленного огнем пространства оставалось не менее пяти миль.

Однако не только скалы остановили пламя; в запасе у Дома было еще одно средство. Вероятно, он умел создавать какую-то плесень, которая выделяла клейкую пену, твердевшую при соприкосновении с воздухом и не позволявшую огню распространяться. Теперь коричневая иззубренная стена отделяла заросли поганок от выгоревшей почвы. Иеро попытался обнаружить телепатическую ауру монстра, но не нашел никаких ментальных сигналов, хотя и понимал, что это еще ничего не значит.

Поглядев направо и налево, он увидел небольшие группы дриад, вооруженных пылающими факелами. Медленно двигаясь вдоль лесной опушки, они выжигали участки, которые пощадил вчерашний пожар.

Иеро кратко изложил брату Альдо результаты своих наблюдений.

— Откровенно говоря, я не думаю, что мы одержали полную победу,— добавил он в заключение.— Мы не смогли уничтожить источник заразы.

— Да, я согласен с тобой, дело не завершено. Через несколько лет, возможно, даже раньше, чудовище снова атакует лес. И нас не будет здесь, чтобы защитить этих женщин.

— Спрашивал ли ты у них, где мужчины их племени?

— Нет, и я полагаю, что такой вопрос не надо задавать. У этих удивительных прелестных созданий есть какой-то секрет. Возможно, их мужчины очень безобразны, возможно, слишком робки. Я согласен, что отсутствие мужчин может показаться странным, но не вижу в этом повода для подозрений и вражды. Эти лесные обитательницы отнеслись к нам очень дружелюбно.

— Да,— согласился Иеро.— Но я видел странный сон... странный и чудесный. Он был... — Священник на мгновение запнулся, и в эту минуту рука Гимпа легла на его плечо.

— Тебе снилось, что ты был с одной из этих белокожих девушек, мастер Иеро? И этот сон дьявольски походил на реальность?

— Действительно, все было так,— ответил растерявшийся священник.— Но как ты догадался об этом, Гимп?

— Потому что и я, и Блуто, и мои парни, даже старый Стилк, который давно уже бессильная развалина,— все мы видели такой же сон. Каждый из нас провел время с одной из этих девчонок. И мы все согласны, что это было приятнейшее сновидение, да! Но ты представляешь, ни одна из этих голых красоток утром не сказала нам ни слова! Будто ничего и не было! Странно, не так ли? — Обветренное лицо бравого

капитана выражало одновременно восторг и изумление.

Пока они шли обратно, Иеро тщательно обдумывал все услышанное. Наконец они вернулись на большую поляну, под сень гигантских деревьев. Брат Альдо попросил показать ему карту Нечистого, и три головы склонились над тонким листом.

— Здесь не такой масштаб, как на моей карте,— сказал священник.— Но мне кажется, что место, куда я должен добраться, уже совсем близко, вот здесь.— Он указал на символ, обозначающий древний город.— Оно должно быть тут, в южной части области, занятой Домом, в двадцати пяти или в тридцати милях от нас. Как ты полагаешь, Гимп, я верно оцениваю расстояние по этой карте?

Моряк тщательно сравнил карту Аббатства с трофейной и наконец сказал:

— Я дал бы примерно такую же оценку.

— И я тоже.— Брат Альдо бережно свернул карты и протянул их Иеро.— Теперь мы должны подвести некоторые итоги, мой мальчик. Можем ли мы считать, что твое соглашение с Вайлэ-ри выполнено? Дом серьезно пострадал, но он отнюдь не уничтожен. Кроме того, вчерашнее сражение породило сильнейший всплеск ментальной энергии. Слуги Нечистого в Ниане наверняка зарегистрировали его с помощью своих машин и заинтересовались причиной. Злые колдуны упорно преследовали тебя на севере, Иеро. Считаешь ли ты, что они прекратили охотиться за тобой?

— Во всяком случае, не С'дана! Он поклялся убить меня или умереть, и я думаю, что он не отступит! Не следует питать иллюзий — они не оставят нас в покое!

— Не сомневаюсь. Главная восточная дорога, что ведет к побережью Лантика, лежит к югу от нас; вероятно, до нее не более четырех дней пути. На месте наших врагов я бы двигался по этой дороге на юго-восток, пока не подошел предельно близко к месту сильного возмущения ментального поля. А затем

повернул бы на север. Полагаю, за неделю, если двигаться быстро, враги доберутся сюда. Может быть, им нужно на день или два больше. Будем считать, что еще неделю мы в безопасности.

Однако расчеты старого эливенера оказались ошибочны. Ни он сам, ни Иеро не представляли себе в полной мере хитрость и ненависть С'даны, а также влияние, которым он пользовался среди адептов Нечистого. Целая небольшая армия была собрана восточнее Нианы, и эта армия уже четыре дня двигалась на юго-восток! Такого развития событий ни священник, ни его спутники не могли предвидеть.

Пока они совещались, тучи затянули небосклон, и с юга дохнул влажный ветер, предвестник дождя. Однако прежде чем пошел дождь, вернулась Лучар. Они услышали, как девушка что-то напевает про себя, вероятно, на языке Д'Алва, так как Иеро не понимал ни слова. Неожиданно она появилась на тропинке под деревьями и подошла к мужчинам; ее лицо было мягким и задумчивым. Запястье девушки обвивал золотой браслет с драгоценными камнями, искрившимися глубоким зеленым светом.

— Тебе нравится? — спросила она, улыбаясь Иеро и обнимая его шею тонкими руками.— Это подарок Вайлэ-ри! Горм все еще беседует с ней. Она полагает, что медведь — самое интересное создание среди нас.

— Почему эта женщина сделала тебе подарок? — строго спросил Иеро, пытаясь освободиться из кольца смуглых рук.— Она ничего не дала мне, но повесила на тебя эту дорогую игрушку. Не правда ли, странно?

— О, тут нет ничего удивительного. Я предоставила ей взаймы кое-что, очень ей нужное. И, может быть, ты тоже получил какую-нибудь награду.

Девушка прижалась лицом к его куртке из оленьей замши, и он не видел ее глаз. С растущим изумлением он почувствовал, что близок к ответу на последний вопрос, волновавший его, словно крохотные кусочки мозаики сложились в мозгу в стройную картину. Он

осторожно поднял ладонями лицо своей любимой и заглянул в ее глаза. Гимп и брат Альдо тактично отошли в сторону.

— Скажи, моя хитрая маленькая принцесса, где мужчины народа Вайлэ-ри? — Его голос был сердитым и нежным одновременно, когда он всматривался в глубину ее бездонных темных глаз.

Ответом ему было молчание. Наконец девушка решительно встряхнула головой.

— Их нет. Ее народ давно живет среди этих деревьев, и они всегда были такими, как сейчас. Им необходимы мужчины, этим бедным созданиям, чтобы иметь детей и продолжить свой род. Но у них рождаются только девочки. Они надеются, что, возможно, теперь родится первый мальчик. Они не знают, как и когда их народ оказался здесь, не знают, кем были их предки... Но им известно, что люди часто путешествуют по дороге к юго-востоку от их леса. И иногда одинокий путник или маленькая группа странников разбивает вечером лагерь и... ну... они...

— Видят очень приятный сон? — спросил Иеро. Он усмехнулся и, осмелев, девушка улыбнулась ему в ответ.— Итак, ты совершила сделку, обменяв меня на этот браслет. Ну что ж, прекрасно! Достойный поступок для принцессы Д'Алва и моей жены!

Она резко отстранилась, ее глаза гневно сверкнули.

— О! Ты, мужчина! Ты ничего не понял! Ты, кажется, думаешь, что я в восторге от того, что случилось этой ночью.— Злые слезы повисли на ее длинных ресницах.— Я ничего не знала о браслете до сегодняшнего утра!

Резко сорвав браслет, она швырнула его прямо в лицо Иеро. Он едва успел вскинуть руку и поймать драгоценность, иначе его нос был бы неминуемо разбит. Затем он побежал за девушкой, которая остановилась в тени огромного дерева и горько рыдала, закрыв лицо ладонями.

— *Иди ко мне, любимая,*— передал он.— *Прости меня, я глупец. Она просила у тебя разрешения, не так ли?*

Лучар снова спрятала лицо у него на груди.

— *Да, конечно! Так поступила бы любая честная женщина. У нее никогда еще не было мужчины, и она впервые узнала любовь с тобой. Она сказала мне (сначала было так трудно понимать ее!), что ты — мой навсегда, и она просит тебя только на одну ночь. Она т а к сказала это, что я отбросила всякую ревность! Но, оказывается, пережить то, что случилось, все же тяжелее, чем я думала!*

— О, Иеро,— добавила девушка вслух, и голос ее стал печальным,— знаешь ли ты, что она сказала мне на прощание сегодня утром? «Может быть, у меня родится первый мальчик. Это будет счастье для нашего народа. Не забывай же меня, ты, кто всегда будет с ним!»

Он нежно погладил ее по спине.

— Не плачь, милая,— сказал он.— Я просто в восторге. Ведь у меня был такой чудесный сон!

Она взглянула на его лицо и поняла, что он шутит, но в глазах его таилась печаль. Тонкие пальцы девушки легко коснулись его лба, погладили щеку. Потом она улыбнулась:

— Запомни, я не хочу больше слышать об этом. Договорились?

Иеро повернулся и отыскал глазами старого эливенера.

— *Мы можем двигаться дальше,*— передал он.

Брат Альдо взял под уздцы Клуца, уже навьюченного поклажей. Гимп махнул рукой морякам, они поднялись на ноги и зашагали нестройной колонной к краю поляны. В это время в тени гигантского дерева возник Горм. Итак, все были в сборе, и Иеро занял свое место во главе отряда. Негромко переговариваясь, позвякивая оружием, люди двинулись в путь.

Метс бросил взгляд назад, надеясь увидеть лесную фею, что снилась ему прошлой ночью, но не заметил ничего. Из леса доносился серебристый птичий щебет, но был ли то голос Вайлэ-ри, он не знал.

— *Они будут следовать за нами вдоль края леса,*— пришло сообщение Альдо из арьергарда колонны.— *Они хотят знать, жив ли Дом, и думают, что ты можешь сообщить им это. Так сказала их властительница.*

— *Дом, несомненно, жив,*— послал Иеро ответ.— *Но, я надеюсь, мы сможем избежать столкновения с ним.*

Они шли на юг в сотне ярдов от опушки леса, который возвышался в отдалении, как зеленая стена. В полдень отряд остановился, чтобы немного отдохнуть и перекусить, а затем священник подал сигнал двигаться дальше. К вечеру из затянувших небо облаков на головы путников обрушился теплый ливень. Видимость сразу же стала очень плохой, почва превратилась в жидкую грязь, и люди отошли к краю джунглей. Здесь, под пологом огромных деревьев, они разбили лагерь, разожгли костры и приготовили горячую пищу.

Дождь шел почти всю ночь. Когда наступил рассвет и путники двинулись дальше, стало ясно, что они достигли окраины лесного массива. Растительность изменилась: все чаще стали попадаться пальмы и заросли акации. Деревьев, высившихся, словно исполины, над низкорослым кустарником, стало меньше, и вскоре они исчезли совсем. Жара усилилась. К югу, насколько хватало глаз, раскинулась широкая, поросшая травой равнина. Слева песчаные языки вторгались в сочную зелень прерии. Вместе с первыми признаками пустыни появились уже хорошо знакомые мертвенные цвета плесени. Здесь владения Дома начинались в нескольких милях от края джунглей, нигде близко не подступая к лесу. Вероятно, отсутствие больших деревьев делало эту область менее привлекательной для него.

Дичь тут, однако, водилась в изобилии. Животные, похожие на оленей, и большие грациозные создания, напоминающие антилоп, маячили тут и там, передвигаясь неторопливо и освобождая путь людям; большинство из них были совершенно незнакомы Иеро. Однажды они наткнулись на стаю короткохвостых полосатых зверей, похожих на гиен, которые жадно обгладывали тушу какого-то животного, раза в три превосходящего размерами Клуца. Отряд благоразумно обошел хищников стороной, как и огромное существо, похожее на помесь медведя и десятикратно увеличенной рыси, которое встретилось им через несколько миль. Очевидно, зверь не был голоден; он испустил громовое рычание, но не пытался преследовать людей.

Вечером они построили прочную изгородь вокруг лагеря и разложили большие костры. Рычание и рев, раздававшиеся вокруг стоянки всю ночь, доказывали, что такая предусмотрительность была не лишней. В этой местности звери не знали и не боялись человека.

На следующее утро рассвет был ясным и жарким, свежий воздух благоухал, словно дыхание весны. Цветущие травы, сквозь которые пробирался отряд, пахли медом. В этот день они повернули к востоку и шли медленно, внимательно изучая окрестности. По их расчетам наступило время для поисков заброшенного города; карты более не требовались.

Вскоре отряд достиг пустынного района, поросшего чахлым кустарником, за которым простиралась захваченная Домом территория. Иеро разглядел вдали многочисленные образования, подобные огромным шарам и поганкам; почву между ними покрывали фестоны плесени, отливавшей желтым, фиолетовым и грязно-багровым цветами. Вся эта мерзость выглядела так же отвратительно, как и на севере, на границе с владениями племени Вайлэ-ри.

Священник остановил отряд.

— Не стоит рисковать,— произнес он, указывая на заросли огромных поганок.— Эта дрянь не более чем в

полумиле от нас. Слишком близко, насколько я могу судить по собственному опыту.

Альдо выглядел озабоченным.

— Мы пришли уже в нужный район, но я не вижу ничего похожего на руины.— Он положил руку на плечо Иеро.— Некоторые из этих древних городов захоронены так, что от них не осталось и следа. Надеюсь, ты понимаешь, сынок, что, хотя мы делаем все возможное, наши поиски могут оказаться напрасными. Кто знает, когда и кто нанес на карты символы, обозначающие Забытые Города? Сколько раз эти карты копировали и какие при этом делались ошибки?

— После такого длинного и опасного пути и с таким опытным командиром мы просто не можем потерпеть неудачу! — воскликнула Лучар.

Несокрушимая вера в своего возлюбленного звучала в словах девушки. Иеро усмехнулся и, немного поразмыслив, сказал:

— Мы должны искать как можно тщательнее. Гимп, ты и Блуто скажите людям, что мы ищем старый город, скрытый под землей. Пусть они отмечают любой признак человеческой деятельности, любой след — все, что привлечет их внимание.

Горм поднял мохнатую голову, медленно покачивая ею и нюхая воздух.

— *Я чувствую, когда-то здесь было много людей. Где-то, не очень далеко отсюда, спрятан человеческий город.*

По команде капитана моряки растянулись длинной цепью. Через несколько часов отряд настолько рассеялся, что Иеро забеспокоился. Некоторые люди уже казались крохотными точками в безбрежном пространстве равнины. Хотя никто из моряков, как и было велено, не приближался к границе владений Дома, но кто знал, какие звери таились среди травы и зарослей кустарника? Священник подал знак Гимпу, и по сигналу корабельного горна люди вновь собрались. Иеро велел им отдыхать и готовить обед. Небо еще было

ясным, но видневшиеся на юге тучи снова обещали к ночи сильный дождь.

— Итак, можно сделать только один вывод,— произнес метс, обращаясь к своим спутникам.— Если города здесь нет, значит, он расположен восточнее.— И он вытянул руку в сторону возвышавшихся на горизонте поганок и отливавших фиолетовым шаров.

— Боюсь, ты прав,— кивнул головой Альдо.

— Ты не пойдешь туда без меня! — с тревогой воскликнула Лучар, хватая священника за руку.— Я не пущу тебя одного!

— Ты будешь делать то, что тебе скажут, или я отшлепаю тебя! — Иеро говорил шутливо, но взгляд его был серьезным.— Кроме того, я не собираюсь идти один. Брат Альдо, мы используем такую же тактику, как и раньше. Ты и Лучар опять будете служить, так сказать, приемниками. Горм и я попытаемся проникнуть дальше на восток. Остальные под командой Гимпа пусть будут готовы послать огненные стрелы, как только получат сигнал от нас.

— *Это наилучший путь*,— заявил Горм.— *И другого выхода у нас нет.*

Иеро нежно поцеловал девушку и направился в сторону отвратительных зарослей, что громоздились на востоке. В нескольких футах за ним двигался Горм, нюхая воздух и негромко фыркая. Старый эливенер следил за ними взглядом, сжимая одной рукой узду Клуца и держа другую на плече девушки. Позади них стояли сбившиеся в плотную толпу моряки. Дым клубился над горящими факелами, стрелки держали арбалеты наготове.

Как всегда при встрече с опасностью, Иеро почувствовал легкую нервную дрожь, но привычным усилием воли подавил страх. Тщательно, не торопясь и не обращая внимания на порожденную Домом мерзкую растительность, он искал любые следы древней цивилизации, одновременно поддерживая постоянную ментальную связь со своим мохнатым спутником. Прошло

полчаса, и они уже вплотную придвинулись к границе территории Дома.

— *Стой!* — команда медведя заставила Иеро вздрогнуть.

Он увидел, что Горм стоит напряженно вытянувшись, его маленькие глазки устремлены вдаль. Медведь несколько раз фыркнул; он явно ловил какой-то очень слабый запах.

— *Где-то здесь есть металл,*— сообщил он.— *Запах очень слабый. Не двигайся, я попытаюсь найти это место.*

Медведь медленно пошел вперед. В этой части песчаной, поросшей низким колючим кустарником равнины располагалось несколько невысоких холмов. Горм остановился перед одним из них, округлым образованием высотой не более пяти футов. Кусты терна и пучки бурой травы окружали курган со всех сторон и торчали на его вершине. Горм тщательно принюхивался к чему-то расположенному у основания холма, затем медленно двинулся в обход. Иеро шагал за медведем на некотором расстоянии, внимательно наблюдая за ним и стараясь не мешать мохнатому следопыту.

Восточная сторона кургана, обращенная в сторону владений Дома, была менее округлой, чем западная, и казалась как бы стесанной. Заросли огромных поганок торчали не более чем в двухстах ярдах от холма, и когда Иеро подумал об этом, его сотрясла нервная дрожь. С усилием он направил свои мысли на главную задачу — поиски древнего города.

Медведь застыл у ноздреватого серого камня, лежавшего в основании холма. Затем, по-прежнему не посылая никаких сигналов, он двинулся дальше и оказался в неглубокой ложбине, промытой, вероятно, последним ливнем; боковая поверхность холма круто вздымалась над впадиной. Горм поднял лапу и, осторожно действуя когтями, стал расчищать склон. Струйки песка, земли и мелких камней потекли на дно

ложбины, открывая в глубине какую-то блестящую поверхность.

— *Смотри*,— пришла мысль медведя,— *здесь металл, очень, очень старая работа людей.*

Горм опустил лапу, и священник увидел нечто гладкое и сверкающее. Ровная металлическая поверхность, отполированная, как зеркало, возможно, стена, но скорее всего дверь. Дверь!

Человек задумчиво разглядывал склон кургана. Зверь сидел рядом, наблюдая. Он выполнил свою задачу. Снова Иеро поразился невероятному обонянию своего четвероногого спутника. Обнаружить древний, почти лишенный запаха металл под слоем земли и камней! Это казалось почти невозможным!

Затем священник послал сообщение брату Альдо. Теперь, когда он находился у порога исчезнувшей цивилизации, ему требовалась помощь. Если им с Гормом удастся найти путь вниз, в неведомые глубины древнего города, они будут надолго отрезаны от мира. А так как территория Дома близко, это небезопасно.

Поджидая своих спутников, Иеро начал ковырять землю длинным кинжалом. Под его осторожными ударами медленно открывалась блестящая металлическая поверхность, слегка тронутая патиной пролетевших тысячелетий. Когда брат Альдо и Лучар, покачиваясь на спине Клуца, обогнули склон холма, работа была закончена. Полностью очищенная от земли дверь стояла как граница между двумя мирами, разделенными бездной времени.

— Итак, мы у порога,— Альдо постучал по гладкой поверхности двери,— и кто знает, что лежит за ним? — Он повернулся к священнику.— Пока мы здесь одни, надо обсудить план дальнейших действий. Гимп и его люди двигаются за нами пешком и скоро будут здесь. Что ты предлагаешь, Иеро?

К тому времени, когда возглавляемый капитаном отряд показался вдали, главный вопрос был решен. Моряки останутся у холма вместе с Клуцем; они будут

наблюдать за окрестностями и, в случае чего, придут на помощь тем, кто спустится вниз. Но вторая часть проблемы оказалась более трудной. Если все четверо: Иеро, Альдо, Лучар и медведь — отправятся в подземный город, то кто же из оставшихся на поверхности сможет принять их ментальные сообщения и команды? Как вызвать помощь, если она вдруг понадобится?

Решение предложила Лучар: почему бы не обучить капитана Гимпа мысленной речи?

Когда коротышку-шкипера посвятили в этот план, он побледнел, ибо испытывал мистический ужас перед колдовскими чарами, позволяющими волшебникам и мудрецам общаться, не произнося ни слова. Но Гимп был смелым человеком. Когда Иеро поклялся капитану, что чары мысленной речи не принесут ему вреда, тот заметно успокоился и объявил, что готов выполнять все инструкции священника.

И все же он вздрогнул и отпрянул назад, когда мысль Иеро, простое «добрый день», достигла его сознания. Вскоре он нашел, что в беззвучных словах, возникающих в его голове, нет ничего страшного. Тогда, следуя указаниям священника, капитан попробовал передать свое собственное послание. Сначала из этой попытки ничего не вышло, а гримасы, которые корчил Гимп, стараясь послать ментальный сигнал, привели Лучар в тихий восторг. Однако скоро капитан научился «слышать» каждого из четырех путешественников, включая медведя.

Итак, с проблемой связи было покончено, и они обратили свое внимание на дверь. Казалось, она сделана из какого-то металла, похожего на серебристую бронзу. Железо или сталь, несомненно, проржавели бы насквозь за прошедшие тысячелетия, но этот металл выглядел как новый и был совершенно не знаком Иеро. Возможно, в тайных архивах Аббатств он смог бы разыскать упоминание об алюминиевых сплавах.

Дверь, полностью очищенная от земли, серебристо поблескивала в лучах солнца. На ее гладкой поверх-

ности не было ни ручки, ни замочной скважины; очевидно, она не открывалась обычным ключом, если вообще открывалась снаружи. Попытки отжать дверь снизу или сбоку с помощью копий не привели к успеху; два наконечника сломались, а дверь не шелохнулась; металлическая поверхность не дрогнула даже тогда, когда на нее обрушился удар увесистого обломка скалы. Наконец Гимп, встав на колени, просунул в щель между дверью и косяком тонкое лезвие кинжала и медленно повел его вверх. Ему удалось нащупать засов на высоте трех футов от порога. Затем в щель вставили топор, по обуху которого капитан нанес мощный удар тяжелой секирой.

Иеро потянул створку двери. Медленно, с жалобным, протестующим скрипом она распахнулась. Люди стояли молча под жарким полуденным солнцем; из темного прохода, зиявшего перед ними, дохнуло холодным воздухом. За дверью простиралась рифленая металлическая плита, переходящая в широкую, слегка изгибающуюся лестницу. Один из моряков издал ликующий вопль, но товарищи шикнули на него. Кто знал, что они открыли? Что могло выйти через эту дверь в их мир? Люди чувствовали, что минута слишком торжественна для криков восторга.

— Как быть с освещением? — задала практичный вопрос Лучар.

Никто из мужчин не подумал об этом, и сейчас все выглядели смущенными. Но здравый смысл скоро восторжествовал. Пожертвовав двумя глиняными кувшинами и частью запасов волокна и горючего масла, заготовленных на случай схватки с Домом, моряки соорудили светильники, которые давали не слишком много света, но это было лучшее, что люди могли сделать.

Горм двинулся вперед; его маленькие глазки блестели от возбуждения. За ним последовал старый эливенер, сжимавший в руках тяжелый посох и

глиняную лампу. Иеро, с мечом наготове и еще одним светильником, шел третьим. Лучар замыкала группу. Дневной свет позади них становился все более тусклым и вскоре исчез совсем. Теперь они могли полагаться только на неяркий огонек своих ламп. Лучар несла маленький мех с запасом масла, которого хватило бы, чтобы заправить светильники пару раз, но никто не знал, как долго будут продолжаться поиски.

Лестница, бесконечно извиваясь, вела в темноту. Обоняние Горма и мысленное зондирование, которое регулярно проводил священник, не определяли ничего живого. Изредка путники останавливались, проверяя, могут ли они еще связаться с Гимпом и его людьми.

Когда они достигли последней ступеньки, казалось, прошло уже несколько часов. Гулкое эхо шагов подсказывало, что разведчики находятся в каком-то обширном и пустом пространстве. Спустя некоторое время Горм и Иеро почти одновременно ощутили движение вверху, потом путешественники услышали слабые шорохи.

— Летучие мыши,— сказал брат Альдо.— Очевидно, это место как-то связано с поверхностью.

Никто в этом не сомневался. Но где же другой вход в этот подземный мир? И кто — или что — имеет к нему доступ?

Лучар возилась где-то в полумраке, пока мужчины обменивались впечатлениями. Внезапно она вскрикнула и позвала их к себе. Слабый свет поднятой лампы озарил закрепленную на стене панель со множеством переключателей, пронумерованных древними символами.

— Откровенно говоря, я боюсь прикасаться к ним,— заявил священник.

— Я тоже,— сказал эливенер после некоторого раздумья.— Но у нас нет другого выхода. Масла не хватит надолго, даже если мы будем его экономить. Здесь должно быть какое-то освещение, и оно нам

совершенно необходимо. Полагаю, надо попытаться. Все наше предприятие крайне опасно, и это не первый случай, когда мы вынуждены рисковать.

Иеро, отбросив сомнения, надавил на первый переключатель. Сначала ничего не произошло. Затем, к общему изумлению, возник слабый тусклый свет, который становился все ярче и ярче, пока почти не сравнялся со светом солнечного дня, царившего на поверхности.

Путешественники огляделись. Они стояли на платформе, прилепившейся, словно ласточкино гнездо, к стене невероятных размеров пещеры.

ГЛАВА 12

Конец и начало

Пещера была огромной. Путники не представляли, как далеко ушли от поверхности земли, но, очевидно, они забрались довольно глубоко. Пещера выглядела явно искусственной. Источавшие бледный свет длинные стержни, закрепленные на ее потолке и напомнившие Иеро светильники Мануна, позволяли рассмотреть гигантское помещение.

Открывшиеся их взгляду стены имели форму громадных пятиугольников, вырубленных в теле планеты. В верхней части их поверхность была грубой и необработанной, но ниже, футах в тридцати над полом, виднелся гладкий полированный камень. Кое-где на стенах поблескивали металлические панели. Широкое кольцо свободного пространства отделяло расположенные в центре машины от стен.

— Посмотрите на них! — Голос Иеро был полон благоговейного трепета.

Эти огромные, покрытые кожухами устройства, занесенные пылью минувших столетий, эти удивительные и чудовищные машины древности были выше понимания современного человека. Иеро ощутил священный ужас, на мгновение сковавший его разум. Здесь, в грозном безмолвии, стояли созданные до Смерти приборы, которые сами вызвали Смерть и помогли ей спалить весь мир! Любой нормальный человек (кроме, конечно, слуг Нечистого) испытывал такой ужас перед Смертью, что один взгляд на эти устройства был подобен для него созерцанию ада. Хотя Альдо сохранял самообладание, его лицо окаменело, а в глазах застыли отвращение и страх. Лучар же, внезапно потеряв силы, опустилась на колени. Ей было

только семнадцать, и вид этих титанических машин легендарного прошлого наполнил трепетом ее сердце.

Иеро наклонился, поднял девушку и крепко сжимал ее руку, пока они медленно шли вдоль платформы, обозревая огромную пещеру.

Подняв головы, люди увидели лабиринт балок и решетчатых форм, затканных паутиной проводов, гибких тросов и металлических кабелей. Над ними сиял свет, скрывая потолок пещеры, к которому, очевидно, крепились эти конструкции. Тишина, глухое безмолвие тысячелетий простиралось вокруг.

— Сюда можно поместить легион, десять легионов Стражей Границы, и они затеряются тут... — пробормотал Иеро.

Его голова кружилась от необъятности окружающего пространства и еще от чего-то. Он был почти уверен, что среди этих устройств, там, внизу, есть компьютеры. Но как найти их? Как вообще можно найти что-либо в столь огромном и чуждом месте? Правда, Иеро знал некоторые наименования, некоторые символы мертвого языка, обозначающие вычислительные устройства. Но были ли эти сведения достоверными? Где искать компьютеры и как узнать их в этих титанических стальных джунглях? Сейчас, когда он действительно достиг одного из сохранившихся древних поселений, эта задача казалась невыполнимой.

Лучар вместе с седобородым эливенером что-то разглядывала в дальнем конце платформы, там, где ее поверхность пронзала прямоугольная, похожая на ящик конструкция. Священник направился к своим спутникам и вдруг ощутил мысленный сигнал Горма.

— Летучие мыши исчезли. Куда они могли уйти? Что-то не нравится мне в этом месте, друг Иеро. Издалека поступает дурной воздух, дурной запах. Я ощущаю нечто неживое, но оно движется.

Иеро поднес к глазам подзорную трубу, одновременно зондируя ментальное поле в подземелье, но не обнаружил ничего, кроме крохотных мыслей немно-

гочисленных летучих мышей. Они были где-то далеко — очевидно, покидали пещеру через невидимую дыру в потолке. С помощью своей трубы он не увидел ни одного сквозного отверстия, зато нашел несколько входов в туннели, темневшие в стенах. Два из них находились примерно в полумиле, на противоположной, западной, стороне этого искусственного грота. Затем он увидел еще один туннель — слева, на южной стороне. Около одного из западных входов можно было различить образования, которые, безусловно, не относились к творениями рук человека,— какие-то бесформенные темные пятна, вероятно, лужи подземной влаги. Около них торчали заросли прямых стержней.

Иеро случалось бывать в пещерах, и он имел представление о сталактитах и сталагмитах, однако, насколько можно было разглядеть на таком большом расстоянии, эти объекты на них не походили. Действительно ли эти стержни слегка светились багровым цветом, или ему только показалось? Впрочем, он забыл о них, когда услышал голос Альдо.

— Иеро, иди сюда,— позвал старый эливенер.— Думаю, мы можем спуститься вниз, если рискнем воспользоваться этим невероятным механизмом минувших времен. Я видел рисунки подобных устройств. Этот ящик движется вверх и вниз по металлическим колеям, закрепленным на стене. Вот почему лестница, по которой мы шли, тут обрывается. Подойди и взгляни сам.

Используя мысленную связь, старик объяснил трем своим спутникам, как работает подъемник. Затем с помощью Лучар он очистил панель управления от пыли, и показались три кнопки, слегка выдававшиеся над металлической пластиной. Альдо коснулся их по очереди длинными пальцами, слегка покручивая и нажимая; сам он при этом оставался на платформе. Наконец древняя машина со скрежетом двинулась вниз, и тогда он быстро остановил ее.

— Так я и думал! Я знаю слова, которые написаны на кнопках! На этих двух черных помечено «Вниз» и «Вверх», а на красной указано «Стоп». Что дальше, Иеро?

— Сейчас я свяжусь с поверхностью.— Священник на мгновение замер, прикрыв глаза, затем пояснил спутникам: — У Гимпа и его людей все в порядке. Они разбили лагерь и готовятся к ночевке. Я хотел получить последнюю мысленную поддержку перед тем, как мы войдем в эту штуку.

Несмотря на свой уверенный тон, Альдо не смог скрыть нервной дрожи, когда они ступили в клеть подъемника. Слой пыли в шесть дюймов покрывал пол кабины, люди и медведь старались двигаться осторожно. К счастью, пыль, содержавшая множество мелких каменистых частиц, медленно поднималась и быстро оседала.

Подъемник скользил по двум металлическим направляющим, запрессованным в каменную стену пещеры, и казался надежным. Но, конечно, машина была старой, очень старой. Она скрипела и скрежетала, опускаясь вниз и порождая гулкое эхо в огромном замкнутом пространстве. Какое-то устройство заставляло подъемник останавливаться на каждом уровне, и люди снова и снова нажимали кнопку, преодолевая желание выскочить из кабины. Им неоднократно пришлось подвергаться этому испытанию, так как платформы, во всем подобные верхней, шли в пять ярусов. Когда подъемник наконец доставил их на дно пещеры, даже обычно невозмутимый медведь издал облегченное «вуфф». Люди, улыбаясь, глядели друг на друга, однако их радость была преждевременной.

Они покинули кабину, но предусмотрительный Альдо внезапно повернулся и нажал кнопку «Вверх». Он хотел проверить, смогут ли они при необходимости вернуться обратно. Его испуганный возглас заставил вздрогнуть Иеро и девушку. Подъемник не тронулся с места. Минут десять они пытались оживить древний механизм

и найти питавший его источник энергии, очевидно, располагавшийся где-то глубоко под полом пещеры, куда уходили гибкие кабели. До него было не добраться, а значит, этот путь на поверхность можно считать отрезанным.

— Мне кажется, мы спустились по крайней мере на полмили,— сказал Альдо, облекая в слова владевшие всеми чувства.

— *Мы найдем другой путь обратно,*— пришла спокойная мысль Горма.— *Сейчас мы стоим на собственных ногах, а не в этой штуке, которая шумит и двигается. Такая огромная пещера должна иметь несколько входов, и мы их разыщем.*

Люди покинули мертвый механизм. Перед ними в тусклом свете громоздились покрытые пылью машины и приборы прошлого. С высоты пятого яруса механизмы выглядели сравнительно небольшими, теперь же они казались гораздо крупнее, а некоторые — огромными.

Иеро направился к ближайшему устройству, заинтересованный его необычными очертаниями. Он осторожно ступал по полу, аккуратно ставя ноги и стараясь не поднимать пыли. Когда спутники подошли к нему, священник бережно очищал кожух аппарата от покрывавших его тысячелетних наслоений.

— Мне кажется, эта штука выглядит как-то странно! — Он засмеялся, разбудив гулкое эхо. Звуки метались в пыльных проходах между рядами титанических форм, будто стремясь вырваться наружу из огромного лабиринта.— Чехол! Все эти устройства защищены покрышками! Сейчас мы снимем его и посмотрим, что под ним.

Иеро осторожно завернул край тяжелой пластиковой ткани, и его глаза, уже привыкшие к тусклому свету, уловили слабый блеск металлической основы аппарата.

Священник в возбуждении бросился к соседнему агрегату, затем к следующему. Все они были покрыты толстыми пластиковыми чехлами, материал которых успешно противостоял времени. Казалось, металли-

ческие детали машин не тронуты коррозией, минувшие тысячелетия не оставили никаких следов. Иеро выхватил кинжал и начал лихорадочно кромсать куски пластика, отбрасывая их прочь. Снять огромный чехол полностью разведчикам было не под силу: многие агрегаты достигали высоты двухэтажного дома и занимали площадь в половину акра.

— Иеро,— раздался строгий и спокойный голос эливенера,— как ты полагаешь, не пора ли объяснить нам, что мы должны искать? Я не собираюсь совать нос в твои дела, но...

— Конечно. Я хотел сказать об этом еще раньше... Но здесь так много всего... У меня закружилась голова от этих чудес!

Они разглядывали громоздящиеся вокруг невероятные машины. Пользуясь мысленной речью, Иеро поведал спутникам о порученной ему миссии, описал древние компьютеры — или, по крайней мере, задачи, решаемые с помощью таких устройств,— и объяснил, почему Аббатства стремятся овладеть ими.

— Если то, что сказал мне Демеро, правда — а я верю каждому его слову,— то мы отчаянно нуждаемся в таких машинах,— заключил он.— Враждебные действия против нас явно скоординированы, их сила постоянно нарастает. И наша оборона, и ответная атака принесут мало пользы, если не подчинить их железной, непогрешимой логике.

У Альдо не было вопросов. Теперь, когда старик знал, что искать, он начал изучать ближайшие агрегаты, пытаясь найти какие-нибудь надписи или отметки. Медведь присоединился к эливенеру, он помогал держать тяжелые пластиковые чехлы. Иеро с Лучар последовали примеру своих спутников.

Часом позже они приостановили работу, взглянули друг на друга и расхохотались: всех покрывал белый саван пыли, и даже медведь выглядел как пушистое привидение прежнего Горма.

— Давайте-ка заглянем сюда,— произнес брат Альдо, перелистывая страницы записной книжки, в которую он переписывал надписи с приборов.— Пока мы не нашли ничего похожего на компьютеры, Иеро.

Священник вытер вспотевший лоб пыльной ладонью и постарался собраться с мыслями. Знания брата Альдо древних языков сейчас были крайне важны. Сам он мог вспомнить только несколько простых слов и фраз.

— Мы нашли слово «машина» и знаем, что оно обозначает,— продолжал старик,— а также другие слова, смысл которых очевиден. Как работают эти агрегаты и для чего они нужны, мне совершенно непонятно. Однако,— он выглядел очень серьезным,— источником энергии для них служит, очевидно, сила атома, которая вызвала Смерть на планете. Но я стараюсь даже не думать об этом.

Иеро решил, что сейчас вряд ли стоит упоминать, что Нечистый, скорее всего, уже владеет этим или другим мощным энергетическим источником. Впрочем, это лишь подозрение. Кто знает, что за неведомые машины двигают без парусов и весел их черные корабли!

— Мы обнаружили слова «аэр кондишн» и «термоконтрол»,— вмешалась Лучар.

— Да, но с этими терминами я встречался и в других древних поселениях, которые мне довелось посетить. Они означают свежий воздух и искусственное тепло. Мы не знаем, как они добивались этого, но ясно, что все это не относится ни к оружию, ни к компьютерам.

— Надо все здесь обыскать,— сказал Иеро после минутных размышлений.— Почему бы нам не начать с середины пещеры? Если тут есть некий управляющий механизм, то, скорее всего, он в центре. Я пытаюсь вспомнить, как выглядело это место сверху, и мне кажется, что в середине установок было сравнительно мало.

С предложением Иеро согласились все. Снова и снова пыльные проходы заводили их в глухие тупики, перегороженные корпусами огромных машин, заставляли кружить и возвращаться. Священник подумал, что они похожи на муравьев, пойманных в ловушку огромного и непостижимого лабиринта.

Наконец, кашляя и задыхаясь от пыли, они попали в широкий коридор между двумя длинными шеренгами машин, который привел их в открытое пространство, увиденное метсом с платформы. Некоторое время они шли по еле заметному пандусу; теперь было ясно, что площадка в центре расположена несколько выше.

Подъем закончился. Путники стояли в центре пещеры, окруженные безмолвными рядами бесчисленных древних механизмов. Тут, несомненно, находился главный пульт управления всеми этими агрегатами, и людей ожидало кое-что интересное.

Перед ними огромным полукольцом тянулась контрольная панель, это стало ясно сразу, так как она была полностью открыта — единственный свободный от пластикового чехла агрегат, который встретился им. Груды пластиковых полос без следов пыли валялись тут и там, как будто каждый кусок кто-то срезал с панели и торопливо отбросил в сторону. Однако три десятка стульев, в беспорядке стоявших перед пультом, сохранили свои пластиковые покрышки. Маленькие немигающие огоньки — три янтарно-желтых и один красный — пылали в центре приборного щита. Люди с изумлением уставились на них, медленно осознавая, что все это значит.

— Кто-то был здесь,— прошептала девушка.— Кто же? Когда? Посмотрите, кто-то ведь включил эти огоньки!

Внезапно она резко обернулась, как будто хотела поймать кого-то или что-то, скрывающееся за ее спиной. Но все было неподвижно. Безмолвные громады машин возвышались вокруг, и только яркие светящиеся точки в центре панели показывали, что таинственная

механическая жизнь еще не совсем угасла в этих реликтах исчезнувшего прошлого.

Медведь медленно двинулся вперед, втягивая носом затхлый воздух подземелья.

— *Идите сюда,*— передал он.— *Что-то было здесь, и оно оставило след. Что-то, уже известное нам,*— добавил он мрачно.

Шагнув вперед, Иеро опустил глаза и увидел то, что нашел Горм. Широкий след, маслянистая дорожка которого едва проступала в пыли, тянулся из прохода между корпусами агрегатов слева, вдоль всей контрольной панели, расширялся в бесформенное пятно около искромсанных остатков пластикового чехла и, спускаясь вниз, исчезал в другом ущелье, образованном рядами машин.

Нечто пришло, открыло и проверило контрольную панель, а затем удалилось. Зачем? Где оно теперь и когда собирается вернуться? Иеро вздрогнул. Какое бы существо ни оставило этот странный отпечаток, оно явно не было человеком. И прежде чем пришло следующее сообщение от Горма, Иеро понял, кто тут побывал.

— *Здесь проползла одна из тварей, созданных Домом, или он сам,*— возникла в его сознании холодная мысль медведя.— *Неужели ты не чувствуешь его запаха?*

В мозгу своего четвероногого друга Иеро уловил легкое презрение к несовершенным чувствам человека, однако было не время обижаться.

Он быстро предупредил об опасности своих спутников и велел Лучар снова зажечь лампу, которую девушка погасила, как только им удалось привести в действие систему освещения. Огонь, единственное оружие против Дома, мог снова спасти путников, если чудовищный монстр нашлет на них своих тварей.

— Идите сюда! — вскричал Альдо, занятый осмотром центральной части панели, где горели яркие огоньки.— Кажется, я могу прочитать эти символы,

хотя бы некоторые из них. Слова «локатор» или «дисплей» мне незнакомы, но вот здесь написано «Запуск ракеты» и рядом — длинная серия цифр. Иеро, мы нашли нечто ужасное! Отсюда посылали в воздух летающую Смерть, огромные снаряды, которые неслись вокруг планеты, распространяя страшный яд и радиоактивное уничтожение! — Старый эливенер казался потрясенным до глубины души.— Вероятно,— добавил он с дрожью в голосе,— вероятно, некоторые из этих снарядов сохранились и теперь ждут, чтобы снова нести смерть спустя пять тысяч лет!

Никто не произносил ни слова и не вступал в мысленную связь. Люди были парализованы ужасом при мысли, что могут как-то, по ошибке, снова выпустить в мир Смерть.

Иеро опомнился первым; его деятельный разум поборол страх и естественное отвращение. Он пришел сюда, чтобы добыть необходимое Аббатствам оружие, а вместо этого нашел смертельного врага рода человеческого, который хотя и не действовал сейчас, но, несомненно, был готов к действию. Такого поворота событий нельзя допустить — и эта мысль вытеснила ужас из сознания священника.

— Что означают эти огоньки? — спросил он хрипло.

Он хотел вывести Альдо из шока и побудить к деятельности. Каким бы крепким ни казался эливенер, он был очень старым человеком. А здесь ему пришлось неожиданно столкнуться с кошмаром, который он считал мертвой абстракцией, призраком далекого прошлого. Но, оказывается, этот кошмар жив и может в любую минуту снова вернуться в мир!

С явным усилием Альдо пришел в себя.

— Эти огни? Они обозначены словами, написанными здесь, под лампочками. Желтые говорят «стэндбай», что значит, как я полагаю, «жди».— Он поднес пальцы к бусинке красного цвета и продолжал: — Эта говорит «алерт», «будь на страже». Серебристая линия от нее ведет к другой части панели.

Что-то бормоча под нос, он пошел вдоль пульта, прослеживая глазами тянувшуюся вдоль него тонкую серебряную нить. Остальные следовали за ним, ожидая объяснений. Линия привела их к массивному черному коническому выступу, рядом с которым чернела надпись. Старик склонился над ней, беззвучно шевеля губами. Наконец он поднял внезапно просветлевшее лицо и взглянул на своих спутников.

— Здесь написано... написано «Снимите крышку для полного самоуничтожения системы»! Вы понимаете, какая это удача?

— *Я понимаю*,— неожиданно отозвался Горм.— *Вы стали очень неосторожны в своих мыслях здесь, внизу. Вы испускаете ментальные волны даже тогда, когда пользуетесь человеческой речью. Вы нашли то, что может уничтожить эту пещеру и нас вместе с ней, я полагаю.*

Его мысль была как обычно спокойной и холодной.

— Я хочу снять эту крышку,— твердо сказал брат Альдо, не обращая внимания на медведя.— Главное, что я узнал об этом отвратительном месте,— его можно уничтожить! — Непримиримая ненависть к чудовищным устройствам, породившим Смерть, звучала в его голосе.

— Подожди,— быстро проговорил Иеро,— дай мне разобраться с этим механизмом. Не забывай, я имел дело с машинами гораздо чаще, чем ты. Стой рядом и переводи мне надписи. Обещаю, что не буду ничего предпринимать без твоего разрешения.

Голос и мысли Альдо выдавали его глубокое волнение, и священник начал бояться, что старик сделает что-нибудь неразумное.

Эливенер на мгновение прикрыл глаза. Когда его веки снова поднялись, он выглядел более спокойным, слабая улыбка появилась на его губах.

— Я уловил твою мысль, мой мальчик,— сказал он.— Ты совершенно прав: нельзя давать волю эмо-

циям. Иди вперед, а я попытаюсь помочь тебе, если смогу.

Священник внимательно осмотрел конический выступ с ребристой вершиной, вероятно, чтобы не скользили пальцы. Осторожно зажав в ладони верхушку выступа, он попытался повернуть его. С легким скрипом крышка начала вращаться. Через минуту метс приподнял ее и отставил в сторону.

Под колпаком находилось нечто похожее на открытый часовой циферблат с большой красной кнопкой в центре. Тридцать цифр, выгравированных на поверхности металла в древней архаической системе, окаймляли круговой паз, в котором располагался указатель. Изучая механизм, Иеро увидел, что указатель легко двигается по кругу и его можно установить против любой цифры.

— Я думаю, эти цифры означают часы,— сказал Альдо, склонившись над плечом священника.— Видимо, с помощью этого устройства можно установить время — до тридцати часов, а затем невредимым уйти отсюда.

— А если это не часы, а минуты, или другие единицы времени, которыми мы уже не пользуемся? — спросил Иеро с сомнением.

Позади них слышалось возбужденное дыхание Лучар и сопение медведя.

— Здесь написано «часы»,— Альдо указал на две крохотные буквы, которые метс, занятый осмотром указателя, даже не заметил.— Это сокращение слова «час», которое я много раз встречал в древних надписях.

— Прости мои сомнения,— сказал Иеро,— откровенно говоря, я немного нервничаю. Пожалуй, нам пора отдохнуть и поесть; наверху, очевидно, уже ночь.

После этих слов путешественники действительно ощутили, насколько они голодны и утомлены. Пока Лучар доставала пищу, Горм повалился на бок прямо на пыльный пол, изображая полный упадок сил.

— Ты такой толстый, что можешь прожить неделю без еды,— улыбнулась девушка, протягивая ему кусок мяса.— Тебе было бы не вредно сбросить лишний вес! — добавила она, запуская пальцы в длинную шерсть медведя.

Путники ели сухари и мясо, запивая пищу водой из большой фляги. К концу трапезы сосуд наполовину опустел, и священник с беспокойством подумал, что больше воды у них нет и хорошо бы поискать какой-нибудь источник в пещере. Его внимание, однако, отвлек Горм, внезапно вскочивший на ноги. Медведь вытянул шею, будто прислушивался к чему-то.

— *Крылатые не вернулись*,— пришла его мысль; видимо, он имел ввиду летучих мышей.— *И еще... Гимп пытается что-то передать нам... Он встревожен!*

Иеро и Альдо одновременно прикрыли глаза, пытаясь проникнуть в сознание капитана, там, высоко над ними, на окутанной тьмой равнине. Гимп ощутил их незримое присутствие и удвоил старания. Он не мог, конечно, передать связное ментальное сообщение, но оба телепата упорно ловили обрывки его мыслей, переспрашивали, уточняли, анализировали эмоции и образы, возникающие в мозгу моряка. Наконец история, которую хотел поведать Гимп, обрела ясные очертания.

Стоявший на страже матрос внезапно заметил какое-то движение в степи, встревожился и разбудил Гимпа. Достойный капитан поднял Блуто и двух молодых, быстрых на ногу парней. Боцману было приказано разбудить остальных, тихо свернуть лагерь и вооружиться. Гимп со своими парнями осторожно двинулся на разведку. Внезапно они услышали слабый топот. Подкравшись ближе, моряки ясно увидели в лунном свете нескольких всадников, ехавших на хопперах.

— *На чем?* — спросил Иеро.

— *Не отвлекайся, объясню потом*, — отозвался Альдо.

Капитан устроил засаду, ловко заманил одного всадника, убил его скакуна и без шума взял седока. Этого человека — а он оказался человеком — доставили в лагерь и поспешно допросили. Гимп узнал тревожные новости. Целая небольшая армия, отряды отборных воинов Нечистого, людей и лемутов, двигалась на юг, а плененный всадник был одним из разведчиков. Они направлялись в «подземный мир», и их предводители знали про «дверь», через которую туда можно попасть. Войско вели несколько Мастеров Темного Братства (Гимп называл их «колдунами»). Они охотились за каким-то страшным человеком с севера, опаснейшим врагом, которого жаждали уничтожить любой ценой. Капитан требовал немедленных указаний, так как уже слышал, что отряды Нечистого приближаются. Это было все.

Иеро не стал терять времени даром, его приказы были краткими: пленника убить, морякам вместе с Клуцем отойти к северу, как можно быстрее и в полной тишине. Смерть пленника была неизбежной, в противном случае его ментальные волны могли навести врага на след отряда. После уничтожения разведчика оставалась надежда, что пропажу спишут на хищного зверя или какую-нибудь случайность. Кроме того, метс не питал сентиментальных чувств к слугам Нечистого.

Закончив переговоры с Гимпом, он повернулся к своим спутникам и сообщил новости. Альдо все слышал сам, но Лучар и даже бесстрастный Горм были неприятно поражены. В отчаянии девушка всплеснула руками:

— Они направляются в «подземный мир», значит сюда! Иеро, Горм сказал, что наши мысли сильно шумят. Наверное, злые колдуны услышали их! И они знают про какой-то другой вход! Мы в западне!

Горм, однако, оставался спокойным.

— Я говорил, что вы много думаете, но вряд ли из-за этого кто-нибудь смог бы обнаружить нас под землей, в такой огромной пещере. Мы должны найти путь наверх. У нас еще есть время.— Сделав паузу, он добавил: *— Скажите мне, когда захотите отправиться дальше.*

Альдо коснулся плеча священника:

— Конечно, мы дали Нечистому путеводную нить, но не сейчас. Я полагаю, они зафиксировали возмущение ментального поля из-за этой истории с Домом. Не вини себя, мой мальчик. То, что случилось, неизбежно. Должно быть, они вышли из Нианы раньше, чем мы считали, и двинулись на юго-восток по торговому тракту. А потом, во время твоей схватки с Домом, их главари уточнили наше положение.

— Это С'дана,— горько произнес Иеро.— Он поклялся убить меня или умереть! Наверное, ему пришлось здорово потрудиться, чтобы вычислить нас... Теперь — с Божьим именем в сердце — мы должны либо сражаться, либо бежать.— Он обвел взглядом залитое тусклым светом пространство, его плечи поникли, спина сгорбилась.

— Думай, ищи! — прогремел Альдо, гневно вскидывая кулаки.— Ты — воин, ты — священник, и сейчас не время, предаваться унынию! Ты забыл, что они безумно боятся тебя? Иначе почему они не использовали ментальные силы, чтобы обнаружить Гимпа и захватить его? Они несут блокирующие устройства, эти механические ментальные щиты, которые мы уже видели! Из-за страха перед тобой! Попытайся использовать этот ужас, которым объяты враги. Думай, мой мальчик!

Лучар не произнесла ни слова. Она подошла ближе и положила ладони на плечи Иеро, всматриваясь в бронзовое суровое лицо полными любви глазами, затем легко коснулась пальцами его щеки и отошла в сторону. Ее мужчина был здесь, с ней, и он найдет выход. Остальное было неважно.

Этот двойной призыв, словом и жестом, вывел Иеро из недолгого приступа отчаяния. Огромный склеп, в котором они заключены, больше не пугал его. Этот древний грот станет их союзником! Он начал думать, что делать, взвешивать, планировать, изучать. Брат Альдо заметил, как изменилось его лицо и понял — надо ждать. Их предводитель снова с ними.

Иеро пытался связать воедино Дом и свою незавершенную миссию. Наконец он сказал:

— Сейчас мы разойдемся. Пусть каждый отмечает свою дорогу — так, чтобы можно было вернуться. Затем посмотрел на медведя и передал:

— *Горм, ты пойдешь с Лучар. Если обнаружишь следы Дома или каких-нибудь других врагов — дай знать.*

Потом священник повернулся к старому эливенеру:

— Брат Альдо, внимательно смотри на все метки, символы и надписи — может быть, мы найдем компьютеры, если эти проклятые штуки тут есть.

— Они обязательно должны быть здесь,— последовал ответ.— Мы читали в древних книгах, что именно компьютеры каким-то образом посылали в мир это ужасное оружие и давали ему команду — куда лететь и кого убивать. Следовательно, тут есть по крайней мере одно такое устройство.

С этими словами эливенер повернулся и большими шагами направился в ближайший проход, покачивая своим тяжелым посохом. Лучар и медведь двинулись в другую сторону.

Иеро хотел остаться один, чтобы обдумать некий план и провести его в жизнь. Опасная идея зрела в его голове, идея, сопряженная с огромным риском, но, по-видимому, только она давала надежду на спасение.

Он прозондировал ментальные поля в поисках врагов и мгновенно обнаружил их. Результаты его поразили. Он забыл спросить у Гимпа, был ли у разведчика Нечистого прибор, подобный взятым у Лысого Рока и глита. Теперь же он выяснил, что все его преследова-

тели, люди и лемуты, обладали ментальной защитой. Он даже не смог понять, сколько их. Ему удалось только оценить расстояние до облака ментальной ауры, что просачивалась через защитные экраны врагов. Подобно приливу эта туча надвигалась с юга и расстояние до нее не превышало мили. С тревогой священник понял, что времени почти не осталось.

Он спокойно обдумал свое положение. Пока было ясно одно: слуги Нечистого каким-то образом узнали об этом месте и, следовательно, шли вперед без колебаний. Означало ли это, что они уже бывали здесь? Подумав, он решил, что это маловероятно. Только контрольная панель во всем огромном подземном зале носила следы недавнего пребывания живого существа, и следы оставлены не человеком.

Нет, Мастера Темного Братства еще не успели проникнуть сюда. Сведения об этом месте они могли получить из своих архивов, из древних документов, так же как и Совет Аббатств, пославший его сюда. Это подземное поселение обозначено на карте, которую он взял с тела мертвого С'нерга в далеком северном лесу. Нет сомнений, что враги имели и другие карты, еще более подробные. Очевидно, пещера интересовала их, и они собирались ее исследовать, когда придет время.

Но этот план был изменен, потому что С'дана с упорством бешеного зверя преследовал его! И они сумели как-то обнаружить отряд — то ли случайно, то ли по всплескам ментальной энергии, сопровождавшим борьбу с Домом. Брат Альдо прав: такую схватку действительно можно зарегистрировать на большом расстоянии.

Все это пронеслось в сознании Иеро в одно мгновение. Раздумывая, он стоял у центра панели. Наконец его рука потянулась вперед, пальцы легли на указатель механизма самоуничтожения. Маленький рычаг легко повернулся и встал в нужную позицию. Священник отдернул руку и несколько секунд, как загипнотизированный, смотрел на страшный прибор,

потом перекрестился и решительно нажал кнопку в середине циферблата. Раздался резкий щелчок, заставивший его вздрогнуть, но больше не произошло ничего.

Иеро поставил на место предохранительный колпак и быстро пошел прочь, направляясь к одному из западных туннелей, вход в который он заметил с платформы. Он хорошо представлял себе дорогу и двигался быстро, но осторожно, время от времени связываясь с Альдо и Лучар и сообщая им, где находится. Ни на минуту священник не забывал про Дом и был готов к неожиданному ментальному удару.

Внезапно он увидел липкую полосу в пыли — след слизистого монстра, чудовищного творения Дома. След тянулся по довольно узкому проходу, расположенному слева. Иеро прошел три десятка ярдов, свернул в следующий коридор, идущий параллельно, взял наизготовку арбалет и зажег масляный светильник. Наконечники стрел были обмотаны горючим, пропитанным маслом волокном. Теперь он мог выпустить огненную стрелу в любую секунду. «Если эта секунда у меня будет»,— с беспокойством подумал он.

В затхлом, застоявшемся воздухе подземелья что-то изменилось. Знакомый запах органического тления коснулся ноздрей священника. Тошнотворно сладкий, омерзительный, он свидетельствовал, что Иеро приближается к обители Дома.

Коридор закончился. Метс замер в тени ближайшего гигантского механизма, быстро высунулся из-за угла и тут же отпрянул обратно. Перед ним были творения Дома!

Здесь, под землей, эта чудовищная растительность выглядела еще более странной, чем на поверхности, будто в своем тайном убежище Дом создавал и лелеял ее с еще большим усердием. Вероятно, она не испытывала нужды в солнечном свете: многие из этих образований флюоресцировали сами, отливая неприятными багрово-лиловыми тонами.

Широкая темная лужа, полная плавающей пены, поблескивала у самой стены пещеры. Вода стекала в это озерцо через широкие расщелины в скалах и накапливалась в естественном углублении на дне грота. Беглый взгляд показал Иеро, что стену строители древности не закончили — ее не успели отшлифовать, и бугристые глыбы гранита торчали в первозданном виде.

Вокруг темного пятна воды возвышались заросли тонких, подобных остроконечным шпилям растений. Высотой в несколько человеческих ростов, окрашенные в грязно-желтые, оранжевые, багровые, фиолетовые цвета, они казались гнойным нарывом, образовавшимся на темной поверхности камня. На вершинах некоторых из них тускло рдели какие-то округлые образования. Теперь священник понял, что было источником свечения, которое он заметил еще при первом осмотре пещеры.

Иеро опять выглянул из-за угла огромного агрегата, в тени которого скрывался. Разглядывая эту жуткую пародию на живой лес, он ощутил одновременно страх и восхищение. Каким бы чуждым и странным ни был Дом, он мог творить нечто соразмерное и величественное! Поймав себя на этой мысли, Иеро тут же занялся проверкой своего разума. Он не забыл уроков первой встречи с Домом и опасался, что тот снова попробует заманить его в ментальную ловушку.

Но эта мысль не была внушена ему извне, он оставался совершенно свободным. Священник чувствовал, что находится вблизи тайного убежища Дома, которое тот считает абсолютно безопасным и недоступным для внешнего мира, но не сумел бы объяснить, откуда появилась такая уверенность. Вероятно, во время борьбы с Домом он вступил в такой тесный ментальный контакт с этим владыкой плесени и гнили, что смог уловить на уровне подсознания обрывки его глубинных эмоций и мыслительных процессов. Теперь какая-то

непонятная связь соединяла священника с его чудовищным врагом.

«По крайней мере, эта странная растительность не двигается»,— подумал Иеро, собираясь идти дальше. В это миг он краешком глаза уловил едва заметное колыхание теней, и замер, пристально всматриваясь в мерцающие тусклыми красками заросли. Этот ужасный лес был живым!

Стволы растений, похожих на шпили, медленно шевелились. Очевидно, эти необычные образования не имели корней, они плавно поворачивались на своих утолщенных основаниях, как будто исполняли какую-то пародию на танец или торжественный религиозный обряд. Растения явно стремились друг к другу, и когда их стволы соприкасались, по ним пробегала конвульсивная дрожь. Те, чьи вершины несли округлые светящиеся пятна, словно пронизывали ими своих партнеров. Если же сталкивались два флюоресцирующих ствола, на их основаниях выпячивались сгустки мягкой плоти, а когда породившие их создания медленно и как бы нехотя расходились, устремляясь к другим соседям, они опадали.

Иеро понял, что эти странные существа обладают некоторой способностью к ощущениям. Подобно отвратительным слизистым монстрам, которые могли чувствовать врага и реагировать на пищу, эти творения Дома тоже чувствовали, реагировали, возможно, даже мыслили. Он мгновенно понял, что если его заметят, то непременно опознают, схватят и, скорее всего, уничтожат. Еле слышно ступая, метс снова укрылся в тени огромной машины, служившей ему убежищем.

Флюоресцирующий лес частично закрывал от его взгляда черный проем туннеля, вход в который располагался за подземным озерцом. В том, что этот туннель был важной частью таившегося в земных недрах комплекса, священник не сомневался. Насколько он мог разглядеть, свод туннеля поднимался на тридцать-сорок футов; очевидно, это был главный вход

в пещеру, через который сюда доставляли гигантские метательные снаряды. Но плесень и жидкая грязь, покрывавшие подходы к нему, свидетельствовали, что люди не появлялись здесь невообразимо давно.

«Что ж, попытаемся изучить тут все, что можно»,— подумал священник. Он скользнул обратно по проходу между древними механизмами, прочь от стоячей черной воды и окружающего ее страшного леса. Когда шпилеобразные вершины исчезли, заслоненные корпусами машин, Иеро повернул в поперечный коридор, который вел к южной части пещеры, и пустился бегом. В то же время он непрерывно наблюдал за накатывающимся сгустком ментальной энергии, сопровождавшим орду Нечистого. Враги шли по неизменному маршруту, и было ясно, что они появятся из южного туннеля.

Иеро на мгновение остановился, мысленно просчитывая возможные варианты. В одном он был уверен: адепты не смогут определить ментальную ауру его мозга или сознаний его спутников. Его ментальная мощь настолько возросла, что он смог бы прикрыть не один десяток разумных существ непроницаемым телепатическим барьером. Такая защита требовала гораздо меньше усилий, чем ментальная атака, и он поддерживал эту мысленную стену почти инстинктивно.

Иеро связался с друзьями, призывая их к себе, независимо от того, удалось ли им найти что-либо интересное, и остановился подождать их, скрываясь в тени очередного механического монстра. Вскоре белая борода Альдо показалась из-за угла; через несколько минут подошли девушка и медведь. Священник был так озабочен, что даже не заметил маленького пакета, который держала в руках Лучар.

— Посмотрите сюда,— сказал он, прочертив пальцем линию на пыльном чехле машины. В тусклом свете было трудно разглядеть рисунок, и он поднес ближе огонек своей масляной лампы.— Мы находимся тут. Здесь — небольшое озеро у западной стены. Рядом, в туннеле — логово Дома; позже я объясню, откуда узнал

об этом. Вот здесь — его палец прочертил новую линию — южный вход. Этим путем идут отряды Нечистого. Подъемная машина сломалась, и мы не можем выбраться наружу прежней дорогой. Что ж, отлично, пойдем по тому туннелю, которым двигаются сюда наши враги. Но вы должны помочь мне и точно выполнить все, что я скажу.— Он сделал паузу и усмехнулся; его лицо выглядело оживленным и помолодевшим.— Конечно, есть вероятность, что мой план не сработает. Все зависит от двух обстоятельств. Первое: С'дана так жаждет заполучить мою голову, что не остановится ни перед чем, и, надеюсь, не в состоянии трезво мыслить и предвидеть опасность. Второе: там будет еще кое-кто, тоже порядком разъяренный... Ни тот, ни другой пока ничего не знают друг о друге. Таков мой план, и, я полагаю, он должен сработать.

Брат Альдо посмеивался в седую бороду.

— Я понимаю, что ты задумал, мой мальчик. Надо признать, надежда на успех у нас есть. Говори, что нужно делать.

Когда Иеро изложил свой план Горму, медведь уселся на задние лапы и замотал головой.

— *Ужасная идея, друг Иеро,*— пришла его мысль.— *Будем надеяться, что, если она сработает, мы выберемся отсюда живыми.*

Лучар не сказала ничего. Обняв Иеро за плечи, она прижалась к нему, уткнувшись лицом в грудь метса.

— Вот что мы сделаем,— продолжал священник.— Вы все пойдете в юго-западный угол этого лабиринта и спрячетесь там как можно тщательнее. Потом я разыщу вас. Теперь же я пойду обратно — туда, откуда пришел. Поторопитесь!

Он нежно коснулся губами волос девушки и подтолкнул ее к темному проходу. Войско Нечистого было уже близко!

Возвращение к подземному озеру заняло не больше пяти минут; следы были четко видны в тысячелетней

пыли, устилавшей пол. Скрываясь за углом огромного механизма, он пристально вглядывался в кошмарный сад, украшавший обитель Дома. В тусклом свете, что падал с потолка грота, чудовищные растения продолжали свой медленный танец, сталкиваясь и испуская зловоние.

Иеро поднял арбалет, прицелился, затем опустил оружие, достал стрелу и поджег пропитанное маслом волокно. Привычными, доведенными до автоматизма движениями он вставил пылающую стрелу, вскинул арбалет и нажал на спусковой крючок. Горящий снаряд прочертил дугу над темной водой и вонзился в ствол одного из самых высоких растений.

Яростное пламя охватило ствол, тварь корчилась, разбрасывая искры, желтые языки огня рванулись вверх, в стороны, и мгновенно охватили дюжину ее соседей. Иеро хотел послать еще одну стрелу, но огонь распространялся так быстро, что в этом не было нужды. Он погасил светильник и подвесил его к поясу.

Вдруг священник услышал вопль, вибрирующий на такой высокой ноте, что находился на пороге слышимости. Видимо, эти звуки испускали агонизирующие отвратительные существа, полурастения-полуживотные, гибнущие в объятиях огненной смерти. Так могли кричать демоны в аду, подумал он и почувствовал мгновенное сожаление. Эти твари были живыми, и они ощущали муки и страх.

Затем он вспомнил о своей задаче и решительно шагнул вперед.

Странные растения — те, которые еще не корчились в огне,— как-то распознали его присутствие. Он был прав, когда думал, что эти существа могли чувствовать и понимать. Несомненно, они знали, кто виноват в их гибели. Высокие колонны стволов согнулись и нацелились прямо на него, словно копья в руках невидимых гигантов. Почти физически он ощущал исходившую от них волну ненависти.

Жуткий лес, творение Дома, пылал. Струйки стремительно движущегося огня охватывали все новые растения, клубы дыма тянулись под своды пещеры, копоть и пепел оседали на обнаженной поверхности скал. Великолепие и ужас этого зрелища едва не погубили священника. Вершина одного из уцелевших стволов, направленная прямо на него, внезапно озарилась фосфорическим светом. Затем из нее фонтаном ударила струя какой-то клейкой субстанции, разлетевшаяся в воздухе на багровые пылающие капли. Атака была столь неожиданной, что Иеро едва успел отскочить в сторону. Стоило промедлить мгновение — и дождь светящихся капелек слизи накрыл бы его. Несколько капель разбились о его сапоги, одна попала на тыльную сторону ладони. Он почувствовал резкую жгучую боль и, содрав волокно с наконечника стрелы, обмакнул его в масло и протер руку. Затем Иеро поспешно отступил назад, под прикрытие несокрушимого корпуса ближайшего механизма; вдогонку полетело еще несколько ядовитых струй. Он прислонился к пыльному чехлу машины и, скрестив руки, обратился с молитвой к Всевышнему. Уже около часа метс настойчиво и обдуманно дразнил владыку этого зловонного царства. Где же он? Почему ничего не предпринимает? Или его, Иеро, предположения оказались ошибочными? Сжавшись, инстинктивно напрягаясь, священник ожидал ментального удара своего страшного врага. Отвратительный запах горящей плоти и густой дым были уж очень неприятны. «Где же ты, Дом, будь ты проклят?!»

И Дом пришел!

Прежде чем человек успел осознать происходящее, зловонные воды подземного озера хлынули на берег, волны кругами побежали по темной поверхности, и что-то похожее на амебу, влажно блестевшее, стало выпячиваться из мерзкой жидкости, стремясь наружу под тусклым мерцанием древних светильников. Дом выплывал из воды! Ментальные удары чудовища один

за другим посыпались на одинокого человека, замершего рядом с исполинскими машинами, творением и проклятием его предков.

Иеро был готов к этому поединку. Еще во время первой встречи с монстром он попытался понять и проанализировать его странную способность парализовать разумные существа и решил, что чудовище скорее атаковало нервную систему, чем непосредственно мозг жертвы, било в нервные узлы тела, не задевая процессы мышления, рассудок. Очевидно, Дом мог влиять на подсознательные процессы, и именно эти каналы, ведущие в святая святых своего разума, Иеро запечатал особенно тщательно. В каком-то отдаленном уголке его мозга возник слабый всплеск удивления: монстр был относительно невелик. Коричневатая слизистая масса вздымалась не выше головы человека и имела в окружности всего пять-шесть ярдов. Чудовище все еще сохраняло свою странную четырехугольную форму, но линии его тела непрерывно дрожали и колебались, вызывая головокружение и тошноту.

Иеро также видел, что этот разумный улей мог скользить на своем плоском основании подобно тому, как двигались ужасные растения-животные на берегу подземного озера. Монстр перемещался довольно быстро, но священник не сомневался, что сумеет обогнать его.

Желеобразная массивная туша нависла над берегом озера, потом устремилась к человеку. Похожие на щупальца осьминога псевдоподии, колебавшиеся на вершине, раздраженно вибрировали, метались по сторонам. И в эту минуту вся неимоверная ментальная мощь твари, усиленная яростной злобой, ударила в мозг священника. На доли секунды контакт человека с этим извращенным творением радиоактивной Смерти стал настолько тесным, что их мысли переплелись, словно ветви растущих рядом деревьев, и Иеро понял, почему Дом выбрал укрытие в глубинах подземного озера и что он сделал, послав пылающую стрелу в заросли на берегу! Странные полурастения-полуживотные, чувст-

вующие и, возможно, даже мыслящие — это гарем жуткого повелителя!

Ментальная печать, которая охраняла его подсознание, была прочной и, несмотря на все старания Дома, священник мог двигаться. Молясь о ниспослании ему силы, он бросился прочь по широкому коридору, что тянулся между корпусами молчаливых машин. Монстр скользнул вслед, а за ним, бешено вращаясь, двигались уцелевшие шпилеподобные твари.

Иеро понял, что Дом узнал его. Странный мозг, вместилище многих разумов, был охвачен ненавистью, затуманен гневом. Ненавистью к ничтожному, уже сумевшему один раз противиться его безграничной власти и погубившему многие его творения там, на поверхности земли! Ненавистью к страшному врагу, проникшему в его тайное убежище, посягнувшему на его самок, резвившихся на берегу озера! За ним, скорее! Уничтожить, разорвать, раздавить непокорного! Скорость монстра все возрастала, псевдоподии возбужденно хлестали воздух, пытаясь схватить человека.

Тщательно соразмеряя быстроту бега с продвижением преследовавшей его стаи, Иеро мчался вперед. Непрекращающиеся атаки на свой разум он блокировал, довольствуясь только защитой и не пытаясь нанести ответный удар. В создавшемся положении это могло быть опасно: он мог приоткрыть Дому такие неведомые уголки собственного мозга, в которые чудовище постаралось бы прорваться, используя неведомые способы нападения. Кто знал, на что способна эта тварь, если ее безумная ярость на мгновение остынет, уступив место холодной и смертоносной логике!

Вдоль безмолвных, покрытых пылью коридоров, под тусклым мерцанием древних светильников продолжалась эта странная погоня. Человек размеренно бежал вперед, властелин королевства плесени стремился догнать и уничтожить его. Кроме звука легких шагов, дыхания Иеро да слабого свистящего шума, который сопровождал движение преследователей, царившую во-

круг полную тишину не нарушало ничто. Наблюдателю исчезнувшей расы, которая создала пещеру, происходящее могло бы показаться странным призрачным спектаклем. Квадратный Дом и дюжина уцелевших от огня гадких тварей скользили, едва касаясь пола; человек бежал, поднимая пыль; накрытые плотными чехлами древние машины стояли вокруг, словно окаменевшие гигантские животные.

Священник вел своих преследователей к южному туннелю сложным зигзагообразным путем. Он не хотел, чтобы их маршрут стал понятен Дому и в то же время старался не слишком отклоняться от выбранного направления. Наконец он услышал звуки, которых ждал с таким нетерпением — еще приглушенный расстоянием топот множества ног! Отряды Нечистого вошли в пещеру! Стараясь экономить силы, Иеро продолжал бежать; неумолимый, словно судьба, повелитель гнили с остатками своего гарема спешил по его следам; тысячелетняя пыль окрашивала всех в одинаковый серый цвет.

У заранее намеченного перекрестка Иеро резко прибавил шагу, рванулся вперед, подобно птице, заманившей охотника далеко от своего гнезда и собравшейся прекратить опасную игру. Священник свернул в поперечный коридор, ведущий прямо к южной стене, стрелой пролетел его, повернул еще раз и скользнул в узкую щель между двумя гигантскими машинами. Он оторвался от преследователей ярдов на двести и находился теперь значительно левее своего прежнего маршрута. Теперь внимание метса было сосредоточено на южном туннеле, и то, что он увидел, заставило его возбужденно вздохнуть.

Вливаясь в пещеру, шеренга за шеренгой, отряд за отрядом, шли воины Нечистого. Пока священник наблюдал за ними, последний солдат прошел под высоким сводом, и теперь вход опять зиял пустотой. Их было не менее двух сотен, людей в темной одежде с длинными пиками на плечах и лемутов, облаченных

только в собственные шкуры. Иеро увидел Волосатых Ревунов, людей-крыс и небольшую группу новых тварей Нечистого, глитов, чешуйчатая серая кожа которых поблескивала в тусклых лучах светильников. В арьергарде колонны шли люди в темных плащах с капюшонами. Иеро усмехнулся. Да, адепты злых сил хорошо подготовились, послав целое войско против одного человека!

Затем случилось то, чего он ждал. Первая половина его отчаянного плана принесла плоды! Из широкого центрального прохода, полный безрассудной ярости на весь род людской, возник Дом!

Из своего укрытия Иеро мог видеть все, каждый акт этой жуткой драмы. Колонны внезапно остановилась, воины замерли в пятистах ярдах от входа в туннель, на открытом пространстве между стеной пещеры и скопищем машин в ее центре. Ни люди, ни лемуты не могли пошевелиться. Маленькая группа Мастеров Темного Братства тоже застыла, тесно сдвинув капюшоны, как будто пытаясь растопить глыбу льда, упавшую между ними.

Священник бросил взгляд на Дом. Чудовище остановилось неподалеку от центрального коридора, его свита сгрудилась позади. Похоже, монстр свирепо боролся с новым противником, пытаясь овладеть неожиданно возникшей ситуацией. И это ему удавалось! Во всяком случае, защитные приборы не спасли слуг Нечистого от ментального удара Дома!

«Они попались друг другу в лапы! Отлично!» — с торжеством подумал священник, наблюдая своих врагов, сцепившихся в безмолвном поединке. Он ощущал, как адепты зла прикладывают чудовищные усилия, чтобы вернуть свободу. Но в сфере влияния Дома оставался только один свободный разум — разум Иеро! Непрерывное давление, которое монстр оказывал на его мозг, исчезло. Чудовище никогда раньше не сталкивалось с таким множеством врагов одновременно, и вся его ментальная мощь была направлена на то, чтобы

удержать их в неподвижности. Что сделает Дом с ними? Вызовет на помощь тварей с поверхности земли? Но путь сюда неблизок, и Иеро знал, что теперь у него достаточно времени, чтобы завершить свои планы.

Он снова побежал вдоль крайнего южного ряда машин, стараясь держаться в их тени. Казалось, ни Дом, ни слуги Нечистого не заметили его легкой фигуры, мелькавшей в сумеречном свете.

Священник пересек широкий след в пыли, который вел к центру механического лабиринта, и через несколько мгновений очутился в укромной нише, образованной выступами какого-то неведомого агрегата. Тут его поджидали брат Альдо, девушка и медведь. Лица людей были взволнованными и напряженными, и даже всегда флегматичный Горм нетерпеливо переступал лапами и возбужденно нюхал затхлый воздух.

— Идем! — позвал Иеро.— И не позволяйте своим мыслям блуждать по сторонам! Я прикрываю всех ментальным барьером, но кто знает, достаточно ли этого? Альдо, если можешь, построй дополнительный защитный экран. Теперь вперед, и быстро!

— Иеро! — воскликнула Лучар и пыталась сказать ему что-то, но он остановил девушку резким взмахом руки.

Они шагали к южной стене, быстро пересекая открытое пространство. Священник держал Лучар за руку, и ощутил, как задрожали ее пальцы, когда девушка увидела отряды застывших врагов. Но она не промолвила ни слова. Альдо и Горм шли за ними, поднимая обильную серую пыль. «Теперь — подумал Иеро,— они могут увидеть нас. Помоги нам Бог, если моя защита дрогнет!»

Дом каким-то образом почувствовал их. Несмотря на усилия, которые прилагал монстр, чтобы держать в неподвижности воинов Нечистого, он попытался нанести ментальный удар по новой цели. Иеро легко отразил его. Методы, которые применял Дом в борьбе, уже не

были тайной для священника, а кроме того, чудовище не могло использовать против них всю свою силу.

Но для другого противника, никогда не встречавшегося раньше с подобным созданием, сражение оказалось проигранным. Войско Нечистого, люди и лемуты, предводители и их рабы — все замерли, неспособные шевельнуть даже пальцем. Две злые силы связали друг другу руки, которые тянулись к его горлу!

Иеро шел мимо солдат в черных плащах и темных металлических шлемах; длинные копья в судорожно сжатых руках торчали, как смертоносный частокол. Глаза людей зажглись ненавистью, когда четверка беглецов миновала строй, но несокрушимые тиски Дома сковывали их тела.

За солдатами стояли люди-крысы. Этих дьявольских тварей Иеро хорошо знал. Огромные грызуны-мутанты с высоким интеллектом и когтистыми лапами, почти не уступавшими рукам человека, были опасными противниками. Они держали длинные острые ножи, дубины и пики, их покрытые коричневой шерстью тела обвивали широкие ремни, на спинах горбились мешки с запасами и снаряжением. Как и союзники-люди, они не могли шевельнуться, парализованные Домом, только красные глаза горели неутолимой злобой.

В конце колонны, недалеко от входа в туннель, замерли предводители вражеского войска. Их было с полдюжины — мрачные фигуры в низко надвинутых капюшонах. Проходя мимо, Иеро почти физически ощутил исходившие от них потоки ненависти. Он не сомневался, что любой из этих колдунов с радостью бы принял смерть, чтобы заодно уничтожить и его, но сейчас они были беспомощны, как кролики в лапах рыси. Очевидно, они не понимали источника ментальной силы Дома и не могли разобраться в его приемах борьбы. Неожиданная атака сковала их точно так же, как и самого священника, когда он впервые встретился с огромным ульем.

За плечами Иеро висел арбалет, в правой руке он держал свой короткий меч, левой крепко сжимал дрожащие пальцы Лучар. Но его опасение, что один или несколько воинов Нечистого сумеют освободиться от мертвой хватки Дома, не оправдалось. Обогнув группу Волосатых Ревунов, чей резкий запах перебивал плывущее от Дома зловоние, он зашагал быстрее; его спутники старались не отставать. Они вошли в туннель, и священник увидел, почему враги выбрали этот путь в пещеру.

Перед ними лежал пологий склон футов тридцати в ширину. Начало прохода можно было ясно разглядеть в неярком свете, лившемся из пещеры. Затем туннель поворачивал и там, дальше, царила тьма. Сотни ног протоптали широкую тропу в пыли, покрывавшей пол толстым слоем.

Метс остановился, высек огонь, снова зажег светильник, потом махнул рукой в глубину туннеля, и, подчиняясь этому молчаливому приказу, его спутники двинулись вперед. Оставшись один, Иеро бросил последний взгляд на скопище гигантских машин в центре пещеры и сцену, которая разворачивалась на их фоне. Он по-прежнему ощущал яростное противоборство ментальных сил — адепты Нечистого упорно пытались вырваться из тисков Дома. Взгляд Иеро скользнул по угловатой приземистой туше монстра, по грязно-багровым, покрытым пылью тварям из его свиты и остановился на безгласной армии, застывшей в четверти мили от него.

Пожав плечами, он повернулся и быстро пошел вверх, высоко подняв светильник и высматривая своих спутников. Они не успели уйти далеко, и вскоре Иеро догнал их. Лучар бросила на него быстрый взгляд, но он только взмахнул рукой, призывая поторопиться. Молча они двигались несколько минут. Наконец девушка спросила:

— Это чудовище, там в пещере... Надолго ли оно сможет задержать их, как ты думаешь?

— Не время говорить об этом,— сухо ответил Иеро.— Прошу тебя, девочка, побереги дыхание. Смертельная опасность все еще угрожает нам, и она ближе с каждой минутой.

Девушка не обиделась на эту суровую отповедь, понимая, что ее возлюбленный прав. Путники по-прежнему шли молча, в быстром темпе, заданном их предводителем. Туннель постепенно повышался, но почти незаметно. По стенам подземного коридора бежали металлические трубы, врезанные в скалу с микрометрической точностью, над ними змеились черные кабели. Дважды попадались широкие залы, заставленные каким-то оборудованием, но люди не останавливались. Тут не было света, и только слабое пламя глиняных светильников разгоняло темноту.

«Должно быть, это главная дорога в пещеру»,— мысленно отметил священник, механически переставляя вперед и вверх уставшие ноги. Они шли уже долго, едва ли не целую вечность, но он не решался остановиться и отдохнуть. Правда, Лучар и медведь казались свежими, но, прислушиваясь к тяжелому дыханию Альдо, священник понимал, что запас сил старого эливенера убывает. Наконец он спросил:

— Удалось вам найти что-нибудь похожее на компьютер?

— Нет,— ответил Альдо.— В этом подземном лабиринте его поиски могли занять недели или месяцы. Но Лучар нашла кое-что и взяла с собой.

Голос эливенера был ясным и чистым; по-видимому, старик еще мог идти с прежней скоростью. Иеро успокоился, но, на всякий случай, пошел немного медленнее. Альдо прикоснулся к его плечу:

— Как ты полагаешь, мой мальчик, слуги Нечистого могут освободиться? У них много людей и есть вьючные животные... Если они найдут здесь древнее оружие, это обернется катастрофой. Да еще этот Дом! У него

неимоверная сила, Иеро! И что мы противопоставим этой твари, если она овладеет знаниями прошлого?

— Дом не интересуется ни прошлым, ни машинами, ни оружием. Он способен думать и чувствовать, как всякое живое существо, и теперь я знаю его мысли. Ему не нужны механические устройства, его заботит только то, что он может создать или вырастить сам. Его приборы и механизмы — живые создания.

Священник не вспомнил о находке Лучар, тревога не отпускала его, и он снова, почти инстинктивно, ускорил шаги.

Внимательно выслушав Иеро, эливенер покачал головой.

— Возможно, ты прав,— сказал он.— Но мы знаем, что Дом или одно из его созданий приходили к главной панели. Вспомни содранный чехол!

— Я помню,— усмехнулся Иеро,— и на всякий случай принял кое-какие меры. Сколько мы уже идем, как ты считаешь?

— Не меньше двух часов, я думаю. Мы уже в безопасности?

— Нет. Мы должны выбраться наверх и идти, пока не упадем. Напряжение ментального поля в пещере растет, я чувствую это. И мне кажется, Дом слабеет!

— Если они уничтожат его, то кинутся в погоню за нами,— обеспокоенно сказала Лучар.— Может быть, нам удастся как-то завалить вход в туннель?

— Может быть,— кратко ответил священник.

— Неужели они способны противостоять Дому? — Альдо в задумчивости погладил бороду.— Его мощь казалась мне безграничной.

— Да, он очень силен,— согласился Иеро.— Но ему никогда не приходилось контролировать сразу так много разумов. И среди них — несколько мощных, тренированных, которые пытаются освободиться согласованными усилиями! Я чувствую, Дом экономит энергию и не отваживается даже шевельнуться. Но он ждет

чего-то. Вероятно, вызвал своих слизистых тварей, которые способны поедать животных. Однако мастера Нечистого борются свирепо! Интенсивность их ментальных полей растет — это заметно, несмотря на все защитные барьеры.

— Я тоже ощущаю это,— кивнул Альдо.— Неужели они убьют это сказочное создание? Как я хотел бы изучить его, узнать, что оно думает, чувствует, чего хочет от жизни! — Его голос был задумчивым и грустным.

Иеро уставился на старика в немом изумлении. Да, Братство эливенеров было готово покровительствовать любому живому созданию!

— *Мы приближаемся к хорошему воздуху!*

Горм, переваливаясь, ускорил шаги, его розовый нос был поднят кверху, серая пыль дюймовым слоем покрывала шерсть. Почуяв выход из мрачного подземного мира, медведь заметно приободрился.

Иеро на мгновение прикрыл светильник полой плаща, и путники напрягли зрение. Действительно тьма стала менее густой или это только казалось? Надежда вновь увидеть солнце поддерживала угасающие силы.

Дневной свет, сначала слабый, усиливался, тьма серела и отступала. Иеро замедлил шаги и повернулся к своим спутникам; лицо его выглядело утомленным.

— Они могли оставить охрану у входа,— сказал священник.— Подождите несколько минут, я проверю.

Его мысль скользнула вперед, пытаясь нащупать сознания существ, которые могли скрываться в засаде у туннеля. Но он ничего не обнаружил, даже слабого намека на всплеск ментальной энергии, который просачивался через барьер, создаваемый защитными приборами Нечистого. Очевидно, враги были уверены, что уничтожат его, и не приняли никаких мер предосторожности.

Путники вновь осторожно двинулись вперед. Вскоре свет стал настолько сильным, что необходимость в

лампах отпала. До их слуха донеслось щебетанье птиц, и теперь даже слабое обоняние людей уловило в воздухе аромат степных трав.

Скоро они увидели впереди огромные полураскрытые двери. Запоры оказались сломаны. Когда Иеро очутился по другую сторону ворот, предусмотрительность древних восхитила его. Внешняя часть створок была покрыта каким-то веществом, маскирующим их под скалу, но на вид гораздо более прочным, чем камень. Адепты Нечистого, должно быть, знали об этом, как и о точном расположении ворот, иначе не смогли бы так быстро настигнуть их отряд.

«Еще немного — и мы спасены!» — мелькнула мысль в голове священника, пока он жадно вдыхал свежий рассветный воздух. Солнце только встало, и он понял, что сейчас около пяти часов утра.

— Торопитесь,— Иеро обернулся к своим изнемогавшим спутникам,— торопитесь! Мы не можем медлить! У нас осталось не больше часа!

Путники обогнули гигантский валун, засыпанный песком и щебенкой, которые скрывали вход в туннель. Хромая и пошатываясь, они шли на юг за своим предводителем; никто не задавал вопросов и никто не сомневался, что у Иеро были веские причины торопить их. Альдо тяжело опирался на свой посох, его лицо посерело, лоб блестел от пота. Мышцы горели, широко раскрытые рты жадно хватали воздух, ноги дрожали и подгибались.

Вокруг лежала прерия, переходившая в полупустыню: сухая почва, поросшая травой, чахлыми деревьями и колючим кустарником, кое-где усыпанная обломками камней, большими валунами и песком. Теплый воздух раннего утра постепенно сменял прохладу рассвета, пока четверо путников, медленно ковыляя, двигались вперед. Время тянулось бесконечно медленно.

Затем *это* произошло. Иеро, находившийся в постоянном напряжении, почувствовал *это* первым.

— Ложитесь! — закричал он, падая на землю и прикрывая Лучар своим телом. Брат Альдо тяжело опустился рядом с ним, за его спиной съежился Горм, свернувшись в пушистый клубок.

Земля едва заметно дрогнула, так слабо, что это можно было принять за мышечный спазм их измученных тел. Затем почва начала вздыматься и опадать, как будто по ней ходили огромные волны. Земная твердь, только что бывшая прочной и надежной опорой, внезапно стала зыбкой, словно трясина или морская пучина. Горм внезапно глухо завыл от ужаса, уткнувшись носом в песок и закрыв голову лапами.

Приглушенный расстоянием рев потряс воздух. Земля перестала дрожать, чудовищный грохот стих, люди подняли головы и посмотрели друг на друга. Иеро улыбнулся первым, его белые зубы сверкнули на грязном, покрытом пылью и землей лице. Затем гулко расхохотался Альдо. Он вскочил на ноги, словно груз прожитых лет и огромной усталости больше не давил на него, и подбросил в воздух свой посох.

Лучар приникла к груди Иеро, обняв его за шею, затем ткнулась губами в пыльную, заросшую щетиной щеку и прошептала:

— Что это? Что это было?

— Это,— ответил брат Альдо, протягивая руку, чтобы помочь девушке подняться,— была кнопка на центральной контрольной панели, обозначенная словами «полное самоуничтожение». Я прав, мой мальчик?

— Да. Я установил механизм с упреждением на четыре часа. Что за люди были древние! Их устройства работают точно спустя пять тысяч лет после гибели создателей! Оттуда,— он указал в сторону туннеля,— Нечистый уже не получит ничего! Его войско уничтожено, Дом тоже погиб. Но если бы он не задержал их отряды, я не смог бы ничего сделать.

Молча они посмотрели на север. Там, где раньше простиралась широкая равнина, показался гигантский

бетонный купол, покрытый трещинами, его края были засыпаны вздыбленными глыбами земли и обломками скал. Низкие деревья и кустарник исчезли, сметенные силой чудовищного взрыва.

— Пора двигаться,— произнес священник.— Наши люди и Клуц, вероятно, идут на север, и нам надо поскорее догнать их.

— Теперь наш путь станет легче,— сказал Альдо, отряхивая пыль с курчавых волос и бороды.

— Надеюсь,— отозвался священник.— Но я все еще не нашел компьютер. И это войско — только небольшая часть тех сил, которые Нечистый может выставить против нас, если потребуется. Кроме того,— добавил он,— С'дана еще жив. Я узнал бы его, если б он был там, внизу. Но он не пришел. Когда-нибудь мы встретимся снова, он и я.

— Может быть, ты и не нашел компьютер,— лицо старого эливенера озарилось улыбкой,— но взгляни, что разыскала Лучар. Она обнаружила несколько книг, брошенных в спешке, вероятно, кем-то, изучавшим эту науку. Я могу прочитать название. Попытайся-ка сделать это сам.

Онемев от изумления, Иеро уставился на маленькую пухлую книгу, которую протягивала ему девушка. «Принципы проектирования аналоговых компьютеров» прочитал он с усилием на древнем полузабытом английском языке и раскрыл книгу. Страницы из пластика были заполнены убористым текстом, формулами и схемами. Священник был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова. Здесь говорилось о том, как строить компьютеры! Альдо и Лучар с улыбкой смотрели на его грязное, потное, счастливое лицо.

— Смотри,— сказал Альдо, показывая пальцем,— здесь написано «Том 1». Лучар нашла все эти книги — тома второй и третий. Она позвала меня и я прочитал их названия. Но мне почему-то кажется, что даже без меня она сообразила, что попалось ей в руки!

Со счастливой улыбкой Иеро обнял девушку. Затем три человека и медведь начали свой долгий путь на север, осторожно пробираясь среди груд земли и вывороченных взрывом камней. Последнее слово, или, вернее, мысль в этой истории попытался оставить за собой Горм.

— *Нельзя идти вперед слишком быстро*,— ворчливо заметил он.— *Постарайтесь теперь делать это не так стремительно, как люди прошлого.*

— Мир движется вперед с определенной скоростью,— подумав, ответил Альдо.— И всем нам хорошо бы научиться идти в ногу с ним.

ИЕРО
НЕ ДАЮТ ПОКОЯ

ПРОЛОГ

Новая миссия

За пять тысячелетий, прошедших после Смерти, мир сильно изменился: густые дремучие леса и обширные пустоши покрыли выжженный американский континент. Великие озера слились и образовали огромное Внутреннее море, климат потеплел, потому что Земля находилась теперь в начале нового межледникового периода. Одни виды растений и животных вымерли, другие изменились и приняли весьма странные формы, нередко — чудовищные и опасные.

Ученые-священники Аббатств образовавшейся на западе Канады республики Метс предпринимали неимоверные усилия, стараясь остановить медленное угасание человеческой цивилизации и вернуть утраченные знания. Но с каждым годом они все больше проигрывали в этом состязании Нечистому и его Братству, адепты которого заставили даже непоколебимые законы природы служить своим темным целям. Ментальные силы, которыми владели священники Аббатств, уже не были надежной защитой от нападений сторонников Нечистого и их внушающих ужас слуг-лемутов, выдрессированных злыми колдунами полуразумных зверей-мутантов.

Аббат Демеро, один из членов Совета Аббатств, был уверен, что все сведения, необходимые для победы над Нечистым, уже хранятся в главной библиотеке страны, но разобрать и обработать гигантскую массу информации оказалось выше человеческих сил. Однако он знал, что до Смерти с подобными проблемами успешно справлялись устройства, называемые компьютерами, и что где-то далеко на юге, в древних разрушенных городах, могло сохраниться несколько этих замечательных машин.

Но путешествие на юг — как и попытка доставить обратно целый компьютер или руководство по его конструированию — являлось сложной задачей: малоизученные и таящие всевозможные опасности южные районы континента находились под контролем колдунов Темного Братства. Для выполнения этой ответственной миссии Демеро выбрал своего бывшего ученика — пера Иеро Дистина, священника-заклинателя второй степени, Стража Границы и опытного бойца-киллмена.

Иеро, собрав необходимое снаряжение и оседлав своего верного скакуна — лорса по кличке Клуц,— тронулся в путь. Лорсы, верховые животные, выведенные из мутировавших потомков древних лосей, являлись незаменимыми спутниками в подобного рода путешествиях; их действиями можно было управлять телепатически, а огромная сила и свирепость рогатых быков служили надежной защитой от многих опасностей. Вскоре к путешественникам присоединился Горм — молодой медведь, которого старейшины его племени послали изучать мир людей. Горм сообщил Иеро, что один из адептов Нечистого готовит ему ловушку. С помощью медведя священнику удалось победить темного колдуна, но вдогонку за ним ринулась целая стая лемутов.

Уходя от преследования, Иеро отбил у племени дикарей юную чернокожую девушку, которую те собирались принести в жертву. Лучар — так звали его новую спутницу — оказалась единственной дочерью короля Д'Алва, государства, расположенного на берегу Лантического океана. Девушка поведала священнику, что рассталась с домом, не желая выходить замуж за властителя соседней страны — жестокого короля Чеспека; однако скоро ее поймали работорговцы, из рук которых она попала к дикарям. Иеро был поражен необычной внешностью Лучар: ее кожа отливала темной медью, а черные волосы вились. Метсы — его родной народ, произошедший от живших некогда в Канаде

метисов,— имели прямые волосы и бронзово-красную кожу.

Вскоре адептам Нечистого, использовавшим хитроумную уловку, удалось захватить Иеро в плен. Его доставили в одну из тайных крепостей Темного Братства, которая располагалась на острове, лежащем в водах Внутреннего моря; там ментальные способности священника были полностью блокированы специальными механическими устройствами. Находясь в безвыходном положении, Иеро попытался использовать другие диапазоны излучения своего мозга и в результате, поработив сознание атаковавшего его с помощью машины колдуна, совершил побег со страшного острова.

Воссоединившись со своими спутниками, он продолжил исследование своей новой ментальной силы и одновременно обучал Лучар основам телепатии. Путешественники двигались все дальше на восток, но слуги Нечистого с ордами лемутов постоянно преследовали их. Наконец врагам удалось загнать маленький отряд Иеро в ловушку среди развалин полузатонувшего древнего города, и только появление нового союзника — чернокожего эливенера Альдо — спасло их от неминуемой гибели. Брат Альдо — член общества эливенеров, называемой также Братством Одиннадцатой Заповеди,— владел удивительной властью над животными; он вызвал из темных морских глубин чудовищную рыбу, которая уничтожила преследовавший беглецов корабль Нечистого. Предложив священнику свою помощь, брат Альдо договорился с вольными торговцами, чтобы те перевезли их через Внутреннее море на своем судне.

Адепты Нечистого продолжили погоню и потопили корабль у южного побережья. Иеро со спутниками, вместе с капитаном Гимпом и его командой, углубляется в неизведанные южные леса; тут лежит их единственный путь к спасению, тут, в развалинах древних городов, таятся сказочные устройства, за которыми его послали.

Преодолев опасности, подстерегавшие их в темных зарослях джунглей, миновав владения странного, обитающего на деревьях лесного народа, путешественники наконец добрались до территории, помеченной на старой карте, которую аббат Демеро вручил своему ученику. Не без помощи сообразительного медведя Иеро находит потайной ход, ведущий в огромный подземный ракетный комплекс, где хранится удивительная техника древних времен.

Но прежде чем поиски священника увенчались успехом, в подземелье вступили отряды Нечистого. Запустив устройство полного самоуничтожения комплекса, путешественники быстро покинули его; с безопасного расстояния они наблюдали за тем, как гигантская масса земли после страшного взрыва погребла Темных Колдунов и их воинство. Однако компьютеры, находившиеся на подземной базе, были теперь навсегда потеряны для Аббатств Метса.

И тут брат Альдо вручил Иеро старинные книги, которые нашла в подземелье Лучар, пока мужчины рассматривали покрытую пылью древнюю технику. Священник бросил взгляд на обложку первого томика, и радостная улыбка появилась на его губах: перед ним было руководство по проектированию компьютеров! Получив эти книги, Аббатства наверняка смогут создать собственные вычислительные машины. Миссия Иеро завершена; ему остается только отправиться обратно на север и доставить драгоценную находку аббату Демеро.

Но старый эливенер уготовил ему иную судьбу.

На унылой, залитой ночной тьмой равнине горели два небольших костра. Вокруг одного из них грелась компания морских бродяг, у другого высокий темнокожий старик что-то негромко объяснял своим молодым спутникам.

— Я должен немедленно отправляться на север,— произнес брат Альдо, задумчиво уставившись в пламя

костра,— посоветоваться с братьями. Сейчас, когда всем нам грозит гибель, мы уже не можем бездействовать и пассивно наблюдать за врагом. Я думаю, что теперь Братство всеми силами должно противостоять надвигающейся на нас угрозе.— Глубокие морщины проступили на лице эливенера, сразу выдав его преклонный возраст.

Иеро сидел молча, наслаждаясь живительным теплом. По сравнению с темной кожей спутников, его бронзово-красная кожа казалась совсем светлой в мерцающих отблесках пламени. Прямые черные волосы священника были коротко острижены, а ястребиный нос и гибкое, жилистое тело наводили на мысль о чисто индейском происхождении; однако на верхней губе Иеро красовались пышные, слегка закрученные вверх усы.

Лучар дремала, положив голову ему на плечо, и он, нежно улыбнувшись, покрепче обнял ее за талию. Метс взглянул в сторону второго костра: капитан Гимп о чем-то оживленно совещался с командой. Священник рассеянно перевел глаза на темную опушку леса неподалеку. Интересно, чем занимаются сейчас Вайлэри и ее странный народ? И увидятся ли они еще? Брат Альдо снова заговорил, и Иеро с некоторым усилием вернулся к ночной равнине и горевшему на ней костру.

— Мы хорошо поработали — изрядно пощекотали Нечистому пятки и уничтожили немало его людей; более того — у нас теперь есть вот это.— Жилистая рука эливенера потянулась к свертку с книгами.— Твоя миссия успешно завершена, пер Иеро Дистин. Но это вовсе не значит, что для такого опытного воина больше не осталось работы. На юге зло вновь поднимает голову, именно туда тебе и предстоит отправиться. Тебе и Лучар.

— А как же книги? — запротестовал удивленный священник.— Я должен как можно скорее доставить их в Аббатства! К тому же я совершенно незнаком с

южными территориями... даже сюда мне удалось добраться по чистой случайности!

Эливенер загадочно улыбнулся:

— Не волнуйся, сынок. Аббат Демеро получит эти книги. Завтра утром они отправятся на север вместе со мной. Я знаю твоего наставника очень, очень давно... — Глаза старика насмешливо блеснули.— Как ты думаешь, кто попросил меня приглядеть за одним шустрым парнем? И почему я так быстро пришел на помощь тебе и Лучар, когда вы угодили в ловушку в затопленном городе, а?

Возглас удивления застыл на губах Иеро. Теперь, однако, для него многое становилось ясным: значит, то было не совпадение и уж тем более не счастливое стечение обстоятельств — эливенер твердо знал, кого и когда он должен вытащить из смертельной западни. Стоило поразмышлять над тем, кому еще могли поручить приглядеть за ним.

По лицу молодого священника скользнула печальная усмешка:

— Мне следовало раньше догадаться... Значит, отец Демеро прятал в рукаве козырные карты, о которых не собирался говорить мне...

Брат Альдо довольно рассмеялся, но, мгновением позже, вновь стал серьезным:

— Итак, завтра на рассвете я ухожу на север. Гимпа и его людей возьму с собой; возможно, удастся подыскать для них другое судно... Горм вернется в леса Тайга. Кстати, позови-ка его.

Иеро послал медведю импульс на его ментальной частоте, и вскоре мягкий бок Горма прижался к спине метса.

— *Что, никто так и не смог заснуть?* — мысленно спросил медведь, поудобнее устраиваясь рядом с людьми и складывая передние лапы на брюхе.

Иеро неожиданно расхохотался:

— *Зато ты, приятель, засыпаешь сразу, как только наклевывается серьезное дело!*

Он взглянул на Горма, в сотый раз поражаясь, как могли Аббатства проморгать это загадочное лесное племя. Теперь он многое знал о Горме и не сомневался, что тот соображал не хуже человека. Видимо, медвежий народ предпочитал оставаться в тени, не слишком доверяя людям. Смерть чаще всего вызывала у животных странные или просто страшные мутации, но порой она творила и чудеса... Несомненно, одним из таких чудес Промысла Божьего и было племя Горма.

— *Ты хочешь, чтобы я отправился на север вместе с вашим Старейшим?* — пришла его мысль. Медведь уселся у костра с безмятежным видом; Иеро чувствовал, что его ментальный тон был спокойным и не искажался примесями отрицательных эмоций.

— Я совсем не хочу расставаться с тобой,— вслух произнес метс. Внезапно он понял, что успел привязаться к мохнатому другу; печаль омрачила его лицо.— Но брат Альдо считает, что тебе надо идти с ним — дать отчет Старейшим.

И тут, к удивлению священника, Альдо мысленно обратился сразу к ним обоим:

— *Послушайте-ка, дорогие мои. Ожесточенная борьба идет сейчас между силами зла и тем, что благословлено Богом и дорого каждому из нас. К сожалению, нам неизвестно, о чем толкуют колдуны Нечистого на своих советах, но мое Братство наблюдает за его слугами многие века, так что мы разгадали их главную цель — Нечистый стремится овладеть всей планетой! И, сделав это, он вновь воскресит древнее зло — то зло, из-за которого в наш мир пришла Смерть!*

И поэтому все не отравленные злом разумные существа — неважно, какого они племени,— должны вместе противостоять надвигающейся угрозе и бороться с адептами Нечистого, где бы те ни появлялись. Сейчас тяжело придется небольшим королевствам на побережье Лантика: власть темных сил там особенно велика. Потому-то я и прошу,

чтобы ты, Иеро, отправился вместе с Лучар в Д'Алва и помог ее народу бороться с Нечистым. А ты, Горм, двинешься вместе со мной на север и расскажешь своим Старейшим обо всем, что увидел и узнал. Ну как, устраивает это тебя?

Медведь ответил не сразу.

— *Наверно, я просто обязан это сделать,*— пришла наконец его мысль.— *Я кое-что понял из твоих слов... да, я должен вернуться, ведь именно за этим знанием Старейшие послали меня в ваш мир. Но я уже не засну.*

Горм тяжело поднялся и, расстроенный, заковылял прочь от костра. Скоро, опровергая его последние слова, из темноты снова послышалось негромкое посапывание.

— Ну вот,— усмехнулся брат Альдо,— теперь мы снова можем разговаривать вслух. Мысленная речь быстро утомляет, верно?

Иеро, напротив, не находил тут ничего забавного.

— Предположим, аббат Демеро отпустит меня... Но что, черт возьми, мне делать на юге? Какую пользу я могу принести в стране, о которой ровным счетом ничего не знаю? Среди неведомого народа, без друзей... ну, за исключением, пожалуй, этой вот красавицы? — Он ласково прижался щекой к темным кудрям, рассыпавшимся у него на плече.

Лучар широко раскрыла глаза, и священник внезапно заметил, что сон уже не гостит в них.

— «Среди неведомого народа, без друзей...» — насмешливо передразнила она.— Послушай, пер Иеро Дистин, разве ты забыл, кто я такая? Я — единственная дочь короля Д'Алва! А ты — мой муж! Ты будешь принцем с далекого севера. Так что не беспокойся, тебя примут с восторгом и должными почестями.— Девушка лукаво глянула на Альдо.— К тому же в нашем королевстве много эливенеров, правда? Я сама часто видела, как они помогают крестьянам... Значит, без друзей мы не останемся. И у нас есть Клуц.

Лучар тихонько свистнула, и массивная фигура немедленно выросла у нее за спиной. Мелкие камушки негромко похрустывали под огромными копытами. Большая голова Клуца низко опустилась, широкий мягкий нос словно мимоходом погрузился в темные волосы девушки. Убедившись, что вокруг все в порядке, лорс замер, ожидая объяснений. Зачем это он понадобился людям?

После Смерти, когда человечество начало приходить в себя, обнаружилось, что все лошади, не сумев приспособиться к повышенному уровню радиации, вымерли. Острая нужда в новой породе верховых животных заставила Аббатства начать широкие генетические эксперименты. Наконец выяснилось, что лучшая замена исчезнувшим лошадям — потомки диких лосей. Выбор оказался на редкость удачным: лорсы прекрасно уживались с людьми, несмотря на несколько капризный нрав зверей. С тех пор как Иеро и Клуц познакомились на церемонии раздачи телят, они больше не расставались.

— Интересно, как ему понравится на юге? — вздохнул священник.— Кажется, там нет животных, похожих на Клуца. Не будут ли люди бояться его?

— Ну вот еще! — Лучар похлопала лорса по ноге.— Наоборот, им станут восхищаться, и почтение к тебе только возрастет!

Поднявшись, священник принялся легонько почесывать огромные разлапистые рога Клуца, отделяя шелушащуюся нежную кожицу. В тех местах, где это мощное оружие еще недостаточно затвердело, под его пальцами пульсировали кровеносные сосуды. Лорс, обожавший подобные процедуры, подался к Иеро и прикрыл от удовольствия глаза.

Брат Альдо воспользовался внезапной паузой и снова перешел в наступление, выложив последний, неотразимый довод:

— Вспомни-ка, что тебе уже удалось сделать в совершенно незнакомой стране и с помощью только тех

друзей, которые встретились по пути: ты спас принцессу Д'Алва, переплыл Внутреннее море и уничтожил не один десяток наших злейших врагов. Ну, а кроме того, успешно выполнил задание — необычайно трудное, если не сказать, безнадежное.

— Ты сделал то, что до сих пор никому не удавалось,— вступила Лучар, как только Альдо умолк, чтобы перевести дух,— победил этого ужасного С'дану, главаря их Голубого Круга. Теперь можешь спокойно отправиться на юг и помочь людям моего королевства биться с Нечистым.

Иеро погрузился в глаза любимой, и сердце сладко защемило от переполнявшей его нежности. И все же — одобрил бы аббат Демеро этот шаг? Перед мысленным взором священника возникло усталое, покрытое сетью морщинок лицо наставника. И вдруг он понял, что это лицо, обычно мрачное и озабоченное, приветливо улыбается ему. Вещий знак? Бред! Но все-таки... Что, если он принял неясный отголосок прилетевшей издалека мысли? Иеро поднял голову и улыбнулся сгорбившемуся у костра эливенеру — еще одному мудрому учителю, которому пришлось выйти на тропу войны только потому, что он слишком любил мир.

— Ну что ж,— медленно произнес он,— ты говоришь, что знаком с аббатом Демеро? Тогда замолви за меня словечко; совсем не хочется быть публично проклятым и отлученным от церкви за своеволие.— Иеро пожал плечами.— А теперь, думаю, нам стоит присоединиться к Горму и немного поспать — ведь Лучар, Клуцу и мне завтра предстоит нелегкое путешествие.

ГЛАВА 1

Королевство Востока

Золотые лучи восходящего солнца лились в узкие окна дворцовых покоев. Где-то далеко задорный гонг возвестил, что в великом и могущественном королевстве Д'Алва снова наступил день. Постепенно воздух зазвенел звуками: стражи на стенах дворца, мостах и крытых подвесных дорогах, вторя главному гонгу, ударили в свои небольшие металлические диски. И теперь казалось, что в огромном городе содрогается, звучит и вибрирует каждая улочка, каждый дом, каждый камень. Иеро сел в постели, широко зевнул и, чуть слышно выругавшись, заткнул уши, чтобы хоть как-то защититься от сумасшедшего гула.

— Ты делаешь так каждое утро,— послышался из-за спины голос Лучар.— А я думала, мы прожили здесь достаточно, чтобы привыкнуть к гонгу.

Он протер глаза и обернулся. Принцесса, уже успевшая принять ванну и облачиться в один из своих повседневных нарядов, сидела у зеркала, покрывая губы и брови какой-то блестящей синеватой пастой — дань дворцовой моде. Иеро мрачно скривил рот и вдруг, не удержавшись, громко и презрительно фыркнул.

Она поймала его недовольный взгляд и расхохоталась:

— Ну, не будь же таким занудой, дорогой! Просто, когда развлекаешь придворных дам за завтраком, нужно и выглядеть подобающим образом. Кстати, а что так задержало тебя прошлой ночью? Опять беседовал с верховным жрецом?

— Уг-м-м... — Обнаружив на подносе рядом с кроватью завтрак, Иеро, не теряя времени, принялся за еду.— Старый Маркама вполне подходит для этой должности, но, Боже мой, что произошло с церковью

и религией в вашей стране? Целибат священников! А чего стоят одни эти так называемые монастыри, куда благородные дворяне посылают своих незаконнорожденных отпрысков, чтобы те провели всю жизнь в молитвах или, на худой конец, за рисованием каких-то дурацких картинок, но опять-таки — в целомудрии! У меня такое впечатление, что Нечистый здесь уже добился своей цели — свел людей с ума.— Лицо его внезапно стало совсем серьезным.— И, что хуже всего, это может на самом деле оказаться правдой.

— Милый! — Лучар встревоженно вглядывалась в его лицо.— Я знаю, ты твердо уверен, что Нечистый обосновался в моей стране... даже в этом городе... Возможно, ты и прав. Но пока не обнаружил ни малейших доказательств — только несколько людей, разум которых для тебя закрыт. Но ведь ты же говорил мне, что многих сама природа наградила даром скрывать мысли за ментальным щитом, причем они могут даже и не подозревать о своих способностях.

Иеро вздохнул и сменил тему разговора. Они немного поболтали о большом королевском бале, который должен был состояться сегодня вечером. Затем Лучар отбыла исполнять придворные обязанности, а Иеро, кряхтя и вздыхая, вылез из постели и, натянув какую-то одежду, спустился в сад, окружающий обширное крыло дворца.

Хотя у Иеро действительно не было никаких ощутимых причин для беспокойства, он все время чувствовал, что во дворце замышляется нечто ужасное и отвратительное. Отсюда бил мощный поток злобы и ненависти, какой не скроешь от человека, не раз общавшегося со слугами Нечистого.

И все же обошлись здесь с ним очень хорошо. Когда они с Лучар верхом на Клуце показались перед главными воротами города, стражники, отсалютовав, сразу впустили их, а часом позже его уже представляли самому Даниэлю Девятому — мудрому и справедливому властителю королевства Д'Алва.

К своему удивлению, священник скоро обнаружил, что ему, как ни странно, нравится этот Даниэль Девятый, а последний, словно угадав его расположение, тоже не скрывал, что доволен выбором дочери.

Крупное, мускулистое тело короля кое-где уже начинало наливаться жирком — ведь его величеству недавно стукнуло пятьдесят,— но все еще вызывало ощущение красоты и силы. Его темные вьющиеся волосы плотной шапочкой прилегали к голове, а на симпатичном, открытом лице курчавились внушительных размеров усы и борода. Облаченный в умопомрачительные одежды ярчайших расцветок и с ног до головы увешанный драгоценностями, король тем не менее не расставался с огромным двуручным мечом с абсолютно гладкой, лишенной украшений рукояткой. Как Иеро и ожидал, рукопожатие монарха оказалось сильным и твердым.

Неужели за этой благообразной внешностью таился коварный и жестокий правитель, чья единственная дочь предпочла скрываться в джунглях, лишь бы избежать того блестящего, который готовил для нее честолюбивый папаша ради политических выгод?

Однако Иеро недолго терзался такими мыслями — при первом же личном разговоре с глазу на глаз король сам поспешил с объяснениями. Присев на край гранитного парапета, обрамляющего одну из террас дворца, они грелись на солнышке и негромко беседовали. Где-то в тени, достаточно далеко, чтобы не услышать их тихий разговор, стояли вездесущие охранники, пристально наблюдая за королем и своим новым принцем.

— Послушай, Иеро,— Даниэль нахмурился,— я, конечно, представляю, что тебе рассказала Лучар об этом злополучном браке с Эфремом, но, понимаешь, весь мой Совет, включая высших жрецов, требовал его заключения. И что же мне, по-твоему, оставалось делать? Видит Бог, государству нужны надежные союзники, а Чеспек... ну... это Чеспек. Эфрем боится меня, и я надеялся, что он не посмеет причинить

девочке вреда. Однако репутация этого подонка всем хорошо известна, Лучар в том числе, черт возьми! Естественно, мне не хотелось отдавать дочь в такие руки; что ж, порой оказывается, что быть королем не слишком приятно. Тем более, когда твой единственный сын и наследник мертв... — Король бросил на Иеро печальный взгляд и тяжело вздохнул.

— Понимаю,— тихо отозвался священник,— королевство прежде всего.— Сейчас он невольно восхищался мужеством властителя Д'Алва. Да, этот король действительно обладал мужеством, если нашел в себе силы извиниться за поступок, продиктованный интересами, пусть даже очень важными, политической игры.

Иеро понимал Даниэля — и разумом, и сердцем. В этой стране у метса пока не возникало трудностей в общении, в том числе связанных с языком. Он обладал врожденной восприимчивостью к чужой речи и, путешествуя с Лучар, успел перенять ее родной говор.

— И что же теперь сделает Эфрем? — Иеро пришлось-таки задать этот вопрос. Жрецы Д'Алва, восхищенные его ментальными способностями и знанием древней истории, успели рассказать многое, а еще больше открыло мысленное зондирование, но ему казалось неприличным вторгаться в мозг короля. Однако Иеро нужно было скорее разобраться в замыслах этого человека. Обладает ли он достаточными способностями и властью? Поможет ли Иеро в новой миссии?

— О, не беспокойся о нем! — В голосе Даниэля звучала уверенность.— Сначала он, конечно, побушует, но потом утихомирится и подчинится воле жрецов, когда придет время замаливать грехи. А это случится, как только он замучает еще одну молодую рабыню.— Король испытующе поглядел на Иеро.— Ведь ты, мальчик мой, тоже связан с Универсальной Церковью, да? Интересно, вашим дворянам удается держать священнослужителей в узде? Или там все так же, как и здесь? Ведь моя главная задача всегда заключалась

в том, чтобы не выпустить власть, не отдать бразды правления в их руки... Думаю, в этом деле ты можешь оказаться мне очень полезным.

Что ж, достойное предложение... Иеро вновь задумался. Король, по-видимому, и в самом деле не ловкач, не интриган — просто прямой и честный старый солдат, который, сев на трон, вдруг обнаружил, что окружают его льстецы и подхалимы.

— Мы почти не сталкиваемся с подобными сложностями.— Священник предпочел пока уклониться от прямого ответа.— Большинство дворян занимается не склоками, а охраной границ от орд Нечистого, а каста жрецов, наряду с благородным сословием, признана вторым столпом, поддерживающим все государственное здание. Ведь в наш Высший Совет входят не только знатные вельможи, но и наиболее уважаемые представители духовенства.— Это было ложью только наполовину, поскольку Высший Совет Аббатств действительно существовал. Другое дело, король вряд ли переварит тот факт, что в Республике Метс вообще нет вельмож.

— Ну ладно.— На полных губах Даниэля заиграла едва заметная улыбка.— Я, правда, все равно не верю, что вы не имеете каких-то своих секретов управления, но суть не в том. Просто я чертовски доволен появлением нового родственника, неважно — принц он или нет. Наверное, это прозвучит странно, но я очень люблю свою дочь и радуюсь ее счастью. Более того,— он нагнулся и легонько потрепал Иеро по колену,— мне думается, ты еще прекрасно послужишь и старому королю Даниэлю, и всему Д'Алва.

Король поднялся и, на прощание хлопнув Иеро по плечу, заспешил вниз по террасе. После этого разговора священнику пришлось признать, что он немного ошибся в своей оценке: лукавый монарх был совсем не так прост, как могло показаться на первый взгляд.

За беседой последовали встречи с другими виднейшими людьми королевства. Маркама — верховный

жрец Д'Алва — произвел на Иеро впечатление весьма порядочного и достойного человека, который вполне мог бы обладать властью поистине безграничной, имей он к этому хоть какую-то тягу. К сожалению, святой отец чтил в обрядах жрецов только их внешнюю сторону, а посему не слишком поощрял занятия чистой наукой. Тем не менее его ни в коем случае нельзя было считать врагом; наоборот, Маркаму до глубины души восхищали обширные познания Иеро — как по части церковных обычаев, так и относительно Нечистого и его слуг, которых почетный пастырь действительно боялся и ненавидел.

Большинство административных дел находилось в ведении Джозато — жреца, по рангу уступающего только Маркаме, тощего, бесцветного, постоянно с рассеянным видом таскавшего с собой огромные кипы каких-то свитков. Иеро не нашел в нем ничего необыкновенного за исключением того, что разум Джозато был скрыт непроницаемым ментальным щитом, а с этим приходилось считаться. Возможно, под пышными одеяниями главного счетовода королевства скрывается маленький медальон из голубоватого металла. Конечно, как и предполагала Лучар, существование экрана может иметь и более невинное объяснение — врожденные способности, например, или длительные тренировки, техника которых не была здесь окончательно утеряна. Иеро оставалось только гадать, какова природа столь прочного ментального щита, и внимательно следить за жрецом. Не мог же он попросить его раздеться?

Устав от тяжких раздумий и бесцельного шатания по садовым дорожкам, Иеро направился к королевским конюшням. В этом городе оказалось слишком много людей, разум которых не поддавался его вмешательству; значит, за ними тоже нужно пристально наблюдать. Взять хотя бы молодого графа Камила Гифтаха. Обходителен, учтив, знатен и богат. Будучи одним из лучших полководцев королевства, несколько раз предлагал Лучар руку и сердце, но получал отказ. Граф

вел себя вполне дружелюбно, но взгляд его беспокойных глаз столь часто останавливался на новоиспеченном принце, что это заставляло того нервничать.

И все-таки Иеро удалось отыскать настоящего друга. Глава здешних эливенеров, заранее извещенный о его появлении по каким-то известным лишь брату Альдо каналам, сам быстро наладил контакт с новым союзником. То, что Митраш оказался вдобавок еще и лейтенантом дворцовой стражи, пошло только на пользу делу: днем и ночью он мог находиться в любых, самых потайных помещениях дворца, не вызывая подозрений. Хотя эливенер был уже в летах и начал лысеть, его атлетическая фигура излучала силу и уверенность.

Однако после недолгого общения с лейтенантом Иеро убедился, что тот мало чем сможет ему помочь — Митраш не обладал ментальной силой Альдо. Простой солдат, честный, исполнительный, выбранный Братством на роль наблюдателя во дворце, он был обеспокоен разложением, незаметно охватившим всю страну, искренне стремился помочь Иеро и действительно помогал по мере своих скромных возможностей. К счастью, Митраш имел много полезных знакомств в городе и мог, если потребуется, связаться с другими членами Братства, хотя на это требовалось время, и подчас немалое. У него тоже оказался защищенный разум, что, впрочем, пришлось весьма кстати. К сожалению, Иеро пока не удалось сделать его командиром своей личной охраны; тем не менее Митраш старался держаться поблизости и в случае чего сумел бы защитить Лучар, если с ее супругом вдруг что-то произойдет.

Впереди показались конюшни, и Иеро невольно прибавил шаг — нужно проведать Клуца и своего нового скакуна, хоппера-попрыгунчика Сеги.

Огромный лорс обрадованно потерся о хозяина носом, когда восхищенные конюхи медленно и осторожно вывели зверя из стойла. Никто в Д'Алва не то что не видел — даже не слышал о могучем рогатом животном, один вид которого внушал страх и благого-

вение, невольно распространявшиеся и на всадника. Сознавая это, Иеро не упускал случая покрасоваться на спине великолепного скакуна перед толпой, обязательно собиравшейся при его появлении на улицах города.

Вслед за лорсом вывели Сеги, которого Клуц встретил ревом ярости. Если бы огромному быку удалось как-нибудь оказаться с хоппером наедине, он бы непременно стер беднягу в порошок; видеть хозяина на спине другого скакуна было нестерпимо для его самолюбия. Сеги, казалось, понимал, какие чувства питает к нему Клуц, и старался держаться подальше от легко впадающего в бешенство компаньона.

Прыгуны — еще одна удачная находка взбесившейся эволюции — ходили под седлом в королевской гвардии. Смышленые и дружелюбные, они отлично заменили исчезнувших лошадей.

Сеги, усевшись на мускулистые задние лапы и похожий на подушку короткий пушистый хвост, принялся охорашиваться. Его маленькие передние лапки усердно приглаживали густой мех на грудке и на животе, а огромные, вытянутые уши забавно поворачивались то в одну, то в другую сторону. Наконец он остался доволен своим внешним видом, последний раз провел лапами по белому брюшку и выпрямился во весь рост — лучший скакун королевства, свадебный подарок короля Даниэля своему зятю.

Иеро не знал, от кого вели свое происхождение хопперы, но это нисколько не мешало ему наслаждаться невообразимым ощущением полета, возникающем при скачках на этом животном. Он с жаром принялся изучать приемы езды на прыгунах, которые являли собой фантастическое зрелище для любого хоть сколько-нибудь сведущего в верховой езде человека. Сбруя Сеги состояла из тяжелого седла почти прямоугольной формы, крепившегося на спине с помощью широкого ремня и уздечки. Вместо привычных стремян всадник вставлял ноги в жесткие кожаные футляры, свисающие

по бокам седла и стянутые еще одним ремнем поменьше, который, очевидно, заменял подпругу. Поначалу Иеро с трудом удавалось высвобождаться изо всей этой кожаной упряжи, но, после нескольких недель серьезных упражнений, он смог в полной мере оценить эти неудобные на первый взгляд футляры и высокую спинку седла.

Все дело в том, что самый обычный хоппер — а Сеги был-таки из лучших — за один прыжок покрывал не менее пятнадцати ярдов, и экипировка помогала удержаться у него на спине. Искусные наездники управляли не только длиной, но и высотой прыжка; при этом хвост хоппера служил отличным рулем. При скачке «в полный мах» длинноухий зверь двигался гигантскими прыжками и с головокружительной скоростью. Священник не раз, затаив дыхание, наблюдал за выездкой эскадрона королевских кавалеристов. Двигаясь слаженно, будто часовой механизм, всадники взлетали вверх, перегруппировывались в воздухе и опускались на землю все в том же идеальном порядке, нигде не нарушив рядов и не поломав строя. А потом — снова вверх, не задерживаясь ни на секунду, пока маленький медный рожок не протрубит остановку. Кавалеристы то легко покачивали грозными пиками в салюте, то стремительно, одним плавным движением, брали их на изготовку. Иеро, сам превосходный воин, не мог не восхищаться искусством езды и слаженностью маневров солдат Даниэля. Да, с такой легкой кавалерией и батальоном поддержки из опытных киллменов на огромных лорсах можно без опаски лезть в любые джунгли!

Иеро с радостью пропадал бы целыми днями в конюшнях, не будь у него множества других забот. Но пару часов в день он обязательно проводил на плацу, оттачивая свое искусство под руководством опытного сержанта. Правда, этим занятиям зачастую мешал Клуц — его бесило зрелище того, как хозяин, устроившись на спине Сеги, демонстрирует чудеса ловкости.

То, как скоро принц приноровился к своему скакуну, одновременно и удивляло, и радовало его наставников. Конечно, они не догадывались, что бесконечные часы утомительной выездки ему заменяет прочный телепатический контроль над животным — Сеги, как и предполагал Иеро, оказался весьма смышленым и прекрасно реагировал на мысленные команды. Однако он не сразу притерпелся к малоопытному седоку.

Покончив с занятиями, Иеро обычно выезжал куда-нибудь верхом на Клуце, пользуясь случаем погарцевать на улицах города. Задавая огромное количество вопросов и чутко прислушиваясь к мысленной реакции собеседников, он ухитрился собрать массу полезных сведений о стране, в которой ему предстояло жить. Он также предпринял небольшое путешествие на побережье, чтобы насладиться незабываемым зрелищем пенистых волн Лантического океана; тихо шурша, они накатывались на пустынный пляж, окаймленный невысокими зеленеющими холмами. Что, если он первый, кому довелось увидеть и великий океан востока, и необъятный западный? Где-то там, за этой беспредельной водной гладью, лежала легендарная Европа — колыбель человеческой цивилизации и родина истинной церкви, уже несколько тысячелетий оторванная от своих детей, обитающих на далеком американском континенте.

Иеро ритмично покачивался на широкой спине Клуца. Его скакун, несмотря на эскорт из четверых охранников на прыгунах, с трудом прокладывал себе путь по запруженной народом улице. Завидев принца, люди стаскивали головные уборы и почтительно кланялись. Да он и в самом деле выглядел принцем — разодетый в багряно-красный шелковый жилет и такого же цвета кильт с золотым шитьем, обутый в мягкие кожаные сапожки и теребящий в руках изящного покроя перчатки для верховой езды. Любимый короткий меч Иеро, как обычно, висел у него за спиной, но только теперь уже на отличном кожаном ремне с

огромной золотой пряжкой. И довершала весь этот великолепный наряд небольшая золотая корона, которая сидела поверх щегольской шапочки с белоснежным пером дикой цапли, приколотым бриллиантовой брошью редкостной красоты. Жителям королевства нравились яркие цвета его одежд, а в особенности — слухи о невероятных приключениях принца на севере, уже давно ходившие по всему городу.

Галантно раскланиваясь в ответ на приветствия толпы, Иеро зондировал ментальное поле, пытаясь определить, что скрывается за белозубыми улыбками и восторженными воплями горожан, толпящихся на балконах, которые угрожали рухнуть, и выглядывающих из распахнутых настежь окон. Священник нисколько не сомневался в том, что смертельные недуги прячутся где-то здесь, опасные своей неуловимостью. Легонько пробежавшись по мыслям окружающих его людей, Иеро не заметил и тени недовольства своей персоной, за исключением мыслишек уличных попрошаек и некоторых представителей благородного сословия. Ну что ж, все так и должно быть.

— *Куда же они подевались, малыш?* — обратился он к Клуцу, осторожно переступавшему по булыжникам древней мостовой, скользкой от грязи.— *Ведь они здесь, приятель, уж это наверняка! Как найти их, как выкурить из нор, пока они не окрепли и не добрались до нас первыми?*

Хохочущая, едва одетая девица выкрикнула соленую шутку насчет скорого появления наследника трона, и Иеро, остановив скакуна, беспомощно пожал плечами. Люди вокруг просто ревели от хохота. И все-таки даже в обстановке общего благополучия он ни на секунду не давал себе спуску. Да, враг умен, но все совершают ошибки. И если внимательно наблюдать за происходящим и не расслабляться, если не подведет Лучар, рано или поздно противник обнаружит себя. Возможно, именно так все и кончится.

А наблюдать, вообще говоря, было за чем. Иеро перевел взгляд на пересекавшую площадь группу мужчин в белоснежных одеждах и зеленых приплюснутых шапочках. Му'аманы... Метс знал только, что они поклоняются какому-то другому богу, не Иисусу Христу, а также весьма почитают Луну. Жили они в юго-западной части королевства и в столице показывались редко, предпочитая тихо и мирно пасти свои стада, славившиеся по всему побережью. Му'аманы почему-то презирали длинноухих попрыгунчиков, и никого из них никак не удавалось посадить на этих добродушных животных. Зато они превосходно бегали, стреляли из лука и отлично владели мечом — недаром лучшие полки легкой пехоты королевства всегда набирались именно из му'аманов. Подоткнув белые хламиды, они могли бежать за своими коровами хоть целые сутки.

Несмотря на обособленный образ жизни, лояльность кочевников никогда не подвергалась сомнению. Если не принимать во внимание странную одежду, му'аманы выглядели так же, как все жители Д'Алва,— темнокожие, с шапочками курчавых, плотно прилегающих к голове волос. Они приветствовали принца, когда он подъехал поближе, уважительно, но без тени низкопоклонства; их черные глаза внимательно оглядывали необычного скакуна и вооружение, почти не задерживаясь на красивой одежде и золотых побрякушках.

Вслед за му'аманами навстречу Иеро двигалась длинная процессия крикливо разодетых торговцев, видимо только что прибывших из южных областей страны; на их лицах и просторных халатах ярких расцветок толстым слоем осела дорожная пыль, а кое-где проступали и кровавые пятна — признак того, что путешествие прошло не совсем гладко. Священник воздержался от зондирования их мыслей — не стоит труда. Как и все путешественники, проходящие через город, купцы обязательно предстанут перед придворным летописцем, следящим за событиями в королевстве. На

пропыленных одеждах Иеро заметил шестиконечную звезду — знак давидов, еще одной странной религиозной секты Д'Алви. Давиды жили и в самом городе; как и му'аманы, они почти не отличались внешне от остальных его обитателей и встречались на всех ступеньках социальной лестницы — от нищих и бедняков до богатых торговцев и дворян. И верили они вроде бы в того же самого бога, только не признавали ни его мессию, ни пророков, а их священники вели свои службы по каким-то таинственным книгам, глядеть на которые позволялось лишь единоверцам. Хотя многие семейства му'аманов и давидов уже долгие годы состояли при дворе, они отличались замкнутостью, и их юноши весьма редко женились на девушках-христианках. Все же Лучар и король Даниэль верили им безоговорочно. «Хотел бы я доверять своим собратьям во Христе так же, как я доверяю им»,— частенько говаривал король. Когда Иеро поближе познакомился с делами государства, его совсем не удивило, что в королевской гвардии и среди стражников вдруг оказалось необычайно много представителей этих сект.

Улица впереди сужалась, и в просвете между домами показался один из столь часто встречавшихся в городе мостов, защищенный с обеих сторон толстыми каменными стенками. Такие мосты перекидывали через воды многочисленных каналов, струившиеся вдоль городских улиц, чтобы слиться в дюжину сонных речушек, текущих к Лантическому океану. Подъехав поближе, Иеро в очередной раз убедился, что внушительные каменные стены, прикрывавшие мост и прилегающий к нему участок канала, отнюдь не бесполезное украшение. На один из толстых металлических штырей, вмурованных в каменное ограждение моста, была наколота уродливая, забрызганная кровью голова какой-то рептилии, оскалившей в агонии два ряда огромных, заостренных, словно лезвия, зубов. Увидев ее, Клуц всхрапнул и неуверенно переступил копытами по окровавленным булыжникам мостовой.

— Это грантер, ваша светлость.— Заметив его замешательство, один из охранников мгновенно оказался рядом.— И здоровый, надо сказать. Я пару раз слышал, как они ревут на болотах,— от их воплей можно просто оглохнуть! Вообще-то, лет десять-пятнадцать назад их было совсем немного; но если дело пойдет так дальше, боюсь, нам скоро придется строить новые стены.

— Они годятся на что-нибудь? — поинтересовался Иеро.— Вид-то у него, прямо скажем, не слишком аппетитный.

— Ну, мясо неплохое на вкус, хотя его приходится долго отмачивать, а из шкуры получаются отличные щиты. Не знаю, правда, что с ними делают крестьяне — наверное, просто уничтожают, ведь даже небольшой грантер, в три раза меньше этого страшилища, может запросто утащить ребенка. А уж как они расправляются со скотом — костей не соберешь! Так что если в деревне нет колодца, вода становится серьезной проблемой.— Охранник поморщился.— Я сам когда-то потерял маленького племянника. Мы плыли на барже; парнишка утром открыл люк и высунулся наружу, тут грантер его и схватил. А теперь эти твари уже и в городе кишат, и с каждым годом становится все хуже и хуже.

Задержав взгляд на выпучившей остекленелые глаза голове рептилии, Иеро глубоко задумался. Очевидно, рассказанное охранником только следствие. А где кроются п р и ч и н ы? Ведь из-за участившихся нападений грантеров и прочих не менее смертоносных водяных хищников посты охраны на мостах и вдоль каналов совсем недавно пришлось удвоить. Нет сомнений, что колдуны Нечистого насылают на столицу Д'Алва целые орды голодных тварей вроде грантеров или еще похуже. Это как раз в их стиле — незаметная, но приносящая ощутимый вред акция, прекрасный способ потихоньку ослабить государство. А зачем? Затем, что тогда легче будет развязать в нем настоящую войну... Да, над этим стоит поразмыслить.

Вместе со своей маленькой свитой Иеро пересек мост и отправился дальше, кружа и петляя по городским улочкам. После обеда нужно будет проверить посты охранников; оставались еще эти бродячие торговцы с юга. Королю Даниэлю пришелся весьма по вкусу искренний интерес зятя ко всем государственным делам, и теперь он старался любое решение обсудить с Иеро. Священник покачал головой — как он мог забыть! — ведь сегодня вечером состоится большой королевский бал, на котором Даниэль наверняка представит нового принца всему высшему сословию страны.

Тонкие губы Иеро изогнулись в ухмылке,— подумать только, Лучар заставила его брать уроки танцев! К счастью, врожденное чувство ритма и зачатки музыкального образования, полученного еще дома, облегчили знакомство с местными плясками, тем более что огорчать свою милую женушку ему не хотелось.

Он выехал на площадь, постоянно кивая и прикладывая руку к шапочке в ответ на звучащие отовсюду приветствия. Иеро повернул голову направо, и широкая улыбка заиграла на его лице — с другой стороны площади бешено мчался хоппер, на спине которого с небрежной грацией восседала гибкая, тонкая фигурка в ярком развевающемся одеянии. Прыгун в последний раз взлетел над головами перепуганных крестьян и, тяжело дыша, приземлился в футе от флегматичной морды Клуца.

— Мой привет достойнейшему принцу из далекой страны ледяных драконов! — Под алым тюрбаном сияло веселое лицо молодого наездника.

Герцог Амибал Аэо, доводившийся Лучар троюродным братом и всего неделю назад прибывший в столицу королевства Д'Алва, успел уже стать любимцем Иеро,— впрочем, как и всего города. Сын покойного кузена короля в свои неполные восемнадцать лет предпочитал вести веселую жизнь, беззаботно принимая знаки внимания, подобающие его высокому титулу. И хотя мягкую, нежную поросль на верхней губе Амибала еще

никак нельзя было назвать настоящими усами, мальчишка отнюдь не считался молокососом. Когда ему надоедало со страшной скоростью гонять на хоппере по лабиринту дворцового парка, он отправлялся на реку — поохотиться на тамошних обитателей в маленьком одноместном каноэ. Несмотря на столь юный возраст, за герцогом тянулась длинная цепочка разбитых девичьих сердец, а по части употребления крепких напитков он легко мог заткнуть за пояс даже поседевших в боях армейских ветеранов. Иеро быстро понял, что за кажущимся легкомыслием Амибала скрывается нечто большее: в его весело поблескивающих глазах светился недюжинный ум, а черты лица, еще по-детски округлого, уже приобретали резкость и силу. Без умолку болтая, Амибал пустил своего скакуна рядом с Клуцем, и они вместе двинулись через площадь. Наряд молодого герцога был прост — широкий алый кильт и короткие сапожки, а тонкий изогнутый меч и кинжал, прицепленные к поясу, ничуть не умаляли впечатления радостной беззаботности.

— Ну что, все уже готово к большому балу, а, Иеро? — Амибала просто распирало от удовольствия.— Погоди, погоди, ты еще увидишь, какой костюм я себе приготовил! Я покажу этим стареющим придворным бездельникам, как должен выглядеть настоящий принц крови! Надеюсь, что и вы с Лучар наденете что-нибудь этакое... чтобы у них глаза на лоб вылезли! Хотя за нее-то я не беспокоюсь — я пекусь о тебе, неряха-северянин. Говорят, гвардейцам пришлось немало потрудиться, чтобы вытащить тебя из тех отвратительных кожаных доспехов, в которых ты здесь появился.

— Мы оденемся, как это принято в моей стране,— вымолвил Иеро, глядя прямо перед собой.— Белые льняные туники без всяких украшений — по приметам, это отпугивает злых духов.

Надувшись, Амибал слегка повернул прыгуна, чтобы поймать букет цветов, который бросила ему с балкона симпатичная смеющаяся девушка. Один цветок он

пристроил за ухом, а все остальные зарыл в пушистый мех своего скакуна. Широкая ухмылка священника мигом согнала озабоченность с юного лица. Герцог разразился потоком беззлобных проклятий, но потом, не удержавшись, расхохотался.

— Черт бы тебя побрал! С этим каменным выражением лица ты можешь одурачить кого угодно. Но все-таки скажи, что вы наденете? Ты ведь знаешь, это будет бал-маскарад в традициях тех времен, когда вельможи надевали на бал маски, опасаясь наемных убийц. Ну, давай же,— Амибал нетерпеливо заерзал в седле,— я никому не проболтаюсь, честное слово!

— Еще не знаю. Лучар сказала, что я обязан поразить всех своим нарядом, но к тебе, видимо, это не относится. Пожалуй, я буду в костюме Синего — шелковом с золотой полоской... Будь я проклят, если соглашусь надеть что-нибудь более хитрое! А Лучар ни за что не покажет мне свое карнавальное платье. У вас, болотных жителей, просто какая-то мания наряжаться. Создается впечатление, что любой скорее согласится голодать и жить под дырявой крышей, чем выйти на улицу без кружевных штанов, расшитого золотом плаща или чего-то в том же духе.

Молодой герцог и не пытался возражать:

— В нас просто говорит горячая южная кровь. Боюсь, что вы, холодные северяне, никогда не сумеете этого понять... — Впереди показались главные ворота дворца, рядом с которыми маячили крохотные фигурки охранников. — Значит, Синий. Странный народец из пустынь Смерти... Ну что ж, прекрасный выбор. Говорят, они обязаны синим цветом кожи зловещему сиянию мертвых песков. А еще ходят слухи, что Синие могут чувствовать присутствие невидимой Смерти и заблаговременно обходят те места, где она еще царит.

Иеро отсалютовал стражникам и перевел Клуца с легкой рыси на шаг. Что-то подсказало ему, что пока не стоит хвастаться перед юным Амибалом своей способностью избегать опасных мест. Он снова осторож-

но прощупал мозг юноши и убедился, что его ментальный щит все так же непроницаем. Да, мысленный экран у парнишки ничуть не хуже, чем у него самого. Не стоит забывать, конечно, что в монастырских школах еще преподавали молодым дворянам искусство ментальной защиты, однако с годами практика обучения все ухудшалась и ухудшалась, потому что большинство церковников считало подобные занятия совершенно бесполезными.

Иеро тепло попрощался с Амибалом и тут же забыл о нем. Пока метс шагал к своим покоям, в голове билась мысль, которую он только что отчетливо осознал. Значит, ментальные тренировки считаются теперь пустой тратой времени... Да, процесс гниения в этой стране зашел уже достаточно далеко! И сколько еще усилий понадобится приложить, чтобы наверстать упущенное, вновь преодолеть людскую подозрительность... особенно если учесть, что мастера Нечистого тоже не будут сидеть сложа руки. Погруженный в тяжкие раздумья, священник молча прошел в свою опочивальню, и стражник в коридоре, заметив выражение его лица, даже не осмелился отдать салют.

— Наконец-то,— Лучар приветствовала его с порога.— Я почувствовала твое приближение: облако мрачных мыслей летело впереди, пока ты поднимался по лестнице. Так что же на этот раз расстроило непобедимого воителя из великой северной державы?

— Ужасная трясина темных вражьих помыслов засосала меня.— Иеро непроизвольно улыбнулся, когда она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его.— Но на этом мои огорчения не кончаются, потому что дурость и тупоголовость твоих... — Тут маленькая ладошка закрыла его рот.

— Знаю, знаю, не нужно даже напоминать. Жрецы непроходимо глупы и не способны смотреть в лицо фактам, духовное и физическое разложение высшего сословия достигло небывалых размеров, все заняты только собой, и, конечно, никто не замечает, как

вольготно чувствует себя в стране Нечистый. Все, или я что-то забыла?

— Нет, моя радость, ты ничего не забыла, но я как-то не собирался докучать тебе подобными разговорами в карнавальную ночь. Кстати, это твое праздничное платье? — На его лице появилось выражение безмерного восхищения полупрозрачным, тонким одеянием, под которым, похоже, ничего не было.

— Болван! Это ночная рубашка! И как меня только угораздило связаться с этаким неотесанным дикарем, который не в состоянии отличить жалкую тряпку от бального платья!

— Ну что ж, когда мы впервые повстречались, на тебе не было даже тряпки,— примирительно заметил Иеро.— Однако я сказал Клуцу: «Клуц, дружище, неужели ты думаешь, что ей нужна одежда?» Можешь сама у него спросить, если не веришь.

Он упал в огромное мягкое кресло, и Лучар тут же уселась к нему на колени и ласково обняла за шею.

— Что-то беспокоит тебя, милый? — спросила она после минутной паузы.

— Ничего конкретного.— Иеро выбрался из кресла и, подойдя к узкому оконцу, устремил взгляд на город внизу. Оглушительный многоголосый шум улиц просачивался в башню далеким невнятным бормотанием.— Просто я увидел сегодня голову одного из ваших речных чудовищ. Охранник сказал мне, что за последние годы мерзкие твари расплодились. Вполне возможно, за всем этим тоже стоит Нечистый — колдуны и не такое могут... Но больше всего меня беспокоит предчувствие, что прямо здесь, под нашим носом, зреет какой-то ужасный заговор. Даже невинные шутки юного Амибала порой кажутся мне подозрительными. И наконец, самое худшее,— несмотря на все свое умение, я никак не могу разобраться в том, что же должно произойти.

— А по-моему, все эти страхи — реакция на незнакомое окружение. Тебя изматывают королевские прие-

мы, необходимость носить какие-то, как ты считаешь, глупые наряды, все время быть на виду. Нервы, нервы и еще раз нервы. Хотя знаешь,— она покачала головой,— твои подозрения насчет Амибала могут оказаться вполне обоснованными. Он, конечно, порядочное дерьмо, и многие об этом знают, но не стоит забывать, что его титул лишь чуть пониже моего, и отец возлагает особые надежды на молодого герцога. Спасибо хоть, он не уродился совсем в свою мамочку; его папаша — кузен Каримбал — был просто немного глуповат, но Фуала — ох!

— А что же было не в порядке с Фуалой? — вяло поинтересовался Иеро, не отводя глаз от запруженных народом городских улиц.— Насколько я понимаю, она мертва... так же, как и ее муж.

— Совершенно верно,— сухо ответила принцесса.— Один из многочисленных любовников зарезал ее прямо в постели. Его потом привязали между двумя взбесившимися хопперами, и те разорвали беднягу пополам. Надо сказать, ее смерть принесла отцу только облегчение. Она вообще-то редко появлялась при дворе, но я хорошо ее помню, и это совсем не удивительно,— видит Бог, никогда не встречала столь ослепительно красивой женщины. Только вот было в ней что-то дьявольское... Фуала постоянно пропадала где-то в южных лесах. Она отправлялась туда в одиночестве, а нередко брала с собою Амибала — на неделю и больше. Возможно, я сгущаю краски, и это была просто грязная шлюха, но ни я, ни отец никогда не доверяли ей. Отец всегда считал, что у этой женщины какие-то неумеренные политические амбиции — она вертела своим мужем как хотела, а он — дурак! — шел на все, что угодно, истязал рабов... сплошное изуверство! Нет, я не могу сказать о ней ничего хорошего. И Амибалу, конечно, тоже повезло, что она умерла... если она действительно умерла.

— Но ведь ты только что сказала, что ее зарезали. Как же понять твое последнее замечание?

Лучар ненадолго умолкла, и Иеро вдруг осознал, что она смущена.

— Ты знаешь,— она повернулась в кресле, чтобы увидеть его глаза,— многие люди считали ее ведьмой, а с ведьмой так не покончишь. Хотя... хотя, конечно, она мертва... просто она всегда пугала меня. От нее проистекала настолько сильная эманация зла, что даже сейчас от одних только мыслей о ней мне становится не по себе. Каримбал умер через месяц после ее смерти. Говорят, от какой-то редкой болезни...

— Ну что же,— примирительно произнес Иеро,— всегда существуют люди, которые нам не нравятся. Кстати, этим торговцам-южанам тоже очень не понравится, если я не смогу хорошенько поприветствовать их из-за того, что опоздаю на королевскую аудиенцию.— Он отошел от окна и быстрым шагом направился к двери.— Надеюсь в следующий раз увидеть тебя в более подобающем высокому титулу платье.

Лучар швырнула ему вслед подушку, но промахнулась.

Большой королевский бал оправдывал свое громкое название. Иеро и представить не мог столь великолепного зрелища: в освещенном разноцветными фонариками огромном зале беззаботно кружились тысячи законопослушных королевских подданных, разодетых в необычайные костюмы. Его собственный наряд из лилового и золотого шелка выглядел гораздо скромнее, чем облачения большинства присутствующих на празднике. Король, восседая на троне в пышном пурпурном одеянии, с широкой, расшитой драгоценными камнями лентой через плечо, весело приветствовал гостей. Рядом с ним стояла Лучар в изумрудно-зеленом платье фантастического покроя. Из украшений на принцессе был только массивный браслет — подарок Вайлэ-ри,— ослепительно сверкавший на темной руке, а милое личико скрывала тонкая шелковая полумаска. По залу

важно вышагивали священники в длинных, богато изукрашенных мантиях. Они оказались здесь не случайно: событие подобной значимости требовало обязательного публичного благословения. А цвет дворянства Д'Алва в нарядах, отягощенных грузом драгоценностей, весело приплясывал под рожки и барабаны, выводящие какой-то экзотический, варварский мотив, причем мужчины пышностью костюмов не уступали прекрасному полу.

У метсианского священника от буйства красок мгновенно разбежались глаза, и ему пришлось удовольствоваться лишь общим впечатлением гигантского праздника. Он, словно в полусне, пробирался между рядами танцоров, похожих на какие-то невиданные цветы, когда слуга легонько коснулся его руки.

— Срочное послание, ваше высочество. Его принес человек из вашей личной охраны. Пойдемте, он ждет в малом зале.

Удивленный Иеро поспешил за слугой, чье лицо показалось ему странно знакомым. Уже покидая зал, он послал Лучар мысленную весточку:

— *Какое-то срочное послание, милая. Постараюсь не задерживаться.*

Принцесса в этот момент не спеша прогуливалась по крытой галерее дворца, усердно развлекая расфуфыренного аристократа, чья семья контролировала что-то очень важное. Ее шутливый ответ был наполнен теплом и нежностью:

— *Поторопись, любовь моя, ведь тебя дожидаются еще как минимум пять толстых дам, с которыми ты должен потанцевать, прежде чем сможешь сбежать отсюда.*

Иеро ухмыльнулся и вслед за слугой нырнул в маленькую боковую комнатку, примыкающую к бальному залу. Мыслями он еще был с Лучар, когда почувствовал стремительное движение за спиной, но так и не успел обернуться. Страшный удар обрушился на него, и все вокруг погрузилось во тьму.

ГЛАВА 2

Один

Довольно долго он пролежал без сознания, но в этом кошмарном полусне-полубреду перед ним проплывали образы, которые, как он понимал, были не просто плодом агонизирующего воображения. Сначала метс увидел склонившееся над ним лицо Джозато, только теперь на него смотрел не уставший от канцелярских забот чиновник-жрец, а обдающий ледяным холодом, зловещий старец, чьи проницательные, острые глаза сверкали насмешкой и триумфом. Где-то в дальнем уголке сознания Иеро автоматически отметил, что никогда до сих пор не глядел Джозато прямо в глаза. Как жаль, что он не додумался до этого раньше,— у незаметного, вечно прячущего свое лицо за кипой свитков жреца оказался взгляд Нечистого!

Иеро попытался пошевелиться, но его руки и ноги были крепко привязаны к деревянной скамье. Он внезапно осознал, что находится, по всей видимости, где-то в подземельях, уходящих, подобно лабиринту кроличьих нор, в глубь холма, на котором располагался королевский дворец. Он дернулся еще раз, и перед ним появилось еще одно лицо. Челюсти священника свело от ужаса: на него смотрел Амибал Аэо, его пухлые губы исказила усмешка злобного торжества, а в глазах светилась абсолютная, всепоглощающая ненависть и, как почудилось метсу, что-то еще, похожее на темное, животное безумие. «Многие считали ее ведьмой»,— промелькнуло в раскалывающейся от боли, звенящей голове Иеро. «Она часто брала мальчика с собой, когда отправлялась в южные леса», — невзирая на боль, продолжала подсказывать память.

Что-то сильно укололо его у правого локтя, и через несколько секунд в руках Джозато оказалась опорож-

ненная стеклянная ампула с длинной, покрытой свежей кровью иглой.

— Мы сможем убить его позже,— послышался тихий шепот.— Только не сейчас. Говорят, что проклятый северянин научил принцессу передавать мысли, и она может почувствовать его смерть. Пусть молчит — мы выиграем драгоценное время. Нельзя дать ей повод действовать... мы пока не готовы к такому повороту событий. Мне сказали, что наркотик подавляет ментальные силы, но нам все равно придется поторопиться: этот человек очень, очень опасен. Конечно, мы убьем его, но не здесь, а где-нибудь подальше. Большое расстояние мешает обмену мыслями, и даже он не сможет пробиться к ее разуму за многие мили. Итак, он должен постоянно оставаться под действием снадобья. Тогда прикончить его не составит никакого труда. Ты хорошо понял?

— О да, прекрасно,— Молодой герцог состроил гримасу. — Возвращайся в зал, нам обоим нельзя долго отсутствовать. А я позабочусь о нем и догоню тебя. Один из моих караванов на рассвете уходит на запад и...

Боль стала невыносимой, и Иеро, не сумев перебороть ее, вновь провалился в беспамятство.

Потом он еще несколько раз приходил в сознание, ощущая то невыносимый жар во всем теле, то, наоборот, какой-то ненатуральный холод. Крепко связанный грязными веревками, он лежал в вонючем и противно поскрипывающем кожаном мешке, который к тому же все время мотало из стороны в сторону. Иеро подумал, что, должно быть, находится на корабле, но это предположение почему-то оставило его равнодушным. Он попробовал мысленно просканировать окружающее пространство, но тщетно — он утратил главное оружие. Волей-неволей священнику пришлось смириться с тем, что слугам Нечистого удалось легко победить его — и ментально, и физически. Чувства направления и времени тоже исчезли. Он не представлял, где находится и какой сейчас день. Скорчившись в мешке,

метс смутно припоминал, что время от времени его кормили какой-то гадостью, напичканной наркотиками, и он, не в силах сопротивляться, глотал студенистые комья. Странные, уродливые лица, иногда проскальзывавшие перед помутневшим взором, значили для него не более, чем любые другие фантомы непрекращающегося кошмара. Иногда в темное и вонючее убежище Иеро проникал солнечный луч, но это тоже уже казалось совершенно неважным.

Внезапно унылое полубодрствование-полусон было прервано — воздух вокруг наполнился бессмысленными воплями, яростным ревом и стонами. Мешок опрокинулся, и какая-то тяжелая туша рухнула на него сверху. Туша конвульсивно дернулась, и часть связывавших Иеро веревок лопнула от резкого движения. Ноги священника защемило чем-то невероятно тяжелым, но, подчиняясь инстинкту, он яростно дернулся всем телом вперед и вверх и почувствовал, что на ступни уже ничего не давит. Руки все еще были связаны, но теперь Иеро мог легко освободиться от ослабевших пут...

«Нет! Ни в коем случае не делай этого! — подсказал инстинкт.— Лежи тихо. Двигаться сейчас смертельно опасно».

Рядом послышались быстрые крадущиеся шаги, потом донеслось легкое царапанье металла о металл и скрип кожаных ремней. Перекличка хриплых голосов, тяжелый топот вьючных животных — все дальше и дальше,— и, наконец, тишина. Иеро продолжал лежать неподвижно. Его ослабевший разум изнемог лишь от того, что заставлял непослушное тело уподобиться камню. Постепенно, сам того не замечая, он провалился в глубокий, тяжелый сон.

Он пробудился, ощущая чудовищный голод и жажду. Ноги его действительно оказались свободными, чего нельзя было сказать о руках и глазах, которые еще закрывала какая-то грязная тряпка. Связанными руками Иеро стянул с лица надоевшую повязку и

принялся осматриваться, болезненно щурясь и моргая от яркого солнца. Вскоре выяснилось, что он лежит в небольшой, заросшей колючим кустарником ложбинке, а в бок ему упирается что-то огромное, перекрывающее и так не слишком удачный обзор. Смрад разлагающейся плоти явственно указывал, что это труп животного. Метс все еще не выбрался из грязных шкур, запах которых нисколько не стал лучше.

Иеро прислушался. В колючках над его головой шелестел легкий ветерок; только этот шелест да резкие крики дерущихся стервятников нарушали безмолвие.

Мозг постепенно освобождался от дурмана. Иеро бросил взгляд на запястья и, к своему удовлетворению, убедился, что связаны они не крепкими кожаными ремнями, а все теми же грязными тряпками. Очевидно, его тюремщики не помышляли о том, что он попытается убежать.

Освободившись, Иеро осторожно приподнялся.

Пять мертвых серых кау, вьючных животных, широко используемых как в самом Д'Алва, так и в других южных государствах, лежали на лесной полянке. Он же выглядывал из-за трупа шестого. Обломок стрелы, торчащий из толстой шеи быка, не оставлял сомнений в том, что послужило причиной его смерти. Вперемежку с кау валялись скрючившиеся в неестественных позах тела людей, причем и те, и другие были обобраны дочиста. Исключение составляла лишь жалкая упряжь животного, на котором везли Иеро,— она не прельстила бандитов.

Стайка зверьков с голыми лоснящимися мордами увлеченно копалась во внутренностях одного из покойников. Завидев голову Иеро, они благоразумно предпочли скрыться в ближайших кустах. Когда последнее существо ловко нырнуло в спутанную, густую поросль, на поляне не осталось уже ничего движущегося. По-видимому, за тушами мертвых кау пировали крылатые любители падали, потому что их режущие ухо вопли не смолкали ни на секунду.

Подстегивая едва проснувшийся мозг, Иеро попытался представить, что же здесь произошло.

Итак, четверо незнакомцев везли его через лес на спине вьючного животного. И на этой поляне, возможно, когда уже стемнело, они наткнулись на засаду. Зверь, на котором ехал метс, был убит почти мгновенно и, к счастью, не придавил пленника при падении. Бандиты не заметили его при торопливом обыске, потому что кожаный мешок оказался заваленным рваной упряжью, да и тело упавшего быка почти полностью загораживало его. Сняв с мертвых все приглянувшееся добро и забрав с собой оставшихся животных, бандиты быстро отступили в лес,— по-видимому, опасались погони.

На подгибавшихся от слабости ногах Иеро потихоньку заковылял к центру поляны. Крики стервятников стали громче, но, даже заметив священника, птицы не пожелали прервать трапезу.

Священник внимательно осмотрел трупы плениших его людей и нахмурился. Никогда раньше он не встречал представителей этой расы, и сам их вид — маленькие скрюченные тела, изжелта-белый, нездоровый цвет кожи и такие же белые ломкие волосы — произвел на него тягостное впечатление. Узкоглазые, с массивными выступающими челюстями лица вопреки ожиданию оказались чисто выбритыми. Да, весьма интересно будет узнать, откуда у юного Амибала такие знакомые.

Бессмысленно уставившись на заросли колючих кустов, Иеро пытался, несмотря на слабость и головокружение, пробудить в мозгу все навыки и знания, необходимые для выживания в этом странном месте. Потом медленно и осторожно он принялся обшаривать поляну в поисках чего-нибудь, что могло бы пригодиться, однако бандиты даже в спешке потрудились на совесть и уволокли абсолютно все полезные вещи. Из оружия, например, на поляне остался только тот обломок стрелы, что торчал из шеи тащившего Иеро

быка. К сожалению, запоздалый осмотр ничего не подсказал ему ни о караванщиках, ни о тех, кто расправился с ними. Оставалось признать, что, кроме кожаных штанов и сандалий, он не располагает ни одним по-настоящему полезным предметом.

Тогда Иеро занялся изучением следов, испещрявших поляну, и быстро отыскал ведущие в лес отпечатки грубых башмаков и, рядом с ними, широких копыт кау. Он как раз остановился у края поляны, чтобы немного подумать, когда стервятники внезапно замолкли и, оторвавшись от еды, вытянули шеи — где-то далеко на востоке чуть слышно трубил рог.

Одна за другой тяжелые птицы поднимались в воздух. Священник недовольно поморщился: тот, кто производил эти звуки, наверняка заметил взмывшую в небо стаю, а здесь, скорее всего, он может встретить только недругов.

Рог протрубил снова, и на этот раз одинокий призыв не остался безответным: южнее и севернее его подхватили другие рога. Всего Иеро насчитал четыре сигнала. Значит, далеко на востоке какой-то отряд, развернувшись длинной цепью, прочесывал лес. Интересно, что же тут можно искать, кроме его благородной персоны?

Еще даже не осознав, что делает, священник отломал ветку колючего кустарника и начал методично уничтожать следы своего пребывания на поляне. Покончив с этим делом, он повернулся и побежал на запад, стараясь ступать по твердой земле, а там, где это не удавалось, пускал в ход колючую ветку.

Иеро бежал уже с полчаса, медленно и осторожно, часто поглядывая под ноги. За спиной по-прежнему перекликались рога, и по их звукам он мог примерно определить, что расстояние между ним и преследователями не уменьшается.

Зашло солнце. В его умирающем свете Иеро показалось, что колючие заросли сильно поредели. Да и под ногами все чаще попадался песок или мелкие

камушки, трава, всякие ползучие растеньица совсем пропали. Даже цвет почвы из желто-коричневого стал голубовато-серым.

Внезапно звук рогов изменился; сразу два из них выдули короткую требовательную последовательность нот. Единственно разумным было предположить, что, обнаружив место побоища, они трубят общий сбор. Иеро хмуро устремился вперед. Было мучительно больно представлять, что это, возможно, отряд, посланный Лучар на поиски, и он сейчас убегает все дальше и дальше от друзей, однако шансов на такой исход оставалось мало. Конечно, метс не знал, куда направлялся странный караван и, стало быть, где он теперь очутился, но понимал одно: везли его очень быстро и успели забраться весьма далеко. Вряд ли люди принцессы смогли немедленно взять нужный след и примчаться сюда. К тому же все более усиливающийся голубоватый оттенок почвы и исчезновение растительности однозначно говорили о том, что ему вскоре предстоит встретиться с новыми опасностями и неожиданностями. Иеро уже вдоволь насмотрелся на такие места у себя на севере. Подобная смена пейзажа означала, что он приближается к пустыне, а на широте Д'Алва на картах был отмечен только один вид пустынь — Пустыни Смерти.

Совсем скоро метсу пришлось убедиться в обоснованности своих подозрений. Последние кусты расступились, и перед ним до самого горизонта засверкали голубоватые пески. Позади по-прежнему уверенно перекликались рога,— значит, погоня продолжается.

И вот, оставшись без воды, без еды и без оружия, Иеро, после коротких раздумий, углубился в сияющие пески лишь бы не попасть в руки врагов. Да и мог ли он колебаться? Хуже, чем в плену, ему уже не будет.

С приходом ночи рога замолкли, но священник продолжал упорно двигаться вперед, придерживаясь западного направления. Спотыкаясь от усталости, он медленно переставлял ноги, чтобы не упасть. Один раз,

не удержав равновесия, метс опустился на колени, а потом едва встал.

Кое-как он дотащился до пересохшего русла маленькой речушки. Брести по ее каменистому дну было гораздо удобнее, чем по осыпающемуся под ногами голубому песку. Здесь Иеро устроил себе кратковременный привал, чтобы перевести дух и заодно пососать небольшой округлый камешек. Без еды тренированное тело могло протянуть достаточно долго, а вот жажда, по всей видимости, вскоре примется за него.

Он поднял голову, обозревая безрадостный пустынный ландшафт, освещенный призрачным лунным светом. На юг, насколько хватал взгляд, тянулись обширные полосы поблескивающего песка, перемежаемые нагромождениями источенных ветром валунов. На севере и востоке пейзаж казался примерно таким же, а вот на западе какие-то темные вершины закрывали низко повисшие над линией горизонта звезды. Возможно, то была цепь невысоких утесов или что-то в этом роде.

Невероятным усилием воли священник заставил себя подняться. Если где-то здесь и существовало относительно безопасное место, то, скорее всего, его следовало искать у западных скал. Там наверняка должны отыскаться какие-нибудь пещеры или, на худой конец, расселины, где он сможет укрыться от полуденного зноя. Если повезет, ему удастся обнаружить там воду и пищу, что, вообще-то, было бы очень кстати.

Он уже сделал несколько неуверенных шагов в выбранном направлении, когда до ушей долетел неясный звук. Застыв, Иеро напряженно вслушивался в тишину, в тысячный раз пытаясь собрать ментальные силы и разорвать завесу мысленной слепоты. И в тысячный раз пришлось сдаться, хотя было так тяжело поверить, что все его способности, огромный талант утрачены навсегда, выхолощены наркотиками, и теперь он, лишенный последнего оружия и защиты, вынужден прозябать в этом безжизненном месте. Подавив неволь-

ный вздох, метс осенил себя крестом и пробормотал короткую благодарственную молитву. К сожалению, в последнее время он часто пренебрегал своим долгом. Ведь, в конце концов, он не только принц, но и священник. И — хвала Господу! — пока еще живой священник.

Прихрамывая, Иеро поспешил к постепенно проступающим на горизонте холмам. Он старался не обращать внимания на жажду и непрерывное голодное урчание в животе, внимательно вслушивался в голубоватое безмолвие, но, казалось, единственным звуком здесь оставалось мерное поскрипывание песка под подошвами сандалий. Однако обманчивая тишина уже не могла сбить его с толку — пусть он потерял ментальные способности, но где-то в глубине мозга все еще трепетал клубок оборванных и почти бесполезных теперь нервных связей, выжженный центр телепатических способностей, которые раньше всегда предупреждали его об опасности. Полуинтуитивно он ощущал, что в темноте ночи спряталось зло — в этом не могло быть никаких сомнений, и внезапное затишье подтверждало его подозрения красноречивее всяких слов. Кто-то или что-то охотится на него, и, пока нет сил оказать преследователю достойное сопротивление, придется бежать. Бежать и скрываться. Метс снова сосредоточился на ходьбе, заставляя двигаться усталые ноги. Он не питал иллюзий; пустыня Смерти — это совсем не то место, где можно радоваться жизни.

Тысячи лет назад огромные пространства суши были полностью выжжены ядерными бомбами. Некоторые из них до сих пор сияют по ночам мертвенным голубоватым светом и по-прежнему смертельно опасны для всего живого. Та пустыня, в которой оказался Иеро, была еще не самым худшим местом, да и к тому же, как и все северяне, он мог внутренним чутьем распознать источники сильной радиации и обладал определенной нечувствительностью к ней. Он ощущал, что сверкающие голубые пески уже давным-давно истощили свой

смертоносный заряд, однако это совсем не означало, что ему не грозит медленная гибель от лучевой болезни. Возможно, она только лишь откладывается.

Несмотря на отсутствие голубоватых огней на гребнях песчаных дюн, местность продолжала оставаться совершенно безжизненной, и, главное, не было никаких признаков того, что здесь вообще есть вода. До сих пор ему не встретилось ни одного растения, даже лишайники не росли в пересохшем речном русле, на которое Иеро наткнулся в ночной темноте. И все же радиация оставила здесь след жизни, чудовищно искореженный мутацией. Хотя пейзаж и казался пустынным, Иеро чувствовал, что где-то совсем рядом с ним затаились живые существа; он ощущал это, несмотря на потерю ментальной силы. Чувство немой угрозы постоянно давило на мозг. Но он упорно продолжал брести к вставшим на западном горизонте холмам, надеясь на то, что Господь не оставит его в беде.

Снова пришлось остановиться, чтобы перевести дух, но теперь Иеро опустился только на одно колено, опасаясь, что, усевшись, он уже не сможет встать. И тут откуда-то с юга послышался странный звук — непонятный вибрирующий вопль, как будто где-то далеко в ночи на немыслимо высокой ноте проблеяла гигантская овца. Несмотря на всю мыслимую и немыслимую тренировку, лоб Иеро покрылся холодным потом. Что бы там ни вопило в темноте, ему хотелось бы избежать знакомства с обладателем этого голоса. Он вновь перекрестился и, кое-как поднявшись на ноги, устремился на запад. Тело молило об отдыхе, но метс все равно продолжал путь. Потому что эта визгливая тварь охотилась, и охотилась она, несомненно, за его персоной. Он не забивал себе голову вопросами, почему она вышла на след и откуда вообще взялась в мертвых голубых песках; он просто знал, что это так и, стало быть, следует пошевеливаться.

Подняв голову, Иеро вдруг заметил, что темные гребни холмов, за последние часы ставшие значительно выше, поднимаются уже по обеим сторонам от него. Слева из разлома в почве торчала какая-то странная остроконечная штуковина, которая при внимательном изучении оказалась чем-то похожим на кактус, только отвратительной, искривленной формы. Да, возможно, он обнаружит здесь воду, если очень постарается. Путник ковылял дальше, выжимая из своего тела последние силы и жадно хватая ртом колючий ночной воздух.

Позади него пространство заполнилось отвратительным, злобным воплем, оглушающим и каким-то совсем чужим, даже в этой неприветливой и пустынной местности. Взлетая на неимоверно высокой ноте, он вызывающим тошноту звоном отдавался в голове священника, которая раскалывалась от боли. На этот раз Иеро даже не стал останавливаться, сконцентрировав последние силы на том, чтобы перевалить через небольшую песчаную дюну, вставшую на пути.

Если бы ночь не оказалась такой светлой, он, принужденный двигаться чуть ли не ползком, был бы совершенно беспомощным перед лицом грозной опасности. Но, по счастью, молодая луна высоко плыла в ночном небе, ярко освещая узкий каменный каньон, мрачный и неприветливый,— единственное надежное убежище в этой пустынной местности. Только бы у него хватило сил добраться туда!

Он пересек горловину ущелья и, напрягая каждый мускул, потащил непослушное тело дальше, под спасительную крышу каменистых сводов. Лунный свет уже почти не попадал сюда, но Иеро видел достаточно для того, чтобы уверенно идти вперед. Ноги заскользили на отполированных временем камнях, но тут в самой глубине открывавшейся перед ним лощины он заметил неясное темное пятно. Удвоив усилия, священник устремился в ту сторону. За спиной не раздавалось ни звука, однако внезапное наступление тишины уже не

могло сбить с толку: преследователь совсем близко и, если в течение нескольких минут не удастся отыскать надежное укрытие, он наверняка погибнет.

На какое-то мгновение нежное лицо Лучар всплыло перед глазами. Неужели именно здесь ему суждено умереть? Неужели он больше никогда не увидит ласковую улыбку любимой? Стиснув зубы, Иеро продолжал карабкаться вверх по сужавшемуся проходу, глаза его без устали обшаривали каменные стены в поисках любого укрытия, из которого он сможет сражаться за свою жизнь. Но ни одной подходящей трещины не оказалось на гладких стенах ущелья, смыкавшихся все ближе и ближе, так что вскоре, вытянув руки в стороны, он нащупал с обеих сторон только холодный камень. В отчаянии священник запрокинул голову, и вдруг взгляду открылось то, что он столь безуспешно разыскивал.

Впереди узкий проход резко изгибался налево и вверх, обходя небольшую скальную подпорку, примыкающую к южной стороне ущелья и похожую на покосившуюся крепостную башенку. Но самое главное, пик этой естественной колонны был обломан почти параллельно поверхности почвы, из-за чего на вершине башенки образовалась небольшая, неправильной формы площадка. Опытному верхолазу не потребовалось бы особых усилий, чтобы вскарабкаться на самый верх этого странного образования. Почувствовав прилив надежды и жизненной энергии, Иеро немедленно приступил к штурму каменной цитадели.

По высоте каменный столб оказался едва ли не впятеро больше его роста, так что вскоре с невольным вздохом облегчения Иеро перекинул тело через его верхний край и бессильно распластался на макушке.

Однако отдыхать ему придется не скоро: кто знает, на что способна тварь, идущая за ним по пятам? Если она умеет лазать по скалам, то он загнал себя в смертельную ловушку! Обеспокоенный этой мыслью, Иеро принялся лихорадочно оглядываться по сторонам

и на расстоянии вытянутой руки обнаружил несколько увесистых булыжников, полузанесенных мелким песком и каменной крошкой. Закусив губу, беглец с неимоверным трудом подтащил к себе пару камней покрупнее и только после этого позволил изнуренному телу немного расслабиться. Повернувшись ко входу в ущелье, он прижался к шершавой макушке скалы и постарался полностью использовать последние отпущенные ему минуты отдыха.

Вскоре священник услышал е г о. Сначала это был просто неясный шум, как будто нечто очень массивное пробиралось вверх по тропинке, которой метс прошел всего несколько минут назад. Оно старалось двигаться как можно тише и незаметней. Иеро заскрипел зубами от ярости. Похоже эта тварь надеется застать его врасплох! Ну уж нет! Метсианский киллмен не даст затравить себя, подобно загнанному оленю, если уж после многих дней плена опять представилась возможность действовать.

Звуки приблизились. Один раз до Иеро донеслось слабое шуршание, словно чья-то огромная лапа случайно задела обломок камня. Теперь он мог слышать дыхание — глубокое и хриплое. Устремив взгляд в темноту прохода, священник терпеливо ждал появления ночного преследователя.

Когда это произошло, ему не удалось подавить невольный ужас при виде жаждавшего его крови существа, которое извергли из своего чрева голубые пески южных пустынь.

В неясном свете луны он с трудом разглядел словно вышедшее из ночного кошмара извивающееся туловище странного голубоватого оттенка, как будто отмеченное смертоносными огнями отравленной пустыни. Мощное, как у сильного ездового быка, бесхвостое тело твари было посажено на четыре лапы-колонны, заканчивающиеся огромными расщепленными и слегка загнутыми внутрь роговыми выростами, похожими скорее на когти, чем на копыта. На длинной, отливающей голубизной

шее моталась уродливая голова с торчащими из-под отвислых губ бивнями. На макушке вместо ушей поднимались два костяных шипа, острые, как наконечники копий.

Но самыми пугающими в отвратительной наружности монстра были глаза. Подобные искрящимся стеклянным шарам, они были лишены зрачков и светились холодным мертвенным пламенем. И застывший на вершине каменного утеса человек теперь понял, кто охотится на него.

Он несколько раз натыкался на упоминания об Оленях Смерти в древних рукописях Д'Алва. Много веков назад эти чудовища терроризировали и без того немногочисленные южные племена, целыми стаями вырываясь из голубых песков и уничтожая все живое на своем пути. Но вот уже какое поколение людей считало этих тварей легендой.

Однако сейчас, разглядывая приспособленные отнюдь не для жевания травы челюсти «оленя», Иеро был склонен считать, что люди слишком рано поставили крест на их существовании. Даже беглый взгляд на это создание, размерами лишь немного уступающее Клуцу, не оставлял сомнений: его челюсти были приспособлены для того, чтобы крушить кости и терзать трепещущую плоть.

Пока Иеро, затаив дыхание, рассматривал живое ископаемое, сохранившееся непонятным образом, оно, приподняв рогатую голову, заметило священника, и ночной воздух огласился еще одним невероятной силы воплем, от которого у зарывшегося в холодный песок человека заломило все кости. На секунду метс опустил веки, чтобы справиться с охватившей его слабостью. Как только последние отголоски кошмарного боевого клича замерли среди скал, он снова открыл глаза — как раз вовремя, чтобы увидеть, как существо распахнуло пасть, демонстрируя не только бивни, но и торчащие за ними в несколько рядов огромные клыки. Затем оно бросилось на каменный столб.

Хотя Иеро приготовился к атаке, чудовище, двигавшееся с поразительной скоростью, чуть было не застигло его врасплох. Мощные лапы с невероятной силой подбросили тяжелое туловище почти до самой макушки каменного постамента. Несколько очень неприятных мгновений священник с расстояния вытянутой руки глядел прямо в бездонные маслянистые глаза, в то время как горячая волна зловонного дыхания демона пустыни швырнула пригоршню песка ему в лицо. Потом рогатый череп куда-то исчез, и снизу послышался гулкий звук удара.

С замирающим сердцем Иеро выглянул из-за края скального монолита в надежде увидеть внизу корчившуюся в предсмертных судорогах тварь; однако она, нисколько не пострадав от ужасного удара, плотоядно воззрилась на него страшными глазами и неспешно готовилась к новому прыжку. Очевидно, неудачная попытка отнюдь не привела монстра в замешательство. Иеро припомнил, что в старых свитках не раз упоминалось о почти полной неуязвимости этих созданий, которые даже умудрялись прошибать, словно соломенные циновки, высокие каменные стены, ограждавшие деревни. Итак, если собственные действия чудища не могут причинить ему вреда, то, как ни крути, именно человеку придется позаботиться о том, чтобы оно благополучно отправилось в мир иной. Непонятно только, существует ли хоть малейшая надежда на подобный исход.

Монстр снова встал на задние лапы, но на этот раз медленно и неторопливо; его длинные передние конечности вытянулись вперед почти до предела. Острые когти-копыта, коснувшись камня, тут же вонзились в него, словно абордажные крючья; похожие на стальную проволоку сухожилия напряглись и захрустели. Немигающие глаза «оленя» уставились прямо в лицо священнику, и за шумом его дыхания Иеро разобрал, как где-то под ним крушат горную породу две огромные задние ноги. Потом он с удивлением заметил, что

массивное туловище твари потихоньку ползет вверх. Видимо, закрепившись на почти отвесной стене монолита, могучий зверь начал подтягиваться на передних лапах. Теперь все понятно: через несколько мгновений он опять вытянет свои лапищи и сможет дотянуться до сидящего на верхушке каменного столпа человека. На этом, как услужливо подсказала самая хладнокровная часть сознания Иеро, все его злоключения закончатся.

Завороженный светом призрачных глаз, метс наклонился над краем скалы и, словно во сне, наблюдал за тем, как правая передняя лапа, отцепившись от крошащейся каменной стены, медленно, но неотвратимо потянулась в его сторону.

Вдруг, последним усилием воли скинув с себя сонное оцепенение, он вскочил на ноги и занес над головой зазубренный каменный обломок.

Приникшая к стене тварь разинула утыканную клыками огромную пасть, со свистом засасывая воздух для последнего победного крика. И в тот же миг Иеро обрушил свое единственное оружие на уродливую морду, вложив все оставшиеся силы в удар. Тяжелый камень миновал истекающие слюной губы зверя и устремился вниз, в темную глотку, с силой и неотвратимостью снежной лавины и где-то глубоко внутри, словно гигантский мясницкий топор, воткнулся в живую плоть. Страшный, леденящий кровь, полупридушенный вопль разнесся над равнодушными скалами. Потом снова на землю обрушилось массивное тело, только теперь гулкий звук падения сопровождался непрекращающимся скрежетом и хрипом: чудовище, захлебываясь кровью, бешено молотило лапами по камням. Наконец наступила тишина, и Иеро внезапно ощутил, как слабый ночной ветерок легонько играет волосами.

Постанывая от боли, метс согнулся над краем утеса и всматривался во тьму. Он чувствовал, что сейчас потеряет сознание, и необоримый инстинкт требовал

хотя бы разок взглянуть на монстра и убедиться, что тот больше не сможет причинить вреда.

Одного взгляда как раз и хватило. Было абсолютно ясно, что жизнь уже покинула огромное тело. Длинная голубоватая шея «оленя» оказалась вывернутой под неестественным углом, а из проломленного черепа мутным черным потоком изливалась кровь. По всей видимости, каменный обломок, проткнув небо, вошел в головной мозг и превратил его в кашу. Грозного демона пустыни победила обычная сила гравитации.

Человек наверху попытался выдавить слова молитвы, но лишь хрипло прошептал что-то и в беспамятстве повалился на холодное каменное ложе. Это был даже не сон, а реакция изможденного организма на полнейшее моральное и физическое истощение, состояние, похожее на транс, в который не раз впадал Иеро, занимаясь ясновидением; он чувствовал, что не спит, но тем не менее был не способен на сознательные усилия. И только спустя несколько минут он наконец-то забылся настоящим сном без видений.

Пробуждение было внезапным, как будто что-то вытолкнуло его из глубины сна на поверхность. Все тело священника горело, язык казался сухой щепкой, а спекшиеся губы никак не удавалось разлепить.

Взглянув вверх, на неистово пылающее в небесах светило, он вдруг осознал, что пролежал здесь, должно быть, уже много часов. Когда каменный обломок наповал сразил Оленя Смерти, едва минула половина ночи, а сейчас, судя по солнцу, наступил полдень. Превозмогая слабость, Иеро принялся массировать затекшие мышцы, одновременно загрузив работой и голову, хотя для того чтобы думать, приходилось прикладывать почти физические усилия. Вода! Вода и какое-нибудь укрытие от солнца. Иначе он недолго протянет в этой негостеприимной местности. И на-

чинать поиски нужно немедленно, пока жизненная энергия еще теплится в мускулах.

Отвратительное зловоние вынудило его взглянуть вниз, где у подножия утеса валялся полуобглоданный скелет ночного преследователя; еще остававшееся на костях мясо и внутренности продолжали исчезать с удивительной скоростью. Присмотревшись, Иеро заметил целую стаю проворных зверьков, суетившихся у огромного тела поверженной твари. Напрягая глаза, он смог различить заостренные головки с блестящими глазами-бусинками и короткие тоненькие лапки. Зверюшки, как ему показалось, представляли собой какую-то дикую помесь крысы и ящерицы, совершенно чуждую, как и погибший монстр, нормальной жизни, но отлично приспособившуюся к существованию в бесплодных землях.

Оглядевшись по сторонам, Иеро внезапно наткнулся на каменный обломок, который так и не использовал ночью. По форме этот похожий на кусок сталактита камень напоминал лезвие, и священник решил прихватить его с собой на тот случай, если существа внизу окажутся не просто стаей пожирателей падали. Хочешь не хочешь, а надо спускаться: воды на голом утесе нет, да и от палящих солнечных лучей здесь не укроешься.

Он заткнул импровизированный каменный нож за пояс, поддерживавший драные кожаные штаны, и принялся осторожно спускаться со скалы, бросая опасливые взгляды на копошащихся внизу зверьков.

Когда Иеро одолел уже больше половины пути, они наконец заметили его. Подвижные тельца на коротеньких лапках моментально застыли, и только остроконечные мордочки медленно поворачивались, красноватые горящие глаза следили за приближением человека. Размерами зверьки не превосходили домашних кошек, но их набралось достаточно, чтобы стая представляла реальную опасность для изможденного и почти безоружного человека. Иеро остановился на минуту, прикидывая, могут ли эти малюсенькие клыки и когти оказаться

ядовитыми. Почему бы и нет? Еще один штрих к картине жизни в этом чертовом пекле. Впрочем, какая разница? Так или иначе, он должен слезть с утеса. И священник, вздохнув, продолжил спуск, готовый в любой момент выхватить каменный обломок.

Однако стоило ногам коснуться земли, как он внезапно почувствовал, что волна ненависти пронеслась через разум. А мгновением позже стая зверьков уже исчезла; брызнувшей во все стороны зеленоватой вспышкой они растворились в окружающем ландшафте. Иеро, глубоко и облегченно выдохнув, прислонился к каменной стене. По всей видимости, эти существа сочли его настолько же инородным, насколько он сам считал их чужими, и не отважились напасть, поскольку не были уверены в собственных силах.

Задыхаясь от невыносимого зловония, которое исходило от полуразложившегося «оленьего» трупа, он торопливо заковылял вдоль ущелья. За поворотом воздух стал чище, зато кончилась спасительная тень, и Иеро почувствовал себя так, словно его поджаривали на сковородке. Подобная жара могла убить с той же легкостью, что и клыки проголодавшегося хищника. Так что, возможно, противные крысы-ящерицы еще успеют полакомиться его плотью. Через час он снова выбился из сил, успев, правда, выползти из приютившего его на ночь каньона. Теперь перед ним простиралось низкое плато, довольно круто обрывавшееся на севере. Зато на юге, насколько хватал глаз, тянулась бесконечная цепь невысоких, обглоданных ветром каменных пиков, резкие тени между которыми выдавали присутствие многочисленных оврагов и расщелин, подобных той, из которой он только что выбрался. В ослепительно голубых небесах по-прежнему яростно сияло солнце, обрушивая обжигающие лучи на проклятую богами землю.

Священник поглядел на юго-запад — на цепь пологих, почти сравнявшихся с поверхностью холмов, примерно в миле от него. Напрягая зрение, он заметил

далеко впереди тоненькую темную полоску, выделявшуюся на сером фоне пустыни. Неужели это великий южный лес? Иеро тяжело вздохнул. Все равно через пару часов он будет совершенно беспомощен, если не сумеет отыскать воду и убежище.

Он принялся внимательно обозревать ближайшие окрестности, и через несколько минут слабая надежда затеплилась в сердце. Справа от себя метс заметил низкий каменистый гребень, над волнистым краем которого при полном отсутствии ветра едва заметно клубился туман. Значит, если уставшие глаза не сыграли с ним злую шутку, там может быть влага!

По-прежнему хромая, он заковылял к цели. «Надеяться, пожалуй, особенно не на что»,— размышлял метс на ходу. Если там и обнаружится какая-нибудь лужа, вряд ли это настоящая вода, и он отравится, сделав пару глотков. Там вполне мог оказаться кипящий соляной раствор или озерцо расплавленного металла, одни ядовитые испарения которого моментально отправят его на тот свет. О существовании подобных вещей он узнал даже не из древних хроник Д'Алва, а еще в бытность свою учеником в школе Аббатства.

Вскоре он добрался уже до гребня, над которым наблюдал непривычное для пустыни атмосферное явление. Склон был довольно пологим, но Иеро поднимался с чрезвычайной осторожностью. Он чувствовал себя настолько слабым, что удивлялся, как еще кости не рассыпались в порошок и до сих пор ухитряются выдерживать вес непослушного тела. Лишь невероятное усилие воли не позволяло ему свалиться в темную пропасть подступающего безумия.

Медленно он взобрался на макушку гребня и замер, осматриваясь. Холодок радостного возбуждения пробежал по обожженной солнцем спине, но путник не двинулся с места, продолжая наблюдать.

Внизу оказалась небольшая яма или кратер, чьи стенки когда-то, очень давно, были крутыми и гладкими, но с тех пор глубокие разломы и трещины

избороздили их, а верхние зубцы просели и осыпались, оставив после себя кучи камней и щебня. Дно ямы, присыпанное вездесущим песком, кое-где было довольно ровным, а в иных местах, наоборот, ощетинилось кусками горной породы. На склонах, то здесь, то там, виднелись темные дыры, входы в пещеры и неглубокие скальные ниши, под ними — обточенные ветром скальные карнизы. И главное, здесь была жизнь!

В самом низу, на ровном участке почвы, торчали плотные заросли кустов. Иеро не встречал ничего подобного и лишь примерно смог разделить представителей здешней флоры на несколько видов. Одни показались ему похожими на неимоверно раздувшиеся пивные бочонки красно-коричневого цвета: длинные узкие листья росли на самой верхушке, свисая до земли и безжизненно распластываясь по ней. Другие растения напоминали огромных морских звезд, взгромоздившихся на мясистые толстые стебли. Куст можно было сравнить разве что с сооружением из ободранных зонтиков, воткнутых каким-то безумцем ручками в землю. Кроме того, во многих местах из земли торчали пучки изжелта-зеленой высокой травы с заостренными кончиками. Однако, за исключением растений, дно ямы казалось совершенно безжизненным. К тому же нигде пока не наблюдалось признаков водоема.

Но вода здесь была. Тренированное тело чувствовало близость живительной влаги и тянулось туда, вниз. Неважно, что он не может пока увидеть ее; она тут, рядом — свежая, прозрачная, спасительная вода!

Иеро еще раз внимательно обозрел дно ямы. Несмотря на нестерпимую жажду, суровая выучка школьных времен удерживала его: если в кратере есть вода и эти странные растения, значит, почти наверняка там существует и другая жизнь, а это всегда опасность. Как раз рядом с подобными оазисами хищники обычно поджидают добычу... Путник снова и снова оглядывал впадину, стараясь угадать, что может таиться в темноте

пещер и глубоких расселинах. Но все оставалось до странности неподвижным и застывшим.

Наконец он не выдержал и осторожно, шаг за шагом, принялся спускаться вниз, стараясь держаться поближе к высокой глиняной насыпи, начинающейся у верхнего края ямы и сбегающей до самого дна, и ни на мгновение не выпуская из виду странные растения. Почти преодолев уклон, священник вновь остановился, и стал внимательно оглядываться в поисках того, что он мог упустить. Ведь даже в таком неуютном месте кроме непонятных «бочонков» и «зонтиков» должны обитать другие живые существа, насекомые например... хотя, стоп! Да, что-то такое тут есть!

Прямо перед ним поднимался невысокий земляной холмик с сотнями крохотных ходов и выходов, проделанных в его склонах; вокруг него сновали крохотные букашки. Впервые за много часов Иеро позволил себе улыбнуться. Этот непонятным образом оказавшийся здесь муравейник был первой и единственной пока ниточкой, которая связывала его с родным миром. Как завороженный священник наблюдал за цепочкой маленьких, но отчаянно смелых козявок, уверенно марширующих по песку куда-то прочь от дома. Он машинально отметил, что все муравьиные тропы почему-то проложены как можно дальше от растений.

Объяснялось это весьма просто. Стоило только колонне муравьев миновать невидимый барьер, отделяющий ее от ближайшего «бочонка», как безжизненно висевший лист метнулся вперед атакующей гадюкой. Конец муравьиного построения слизнуло, будто языком, а лист свернулся в трубку и склонился к появившемуся на вершине бочонка отверстию. Пасть растительного хищника смачно сглотнула, и очищенный красно-коричневый хлыст вновь бессильно опустился на песок.

Иеро озадаченно уставился на «бочонок». По высоте он не доходил ему даже до колена, но дальше в яме росли настоящие великаны, выше человеческого роста,

с толстенными стволами. Он снова устремил взгляд на спешащих куда-то муравьев, которые, казалось, совершенно не заметили того, что добрая четверть маршрующей колонны внезапно исчезла. Понаблюдав за ними, священник окончательно убедился, что насекомые действительно стараются избегать любой растительности, вне зависимости от ее вида и высоты. Несомненно, у них есть на то серьезные причины.

Он поставил одну ногу на дно ямы, потом другую, и огляделся. Внизу жара уже не так сильно донимала измученное тело, а воздух казался даже немного влажным. Но где же, черт возьми, вода?

Это маленькое богохульство позволило ему перебороть подступающую слабость и собраться с силами. Опустившись на колени и очистив разум от мыслей, он позволил интуиции указать дорогу к цели. После минутного транса Иеро увидел, что его руки вытянуты куда-то на северо-восток. Встав, он побрел в этом направлении, тщательно огибая все попадавшиеся на пути растения.

Метс был настолько измучен, что телом управляло скорее подсознание, чем разум; впрочем, Иеро мог доверять инстинктам, уводившим его из опасной зоны, когда куст-бочонок начинал зловеще изгибаться или остроконечная трава с тихим шипением хищно устремляла стебли в его сторону. Так, словно хранимый волшебством, Иеро ковылял от одной ловушки к другой, сворачивая чуть ли не на самом краю и в то же время твердо выдерживая намеченный маршрут.

Очень скоро он очутился в тени одного из утесов, подобно гнилым зубам торчавших по краям ямы. Возможно, кому-то жара здесь показалась бы просто невыносимой; ему же, ушедшему наконец из-под палящего покрывала солнечных лучей, почудилось, что из раскаленной духовки он попал под своды ледяного дворца; по всей видимости, именно это и привело его в чувство. Однако нельзя сказать, что Иеро почувствовал себя лучше,— теперь он дрожал от холода; к тому

же огромный утес загораживал солнечный свет, так что разглядеть что-либо у его основания не удавалось. Священник, вытянув вперед руки, попытался прогнать застилающую глаза темную пелену и вдруг понял, что стоит на краю обширной лужи с прозрачной чистой водой.

Она простиралась в обе стороны, насколько хватало глаз, а дальний ее конец скрывался где-то в тени. Камень под ногой священника отдавал приятным холодком. Отбросив осторожность, Иеро со стоном повалился в лужу.

Только железная самодисциплина спасла странника от немедленной гибели — он позволил пересохшим губам сделать лишь один осторожный глоток и перевернулся на спину, чтобы благословенная влага постепенно пропитала воспаленную кожу. Многие на его месте поглотили бы огромное количество воды и очень скоро отправились бы на тот свет — от внутреннего переохлаждения или разрыва желудка,— но Иеро опять выручил выработанный годами инстинкт самосохранения. Он подсказал, что сейчас смерть близка как никогда. Стиснув зубы, священник справился с желанием осушить одним глотком все озерцо.

Он пролежал в луже несколько часов, выпивая небольшие, строго отмеренные порции влаги через определенные промежутки времени. Вода была немного кисловата на вкус, зато абсолютно без вредных примесей. Иначе его чувства, натренированные в распознавании всевозможных ядов, не замедлили сообщить об этом. Но нет — это была всего лишь обыкновенная вода, разве что с небольшой примесью соли. И Иеро, зажмурившись, блаженствовал в ней, с удовольствием ощущал, как она пропитывает высохшие мускулы.

Постепенно разум возвращался к нему, и одновременно просыпалась новая потребность, которую тоже следовало немедленно утолить,— он чувствовал, что

просто умирает от голода и готов съесть все, что только попадется под руку.

Священник бросил внимательный взгляд вверх, на каменный утес, затем вниз — на гранитное ложе озерца. Очевидно, каменная чаша выполняла роль своеобразного резервуара, где накапливалась столь редкая в пустыне дождевая вода. Да, просто здорово, что он таки добрел до нее! Или был завлечен сюда хитростью. Некоторое время Иеро обдумывал эту мысль, неожиданно пришедшую ему в голову, затем отбросил ее. С потерей ментальных способностей метс стал больше рассчитывать на интуицию, а она пока что не подавала тревожных сигналов.

Наконец он впитал в себя столько жидкости, сколько мог удержать; покрывшаяся мурашками кожа и постепенно усиливающееся онемение конечностей вовремя подсказали ему, что пора выбираться из холодной ванны. Иеро послушно вылез из лужи и уселся у ее края, прислонившись спиной к массивному валуну. Небо вдали потемнело, и священник удивленно отметил про себя, что он, по всей видимости, провалялся здесь почти весь день. Несмотря на стремительно выраставшие тени, солнце все еще дарило тепло, так что он вскоре согрелся и перестал дрожать.

Теперь, порядком восстановив силы, Иеро принялся наблюдать за тем, как готовится ко сну населяющая кратер растительность, и на этот раз отметил гораздо больше интересных подробностей. Воздух был совершенно неподвижным, однако казалось, что свежий ветерок легонько колышет стволы и листья засыпающих растений. Красноватые «бочонки», скатав длинные листья-хлысты в спираль, бережно пристроили их у себя на макушке и моментально стали похожими на головы дородных матрон в накрученных на бигуди локонах. Столь агрессивная днем высокая трава почти полностью втянулась в землю, оставив на поверхности только острые кончики, а «морские звезды» каким-то образом забрались внутрь мясистых стеблей, наверху теперь

качались лишь небольшие забавные хохолки. Странный мирок в кратере словно по волшебству преобразился, став еще более загадочным и непонятным.

Уже давно на притихшую впадину легким облачком упала темнота, но Иеро, замерев за облюбованным им камнем, по-прежнему внимательно всматривался и вслушивался, сжимая в руке острый обломок сталактита, найденный им на вершине скалы-башенки. И вскоре в ночной тишине раздались осторожные, едва различимые звуки — те самые, которые он так надеялся услышать.

Кто-то тихонько попискивал и скребся неподалеку от его каменного убежища. Привыкшие к темноте глаза священника различали какие-то маленькие тени, быстро шныряющие туда-сюда по остывшему песку. И вот, совсем рядом с ним, внезапно появилось небольшое, похожее на комнатную собачку существо. Оно вперевалочку потрусило к одному из мясистых стеблей, внутрь которого спряталась «морская звезда», и, подрагивая хвостом, принялось сочно похрустывать мякотью. Иеро отметил, что в дневное время ничего подобного не случалось. Значит, ночью впадающие в спячку растения-хищники становятся совершенно беззащитными. И теперь он мог убедиться, что многие безнаказанно пользуются этим.

Самозабвенно набивающая желудок зверюшка, казалось, забыла обо всякой осторожности, и священник, долго ожидавший подходящего момента, ударил как молния. Маленький череп, хрустнув, раскололся, и еще подергивающееся тельце упало к его ногам.

Подобрав добычу, Иеро внимательно осмотрел ее. Мертвый зверек имел вполне нормальный вид, его зубы напоминали резцы грызуна, а цепкий хвост, свернутый кольцом, смешно укладывался прямо на спину. Ушные отверстия были совсем скрыты в толще меха, а небольшие круглые глаза — глубоко посажены на заостренной мордочке.

Иеро сразу определил, что убитое животное, несомненно, млекопитающее; его теплая кровь, вытекавшая из раны, на вкус оказалась почти такой же, как у него самого. Короче говоря, ужин находился у него в руках, и теперь оставалось лишь съесть его.

Почти наверняка знатоки придворного этикета сейчас ужаснулись бы при виде того, что вытворяет их принц, но Иеро, проведя немало лет среди Стражей Границы, в условиях, которые позволяли выжить только самым крепким и приспособленным, умел вовремя отказаться от цивилизованных привычек. И, когда очень хотелось есть, он ел. Ел то, что попадалось под руку. Если не было огня, чтобы приготовить мясо, он ел его сырым.

Одним рывком содрав со спинки животного шкуру, священник вонзил крепкие зубы в загривок. Прожевать жесткое мясо было довольно трудно, но это его ничуть не тревожило. Главное — есть чем набить желудок, и, по всей видимости, еще не один раз. Проглотив несколько кусков, Иеро пробормотал короткую благодарственную молитву и затем снова начал работать челюстями. Куски жилистого и не слишком вкусного мяса тем не менее скользили по пищеводу с удивительной легкостью. Если бы оно оказалось непригодным для еды, неприятная тяжесть в животе уже давно известила бы об этом, и тогда пришлось бы как можно скорее отправить его обратно. Однако желудок Иеро блаженствовал, и вскоре он ощутил, как возвращаются утраченные силы. Завернув остатки трапезы в содранную шкурку, он поднялся на ноги и стал придирчиво осматривать близлежащие склоны в поисках подходящего для ночлега убежища. Он наелся и утолил жажду. И теперь у него было только одно желание — забиться в безопасную нору и поспать.

Его глаза обежали залитую лунным светом чашу кратера, где одиноко темнели силуэты спящих растений, и отыскали справа, в бледном лунном свете несколько зияющих отверстий. По песчаному дну все

еще изредка сновали маленькие юркие тени,— видимо, гибель одного из ночных пожирателей растений осталась незамеченной. Несомненно, в темноте вокруг скрывались и другие охотники за теплым мясом, и ему придется вести себя предельно осторожно. Закинув за плечо окровавленную шкурку и поудобнее пристроив в руке каменный обломок, Иеро бесшумно зашагал к чернеющим впереди отверстиям. Через несколько десятков ярдов лужа по правую руку кончилась, и одновременно истончился, слившись с верхним краем кратера, карниз огромного утеса, закрывавший небольшое водохранилище от солнечных лучей. Священник глубоко вдыхал свежий ночной воздух, прислушиваясь к наполняющим его шорохам. Очевидно, обитатели тихого оазиса еще не почувствовали, что их компания пополнилась новым членом, причем гораздо более опасным, чем все остальные вместе взятые.

А этот последний ощущал себя чуточку утомленным, хотя вот уже несколько часов его не покидало непривычное чувство душевного умиротворения. Впервые за много дней на него никто не охотился, и он наконец перестал быть пленником или загнанной дичью для идущих по следу врагов, с которыми не мог бороться на равных. Метс сам победил пустынного демона, сам нашел воду и пищу и уже совсем скоро обретет подходящее укрытие. Он выжил. Господь не отвернулся от своего слуги, за что тот бесконечно благодарен Ему. Однако глубоко в душе Иеро испытывал вполне законное чувство гордости. Наставники в Аббатстве не могли, подобно Богу, сотворить человека из глины. Зато они умели подобрать нужного человека и научить его справляться с любой бедой. А этого как раз и желают Бог и Церковь — научить людей бороться до конца и не поворачивать на полпути. Очень простое желание и, как большинство подобных желаний, весьма трудновыполнимое.

Иеро остановился перед первым углублением и осторожно заглянул внутрь. Слишком мелкое — даже не

пещера, а, скорее, каменная ниша. Второе и третье оказались всего-навсего узкими разломами в скальной поверхности, а вот четвертое уже почти удовлетворяло его требованиям. Достаточно широкий ход вел в закругленной формы пещерку, где путник мог свободно вытянуться во весь рост; в то же время входное отверстие было настолько мало, что не составляло труда надежно забаррикадировать его в случае необходимости. Дальний угол пещеры был завален грудой мусора: сухими ветками, булыжниками и костями. По всей видимости, раньше здесь обитал какой-то хищник, но, судя по запаху, бывший хозяин давно оставил нору. Иеро старательно заложил вход валявшимися на полу ветками, так что осталась только маленькая дыра для поступления свежего воздуха. Выбрав из мусорной кучи веточки помягче и обрывки шкур, он соорудил себе нечто вроде изголовья, выкопал в песке удобные углубления для туловища и ног и наконец предался долгожданному отдыху. Чувства его оставались постоянно настороже, и священник полагал, что проснется вовремя, если какой-нибудь слишком ретивый хищник вдруг захочет свести с ним знакомство.

Впервые за многие дни тело расслабилось, мышцы и сухожилия освободились от непосильной нагрузки, но сон почему-то не шел к нему. Впрочем, метс даже не пытался приблизить дремоту: любой отдых, даже с открытыми глазами, был благом для измученного организма. Хотя тело его оставалось еще истощенным и усталым, но мозг и нервная система сумели восстановиться быстрее. В таком случае, решил Иеро, он может отважиться на несколько небольших экспериментов, потому что в его положении нельзя пренебрегать даже малейшим, самым крохотным преимуществом. И если подвернулось время, чтобы попробовать восстановить хоть какой-нибудь из утраченных талантов, этим, несомненно, стоит заняться.

Сначала он попытался медленно и осторожно высвободить сознание и выйти за пределы приютившей его

тесной пещерки. Стараясь собрать воедино крупицы былой мощи, священник снова и снова пробовал установить ментальный контакт с крохотными аурами населяющих дно кратера зверюшек, прочесть их несложные мысли, нащупать в кромешной мгле едва различимые искорки индивидуальностей, отличающие живое от неживого.

Возможно, в конце концов ему удастся восстановить все или хотя бы часть прежних способностей. Интересно, вернется ли боевое ментальное искусство, нажитое тяжким трудом? Не выдадут ли эти неосторожные попытки его убежища? Что, если Нечистый снова обнаружит его? Сумеет ли он себя защитить? К сожалению, ответов на подобные вопросы у него не было, впрочем, как и выбора,— во что бы то ни стало он должен вернуть потерянное мастерство.

Но через некоторое время все же пришлось остановиться, признать тщетность попыток. Иеро мог видеть и слышать, ощущать вкус пищи и запахи, но врожденная способность к телепатии, развитая годами обучения, похоже, ушла навсегда, а с ней — навыки, которые он приобрел самостоятельно, искусство, позволившее ему победить не одного адепта Темного Братства, не одного могучего врага. Иеро не удалось сдержать вырвавшийся из груди стон. Как это несправедливо! Нечестно отобрать у человека самое мощное оружие, загнать его в ловушку и оставить без сил, так что он не может даже защищаться! Будь ты проклят, Нечистый, вместе со всей дьявольской наукой!

Но вдруг, словно очнувшись, метс прекратил оплакивать свою несчастную судьбу. И что это на него нашло? Пусть утрачены ментальные способности, но все остальное осталось! Разве аббат Демеро давным-давно не предупреждал, что великий грех считать себя объектом особой божьей милости. Иеро вспомнил строгое лицо наставника, и мимолетная улыбка тронула опаленные солнцем губы. «Да, учитель,— благодарно подумал он,— я снова человек».

Пусть способности, заработанные дорогой ценой, исчезли, но разве можно сбрасывать со счетов необычайное, просто фантастическое везение! Одурманенный, связанный и совершенно беспомощный, он тем не менее умудрился вырваться из рук врагов. Мозг, пусть и не обладающий больше телепатическими возможностями, чист и ясен; ничто и никто не мешает безбоязненно строить планы на завтрашний день. И самое главное — ничто и никто больше не мешает отомстить! Его пылающие гневом глаза превратились в узенькие щелки. Кое-кто еще заплатит сполна! Заплатит дорогую цену!

Незаметно Иеро заснул, и видения последних страшных дней милосердно не тревожили его.

В маленьком оазисе, приютившем странника, текла обычная ночная жизнь: дурманяще благоухали растения, а под ними разыгрывались старые драмы с участием все тех же актеров — охотников и жертв. На какой-то миг что-то очень большое и темное закрыло звезды далеко на севере. Но царица-ночь спрятала крохотную пещерку под фиолетово-черным плащом, и проносящимся мимо кошмарам так и не удалось вторгнуться в сон измученного беглеца.

ГЛАВА 3

Вызванный и преследуемый

Отразившись от гладкой каменной стены, тонкий солнечный лучик проник в полутемную пещеру и упал на заросшее щетиной лицо спящего человека. С легким вздохом Иеро пробудился и, зевнув, выглянул из своего убежища сквозь дырочку в куче хвороста, закрывавшей лаз.

Глазам открылась примерно та же картина, что и днем раньше: странные травы и кусты уже развернулись и с наслаждением подставляли листья теплому утреннему ветерку. Некоторые из них выглядели немного помятыми и обкусанными, но ни одно не казалось умирающим. Однако сейчас Иеро гораздо больше заботили собственные нужды. Он быстро обследовал остатки вчерашнего ужина и без особого удовольствия принялся жевать холодное и жесткое сырое мясо. Вкусовые достоинства пищи его не волновали; надо было задать работу урчавшему от голода желудку.

Закончив есть и завернув последние кусочки мяса в шкурку, путник отправился к луже, где смог вдоволь напиться и смыть с тела приставший за ночь песок. Здесь же, присев на корточки, он внимательно осмотрел остатки своей вчерашней трапезы — прожорливые муравьи за ночь отскоблили брошенные у лужи куски шкуры и кости дочиста. Выбрав из этой кучки все полезное, Иеро занялся исследованием валявшихся поблизости камней и вскоре подобрал несколько отличных обломков кремня. Примерно через час он был готов покинуть приютивший его оазис, но только уже гораздо лучше экипированным, чем в тот момент, когда полубесчувственные ноги привели его к курящемуся кратеру.

На голове теперь красовалась широкая круглая шляпа, сделанная из обглоданных муравьями ребер, которые Иеро переплел листьями, а с плеча свешивались два кожаных бурдюка: один — с водой из лужи, второй — с остатками мяса, костяными иголками и тяжелыми кремневыми лезвиями. Он даже умудрился кое-как побриться наиболее острым каменным осколком. Но самое главное, в заветном бурдючке лежал увесистый кусок минерала, который, ударяясь о кремень, высекал обильные искры. Значит, если удастся отыскать топливо, у него будет огонь.

Остановившись на обращенном к западу крае кратерного гребня, Иеро обернулся, чтобы посмотреть вниз, и вдруг почувствовал странную признательность к этому небольшому клочку земли. Когда он, страждущий, пришел сюда, оазис дал ему пищу, воду и надежное убежище. Священник склонил голову в благодарственной молитве и, повернувшись, перешагнул через верхушку гребня. Сбежав вниз по пологому откосу, он волчьим скоком устремился прочь от гостеприимной впадины. Правая рука сжимала каменный клинок, толстый конец которого был превращен в удобную рукоять. К сожалению, несмотря на устрашающий вид оружия, им можно было наносить только колющие удары.

Пройдя несколько шагов, Иеро обнаружил, что снова угодил в духовку. Яркие лучи солнца, отражаясь от камней и искрящегося песка, слепили привыкшие к тени глаза. Тем не менее весь вид протянувшейся на запад пустыни обнадеживал одиноко бредущего путника. То там, то здесь из многочисленных трещин торчали древесные побеги, в основном высохшие и бесплодные, но кое-где и зеленые. Стали появляться разнообразные кактусы, под колючей оболочкой которых таилась сочная мякоть. Так что пустыня впереди определенно оживала. Иеро строго следовал выбранному направлению, пытаясь одновременно припомнить детали карт этого района.

Положение звезд, которое путник наблюдал вчера ночью, лишь немного отличалось от виденного им в Д'Алва. Вполне возможно, что он находится на той же широте. Однако ему пришлось проделать большой путь с похитителями, ведь Джозато намеревался отослать врага как можно дальше от границ королевства. А потом вновь напичкать наркотиками и перерезать глотку! Они знают, что о его физическом уничтожении мгновенно станет известно близким людям, например Лучар. А если Иеро просто исчезнет, те будут удивлены, напуганы, но сохранят надежду и, возможно, не предпримут пока решительных действий... Ну ладно, хватит об этом! Важнее другое: где он теперь?

Запад. Его везли почти строго на запад, подальше от границ королевства. Иеро снова представил себе карту местности: судя по звездам, если караван и отклонился на юг, то очень незначительно. Поэтому, повернув сейчас на север, он должен вскоре выйти на равнину. Там могут встретиться люди, возможно — дружелюбные, а может — нет. Значит, путь на север для него закрыт: слишком велика вероятность, что там ждет новая засада.

Оставалось признать, что Амибал, Джозато и колдуны Нечистого, их возможные советчики, разработали превосходный план. И, поскольку люди они серьезные и предусмотрительные, совершенно неясно, что будет предпринято, когда от конвоировавших пленника бледнокожих гномов не придет ни одного сообщения. Вполне вероятно, что у врагов возникнут сомнения. Ведь трубившие в рога люди так и не нашли его труп. И прямо сейчас, возможно, по цепи вражеских гонцов летят новые сообщения, новые приказы взять след... если, конечно, это уже не сделано.

Хорошо... Где же они начнут искать? Естественно, на севере: оттуда он появился, туда в случае чего отправится за помощью. Не пойдет же на юг — прямо в лапы Нечистого и его приспешников? Судя по всему, выбор не велик.

Что ж, он, конечно, пойдет на север, но не сразу и не той дорогой, на которой будут ждать. Надо отклониться далеко на запад, в те области, что еще не отмечены на картах, и уже потом, оторвавшись от преследователей, повернуть на север и встретить врагов там, где они меньше всего его ожидают.

Придется, видимо, расстаться пока с надеждой увидеть Лучар, хотя больно от одной только мысли об этом. Несмотря на потерю ментальной силы, Иеро был уверен, что его возлюбленная жива. Их связь прочна, и случись что, он бы наверняка почувствовал. Нет, Лучар определенно жива, и пока ей ничто не угрожает. Рядом верный Митраш, а в случае чего придут на помощь эливенеры. Да и Клуц, раз хозяина нет рядом, будет ее слушаться. А венценосный отец? Ему Иеро успел рассказать достаточно, чтобы тот держался настороже. При любом раскладе и молодому принцу крови, и продажному жрецу предстоит еще немало потрудиться, чтобы уничтожить королевский дом Д'Алва.

Но беда придет на побережье — если она уже не там. Как принц и престолонаследник, Иеро пытался поднять королевство против Нечистого, и теперь все его начинания пошли прахом. Однако не следует забывать, что он еще и эмиссар далекой северной республики в этих странных государствах полуденного юга. Поэтому его первейшей обязанностью остается неустанная борьба с врагом; нельзя складывать оружия ни на секунду. И если ментальные силы не возвратятся... что ж, придется обойтись без них и отыскать что-то другое. Пока кровь течет в жилах, надо идти вперед, жертвуя всем ради той миссии, которую возложили на него Отцы Церкви и брат Альдо.

И бронзовокожий человек неспешной рысцой преодолевал милю за милей, опаляемый беспощадным огнем, который лился с небес. Острые глаза священника не упускали ни одной, даже самой незначительной детали ландшафта. Появились маленькие бурые птички,

следившие за ним с высоких каменных глыб, а кактусов и кустарников стало еще больше. Медленно, почти незаметно синеватый оттенок почвы сменялся обычным, серовато-желтым. Семейство каких-то зверьков озадаченно уставилось на него из вырытых в пологом склоне холма нор, но, казалось, присутствие человека не особенно встревожило крохотных грызунов. Оглянувшись, Иеро увидел, что зверюшки, позабыв о нем, возвратились к прерванным занятиям. Это наблюдение чрезвычайно его обрадовало: раз человека не боятся, значит, люди здесь встречаются очень редко.

А единственное, что сейчас необходимо,— это остаться незамеченным. И каждая пройденная миля уводит все дальше и дальше туда, где легко затеряться в бескрайних степях, в безбрежных джунглях и, наконец, пропасть из поля зрения врагов. Поиски союзников можно отложить на будущее; главное — спрятаться, исчезнуть, раствориться в воздухе, не оставив никаких следов.

Когда день начал клониться к закату, Иеро принялся подыскивать убежище на ночь. Пища больше не заботила его: в кожаном мешке кроме вчерашнего мяса лежало несколько плодов кактуса с тщательно отскобленной колючей кожурой. Подобные кактусы встречались далеко на севере, в лесах Канды, и метс хорошо знал, что растущие на них колючие шарики весьма питательны и вдобавок еще недурны на вкус. Вскоре после полудня ему посчастливилось наткнуться на гнездо не то птицы, не то ящерицы. Путник с удовольствием полакомился крупными, похожими на куриные, яйцами. Метсианские Стражи Границы могли выжить почти в любой местности, и сейчас, когда перед ним простиралась земля, которая намного плодороднее только что пройденной пустыни, Иеро уже не боялся умереть от голода и жажды. Но раз тут есть жизнь, значит, есть и хищники. Стало быть, с приходом ночи нужно подыскать подходящее убежище, чтобы случайно не попасть кому-нибудь на ужин.

Часом позже ему повезло и в этом — удалось обнаружить невысокий каменный холмик, одна из сторон которого уходила вверх почти под прямым углом. И на этой практически отвесной стене имелся выступ, совсем маленький, но не настолько, чтобы священник не сумел улечься на нем, спрятавшись под нависавшим сверху карнизом. Забившись в узкую щель, он тут же обнаружил, что выступ изогнут наподобие чайной ложки и это углубление наполнено старым пеплом и полусгоревшими сучьями. Скрючившись под низкой каменной крышей, Иеро разжег маленький костер, подкармливая пламя наскоро собранными сухими ветками. По крайней мере, в таком убежище он мог позволить себе запалить огонь: только с юга, и то с довольно близкого расстояния, можно было разглядеть чуть заметное мерцание пламени.

Если бы не пышные усы, его сейчас можно было бы принять за индейца-охотника, устроившегося на ночлег, как и много тысяч лет назад, на каменном столбе где-то посреди необъятной прерии. Священник проглотил скудный ужин, состоявший из обжаренного на костре мяса и плодов кактусов, но так и не притронулся к бурдюку с водой. Пока он не особенно страдал от жажды, и стоило поберечь ту довольно неприятную на вкус жидкость, которая все равно оставалась водой — величайшей ценностью в засушливых степях. Перед ним на краю выступа лежали стебли кактуса. Брошенные в костер, они могли послужить надежной защитой от любого хищника, который в поисках добычи рискнул бы забраться под манящую каменную крышу.

Повернувшись за ветками, священник внезапно заметил кое-что пропущенное им при первоначальном, кратком осмотре. В слабых отсветах костра на потолке и стенах ниши виднелись странные рисунки, настолько блеклые, что при всем старании он ничего не сумел различить. Еле заметные черточки на камне смутно напоминали фигурки людей и животных, но каких животных и каких людей? Столь неожиданно обна-

ружив, что не ему первому пришло в голову использовать это место для ночлега, Иеро почему-то приободрился.

Он оглядел раскинувшуюся перед ним равнину, залитую ярким лунным светом; где-то вдали ее поверхность скрадывала повисшая над землей туманная дымка. В небе безмятежно сияли звезды, а застывший под ними черно-серебристый «карандашный» пейзаж, изобилующий резко очерченными контурами, казался священнику искаженным зеркальным отражением того красочного мира, по которому он путешествовал днем.

Неподалеку завыл волк, и его зов был мгновенно подхвачен целой дюжиной глоток. Иеро с минуту напряженно вслушивался в ночной концерт, пока не стало ясно, что серые охотники идут не по его следам. Взлаивания здешних волков совсем не походили на жуткий вой их северных собратьев, но стая была многочисленной. Наконец Иеро облегченно улыбнулся: они явно гнали какого-то зверя, причем далеко в сторону от его убежища. Когда звуки погони окончательно стихли, он притушил костер, оставив лишь тлеющие угли, и устало откинулся на подстилку из веток. Он знал, что проснется вовремя, чтобы поддержать угасающий огонь.

Тихо лежа в темноте, священник некоторое время пытался предугадать, что ждет впереди, прекрасно сознавая всю тщетность этих попыток. Сорок Символов и сопутствующий им кристальный шар остались там, в Д'Алва. Да и чего бы он добился с их помощью, потеряв талант? Нет, теперь для него это просто груда бесполезного хлама. Нужно свыкнуться с тем, что завтрашний день, как у большинства живущих на Земле людей, полон неопределенности... он должен с благодарностью принимать те испытания, которые посылает Господь... Наконец путник задремал в полглаза, оставаясь по-прежнему настороже. Сначала никакие видения не тревожили его сон, но вот пальцы священника судорожно сжались, а на скулах заиграли

желваки. Однако это не разбудило его — грудь Иеро продолжала мерно вздыматься, а глаза так и не открылись. Казалось, все замерло на искрящейся в лунном свете равнине, и ни один угрожающий крик не разорвал прозрачный ночной воздух.

И все же где-то глубоко в подсознании мирно спящего воина замерцал сигнал тревоги. Возможно, его ментальные способности оказались подавленными лишь частично, и теперь оборванные нервные окончания еще недавно прекрасно отлаженной системы встревоженно бились, пытаясь о чем-то предупредить оглохший и ослепший разум. Иеро видел сон. Он летел над удивительной, странной долиной. Там было множество холмов — пурпурных, курящихся туманом, что вставал из зеленых ложбин, зажатых между пологими склонами. Округлые, причудливой формы вершины поросли густым лесом. Странные курганы, ничего общего со столь часто виденными им каменистыми холмами родного севера... Священник вздохнул во сне и пошевелил затекшей рукой. Непонятное сновидение потихоньку ускользало из дремлющего сознания, но почему-то он был теперь твердо уверен, что еще увидит пурпурные холмы. Они казались очень красивыми.

Иеро встал задолго перед восходом солнца и без промедления отправился добывать пропитание. Ночной холодок все еще давал о себе знать, но священник быстро согрелся, разыскивая следы. Наконец на небольшой полянке, затененной кронами невысоких деревьев, он обнаружил — еще один добрый знак! — отчетливые отпечатки маленьких копыт. Следы оказались совсем свежими, и, принюхавшись, Иеро смог даже уловить слабый мускусный запах там, где зверь потерся боком о шершавый ствол. Он бесшумно двинулся по следу, отметив, что, по всей видимости, маленькое копытное чувствовало себя здесь вольготно: то и дело зверь останавливался, чтобы полакомиться свежими зелеными листочками. Священник прибавил шагу и вскоре увидел

животное — небольшую антилопу с забавно торчащими рожками и полосатой спинкой.

«Что ж,— решил он,— настало время проверить в действии новое оружие». Иеро начал мастерить его, как только вступил в полосу кустарников, но закончить работу удалось только к вечеру, как раз перед тем, как он устроился на ночлег на каменном уступе. Для священника это оружие было действительно новым и непривычным, хотя, по свидетельству летописей Аббатства, человечество пользовалось им еще десятки тысяч лет назад. Широкий кожаный ремень, висевший у него на плече, с обоих концов разделялся на три короткие полоски, к каждой из которых был прочно привязан округлый камень. Пробираясь вперед сквозь заросли, Иеро нетерпеливо теребил ремешки боло, в какой уже раз стараясь убедиться, что камни закреплены надежно и не выпадут из узла в самый неподходящий момент.

Итак, подкравшись к жертве как можно ближе, он с криком выскочил из-за куста и, раскрутив кожаную полосу над головой, мощным рывком метнул ее под ноги остолбеневшему от удивления животному.

Когда же антилопа наконец сообразила, что пора спасаться бегством, ремень прочно обвил ее передние ноги, и бедный зверь, не успев закончить прыжка, повалился в затрещавшие заросли кустарника. Священнику осталось лишь сделать несколько шагов и добить его ударом каменного меча. Разделывая добычу, он не раз бросал уважительные взгляды на лежащий рядом кожаный ремень.

Через несколько минут он уже шагал обратно к убежищу, вскинув на плечо завернутые в шкуру куски мяса. Правда, пришлось немного повозиться и закопать внутренности животного, чтобы не привлекать любителей падали со всей округи, хотя метс и не особенно опасался здешних хищников, охотящихся при дневном свете.

Снова устроившись в расщелине, священник развел небольшой костерок и, нарезая мясо тонкими полос-

ками, принялся коптить его над огнем. Покончив с этим, Иеро отделил от черепа антилопы маленькие изогнутые рога. Хотя каждый из них оказался не длиннее его предплечья, он не сомневался, что сумеет найти им применение. Наконец, уложив все запасы в новый, более вместительный кожаный мешок, он старательно уничтожил все следы своего пребывания. Заодно, воспользовавшись передышкой, путник тщательно осмотрел сандалии; потертые и поношенные, они, однако, еще имели вполне приличный вид и не требовали серьезной починки. Вскоре он уже бодро шагал на запад, продираясь сквозь заросли низких деревьев и буйно разросшихся кустарников.

Так пролетело четыре дня. Колючие, лишенные листьев кустарники постепенно уступали место рощицам зеленых деревьев, и раскинувшаяся впереди равнина, все еще такая же открытая и плоская, теперь походила скорее на прерию, чем на выжженную солнцем, почти бесплодную полупустыню. Появилась вода — сначала редкие грязные лужи, потом мелкие, быстро несущиеся по песчаному руслу мутноватые потоки. Путь, пролагаемый Иеро, теперь пошел на подъем — незаметно, зато неуклонно.

По дороге Иеро больше ни разу не заметил следов, оставленных человеком. Казалось, кострище под скалистым карнизом было единственным подтверждением того, что люди посещали эти места. Припоминая уроки в школе Аббатства, Иеро с трудом мог поверить, что несколько тысяч лет назад здесь обитало столько людей, что его народ остался бы незамеченным среди этой огромной массы. И в очередной раз он ужаснулся тому, какие чудовищные изменения принесла в мир Смерть. Однако, что бы ни случилось в прошлом, поздно сокрушаться о старых грехах, тем более что человечество уже заплатило за них чудовищную цену. И в эту бездну Нечистый и Темное Братство хотят снова ввергнуть Землю! Губы священника упрямо сжались. Чего бы то ни стоило, он расстроит черные козни.

Жизнь в этих безлюдных местах била ключом. Странник мог легко раздобыть свежее мясо на обед и несколько раз сам чуть было не послужил обедом, если бы не его постоянная бдительность и осторожность.

Антилопы здесь бегали целыми табунами, причем настолько большими, что Иеро предпочитал порой благоразумно уклоняться от встречи с лесом острых рогов. Попадались и олени, в основном — безрогие самцы, которые также сбивались в группы в это время года.

Порой священник замечал совершенно незнакомых зверей, как правило — небольших, но иногда встречались гиганты, которых он, не жалея времени, обходил стороной. Некоторые из загадочных исполинов отдаленно напоминали то ночное чудище, что несколько месяцев назад, еще во время путешествия Иеро на юг, с шумом и грохотом вломилось в их лагерь. На мордах страшилищ торчали длинные трубообразные отростки, толстые ноги оканчивались широкими разлапистыми ступнями, а изо рта выглядывали внушительных размеров бивни — изжелта-серые, хищно загнутые вниз. У берегов все более полноводных потоков путник несколько раз видел стада животных, размерами не уступающих хоботным, но более приземистых, с огромной головой и пастью, полной кривых зубов. Несмотря на то что эти существа казались довольно миролюбивыми пожирателями водорослей, метс старался все же не раздражать их своим присутствием. Однажды он наблюдал издалека небольшое стадо диковинных длинноногих тварей, передвигавшихся, как и хопперы, огромными мощными прыжками, и счел их дальними родственниками пушистых скакунов. Эта неожиданная встреча навеяла воспоминания. Он печально подумал о Сеги с Клуцем, их сильных ногах и широких спинах, затем его мысли незаметно обратились к Лучар, и пришлось собрать все мужество, чтобы по-прежнему идти вперед, удаляясь от нее с каждым шагом.

Поскольку на травоядных обитателей равнины постоянно охотились всевозможные хищники, ночи Иеро предпочитал проводить на высоких деревьях, хотя однажды похожая на кота-переростка тварь добралась до него и там. Удар увесистым каменным обломком по голове заставил ее злобно корчиться на земле; немного очухавшись, древесная кошка со злобным рычанием удалилась, по-видимому, на поиски более легкой добычи.

Пожалуй, судьба хранила Иеро от встреч с действительно опасными хищниками. Ведь здесь водились кошачьи и покрупнее, например царственного вида полосатый красавец с коротким пушистым хвостом и заостренными, похожими на саблю, клыками, украшающими массивную нижнюю челюсть. Размеры его были настолько велики, что он мог охотиться на любых травоядных животных, за исключением разве что самых огромных. Заметив, что саблезубые исполины любят устраивать засады у водопоя, Иеро стал долго осматриваться, прежде чем войти в озерцо или речушку и наполнить водой кожаный мех. Попадались также и волки — крупные звери, довольно похожие на хорошо знакомых ему северных волков, только чуть пониже в холке и с менее густым мехом, немного непривычного для его глаза рыжеватого оттенка. И наконец, здесь целыми стаями бродили маленькие шакалоподобные хищники, которые всегда настолько громко выли и лаяли, что Иеро обязательно успевал задолго до их появления забраться на дерево.

Конечно, он мог теперь позволить себе прервать путь на несколько дней, чтобы передохнуть и изготовить лучшее оружие, но ему совершенно не хотелось останавливаться. Чья-то чужая воля, медленно, незаметно подчиняющая себе мозг священника, заставляла его без передышки двигаться вперед, делая привалы лишь в случаях крайней необходимости. Он охотился на мелких зверюшек, встречавшихся по пути, а по ночам, если не приходилось прятаться на дереве, жег

маленькие костерки, провяливая мясо в дорогу. Однажды утром, взглянув на солнце, Иеро автоматически отметил, что, должно быть, отклонился к югу несколько больше, чем рассчитывал, но это наблюдение почему-то нисколько не взволновало его. Кто-то или что-то ненавязчиво, чуть заметно направляло и контролировало все его действия и помыслы, однако это неощутимое влияние нисколько не затрагивало жизненно важных рефлексов, и поэтому, продолжая стремиться вперед, он оставался по-прежнему бдителен и осторожен.

На шестой день после ночевки на выступе скалы, где он нашел кострище, Иеро выбрался на гребень небольшой возвышенности, откуда, напрягая глаза, смог различить где-то на юго-западе узкую синюю полоску. Мысль о том, что столь часто являвшаяся в сновидениях цель уже совсем близка, заставила сильнее забиться сердце. Да, скоро он увидит прекрасные холмы, побродит по их отлогим склонам и лесистым вершинам. Это странное желание, безраздельно завладевшее всем его существом, по-видимому, вообще не имело ничего общего с первоначальными планами священника. А любые мысли о том, что он все больше и больше отклоняется от своего маршрута, просто не вызывали никакой тревоги. Таинственный рыболов умело забросил удочку, и ничего не подозревающая рыбка крепко попалась на крючок.

А может, гораздо более важным оказалось внезапно обеспокоившее Иеро открытие — он обнаружил слежку!

Несколько раз по дороге путник замечал странные вещи. Вот и сейчас — солнце уже клонится к закату, день миновал, но почему-то снова накатило странное напряжение. Сегодня дважды птицы целыми стаями — ни с того, ни с сего! — срывались с веток за его спиной, и только глупец мог бы не заметить их тревогу. Да, он не видел и не слышал ровным счетом ничего, что помогло бы облечь подозрения в осязаемую форму, но постоянно ощущал чье-то присутствие за спиной. Пусть верно служившая ему раньше ментальная мощь

иссякла, но чутье охотника предостерегало — так любое животное узнает о том, что его преследуют.

Священник склонялся к предположению, что за ним увязался здоровенный степной волк; кошачьи, насколько он знал, никогда не охотились по запаху. Однако не стоило исключать и того, что за ним шел по пятам совершенно незнакомый, опасный зверь; необъятные просторы материка, в древности называвшегося Северной Америкой, теперь кишели бесконечно разнообразными жизненными формами.

И все же Иеро пребывал в недоумении: порою преследователь вел себя странно. Кто бы то ни был, он явно не спешил нападать, и порой священник чувствовал его присутствие совсем слабо, как будто тот останавливался или вообще начинал удаляться. Но потом инстинкты опять принимались отчаянно бить тревогу, словно охотящееся за ним существо снова брало след и пускалось в погоню, двигаясь с удивительной скоростью. Такое поведение было совершенно несвойственно волку или любому похожему на него зверю. Значит, еще один человек? Но он не видел ни струйки дыма, ни проблесков далекого пламени во мраке ночи, что само по себе еще ничего не значило; преследователь мог обращаться с огнем так же аккуратно, как и жертва.

Наконец Иеро пришел к выводу, что время решительных действий еще не настало, пока надо вести себя осмотрительнее и подстерегать удачный случай. Ведь тот, кто идет за ним, рано или поздно непременно обнаружит себя, лучше поглядеть на преследователя из надежного укрытия. Поэтому, продолжая шагать к постепенно вырастающим на горизонте холмам, Иеро постоянно высматривал подходящее для засады место.

Большую часть ночи священник провел на дереве, вслушиваясь и вглядываясь, но, к его удивлению, в звуках ночной саванны не было ничего необычного. Крики охотников и жертв, далекий топот копыт, шорох травы — все это он слышал прошлой и позапрошлой

ночью. Стадо толстокожих хоботных пронеслось мимо, и Иеро, стараясь не дышать, приник к ветке. Хотя он всегда выбирал для ночлега наиболее толстые деревья и сегодня не изменил этому правилу, ему совсем не хотелось проверять, сможет ли разъяренный зверь повалить гигантский ствол. Через некоторое время священника насторожил страшный рев, весьма отдаленный, но тем не менее заставивший дрожать и сотрясаться землю. Он моментально представил себе, как огромный саблезубый кот сцепился с одним из тех животных, что недавно пробежали под деревом. После этого ничто больше не беспокоило священника, и под конец, крепко привязав себя к ветке, он заснул и проспал так почти до самого утра.

Рассвет застал его уже на ногах; посматривая по сторонам — нет ли признаков погони? — Иеро бодро шагал к заветным холмам, стараясь держаться поближе к высоким деревьям и термитникам. Последние начали появляться все чаще и чаще, причем священник сразу оценил, какие это надежные укрытия для засады или наблюдений.

Ближе к полудню он все-таки не удержался и забрался на одно из этих причудливых сооружений, чтобы осмотреться и заодно перекусить вяленым мясом и ягодами.

Стайка птиц с испуганным писком взметнулась в воздух там, где он прошел совсем недавно. Путник отложил недоеденный кусок. Аккуратно спрятав мясо обратно в мешок, Иеро пристроился за одним из бугристых наростов на макушке термитника. Похоже, таинственный преследователь наконец-то решил познакомиться с ним поближе. Священник бросил еще один быстрый взгляд за спину — пара высоких деревьев неподалеку послужит прекрасным местом для отступления, если придется сменить позицию.

Заросли кустарника впереди заколыхались, словно чье-то массивное туловище осторожно раздвигало колючие ветки. Сидящий на верхушке термитника Иеро

заранее напряг мускулы, готовясь к прыжку и немедленному отступлению, если выяснится, что со зверем не совладать. Судя по треску и шорохам, которые производило чудище, продираясь сквозь кусты, габариты у него были солидные.

Вдруг яркий солнечный луч ударил в лицо Иеро, отразившись от чего-то блестящего, и в тот же миг треск веток оборвался, и существо робко выступило из зарослей. Иеро, не веря своим глазам, в изумлении уставился на незадачливого пришельца; наконец счастливая улыбка заиграла на его губах. Он едва сдержал крик радости.

По песчаной насыпи неспешно, словно направляясь после прогулки в уютное стойло, прыгал его пушистый скакун. На спине животного болталось высокое седло, с боков свисали кожаные поножи. К седлу были приторочены весьма объемистые баулы, из которых торчали острые и блестящие предметы, столь неожиданно привлекшие внимание Иеро. Попрыгунчик Сеги наконец-то нашел хозяина!

Впрочем, даже если б тот — что было бы странно — не узнал своего скакуна, вид заветного копья, которое когда-то составляло часть снаряжения Клуца, а теперь красовалось у седла хоппера, мог развеять любые сомнения.

Иеро слез с термитника и медленно двинулся вперед по насыпи, тихонько подзывая прыгуна. Услышав свое имя, Сеги удивленно заложил одно ухо за спину, но остался на месте, не выказывая признаков беспокойства и, по-видимому, не собираясь удирать от приближавшегося к нему загорелого человека в грязных отрепьях. Когда священник подошел совсем близко, попрыгунчик наклонил голову и тщательно обнюхал его. Потом, удовлетворенный осмотром, он столбиком уселся на пушистый хвост, глядя решительно и гордо, словно говоря: «Ну вот, моя работа окончена. Посмотрим, что теперь ты сделаешь».

Довольно долгое время Иеро простоял молча, уткнувшись лицом в мягкое плечо скакуна. За подобную удачу стоило помолиться еще раз — Господь послал ему царский подарок в бесплодной пустыне! Помахивая длинными ушами, Сеги терпеливо ждал, пока его хозяин справится с волной внезапно нахлынувших чувств и прикажет, что делать дальше.

Наконец, словно проснувшись, священник ласково потрепал пушистый бок хоппера и принялся разбирать его ношу.

Вначале он вытащил из мешка копье с тяжелым плоским наконечником и крестообразной распоркой, закрепленной позади лезвия,— похожие копья когда-то изготовлялись в средневековой Европе. Иеро аккуратно высвободил оружие из чехла и положил на траву. Развернув следующий пакет, он даже присвистнул от восторга: здесь находилось все его военное снаряжение! Там был даже старый короткий меч с клеймом древнего, уже давно позабытого государства, подаренный ему на окончание академии. Перекинув через плечо широкий кожаный ремень и ощутив за спиной приятную тяжесть, Иеро вновь почувствовал себя счастливым и полным сил.

Итак, копье, меч и кинжал, отличный шестидюймовый кинжал с обоюдоострым лезвием и рукояткой из оленьего рога! Затем рядом с оружием на траве оказались кожаный пояс и небольшая, но удивительно тяжелая коробочка из дубленой кожи, открыв которую, Иеро обнаружил магический кристалл и гадательные символы. Последними из мешка были вынуты два увесистых пакета с сушеным мясом, специально приготовленным для долгих путешествий. Теперь он не сомневался, кто послал ему все это!

Но где же ее письмо? Проворные пальцы метса принялись дюйм за дюймом исследовать сбрую хоппера. Однако после беглого осмотра удалось обнаружить лишь небольшую фляжку — очень полезный предмет для путешествий. Черт возьми, да где же оно? Иеро был

убежден, что послание должно быть где-то здесь, совсем рядом!

Стоп! Иеро заложил руки за спину и попытался рассуждать логически. «Пошевели мозгами, дубина! — убеждал он себя.— Сеги могли убить... — Попрыгунчик засунул холодный нос прямо в волосы священника и возмущенно фыркнул.— Как бы ты поступил на ее месте, зная это? Неужели приколол чертово письмо к левому уху хоппера, чтобы кто угодно мог найти и прочитать его?»

После долгих поисков он нашел-таки под седельной покрышкой вожделенное послание — клочок бумаги, припрятанный в малюсенький, не больше ногтя, мешочек из хорошо промасленной кожи.

Дрожащими руками священник развернул бумажку и, не обращая внимания на нещадно палящее светило, погрузился в чтение. Над его головой в такт дыханию трепетали розовые ноздри прыгуна, вбирая разнообразные запахи, которые нес легкий ветерок. Однако в них не таилось угрозы, поэтому голенастые ноги Сеги оставались по-прежнему расслабленными. А его хозяин снова и снова перечитывал несколько строчек, торопливо набросанных на смятом листке бумаги:

«Дорогой мой! Я знаю, что ты жив. Не знаю только, где ты и что они с тобой сделали. Кто виноват во всем этом, мне, конечно, понятно. Раз ты не умер, а я никак не могу прикоснуться к твоему сознанию, значит, без Нечистого здесь не обошлось. Я бы с радостью послала к тебе Клуца, но он убежал той же ночью. Конюх говорит, что он страшно бился и ревел в своем стойле, а когда его попытались успокоить, сломал ворота и мгновенно исчез в темноте. Стражники утверждают, что незадолго перед рассветом видели животное на северной дороге. Наверно, он последовал за тобой, так что будь готов к встрече. На балу один из гостей пытался убить короля. Этот человек так и не заговорил. Даниэль ранен серьезно, но выживет. Мой

кузен Амибал куда-то подевался, и никто не может сказать, где он теперь. Джозато тоже исчез. Даже верховный жрец ничего не знает о нем. В казармах пока все спокойно, а Митраш теперь постоянно со мной. Он просил передать тебе, что уже разослал людей на поиски и сообщил обо всем друзьям. Да хранит тебя Господь, любимый! Я оставила в мозгу Сеги еще одно сообщение. Если хоппер сможет тебя найти, он это сделает. Возвращайся скорей ко мне! Твоя Л.»

Иеро был рад, что никто, кроме Сеги, не видит его сейчас. Кто бы мог преставить, что опытнейший киллмен, один из самых отчаянных лесных рейнджеров севера, будет плакать в три ручья над письмом любимой женщины.

Вытирая слезы, он еще раз поблагодарил Бога за то, что у него такая жена. Она ведь еще совсем ребенок! Но какое самообладание! Раз Иеро жив, значит, надо попытаться помочь ему. Сбежал Клуц — пошлем второго скакуна, пусть и лучшего из хопперов королевства. Иеро восхищенно покачал головой. Он мог поспорить, что охрана во дворце уже удвоена и все войска приведены в боевую готовность. И как проницательно она подметила исчезновение молодого герцога и главы канцелярии верховного жреца! А главное, теперь совершенно ясно, что заговорщикам будет непросто добраться до нее. Митраш ведь разослал сообщения, так? Очень хорошо! Иеро не сомневался, что совет эливенеров уже знает обо всех последних событиях. Стало быть, прямо сейчас брат Альдо и его соратники могут, правильно оценив обстановку, сделать ответный ход. Да, прочитав письмо, священник почувствовал, что у него гора свалилась с плеч. Даниэль и Лучар теперь в безопасности, а все королевство — настороже. Метс получил ту помощь, которую она могла ему оказать, и все остальное уже зависит только от него самого. Правда, судьба Клуца немного его беспокоила. Куда мог подеваться лорс? Иеро еще раз погладил Сеги. Этот

попрыгунчик действительно сотворил чудо. Обремененный тяжелым седлом и поклажей, он одолел сотни миль, терпеливо следуя за пропавшим хозяином. И, что совсем удивительно, выглядел просто отлично. Даже если принять во внимание все то, что Иеро слышал о силе и выносливости этих животных, способности Сеги поражали воображение. Ведь он, должно быть, тоже пересек голубую пустыню, несколько дней обходился без воды, а потом вынужден был скрываться от многочисленных хищников саванны. И так, почти не останавливаясь, он продвигался вперед и вперед, пока наконец его нерасторопный хозяин не отыскался. Не всякий человек способен на подобное. Чем же он, Иеро Дистин, заслужил столь безграничную преданность?

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вновь вскарабкаться на термитник и обозреть окрестности. Затем Иеро ослабил ремень, удерживающий стремена-футляры, уселся в седло и, ласково потрепав шею хоппера, послал его вперед. Сеги передернул ушами и, все ускоряя бег, припустил к вставшей на горизонте цепи холмов. Странные курганы по-прежнему манили священника в свои объятья. И потому он бездумно гнал скакуна на юго-запад, навстречу тому, что лежало за лесистыми склонами.

ГЛАВА 4

Темные Угрозы, Темные Советы

Где-то глубоко под землей, в мрачном помещении с мощными каменными стенами, россыпью разноцветных огней загадочно мерцал гигантский экран. Светящиеся стеклянные плафоны, вделанные в холодный камень, бросали тусклые отблески на идеально отполированную поверхность большого круглого стола, сложенного из черных мраморных плит. Вокруг стола на небольших возвышениях — так чтобы хорошо был виден сияющий экран-карта — стояли четыре черных кресла с причудливо изогнутыми ножками. На их широких спинках и подлокотниках было вырезано множество непонятных значков и символов. Немного поодаль стояло еще одно черное кресло побольше, особенно богато изукрашенное. Оно до сих пор пустовало.

В остальных креслах развалились четыре длинные фигуры в серых балахонах. На первый взгляд можно было принять их за близнецов, настолько похожими друг на друга казались эти люди. Все — абсолютно безволосые или выбритые настолько чисто, что на черепах не оставалось ни малейших следов растительности. Молочно-белая кожа, словно никогда не видела солнца. Заглянув в их глаза, любой человек вскрикнул бы от ужаса: эти бездонные серые омуты, в которых пылал лишь холодный огонь ненависти, могли бы принадлежать случайно ожившим мертвецам. Бледные, болезненно-белые лица оставались совершенно бесстрастными; их расплывчатые черты с трудом позволяли судить о возрасте участников совещания и вместе с тем наводили на мысль о чем-то бесконечно древнем и давно забывшем само понятие «возраст». Только помаргивание ужасных глаз и едва заметные движения рук, касавшихся гладкой поверхности стола, обна-

руживали, что жизнь теплится в этих застывших восковых манекенах. Все их внимание было приковано к мерцающему экрану, и только изредка то один, то другой наклонялся и шептал что-то соседу или, едва шевеля пальцами, царапал какие-то пометки на лежавших перед ним клочках бумаги. Высший Совет адептов Нечистого напряженно работал.

Хотя сначала казалось, что Темные Мастера имеют совершенно одинаковую внешность, присмотревшись, можно было заметить и кое-какие различия. Кроме того, у каждого на груди висел цветной медальон — немыслимое сплетение застывших нитей из какого-то странного, холодно поблескивающего вещества. Красный, желтый, голубой и зеленый — почему-то ни один из цветов не радовал глаз; медальоны неуловимо переливались в неярком свете ламп, словно жадные и хищные глаза неведомых чудовищ. Зеленый казался наиболее отвратительным; он выглядел мерзкой пародией на свежий и насыщенный цвет весенней листвы. Вряд ли можно было ожидать иного — в том мире, какой собирались устроить на Земле собравшиеся здесь люди, свежей весенней листве не отводилось места.

Висевший над головами адептов экран походил на паутину разноцветных проводков, изгибающихся под неимоверными углами; их прихотливый узор постоянно менялся, и казалось, что эта сеть, полная какой-то странной и отвратительной жизни, выплескивает в пространство эманацию зла. На судорожно корчившихся нитях беспорядочно вспыхивали маленькие огоньки, ни секунды не остававшиеся на месте. Не составляло труда понять — четверо в креслах прекрасно разбираются в том, что творится на экране, читая появлявшуюся на нем информацию с той же легкостью, с которой обычный человек пробегает глазами печатный текст. Никто, кроме особо избранных, не знал языка Великого Экрана, на котором отражались все секреты и начинания Темного Братства, его сокровенные планы. Невероятно долго собравшимся здесь адептам приходилось изучать язык зла, постигать его тайные

глубины — всей жизни простого смертного едва хватило бы для этого. Но теперь они были Мастерами, первыми в своих Кругах, и Великий Экран — уста Нечистого — говорил им, что и как делать.

Наконец обладатель зеленого медальона отвернулся от светящейся панели и внимательно оглядел соседей. Если владелец голубого медальона казался наиболее молодым из собравшихся, то закутанный в серую робу повелитель Зеленого Круга выглядел самым старым — хотя было бы нелегко объяснить, на чем основывается это впечатление.

— Я собрал вас здесь, следуя заповедям Высшего Совета, где любая мысль имеет свой вес, а любое знание — свою цену.

Эта традиционная фраза походила на ритуальное приветствие, некую формальность, открывающую заседание, что подчеркивал голос говорившего — тонкий, вибрирующий, лишенный всякой эмоциональной окраски. Нечеловеческий, неестественный холод слышался в этом голосе, звенящем, словно мчащаяся под откос глыба льда.

— Итак, как самый старший среди нас, я обращаюсь к брату С'дане, предводителю Голубого Круга нашего ордена. Те события, о которых сейчас пойдет речь, разворачивались в основном на подотчетной ему территории, поэтому он и его ближайшие помощники целиком и полностью несут ответственность за все, что там произошло. Прошу заметить, что я упоминаю об этом совсем не с целью обвинить брата С'дану в нерешительных действиях и ошибочной оценке сложившейся ситуации. Мое первоначальное заявление, по существу, является лишь констатацией факта; я также имею на это соответствующий приказ,— добавил человек с зеленым медальоном, заметив нетерпеливое движение вождя Голубого Круга.

Глаза сидевших за столом загорелись интересом, и адепт с зеленым медальоном, потерев бровь, мотнул головой в сторону пустого кресла на возвышении.

— Да,— продолжал он,— мне, С'лорну, первому среди мастеров Зеленого Круга, в мою южную твердыню было доставлено послание. Послание от Безымянной Силы, от того, кого сейчас нет с нами, но кто существовал всегда и будет существовать вечно. Любой из нас мог получить его, и мне остается только догадываться, почему для исполнения своей воли он выбрал именно меня. Думаю — а я долго размышлял над этим вопросом во время путешествия,— что данное поручение было возложено на меня, поскольку я живу в наибольшем удалении от места нашей встречи. В течение жизни много поколений мы, да и те, кто воспитал и выучил нас, не считали необходимым проводить подобные встречи во плоти. Сейчас же, видимо, такая необходимость назрела, раз уж мне пришлось заставить вас добираться сюда столь неудобным способом. Наш Безымянный Властитель, Избранный из Избранных, владеет многими секретами. Возможно, у него есть более исчерпывающее объяснение, но нам до поры придется удовлетвориться тем, что было сказано выше.— С'лорн потер бледные ладони.— Ну что ж, пусть брат С'дана введет нас в курс дела.

Предводитель Голубого Круга внешне выглядел совершенно спокойным. Пока что суд над ним еще не объявлен; остальные могут лишь наблюдать и делать для себя выводы. Это совет равных — именно в таком качестве он был учрежден, чтобы избежать междоусобиц, постоянно затеваемых сторонниками Нечистого и подчас сводивших на нет хитроумные планы. Да, все они равны по положению, но на бескорыстную помощь рассчитывать нечего — их так воспитывали с самого детства. Это правильно. Каждый должен справляться со своими проблемами самостоятельно. И хотя последние события серьезно пошатнули авторитет С'даны, другие мастера не питают к нему вражды из-за постигших Голубой Круг неудач. Другое дело, если он проявит хоть малейшие признаки слабости или сомнения...

Кроме того, внушали опасение загадочные инструкции, поступившие якобы от самого Безымянного. Не

ожидает ли его наказание за бездарное руководство той злополучной карательной операцией? Неуловимая дрожь пробежала по спине Верховного Мастера Голубого Круга.

— Первым событием, к которому я хотел бы привлечь ваше внимание,— начал он,— была странная смерть Мастера С'нерга из Красного Круга. Довольно долго его тело не могли отыскать, хотя мы уже знали, что он либо убит, либо взят в плен, потому что его искатель по-прежнему двигался по карте. Вскоре после этого мы понесли новые потери, в основном — животными. Все они тоже были убиты. Это послужило нам повторным предупреждением, если, конечно, считать, что гибели одного из высоких братьев оказалось недостаточно, чтобы вызвать тревогу.

Никто не шевельнулся и не попросил слова, однако нужные акценты были расставлены: все поняли, что Голубой Круг отнюдь не первым принял на себя удар противника.

— Потом это существо — или существа — надолго исчезло в трясине Пайлуда, где даже мы не осмеливаемся появляться. И все же мы навели на его след обитающее в тех местах создание, которое сами не слишком хорошо понимаем и которого опасаемся, хотя иногда и используем в своих целях. Насколько мне известно, пришелец убил и его.— Пауза. Прозвучала еще одна ключевая мысль.— Тогда мы начали уже серьезно беспокоиться.

Каким-то образом преодолев болото, существо быстро приближалось к границам моего Круга. Теперь мне уже приходилось самостоятельно рассчитывать его вероятный маршрут, потому что оно уничтожило искатель С'нерга, по-видимому догадавшись о его функциях. Так или иначе, я устроил на него ловушку и захлопнул ее.

Но тут нам был преподнесен сюрприз! Мы поймали всего-навсего одного из этих размалеванных священников северных Аббатств, грязного лесного бродя-

гу — наполовину солдата, наполовину охотника. Обычно именно таких головорезов они и посылают куда-нибудь со своими дурацкими поручениями. Его спутников — двух животных и девчонку-рабыню, которую он отбил у местного племени каннибалов как раз в тот момент, когда они собирались ее съесть,— мы даже не стали преследовать. Было трудно представить, что эта разношерстная компания могла так переполошить всех наших людей!

С'дана поочередно оглядел сидящих перед ним мастеров, как будто взвешивая очередную фразу, прежде чем произнести ее вслух.

— И вот здесь, признаю, я допустил ошибку. Если наш Великий План хоть как-то пострадал по моей вине, я готов нести любую ответственность за этот просчет. Потому что просто не мог поверить, что захваченный нами дикарь, пусть даже весьма смелый и опытный воин, окажется сильным противником. Я решил тогда, что Аббатства — или сам этот священник — обнаружили в Городах Смерти какое-то новое знание — машину или странный наркотик, позволяющий усиливать ментальные способности. Поэтому пленник был отправлен в твердыню на острове Манун, где мы собирались не спеша вытянуть из него все секреты.

Свет ламп отразился от блестящего черепа мастера Голубого Круга, когда он недовольно покачал головой.

— Мы ошиблись снова. Этот человек обладал врожденными телепатическими способностями, причем настолько мощными, что со временем они могли бы привести его сюда, в эту комнату — как и всех нас. И основным нашим промахом является то, что мы недооценили силу и изобретательность жалкого служителя культа какого-то всеми давно забытого божка!

Неподдельная страсть, прозвучавшая в голосе говорившего, заставила С'лорна зашипеть от ненависти, но он моментально взял себя в руки, увидев, что мастера Красного и Желтого Кругов согласно кивнули.

— То, что случилось потом, вам тоже хорошо известно,— продолжил С'дана.— Он бежал! Бежал с Острова Смерти, захватив свое оружие и убив еще одного брата! Предводитель моих Ревунов-телохранителей каким-то образом почувствовал тревогу и бросился за ним, но тоже был зарезан, хотя я лично обучал и натаскивал его не один год. А теперь вдумайтесь, братья! Мы до сих пор не знаем, как все это проделано! Наши знания, наши информарии не дают ответа! Да, несомненно, во время побега этот человек воспользовался ментальными способностями. С их помощью он убил одного из братьев — это ясно. Но без помощи наших машин — да и с их помощью тоже — способны ли мы сделать нечто подобное? Вы прекрасно знаете ответ.

Что же дальше? Опираясь больше на догадки и предположения, мы снова выследили убийцу-священника, этого пера Иеро Дистина, о котором теперь знаем так много. Оказывается, он отыскал девчонку-оборванку и животных, использовав направленный мысленный сигнал. Как ему удалось сделать это, не разрушив собственный мозг, опять-таки неизвестно. Что же потом? Потом целый отряд наших слуг, посланный вдогонку за беглецами на одном из новейших кораблей, которые приводятся в движение силами Смерти, вся корабельная команда и один из наших высших братьев, С'карн, командир отряда и достойный противник для кого угодно, исчезли. Все, повторяю, все исчезли!

Теперь пауза длилась дольше: С'дана никак не мог справиться с охватившей его яростью. На лицах остальных мастеров застыло выражение озабоченности. Казалось, даже глава Зеленого Круга С'лорн глубоко потрясен последними словами.

— Мы делали все, что могли. Выпускали столько персональных защитных экранов, сколько успевали выдавать наши мастерские. В районе Внутреннего моря подняли на ноги всех своих людей, все посты. Предупредили об опасности наших братьев из Желтого

Круга, и в конце концов я сам отправился к южной границе наших территорий. Ибо к тому времени уже понял, какую угрозу несет нам этот человек, играющий ментальной силой, словно разрядами молний. Да, тогда я уже понял это!

То, что произошло дальше, известно нам уже из менее надежных источников. Случилось примерно следующее: каким-то образом священник умудрился пересечь Внутреннее море. При этом ему еще раз пришлось сражаться; его судно — непонятно, где и каким образом он его раздобыл,— догнал пиратский корабль, команду которого мы давно контролировали. Вызвав на поединок капитана пиратов, он зарубил его, а кроме того, еще и глита — а ведь эту породу мы считали одной самых перспективных! После поединка команда нашего корабля немедленно сдалась. Даже страх перед Темным Братством не заставил их нарушить неписаный морской закон, запрещающий причинять вред победившему в схватке.

По возмущениям ментального поля мы снова вычислили их вероятный маршрут и выслали на перехват еще один корабль с тайной базы на южном побережье. Он настиг и уничтожил судно священника, но, к сожалению, слишком поздно. Нам досталась лишь груда дымящихся обломков, застрявших на рифах, а вся команда парусника успела сойти на берег и растворилась в дремучем лесу, который мы никогда раньше не посещали. Но это еще не все, братья.

Голос С'даны, который и так нельзя было назвать особенно благозвучным, теперь стал похож на шипение приготовившейся к броску кобры.

— Вместе с ним на корабле находился эливенер! С каких пор, я спрашиваю, эти презренные обожатели букашек, эти глупцы, которые копаются в грязи и няньчатся со всеми тварями, что ходят, летают и ползают, эти доброхоты, утешающие слабых и кормящие голодных,— аг-г-г-р-р! — с каких пор эти мерзавцы стали совать нос в наши дела?!

Животная ярость огненно-красной волной захлестнула его сознание, но отчаянным усилием воли Верховный мастер Голубого Круга вновь овладел собой.

— Так вот, одного из них видели на корабле вместе со зверьми, женщиной и священником. Это был старик, вероятно, обладатель весьма высокого ранга в их иерархии, потому что он мог управлять даже огромными морскими животными. Вполне возможно, что именно он приложил руку к исчезновению нашего корабля на севере.

Затем я отправился в Ниану, чтобы попросить у сидящего рядом со мной брата С'райта из Желтого Круга совета и помощи. И поскольку после этого я полностью передал ему контроль за проведением операций, пусть он расскажет, что мы задумали и что из этого получилось.

Довольный тем, что отчет завершен, С'дана облегченно откинулся на спинку кресла. По его высокому мертвенно-белому лбу медленно стекали струйки пота.

С'райт, находившийся слева от С'даны, некоторое время сидел молча, размышляя, с какого места продолжить рассказ, затем поднял голову и заговорил:

— То, что мы попробовали предпринять, насколько я теперь понимаю, нужно было сделать гораздо раньше.— Глаза Темного Мастера недоверчиво обежали лица коллег, как будто он ждал какого-то вызова с их стороны.— Мы рассуждали следующим образом: почему этот священник вдруг ни с того ни с сего оказался столь далеко на юге и сам ли решился на такое отчаянное путешествие или его кто-то послал? Не скрою, С'дана сумел убедить меня, что это отнюдь не ложная тревога и что теперь нашим великим планам грозит серьезная опасность. И, наконец, даже если его никто сюда не посылал, то что он здесь ищет? Примите во внимание — тогда мы еще не знали, что его сопровождает эливенер. Эти сведения поступили намного позже.

Итак, выделив три главных вопроса, мы приступили к обработке данных. Как нам стало известно, пришелец захватил все имевшиеся у погибшего С'нерга карты. На них были помечены те места, по которым Смерть ударила особенно сильно,— центры древней цивилизации. Не ищет ли, он одно из таких мест? В свете той скудной информации, которой мы тогда располагали, эта мысль показалась нам весьма вероятной. Разведчики Голубого и Красного Кругов обшарили весь север, но им, к сожалению, требовалось определенное время, чтобы составить полные отчеты, а временем мы как раз и не располагали. Поэтому пришлось в какой-то мере действовать наугад... правда, мы стянули свои подразделения — людей и всех имевшихся под рукой рабов-животных — поистине с удивительной скоростью. К тому моменту, когда священник снова дал о себе знать, мы собрали уже порядочные силы под командованием полудюжины высоких братьев. В полученном нами донесении сообщалось, что интересующие нас люди сошлись в ментальном поединке с какой-то странной жизнью, обитающей в том районе. Что это была за жизнь и с чем еще придется столкнуться нашим отрядам, мы не знали. Слишком много отличных разведчиков бесследно исчезло в этих лесах, и качество поступающей информации оставляло желать лучшего.

Мы внимательно изучили карты южных территорий и на одной из них нашли весьма любопытную пометку — вход в подземное хранилище, построенное людьми во времена до Смерти. Из многих сотен подобных сооружений, обнаруженных разведчиками и дожидающихся пристального изучения, только этот объект находился в пределах интересующей нас области.

С'райт с некоторым вызовом оглядел присутствующих.

— Да, ни С'дана, ни я не присоединились к нашей армии. Возможно, если рассматривать сложившуюся ситуацию с нынешних позиций, нам обоим стоило

сделать это. Но тем не менее я не собираюсь ни перед кем оправдывать свое решение. В самом деле, зачем тогда подбирать и учить помощников? И если сейчас кто-то усомнился в нашей преданности Плану, я прошу незамедлительно заявить об этом!

Никто не двинулся с места, и, слегка понизив голос, мастер Желтого Круга продолжил:

— Нашему отряду было нанесено самое сокрушительное поражение за всю историю Темного Братства. Последние ментальные сообщения от братьев говорили о том, что они обнаружили указанное на карте место и спускаются внутрь. Больше посланий от них не поступало.

Много дней спустя один из разведчиков со всей осторожностью осмотрел это место. Растительность там либо захирела, либо погибла, а из чудовищных разломов в почве вытекала горячая слизь и поднималось отвратительное зловоние. Непохоже, что такие разрушения могли быть вызваны силами Смерти, потому что мы умеем определять некоторые последствия их применения. Очевидно, враг использовал какой-то из еще более древних секретов погибшей расы. На этом моя история кончается.

С'райт замолчал и бесстрастно уставился на полированную поверхность стола. Его соседи тоже безмолвствовали. Несмотря на то, что они практически не услышали ничего нового, столь подробное и точное повествование об их величайшей неудаче угнетающе подействовало на всех. Но вот чей-то голос нарушил затянувшееся молчание:

— Зато я, братья, могу продолжить эту историю.— Мастер Зеленого Круга С'лорн улыбался, если так можно было назвать мерзкую ухмылку, перекосившую его лицо (это, впрочем, совсем не означало, что Верховный Мастер собирается пошутить — подобные ухмылки не имеют ничего общего с чувством юмора).— Не сочтите за труд выслушать последние новости из моих южных владений. Кстати, многие из них были

доставлены только сегодня специальным нарочным. Не скрою, они немного поднимут ваше настроение.

Сообщив это, С'лорн возбужденно подался вперед, пальцы его длинных белых рук соприкоснулись друг с другом на полированном мраморе столешницы.

— Вы все, должно быть, знаете, что вскоре после уничтожения нашего отряда священник объявился в Д'Алва, пустив прахом несколько лет кропотливой работы слуг и союзников Братства. Более того, оборванная девчонка, маленькая лесная крыса, которую он подобрал где-то на севере, на самом деле оказалась единственной дочерью короля этой дикарской страны и, стало быть, законной наследницей престола! Такого поворота событий никто не мог предугадать! А пройдоха-священник сумел предусмотрительно охмурить девку и первым делом женился на ней, став фактически полновластным правителем королевства! По большей части успехи шустрого северянина объясняются либо невероятно удачным стечением обстоятельств, либо, как мне ни прискорбно говорить это, серьезными просчетами наших собратьев.

С'лорн внимательно оглядел мастеров, следя за реакцией каждого на только что сказанные слова.

— Я заранее приношу извинения тем из вас, кого я мог обидеть подобным заявлением. Но в свете последних событий мое мнение о ловкости этого потрясателя основ и гения ментальной защиты, этого пера Иеро Дистина, несколько изменилось. Прежде всего я задумался над тем, кто же он такой. Насколько мне известно — причем с ваших слов,— он состоит на службе у северных Аббатств, а ведь я очень мало знаю о том, что это за Аббатства и чего они добиваются. Поэтому я решил, что наиболее разумным будет считать его некой естественной флюктуацией, странным телепатическим мутантом, которые еще изредка появляются то там, то тут. И как только наш священник подпал под одно из определений строгой классификации, сразу стало ясно, как его одолеть.

Я собрал братьев Зеленого Круга и вместе с ними разработал свой собственный план. Вы знаете, что у нас есть весьма могущественные союзники в Д'Алва, даже королевской крови, не говоря уже о том, что все их храмы просто нашпигованы соглядатаями Братства, занимающими там большинство ключевых постов. Нужно также отметить, что как раз к тому времени в моих секретных лабораториях были завершены последние испытания некоего наркотического вещества, которое обладает способностью подавлять ментальную активность мозга, даже весьма тренированного,— видите ли, у нас была возможность провести и такие эксперименты...

Остальные трое прекрасно представляли, сколько братьев, не угодивших Верховному Мастеру, стали жертвами подобных опытов, но никто не протестовал: подобные мелочи ничего не значили, если требовалось вырвать инициативу из рук противника.

— Я встретился с союзниками из Д'Алва как можно дальше от столицы государства,— продолжал Мастер Зеленого Круга,— чтобы предмет нашего интереса не ощущал около себя ни малейшего следа ментальной активности. Я хотел, чтобы никто из окружающих не возбудил его подозрений — и он так ничего и не обнаружил! А теперь слушайте внимательно, братья. Сегодня я могу с полной уверенностью сообщить вам следующее: пер Иеро Дистин, этот лжепринц и возмутитель спокойствия, мертв!

Кто-то из Мастеров не сумел подавить вздоха облегчения. Однако это был явно не С'дана, на холодном лице которого не дрогнул ни один мускул.

— Этого ментального монстра просто-напросто оглушили ударом по голове, вкатили ему огромную дозу нового наркотика и под надежной охраной отправили подальше из города. Священника убили не сразу, иначе его жена, эта высокородная шлюха, почувствовала бы, что он мертв, и приступила бы к решительным действиям. Тогда большинству наших людей в стране пришлось бы туго... Но теперь уже не остается никаких

сомнений: пер Иеро м е р т в, совершенно, абсолютно, целиком и полностью мертв! Все! Его фигура сошла с игральной доски, и мы можем, как прежде, свободно планировать наши дела, не опасаясь того, что он снова сумеет нам помешать.

На этот раз тишина не затянулась: вкрадчивый голос С'даны моментально оборвал наступившее молчание, но в нем не было и тени радости, а только ледяной холод:

— Прежде чем мы окончательно удостоверимся в твоей правоте, старший брат, я, как единственный из вас лично видевший этого человека, смиренно прошу дать ответ на некоторые возникшие у меня вопросы. Где и каким образом он был убит? Кто опознал труп? Могут ли ваши союзники показать тело? И если труп действительно у них, то что они собираются с ним делать? Услышав ответы на эти простенькие вопросы, я, вне всяких сомнений, сочту себя удовлетворенным.

Слабый румянец выступил на мертвенно-бледных щеках обладателя зеленого талисмана. Было совершенно ясно, что подобная просьба застала его врасплох, и поэтому Верховный Мастер сейчас всеми силами пытается подавить новый всплеск раздражения. Наконец, собрав всю волю, С'лорн заговорил заметно дребезжащим голосом:

— Предводитель наших союзников в Д'Алва воспитывался мной с детства. Его доверенные люди увезли одурманенного священника далеко на запад, пользуясь тайными тропами, не известными никому, кроме них. Он отправил с пленником самых преданных слуг, причем двигались они двумя партиями: первая везла священника, а вторая следовала за ней в некотором удалении. Это оказалось совсем не лишней предосторожностью, потому что вторая партия наткнулась на изрубленные тела первой. Все, повторяю, все были убиты, и я не вижу оснований сомневаться в словах тех людей, что принесли мне эту весть. Пока неясно, кто именно их убил, но, по всей видимости, это могли

сделать бандиты, скрывающиеся в западных пустошах. Ну? Теперь вы удовлетворены моим ответом?

— Да, я удовлетворен,— медленно произнес С'дана.— Но я еще раз предупреждаю вас всех — и да простит старший брат мою, быть может, неуместную настойчивость,— что этого человека неимоверно трудно убить. И я окончательно поверю в его смерть, когда услышу, что один из высших братьев самолично осмотрел тело и признал его мертвым. Скажу честно, мне не очень нравится то, что я услышал... хотя, возможно, я и ошибаюсь. Можете поверить, я, как и вы, от всей души надеюсь, что подозрения неосновательны.

— Если сообщенное мной не подтвердится,— отрубил С'лорн, явно раздраженный тем, что кто-то пытается приуменьшить его триумф,— я готов нести ответственность. Сейчас же надо думать о другом: действия северянина являлись деталью какого-то плана. Итак, налицо целая организация, целая страна, открыто бросающая вызов нам, чьи деяния и имена всегда были скрыты от врагов. Никто не подозревал о нашем существовании, за исключением разве что эливенеров... Но сам смехотворный девиз этого ордена — «Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней» — служил для нас надежной защитой от любых посягательств. Так мы думали, зная об их пассивности. Ничего, пусть они пока болтаются под ногами, рассуждали мы в своей гордыне, а потом, когда Великий План начнет действовать, мы сотрем их с лица земли вместе со всеми остальными бесполезными людишками!

Но теперь,— голос Верховного Мастера дрогнул,— что мы узнаем? Оказывается, они отбросили все свои ложные заповеди и активно помогают нашим врагам! Хуже некуда! Только то, что эливенеры всегда казались такими беспомощными и убогими, сдерживало в прошлом нашу карающую длань! А они, ловко изображая слабых и немощных, изучали нас! Изучали внимательно и вдумчиво и, должно быть, намного дольше, чем

мы можем себе представить. И это знание, отданное ими в руки тех, кто умеет ненавидеть по-настоящему, будет опасным оружием против нас!

Сделав небольшую паузу, С'лорн продолжал:

— Да, священник мертв. Но те, кто послал его, живы. Вы говорите, братья, что он пришел с севера, из этих Аббатств, которые якобы находятся под неусыпным контролем. А на самом деле объединенные под властью Аббатств северные государства — Республика Метс и Отвианский Союз — представляют собой серьезную угрозу для наших планов. Конечно! Где гарантия, что оттуда не хлынет орда убийц? Значит, нам самим нужно теперь действовать быстро и слаженно. Угроза с севера должна быть немедленно устранена — раз и навсегда! Чувствую, что именно поэтому мне и было предложено возглавить совет.

И остальные трое, склонив головы, стали внимательно слушать новый план владыки Зеленого Круга.

Далеко-далеко от мрачных подземелий слуг Нечистого колыхалась на ветру роща могучих сосен или очень похожих на них деревьев. Кора огромных, таранящих небо стволов была иссечена трещинами и покрыта наростами седого лишайника. В самом центре рощи находилась поляна почти идеально круглой формы, покрытая толстым ковром опавших сосновых игл. В серебристом свете луны ее поверхность казалась совершенно голой, потому что ничего не росло на этом ковре из иголок, хотя он выглядел необычайно свежим и чистым.

Ни один звук не нарушал тишину опустившейся ночи, за исключением отдаленного уханья вылетевшей на охоту совы и слабого шелеста ветвей, колеблемых шаловливым ветерком. И все же усыпанная сосновыми иглами поляна отнюдь не была пустой. Здесь тоже проходил своеобразный высший совет. Бесформенные туши, буро-коричневые, мохнатые, вольготно разлег-

лись на колючем ковре, и только горящие в темноте глаза отличали их от замшелых каменных валунов. Только незаметно, в такт дыханию, вздымались крутые медвежьи бока, пока старейшины племени выслушивали мысленный отчет застывшего в центре круга разведчика.

Глубокие мысли, едва ли доступные живым существам иной природы, неторопливо кружились в мохнатых головах. Терпеливо и внимательно старейшины изучали доставленную информацию. Уже очень долго они скрывались ото всех остальных разумных обитателей этого мира. И теперь, когда от одного решения зависело все будущее, они совсем не торопились выносить его.

Ночь медленно истончалась, пока мысленные импульсы неспешно перетекали от одного подключенного в цепь разума к другому. Луна скрылась за облаком. Когда она появилась на небосводе снова, маленькая фигурка Горма исчезла из центра круга, но кольцо огромных бурых тел осталось на месте. Их крутые бока по-прежнему мерно вздымались.

В самом сердце непроходимых джунглей, столь же далеко от поляны медвежьего совета и подземелий Нечистого, как эти места находились друг от друга, раскинулось тихое озерцо. По отлогим берегам прихотливо изгибали ветви зеленые великаны, по сравнению с которыми гиганские северные сосны казались лилипутами. Толстые канаты лиан и прочих лесных паразитов застывшим дождем свешивались с могучих боков древесных башен. В сонном мареве горячего полудня заунывно жужжали тучи насекомых, изредка раздавались звонкие трели суетящихся на ветвях птиц.

По проторенной тропе к озерцу осторожно подходил огромный черный зверь. Остановившись в густых кустах, он принялся внимательно обозревать пустынные берега, в то время как его широкие влажные ноздри

глубоко втягивали сырой озерный воздух. На бугрящемся могучими мышцами плече животного краснели кровоточащие рубцы — след свирепой схватки. Венчающие голову тяжелые разлапистые рога были выпачканы еще не запекшейся кровью. И все же зверь не выглядел испуганным — просто казалось, что он от природы осторожен.

Наконец, решив, что под темным покрывалом воды не таится опасность, зверь бесшумно вошел в озерцо и поплыл к противоположному берегу, продолжая ловить широко расставленными ушами каждый подозрительный звук.

Выбравшись из озера, Клуц встряхнулся, разбрасывая брызги, и все так же бесшумно затрусил вперед по тропе — на север.

Иеро пробудился на рассвете и, широко раскрыв глаза, с наслаждением потянулся и зевнул. Вот и еще одна ночь позади. Сверху открывался прекрасный вид на саванну, только кое-где обзор закрывали купы деревьев, на одном из которых он и заночевал. Метс забирался все дальше на возвышенность. С каждой пройденной милей стволы деревьев прибавляли в обхвате, хотя оазисы буйной растительности встречались по-прежнему редко. Присев на «ложе», Иеро мог любоваться кочующими по степи табунами маленьких грациозных животных, похожих на антилоп. С восходом солнца они спешили укрыться в колючих зарослях, спасаясь от назойливых кровососов и вездесущих хищников, подстерегающих жертву среди бескрайнего моря пожелтевшей травы. Стада животных покрупнее возвращались на пастбища после ночного водопоя.

Священник склонился над просветом в ветвях и издал протяжный вибрирующий крик.

Моментально из зарослей колючего кустарника показалась длинноухая голова, и вскоре попрыгунчик, такой

бодрый, словно он провел ночь в устланном мягкой соломой стойле, уже стоял под деревом.

Человек спустился вниз и, разбросав кучу веток, вытащил из норы между корнями седло и всю прочую амуницию, спрятанную там с вечера. Каждое утро он испытывал необычайное облегчение при виде живого и здорового Сеги.

— Беда с тобой, парень! — вздохнул Иеро, почесывая хоппера между ушей.— Куда спокойнее было бы отослать тебя подальше отсюда. Не правда ли, хорошая благодарность за службу?

Шершавый розовый язык прошелся по его лицу, и священник, отплевываясь, расхохотался.

Однако безопасность Сеги не на шутку беспокоила хозяина, не находящего способа защитить животное. Если человек ночью мог забраться на дерево, то попрыгунчик оставался совершенно беспомощным. Выросший на открытой равнине, он еще мог спастись бегством на открытом пространстве, но по мере приближения к холмам саванна постепенно переходила в лес. А в чаще Сеги будет все труднее ускользнуть от кровожадных ночных хищников. Конечно, огромные задние лапы хоппера — грозное оружие, но для того чтобы размахивать ими, прыгать и уворачиваться, нужно место. А на это как раз рассчитывать не приходилось.

Единственное, что мог сделать Иеро,— каждый раз при остановке на ночлег снимать с Сеги всю упряжь, чтобы хоть как-то облегчить зверю свободу передвижений. Не раз он просыпался в надежде, что попрыгунчик ушел, отправился обратно к далекому дому и относительной безопасности. Если уж Сеги смог догнать хозяина, обремененный грузом, то, двигаясь налегке, он имел куда больше шансов благополучно закончить рискованное путешествие.

Но хоппер не уходил. Приказы, заложенные Лучар в бесхитростный мозг, и привязанность к Иеро не отпускали Сеги. Он нашел хозяина и теперь явно

предпочитал оставаться с ним вопреки уговорам и понуканиям.

Однажды ночью Иеро, рискуя сломать шею, спустился с дерева, на котором спал, и попробовал незаметно убраться подальше. Однако, прислушавшись, он обнаружил, что лопоухий скакун как ни в чем не бывало шлепает за ним по тропинке, подвергая себя еще большей опасности. После этого происшествия Иеро прекратил все попытки избавиться от привязчивого Сеги. Раньше с помощью телепатического внушения он бы в два счета справился с ним. Но теперь...

Иеро вздохнул и рассеянно почесал теплый бок животного; за последние дни он здорово привязался к пушистому спутнику. Там, в Д'Алва, Сеги был для него лишь занятной игрушкой, не более. Теперь же между ними возникла прочная привязанность. Конечно, мозг попрыгунчика сильно проигрывал по сравнению с мозгом Клуца; к тому же Иеро воспитывал лорса много лет... однако он начинал испытывать к Сеги столь же теплые чувства.

Путник достал еду и принялся завтракать. Интересно, где теперь Клуц? И жив ли он? Следующая мысль, непроизвольно всплывшая в его сознании, была тут же подавлена — нет, сейчас совсем не время терзать себя воспоминаниями о далекой возлюбленной.

Несколькими часами позже Иеро остановил Сеги и, прикрывая ладонью глаза, стал всматриваться в открывающийся пейзаж. Далеко впереди сплошной стеной вставал лес. Насколько путник мог понять, перед ним лежала западная оконечность великих джунглей юга. И те деревья, которые до сих пор встречались по пути и на севере считались бы просто огромными, на самом деле были всего-навсего жалким подлеском, возвещающим о близости царства зеленых гигантов — самых дремучих и самых опасных дебрей на всей планете. Порожденная Смертью радиация почему-то необычайно

подстегнула рост богатейшей флоры южных лесов. Незаметные прежде растения приняли поистине чудовищные формы и размеры. Возможно, сказалось и то, что древние называли парниковым эффектом. Так или иначе, южную оконечность североамериканского материка теперь покрывали непроходимые тропические чащи невиданной пышности и разнообразия.

«И за этими деревьями,— возбужденно думал Иеро,— всего на расстоянии одного дневного перехода, лежат пурпурные холмы». Как бы он хотел сейчас прогуляться по их живописным склонам, курящимся синим туманом; только прирожденная доброта к животным не позволяла ему гнать бедного попрыгунчика во весь опор, вперед и вперед, навстречу пурпурно-синей мечте.

Сохрани Иеро хотя бы четверть ментальных способностей, он бы без труда понял, что действует не по своей воле и что навязчивая идея, уже не первый день отклоняющая его на юго-запад от выбранного маршрута, внедрена в сознание весьма умело и деликатно. Но Иеро безвозвратно утратил телепатические навыки: дар чтения мыслей, защитный экран, ясновидение и способность к мысленным битвам. Тщетно пытался он восстановить потерянный талант. Наркотик Джозато поработал на славу, сведя его ментальную мощь к возможностям новорожденного младенца.

Итак, слепота разума заставила Иеро полагать, что и для всего мира он — «пустышка», но это была ошибка. Дьявольское снадобье действительно вытравило былые способности, и для большинства живых созданий, включая слуг Нечистого, Иеро стал «ментальным нулем». Даже Лучар, нерасторжимо связанная с ним, не смогла обнаружить мысленную ауру возлюбленного. Попрыгунчику помогло прекрасное обоняние; он шел по следу, как хорошо натасканная собака-ищейка.

Но кроме слуг Нечистого существовали и другие порождения Смерти, обладавшие способностями к телепатии. Иеро убедился в этом на собственном опыте, но

не догадывался, что одно из таких созданий проникло в самый глубокий, неповрежденный слой его мозга.

Весь день священник верхом на скакуне медленно, но неуклонно продвигался к лесу, стараясь по возможности огибать кучи опавшей листвы и завалы из сухих веток. С каждой пройденной милей делать это становилось все труднее и труднее. На пути стали попадаться промоины — сначала мелкие, а потом все глубже и шире. Пока что эти рытвины не составляли серьезного препятствия для прыгуна, но они грозили перерасти в обширные овраги, вымытые на склонах холмов дождевыми потоками.

С приходом ночи Иеро разбил лагерь в одной из таких промоин, по дну которой лениво струилась маленькая речушка. В склоне оврага, довольно высоко над уровнем воды, он обнаружил вместительную каменную нишу, где удалось устроить даже хоппера. Загнав Сеги внутрь, священник завалил вход кучей хвороста.

Пушистый скакун прекрасно чувствовал себя в убежище; закусив травой и сползающими по каменным стенкам лианами, он улегся в углу и принялся флегматично перемалывать жвачку.

Луна этой ночью не взошла, но звезды светили ярко. Иеро почти не сомкнул глаз, изучая темную изломанную линию высившихся на горизонте холмов. «Это, должно быть, очень старые горы,— решил он наконец,— одряхлевшие и прилизанные ветром». По крайней мере, молодые северные хребты сильно отличались от того, что предстало его глазам. Там, где ветер нанес достаточно почвы, склоны холмов щетинились лесом. Впрочем, несмотря на почтенный возраст горных вершин, добраться к ним было отнюдь не просто: среди макушек деревьев, словно клыки дракона, поднимались голые каменные утесы, преграждающие дорогу наверх. Мысли Иеро возвратились к попрыгунчику. Как заставить Сеги уйти домой? Ведь в этой гористой, заросшей лесом местности хоппер лишится основного преимущества — скорости; тут быстрые ноги не спасут его. Значит, хозяину придется работать за двоих, а это

уменьшит и без того скромные шансы выбраться отсюда живыми.

Дважды за ночь негостеприимные обитатели джунглей пытались добраться до убежища. В первый раз чей-то гневный рык заставил прыгуна, вращавшего глазами от страха, прижаться к дальней стене пещерки. К чести Сеги, тот не запаниковал и целиком положился на воинское искусство хозяина. Начни он метаться по крошечному пятачку земли или попробуй выбраться наружу, все могло бы кончиться печально.

Иеро же, пригнувшись и взяв оружие на изготовку, застыл у завала. Внезапно и абсолютно бесшумно из-за кучи веток протянулась огромная когтистая лапа, покрытая редкими пучками ярко-алого меха. Священник посчитал это достаточным, чтобы подхватить широким наконечником копья несколько пылающих углей из костра и ловко высыпать их на конечность, неожиданно вторгнувшуюся в убежище. Наступило секундное молчание. Затем лапа исчезла, и снаружи донесся оглушительный вопль, сопровождаемый треском сухих веток, которые в ярости топтал обладатель громоподобного голоса. Вскоре вопли и взвизгивания затихли в ночи, и Иеро позволил себе облегченно улыбнуться. По-видимому, неосторожный ночной гость отправился к речке залечивать ожоги.

Потом священник несколько часов дремал, привалившись к теплому боку попрыгунчика, и просыпался только для того, чтобы подбросить хвороста в огонь. Ночь вокруг звенела криками и шорохами; когда чуть слышные шаги огромных лап раздавались рядом с укрытием, Иеро сразу же пробуждался от дремы и нашаривал в темноте копье. Хищники, однако, не решались ломиться сквозь преграду из веток и предпочитали бродить вокруг — их явно отпугивал огонь, а также незнакомые запахи человека и скакуна.

Иеро так и не удалось уснуть толком — к счастью, как оказалось. Забудься он хоть на минуту, вторая вылазка хищников вполне могла увенчаться успехом.

Сквозь дремоту священник уловил странный звук, то заглушавший журчание речки, то замиравший вдали. Он доносился откуда-то сверху и походил на негромкие хлопки паруса, повторяющиеся необычайно быстро и ритмично. Вкрадчивый размеренный шум почти сливался с несмолкающим рокотом джунглей, так что Иеро удавалось различать его только в минуты затишья. Попрыгунчик же, если и заметил странный звук, определенно не встревожился. Забившись в угол, он сонно таращился на огонь и, не переставая, жевал.

Перед самым рассветом Иеро вдруг услышал хлопки совсем рядом и почти инстинктивно подбросил несколько веток в догорающий костер.

Звук неожиданно превратился в оглушающий рокот, и биение огромных крыльев подняло небольшой ураган на маленьком клочке земли, где скорчились человек и попрыгунчик. В ярком свете разгоревшегося пламени Иеро наконец-то разглядел, кто на этот раз вторгся в убежище, и глаза его расширились от ужаса.

Прямо над ним нависло искаженное, демоническое лицо: острые клыки, светящиеся глаза, поросячье рыло и треугольные, словно вырезанные из жесткой лоснящейся кожи, уши-локаторы. Сморщенное голое тельце ночного призрака поддерживала в воздухе пара огромных кожистых крыльев. Словно в насмешку, голова чудовища, размерами и формой напоминавшая небольшой винный бочонок, была посажена на маленькое и костлявое туловище.

Острые челюсти щелкнули перед лицом Иеро, и тот, моментально отпрянув, поднял копье. Летучая тварь рванулась наперерез, ветер, поднятый гигантскими крыльями, заставил пламя костра взметнуться еще выше. Обезумевший от страха попрыгунчик жалобно пищал в углу. Но метс был начеку.

Копье описало короткую стремительную дугу и, несмотря на поразительную увертливость монстра, впилось глубоко в плечо, туда, где крыло соединялось с уродливым телом. Вскрикнув на невероятно высокой ноте, творение мрака конвульсивно забило крыльями и

через мгновение сгинуло в темноте. Поглядев на восток, Иеро заметил на небе тоненькую светлую полоску — длинная ночь закончилась.

Опираясь на копье, священник преклонил колени и вознес благодарственную молитву за спасение от сил тьмы. Он молился о будущем всех достойных людей, каждой наделенной разумом и добротой твари Божьей, славил красоту и свежесть благословленной Господом земли, просил Бога укрепить его дух для новых испытаний и не оставить милостью тех, кто ему так дорог. Наконец, осенив себя последним крестным знамением, Иеро устроился на холодном камне и уснул, как только голова коснулась земли.

Сеги, с первыми лучами солнца забывший ночные страхи, насторожил длинные уши и потянулся к свисавшим со стены молодым зеленым побегам. Пришла его очередь нести караул.

ГЛАВА 5

Ткач и паутина

Иеро проснулся с головной болью. Нет, он не чувствовал себя нездоровым, а только немного разбитым и заторможенным. Некоторое время, сидя под накрапывающим мелким дождем, он размышлял, не сырая ли погода вызвала мигрень, и наконец решил, что дождь тут не при чем; день был вовсе не холодный, скорее наоборот. Вообще-то раньше ему доводилось ночевать и под ливнями, и ничего подобного он не ощущал. Возможно, гнилостные испарения поднялись утром над речкой и отравили сон. Невероятно! За тридцать с лишним прожитых лет Иеро привык не тревожиться о здоровье. По сравнению с древними, обитатели мира, возникшего после Смерти, вообще болели сравнительно мало. Конечно, кое-где сохранились очаги заразы — следы применения бактериологического оружия,— но посещать их было строжайше запрещено, да туда никто и не рвался; наоборот, все старались избегать подобных мест. За всю жизнь Иеро, может быть, пару раз подхватывал простуду, и только. А сейчас виски словно сжимал обруч... Непостижимо!

Священник раздраженно помотал головой, словно пытаясь вытрясти из нее внезапно накатившую немочь. В висках по-прежнему ныло. И хотя это была не серьезная хворь, а так, легкое недомогание, с непривычки он слегка расстроился. Ну вот, теперь даже собственный организм ополчился против него! Если ломота не пройдет сама собой, наверно, придется что-то делать. Ему не могло прийти в голову, что боль вызвана внешней причиной — той силой, что на протяжении многих дней упорно тащила его сюда.

С трудом запихивая в себя завтрак, Иеро мрачно размышлял о событиях прошлой ночи и о том, куда в

следующий раз пристроить Сеги. Можно считать, сегодня повезло. Но кто знает, что будет завтрашней ночью? Попробовать что ли путешествовать в темное время суток? Хоппер, безусловно, выдержит, но подобные прогулки по незнакомой местности, кишащей хищниками, могут стоить жизни. Священник вспомнил о летающем кошмаре, навестившем прошлой ночью его убежище, и задумался. Если не принимать в расчет гигантских птиц, у которых он в свое время отбил Лучар, никто и никогда раньше не пытался атаковать его с воздуха. Но тех, скорее всего наслал шаман племени, а эта тварь действовала явно по собственной воле. Да, придется поостеречься!

Седлая прыгуна, Иеро искоса поглядывал на лежащий впереди узкий зев оврага, но кроме пичужек, гонявшихся за насекомыми в мутноватом утреннем тумане, не увидел ровным счетом ничего. Хор ночных голосов давно утих, и только изредка далекий вопль или рык напоминал о том, что обладатели голодных желудков никуда не исчезли — просто попрятались в берлоги. Но по большей части только щебет птиц и шум льющейся воды нарушали тишину ущелья.

Однако, разобрав завал и выпустив Сеги наружу, Иеро настороженно огляделся по сторонам. Сейчас только вывороченные с корнем кусты напоминали о летающем чудище, решившем полакомиться всадником и его скакуном. Иеро уселся в седло, и прыгун послушно припустил вперед по сужавшемуся оврагу. В конце его виднелись высокие деревья, и можно было надеяться, что склон там пологий и удобный для восхождения.

Много часов спустя Иеро уже настолько углубился в лабиринт оврагов, что совершенно потерял ориентацию и продолжал двигаться наобум. Боль в голове постепенно усиливалась, но он не обращал на это особого внимания. Постороннему наблюдателю могло показаться, что всадник выглядит несколько странно; отсутствующее выражение глаз говорило о предельной

сосредоточенности, словно он отчаянно пытался объяснить — или внушить себе — некую мысль.

Зато скакун явно проявлял признаки беспокойства. Птицы в вышине замерли. Дождь перестал идти, зато густой туман обволок тела путешественников сплошной серовато-белой массой, и двигаться приходилось почти ощупью. Огромные замшелые валуны важно выплывали из белесоватой дымки и проваливались в нее, когда попрыгунчик проносился мимо. Деревья сменились гигантскими зарослями похожих на лопухи растений и папоротниками, чьи макушки терялись в тумане высоко над головой. Почва стала зыбкой и негромко хлюпала под лапами Сеги. Несчастный хоппер извелся от страха; его большие глаза непрерывно вращались, а длинные уши нервно подергивались.

Впрочем, любое нормальное существо, обладающее ментальными способностями или нет, чувствовало бы себя здесь неуютно. Однако Иеро, казалось, впал в транс. В то же время какая-то часть его сознания хладнокровно регистрировала все. Например, сейчас они находились на дне довольно глубокого каньона, который вел куда-то вверх. Весь трагизм происходящего заключался в том, что подобные наблюдения только записывались в памяти, но не осмысливались — «обратная связь» оборвалась. Любые попытки попрыгунчика заартачиться ласково, но непреклонно подавлялись, и дрожащий, но по-прежнему послушный зверь двигался туда, куда направлял его человек. Преданность хозяину и годы выучки пока что превозмогали животные инстинкты, вопиющие об опасности.

Через несколько часов тропа — если можно назвать тропой месиво из раскисшего мха и грязи — пошла под уклон, и мутные потоки дождевой воды побежали наперегонки с путниками.

Тишина давила. Даже шум дыхания, убаюкивающий скрип кожаного седла и хлюпанье почвы под лапами попрыгунчика не могли стряхнуть оцепенения. Туман поглощал все звуки. Только изредка гулкие шлепки

срывающихся с листьев крупных капель достигали ушей священника. Казалось, путники навсегда затерялись в безмолвном, затянутом молочной дымкой мире, неподвижном, навеки отданном во власть туманов и гигантских сырых лопухов. И само движение здесь выглядело неким вызовом, а уж о громких звуках и говорить не приходилось. Только заросшие мхом валуны-лежебоки да глядящиеся в сонные лужи огромные хвощи и папоротники имели право существовать в этом не знающем солнца мирке. И все же путники продолжали идти вперед по топкой тропинке, петляющей между отполированных водными потоками каменных стен, на которых неприхотливый мох не смог найти опору для корней. Густой туман клубился вокруг путешественников, глуша звуки, словно укутывал их толстым ватным одеялом.

Но вот Иеро инстинктивно определил, что они выезжают на открытое место. Пелена тумана нисколько не поредела, но чутье убеждало, что каньон вывел их в огромную котловину — прямо в сердце страны холмов. И здесь кто-то давно поджидает его, как поджидал многих других, пришедших сюда раньше. Они одолели десятки миль, чтобы попасть в это место по воле властелина державы туманов. Иеро заставил Сеги остановиться и бездумно оглянулся вокруг. Туманная завеса медленно поднялась, и он увидел воду.

Прямо перед ним раскинулось небольшое горное озеро, и мгла, клубясь, отступала к его дальнему берегу. Оказалось, что пришельцы забрели на низкую косу, глубоко вдававшуюся в неподвижную водную гладь. Под ногами уже не хлюпала каша из грязи и мха, а похрустывало что-то плотное, хотя и не такое твердое, как камень. Священник поглядел вниз. Какое странное нагромождение чего-то белого, округлых и изломанных очертаний, помельче, покрупнее — с человеческую руку или даже со ствол дерева! Неожиданно что-то сдвинулось в голове, и он, на секунду прикрыв от напряжения глаза, раскрыл их снова. Кости! Вот это

что такое! Перед ним, от берега до берега, простиралось огромное кладбище!

Сколько поколений живых существ из внешнего мира внесло лепту в создание этого чудовищного по размерам могильника, не мог сказать никто — даже, пожалуй, сам обитатель горного озера.

С первого взгляда становилось ясно, что таинственное существо не было разборчиво в пище: массивные выпуклые черепа с метровыми бивнями, принадлежавшие травоядным исполинам, валялись вперемешку с плоскими и вытянутыми черепами антилоп. Торчавшие из-под мха челюсти хищников, оскалившиеся рядами острых, как кинжалы, клыков, подтверждали, что и они нередко фигурировали в меню хозяина озера. Гигантские каркасы из ребер и позвонков, чудовищные берцовые и бедренные кости крупных животных были покрыты толстым ковром маленьких косточек, черепов и их обломков. Здесь покоились останки рептилий, земноводных и млекопитающих, принявших общую смерть и соединившихся в вечном сне. Единственным свидетелем посмертного союза была разъедающая их плесень, а единственной эпитафией — молчание.

Человек и прыгун тоже молчали. Сеги перестал дрожать и погрузился в странную апатию. Иеро же просто сидел и ждал — бронзовая статуя наездника. Две пары глаз зачарованно уставились в черную воду. Человек и животное словно заранее согласились ждать, сколько потребуется. Ждать терпеливо, совсем как те холмы, что заманили их сюда мечтой о вечном спокойствии. Туман мелкими каплями оседал на кожаной головной повязке Иеро, в то время как его зрачки не отрывались от озерной глади, и даже проблеск сомнения не мелькал в их темной глубине. Слуга покорно ждал послания от господина. И когда оно наконец пришло, мускулистое тело сотрясла дрожь удивления. Потому что слова зазвучали в мозгу:

— *Привет тебе, Двуногий! Ты слишком долго добирался сюда, если считать в тех интервалах, в*

которых тебе подобные измеряют время. Создание, на котором ты сидишь, помогло приблизить встречу. А теперь оставь животное. Оно уже отслужило свое и теперь бесполезно. Иди по берегу направо, там можно спокойно отдохнуть. Нам предстоит еще многое обсудить.

Как только беззвучный голос проник в сознание, Иеро испытал внезапный шок; казалось, отравленные наркотиком нервные окончания в ментальном центре мозга ожили, затрепетали, вновь готовые чувствовать и воспринимать. Пока что они еще не поддавались сознательному контролю, но уже не молчали! Священник снова мог ощущать ментальную ауру говорившего с ним существа, хладнокровно оценить понесенные потери. Он чувствовал, что разум вырвался из гнетущего плена; пришел конец заточению мысли в темнице черепа. И все же он должен был подчиниться.

Иеро спешился. Прыгун продолжал неподвижно сидеть на корточках, словно большая пушистая кукла. Широко распахнутые добрые глаза бессмысленно уставились в одну точку, как будто он не видел перед собой ничего. Метс медленно побрел вдоль берега, лавируя между кучами особо крупных костей. Проснувшийся мозг напряженно работал, сравнивая, анализируя, отбирая.

Очевидно, голос, воззвавший к нему, не принадлежит человеку. В нем слышался холод и ощущение вечности, как в голосе Дома. Но тот был средоточием кипящей ярости, ненависти ко всему инородному, противостоящему желанию океаном разумных спор затопить мироздание. А загадочный разум, наоборот, спокоен и безмятежен, как горное озеро, что раскинулось сейчас перед Иеро. Голос звучал отстраненно, словно его обладатель, чуждый зависти и презрения, отринул суету жизни, не желая тратить силы на такую мелочь, как чувства, или запрятав их поглубже.

Не оставляя попыток разгадать природу таинственного собеседника и пытаясь унять лихорадку мысли,

Иеро продолжал карабкаться по грудам костей, поросших скользким мхом. Наконец он очутился на небольшом уютном каменистом пляже и подошел к берегу. Над озером продолжал куриться туман, и лучи появившегося из-за туч светила окрашивали призрачную дымку во все цвета радуги.

Иеро присел на покрытую мхом кочку и задумчиво вперился взглядом в гряду мокрых темных камней. Сейчас хозяин озера молчал, и мозг Иеро ощущал только гулкую пустоту; впрочем, было ясно, что владыка туманной страны рядом. Одно неверное движение — и разум человека вновь ощутит его власть. С той стороны, откуда только что пришел священник, донесся тяжелый всплеск, но и только. Иеро оставалось гадать, что там произошло. Но вот знакомый голос снова зазвучал в сознании пораженного священника:

— Ну что ж, Двуногий, я читаю в твоих мыслях, что ты не голоден и не хочешь пить. Хорошо. Очень хорошо. Теперь мы можем спокойно побеседовать.

Странный голос вещал не словами, а скорее, непрерывно сменяющимися образами, что было совсем непохоже на ту прямую мысленную речь, которую Иеро всегда использовал при общении с Гормом, например. Создавалось впечатление, что непонятное существо овладело мысленной речью совсем недавно и не успело еще достаточно попрактиковаться; однако, в силу исключительных возможностей мозга, оно каким-то образом умудрилось моментально наладить взаимопонимание с человеком.

— Ты тоже можешь говорить со мной, Двуногий. Конечно, мысленно — только так и только со мной. Здесь нет никого, с кем можно разговаривать звуками, как делают существа твоего вида. Поэтому ты будешь говорить только со мной и ни с кем больше.

Мозг Иеро дрожал от напряжения. Очень осторожно он попытался использовать мысленную речь, одновре-

менно стараясь установить хоть какое-то подобие ментального экрана, чтобы собеседник не смог проникнуть в самые глубины разума.

— *Кто ты,— спросил он,— и чего хочешь? Почему я не могу тебя увидеть? И что это за место?*

Он мог бы поклясться, что ощутил ту смесь иронии и удивления, которую вызвал у собеседника град вопросов. Человек также понял, что сознание хозяина озера не таило угрозы, не излучало ауры враждебности, отличающей слуг Нечистого. Но все это он отметил мимоходом, сосредоточившись на том, что пыталось сообщить неизвестное существо. Священник действительно мог говорить пока только с ним. Ментальные способности восстановились в одном, достаточно узком диапазоне. И вне его Иеро был по-прежнему глух и слеп ко всем телепатическим излучениям внешнего мира.

— *Много, слишком много вопросов,*— зазвучал голос.— *Нельзя охватить всего сразу, поэтому я попытаюсь отвечать на них по очереди. Во-первых, в свое время мы, конечно, увидимся. Поверь, есть серьезные основания не показываться тебе сразу... хотя ты очень нетерпелив, как, видимо, большинство из вас.* — Не дожидаясь ответа, существо продолжало: — *Это мое место, и, кроме него, я не знаю другого. Возможно, никогда и не узнаю. Я привел тебя сюда, медленно и постепенно притягивая твой разум, каждую минуту едва заметно наращивая силу призыва. И сделал это потому, что увидел, как непохож твой разум на те, с которыми мне до сих пор приходилось иметь дело. Много восходов и заходов луны минуло с тех времен, когда первый из подобных тебе двуногих появился здесь. Это случилось так давно, что я уже сбился со счета. Но это неважно; очень многие из твоих соплеменников приходили сюда, но их крохотные разумы были темны и наполнены страхом. В конце концов, так и не сумев установить контакта, я дал им мир. Их мысли сочились кровью, страхом и*

жестокостью — как у диких зверей. Поэтому, подобно остальным, они прошли.

Священник невольно взглянул на груды костей, и неприятный холодок пробежал у него по спине. Интересно, что означают эти выражения: «дал им мир» и «прошли»? Куда же они «прошли», а?

Однако наблюдающее за ним существо моментально уловило страх, и удивленный человек понял, что никакие ментальные щиты не помогают против разума такой колоссальной силы.

— *О нет, не бойся!* — произнес голос сочувственно.— *Ты не сможешь мне помочь, если будешь напуган, как твои предшественники. Я не причиню тебе вреда. Почувствовав всю силу твоей мысли, пусть заглушенной и подавленной, я постарался привести тебя сюда. А ведь ты был очень далеко, Двуногий, так далеко, что я едва сумел отыскать тебя. И, чтобы заставить тебя свернуть с пути, пришлось немало постараться. Знаешь, я даже слегка утомился... подобного еще никогда не случалось. Итак, я обнаружил твой мозг, и сразу же выяснилось, что он заперт, заблокирован для любого контакта и даже я не могу установить связь отсюда.*— Наступила пауза. Казалось, собеседник Иеро старательно подбирает слова и образы, чтобы объяснить непривычное.— *Но тот, кто запер твой мозг,— а это явно было сделано без твоего согласия — видимо, не учитывал, что на свете существую я!* — Теперь Иеро различил некий оттенок гордости в беззвучном голосе.— *Я нашел место, не закрытое барьером. Как вы говорите — маленькую дырочку. И сквозь нее послал мысль, призывая тебя сюда. Пришлось потратить массу энергии, и я сильно проголодался. Даже сейчас, после приема пищи, голод не утолен. Нужно поискать еще еды, прежде чем беседовать снова. Ты тоже можешь отдохнуть и поесть. Иди туда, где оставил животное, и забери все нужные вещи. Потом возвращайся на это же место и отдыхай. Поговорим чуть позже. И не бойся*

ничего. Ни один хищный зверь не появится у озера, если я не пожелаю. И никто не сумеет уйти отсюда, пока я не разрешу.

Все. В сознании человека опять воцарилась тишина. Иеро припомнил последние слова невидимого собеседника и невольно содрогнулся. *Никто не сумеет уйти отсюда, пока я не разрешу.* Неужели и ему суждено погибнуть на берегу безымянного озера в пасти безымянной твари — если у нее, конечно, есть пасть,— не выполнив своего предназначения, так и не увидев Лучар? Священник медленно осенил себя крестным знамением. Еще никогда он так не нуждался в Божьей помощи. Но не близость смерти и даже не горечь одиночества терзали душу. Мучило другое: для чего он боролся, выносил тяготы пути — неужели только затем, чтобы встретить здесь позорный и глупый конец?

Внезапно мысли его возвратились к событиям прошлого — недавнего и далекого,— и почему-то это принесло утешение и вновь вселило надежду в сердце. Он вспомнил родину, оставшуюся далеко на севере, начало путешествия, перебрал в памяти удачи и промахи, вызвал образы побежденных врагов и обретенных друзей и наконец представил ту единственную женщину, которую вырвал у смерти и полюбил. Этого оказалось достаточно, чтобы дух Иеро воспрял. Пока жизнь не отлетела, глупо считать себя приговоренным. Настоящий воин знает, когда сражаться, а когда — выжидать. И сейчас как раз необходимо потянуть время. Странное существо еще не причинило ему вреда — наоборот, предлагает поесть и отдохнуть. Что ж, он последует совету.

Иеро повернулся и зашагал туда, где остался прыгун и вся поклажа. Дождь совсем прекратился, и рассеянного света стало немного больше; однако карабкаться по нагромождениям расколотых и скользких от влаги костей было по-прежнему неудобно.

Наконец Иеро увидел в тумане знакомый силуэт: похоже, уставший от долгого ожидания попрыгунчик

прилег на землю. Вот только куда подевались длинные задние лапы? Странно... Ужасное предчувствие холодной иглой кольнуло сердце. Иеро со всех ног ринулся к туманной фигуре, уже совершенно не замечая, чьи кости и черепа топчет. Добежав до сероватой кучи камней, которую он принял по ошибке за скакуна, священник, тяжело дыша, опустился на усеянную костями землю. Прямо у его ног лежали седло, упряжь, копье и все остальное снаряжение. Только от Сеги не осталось ровным счетом ничего! Добрый пушистый скакун исчез, растворился в воздухе, непонятно каким образом сняв с себя всю хитрую и надежно закрепленную амуницию. На ней почему-то остался тонкий слой прозрачной, лишенной запаха слизи.

Иеро выхватил из ножен меч и отчаянно махнул им в сторону безмолвного озера. Теперь он понял, что было причиной всплеска. Так вот кто оставил липкие следы!

— *Будь ты проклят!* — закричал священник на единственно доступной ему ментальной частоте.— *Хватит прятаться! А ну, вылезай из своей грязной лужи и попробуй справиться со мной, а не с бедным беззащитным животным! Ну, давай же, иди сюда, безмозглый моллюск! Выходи, я жду тебя!*

Сам того не замечая, последние слова он выкрикивал уже вслух. От бессильной ярости из глаз брызнули слезы. Надо же, так подло убить беззащитного попрыгунчика! В том, что у Сеги не было ни малейшего шанса спастись, что гибель была неминуема, Иеро уже не сомневался.

Никакого ответа не последовало. Темное озеро оставалось таким же спокойным, над зеркальной поверхностью по-прежнему курился мерцающий туман, и ничто не нарушало царившую у берегов тишину. Дальний край обширного водоема, как и прежде, скрывала переливчатая завеса. Ни звука, ни движения — только капли влаги суетливо стекали по наростам мха.

Иеро все еще дрожал от ярости. Это его вина: он слушал пустую болтовню, в то время как единственного друга хладнокровно убило и съело бог знает какое чудовище. Но скоро гнев сменился холодной решимостью. Ладно, что сделано, то сделано. Он еще доберется до хвастливой водяной твари! Бедный скакун доверял хозяину до самого конца... а тот привел его в пасть к смерти... Теперь, когда мозг священника освободился от постороннего внушения, он с легкостью вспомнил, сколько раз Сеги пытался предупредить о таившейся впереди опасности, как хотел свернуть с рокового пути... Но нет, обманутый и одураченный, Иеро, словно марионетка, только погонял скакуна, желая любой ценой добраться до пурпурных холмов... И вот что из этого вышло!

Пожалуй, действительно стоит воспользоваться приглашением и спокойно поесть и отдохнуть. Иеро вытащил из седельных сумок сушеное мясо и съедобные коренья и принялся медленно жевать, глядя на черную поверхность воды перед собой. Скорее всего, чудовище появится на том берегу, что усыпан костями. К сожалению, не в его власти выманить монстра из воды, поэтому остается готовиться и ждать. Ждать, пока сожравшая Сеги тварь проголодается и вылезет на берег. В том, что это рано или поздно произойдет, священник не сомневался: судя по размерам кладбища аппетит у подводного жителя был отменный.

Потоптавшись на мягком ковре мха, Иеро выбрал местечко посуше и растянулся на нем, положив копье на грудь, а меч — под правую руку. Когда гнев остыл, он почувствовал, что от оружия будет мало толку. Оно стало просто символом готовности к схватке, знаком того, что он не отступил и не сдался. Уже засыпая, священник поднял перед собой копье с распоркой-крестом и пробормотал благодарственную молитву, еще раз помянув добрым словом столь преданно служившего зверя.

Из глубин озера кто-то внимательно прислушивался к отлетающей молитве, кто-то чужой, но, как и любой из сынов Господних, невероятно уставший от одиночества.

Когда Иеро пробудился, чувство времени подсказало ему, что уже давно рассвело. Мгла над озером заметно поредела, и усыпанный костями берег просматривался значительно лучше. Неба по-прежнему не было видно, но сквозь низкую завесу облаков просачивался золотистый свет.

Священник беззаботно потянулся и зевнул, но при воспоминании о том, что произошло вчера вечером, холодная ярость вновь охватила его. Присев на корточки и удобно пристроив на сгибе локтя древко копья, Иеро враждебно посмотрел на воду, серую в разгорающемся сиянии утра. И к его безмерному удивлению, на первый же ментальный окрик последовал незамедлительный ответ:

— *Я понял, что каким-то образом причинил тебе боль,*— зазвучало в голове путника.— *Я прочел ее в твоих мыслях, пока ты отдыхал. К сожалению, это гораздо труднее сделать во время сна, но, несомненно, ты очень сердишься. Да, я убил то животное, что принесло тебя сюда. Но не предполагал, что это так тебя расстроит. Похоже, что вы непонятным образом были связаны друг с другом. Однако это существо совсем не походило на тебя, и вы никак не могли быть с ним на равных. Наоборот, оно несло тебя, как груз, и наверняка делало это не по собственной воле... нет, ты использовал его, как мелкое животное использует более крупное и сильное. И твоя жизнь совершенно не зависела от его существования. Просто небольшое преимущество в скорости передвижения.*— Наступила короткая пауза, как будто обитатель озера пытался облечь в слова некую новую мысль.— *И поэтому я не понимаю причины твоего гнева, однако постараюсь загладить вину, если пойму в чем же она состоит.*

Раздражение Иеро моментально испарилось: он з н а л, что его собеседник говорит совершенно искренне. Восприимчивый мозг телепата легко отличал истину от лжи. Да, невидимка не кривит душой. Все сказанное, с его точки зрения, абсолютно правильно и неоспоримо. Владыка озера и в самом деле удивлен и расстроен необъяснимым поведением человека; связь между скакуном и всадником — загадка для него. Древний и холодный разум по-настоящему недоумевал. Иеро, задумавшись, уронил копье в мягкий мох.

А потом он увидел, что недалеко от берега темная вода пришла в движение. Похоже, сейчас невидимка явится во плоти, следуя обещанию показаться на свет Божий.

Что-то бурое и блестящее внезапно выросло над поверхностью воды. Увидев два огромных круглых глаза с желтыми ободками и коричневой радужкой, удивленный священник понял, что эта громадина — всего-навсего голова гиганта. Прямо над глазами медленно вытянулась пара мягких, похожих на рожки усиков. Ни носа, ни ушей с первого взгляда заметно не было; Иеро различил только длинную и узкую щель рта.

Как только огромные глаза заметили потрясенного человека, голова тут же начала быстро подниматься вверх на мощной шее-колонне. Наконец она застыла на такой высоте, что Иеро, не отрывавшему взгляда от странного существа, пришлось запрокинуть голову. Достигнув берега, колосс стал медленно и плавно выползать на посыпанный костяной крошкой песок, но лишь наполовину вытащил из воды чудовищное тело. Ручейки мутной озерной воды торопливо стекали по темно-коричневым бокам застывшего монстра.

— Ну вот, теперь ты видишь меня, Двуногий. Но не в пример многим из побывавших здесь не боишься.

Задирая голову так, что заломило шею, Иеро разглядывал замершего перед ним титана. Даже если не принимать во внимание ментальную мощь, он может

раздавить огромного самца-бафера, словно муравья. И кто знает, что еще скрывается под водой? Быть может, озерный житель показал лишь малую часть туловища? Кроме торчавших над глазами подвижных усиков, никаких других выростов или подобия конечностей на теле гигантского моллюска не оказалось.

Наконец, прикрыв глаза, чтобы хоть как-то переварить увиденное, Иеро решился снова заговорить. Правда, теперь его мысленный «голос» звучал немного сконфуженно.

— *Так кто же ты? И как тебя зовут? Существо, которое ты убил, было моим другом. Оно доверяло мне и пошло сюда по моему настоянию, хотя и не хотело этого делать. Ты знаешь, что такое друг?*

— *Опять слишком много вопросов, Двуногий.*

Теперь, когда Иеро мог видеть собеседника, ему казалось, что мощный ментальный голос моллюска долгим эхом отзывается в его голове, хотя это, конечно, была только иллюзия.

— *Знаешь, никогда не задумывался над тем, кто я такой*,— продолжал гигант.— *Сколько себя помню, я всегда был один. Что до имени, то имена нужны, чтобы различать существа одного вида. Но таких, как я, больше нет. Поэтому можешь звать меня, как тебе удобно.*— Существо на мгновение задумалось.— *И о своем происхождении тоже не могу сказать ничего определенного. Моя память уходит корнями в далекое прошлое, Двуногий, в те времена, когда я — просто трудно даже представить! — еще не думал, а только чувствовал и, стало быть, ничем не отличался от тех лишенных разума существ, которые теперь служат мне пищей и чьи кости покрывают землю вокруг.*

Иеро невольно попытался прикинуть, сколько же могло понадобиться времени для того, чтобы здесь выросли чудовищные горы скелетов.

Обитатель озера моментально уловил его мысль.

— О, больше, чем ты можешь представить! Ведь те кости, что ты сейчас видишь, еще совсем свежие. Тут весь берег и все, что спрятано под травой и мхом, состоит из костей. Когда я еще только начинал расти и кормиться по-настоящему, здесь не было ничего, кроме голого камня.

Пораженный священник окинул взглядом мутноватые воды озера. Сколько же времени должно было пройти, чтобы эту котловину опоясали валы костей — остатки трапез гигантского моллюска?

— Так много, — продолжил тот, снова безо всякого труда читая мысли Иеро, — *что даже мне трудно сказать точно. Хотя я как-то не испытываю особой потребности отсчитывать время, зато могу кое-что припомнить. И главное, что запомнилось, — это страх! Даже я когда-то познал страх. В небе вспыхнула огромная молния, за ней — несколько молний поменьше. Земля дрожала, и горы рушились... А потом пришла большая жара, очень странная, совсем не похожая на ту, что обычно наступает после дождя. Воды озера вскипели, так что пришлось искать убежище под скалами. Когда же я отважился высунуться наружу, оказалось, что жара спала и озерная вода по-прежнему холодна и приятна на вкус. Однако все это помнит тело, а не мозг. Ты понимаешь, Двуногий? И как раз тогда пришла первая мысль: «Я есть, я существую!» Я был тогда не больше тебя и носил на себе кое-что защищающее от врагов. Как давно это было! Я научился находить много еды и рос так быстро, что вскоре эта вещь стала мне мала, но все же я сохранил ее: это единственное, что напоминает о тех временах. Она и сейчас со мной. Смотри! Может, догадаешься, кем я был.*

По гигантской шее моллюска пробежала легкая дрожь, и священнику вдруг показалось, что вверх по широкой бурой спине ползет бугорок. Когда выпуклость оказалась примерно на уровне глаз Иеро, покрывающая

ее плоть разошлась и обнажила спираль раковины, золотящейся в лучах утреннего солнца. Края складки снова зашевелились и сомкнулись, чтобы скрыть от чужого взора бесценное сокровище. Иеро с трудом удержался от улыбки. И он бы от души посмеялся, если б не был так потрясен. Улитка! Властитель пурпурных холмов, могучий титан, старый, как сама Смерть, оказался обыкновенной улиткой!

Священник быстро одернул себя. Как бы ни была примитивна первооснова, обитатель горного озера отнюдь не заслуживает презрения. Он обладает мудростью тысячелетий! Иеро не сомневался в том, что молнии, землетрясение и странный зной, которые смутно запомнил собеседник,— последствия ядерного взрыва. Итак, со времен Смерти это существо спокойно обитало здесь, росло, набиралось знаний и опыта, постоянно шлифуя и оттачивая разум. И оно было страшно одиноким! Каково это — прожить столько лет одному? Внезапно Иеро ощутил острую жалость к застывшему перед ним моллюску. Вот оно — живое доказательство правоты брата Альдо и всех эливенеров. Да, любая жизнь имеет смысл. Но в чем смысл этой жизни?

Пока он размышлял, лишенные век, желтые глаза пристально изучали его фигуру. Когда гигант заговорил, его голос по-прежнему звучал бесстрастно:

— Итак, Двуногий, теперь ты знаешь, кем я был. Но между нами все еще стоит существо, принесшее тебя на спине. Да, я использовал его в качестве еды. Сначала снял все вещи, которые могли пригодиться тебе, потом заставил зайти в воду. Оно просто заснуло и, поверь, не почувствовало никакой боли. Тогда я поел. Всегда делал так, с той поры как сознаю себя. У меня и в мыслях не было, да и сейчас нет, причинять тебе вред. Жаль, что нельзя вернуть животное к жизни!.. Думаю, ты уже мог убедиться в моих добрых намерениях, но повторю еще раз: мною двигало только желание вступить в контакт с иным разумом.

Не без внутреннего сопротивления Иеро отказался от мести. Смерть бедного попрыгунчика действительно была недоразумением. Гигантский моллюск не лгал. Чуждый человеческих страстей, холодный разум просто не умел лгать, да если б и умел, что ему скрывать? Все рассказанное казалось весьма правдоподобным. Если создание Смерти и не сошло с ума от скуки за несколько тысяч лет полного одиночества, то лишь потому, что спасала неутолимая тяга к знаниям, в том числе и к знаниям об окружающем мире, который почти не соприкасался с маленькой, затерянной среди холмов котловиной. Иеро, сам алчущий знаний, мог только сочувствовать желанию первого ученого-моллюска пообщаться с человеком. Подобная цель могла оправдать даже то, что подходящего собеседника помимо воли заманили на сии туманные берега.

— *Ты говоришь, что случайно убил зверя, который был дорог мне,*— мысли быстро мелькали в голове священника.— *Что ж, верю. Но беда в том, что, когда ты обнаружил меня, я направлялся на север по весьма важному и неотложному делу. И если не удастся воздействовать на ход событий, то мои враги — да и твои тоже, ибо эти люди ненавидят все живое,— смогут беспрепятственно осуществить свои планы. То, что я сбился с пути и лишился скакуна, чревато печальными последствиями для того внешнего мира, который ты собираешься изучать. И раз уж нельзя воскресить бедного прыгуна, ты должен попытаться как-то загладить вину.*

— *Мне нечего возразить на это,*— последовал немедленный ответ,— *но тем не менее я сказал правду, кажется. Как отличишь истину от лжи? Может, ты знаешь? Сейчас я скажу кое-что важное. Слушай внимательно*!

Голос оборвался, но Иеро уже привык к недолгим паузам, необходимым для того, чтобы существо привело мысли в порядок и потом без остановки выдало следующую порцию. А он, оказывается, не любит

беспорядка, этот одинокий разум! «Солайтер!»* — это имя невольно сорвалось с внезапно дрогнувших в улыбке губ священника.

Холодный голос гигантского моллюска снова загрохотал у него голове:

— *Ну вот, ты уже дал мне имя. И тот, кто никогда не нуждался в имени, принимает его! Итак, отныне я буду называться Солайтером!*

К изумлению человека, это имя возникло перед его мысленным взором, написанное буквами родного алфавита!

— *Я научился от тебя многому, очень многому,*— продолжал титан.— *Я подробно исследовал твой мозг, пока ты спал, и чувствую — что уже само по себе необычно,— что ты понимаешь, насколько мне нравится узнавать новое!*

Этот взрыв энтузиазма эхом прокатился в голове священника.

— *А теперь послушай внимательно, Иеро.*— И снова в мозгу ошеломленного человека загорелись буквы.— *Конечно, есть риск, но, поверь, он очень мал. И если ты по-прежнему веришь мне и не ждешь подвоха, можно сделать кое-что... исправить твой мозг.*

Иеро пришлось присесть на мягкую подушку мха, потому что ноги внезапно перестали держать его.

— *Исправить мой мозг?* — Мысли священника понеслись галопом.— *Но все способности исчезли! Слуги Нечистого уничтожили их с помощью наркотика. Именно поэтому я и сижу здесь, вместо того чтобы вести людей в битву! И ты ведь сам сказал, что с большим трудом обнаружил лишь маленькую щелку в той куче мусора, в которую превратило мой мозг проклятое снадобье. Что же ты имеешь в виду?*

Но уверенный голос Солайтера успокоил его:

* Солайтер — отшельник, любитель уединения.— *Примеч. пер.*

— И тем не менее я знаю, что говорю, мой... — здесь он заколебался,— *...друг. С тех пор, как небесные огни, которые люди именуют Смертью, пробудили сознание в моем теле, прошло достаточно времени, чтобы многому научиться. Понимаешь, я не только бездумно пожирал животных, которых удавалось сюда заманить, но и проделывал с ними, а также с некоторыми растениями, кое-что. Я их исследовал!*

В мозгу Иеро вспыхнуло еще несколько сверкающих букв.

— Твоя плоть и горячая кровь не слишком сильно отличаются, скажем, от плоти и крови зверя, что привез тебя сюда. А я исследовал многие тысячи таких животных. Я заглядывал в их мозг и узнавал, что хотел. И научился управлять своим телом. Когда огни Смерти отгорели, у озера появилось множество огромных тварей, которые охотились на приманиваемых мною зверей и могли напасть и на меня, хотя я носил на спине убежище. Слишком маленький, чтобы сражаться в открытую, я прятался и страдал от голода. И вот, чтобы остаться в живых, стал изучать возможности тела, научился многим весьма полезным вещам и, главное, научился создавать мельчайшие частички жизни, те, которые вы называете клетками!

Открыв от удивления рот, Иеро наблюдал за чудесами, которые ему и не снились.

Сначала на могучей шее Солайтера — если только эту колонну из плоти можно было назвать шеей — вздулся бугорок, весьма похожий на тот, внутри которого таилась золотистая раковина. Потом бугорок стал быстро расти и вытягиваться, и вот уже огромное, толщиной со ствол дерева, гибкое щупальце покачивалось перед лицом изумленного священника, и свет заиграл радугой в туче брызг, слетевших с заостренного кончика.

С головокружительной скоростью щупальце метнулось вниз, и, едва успев ощутить холодное объятие,

Иеро уже повис высоко над землей, мягко поддерживаемый необычайной живой стрелой. Мгновением позже он снова сидел на зелсной моховой подушке.

Затем гигантская «рука» протянулась в сторону берега и моментально обвила внушительных размеров череп какого-то животного. Одним неуловимым движением щупальце распрямилось, метнув костяной снаряд с силой колоссальной катапульты. И только спустя несколько секунд с противоположного края котловины прилетело замирающее эхо сильного удара.

— *Ну что ж*,— Иеро мог бы поклясться, что в голосе гигантского моллюска прозвучало веселье,— *ты видишь теперь, что кроме силы разума, я владею и другим оружием. А теперь смотри внимательно!*

Коричневое щупальце остановилось прямо перед орлиным носом метса. Медленно-медленно заостренный кончик начал утончаться, менять форму, все более уподобляясь хирургическому ножу, по сравнению с которым лучшие ланцеты и скальпели, применяемые в Аббатствах, выглядели не более чем грубыми поделками.

Однако и этот совершеннейший, на взгляд Иеро, медицинский инструмент, продолжал уменьшаться, пока не приобрел вид длинной, слегка изогнутой иглы, чей кончик был столь тонок, что священнику с трудом удавалось фокусировать на нем взгляд. И вдруг из этого тончайшего кончика высунулся пучок щупиков-паутинок, которые беспорядочно заколыхались в потоках теплого воздуха. Сумасшедшая идея, исподволь зревшая в мозгу Иеро, внезапно обрела ясные очертания. Испуганный, он тут же отбросил мысль, пока она еще не успела полностью завладеть сознанием. Однако огромный мозг Солайтера подтвердил догадку:

— *Похоже, ты уяснил, в чем дело. За многие годы я научился делать, точнее, выращивать подобные инструменты. Обучение заняло бездну времени — впрочем, не буду утомлять тебя подсче-*

тами. Шаг за шагом я осваивал инструменты, созданные из плоти. А теперь смотри дальше!

Иеро показалось, что колышущиеся перед лицом волоски исчезли, однако на их месте осталась едва заметная рябь, которую нельзя было объяснить просто колебаниями восходящих воздушных потоков.

— *Ты не можешь их видеть*,— объяснил Солайтер.— *Но они все еще здесь, и я по-прежнему контролирую каждое их движение. Они сделались такими тонкими, что не могут проникнуть только в самые твердые камни.*

Иеро молча ждал, готовый к тому, что произойдет дальше.

— *Через маленькие отверстия в коже они пройдут с легкостью. И тогда, мой друг, я исследую твой мозг и, возможно, исправлю кое-что сделанное людьми.*

Иеро уловил налет чувства в последней мысли, переданной Солайтером. Похоже, холодный мозг гигантского моллюска был искренне возмущен тем, что кто-то посмел посягнуть на неприкосновенность и целостность чужого разума! Многие века он ждал появления достойного собеседника; и вот, когда это произошло, выясняется, что мозг того почти безнадежно испорчен, причем испорчен намеренно, со всей изобретательностью и жестокостью, которую только можно представить! Пожалуй, сейчас Солайтера обуревали глубочайшая обида и ярость. Ярость по отношению к тем, кто сотворил такое с его первым и пока единственным другом.

Почувствовав, как в мозгу титана тяжелой волной поднимается холодный гнев, Иеро поспешил успокоить внезапно обретенного товарища:

— *Ты посулил мне чудо. Не верю собственным глазам. Мне бы и в голову не пришло, что подобное возможно. Но*,— в голосе священника прозвучала неуверенность,— *есть несколько вопросов. Конечно, я больше не сомневаюсь в чистоте твоих намерений,*

но хотел бы знать, чем рискую, соглашаясь на операцию. Не лучше ли остаться ментальным слепцом, чем потерять разум из-за глупой случайности?

— *Думаю, ты не рискуешь абсолютно ничем,*— последовал лаконичный ответ.— *Возможно, несмотря на многолетнюю практику, я не сумею исправить мозг или восстановлю далеко не все его функции. Но готов поручиться, что не усугублю вреда. Обещаю!* — Солайтеру так понравилось это слово, что великан несколько раз большими буквами запечатлел его в мозгу священника.— *Ладно, что еще?*

— *Ты завлек меня сюда, чтобы получить знания. Но скажи, в обмен на услугу не потребуешь ли чего-то еще?*

— *О нет! Ничего!* (Иеро с удивлением отметил, что мысленное общение дается им обоим все проще.) *Правда, есть несколько предложений, но ты волен отказаться. Ну и пара вопросов. Получив ответ, я буду более чем вознагражден!*

— *Конечно, я отвечу на все вопросы,*— послал мысль Иеро.— *И раз нет особых просьб, то можешь начинать. Постараюсь удовлетворить твое любопытство, если только вопросы не окажутся слишком трудными. Кстати, о чем пойдет речь?*

— *Я хочу знать все о человеческих отношениях,*— отозвался глубокий голос Солайтера,— *досконально изучить историю твоей расы, ее материальные и духовные достижения, разобраться в твоих ментальных способностях, их происхождении. Меня интересуют существа, с которыми ты вступал в мысленное общение,— и люди, и подобно мне творения Смерти. Расскажи, откуда пришла Смерть и что она принесла в мир. Поведай мне о той войне, которую ведешь, о своих врагах — тех, кого называешь слугами Нечистого,— и союзниках, о тех местах, где побывал, о стране, где ты вырос. Кроме того, я с благодарностью приму все, что ты сочтешь нужным сообщить. И наконец, я хочу знать все о самом главном.*

Озадаченный человек довольно долго размышлял над последней фразой, прежде чем осторожно поинтересовался:

— *А что же ты считаешь самым главным?*

— *Перед тем как заснуть, ты делал нечто странное. Нечто, до сих пор непонятое мною. И поэтому я хочу знать все о той силе, которую ты называешь «Бог».*

— Ах, вот оно что... — протянул Иеро вслух.— Да, пожалуй, мне давно уже стоило приготовиться к подобному вопросу.

— *А потом,*— добавил Солайтер,— *когда я закончу работать с мозгом, ты сможешь уйти. То, что отложено, надо завершить, иначе в мире воцарится Хаос.*

ГЛАВА 6

Бегущие сквозь ночь

Прошла неделя. Иеро день за днем шел на север, удаляясь от озера Солайтера. Путешествие проходило спокойно. Он сумел не только выжить в глухих и диких местах, но даже окреп и поздоровел.

Однажды утром, опершись на копье, священник разглядывал долгий пологий подъем, который он только что одолел. Пестрые пичужки щебетали в густых зарослях кустарника; огромный ястреб — величиной с орла былых времен — подозрительно выглядывал из гнезда, упрятанного в расщелине скалы; ящерки и похожие на тушканчиков грызуны сновали в траве. Никто из них не представлял опасности, и на много миль окрест не было других животных.

Иеро з н а л это. Его разум прозрел, вернулись, утраченные силы. Он снова мог проникнуть в сознание суетившихся вокруг Божьих тварей, видеть их глазами, читать нехитрые мысли.

Путник задумчиво провел ладонью по гладкой, нагретой солнцем поверхности щита, свисавшего с плеча. Теплое чувство охватило его; то был дар нового друга, которого он обрел недавно и с которым расстался не без сожаления.

— *Я даю тебе это, Иеро,*— сказал Солайтер.— *Я извлек из твоего разума картины битв — ты пользовался подобными вещами. В незапамятные времена — возможно, когда люди правили миром — в озеро попала пластина странного, очень плотного материала. Я нашел ее — тоже очень давно — и хранил до сих пор. Не знаю, что это такое, но думаю, тебе она нужнее. И пока ты спал, я поработал над ней, придав нужную форму. Возьми эту вещь, и пусть она защищает тебя,*

как защищал мое тело панцирь в те дни, когда мир был моложе и яростный огонь еще не опалил землю.

Взгляд священника скользнул по небольшому круглому щиту. Он был около двух футов в поперечнике, гладкий и очень легкий. Тусклая серовато-коричневая поверхность почти не отражала света. Иеро случалось находить в земле куски пластика и вещи из пластмассы; как правило, попадались сломанные и бесполезные предметы, но иногда отыскивалось кое-что стоящее. У покойной матери Иеро была тарелка, украшенная забавным изображением: птица с плоским клювом щеголяла в штанах и шапке с ленточками*.

Но даже в легендарной древности мало кому доводилось видеть такой плотный и крепкий пластик. Он попал в озеро из руин давно забытой лаборатории и теперь нашел применение, о котором и подумать не могли его создатели. Солайтер даже снабдил свое изделие специальными пазами с тыльной стороны, в которые Иеро мог продеть кожаный ремень для рук. В центр щита моллюск вделал темный, искрящийся кристалл.

— *Это самое прочное вещество, с которым я знаком*,— заявил он человеку.— *Будь таким твой череп, вряд ли удалось бы проникнуть в мозг и вернуть ему прежнюю мощь!*

Иеро если и видел алмазы, то лишь ограненными, сверкающими в волосах женщин, на их пальцах или запястьях. И ему, конечно, никогда не попадался большой искусственный кристалл, предназначенный для сверл и буров. Тем не менее священник с благодарностью принял дар хозяина озера вместе с другим, еще более ценным — прозрением.

К сожалению, восстановить силы разума полностью не удалось. Когда Иеро пробудился после операции, он почувствовал, что гигант смущен и недоволен собой.

* Утенок Дональд в матросском костюме.— *Примеч. пер.*

Необычный лекарь прервал восторженные восклицания священника и сокрушенно заметил:

— Твой мозг очень сложен... Я не сумел понять назначение всех связей... разобраться с каждой и охватить их в целом. И не рискнул вмешиваться туда, где оставалось непонятное... К сожалению, сделано меньше, чем я обещал...

Иеро ничем не мог утешить огромного моллюска. Хорошо представляя, насколько сложной была операция, сам он остался доволен тем, что получил.

Прошлым вечером Солайтер погрузил его в глубокий сон. Огромные глаза моллюска обладали гипнотической силой, которой священник не мог и не хотел сопротивляться. Всю ночь, от заката до восхода солнца, прилежно трудился странный хирург, выращивая инструменты из собственного тела. Он работал час за часом, соединяя, сращивая, исправляя, залечивая; он не пользовался зрением — лишь памятью и тончайшим осязанием. Наконец, убедившись, что все возможное сделано, и не решаясь на большее, титан разбудил Иеро.

Уже через несколько минут человек с облегчением понял, что телепатические силы восстановились. Пелена спала; он снова ощущал чужое сознание, мог вступать с ним в контакт. Правда, это имело и свои отрицательные стороны. Когда Солайтер начал приманивать молодого оленя, который пасся неподалеку от берега, священник сразу почувствовал гипнотический зов огромного моллюска. Миг — и разум его слился с рассудком смертельно испуганного животного; теперь даже мысль о том, что это создание может погибнуть, ужасала Иеро. Ощутив его страх, Солайтер выпустил олененка из мысленных тисков и с некоторым недоумением заметил, что голоден и должен съесть хоть что-нибудь. Священник опустил голову и побрел прочь по береговому склону; перевалив косогор, он подождал с полчаса, стараясь не поворачиваться к озеру лицом. Он так и не узнал, какой зверь пал жертвой Солайтера,

но надеялся, что это тварь была достаточно крупной и не столь безобидной, чтобы приходилось сожалеть о ее гибели.

Он вернулся, когда моллюск уже покончил с завтраком. Впрочем, настроение гиганта не улучшилось; тот все еще корил себя за то, что не смог вернуть человеку искусство, обретенное в жестоких телепатических поединках,— умение захватить контроль над чужим разумом, подчинить его своей воле. Иеро вновь обладал ментальным видением и способностью к мысленной связи — столь же утонченными, как в прошлом, а возможно, и более сильными. Однако слуги Нечистого так основательно поработали над главным его оружием, что даже Солайтеру не удалось спаять осколки.

Затем наступило время вопросов и ответов; Иеро пришлось изрядно попотеть, удовлетворяя неистощимую любознательность гиганта. Казалось, тот задался целью вычерпать до дна метафизические познания священника, полученные в школе Аббатства. Зачем существует мир и почему он устроен так, а не иначе — вот что желал знать Солайтер, невероятное создание, одаренное разумом в результате странной мутации. Философская беседа с ним отняла у Иеро бездну энергии. Интересно, как оценили бы отцы Церкви его потуги объяснить чудовищной улитке цели Всемогущего? Впрочем, успокаивал он свою гордость, самый искушенный богослов поломал бы голову над такой задачей.

Тем не менее скоро дело пошло на лад. Огромный мозг, потративший пять тысяч лет на познание и размышления о сущности Вселенной, умел разматывать клубок загадок сразу с дюжины концов. Когда собеседники начали обсуждать природу Нечистого, или Другого Разума, как называл его Солайтер, они уже достигли полного взаимопонимания.

— *Я не часто ловлю Его послания*,— заметил моллюск.— *Или он не так древен, как я, или мне удалось услышать Его только недавно.*

Иеро потребовал объяснений. Названный Солайтером срок равнялся тысячелетию или около того; гиганту было трудно воспринять хронологические масштабы человеческой жизни.

— Похоже, Он постепенно изменяется, хотя это требует времени,— конечно, с точки зрения таких существ, как ты. Но как бы Он ни менялся, суть остается все той же.

Солайтер не мог растолковать смысл последнего замечания, но прочие особенности странной силы описал довольно подробно.

— Ощутив Его присутствие, я стараюсь не обнаружить себя; что-то в Нем внушает страх. Теперь, узнав, что такое Зло, я понял, чего боюсь. В Его мыслях злоба — черная злоба против всех и вся! И Он становится сильнее! Ты много рассказывал о своих врагах, слугах Нечистого... Он похож на них, я чувствую, но гораздо, гораздо могущественнее! Может быть, между ними существует связь... Кажется, я ощутил нечто подобное последний раз, незадолго перед тем, как ты пришел по моему зову. Это промелькнуло очень быстро, словно огненная стрела, рассекающая небо во время бури... Я сожалею, что не сумел возвратить твоему разуму силу, которая позволяет сражаться и убивать. Это искусство пригодилось бы.— В мысленном голосе моллюска звучало беспокойство.

Кое-какие стороны человеческих отношений вызвали у Солайтера изумление. Иеро выяснил, что гигант, подобно большинству улиток, был двуполым; он выработал одновременно и сперму, и яйцеклетки. Отсюда следовало, что моллюск мог иметь потомство — хотя бы для того, чтобы избавиться от одиночества. Человеку подобная мысль казалась естественной, и, несомненно, для Солайтера с его поразительной властью над живой плотью размножение не составило бы труда.

Однако эта мысль вызвала у моллюска нечто похожее на раздражение:

— Нет, так нельзя... Это было бы неправильно... неприлично!

Титанический повелитель холмов жеманился, словно невинная девушка! «Чем больше узнаешь жизнь, тем больше удивляешься»,— заключил про себя Иеро.

Последнее послание от Солайтера настигло священника уже далеко от озера, воды которого скрыли огромного моллюска.

— Прощай, Иеро, мой новый друг! Не сбейся с пути, что ведет к людям,— дорога запечатлена в твоем сознании. Я не могу сам достичь их, но знаю, где обитает твой род. Иногда я ощущаю их присутствие, хотя они не столь искусны в передаче мыслей, как ты... Будь осторожен!

И помни о Нем, о Другом Разуме! Он где-то далеко на юге, на огромном расстоянии от нас. Раньше я не понимал, что это такое. Но постиг многое... многому научился... и теперь знаю: это — чудовищный разум, огромный мозг, больше моего. И — Зло! Страшное Зло! Остерегайся!

Прощай, и пусть будет легким твой путь! А мне — мне надо поразмышлять обо всем, что узнал. Возможно, мы встретимся опять, и скорее, чем думаем в эту минуту... Я предвижу это!

Затем связь распалась. Иеро снова был один. Но разум его оставался бдительным и настороженным, оружие — готовым к бою. Так прошла неделя.

Отдохнув, он снова тронулся к северу. В такт размеренному бегу покачивалось на плече копье; щит, закрепленный поверх ножен с мечом, иногда хлопал по спине, у пояса колыхались кожаная фляга с водой и нож. Кроме оружия, Иеро нес сумку, в которой лежали огниво, магический кристалл и коробочка с Сорока Символами; там же — на крайний случай — был небольшой запас сушеного мяса и кореньев. Дичи хватало, и путник не испытывал голода. Короткие

кожаные штаны, сандалии и лента, стягивающая волосы,— вот и все, что на нем было.

Метс бежал вперед, широкая грудь мерно вздымалась и опадала соразмерно стремительным движениям. Миля за милей оставались позади, но тут в голове промелькнула мысль, что неплохо бы разведать местность. Иеро свернул в сторону — туда, где высились холмы,— и быстро поднялся по склону. Перед ним раскинулась бескрайняя саванна. То здесь, то там среди моря высокой травы зеленели густые рощи; желтоватые полосы растительности обрамляли рваные заплатки болот. Он догадывался, что где-то впереди неспешно струились тихие реки, пересекавшие эту местность из конца в конец. «Вероятно, ни одна из них не будет серьезным препятствием»,— решил метс, вытирая вспотевший лоб. Тень от нависавшей сзади вершины холма умеряла полуденный зной.

Животные казались здесь более упитанными, чем в восточных землях, по которым он путешествовал неделями раньше. Тут водились большие волки с рыжей шкурой и пятнистые кошки любых размеров, охотился саблезубый — огромный, стремительный, с темной полосой вдоль хребта; его громовой рев перекрывал рычание леопардов и визг камышовых котов. Крупные травоядные встречались на каждом шагу: могучие быки, тьма-тьмущая антилоп и оленей всех пород; на их описание ушла бы целая жизнь. Все новые и новые существа попадались Иеро, и в его мозгу, приученном запоминать и описывать, постепенно формировался гигантский каталог.

В саванне бродили стада чудовищных, покрытых панцирем животных; их бронированные спины высились над огромными головами словно бурые скалы. Они, однако, не имели отношения к древним ящерам — их жилы наполняла теплая кровь, а копыта состояли из трех рудиментарных пальцев. Иеро ловил их мысли — тупые, ленивые. Эти твари были лишь горами медлительной плоти, пожирающей траву и молодые ветви.

Человек не представлял для них угрозы, как, впрочем, и любое другое существо столь же ничтожных размеров. Однажды, из чистого озорства, он пробежался по спинам целого стада, то перепрыгивая с одного хребта на другой, то взбираясь по складкам и трещинам в панцирях. Травоядные монстры даже не заметили его.

Тысячи птиц носились над деревьями и травой, пели, щелкали, свистели. Многие целыми стаями сопровождали крупных животных; одни охотились на жалящих насекомых, другие, восседая на спинах жвачных, искали клещей и блох. Но не все пернатые были столь безвредными.

Первая встреча с птицей иного сорта едва не закончилась трагедией. Та, должно быть, некоторое время следила за человеком и, стремительно выскочив из высоких зарослей кустарника, захватила Иеро врасплох. Птица была вдвое выше его, с чудовищным крючковатым клювом, голову ее венчал плюмаж из пурпурных перьев. Растопырив крохотные бесполезные крылья, эта фурия неслась по степи со скоростью антилопы, топча траву голенастыми когтистыми ногами. Иеро парировал яростный удар клюва щитом, поспешно переброшенным со спины на руку, затем, петляя, словно заяц, бросился к ближайшей роще высоких раскидистых деревьев. Птица преследовала добычу по пятам с возмущенным криком.

К счастью, деревья были неподалеку и стволы их обвивали лианы, по которым метс вскарабкался наверх со скоростью, внушившей бы зависть его обезьяноподобным предкам. И вовремя! Огромный клюв врезался в ствол на расстоянии пальца от его сандалии.

Тяжело дыша, Иеро наблюдал за чудищем, беснующимся у подножия дерева. Лишь удача спасла путника от гибели, и он дал себе слово, что впредь будет осторожнее. Частота волн, излучаемых мозгом гигантской птицы, была иной, чем у млекопитающих, от нападения которых священник привык защищаться. И это едва не сделало его жертвой пернатой бестии. Иеро

решил впредь улавливать все волны — не только принадлежащие теплокровным животным, но и те, которые испускали птицы и рептилии. В мире, кишащем мутантами, чье происхождение трудно или невозможно установить, никакие предосторожности не лишни. Он слишком хорошо помнил этот смертный ужас — Бродящего в Тумане — и способ, которым болотный монстр поддерживал свое существование.

После долгого ожидания, во время которого Иеро терпеливо представлял себя веткой дерева, высохшей и несъедобной, птица удалилась. Когда ментальная проверка подтвердила, что голенастое чудище уже далеко, он спустился на землю и продолжил путь. Других происшествий в этот день не было, но странник старался держаться поближе к деревьям и высоким конусам термитников. Это тактика тоже страдала изъянами: на границе леса таились свои опасности. Разум Иеро, однако, стоял на страже, позволяя вовремя обнаруживать и обходить гиблые места. Еще до того, как ночная тьма наводнила степь сонмом хищников, он устроился на раскидистых ветвях лесного гиганта, тщательно замаскировав свое убежище. Священник заснул, убежденный, что, не вернись к нему ментальные способности, он сумел бы пересечь эти земли лишь в сопровождении целой армии.

Проходили дни, солнечные и ясные, с изредка налетавшими грозами. Мысли Иеро все чаще и чаще уносились к северу. Там, как полагал Солайтер, обитали человеческие существа неведомого рода и племени, непохожие на метсов; это было все, что гигант мог о них сказать. Теперь каждый вечер, сотворив молитву, Иеро сосредоточивался на северном направлении в поисках контакта. Он действовал очень осторожно. Пока еще путник не знал, кого — или что — ищет, но отнюдь не жаждал внезапно столкнуться с Нечистым.

Не раз Иеро подумывал о том, чтобы использовать кристалл и окинуть лежащий впереди путь глазами

какого-нибудь существа. Всматриваясь в магические глубины, он мог проникнуть в мозг птицы, парящей в голубых небесах в многих милях отсюда, и использовать ее как воздушного разведчика. Но в этих землях, населенных странными тварями, метс не хотел рисковать. Дальновидение не поддавалось сознательному контролю, и кто знает, с чьим мозгом он мог случайно вступить в контакт? Один раз на севере, незадолго до встречи с Лучар, волшебный камень подключил его к сознанию слуги Нечистого, парившего в небе на крылатой машине. Иеро вполне хватило этого; больше он рисковать не собирался.

Оставались еще Сорок Символов — деревянные фигурки размером с сустав мизинца. Хотя Иеро не использовал их много месяцев, считая, что лишился дара предвидения, они не раз помогали ему в прошлом. Законы, которым подчинялись крохотные знаки, оставались непонятными самым ученым служителям Господа; их происхождение терялось в глубине тысячелетий. Лишь немногие обладали редкой способностью к предсказанию будущего и могли с уверенностью использовать символы. Дар Иеро был более чем скромным, однако попытка провертеть дырочку в завесе, скрывающей завтрашний день, явно не сулила никакого вреда.

Однажды вечером, спустя неделю после того, как он покинул южные холмы, священник сложил маленькие деревянные фигурки в кучку на куске коры, лежащем на коленях. Перед тем он прочно привязал себя лианой к могучей ветви дерева-великана, чтобы не упасть вниз во время транса.

Иеро не прикасался к священническому облачению уже несколько месяцев; впрочем, это был внешний, несущественный элемент обряда. Метс сотворил молитву, прося у Всевышнего руководства и помощи в прозрении будущего, затем, под воздействием самогипноза, погрузился в каталепсию, став безразличным и нечувствительным к внешнему миру. Однако

и сейчас ментальный щит ограждал его разум от посягательств врага; никто не сумел бы пробиться сквозь мощные барьеры к мозгу и захватить над ним власть. Прежде чем погрузиться в транс, метс положил ладонь левой руки на кучку резных символов.

Когда он очнулся, продрогший, оцепеневший до судорог, было совсем темно. Лунный свет расплескался по саванне; ночь ярилась и рыдала отзвуками погони и бегства — рыком охотников и предсмертным визгом жертв.

В левой руке Иеро были зажаты три крохотные фигурки. Освободившись от лианы, что предохраняла его от падения, и отложив в сторону остальные символы, он пополз к концу ветви, чтобы в свете полной луны разглядеть выпавшее знамение. Только там священник разжал пальцы и всмотрелся в три символа, вырезанных из черного дерева.

Копье было ему хорошо знакомо. Оно означало сражение или охоту, а иногда и то и другое. Это не обещало ничего нового. Следующий символ — крохотные стилизованные Башмаки, предсказывающие долгое, очень долгое путешествие,— тоже выпадал часто и не вызвал у Иеро большого удивления. Последняя фигурка, напротив, заставила его призадуматься. Лист, а на нем — Меч! Однако, получше приглядевшись, священник понял, что клинок на самом деле прокалывал лист — входил в него и выходил опять, подобно скрепляющей плащ застежке.

Странник опустил руку с зажатыми в ней фигурками и долгое время сидел неподвижно, пытаясь припомнить смысл последнего значка. Каждый из символов обладал несколькими значениями, а в сочетании с остальными приобретал еще десяток — он никогда не мог запомнить всю эту премудрость. Тут требовались особые способности. Один из его приятелей по школе ухитрился вызубрить не меньше дюжины толкований каждого знака и делал с их помощью весьма достоверные предсказания.

Война и мир! Вот что это значило! Но символы соединены. Значит, остается возможность выбора. Итак, мир или война, путешествие и битва или, возможно, опасная охота. Он негромко рассмеялся. Что же еще наполняло его жизнь? Как минимум, знаки предсказывали, что все пойдет как обычно. Возможно, в некотором туманном будущем он очнется от транса и узрит на ладони символы, сулящие только мир и спокойствие. Какая прекрасная мечта! Он снова рассмеялся и начал готовиться ко сну, все еще ухмыляясь шутке, которую преподнесло это гадание. Рев и гам, наполнявшие ночную саванну, не беспокоили его; устремившись мыслями в завтрашний день, он расположился поудобнее на ветке и заснул со счастливой улыбкой на губах.

В подземелье, озаренном светом ламп, где-то в Саске, столице Республики Метс, два старика сидели на дубовых скамьях, обмениваясь встревоженными взглядами. Оба сжимали в узловатых пальцах кружки с шапками пены, оба были бородаты и облачены в некое подобие балахонов; на этом сходство кончалось.

Лицо аббата Демеро с возрастом приобрело цвет старой бронзы; седая борода не доставала до груди, под орлиным носом прямыми стрелками топорщились усы. С угловатых, худых плеч свисала белоснежная ряса, на груди тускло отсвечивал кованый крест из серебра, который поддерживала массивная серебряная цепь. На безымянном пальце левой руки аббат носил широкое золотое кольцо; в темных глазах над высокими скулами читались ум и властность.

Борода брата Альдо была длиннее; завиваясь кольцами, она спадала на простое коричневое одеяние. Он не носил ни украшений, ни каких-либо знаков своего сана. Нос его, хотя и не столь широкий и плоский, как у далеких африканских предков, имел мягкие плавные очертания; кожа была гораздо темнее, чем у

собеседника,— почти такого же цвета, как мореная дубовая столешница, на которой лежали руки эливенера. Взгляд старца был полон терпеливой мудрости, впрочем не чуждой юмора.

Время и заботы избороздили морщинами лбы обоих стариков, но силы их не иссякли, а движения, не отличаясь юношеской живостью, оставались еще уверенными и четкими.

С чуть заметной улыбкой, таившейся в уголках рта, его преподобие отец Демеро произнес:

— Пью за здоровье вашего величества! Добро пожаловать на Север, дорогой гость! Хотелось бы мне, чтобы наша встреча была хоть немного торжественней... сказать по правде, я уже устал от этой проклятой секретности.

— Демеро, старый глупец! Я проклинаю день, когда поведал тебе о прошлом! Д'Алва потеряло своего короля много поколений назад... и люди давно забыли об этом сумасшедшем. Сколько раз я должен напоминать об этом святейшему аббату?

— Хорошо, пусть будет брат Альдо, раз ты так желаешь. Вероятно, республикам начинают нравиться короли, когда они изгоняют собственных владык. У нас тут тоже, знаешь ли, был король... давно, еще до Смерти. Я не помню ни имени, ни даже того, жил ли он здесь. Мне кажется, что его резиденция находилась где-то далеко, за океаном, а наши края он посещал довольно редко. Можно было бы навести справки в архивах Аббатства...

Старик в коричневой хламиде усмехнулся.

— Таковы повадки королей... и королев тоже, мой друг.— Лицо его внезапно стало серьезным.— Впрочем, нам надо сейчас потолковать о принце, а не о короле, Демеро. И многое решить. Время не ждет. Ты знаешь, что завтра мне пора трогаться в дорогу... Так что давай говорить о деле.— Он выпрямился на дубовой скамье и заглянул в темные зрачки собеседника.— Я получил плохие новости с юга... вряд ли они тебя обрадуют.

Кулас Демеро, старший священник Аббатства Республики Метс, иерарх и Первый Гонфалоньер Универсальной Церкви, глава республиканского Совета, проницательно посмотрел на друга:

— Неприятности с Иеро, да? Всю последнюю неделю мне было как-то не по себе... Он так далеко... один, в чужой стране... Ну, так что же за новости? Не тяни, прошу тебя!

— Он исчез. Может быть, похищен... может, хуже... в чем я, правда, сомневаюсь.— Брат Альдо, носивший от рождения совсем иное имя и титул, не потерял чувства юмора.— Совет Братства прислал мне сообщение только сегодня утром — путь с юга не близок. Я понял, что там был мятеж... и его возглавил герцог, этот молодой шалопай, который метит на трон! Похоже на истории, которые случались в Д'Алва в прошлом. Но теперь все выглядит хуже, гораздо хуже... вмешался Нечистый. Даниэль серьезно ранен, но пока что жив; Лучар едва не убили, а ее муж просто исчез с лика Земли!

— Если бы парень умер, она бы знала,— без промедления заметил аббат.

— Да-а-а... — медленно протянул брат Альдо.— Она очень чувствительная... по крайней мере, к тому, что касается его. И в этом — наша главная надежда. Молю Бога, чтобы она оказалась права. Иеро и мне дорог.— Старый эливенер задумчиво погладил бороду.— Но нам надо подумать о других вещах. Я верю в Лучар. Она удержит страну в своих руках, если только сие в человеческих силах. Даниэль ей поможет; пока что преимущество на его стороне, и он не настолько глуп, чтобы замять скандал. Но Братство предупреждает: Нечистый не собирается терять времени... Они действуют быстро! И ударят по вашей Республике! Мы, Братство Одиннадцатой Заповеди, считаем, что вам нужна помощь... — Замолчав, брат Альдо бросил взгляд на плоский деревянный ящичек в углу комнаты; в нем безостановочно раскачивался полированный маятник с

закрепленными на концах маленькими дисками.— Ты уверен, что здесь мы можем свободно говорить и думать?

Демеро, проследив за его взглядом, кивнул.

— Этот глушитель никогда не подводил нас, и я ему вполне доверяю. Ментальные волны Нечистого сюда не проникнут, будь уверен.— Он отхлебнул из кружки.— Ну, что касается компьютера, тут наметился определенный прогресс. Вначале, когда мы изучили принесенные тобой книги, выяснилось, что невозможно создать те крохотные устройства — они называются чипами,— из в которых в старину собирали такие машины... — По лицу аббата скользнула улыбка.— Затем один из наших молодых ученых догадался, что множество непонятных предметов, собранных в погибших городах и доставленных в хранилища Аббатств, являются деталями компьютера, описанного в книгах. Я полагаю, что перед Смертью их были миллионы... Но при всем том нужно время, чтобы разобраться... Мы должны шаг за шагом повторить путь древних, научиться думать так, как думали они. И когда мы соберем этот компьютер, понадобится еще кое-что, называемое программированием. Ученые говорят, что и это можно освоить... было бы время. Старая история!

Отец Демеро поднял глаза на собеседника.

— Сколько лет прошло с тех пор, Альдо, как мы впервые встретились в молодые годы... а точнее, в юности... да, встретились и решили, что наша Церковь и Братство должны быть союзниками... Уже тогда мы понимали, что время работает против нас. Ничего не изменилось! Только теперь ты возглавляешь Братство, а я... ну, мой пост тебе известен. И все эти годы они обгоняли нас... — Он тяжело вздохнул, уставившись в кружку.— Что ж, несмотря ни на что, мы должны быть готовы... готовы в любой момент! — Демеро снова посмотрел на темное спокойное лицо старого эливенера.— Расскажи-ка мне о том существе, которое ты

называешь Гормом. От него может быть какая-то польза?

— И очень немалая, надеюсь,— последовал уверенный ответ.— Но он возвратился к своим... так сказать, для отчета.— Альдо усмехнулся.— Я думаю, у них есть правители, у этого медвежьего народа. Мы знали об их племени, хотя они старались избегать людей.— В глазах старика опять мелькнули искорки смеха.— Не трудись, старина, я уже прочитал следующий вопрос... Да, они обладают интеллектом, как и мы, но несколько иного характера. Впрочем, разница между нами не уменьшает их желания помочь. Но это тоже требует времени.

— Проваландаться год-другой с медведями! — раздраженно воскликнул Демеро.— Только этого нам не хватало! И я пока что не получил ответа даже от Народа Плотины, если уж говорить о странных чужаках! Но эти никогда не пошевелятся — погрязли в бесконечных обсуждениях. В сравнении с ними медведи могли бы действовать побыстрее.

— Не хотелось бы напоминать о твоих проблемах,— сказал брат Альдо,— но эти двое... Целых два человека — уф-ф! — Он вздрогнул и пожал плечами.

— Собираешься пощадить мои чувства? Не стоит,— отрезал Демеро.— Два предателя! Ну, теперь у нас достаточно доказательств, чтоб повесить их — через неделю или около того. А пока... пока они чихнуть не могут без моего ведома.

— Повесить... Не лучше ли им просто исчезнуть бесследно из столицы?

— Нет, не лучше... миролюбивый эливенер! Здесь тебе не варварское королевство в южных болотах! Закон есть закон, и хватит об этом!

— Плохо. Слишком напоминает старые дни... Публичная казнь... Несомненно, признак передовой эпохи... Ну ладно! Так сколько легионов Стражей Границы ты можешь выставить? И готовы ли те новые суда, о которых ты говорил? Наконец, главное — что

слышно из Отвы? У них, кажется, тоже хватает предателей...

Совещание продолжалось до глубокой ночи — или раннего утра? — когда оба старика вознесли Создателю свои молитвы. Иеро был бы рад узнать, что упоминался в обоих.

Но принцу-священнику в этот час было не до воспоминаний. Он сидел на вершине самого высокого дерева, какое только смог найти, изучая окрестности и пытаясь разобраться в том, что открывалось мысленному взору. Представшая перед ним картина в некоторых отношениях была странной, и метс хотел тщательно исследовать ее, прежде чем двигаться дальше.

Как обычно, его разум осторожно прощупал пространство. На этот раз ему быстро удалось обнаружить присутствие людей; безошибочно улавливалась аура пробуждающегося человека — и не одного. Иеро ощущал, что где-то поблизости женщины с детьми и множество домашних животных — видимо, одна из пород быков кау, знакомых ему по Д'Алва. Должно быть, впереди деревня или что-то вроде стойбища. Иеро решил продолжить мысленную разведку, надеясь извлечь что-нибудь интересное из мыслей обитателей поселения.

Он выбрал наугад человека, который, казалось, находился к нему ближе остальных. Усевшись поудобнее, метс осторожно внедрился в сознание подопечного, стараясь не встревожить его. Парень оказался туповатым. К тому же его переполнял страх — такой сильный, что для мыслей места в голове почти не оставалось. Иеро, заинтригованный, попытался обнаружить причину ужаса, который настолько глубоко укоренился, что вытеснил все чувства.

Вначале священник думал, что страх вызван ночной тьмой. В этих диких землях ночь — время охоты чудовищ — могла породить непреходящий ужас. Одна-

ко, обшарив бесхитростные извилины объекта исследования, метс нашел, что все гораздо сложнее. Человек знал о хищниках и об опасности, которую они представляли. Однако для него звери являлись естественной угрозой, такой же как молнии, наводнение или степной пожар — неприятные вещи, но от них можно спрятаться или убежать. Нет, он боялся другого — призраков!

Обыскивая память простака, Иеро попытался что-нибудь выяснить о фантомах, но тщетно. Страх коренился глубоко в сознании, в нервной системе, туманный и расплывчатый, не облеченный в конкретные образы. На первый взгляд парень просто боялся ночной тьмы; тем, кто доживал до рассвета, ничего не грозило. Надо только дождаться дня — свет сулил безопасность.

Мысли эти лежали на поверхности; Иеро копнул глубже. Тут свил гнездо целый клубок страхов, разобраться в которых было непросто. И действительная причина ужаса заключалась в том, что человек знал очень мало о таинственных созданиях, наполнявших кошмарами его ночи. Он сам никогда не видел призраков, и ни один из обитателей деревни — тоже. Привидения приходили во тьме. Ни стены, ни запертые двери не могли остановить их. Серые тени брали то, что хотели. Все, кто пытался сопротивляться, исчезали. Они бродили ночью в саванне, эти фантомы-скитальцы, иногда появляясь в окрестностях деревни. Жрец местной общины, знавший о них много больше, утверждал, что это не такие уж плохие соседи. Они, эти призраки, могли отогнать прочь опасных животных, если попросить надлежащим образом. Свои мольбы люди подкрепляли жертвой быков и коров, когда призраки того желали. Тут Иеро заметил горечь, сквозившую в воспоминаниях человека: недавно ему пришлось пожертвовать одного из своих кау. И это делало призраков еще более страшными и мерзкими!

Недоумевающий и обеспокоенный, Иеро покинул чужой разум. Толпа суеверных пастухов была для него плохой подмогой. Однако розыски открыли ему другое, гораздо более важное: граница джунглей, этих невероятных южных дебрей, лежала в двух днях пути к северу. Метс не представлял, насколько далеко ушел на запад от Д'Алва за последние недели, но севернее пояса джунглей, несомненно, должно лежать Внутреннее море. Парень, в чьем сознании он покопался, ничего не знал о море да и обо всем прочем, что лежало дальше линии горизонта. Очевидно, бродячие торговцы редко наведывались в эти края. Однако о ночных призраках знали и они. Иеро насмешливо улыбнулся, погружаясь в сон.

На этот раз он спал беспокойно и пробудился оттого, что затекло тело. Ему привиделась бесконечная погоня, в которой он был не то охотником, не то добычей — дикий, неотвязный кошмар. «Скорее охотником»,— решил Иеро, с наслаждением потягиваясь; наверно, вчерашнее гадание и маленькое Копье дали о себе знать. Он спустился вниз и сделал несколько упражнений, чтобы размять руки и ноги, а затем отправился поискать чего-нибудь на завтрак, прося Всевышнего очистить его от греха убийства, творимого ради пропитания.

В полдень он уже разглядывал деревню, обнаруженную во время телепатического сеанса прошлой ночью. Он мог охватить взглядом как минимум три мили; саванна раскинулась перед ним, упираясь в рощу высоких деревьев — форпост джунглей. Затем теплый туман затянул даль, но он уже успел рассмотреть поселение, до которого было не больше полумили.

Деревню окружала изгородь, высокая, мощная; толстые бревна были вкопаны в землю, их концы — заострены. Даже для крупных зверей с острыми бивнями или рогами эта стена была серьезным препятствием. Внутри перед круглыми хижинами пылал огонь в очагах, посылая к небесам клубы дыма. У

стены, за жилищами, виднелись загоны для кау, и несколько маленьких стад бродило неподалеку в степи; Иеро мог различить рядом крохотные фигурки пастухов. Посреди деревни желтела вытоптанная площадка, на которой росло огромное дерево. За дальним концом поселения по равнине лениво извивалась речка; видимо, она снабжала жителей водой круглый год, кроме периодов катастрофических засух, довольно редких в этих влажных землях. Последнее такое бедствие случилось в Д'Алва сотню лет назад.

Картина была настолько идиллической, что Иеро как человек миролюбивый не хотел спугнуть безмятежный покой. Однако ему надоело брести наугад, а местный священнослужитель, о котором он узнал прошлой ночью, мог дать весьма ценные сведения. Метс раскинул мысленные сети и с разочарованием выяснил, что жрец отправился по делам в другую, весьма отдаленную деревню.

Иеро подождал немного и наконец решил рискнуть. Вокруг поселения между пастбищ он разглядел отлично ухоженные поля, а ноздри давно щекотал запах свежеиспеченного хлеба. Чего бы он не отдал сейчас за душистую краюшку и щепотку соли! Этих простых людей с их неизбывным ужасом перед темнотой вряд ли напугает одинокий странник, появившийся при свете дня. Они могут легко удостовериться, что к ним приближается не призрак!

К счастью, предположения Иеро оправдались. Еще до того, как он приблизился к деревне, в воротах, врезанных в бревенчатую стену, начал скапливаться народ. Теперь с близкого расстояния путник рассмотрел небольшую площадку в ветвях дерева, что росло на площади, и понял, что степные жители не так беспечны и беззащитны, как он предполагал. Дозорный заметил чужака, и теперь большая группа мужчин, покинув селение, направлялась ему навстречу.

Когда люди подошли ближе, Иеро положил копье у ног и поднял вверх пустые руки. Старейший из мужчин повторил миролюбивый жест. Одновременно священник

заглянул в мысли вышедших ему навстречу, желая оценить искренность их гостеприимства. Он обнаружил удивление и любопытство, но никаких следов злого умысла или страха. Да. эти люди не боялись одинокого странника.

Степняки были невысокими и коренастыми; тела их, не отличавшиеся особым изяществом, казались крепко сколоченными; все они выглядели здоровыми и бодрыми. Их бедра обтягивали простые кожаные кильты; сандалии и наплечные ремни довершали наряд. Вооружение состояло из ножей и шестифутовых копий, рассчитанных скорее на борьбу со зверями, чем с людьми; ни мечей, ни щитов Иеро не заметил. Наконечники пик были высечены из кремня, но зоркий глаз путника уловил, что на двух или трех посверкивает металл. Встречающие опустили оружие и с любопытством уставились на пришельца, явно ожидая, что он сделает.

Иеро выбрал старшего из мужчин, густобородого, с властным лицом, и обратился к нему на батви — языке торговцев, равно понятном как жителям великих хвойных лесов севера, так и обитателям южных болот. Человек что-то пробормотал в ответ на своем наречии. Иеро, однако, заметил удивление в его глазах и, коснувшись сознания старейшины, понял, что тот уже встречался с говорящими на батви раньше. Прислушиваясь к его речи, священник выделил несколько полузнакомых слов. Год назад, на палубе «Морской Девы», экипаж которой составляли выходцы всех уголков обитаемого мира, он слышал похожий язык. Потом, за время путешествия по лесным дебрям, ему довелось узнать этот диалект несколько лучше. Теперь метс попытался заговорить, напрягая память, подыскивая слова или уточняя их смысл в соответствии с мыслями окружавших людей. Через несколько минут его уже начали понимать.

Эти чрезвычайно дружелюбные люди горели желанием предоставить путнику все сведения, которыми обладали. Но их гостеприимство не ограничивалось

словами. У них был хлеб — настоящий хлеб! — и странник мог взять с собой столько, сколько сумеет унести. Однако он должен торопиться! Полдень уже прошел, и времени осталось не так много.

— Почему же? — удивился Иеро.— До заката далеко. К тому же я хотел бы отдохнуть и провести ночь в вашей деревне. Я не доставлю больших хлопот.

Старейшина, чье имя звучало как Грилпарзер — с долгим раскатистым «р» в середине слова,— пришел в замешательство; затем лицо его стало печальным и наконец задумчивым.

— Этого-то я и боялся,— произнес он.— Ты похож на других, на тех, что приходили в пору моего детства. Приходили издалека и хотели заночевать в деревне... — Он тяжело вздохнул.— Ты не можешь остаться у нас. Я очень сожалею, но это не дозволяется. Только те, кто рожден здесь, могут искать приют и защиту внутри стен. Я пошлю мальчишек, чтобы они принесли тебе хлеба, а затем, Иеро, уходи... ради спасения жизни. Надеюсь, ты хороший бегун.— Несколько мужчин, стоявших неподалеку, склонили головы в молчаливом согласии.

— Но почему?! — воскликнул священник.— Почему нельзя остаться в селении? Разве я представляю опасность? Поверьте, я не ем младенцев и не пью кровь кау.— Метс хотел добавить, что моется гораздо чаще, чем большинство новых знакомцев, но лезть на рожон было ни к чему.

— Нет, нет,— ответил Грилпарзер.— Конечно, ты не можешь навредить нам, мы в этом уверены. Но уходи. Таков закон. И если тебя найдут в степи, когда стемнеет... — Он вздрогнул, и Иеро ощутил панический страх, затопивший сознание собеседника.

— Я умею ловко взбираться на деревья,— сказал он и вытянул копье в сторону мирно щипавших траву быков.— Ни один зверь из тех, что охотятся на ваши стада, не сумеет до меня добраться. Если ваш обычай запрещает страннику входить в деревню, нельзя ли заночевать на дереве, на опушке одной из этих рощ?

Тогда утром я приду к воротам, чтобы поговорить с вашим жрецом.

Мужчины, стоящие вблизи, отпрянули при этих словах; видимо, они старались избегать подобных тем. Но Грилпарзер, похоже, был скроен из более крепкого материала. Он выглядел несчастным, но собирался до конца выполнить долг гостеприимства перед этим странником, чьи речи были столь гладкими и благожелательными. Коснувшись ладонью плеча Иеро, он сказал:

— Когда я был совсем еще молодым парнишкой, приходили другие люди. Непохожие на тебя, но слова их были такими же, какие ты произнес вначале. За шерсть и шкуры они давали металл и невиданную в наших краях одежду. Мы предупреждали их... просили уйти... — Иеро почувствовал, как ужас снова охватывает Грилпарзера; на висках его выступил пот — настоящий пот, порожденный сверхъестественным страхом.— Они были хорошо вооружены и только посмеялись над нами. Чужаки встали лагерем у ворот и разожгли множество костров. Они выставили охрану, и мы затворили ворота... — Он снова остановился.— Утром они исчезли. Все исчезли. Два десятка сильных мужчин, вместе с их вьючными животными... И мы знали, что так и будет. Большинство их добра тоже пропало. Мы вышли за ворота и забросали землей угли их костров... — Он положил руку на бронзовую рукоять кинжала, торчавшего за поясом.— Я получил вот это, когда мы делили остатки их товаров.

Иеро в задумчивости молчал. Какие бы соображения ни руководили этими людьми, их искренность не вызывала сомнений — он легко распознал бы обман. Призраки! Но странная история, поведанная ему, должна опираться на некие реальные факты. И что бы ни случилось с теми бедными торговцами много лет назад, это событие, безусловно, вызвали естественные причины.

— Ладно,— сказал он наконец.— Я вижу, тебя пугает темнота и то, что приходит в ночные часы... —

Шальная мысль мелькнула в голове Иеро, и метс добавил, сам еще не понимая зачем: — Я не боюсь тех, кто мчится ночами по степи.

Стоявший перед ним человек отшатнулся, словно получил оплеуху. Резко повернувшись на пятке, он бросился к воротам, что-то громко крича на бегу. Иеро разобрал, что Грилпарзер, призывая неведомых богов, снимает с себя ответственность за судьбу и жизнь чужестранца. Остальные припустили за старейшиной с такой скоростью, словно Иеро вдруг превратился в демона, готового пожрать их на месте.

Ворота, до которых было сотни две ярдов, захлопнулись, как только впустили бегущих; до Иеро долетел глухой стук створок. Он медленно двинулся вперед, потом приостановился, чтобы взять из рук запыхавшегося парнишки обещанный хлеб — два каравая, еще теплых, с хрустящей корочкой.

Он огляделся. Пастухи исчезли вместе со стадами; послеполуденное солнце, склонившись к западу, заливало степь теплыми лучами. Взгляд Иеро скользнул по остроконечным кольям палисада. Ни на стене, ни на сторожевой площадке в ветвях огромного дерева никого не было. Где-то вдалеке промчалась антилопа, вздымая облачко пыли; кроме нее да нескольких стервятников — крошечных черных точек в небесной вышине — все оставалось неподвижным.

Метс послал свою мысль в сторону деревни. Мрачная туча аморфного страха клубилась над ней, такая плотная, что он едва ощущал ауру отдельных людей. Сила этого чувства повергла Иеро в изумление. Сколько же поколений ужас давил степняков, если превратился в органический, наследственный инстинкт?

Отломив хрустящую горбушку, священник положил копье на плечо и неторопливо направился к ближайшей роще в полумиле к востоку. «Будь я проклят, если побегу»,— подумал он.

ГЛАВА 7

Охотники и их жертва

Иеро устроился на развилке огромной ветви, возносившейся над землей на добрых полсотни футов. Где-то во тьме раскатился рев саблезубого и замер, словно отзвук удалявшейся грозы. Этой ночью небо покрывали облака, сквозь которые едва пробивался лунный свет. Разглядывая со своего насеста деревню, Иеро видел только неясные контуры хижин, темных и безмолвных, без проблеска огней. С тех пор, как он занял свой пост, из селения не донеслось ни звука; лишь изредка где-то в загоне глухо мычали кау.

Тело священника-воина казалось расслабленным, лицо — спокойным, но он был готов и к сражению, и к бегству. Копье зажато в правой руке, на предплечье левой — щит, рукоять меча трется о шею. Если понадобится он метнет копье, а потом мгновенно выхватит из-за спины короткий клинок. Вряд ли метс мог выбрать лучшую позицию для защиты; теперь оставалось только ждать и наблюдать.

Ему удалось найти подходящее дерево и забраться наверх еще засветло, незадолго до того, как на западе угас последний солнечный луч. Он поел, и после долгих недель мясной диеты вкус грубого хлеба показался чудесным. С приходом темноты Иеро начал осторожные попытки зондирования, посылая широким веером ментальный сигнал. Его ожидал сюрприз: буквально через несколько минут он коснулся чужого сознания!

Едва обнаружив неощутимое, как дыхание ребенка, прикосновение, странный разум закрылся — отпрянул и свернулся в тугой клубок, словно испуганная змея. Еще не успев вступить в контакт, Иеро обратил его в паническое бегство. Метс понял, что обнаруженное им существо ничего не подозревает ни о попытке связи,

ни о том, что его ищут. Испуг был инстинктивным. Рефлекс сработал автоматически, с той же скоростью, что и «защита» священника. Кому бы ни принадлежал загадочный мозг, в него было встроено нечто похожее на предохранитель, блокирующий любую попытку контакта. Над этим стоило подумать. Сам Иеро выработал подобный механизм долгими тренировками и закрепил в смертельных поединках со слугами Нечистого. Но существо, с которым он попытался связаться, не нуждалось в обучении: его мозг обладал врожденной защитой.

В ночной тишине, овеваемый прохладным ветерком, который чуть слышно шелестел в густой кроне, метс попробовал опять нащупать чужой разум. Его подстерегала еще одна неожиданность. Мышцы священника напряглись, дыхание участилось; тут была целая группа подобных существ — вероятно, не меньше полудюжины!

Снова пришли в действие предохранители; мысль Иеро натолкнулось на ментальные барьеры — столь прочные, что священник не мог пробиться сквозь них. В то же время он заметил, что одно из созданий как будто ощутило его мимолетное присутствие. Он поймал слабую тень удивления, прежде чем она исчезла. Существо не знало, кто коснулся его разума, но ментальный сигнал был им воспринят. Иеро решил посидеть спокойно, замереть, ничем не выдавая своего присутствия. Возможно, удастся что-нибудь разузнать, оставаясь пассивным. Мозг его был открыт для приема сигналов. Вдруг существа, столь ловко ускользающие от контакта, попробуют найти его сами?

Долгое время не удавалось уловить ничего. Затем что-то случилось — что-то находившееся на грани восприятия и не имевшее отношения к Иеро. Не мысль, но слух принес первый сигнал. Далеко в саванне, к северу от темных стен и домов объятой безмолвием деревни, раздался едва слышный крик перепуганного зверя. Иеро уже давно удивлялся тому, что вблизи поселения не рыскали ночные хищники; по пути сюда

он чувствовал их присутствие постоянно. Жизнь переполняла саванну, но сейчас разум замершего странника тщетно обшаривал окрестности. Никого. Ни больших хищников, ни копытных, на которых они охотятся; только змеи, ящерицы, мелкие грызуны, ласки да несколько лисиц. Долетевший же из тьмы вопль принадлежал крупному зверю, смертельно перепуганной жертве, существу, на которое охотились. Иеро ощущал это сознанием, слышал своими ушами. Он сосредоточился. Из степи донесся слабый, еле слышный топот копыт, затем мозг священника уловил волны ужаса. Да, это было большое травоядное; зверь мчался изо всех сил; и он будет мчаться, пока не остановится сердце, не прервется дыхание. Иеро чувствовал его приближение. Животное двигалось быстро.

Луна пробилась сквозь пелену облаков, и метс наконец увидел призрачную охоту — черные тени, выгравированные на серой поверхности равнины. Вначале показалась большая антилопа с изогнутыми лирой рогами; она неслась, делая отчаянные скачки. За ней появились охотники, и священник, изумленный, на миг зажмурил глаза.

Они были двуногими и двигались с невообразимой, нечеловеческой быстротой — любой из них легко оставил бы позади самого быстрого му'амана. Иеро хорошо представлял, с какой скоростью мчится перепуганная антилопа, но эти существа бежали еще стремительнее.

Напрягая глаза, он рассмотрел, что преследователей было около полудюжины; они выглядели тонкими и высокими. Иеро решил пока не касаться их разумов: кто знает, что представляют собой эти создания? Погоня быстро приближалась к рощице, на опушке которой росло дерево, послужившее убежищем метсу. Если это обладатели скользких, как мокрое мыло, мозгов — в чем священник не сомневался,— сейчас не время привлекать их внимание. Через десять секунд стало ясно, что столкновения не избежать. Преследуемая антилопа повела себя странно: любое копытное

животное мчалось бы в спасительные просторы саванны, а этот зверь бежал прямиком к роще; кажется, у него тоже не было выбора. Его гнали именно сюда.

Метс, словно окаменев, наблюдал исход погони. Антилопа прижалась к стволу, прямо под ветвью, на которой он сидел; бока животного тяжело ходили. Сейчас, метнув копье, Иеро мог бы пронзить низко склоненную шею сразу за угрожающе выставленными вперед рогами.

Конец наступил быстро. Один из охотников молнией метнулся к зверю; человеческий глаз не успевал уловить движения. Темная фигура проскочила мимо смертоносных рогов на расстоянии, не превышавшем толщины клинка. Видимо, это был отвлекающий маневр: второе существо с той же стремительностью скользнуло к антилопе, на миг слившись с ее телом. Что-то сверкнуло в лунном свете, и убийца отпрянул в сторону. Антилопа мотнула головой, пытаясь удержаться на ногах; темная струя крови хлестала из рассеченного горла. С предсмертным хрипом животное повалилось на землю, его бока дрогнули раз, другой, потом темнеющая под деревом масса замерла в каменной неподвижности. Иеро подумал, что никогда еще не наблюдал такого быстрого убийства. Он отвел взгляд от тела животного, пытаясь разглядеть охотников, но в сумрачной полутьме перед ним лежала только притихшая саванна; двуногие существа исчезли.

Поразительно! Секундой раньше шесть гибких высоких теней замерли полукругом около издыхающего зверя; в следующий миг степь опустела. Если бы не труп антилопы, темневший под деревом, Иеро бы решил, что вся сцена привиделась ему во сне.

Он терпеливо ждал. Едва ли простая случайность привела странную погоню к его укрытию. Нет, что-то еще должно произойти, и лучше быть готовым ко всему.

То, что случилось потом, не имело отношения к ментальным силам — просто налетел шквал ужаса.

Страх не был оформлен в конкретную мысль, не поддавался объяснению. Скорее, он напоминал тот гнет, ту томительную тревогу, которую человек испытывает, когда барометр начинает падать и тяжелая духота, повисшая в воздухе, предвещает наступление бури.

Нечто страшное приближалось, подкрадывалось к Иеро, а он, беспомощный и бессильный, не мог защититься. Во мраке под деревьями и кустами вспыхнули оранжевые и желтые огоньки хищных глаз; они горели яростным пламенем, пожирая застывшую на ветви жертву. Ночной ветерок принес странный запах; неприятный, зловещий, но смутно знакомый, он внушал ужас. Пальцы священника судорожно стиснули древко копья, словно якорь спасения.

Этот инстинктивный жест укрепил его душу; голова стала ясной, и Иеро вдруг понял, что едва не покорился злым чарам, с которыми не сталкивался раньше. Он, охотник, сам едва не стал добычей. Нет, хуже, много хуже — беспомощной жертвой! Эта мысль одновременно разгневала и приободрила его; избавившись от наваждения, метс попытался осмыслить странный способ нападения.

Никто не пытался овладеть его разумом. Такое нападение он распознал бы без труда и легко смог защититься. Но что же тогда? Что именно подверглось атаке? Тело? Однако, кроме запаха, едкого и неприятного, он не ощущал никакого физического воздействия. Сомнений тем не менее не было — его атаковали, атаковали сознательно и намеренно. Ощущение ужаса еще не исчезло, оно продолжало гнездиться в нем — уже подавленное, неспособное причинить вред ни телу, ни разуму.

Горевшие в ночи глаза были иллюзией, порождением страха, который еще минуту назад сжимал тисками горло, орошал потом виски. Только страх, иррациональный ужас, который не мог нанести ни физических, ни ментальных ран и с которым он сумел совладать. Да, сколь ни удивительно, он подвергся химической атаке.

Нападавшие хотели привести в смятение его чувства, одурманить страхом, превратить в испуганное животное. Глаза священника сузились; он не сомневался, что догадка верна, и мысленно принес извинения обитателям замершей неподалеку деревни. Скорее всего, они не были ни тупыми, ни начисто лишенными любопытства. Ужас стал частью их жизни — это он погрузил деревню в мертвое молчание, загнал людей в жилища и потушил огни. Меры предосторожности, не более.

Каким-то образом эти тени, эти бегущие в ночи умели воздействовать на самые глубокие, животные уровни психики. Запах — вероятно, естественное оружие — усиливал страх, вызванный концентрацией злой воли. Никакой интеллект не мог защитить от него; минуя мозг, смрад ударял по нервной системе, вызывая один из основных рефлексов, таких же как крик новорожденного или слюноотделение у собаки при виде пищи. «Вероятно, загадочные твари отлично научились влиять на эмоциональные центры своих жертв»,— угрюмо подумал священник. Им удалось напугать его почти до смерти. Еще мгновение — и гибельный клык, коготь или нож вонзились бы в тело. При желании охотники могли сделать беспомощным и недвижимым любое существо, как сковали ужасом антилопу, лежавшую сейчас под деревом, чтобы потом подойти и спокойно перерезать ей горло.

Могли, но не сделали. Почему? Иеро подумал, что знает ответ. В первый раз с тех пор, как он обнаружил дьявольские создания, губы путника искривились в мрачной усмешке.

Он чувствовал, как растет нетерпение ночных охотников, бешеное, алчное; он ощущал это так ясно, словно мог погладить кончиками пальцев исходившие из мрака ментальные волны. Почему жертва не спускается вниз, не подставляет горло? Раздражение перешло в ярость; Иеро уловил гнев, нависший над ним, словно темный зловещий туман. Нет сомнений, что скоро они начнут действовать. Эти существа не

встречали сопротивления. Что ж, пусть! Теперь, обуздав страх, Иеро приступил к проверке нервной системы и обмена веществ. Все было в порядке, если не считать охватившей его холодной ярости. Он даст этим тварям хороший урок!

Метс соскользнул по ветви вниз и, найдя подходящую развилку, прижался к стволу; легкий ночной ветерок трепал волосы. Теперь он находился ближе к земле, но все еще достаточно высоко, чтобы выполнить задуманное. Иеро был осторожен, помня о невероятно быстрой реакции врага. Если его предположения верны, то дело придется иметь с одним противником — во всяком случае, для начала.

Облака вновь затянули небо, скрыв лунный диск; Иеро сжался, стараясь слиться с темной грубой корой дерева. Форма ближайших ветвей и расстояния до них отпечатались в голове. Он вытащил меч, прислонил копье к стволу и стал ждать, уверенный, что приманка в капкане не останется без внимания.

Когда луна исчезла совсем, тихий шорох и царапанье когтей подтвердили его предположение. Темная фигура карабкалась на дерево, точнее, скользила, как призрак; она двигалась едва ли медленнее, чем на земле, но Иеро был готов к встрече. Как только круглый череп показался у его колен, священник с большой аккуратностью опустил на него плашмя свой клинок. Послышался треск, скрежет сдираемой с ветвей коры — видимо, полуоглушенное существо пыталось зацепиться и остановить стремительное движение вниз, к земле; затем раздался глухой стук. Услышав шум, свидетельствующий о поспешном приземлении врага, Иеро громко расхохотался — насмешливо, вызывающе. То был обдуманный поступок; он хотел взбесить стерегущих во мраке и не просчитался — ярость, бушевавшая у подножия дерева, ударила по его чувствам вполне осязаемо, подобно выпущенному из пращи камню. Осажденный приготовился к новой атаке.

Второй противник полез на дерево куда осторожнее, хотя и его движения были очень быстрыми. Видимо, он не сомневался в победе; благословляя врага плоской стороной клинка, Иеро заметил что-то вроде лассо, свисавшего с плеча охотника. Похоже, жертву собирались взять живьем! Снова раздался треск сучьев, скрежет когтей и гулкий звук удара о землю. Но на этот раз последствия падения оказались более тяжелыми, если судить по гневному визгливому воплю, достигшему ушей Иеро. Тот снова расхохотался, чувствуя, как глумливый смех вызвал у затаившихся внизу врагов новый приступ бешеной ярости. На это метс и рассчитывал; теперь, поступившись гордостью, они послали на дерево двоих.

На равнине эти создания перемещались с молниеносной быстротой, но густая крона дерева слегка замедлила их движения. Иеро, твердо стоявший на широкой надежной развилке, считал, что не уступает им в скорости. Первый из нападающих получил сокрушительный удар краем щита в висок и рухнул вниз, увлекая за собой водопад листьев и обломанных ветвей. Второй был хитрее; он лез по противоположной стороне ствола и успел добраться до развилки чуть раньше, чем меч Иеро плашмя обрушился на его шею — как раз под ухом. Пальцы предприимчивого охотника разжались, звякнул выпавший нож, а его хозяин бессильно повис на ветке у ног Иеро.

В эту минуту луна вырвалась из облачной пелены, и священник впервые увидел одного из своих врагов.

В мягком лунном свете, пробивавшемся сквозь лиственный полог, она выглядела прелестно. Высокая — не ниже Иеро — с телом, покрытым нежной светлой шерсткой, которую украшали беспорядочно разбросанные темные точки и пятна. Кончики маленьких грудей были безволосыми — как и нос, тупо срезанный, с широкими и слегка вывернутыми ноздрями. Лоб, по которому бежали темные полоски шерсти, выглядел широким, но едва выдавался над линией надбровных

дуг; таким же, едва намеченным, был и подбородок. Глаза, сейчас закрытые, показались Иеро огромными; остроконечные уши, посаженные выше, чем у человека, покрывал светлый пушок. Череп был узким, но расширялся к затылку, и священник не сомневался, что места для мозгов в нем хватало.

Настороженно прислушиваясь к доносившимся снизу звукам, он ощупал конечности пленницы. Ноги и руки, гибкие и длинные, очень походили на человеческие — если не считать покрывавшей их шерсти. Но острые втягивающиеся когти вместо ногтей! На них сходство кончалось. Иеро еще раз осмотрел эту представительницу незнакомой северянам расы. Она была совершенно нагой, лишь талию стягивал кожаный пояс с небольшой сумкой и пустыми ножнами кинжала. Метс выпрямился и удовлетворенно кивнул: его подозрения подтвердились.

Кошки! Как только слабый запах этих созданий впервые коснулся ноздрей, а мозг ощутил их ментальные волны, рефлексы, интуиция, память, знание животной жизни, которую он изучал едва ли не с рождения,— все кричало: кошки! С такой удивительной мутацией священник никогда не сталкивался раньше и даже не предполагал, что она может существовать. Он был уверен, что и в архивах Аббатств тоже отсутствуют сведения о подобных существах. Бегущие сквозь ночь охотники являлись чем-то совершенно новым в человеческом опыте. Вероятно, только жители затерянных на равнине деревень сталкивались с ними, и последствия этих встреч нетрудно предугадать. Иеро вспомнил истории о внезапно исчезнувших странниках и целых караванах, ходившие среди торговцев. Теперь он мог легко представить сцену у ночных костров, когда ужас темной волной обрушивался из тьмы на ошеломленных людей — ужас, за которым появлялись леденящие кровь иллюзии. Горящие во мраке глаза, нагнетающий страх запах и, наконец, смерть!

У подножия дерева продолжалась какая-то возня. Если они навалятся всей кучей, когда луна опять уйдет за облака, ему не выстоять. Большинство умрет, но конец может быть только один. Пожалуй, надо испробовать что-то новое — и быстро!

Он прижал ногой распростертое тело, чувствуя, как слабо вздымается и опадает грудь пленницы; затем послал вниз невидимый луч ментального щупа. Теперь мозг, на который он наткнулся, не стал ускользать; его обладатель был очень сердит и возбужден. Иеро с удивлением ощутил, что не он разгневал ночного охотника, а внезапно исчезнувшая самка. Взъяренный разум явно принадлежал вождю — властному, уверенному в своих силах, ни разу не терпевшему поражения. Как он был взбешен! Священник почти видел зловещий блеск янтарных глаз, ощетиненный загривок, нервное подергивание усов и настороженные уши.

Первым откликом на проникновение Иеро в ментальный диапазон людей-кошек было пораженное молчание, сменившееся гневом. Связь, однако, не прервалась. Существо, чей разум он нащупал, не хотело отступать.

— *Где она? Где Младшая? Ты, безволосый! Спускайся вниз с обезьяньего насеста, или мы прикончим тебя! И не слишком быстро!*

Сообщение было совершенно ясным для любого, кто обладал ментальными навыками Иеро. Видимо, эти существа использовали мысленную речь для повседневного общения: передаваемые образы оказались четкими и недвусмысленными. И столь же недвусмысленное презрение звучало в упоминании обезьяньего насеста.

— *Прикончить меня непросто,*— ответил странник с насмешкой.— *Кое-кто из твоего племени уже убедился в этом, заработав пару-другую синяков. А я мог запросто убить их — даже не выпустив когти.*— Он решил воспользоваться чужим оборотом.— *Раскинь мозгами, охотник. И запомни: Младшая здесь, в моей власти. Она цела и невредима, если не считать*

царапины на голове,— но только до тех пор, пока мое терпение не лопнуло.— В словах звучали вызов и угроза: сила — лучший довод для собравшихся внизу хищников.

Ментальная связь оборвалась, будто перекушенная острыми зубами, этот образ, по мнению Иеро, был под стать кошачьему племени. Однако снизу долетали неразборчивый шепот и бормотанье. А кошки-то не глупы! Незнакомец сбросил с дерева их собратьев, легко вступил в ментальный контакт,— возможно, он способен и на большее. У мышки оказались острые зубы! Лучше подождать, не выдавая своих замыслов, и поглядеть, не обернется ли она крысой — или чем похуже.

Иеро тем временем ощутил первое содрогание тела под ступней. Быстро наклонившись, он расстегнул пояс пленницы и связал им руки за спиной, затем, вытащив из сумки кусок веревки, туго обмотал лодыжки. Если его действительно атакуют, пусть красотка полежит спокойно. Кто знает, чего можно ждать от разъяренной дикой кошки? Когти у нее внушительные...

От предводителя стали поступать новые сигналы:

— Пошли Младшую вниз. Если она цела, мы подумаем. Если нет — придем и убьем тебя!

В переменчивом свете луны, которая то скрывалась за облаками, то роняла бледные лучи на кроны деревьев, священник задумчиво оглядел свою пленницу. Не была ли угроза ее сородичей блефом, простой хитростью? Вождь ведь ничего определенного не обещал... Когда молодая самка вернется к своим, те могут напасть — и даже получат численное преимущество. Он же потеряет ценного заложника. Иеро колебался, взвешивая все известное о ночном народе и его происхождении; он пытался предугадать развитие событий. Вероятно, кошки безжалостны от природы и видят в нем угрозу... Однако есть одна зацепка, точнее, целых две. Существо, вступившее с ним в контакт, казалось искренним или, скорее, незнакомым с ложью

и не нуждающимся в ней. И второе, более существенное, на что он надеялся все это время... Весьма забавный момент... Пожалуй, такая штука не убьет кошек, но она должна помочь... В который раз за свою бурную жизнь Иеро положился на судьбу и выбрал риск.

Пленница очнулась; огромные глаза — втрое больше его собственных — пристально глядели на священника, и в них разгоралось яростное пламя. Широкий, почти безгубый рот приоткрылся, обнажив острые зубы; без сомнения, она пустила бы их в ход при первой же возможности. Длинные белые волоски на верхней губе, точное подобие кошачьих усов, встопорщились. Не свяжи он эту красотку, решил Иеро, хлопот с ней было бы предостаточно.

— *Мир, маленькая сестра! Я тебя не трону — отпущу тебя вниз, на землю. Вождь,*— он передал спектр частот, характерный для мысленной речи предводителя,— *просил освободить тебя.*

Он медленно развязал веревку на лодыжках и стягивающий локти ремень. Метс оставался настороже, помня о фантастической скорости ее реакции. Конечно, он не побоялся бы схватиться врукопашную с этим стремительным и гибким существом, однако острые зубы и когти невольно внушали уважение.

Пленница осторожно поднялась на ноги, не спуская взора с Иеро; теперь в огромных янтарных глазах светилось скорее удивление, чем гнев. Глаза эти расширились от удивления, когда священник протянул ей пояс с кинжалом, который раньше воткнул в ствол дерева. Молниеносным движением, легким и плавным, она приняла оружие из рук человека и метнулась вниз, бесшумно скользя меж ветвей. Иеро уселся на развилке и стал ждать. Он чувствовал, что нужно набраться терпения.

Ночь шла на убыль, луна спускалась за горизонт и наконец исчезла. Вдалеке раздался вой шакалов; большой филин сел рядом, но, заметив неподвижную

человеческую фигуру, возмущенно заухал и сорвался с ветки. Предрассветная тишина опустилась на саванну. Но Иеро знал, что не одинок. И не спускаясь с так называемого обезьяньего насеста, он чувствовал, сколько глаз наблюдают за ним из темноты. Вступить в контакт с отдельным мозгом было проще, но метс мог ощущать и рост ментального излучения всей группы, по мере того как все больше и больше ночных бегунов собиралось на совет. Должно быть, вокруг дерева сгрудилась целая толпа. Уж не сулит ли эта ночь кровавый конец? Иеро вознес утренние молитвы, испрашивая благость милосердия и всепрощения. Пожалуй, он уповал не столько на милость Господа, сколько на снисходительность Его творений, толпящихся внизу и способных в единый миг наложить на метса когтистые лапы.

Ожидаемое сообщение пришло внезапно, как и все исходящее от людей-кошек.

— *Спускайся вниз, если не хочешь, чтобы тебя разорвали в клочья,*— приказал вождь.— *Пойдешь с нами.*— Затем, с явной неохотой, он добавил: — *Можешь оставить у себя оружие. Но не вздумай им пользоваться!*

Иеро ликовал про себя, неторопливо спускаясь с дерева. Сработало! Пока предположения сбывались, но через несколько мгновений выяснится, не станет ли разорванное горло платой за излишнюю самонадеянность. Он не тешил себя надеждой, что сможет справиться с толпой необычных мутантов. И священник шептал слова молитвы, когда ноги его коснулись земли.

Под деревом царила тьма, однако не настолько густая, чтобы не различить кольцо высоких фигур и сердитый блеск янтарных глаз. Иеро невольно подумал о людях, десятках, сотнях людей, видевших такую же картину в последние минуты, перед тем как упасть на колени под парализующей волной ужаса и без сопротивления расстаться с жизнью. Его рука крепче

сжала копье. Нет, он не встанет на колени... и уж паралич от страха ему не грозит!

— *Пошли!* — этот приказ пришел от вождя.— *Ты можешь идти обычным шагом. Мы будем двигаться медленно... так медленно, как привыкли тащиться существа твоей породы.*— Мысль, исполненная презрения, относилась к обитателям деревни.

— *Я не оттуда,*— сообщил Иеро,— *и ты, вероятно, давно это понял.*— Он вложил вызов в свой ответ и довольно ухмыльнулся. Противник вряд ли привык, чтобы ему перечили, во всяком случае не ожидал этого от людей.

Вождь, однако, сдержал раздражение. Теперь он нависал прямо над Иеро — высокий, не меньше семи футов ростом, насколько можно было определить в сумраке занимавшегося утра.

— *Нет, конечно, ты не такой, как они. Ты можешь говорить, как иир'ова.*— Иеро не мог подобрать более похожего звукосочетания для названия неведомого народа.— *Другие не слышат нашу речь. И ты сопротивлялся убивающей мысли... даже Ветру Смерти!* — Вероятно, вождь имел в виду ужасный запах, способный сломить волю и сопротивление любого существа.

— *Нет,*— продолжал человек-кот,— *ты не из тех, что обитают здесь. Ты — существо другой породы, и, возможно, гораздо худшей! Легенды, дошедшие из прошлого, рассказывают о таких, как ты... Старейшины иир'ова помнят их. И если мои догадки верны, то лучше бы тебе умереть в ветвях дерева!*

Теперь они двигались прочь от деревни, в сторону открытой степи, поросшей высокой травой; они шли на восток под темным облачным небом. Иеро шагал в окружении рослых фигур. Был ли он дичью или почетным пленником? Во всяком случае, не стоило проверять это бегством; на равнине он не мог тягаться со стремительными иир'ова.

Предводитель заговорил снова, несколько неуверенно:

— *Я надеюсь, что мои мы подозрения ложны.*— Он помедлил в нерешительности.— *Ты был храбр и сошел вниз по одному моему слову. И те, кого ударил большой нож, утверждают, что рука смерти едва не коснулась их. Но ты позволил им жить.*— Снова пауза.— *Ты понравился Младшей, хотя ее голова в крови. Она — Владычица Ветра.*— Интонация вождя подсказала Иеро, что этот титул был весьма почетным.— *Младшие, даже Владычицы, любят с чем-нибудь поиграть. Они таскают детенышей у этих обезьян, дрожащих за деревянными стенами, и пытаются приручить их. Но все детеныши умирают.*

Иеро вознес молчаливую молитву за упокой души всех младенцев, похищенных у несчастных обитателей деревни.

— *Назови свое имя — так, как оно звучит на твоем языке*,— внезапно прервал он вождя.

Ответом были раскатистые рычащие звуки, которые не могла воспроизвести гортань человека. Иеро безуспешно попробовал повторить их, выдавив наконец что-то похожее на «Б'ургх». Он чувствовал, что неуклюжие попытки веселят собеседника и ничего не имел против. Любой пустяк, который укрепит зародившуюся приязнь, работал сейчас на него.

Они прошли около мили, когда Иеро вновь ощутил ментальный сигнал Б'ургха:

— *Ты, чужестранец, такой же охотник, как и мы.*— На самом деле вождь назвал его «странным» или «загадочным».— *Те существа, что живут за стеной, используют ловушки и ямы, прикрытые травой. А ты, ты можешь, подобно нам, охотиться в темноте?*

— *Да*,— ответил Иеро,— *только медленней. Я вижу ночью не так хорошо, как твой народ. И не могу так быстро бегать. Никогда не встречал подобных вам бегунов*,— добавил он с невольным уважением.

— *Никто не в силах догнать нас.*— В словах Б'ургха прозвучала гордость.— *Мы — Дети Ночного Ветра. Однако*,— на мгновение он сделал паузу,— *есть*

неплохие охотники и среди малого племени — из тех, кто подстерегает в засаде. Иногда мы встречаемся с ними... и тогда не все иир'ова возвращаются на свои равнины.

Иеро понял, что собеседник явно имеет в виду людей — новое странное племя, почти равное его народу или, по крайней мере, не испытывающее страха перед ним. Вождь признавал это, несмотря на все свое высокомерие. Однако им двигало и нечто иное — то, о чем священник догадался, прячась в ветвях лесного гиганта. Вожак иир'ова был любопытен. Он нашел себе новую забаву и не собирался с ней расставаться. Котенок разыскал клубок ниток! Видимо, не только Младшим нравилось играть с маленькими безволосыми зверьками! Иеро ухмыльнулся в темноте, вообразив, что вместо мягко шагавшего рядом исполина, у его ног крадется пушистый кот.

— *Нам не нравятся обезьяны из-за стен... те, что копаются в земле и разводят глупых рогатых зверей. Хотя молоко у рогатых вкусное, и мы его пьем, когда придет охота.*— Вожак помолчал, затем мысль его вновь коснулась разума Иеро.— *Ты видел Младшую — ту, что была с тобой на дереве. Скоро встретишь других таких же... И вероятно, узнаешь, почему мы не любим твой род. Я начинаю вспоминать плохое... очень плохое... это случилось давно... Однако мы не станем говорить больше, пока не придем в Воздушные Логова.*— Тон последнего замечания не слишком приободрил Иеро.

Прошло с полчаса, и смутные тени обступили их, закрывая небо. Иеро и его спутник подошли к другой полосе леса. Эта роща казалась больше той, где прятался метс, и она не пустовала. По отдельности люди-кошки еще могли укрыться от его ментального взора, но поселение этих существ священник обнаружил без ошибки — над ним, словно пар над водой, висел туман мысленных излучений. Значит, это и есть Воздушные Логова! Как бы ему не испустить тут дух...

Через минуту они были уже под сенью огромных деревьев, пробираясь вдоль опушки. Узкая тропинка петляла, словно прихотливо изгибающийся ручей, но спустя некоторое время вывела их на поляну, затененную низко нависавшими ветвями. Полумрак не помешал Иеро разглядеть лестницы, что свисали из древесных крон. К одной из них его и направили — вежливо, но твердо.

Лесенка уходила, казалось, в самое поднебесье. Наконец они с Б'ургхом достигли внешнего края большой площадки, сделанной из гибких ветвей, переплетенных лианами. Иеро не сразу заметил неясную фигуру, скорчившуюся на циновке в дальнем конце воздушного убежища. Огромные глаза, в которых играли оранжевые отблески, пристально изучали пришельца; наконец плавное движение руки сопроводило приказ:

— *Садитесь!*

Бок о бок человек и рослый самец иир'ова опустились на корточки; таинственный наблюдатель пребывал в молчании. Он не пытался вступить в ментальный контакт, но Иеро был уверен, что видит старейшину. Он чувствовал, что это создание просто припоминает, размышляет и сопоставляет, изучает и делает выводы. Такая работа требовала времени, и священник терпеливо ждал. В конце концов темная фигура поднялась с циновки и шагнула к гостям, попав в сумеречный свет занимавшегося утра.

Существо оказалось старым, очень старым, но не дряхлым, как заметил странник. Энергия жизни переполняла его, разум и дух были крепки, хотя спина сгорбилась и мышцы высохли. Несомненно, Б'ургх был превосходным бойцом и предводителем на войне и на охоте, но сейчас перед Иеро стояла та, что вершила судьбами иир'ова.

— *У меня нет имени, Чужой, даже в нашем языке.*— Ментальный голос оставался юным и свежим, несмотря на возраст. В огромных глазах мерцали

огоньки, но разум был спокойным и ясным; ни гнева, ни следа раздражительности или нетерпения, которые Иеро замечал у Б'ургха.— *Я — Та, Что Помнит, и Та, Что Говорит. С тех времен, когда мы обрели свободу, подобные мне хранят память племени. Они никогда не должны забывать о Страшных Временах, о том, что случилось в другом месте за много восходов и закатов до того, как мать моей матери впервые раскрыла глаза. Теперь пришел ты... и, может быть, это — главное, для чего я жила... я и все остальные Помнящие, те, которых давно унес Ночной Ветер.*

Она придвинулась близко, и Иеро понял, что ему разрешено говорить. Смутная догадка о прошлом загадочной расы промелькнула в голове, но он отложил ее до времени и мягко ответил:

— Я не враг твоему племени. И говорил главному среди ваших охотников, что не отношусь к народу, обитающему на равнине за деревянными стенами. Думаю, он поверил мне.

Сухой ответ последовал быстро:

— Что с того... Главное — чтобы поверила я, Безволосый! Потому ты и находишься здесь! — Ее ментальный сигнал был холодным и вызывающим, но в следующий миг тон изменился: — *Думаешь, мы враги этим существам, что сгрудились за стенами, более жалкие и трусливые, чем те животные, которые питают их? Нет! Они приносят пользу. И еще одно примиряет с их существованием... это касается тебя, ибо ты стоишь гораздо ближе к ним, чем к нам. Догадываешься, о чем речь?*

Священник думал, стараясь не выдать колебаний. Вопрос был с подвохом. Перед ним разверзлась пропасть. Одно неверное слово — и он умрет в считаные минуты! Надо что-то ответить — и немедленно! Иеро выбрал рискованный ход:

— Эти люди с равнины, похожие на меня, но такие беспомощные и безобидные,— они служат на-

поминанием... Помогают сохранить память о прошлых временах. О временах, когда другие, подобные им телесно, не были ни беспомощными, ни безобидными! — Он перевел дыхание, не отрывая глаз от вертикальных зрачков Помнящей.

Она тоже вздохнула — глубоко и с видимым облегчением.

— *Стало быть, ты знаешь? И если знаешь, то как много?* — Ее глаза сузились.— *Но сначала скажи: откуда пришло твое знание?*

Свой мысленный ответ Иеро формулировал с предельной тщательностью; он понимал, что все еще ходит по лезвию ножа. При первом неосторожном слове, неверном движении огромный иир'ова, сидевший рядом, скрутит его, не дав пошевелиться. И стоит только старой кошке кивнуть...

— *Поверь, я не знаю ничего. Но за годы скитаний видел много земель, населенных странными существами. И часто сражался с ними... Одни походили на меня, другие — нет. Но самые страшные враги, самые злобные твари относились к моей расе.*— Он сделал паузу, усиливая действие слов.— *Но только по виду. К тому же они были настоящими Безволосыми — ни волоска на теле и на голове.*— Действительно ли пылающие зрачки чуть дрогнули? Он продолжал: — *В тайных местах, вдали от света солнца, они выводят рабов — существ иных пород, которых превращают в слуг зла, таких как эти.*— Иеро послал Помнящей образы Волосатых Ревунов, обезьяноподобных лемутов, и страшных людей-крыс.

Едва заметная дрожь пробежала по ее телу, но огромные глаза не отрывались от лица священника. Теперь в ментальной речи Помнящей появился оттенок просьбы; раздражение исчезло, во всяком случае, оно не относилось к Иеро.

— *Если тебе ничего не известно, то ты не ведаешь о позоре, который мы, свободное племя, не смыли до сих пор?*

— Разве можно считать бесчестьем то, что когда-то слуги зла силой захватили тебя? А ведь и со мной случилось такое — меня схватили и пытали. Но я убежал! И сейчас бегу, пробираюсь на север к своему народу. Как бежали в далеком прошлом Дети Ночного Ветра, почуяв сладкий запах свободы!

Он слегка успокоился. Детали мозаики становились по местам; проницательному уму хватило намеков, чтобы воссоздать цельную картину. И слова Помнящей лишь подтвердили то, что он уже предчувствовал.

— Покажи твоего врага! Покажи в мыслях! Того, кто властвует над остальными!

Выполнить эту просьбу было нетрудно. Ненавистное лицо С'даны, адепта Нечистого, смертельного и страшного врага, часто всплывало в памяти священника. Бледная кожа, безволосый череп, глаза, почти лишенные зрачков и горящие дьявольским огнем, аура злобной силы, окружавшая колдуна... Иеро передал Помнящей адский образ.

Она зашипела, как разъяренная рысь. Б'ургх, беспокойно шевельнувшийся рядом с Иеро, вторил ей. Гнев затопил сознание иир'ова, гнев, не остывший в череде многих поколений, которые родились свободными. Эта раса была самой независимой, самой гордой из всех искусственно выведенных колдунами Нечистого, и ненависть к тем, кто осмелился когда-то наложить на них оковы, жила в крови.

— Это один из них! Проклятые! Чтоб им сгореть в небесном огне! Пусть смерть поразит их в пещерах — там, где они приносят боль своими острыми ножами! Они держали нас под землей, беспомощных, скованных властью их злых мыслей... смеялись, когда мы терпели страдания... говорили, что хотят сделать из нас полезных слуг! Да, мы стали бы хорошими слугами, если б их мощь сломила волю! Слушай, Чужой... ты, который ненавидит их так же как мы! Я, Помнящая, поведаю о тех временах — так, как рассказывала мне мать со слов

своей матери. Запомни эту историю, как запоминают ее детеныши иир'ова. Если ты ненавидишь их — а я чувствую, я знаю, что ты не лжешь, то прими помощь Прайда!

Иеро прислонился к плетеному ограждению платформы; теперь он мог позволить себе расслабиться. Усилия Нечистого помогли ему найти новых союзников. Забавно! Но вряд ли это порадовало бы С'дану!

Ночь убывала, восток разгорался первыми отблесками рассвета. Устроившись на краю воздушного гнезда иир'ова, священник слушал историю их пленения — далеко отсюда, в иной земле, за сотни миль к юго-западу. Он полагал, что адепты Нечистого вывели эту расу для битв — ментальных и тех, где используется более осязаемое оружие,— однако не стал делиться догадками с Помнящей.

Но какую ошибку допустил враг! Мысленное сражение требует мощного, высокоразвитого мозга, а такой разум не способен к бездумному подчинению. И вскоре новосотворенное племя воинов поняло, что является лишь орудием в руке хозяина, ничтожной деталью зловещего плана. Боль и мучения научили иир'ова терпению, ложь владык — проницательности, жажда свободы — сплоченности. Они объединились и восстали.

И наступил час отмщения — ночь крови и огня! Они застали повелителей врасплох и вырвались из пещер и пылающих лабораторий, потеряв многих; тех же, кому удалось выжить, преследовали долго и упорно. Они бежали, упрямые гордецы, бежали, пока сердца не начали рваться из груди, бежали, пока их самки могли нести детенышей. И выбравшись из владений прежних хозяев, скинув ментальные оковы, племя шло день за днем, пока не достигло здешних мест. Тут они осели, но никогда не забывали того, что минуло. Их история, трагическая и мрачная, передавалась из поколения в поколение; кровоточащий шрам воспоминаний не зарастал плотью забвения.

Когда первые группы переселенцев и кочевников появились в этих краях, внимательные глаза наблюдали за ними из тенистых рощ. Единственные представители рода людского, которых знали иир'ова, были слугами Нечистого. И горячие головы решили, что пришельцев нужно истребить — полностью и без жалости. Но мудрость победила. Понаблюдав за чужаками, они поняли, что это существа другой породы, безвредной и робкой. Пришельцы даже оказались полезны: мясо их животных было вкусным, молоко — восхитительным. Итак, поселенцам разрешили остаться; они жили под бдительным присмотром, обложенные данью.

Ни дань, ни тайное владычество Детей Ветра не были обременительными, если не переступать простые законы. Любой человек, увидевший вблизи одного из неведомых повелителей, умирал; исключений не делали ни для кого. Старейшины иир'ова полагали, что пришельцы не только доставляли пропитание, но и были живым напоминанием о прошлом. Кроме того, они могли отвлечь на себя внимание слуг Нечистого, появись те в саванне. Итак, две расы, два племени жили бок о бок; насколько Иеро мог установить, это продолжалось две сотни лет.

После заката люди затворялись в жилищах, за деревянными оградами. Ночь принадлежала Детям Ветра. Искусные охотники, они истребляли опасных зверей, которые могли бы угрожать скоту или людям. В округе было три человеческих поселения, и по их числу племя иир'ова делилось на три рода, или Прайда. Пришельцы скоро проведали о незримых покровителях, возможно, это знание им дорого стоило. Их жизнь проходила рядом с призраками. Вскоре они поняли, что должны в урочный час оставлять пищу и молоко в отмеченных местах, узнали, что призраков можно увидеть лишь ночью и что любопытные исчезают навсегда. Страх надежно держал их за стенами. Изредка в предрассветных сумерках сидевший на дереве дозорный мог разглядеть стремительные фигуры охот-

ников, скользившие среди высокой травы; он знал, что то были таинственные боги его народа, вершители безжалостного закона.

С философским спокойствием Иеро подумал, что встречал немало племен, которые воображали, что обладают свободой, но жили много хуже. Когда-нибудь придет время поразмыслить над этим странным несоответствием человеческих культур и поискать пути их изменения.

История была завершена, и Помнящая разрешила человеку перебраться на одну из плетеных площадок, где он мог спокойно отдохнуть. Наступал день — время сна для иир'ова, хотя отдых отнимал у них меньше времени, чем у людей. Обычно в светлые часы они занимались какой-нибудь несложной работой: выделывали ремни из шкур, плели корзины и лепили грубые глиняные горшки.

Около полудня Б'ургх разбудил гостя. Весь Прайд собрался на поляне в центре рощи, и Иеро был представлен всем от мала до велика, не исключая совсем крохотных детенышей. К двум остальным родам отправили посланцев, чтобы сообщить о новом союзнике. После этого Иеро обрел полную свободу и смог удовлетворить любопытство.

Они были простым народом, эти иир'ова; их материальная культура примерно соответствовала уровню австралийских аборигенов. Люди-кошки не имели даже оружия, кроме длинных ножей, обсидиановых или металлических; последние, несомненно, являлись частью взимаемой с деревень дани. «Пожалуй,— решил священник,— они и в самом деле не нуждаются ни в чем». Их невероятная подвижность да Ветер Смерти делали охоту слишком легкой! У них было все необходимое для жизни, и никто не желал большего. Иир'ова пользовались огнем, но только ради тепла и света; они предпочитали сырую плоть печеному мясу. Дикие груши и другие плоды разнообразили их меню; они ели растительную пищу, когда чувствовали необ-

ходимость в ней. Еще Дети Ветра знали несколько целебных растений — этим ограничивалась их примитивная фармакология.

Два пушистых малыша, обитавших на соседней площадке, показались Иеро очаровательными. Они, в свою очередь, полюбили играть с этим странным безволосым чужаком. Теперь Иеро, прогуливаясь вечерами, тащил на каждом плече теплый, мохнатый, подпрыгивающий комочек. Сзади тянулся хвост детенышей постарше и подростков, засыпавших гостя градом вопросов, так что у него гудело в голове от безуспешных попыток разобраться, кому он должен ответить. У любого костра его ждал радушный прием, и, обходя их изо дня в день, он старался разделить трапезу с каждым членом племени.

По вечерам метс наносил обязательный визит Помнящей — иир'ова были весьма щепетильны в вопросах вежливости. Иеро проводил с ней не меньше часа; иногда к ним присоединялись Б'ургх и Младшая — та, которая познакомилась с его мечом на дереве вблизи деревни. Теперь он знал ее имя — М'рин; со временем ей предстояло стать новой Помнящей Прайда.

Взаимоотношения между членами племени были сложными, порой — почти неуловимыми и непонятными. Встречались пары, питавшие друг к другу несомненную и глубокую привязанность, но многие не искали устойчивых семейных связей. Одни самки предпочитали постоянных партнеров, другие часто меняли приятелей. Впрочем, детенышам никакие любовные пертурбации старших не доставляли хлопот: они считались общими. Иеро выведал, что иногда Дети Ветра устраивали нечто вроде праздников, во время которых теряли силу все правила и законы. Они жгли на кострах какую-то траву, дым которой приводил их в дикое возбуждение, почти неистовство.

Помнящих тщательно отбирали среди молодых самок, и затем они проходили длительное обучение. Что

касается Б'ургха, то, как предполагал Иеро, он завоевал титул главного охотника и военного вождя в поединке; в один прекрасный день его мог вызвать на бой кто-нибудь из младших самцов. И если юный воин переживет сражение, то будет принят в почетный круг старших — тех, к чьим советам прислушивается Помнящая.

Иногда по ночам Прайд предавался чему-то вроде хорового пения — Иеро не мог подобрать лучшего слова. На его взгляд, эти поэтические и музыкальные фестивали были слегка шумноваты: песни иир'ова напоминали вопли огромных котов. Иногда завывания и протяжные мяукающие рулады становились чуть тоньше и мелодичнее, но тут же с новой силой обрушивались на человека, терзая слух. Иеро вежливо внимал и, кивая головой, изображал безграничное удовольствие. Эти сборища устраивались в честь гостя и нового союзника; за неделю, которую метс провел с Прайдом, ему пришлось не раз участвовать в спевках.

Но в остальном племя Детей Ночного Ветра приводило Иеро в восхищение. Ему даже удалось кое в чем помочь своим хозяевам. Старейшин уже давно беспокоило падение рождаемости в их Прайде, и Иеро быстро установил причину: приток свежей крови из двух других родов почти прекратился, Прайд стал замкнутой группой. Метс осторожно намекнул Помнящей и ее советникам, старшим самцам, что молодежь из разных Прайдов должна встречаться почаще. Слова гостя были восприняты с благодарностью, и старейшины заверили его, что обязательно последуют совету, конечно не ущемляя личной свободы юных иир'ова. Последнее замечание удивило священника, и он обратился за разъяснениями к М'рин. По словам Младшей, никто не мог приказывать членам племени; допускались только деликатные предложения и вежливые напоминания. Однако М'рин считала, что слова гостя не останутся без внимания, правда, это потребует времени.

Примерно каждую вторую ночь те Дети Ветра, кому позволял возраст и силы, охотились. Конечно, они брали с собой и нового друга — его не приходилось долго упрашивать. Иеро не мог поспеть за стремительным бегом ночных охотников, и дичь пригоняли прямо к нему. Ветер Смерти не использовался ни разу; иир'ова применяли это оружие лишь на войне и в случае большой опасности. Иеро казалось бестактным интересоваться им; он предполагал, что газ выделяют железы, подстегнутые снадобьем из какого-то редкого растения. Секретом владели лишь Владычицы Ветра — несколько специально обученных самок. Иир'ова открыли в себе эту удивительную способность много лет назад и надеялись, что она поможет племени в борьбе с Нечистым.

Дичь, которую обычно предпочитали ночные охотники, редко попадалась в окрестностях, но как-то раз они обнаружили подходящее животное и взяли с собой Иеро, видимо желая проверить, на что тот способен. Гостя оставили в засаде, тактично выбрав место недалеко от деревьев, и велели быть наготове. Иеро понимал, что ему будет предоставлена честь прикончить добычу. Но с каким зверем придется иметь дело? Об этом даже не заикнулись. Дети Ветра, несомненно, обладали чувством юмора — довольно причудливым, как мог заметить Иеро. Оставалось надеяться, что ночные охотники не пригонят к роще одного из бродивших неподалеку гигантов с ногами, подобными древесным стволам.

Иеро испытал большое облегчение, услышав топот копыт и сердитое фырканье какого-то травоядного. Однако, когда зверь возник перед ним в лунном свете, энтузиазм метса слегка приугас.

Судя по форме головы это был огромный бык. Над глубоко посаженными крохотными глазками выдавались два длинных прямых рога — мощное, смертоносное оружие. Кроме того, на широкой морде торчал третий, который разветвлялся посередине и выглядел весьма

зловеще. Иир'ова гнали разъяренного зверя к месту, и того на миг охватило удивление: как ночные охотники, при всей их стремительности, ухитрялись избегать смертельных ударов страшных рогов? Однако несущийся на него бык не отставлял времени для раздумий. Нанести удар в толстый, увенчанный рогами череп было бы самоубийством; Иеро метнул копье в широкую грудь зверя и, отскочив в сторону, выхватил меч.

Широкий наконечник копья впился в мохнатую тушу, на секунду остановив чудовище. В то же мгновение Иеро с трех ярдов метнул клинок, целясь в налитый кровью, выпученный глаз животного. Лезвие вошло по рукоять. Взревев в последний раз, бык рухнул на землю под торжествующие крики охотников; мозг зверя был пронзен насквозь. Внезапно Иеро почувствовал, что у него дрожат колени.

Когда он вытащил меч и осмотрел морду животного, ноги стали ватными. Глазницу окружала мощная черепная кость; придись удар чуть в сторону, и клинок отскочил бы, оставив лишь царапину на толстой шкуре. На миг прикрыв глаза, Иеро вознес благодарность Создателю за добрый бросок.

— *Ты ловко управился с Четырехрогим*,— пришла одобрительная мысль Б'ургха.— *Никто даже не успел помочь*.— Он помолчал и потом добавил: — *Мы любим охотиться на него... бывает, что добычей становится охотник. Рогач не боится хорошей схватки.*

Иеро витиевато поблагодарил Детей Ветра за предоставленную честь и отличное развлечение. Не стоило показывать им, что он чувствовал на самом деле.

ГЛАВА 8

Буря над портами

Хопперы, даже отборные скакуны королевской гвардии, очень устали. Весь бесконечный день они мчались вслед за повелительницей с одного конца поля битвы на другой. Принцесса поспевала всюду; ее золоченые доспехи и яркий плюмаж сверкали то перед линией обремененных оружием копьеносцев, нуждавшихся в королевском ободрении, то впереди лавины атакующих всадников. Ее видели там, где дело принимало тяжелый оборот, и, вдохновленные присутствием Лучар, воины Д'Алва бились насмерть.

Бой тем не менее был проигран. Королевская армия, обойденная с флангов и подавленная численным превосходством врага, отступила. Мятежный герцог — или один из советников противника — оказался неплохим стратегом, и силы его продвигались гораздо быстрее, чем рассчитывали Лучар и король, ее отец. К тому же хитрец Амибал использовал кое-какие неожиданные трюки, что свидетельствовало либо о его остром уме, либо о тайной поддержке Нечистого. Во всем этом ощущалась направляющая рука Джозато. «Однако,— мрачно подумала Лучар,— Амибал оказался достойным учеником». Не успели отряды короля покинуть столицу, как ее потряс бунт нищих, воров и присоединившихся к ним недовольных мелких лавочников. С восстанием быстро покончили, вздернув главарей у городских ворот, но это потребовало времени и сил. И когда две армии встретились в двадцати милях к югу от столицы, королевские войска были уже измотаны и обескровлены уличными схватками.

Амибал, который, надо отдать справедливость, оказался храбрым и решительным военачальником, привел

не только своих вассалов, но и орды дикарей; некоторые принадлежали к неведомым и чудовищным расам. Особенным бедствием стали толпы маленьких бледнокожих человечков, выпускавших тучи отравленных стрел из луков и духовых трубок. Но было и кое-что похуже. Колдуны Нечистого на этот раз пришли в открытую с армией бунтовщиков. И на одно крыло войск Д'Алва обрушились обезьяны, Волосатые Ревуны, в то время как отряды яростно визжащих людей-крыс накинулись на другое.

Кроме того, Амибал продвигался так быстро, что далеко не все части королевской армии успели вовремя добраться до поля битвы. Отряды му'аманов, лучших пехотинцев Д'Алва, вызванные с равнин запада, еще не подошли. Придут ли они позже? Не успели собраться ни деревенские ополченцы, ни рыбаки с побережья Лантика, бойцы безжалостные и упорные; не было еще и частей, сосредоточенных на границах королевства.

Итак, в поле вышли только отряды, охранявшие столицу, да личные дружины верных королю дворян, чьи владения располагались поблизости. Сражение было тяжелым. На какой-то миг центр войск Д'Алва дрогнул под яростным натиском мятежников, и только неожиданный удар двух подоспевших эскадронов графа Камила Гифтаха спас дело. Если у Лучар и имелись сомнения насчет графа, упорно не отзывавшегося на письма, теперь они были рассеяны. Гифтах бился словно дьявол перед строем своих всадников и сумел отбросить пехоту противника.

Увы, этого было недостаточно. Сплотив ряды, угрюмо огрызаясь на врага, королевская армия покатилась обратно — несломленная, но и не способная продолжать битву. Уже сгущалась ночная тьма, и у Лучар не оставалось другого выбора, как приказать командирам, чтобы те разместили войска на окраине столицы. Из отдаленных областей страны сообщений не

поступало, и слухи о завтрашнем штурме поползли по притихшему городу. Солдаты, мрачные и усталые, в изнеможении падали на землю и засыпали; нигде не было слышно ни смеха, ни обычной болтовни.

Четыре молчаливые фигуры скорчились у пламени крохотного костра. Огонек пылал в углублении причудливо изогнутой ветви дерева — столь огромного, что его крона могла бы прикрыть целый городок. Чуть выше виднелась еще одна фигура — видимо, дозорный. Далеко внизу, даже днем скрытое от солнечного света бесчисленными листьями, побегами, лианами, лежало болото, которое взрастило древесного гиганта.

Иеро совещался с М'рин, Б'ургхом и За'рикшем, сильным молодым воином. Ч'урш, другой молодой иир'ова, стоявший на страже, при желании мог присоединиться к их мысленной беседе. Обычно двое младших Детей Ветра предпочитали молчать, когда говорили старшие, но если они с чем-нибудь не соглашались, то имели право высказаться. Сейчас собеседники хранили ментальное молчание, вслушиваясь в звуки, которые издавала трясина в сотнях футов под ними.

Чудовищный рев раздался вдалеке, низкий, горловой, всколыхнув насыщенный запахом цветущих деревьев воздух; мириады лесных шумов, шорохов и писков испуганно стихли при этом звуке.

— *Что это, Иеро?* — Б'ургх, как и остальные, знал, что новый друг умел воспринимать мысли других созданий, тогда как способности иир'ова ограничивались общением с соплеменниками. Иеро, сосредоточившись, прикрыл глаза; над головой покачивался огромный цветок, испуская чудесный аромат. Итак, еще один странный монстр, чей яростный рев на миг поколебал листву... Метс расслабился и улыбнулся:

— *Не знаю. Возможно, такого зверя встречал старый эливенер, один из моих друзей, о котором я*

вам рассказывал. Он и его братья изучают все живое... все, что растет, двигается, дышит. Я не умею различать многих низших животных — тех, у кого крошечный вялый мозг. Может, это рептилия, вроде огромной ящерицы или змеи... Но думаю, ревущий зверь скорее похож на амфибию — на лягушку или саламандру. Мозгов у них еще меньше, чем у рептилий. До меня докатилась огромная волна беспричинной злобы... Что-то подобное я встречал раньше — в Пайлуде, большом болоте на севере. Фроги, гигантские хищные жабы... с разумом столь ничтожным, что его нельзя определить. Во всяком случае, мне это оказалось не под силу.

— *Фрог! Если это жаба, то она может прыгнуть сюда*,— пришла мысль Ч'урша.

— *Тварь, наделавшая столько шума, слишком тяжела для высоких прыжков*,— возразила М'рин.— *Она только раскачает дерево.*— Младшая невольно вздрогнула, свет заиграл на гладкой пятнистой шкурке.— *Я рада, что мы путешествуем поверху и не спускаемся вниз, в эту мерзость...*

Иеро решил не упоминать о том, что фроги Пайлуда прыгают совсем неплохо. Он чувствовал, что монстр внизу принадлежал к иной породе — какая-то огромная ползающая тварь, копавшаяся в грязи и воде у подножия деревьев.

Маленький отряд уже две недели пробирался на север; последние дни его путь пролегал по болоту. Джунгли грозили опасностью днем и ночью, но когда путники наткнулись на трясину, стало очевидным, что продолжать путь по земле нельзя. Следы, обнаруженные на краю топи, отбили всякую охоту соваться туда. К тому же люди-кошки, обитатели равнины, ничего не знали о бездонной чавкающей грязи и том, что она таит. Но гигантские деревья, которые черпали из топких глубин такую мощь, словно это темное месиво было обычной почвой, подсказали путешественникам вполне логичное решение. Они пошли поверху. Конеч-

но, это отнимало лишнее время. Иногда воздушная дорога, тянувшаяся по огромным, перевитым лианами ветвям, заводила в тупик, и приходилось возвращаться. Но Иеро знал, в какой стороне лежит его дом; внутренний компас лесного рейнджера работал безотказно. Кроме того, он мог наблюдать за солнечным диском, просвечивавшим сквозь листву, что тоже помогало выдерживать направление на север.

Верхний путь имел и другие преимущества. И сам Иеро, и Дети Ветра умели ловко карабкаться по деревьям. Болотные чудища — вроде того, что сейчас ярилось и ревело внизу,— не обладали талантами обезьян и не могли добраться до путников. Воздух наверху был прохладным и свежим, дичи хватало — и птиц, и млекопитающих. В этот полдень Б'ургх, вдруг метнувшись в заросли, точным ударом перерезал горло большой птице, которая сидела на гнезде. Ее — вместе с выводком наполовину оперившихся птенцов — вполне хватило, чтобы насытить всех пятерых, и кое-что еще осталось на завтра.

Конечно, и в кронах лесных великанов скрывались опасности. Однажды человеку и его спутникам пришлось спасаться бегством от древесных гадюк, потревоженных ими в дупле. Другой раз стадо обезьян зловещего вида, очень похожих на Волосатых Ревунов, долго преследовало путников, не решаясь перейти к открытой атаке. Это были огромные короткохвостые звери с глянцевитой черной шерстью, зеленокожими физиономиями и устрашающими клыками. Они сильно раздражали людей-кошек, и сам Иеро не раз был готов прикончить одну из наглых тварей, даже рискуя потерять копье. К счастью, странники достигли какой-то неощутимой и невидимой границы, на которой преследователи остановились; пятеро беглецов поспешили дальше, оставив за собой толпу визжащих и недовольно бормочущих волосатых монстров.

Оба молодых охотника были разъярены, они хотели вернуться и преподать орде кровавый урок. Б'ургх,

однако, что-то коротко рявкнул, положив конец спорам.

Поглядывая на могучих спутников, Иеро размышлял о выпавшей на его долю удаче. Путешествие в одиночку через чудовищные, невообразимые леса Юга грозило смертельной опасностью. Правда, он уже бывал тут — в иное время и в иной компании — и, следовательно, имел представление о зле и жестокости, таившихся в джунглях. После встречи с Солайтером метс больше не был беззащитным... пока бодрствовал. Но ни один человек не мог обходиться без сна.

Иеро был приятно удивлен, когда Помнящая вызвала его и спокойно сообщила, что четверо иир'ова пойдут с гостем: военный вождь, Младшая, хозяйка Ветра Смерти, и два молодых воина, вызвавшихся добровольно.

— *Ты можешь встретиться с великим Злом, столь же страшным, как то, о котором говорил,*— заявила Помнящая. Иеро волей-неволей поведал ночным охотникам кое-что о недавних приключениях, однако не был убежден, что те поверили его словам. Дети Ветра любили рассказывать длинные и неправдоподобные истории.

Покрытая мягкой шерстью рука легла на его запястье, и в голове вновь зазвучал ровный голос Помнящей:

— *Иеро, ты идешь сражаться с нашим древним врагом, как сражается с ним твоя женщина на берегу соленых вод. Если эти мучители, убийцы детенышей, эти безволосые со смердящими мозгами победят, долго ли мы останемся в безопасности? Пусть об иир'ова давно забыли, нас быстро найдут... намеренно или случайно. Детей Ветра немного, и никто не знает про нас, кроме тебя. Но враг, с этими ужасными машинами, о которых ты говорил, начнет выискивать и сокрушать всех, кто еще способен бороться... Нет, мы должны помочь! Ты рассказывал, как они ненавидят тебя, как пытались убить много раз,*

и я знаю, что ты не лгал нам. Должно быть, ты — один из их главных противников... возможно, самый главный! Друзьям надо помогать, и мы поможем тебе.— На миг она остановилась, затем Иеро уловил чуть заметную насмешку: — *Жертва будет небольшой: в конце концов, старого Б'ургха с дырявой шкурой, этого пожирателя оленьего мяса, нетрудно заменить...*

Помнящая вздохнула. Теперь в ментальном голосе явно звучало сожаление:

— *Хотелось бы мне пойти с тобой... увидеть новое и узнать о неведомом мире за краем степи... Что ж, пошлю Младшую! Она будет моими глазами и ушами. А если пропадет... придется обучить другую... хотя у М'рин подходящая голова... не пустая, как у большинства самцов, что молодых, что старых. Еще двое пойдут с тобой — два молодых болвана. Однако они из лучших охотников Прайда. Пусть охраняют тебя. А в крайнем случае вспомни, что М'рин знает секрет Ветра Смерти!*

Душа Иеро преисполнилась благодарности. Ему нравился степной народ; люди-кошки были творением слуг Нечистого, но претерпели от них столько горя, что могли теперь с честью послужить целям Господним. Еще более теплые чувства охватили метса, когда иир'ова сделали то, о чем он не рискнул просить. Они поклялись, что оставят в покое людей в деревнях, если те не выдадут тайну существования Детей Ветра. Иир'ова не станут больше красть их детей для забавы и не тронут пастухов или крестьян, случайно задержавшихся в саванне после заката. Это обещание являлось большой уступкой со стороны ночных охотников.

Теперь четверо иир'ова окружали священника. Он бросил взгляд на их лица с резкими чертами, которые оживляло загадочное мерцание огромных глаз, на мускулистые тела и гибкие конечности со смертоносными когтями... Кто бы мог предположить такое две

недели назад? Спутники оказались ему чрезвычайно полезны. Просеивать мысли бесчисленных обитателей джунглей было невероятно тяжело, и, как бы ни старался Иеро, многие опасные твари могли ускользнуть от его внимания. К примеру, те, обезьяноподобные... Хотя ментальные импульсы приматов были весьма мощными, метс упустил их, потому что настроился на плотоядных млекопитающих и низшие формы... В тот раз отряд спас За'рикш: молодой воин услышал треск ветвей, заметил колебание листвы и предупредил спутников о засаде. Обоняние у иир'ова было неважным — тут даже Иеро превосходил их,— но зрение и слух оказались фантастическими. Однажды М'рин уловила шелест змеиных тел, скользивших по коре, и путники избежали встречи с целым выводком гадюк. К счастью, тогда им попалось подряд несколько широких ровных ветвей, позволивших быстро удалиться от опасных соседей.

Да, иир'ова были неплохой компанией и имели достойную цель, хотя Ч'урша стоило распять за его шуточки! Мало приятного, проснувшись, обнаружить на груди огромного, пусть и вполне безобидного червяка! Иеро ухмыльнулся про себя. Тогда он с воплем ужаса отшвырнул предполагаемую змею, даже не разглядев ее. Крик разбудил Б'ургха, который, придя в ярость, вознамерился тут же оскальпировать молодого воина; однако вмешалась М'рин, и дело кончилось строгим нагоняем. Хотя будущая повелительница Прайда была еще очень молода, от ее слов провинившийся прижал уши и повесил голову. Учитывая чистосердечное раскаяние шалопая, Иеро ограничился кратким замечанием о молодых идиотах, создающих мнимые опасности там, где вполне хватает реальных. На этом история закончилась. Впрочем, шутка была забавной!

— *Хотел бы я знать, где мы.*— Мысль Б'ургха нарушила сосредоточенное молчание, в котором пребывали все пятеро, прислушиваясь к реву и чавканью копавшегося в грязи чудища.— *Далеко ли еще до моря,*

до Большой Воды, о которой ты рассказывал нам, Иеро? Я видел его в твоих мыслях, но до сих пор не могу поверить... Столько воды в одном месте!

— *О, можешь не сомневаться,*— ответил человек.— *И нам предстоит каким-то образом пересечь его. Я должен бороться с Нечистым... должен узнать, что случилось с моим народом, что замышляют враги. Вдруг записи о думающей машине не попали на север?..* — Это было лучшее описание компьютера, которое он мог предложить иир'ова.— *Кто знает, что происходит в моей стране... существует ли она еще... и есть ли вести с юга, от жены... Единственное, в чем я уверен,— путь в обход Внутреннего моря займет много месяцев. Мы должны перебраться через него и сделаем это!*

Снова наступило молчание: люди-кошки обдумывали новую, необычную идею. Великие Воды... Подобный феномен казался очень странным воинам степного племени, наблюдавшим только ленивое течение маленьких рек в саванне. И мысль о том, что по воде можно перемещаться в долбленом стволе, похожем на плывущую по ручью ветку, устрашала.

— *Эти корабли, суда, о которых ты говорил...* — начала М'рин,— *как они движутся? Я понимаю, если много людей начнет отталкиваться шестами от воды, эта вещь... корабль... двинется вперед. Но чтобы ветер гнал его... заставлял двигаться... Как поверить в такое?*

В сотый раз, вероятно, Иеро начал рассказывать о парусах и о том, для чего они предназначались. Улыбаясь про себя, он подумал, что из кошачьего племени получились бы превосходные матросы. Они не боялись высоты и карабкались по стволам и ветвям, словно... словно кошки! Пожалуй, с ними не сможет состязаться ни один экипаж из бывалых моряков! Им надо только объяснить главное... ну, и еще немного опыта... Конечно, не стоит забывать о морской болезни, но Иеро был уверен, что такие мелочи не смутят его

друзей. Он все еще усмехался, погружаясь в дремоту; огромный трехмачтовый барк скользнул перед мысленным взором, на реях судна метались и танцевали гибкие, похожие на сказочных эльфов фигуры...

На следующий день Иеро пришлось сделать внезапную остановку. Была середина дня; они быстро двигались вперед по дороге, что пролегала меж небом и землей, по скрещивающимся, простирающимся вдаль огромным ветвям, одолевая милю за милей с такой легкостью, словно шли по городской улице. Вдруг человек поднял руку, и спутники его замерли, готовые и к сражению, и к бегству.

Как всегда, Иеро мысленно изучал предстоящий путь, но сейчас он делал это тщательнее и старался углубиться дальше, чем обычно. Неожиданно метс понял, что где-то недалеко лежит берег Внутреннего моря: мощное биение жизни, дыхание титанических лесов вдруг прерывалось, словно обрезанное ножом; впереди царила полная пустота. Жизнь кончалась — во всяком случае, та буйная круговерть, к которой он привык за долгие дни путешествия в джунглях.

Дав знать спутникам, чтобы те сохраняли неподвижность, Иеро скорчился на ветке и вслушивался в бездонное, необъятное пространство, призывая все силы исцеленного мозга. Он чувствовал присутствие людей — так называемых цивилизованных людей — впервые за последние месяцы. И эти люди очень не нравились священнику.

Метс был уверен, что обнаружил команду судна Нечистого! Он не видел другого объяснения. Люди находились близко друг к другу, составляли плотную группу — это Иеро определил без труда. Их окружала пустота, хорошо знакомая из прошлого опыта,— пустота морского простора. В море обитало множество жизненных форм, но водные существа редко поднимались на поверхность, а их ментальные излучения занимали

другие диапазоны, чем у людей. К тому же ни одно создание, рожденное в безбрежных пресных водах, не могло обладать ментальным щитом Нечистого! Лишь люди, да и то не все, располагали подобной защитой! Иеро хорошо изучил эти штуки во время прошлых странствий и знал, что их можно засечь, когда владелец щита передает ментальное послание. В другое время они защищали мысли слуг Нечистого, не пропуская ничего. Но сейчас один из врагов начал передачу, и священник сразу же нащупал ауру мысленного излучения. Более того, он мог перехватить и само послание! Оно оказалось небезынтересным.

— Не видно ни одного из наших кораблей. Вообще нет никаких судов — даже этих подонков торговцев. Кажется, что кто-то начисто вымел прибрежные воды к западу от Нианы. Мы в двух днях хода от порта, но встретили встречный ветер. У всех — команды и офицеров — такое чувство, будто случилось нечто странное. Ни одного торговца! Вообще никого! Думаю, надо послать сюда могущественного брата, на новом секретном корабле. Мы возвращаемся в порт и будем ждать дальнейших приказаний. Конец сообщения. Сулкас.

Иеро вслушивался в тишину; каждый нерв дрожал от возбуждения. Никакого ответа! Если отклик и пришел, то наверняка слишком слабый из-за дальности расстояния, чтобы можно было его уловить. Но, скорее всего, никто не ответил на послание Сулкаса. И, кем бы ни был раб Нечистого, он, несомненно, не состоял в Темном Братстве. Интеллект достаточно высок, но мозг явно не того калибра... Доверенный слуга, не больше. Какой-нибудь пират, вроде Лысого Рока, павшего на «Морской Деве» от меча капитана Гимпа... Пока иир'ова быстро переговаривались на своем гортанном языке, священник опустился на корточки и попробовал обдумать донесение неведомого Сулкаса.

Вероятно, оно было послано в заранее оговоренное время и не требовало ответа. Иеро знал, что адепты

Нечистого контролировали Ниану, крупный порт на южном берегу Внутреннего моря. Судно вышло оттуда — небольшое судно с дюжиной человек на борту, явно посланное в разведку. Команда ничего не нашла в пустынных водах и забеспокоилась: и сезон, и погода благоприятствовали морским перевозкам. Донесение, конечно, направлено на главную базу, в Ниану... И содержит предложение прислать одного из членов Братства, адептов Нечистого, на «секретном корабле» для выяснения подробностей.

Иеро хорошо представлял, о каком судне идет речь. Он был пленником на таком «секретном корабле», движимом таинственной силой. И, подобно старому эливенеру Альдо, не сомневался, что колдуны Нечистого овладели энергией атомного распада! Мерзкой, отвратительной, греховной, упоминаемой разве что в проклятиях! В подземных лабораториях ученые Нечистого сотворили много жутких вещей. Они вывели из животных верных рабов-лемутов... хотя иногда их постигали неудачи — Иеро бросил взгляд на спутников. Однако все это ничтожно по сравнению с завершающим аккордом — Смертью, вселенским ужасом, столь чудовищным, что разум любого нормального существа содрогался в отвращении и страхе.

Иеро вспомнил, какие странные чувства охватили их — его, Лучар, брата Альдо и Горма — в той гигантской пещере, полной безмолвных, закрытых пластиковыми чехлами машин... Орудия уничтожения ждали своего часа, хранили ужас прошлого — Смерть, готовую раскинуть над миром черные крылья... Брат Альдо, поклонявшийся живому, стал почти больным!

Иеро сидел, размышляя над услышанным, и решимость его крепла. Итак, Нечистый собирается уничтожить мир... обрубить ветви, выдернуть корни, спалить ствол... уничтожить всех от мала до велика... до последнего раба, до самой крохотной букашки... Что ж, предназначение Иеро ясно — не допустить этого!

Священник повернулся к спутникам. Он знал, что хочет сделать, но объяснить это Детям Ветра было непросто. Ну, по крайней мере, стоит попытаться...

— *Должно быть, мы находимся чуть южнее главного пути, что ведет с запада в город врагов. Этот старый тракт тянется с юго-востока на северо-запад, пересекая много других дорог. Нам надо двигаться примерно вдоль него, но на безопасном расстоянии, подальше. Это единственный путь с востока в Ниану, который ведет через южные леса. На запад от города есть много других дорог, но, думаю, там более открытая местность... мне не приходилось бывать в тех местах. Я видел их только на карте, мельком... Берега моря очень опасны для нас, в это время года суда встречаются часто...*

И метс открыл свои намерения: где-то в прибрежных водах вражеский корабль, и нужно быть очень-очень осторожными. Если судно удалилось от порта всего на два дня плавания, значит, местность вокруг не безлюдна. В любой момент они могут столкнуться с опасностью и должны встретить ее во всеоружии.

— *Нам придется охранять свой разум,*— добавил священник.— *Говорите друг с другом вслух и старайтесь пореже обращаться ко мне. Ваш народ использует необычные ментальные частоты... это хорошо, вряд ли кто-нибудь прослушивает такой диапазон. Но у Нечистого много слуг... не людей, других существ, с которыми говорят колдуны. Так что будьте осторожны! Все эти создания наблюдают и слушают, так как должны получать приказания от хозяев. Мы будем красться, словно тени... Что-то странное случилось на море, и это обеспокоило врагов. Я не знаю, что произошло, но все, что во вред им, на пользу нам!*

Иир'ова поняли его, хотя близость извечного недруга, о чьих преступлениях им рассказывали с детства, привела Детей Ветра в дикое возбуждение. Когда Иеро

объяснил, что в его планы входит захват какого-то маленького судна, это задача не смутила ночных охотников. Несложное дело — смести тех, кто встанет на пути, и завладеть кораблем.

— *Я выпущу на них Ветер Смерти. А затем мы приблизимся и перережем им глотки!* — М'рин судорожно стиснула висевшие на поясе ножны.

Иеро потребовалось время, чтобы успокоить спутников и удержать от опрометчивых шагов. Вскоре он убедился, что первая вспышка ярости прошла и обычная расчетливая осмотрительность вернулась к ночным охотникам.

Они шли вперед весь день, соблюдая осторожность. Теперь иир'ова общались с Иеро только жестами; друг с другом они говорили на своем гортанном языке. Для ночлега путники облюбовали естественную площадку, которую образовала изогнутая ветвь гигантского дерева. Иеро обжарил несколько кусков мяса; затем огонь залили, чтобы никто не заметил отблески пламени или рдеющие в темноте угли. Вода здесь была под рукой: дупла и углубления в стволах накапливали ее, а огромные эллипсовидные листья хранили целые озерца.

Вечерний полумрак сгустился, сменяясь тьмой тропической ночи. Люди-кошки дремали, опустив головы на колени; человек вновь и вновь посылал мысль в темноту, исследуя не только предстоящий путь, но и окрестности, до самого побережья. Если чувства не обманывали его, распространявшийся веером ментальный сигнал вскоре достиг Нианы — к северо-востоку от места их ночевки. Метс не мог прочесть мысли каждого жителя города, но ощущение, порождаемое большими скоплениями людей, ни на что не похоже: он словно касался теплой колеблющейся ауры, которая нависала над Нианой, шапка смога. Да, несомненно, на северо-востоке лежал город, крупный город; теперь он окончательно уверился в этом.

Иеро не собирался приближаться к нему — во всяком случае, на небольшое расстояние. Опасность и так

возрастала с каждым шагом на север; адепты и слуги Нечистого были бдительны. Обдумывая планы похищения судна, метс понимал, что дорога в крупный порт им заказана. Что же тогда? Он ничего не знал о других городах на востоке; капитан Гимп во время плавания на «Морской Деве» не упомянул ни одного, хотя на побережье, конечно, есть небольшие поселения. Священник не имел подробных сведений и о западной части Внутреннего моря. Там находился шумный порт Намкуш, куда при случае заходили караваны, что везли товары из Канды на юг, но он лежал где-то в северо-западном углу морской акватории, за многие мили от тропических лесов. Впрочем, аббат Демеро год назад не советовал появляться в этом городе: там кишели шпионы Нечистого и лишь немногим торговцам можно было доверять. Через зеленые просторы Тайга к Намкушу струилась река — главный, хотя и небезопасный торговый путь, связывавший Республику Метс с побережьем Внутреннего моря. Но в любом случае в Намкуш не попадешь пешком; разве что удастся привести туда похищенный корабль.

Метс смежил веки, но мозг, настороженный и недремлющий, продолжал нести охрану. Однако утром Иеро почувствовал себя отдохнувшим.

Путники прошагали всего несколько часов, когда впереди показалась полоска накатанного тракта. Повинуясь жесту Иеро, вся группа спустилась ниже; теперь их путь пролегал по огромным, чудовищной толщины ветвям, которые отделяла от земли сотня футов. Трясина кончилась еще вчера, и могучие лесные исполины побережья возносили свои титанические кроны над твердой почвой.

М'рин, которая шла впереди, первой увидела дорогу. Подав знак, она остановилась; остальные собрались вокруг нее, разглядывая петлявшую внизу желтую ленту.

Этот торговый путь был довольно широк и хорошо утоптан, хотя и извилист. Дорога струилась, подобно

ручью, огибая чудовищные стволы лесных гигантов, с которыми не могли справиться ни топор, ни огонь, ни ураган. Тракт извивался меж несокрушимых башен, одетых в толстую грубую кору, то отступая, то вновь устремляясь вперед, но сохраняя примерное направление с востока на запад. Иеро никогда раньше не видел эту дорогу; во время предыдущего путешествия по южным лесам он оставил ее далеко в стороне. Метс знал, однако, что тракт, разветвляясь на множество дорог и троп, связывает Ниану с Д'Алва и другими королевствами на побережье Лантика; по нему везли ткани и шерсть, шкуры и металлические изделия, фрукты, пряности, вино и другие товары — не исключая рабов. Вполне возможно, что сейчас с востока в Ниану гонят новые толпы невольников, среди которых бредет его жена... Иеро боялся думать об этом.

Пустынная дорога текла мимо него в сонном безмолвии. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь зеленые облака крон, золотыми пятнами ложились на примятую траву. Присев на корточки, Дети Ветра терпеливо ждали, пока человек осторожно перебирал частоты ментального спектра, пытаясь нащупать вражеский след. Без сомнения, Нечистый недреманным оком наблюдал за главной торговой артерией, соединяющей восток и запад, и метс совсем не хотел внезапно наткнуться на сторожевой пост врага. Однако он не обнаружил ничего ни на востоке, ни на западе и удивился. Далекое облако ментальной активности, которое, как он был уверен, висело над Нианой, стало плотнее, чем утром, но в ближайших окрестностях царило безмолвие. Почему? Неужели на дороге никого нет? Ни торговцев, ни патрулей Нечистого? Иеро погрузился в размышления. Ментальная защита, которую Нечистый стал использовать со времени его странствий по северу, могла бы объяснить такую тишину. Однако это представлялось маловероятным. Иеро полагал, что щиты-медальоны были редкими и весьма дорогими устройствами — столько времени и сил

затрачивалось на их производство. Он не сомневался, что эти медальоны выдавали только самым доверенным людям — начальникам воинских отрядов, капитанам кораблей, членам Темного Братства. Вряд ли кто-нибудь в обычном дорожном патруле обладал таким прибором — разве что командир... Но тогда он должен слышать мысли солдат, которых не защищало коварство Нечистого! Однако вокруг властвовало полное, необъяснимое молчание.

Ослабив ментальный сигнал настолько, чтобы его можно было уловить только на расстоянии нескольких ярдов, священник передал иир'ова несколько приказов. Им следовало разведать обе стороны дороги, двигаясь на восток — не слишком торопливо и с предельной осторожностью. Обнаружив нечто заслуживающее внимания, союзники оповестят Иеро криком; он решил, что пронзительное мяуканье Детей Ветра вряд ли покажется подозрительным в тропическом лесу. Сам метс пойдет в арьергарде, обеспечивая разведчикам ментальную защиту. М'рин с Б'ургхом должны оставаться поближе к нему с левой стороны тракта, двое молодых охотников двинутся направо.

Итак, решение было принято, и путники начали спуск вниз, туда, где над усыпанной гниющей корой и обломками ветвей почвой лианы и воздушные корни переплетались в густую сеть из гибких стеблей, листьев и цветов. Наконец они ступили на землю и разделились.

Разведчики крадучись продвигались вперед. Все подозрительные заросли и пещерки, образованные каскадами воздушных корней, были осмотрены и отмечены. Для этого пришлось обойти кругом не одно дерево, а некоторые из них достигали чудовищной толщины. Путники стремились не терять дороги из виду, оставаясь незаметными для любого, кто мог бы наблюдать за лесом с обочины. Священник особо предупредил иир'ова, чтобы они следили за кронами деревьев, и

вскоре его опасения подтвердились, хотя, к счастью, до столкновения с врагом дело не дошло.

Слабый протяжный крик Ч'урша, долетевший с другой стороны дороги, заставил группу Иеро насторожиться. Эти трое собрались и, прячась за кустами на краю довольно широкого здесь тракта, разглядели вдали фигурки молодых воинов, стоявших под деревом. Ч'урш и За'рикш жестами показывали вверх, на какое-то инородное сооружение, темневшее в развилке лесного гиганта; его ствол и крону оплетали лианы толщиной с руку, а кое-где даже из щелей в толстой коре пробивался кустарник. Напрягая глаза, Иеро рассмотрел некую конструкцию, едва заметную среди густой листвы.

Путники потратили пять минут на осмотр ближайших окрестностей, прежде чем осторожно вскарабкались наверх. Перед ними находился тайный наблюдательный пункт врага — площадка из жердей под навесом, так ловко замаскированная ветвями, что заметить ее с дороги было невозможно. Она оказалась пустой. Правда, покинули пост совсем недавно: в углу обнаружились груда спелых плодов, еще не тронутых гниением, и корзинка с хлебом и сушеным мясом. У входа на новом кожаном ремне с бронзовыми заклепками и пряжкой висел полупустой бурдюк с вином. Отхлебнув глоток, Иеро нашел напиток весьма сносным.

Священник сразу учуял слабый кисловатый запах, который узнал без труда. — *Люди-крысы*,— сообщил он спутникам, опять до предела ослабив сигнал,— *мерзкие твари, которых Нечистый вывел себе в помощь. И с ними был человек... крысы не пьют эту дрянь, что налита в кожаный мешок. Их отозвали внезапно, и я плохо представляю зачем.*

Иеро подумал с минуту, затем решил рискнуть. Очень осторожно он начал зондировать морское побережье, которое лежало всего в нескольких милях к северу; мысль скользила все дальше и дальше над поверхностью хрустальных вод. Наконец метс обна-

ружил нечто интересное, хотя и не смог бы точно определить что.

В море двигался некий предмет... или совокупность предметов... Однако, чем бы ни было это смутно ощущаемое нечто, Иеро не удалось выяснить его природу, надежно скрытую ментальным барьером. Он сумел нащупать лишь гигантское облако, переплетение сотен или тысяч непроницаемых разумов. Несомненно, облако двигалось; и шло оно к Ниане, хотя не очень быстро.

Лишь однажды священник встречался с похожим явлением — когда корабль Нечистого, стрелявший молниями, едва не захватил его, Лучар и Горма в затонувшем городе на северном берегу. Иеро вернулся к изучению моря, прибрежных джунглей и дороги. Ничего. Ничего, кроме таинственного сгустка ментальной энергии, в который никак не проникнуть! Оставив напрасные попытки, Иеро перенес внимание в другую сторону — туда, где, по его предположениям, лежала Ниана. Тут шансы казались более реальными.

Ниана напоминала бурлящий котел ментальной энергии. Мысли ее жителей, растерянных, устрашенных, метались, как у муравьев, чье гнездо разворошили палкой. Должно быть, маленький отряд Иеро находился ближе к порту, чем метс предполагал,— милях в трех-четырех от городских границ. Теперь стало ясно, почему вдоль тракта не идут караваны и покинут наблюдательный пост. Зондируя различные разумы, священник быстро выяснил, что Ниана подверглась нападению! Всех подходящих по возрасту и сноровке послали к морю, на помощь тем, кто защищал побережье и подходы к гавани. Удар, встревоживший муравейник Нечистого, был нанесен именно оттуда, и не требовалось сложных умозаключений, чтобы понять — его источником является то самое ментальное облако, которое Иеро обнаружил пятью минутами раньше. Итак, Ниана атакована... Но кем же, во имя Творца?

Метс ухитрился наладить устойчивый контакт с одним из приспешников Нечистого — довольно скверным малым, надо сказать,— который, похоже, был из числа младших командиров городского гарнизона. Группа его подчиненных строила сейчас баррикаду из бревен и мешков с песком поперек выходившей к порту улицы. Они отчаянно спешили. Из разума подопечного Иеро извлек картину большого флота — не меньше тридцати кораблей! — который надвигался на город с севера. Затем он выяснил, что колдуны Нечистого не в силах подчинить своей власти людей на борту судов. Это стало известно и населению, и войску, и очень не понравилось солдатам. Эти убийцы привыкли иметь дело с теми, чью волю сломили Темные Мастера, в то время как их самих защищало колдовское искусство хозяев. «Похоже, адепты злых сил ошиблись,— подумал Иеро.— Сраженные удивлением, они позволили распространиться по Ниане слуху об их бессилии».

Он продолжал копаться в мозгу сержанта. Этот мерзавец, хотя и был обеспокоен, не потерял доверия к хозяевам и утешал себя мыслью, что скоро в море выйдут два секретных корабля. Будет забавно поглядеть на вражеский флот, когда их орудия метнут огненные стрелы!

Прислонившись спиной к плетеному бортику платформы и закрыв глаза, Иеро попытался успокоить ломоту в висках, вызванную сильным и длительным напряжением. Отгородив разум от звуков и излучений внешнего мира, он думал над тем, что же теперь делать. Идти в Ниану не хотелось. Однако, если он с друзьями не может попасть на корабль странного флота, лучше всего воспользоваться сумятицей и завладеть подходящим суденышком. Пожалуй, стоило рискнуть.

Повернувшись к иир'ова, он поделился с ними результатами мысленной разведки.

— *Мы пойдем в город,*— добавил священник,— *тот, что у большой воды. На него напали, и, думаю,*

дела у защитников идут неважно, иначе они не решились бы вызвать на помощь патрули и охрану с дороги. Сейчас все их воины на побережье... может быть, оставлена застава у въезда в город, но немногочисленная. Убивайте, если потребуется, только тихо. Но не самок и не молодых... их достаточно оглушить.

Покинув наблюдательную площадку, путники снова вышли к дороге. Теперь они двигались вперед много быстрее; Иеро вел молодых охотников с одной стороны тракта, Б'ургх и М'рин скользили вдоль другой.

Они мчались, словно тени, огибая древесные стволы, мелькая в пятнах солнечного света, что пробивался сквозь зеленый полог листвы. Иеро постоянно прощупывал петлявшую рядом дорогу. Он не жаждал непредвиденных встреч и смертельно боялся наскочить на патруль Нечистого, скрытый от мысленного взора ментальными щитами, медальонами из голубоватого металла, с которым метс познакомился в прошлом году. Даже тогда, во всеоружии телепатической мощи, способный убить врага одним усилием воли, он не смог проникнуть сквозь защитные барьеры и был уверен, что это и сейчас ему не под силу. В то же время в подсознании шевельнулась неясная мысль, которая также имела отношение к прошлому. Что-то упущено... нечто важное, что могло пригодиться теперь... Дьявольщина, да что же? Иеро поморщился. Придется потерпеть. Не ждать же, пока воспоминание всплывет на поверхность, пробившись сквозь толщу времени.

Быстрым шагом путники прошли около мили. Вдруг Б'ургх поднял длинную, испещренную пятнами руку, подавая знак к остановке. Затем он быстро перебежал к Иеро на другую сторону дороги и, схватив его за плечо, приставил другую ладонь к уху. Отряд остановился; священник, напрягая слух, попробовал различить, что встревожило чутких спутников. Наконец он тоже услышал отдаленные крики и рев, иногда перемежаемые высокими пронзительными звуками.

Шум сражения, несомненно! Иногда гул перекрывался тяжким грохотом — казалось, целое здание или огромное дерево падало на землю. Лес притих, словно испуганный бушевавшим вдали взрывом человеческой ярости.

Иеро приказал увеличить скорость; теперь они почти бежали, стараясь, однако, скрываться за деревьями. Пожалуй, в этом не было особого риска; метс чувствовал, как возрастает впереди ментальная активность — там, где грохотал и кипел бой. Теперь с каждым шагом все лучше и лучше ощущалась аура отдельных людей. Священник мог уже уловить мысли перепуганных детей и женщин и тех мужчин, которые не участвовали в битве, но пытались скрыться. Темные Мастера Нианы по-прежнему скрывались в тайных убежищах, обнаруживая свое присутствие только вспышками воодушевления, которое внезапно охватывало сражавшихся людей и лемутов; оно эхом отдавалось среди торговцев и прочего люда, который не знал — или предпочитал не знать,— кто на самом деле правит городом. Большинство горожан были сейчас в панике и думали лишь о том, как бы выбраться из опасного места.

Путники приближались к Ниане, и теперь Иеро уже мог слышать крики и стенания несчастных, чей мир рухнул в единое мгновение. Но мысли адептов Нечистого по-прежнему оставались недоступными: их, несомненно, прикрывали ментальные щиты, те механизмы, с которыми он встречался раньше. Не стоит и пытаться их обнаружить. Метс снова попробовал коснуться разумов нападающих, но те — кто же это? — были недосягаемы за огромным щитом. Священник ощущал их напор, смутное возбуждение большой толпы — но и только. Он устал искать смысла в хаосе мыслей над городом, к тому же дорога требовала внимания. Да и непрерывный поиск истощал силы.

Грохот сражения бил в уши. Лес редел. Путники начали ощущать запах дыма, едкий и вонючий. Черные

завитки становились все гуще, затмевая солнечный свет и застилая пространство между деревьев. Иир'ова фыркали и судорожно чихали. Все пятеро теперь продирались сквозь заросли кустарника. Иеро мчался впереди с мечом в руке; щит и копье мотались на ремнях за плечами. Похоже, предстояла неприятная работа, но он все еще надеялся ее избежать. Хотя крики и завывание впереди перешли в рев огня, регулярно повторявшийся грохот как будто стал реже. К запаху гари теперь примешивался другой, острый и резкий; Иеро никогда не ощущал раньше чего-либо подобного.

Они очутились в городе, даже не успев понять, как это произошло. Минутой раньше пятерка бежала сквозь редкий невысокий кустарник, и вот уже оказалась на узкой улочке меж рядов жалких хижин, наполовину скрытых клубами дыма. Вонь отбросов, навоза и человеческих фекалий стала так сильна, что перебивала запах горящего дерева.

Б'ургх предостерегающе зашипел, когда какие-то смутные фигуры возникли из дымного облака впереди. Порыв ветра на минуту развеял темную пелену, и обе группы почти одновременно увидели друг друга.

Пара крупных людей-крыс, обвешанных оружием и тащивших мешки с припасами или награбленным, застыли, недоуменно моргая, перед человеком с мечом и четырьмя Детьми Ветра. Грозные лики иир'ова были последним, что лемуты увидели перед смертью. Прежде чем успели шевельнуться огромные уши и когтистые лапы потянулись к оружию, оба рухнули с коротким хрипом; их глотки были перерезаны, тела с голыми короткими хвостами подергивались в агонии. Иеро в изумлении раскрыл рот, в очередной раз потрясенный скоростью, с которой действовали его союзники. Молодые воины уже стояли рядом с ним с обнаженными клинками, готовые к новой схватке, а тела лемутов еще не успели опуститься на землю!

— *Убивайте всех вооруженных!* — велел Иеро.— *Пойдем вперед, надо найти место, с которого можно взглянуть на город. Ищите! Здесь нет деревьев, но местные жители строят высокие хижины, много выше нашего роста. И здесь слишком много людей... много разумов, очень возбужденных... мне трудно слушать всех сразу. Вы должны использовать свои уши и глаза.*

Метс попытался припомнить, что Гимп и брат Альдо рассказывали год назад про Ниану. Лучар тоже проходила здесь с караваном рабов. Что они говорили? Город очень стар; возможно, в том или ином виде он существовал еще до Смерти. Нечистый владел этим местом, слуги его кишели повсюду, но главные адепты скрывались в тайных убежищах. Здесь сохранились полуразрушенные древние церкви, в которых давно не велась служба. Были тут каменные здания и башни. Возможно, гарнизоны Нечистого засели в них или использовали для наблюдения. Впрочем, стоило попытаться найти какое-нибудь высокое сооружение: блуждать наугад в этой зловонной мгле, где метались охваченные паникой жители, представлялось большим риском.

Пока Иеро взвешивал шансы за и против, впереди вновь раздался загадочный грохот, земля под ногами содрогнулась. Где-то вдали раздавались такие же звуки, ослабленные расстоянием. Что это значило? О, если бы найти место, с которого видна гавань!

Метс бросил взгляд на людей-кошек. Они молча стояли позади, плотно прижав уши к голове; шерсть на их загривках стояла дыбом. «Должно быть ужасно,— подумал Иеро,— нырнуть в этот смрад и гарь после чистого лесного воздуха, слушать чудовищный грохот, пробираться по лабиринту узких улиц, грозящих неведомой опасностью». Но его бойцы явно не собирались отступать, они рвались в битву. Священник почувствовал облегчение, хотя уже не первый раз

пожалел о том грузе ответственности, который лег на плечи четырех иир'ова.

Дети Ветра крались сквозь клубы дыма, выглядывая из-за углов, прежде чем пересечь перекрестки, напрягая зрение и слух, чтобы обнаружить врагов раньше, чем те найдут их. Смрадная тьма затопила все. Иеро, презрев риск обнаружить себя, передал:

— *Держитесь поближе ко мне, протяните друг другу руки. Б'ургх, пойдешь сзади. Убивай любого, кто замешит нас.*

Он сожалел о своей неосторожности, но лишь Бог ведает, на кого они могли наткнуться в этом вонючем тумане. Слишком давно и прочно враг обосновался в городе, и лишь полная скрытность могла обеспечить безопасность. Пробираясь вдоль деревянного частокола, сейчас расшатанного и местами рухнувшего на землю, священник разумом и слухом воспринимал многоголосый вопль, который повис над Нианой. Мягкая ладошка М'рин дрогнула в его пальцах, и он попытался передать Младшей частицу своей силы.

На миг Иеро замер, когда вытянутая вперед рука коснулась чего-то твердого, массивного. Камень! Чуть скользкий от копоти, полированный, со щербинками, которые могло оставить лишь время. Иеро стоял, ощупывая стену ладонью. Он знал, что остальные тоже не двигаются и, вытянувшись цепочкой у него за спиной, впитывают охвативший предводителя трепет возбуждения.

Ни криков, ни воплей не слышалось вблизи, хотя вдалеке по-прежнему гремел шум битвы. Пот и грязный пар горячим одеялом покрывал всех пятерых, но что еще таилось за темной завесой? Священник попытался прикинуть, сколько сейчас времени,— вероятно, за полдень. Они находились в городе не более часа... Иеро невольно вздрогнул от близкого грохота, долетевшего с соседней улицы; земля под ногами качнулась, затем последовал ряд более слабых толчков. Звук следующего разрыва донесся издалека, откуда-то из района порта.

Метс сжал руку М'рин, приказывая двигаться медленнее. Он всмотрелся прищуренными, слезящимися от дыма глазами в каменную стену и пошел вдоль нее. Пальцы скользили по древним камням, ощупывая то ровную шлифованную поверхность, то заделанные цементом швы. Десять футов, двадцать... Стена тянулась дальше, и, подняв руку, он не мог достать до края; казалось, камни уходили к небесам.

Новая волна удушливой гари накрыла пятерку. Иеро, кашляя и протирая глаза, согнулся у стены. Потом рука скользнула дальше, и метс замер, нащупав канавку в камне, какой-то орнамент и наконец гладкую поверхность массивной деревянной двери. Она была открыта. Моргая от едкого дыма и напрягая разум и слух, священник стоял у входа в древнее святилище.

ГЛАВА 9

Ветер перемен, ветер удачи

Поблизости не было никого и ничего, кроме некоего защитного ментального устройства, которое Иеро распознал с легкостью. Он стоял вместе со спутниками в нижнем зале высокого здания — почти наверняка одной из заброшенных церквей, которые описывала Лучар. Священник протянул ментальные щупальца дальше, чувствуя присутствие чуждых и враждебных разумов, таившихся в подвалах и высокой башне, которая венчала здание. Впрочем и там и тут было человека три-четыре, не более. Продолжая мысленный поиск, метс направился сквозь полумрак и клубы дыма туда, где слабый проблеск света падал на узкие ступени. Остальные шли следом, в возбуждении издавая чуть слышное шипение.

— *Надо взглянуть, что там, наверху,*— передал Иеро.— *Б'ургх, останься здесь на страже. Если кто-нибудь появится... один или двое — убей их! Если больше — дай сигнал и поднимайся к нам.*— Он понимал, что поручение, возможно, не понравится вождю: тот был любопытен. Что ж, пусть утешается мыслью, что тыл должен охранять лучший из воинов.

Обнажив меч, Иеро начал карабкаться вверх по высоким ступеням лесенки, которая закручивалась в тугую спираль; трое иир'ова шли по пятам. Ступеньки были выщербленные и потемневшие, что свидетельствовало о солидном возрасте. Дым вился над головами, застилая глаза; каждую ступень приходилось осторожно нащупывать ногой. В гробовом молчании они миновали первый этаж Иеро не обнаружил здесь ни жизни, ни движения. За разбитой дверью зияла пустота коридора. Чем выше они поднимались, тем легче было дышать: дым истончался, превращаясь в редкие сизые пряди.

Другая раскрытая дверь была пройдена без звука, затем Иеро подал рукой знак приготовиться. Путники достигли самого верха, и сквозь щели в последней двери пробивались тонкие лучики солнечного света. По кивку метса все четверо выскочили на площадку, обнесенную колоннадой, что поддерживала шпиль древнего храма,— вероятно, в минувшие тысячелетия здесь висели колокола. Теперь же тут располагался наблюдательный пост, и те, кто занял старую звонницу, явно оказались не готовы к внезапной атаке.

На небольшой квадратной площадке находилось четверо существ; все пристально вглядывались в северный горизонт, в спокойные воды Внутреннего моря, хорошо различимые даже сквозь дымовую завесу, что окутывала нижнюю часть здания. Пара людей-крыс и один воин-человек умерли мгновенно; ножи иир'ова пронзили шеи наблюдателей раньше, чем те поняли, что их атакуют. Второй человек обмяк под точным ударом, нанесенным Иеро — ребром ладони по затылку, прямо под обрез железного шлема. Две-три секунды — и наблюдательный пост был захвачен. Велев молодым воинам присматривать за оглушенным врагом, Иеро шагнул к деревянному парапету, ограждавшему площадку; дерево казалось древнее потемневшего камня стен. Осторожно опираясь на перила, священник бросил взгляд вниз и вперед — на удивительную картину, что открылась с высоты.

Как он и подозревал, большая часть Нианы была в огне; старые деревянные строения пылали, словно сухой трут. Всюду бушевало пламя, дым стлался над улицами и кварталами, вдоль деревянных заборов огонь стремительно перебирался от дома к дому. Здесь и там над темной пеленой, из которой вырывались алые языки, вздымались древние каменные башни, сопротивлявшиеся натиску пожара. Ветер то тянул с востока на запад, то менял направление — легкий бриз, переменчивый и постепенно набиравший силу.

Внизу, на узких улицах, отряды войск Нечистого двигались к гавани. Им приходилось пробиваться через огонь и толпы обезумевших жителей Нианы, которые устремились в прямо противоположном направлении — на юг, подальше от берега. Вероятно, никто и никогда не составлял планов обороны города на случай серьезной атаки. Мастера Нечистого просто не рассматривали подобную возможность и теперь пожинали плоды своей близорукости. Ужасаясь, священник глядел на группу Волосатых Ревунов, которые мечами прокладывали путь сквозь толпу; они отбрасывали людей к стенам домов, устилая свой путь окровавленными телами. Вопли жертв заглушали шум сражения.

Взгляд Иеро скользнул к побережью. Противник атаковал порт, и большинство старинных торговых складов и доков пылало; лишь древняя каменная стена вокруг гавани сопротивлялась огню. Однако не это привлекло внимание священника; главные события разворачивались на воде.

Пять больших кораблей с угловатыми формами выстроились в ряд на внешнем рейде, ясно различимые сквозь клочья дыма. Жерла пушек, торчавших в распахнутых портах, с методичной регулярностью изрыгали пламя. Суда не имели парусов; посередине возвышались две дымовые трубы, на корме торчали короткие мачты. И флаги, развевавшиеся на них, заставили сердце Иеро прыгнуть к самому горлу. Зеленый круг на белом фоне, с крестом и мечом в центре! Флаг Аббатств! Республика Метс ударила по врагу!

Дыхание Иеро участилось. Он видел множество парусных судов, сгрудившихся за пятью странными кораблями. Эта экспедиция не являлась безрассудным набегом; перед ним был флот вторжения. Мысли метса не задержались на извергавших пламя орудиях, чьи снаряды рвались на улицах и вызывали регулярный грохот, который путники слышали последние полчаса. В конце концов, его не касалось, как они действовали,

вероятно, по тому же принципу, что и давно утраченный метатель, оставшийся в подземельях Мануна.

Рука священника стиснула перила; напрягая разум, он попытался войти в контакт с кем-нибудь на атакующих судах. Бесполезно. Мощный ментальный щит, равно непроницаемый для его мыслей и любых ухищрений Нечистого, накрывал флот невидимым колпаком.

Но он обладал сведениями, которые были сейчас так необходимы там, на кораблях... Он знал нечто жизненно важное, должен был предостеречь, помочь... Иеро с силой опустил кулак на деревянный брус перил; отчаяние сжимало горло.

Шерстистая рука легла на его плечо, вернув к действительности. Это была М'рин.

— *Б'ургх пришел. Он говорит, что много-много злых вышли наружу. Они не видели его. И больше здесь никого нет, мы остались одни в этом каменном гнезде...* — Позади Младшей маячила высокая фигура вождя иир'ова.

Почти бессознательно Иеро отметил, что ветер усиливается; теперь он дул с юга, со стороны джунглей. Священник снова бросил взгляд на метсианский флот. Что же делать? Из мозга сержанта Нечистого он почерпнул, что где-то поблизости скрывались два секретных корабля, суда с металлическими корпусами, движимые яростной энергией атома. И на их палубах находились орудия, метавшие электрические стрелы-молнии... Сможет ли флот Аббатств выстоять против него? Эти новые корабли, хотя и такие громадные, выглядели неуклюжими, как выброшенные на берег черепахи. Метс заметил, что суда были заякорены в линию, друг за другом, нос к корме. Видимо, чтобы вести прицельный огонь, они нуждались в полной неподвижности и безветрии. Но если погода переменится...

Он обернулся и посмотрел на очнувшегося пленника. Тот едва ворочал головой, бросая испуганные взгляды

на Иеро и Детей Ветра. Физиономия этого человека показалась священнику довольно мерзкой, но был он сравнительно чистым и хорошо одетым, а башмаки и сверкающий шлем выглядели совсем новыми и дорогими. На его шее висело металлическое изображение желтой спирали, что украшала плащи Мастеров Нечистого. Видимо, это был офицер довольно высокого ранга. Прикоснувшись к его мозгу, Иеро без особого удивления встретил непроницаемый барьер защиты.

— *Разденьте его!* — передал он иир'ова. В один миг острые когти содрали с человека куртку и рубаху, обнажив до пояса. На груди пленника поблескивала цепочка из голубоватого металла с плоским медальоном защитного устройства, которое использовали колдуны Нечистого, чтобы предохранить разум своих слуг. Иеро сорвал медальон и вышвырнул за ограждение площадки. Затем он вслух обратился к пленнику, используя батви, универсальный язык торговцев.

— Говори правду, и только правду,— возможно, это сохранит тебе жизнь. Солжешь — отдам тебя в лапы моих приятелей.— Иеро заметил, как человек содрогнулся под безжалостным взглядом желтых глаз.— Ну, говори! Где секретные корабли? Сколько их тут? Какова численность городского гарнизона? Ожидается ли подкрепление? Когда? И сколько солдат? Где прячутся твои хозяева-колдуны?

Выпаливая вопрос за вопросом и не дожидаясь ответов, он прислушивался к откликам не защищенного теперь мозга. Метса специально обучали подобной технике допроса, и за последний год тот настолько усовершенствовался в ментальном искусстве, что сейчас действовал почти автоматически. Пленника не надо было пытать, вытягивать из него правду раскаленными щипцами — Иеро просто спрашивал, а затем читал мысли слуги Нечистого.

Этот человек, по имени Эблом Горд, был не робкого десятка. Офицер высокого ранга, вроде командира республиканского легиона, он знал немало интересного,

но пытался лгать, что не имело большого значения для Иеро, который с непроницаемым лицом выслушивал побасенки пленного.

Оказалось, что вблизи Нианы находились только два корабля с извергающими молнии орудиями; их уже вызвали, и они должны прибыть с минуты на минуту. Гарнизон еще держался, но оборона могла рухнуть в любой момент, если не удастся рассеять или уничтожить флот Аббатств. В самом городе страшных электрических орудий не было. Нечистый, правда, имел значительные воинские силы, но не здесь, в Ниане, а на какой-то секретной базе далеко к востоку; вряд ли эти отряды успеют помочь городу. Большая армия формировалась на северном побережье Внутреннего моря, откуда планировалось вторжение в Канду. Нападение метсов на оплот Нечистого было полной неожиданностью; Республика успела первой нанести удар. Все вызванные подкрепления могли застать лишь пепелище Нианы, все, кроме грозных кораблей, которые способны изменить баланс сил.

Узнав все, что ему требовалось, Иеро пристально поглядел на офицера.

— Ты не сказал ни слова правды,— холодно заметил он,— и понесешь наказание.

Движение руки — сигнал для Б'ургха — было стремительным, но вождь иир'ова действовал еще быстрее; слуга Нечистого не успел вздохнуть, как нож уже торчал в его горле. Иеро окинул труп равнодушным взглядом. Теперь метс знал слишком много о прошлом этого мерзавца, насильника и убийцы, чтобы сожалеть о его смерти.

Священник перешагнул распростертое тело и поморщился, заметив капли крови на сандалиях, но тут же обратил взгляд на военный флот Аббатств, продолжавший методично и с завидной точностью бомбардировать противника. Ветер крепчал, ерошил волосы на затылке Иеро. Постоянные, ровные, за исключением отдельных порывов, токи воздуха стремились на север,

в сторону моря. «Ветер,— с отчаянием думал Иеро,— почему в мыслях моих ветер?» Корабли врага идут быстро... серые угрюмые корабли, которым не нужны ни паруса, ни ветер...

Почему же он думал о ветре, несущемся над землей и волнами? Почему? Тут в голове прояснилось. Он знал ответ!

Метс быстро повернулся к спутникам. Посыпались приказы, перемежаемые редкими вопросами. Обмен мыслями занял не больше минуты; решение было принято, и маленький отряд начал спускаться вниз по ступенькам.

Нижняя часть здания по-прежнему казалась тихой и пустынной; сквозь широко распахнутые двери тянуло гарью. Вдалеке раздавались крики, стоны и злобный вой лемутов, треск пламени и грохот разрывающихся снарядов. Острие атаки, отметил Иеро, кажется, немного переместилось к западу, словно флот республики двигался в этом направлении. Что ж, это вполне совпадало с планами священника.

В полном молчании пять фигур, подобно призракам, выскользнули из древнего храма и заторопились вниз по узкой улице. Иеро шел впереди; в этом людском муравейнике его знания и способности стоили дороже слуха, зрения и феноменальной скорости союзников. Вскоре пятерка достигла маленькой площади и была вынуждена спрятаться за развалинами стены: орущая напуганная толпа прокатилась мимо их убежища. Мельком коснувшись мыслей людей, Иеро понял, что они мчатся в панике, без цели, не разбирая дороги, пытаясь выбраться из-под обстрела. Когда последние фигуры исчезли за поворотом, путники выскочили из-за стены, быстро пересекли площадь и нырнули в туман. Метс выбрал улицу, которая шла под уклон, как многие улицы Нианы, ведущие к морю. Бросив взгляд на купол оставшейся позади церкви, Иеро решил, что до берега всего несколько минут ходу. Отряд двигался быстро. Один раз чей-то силуэт возник впереди, расплывчатый

и безликий в дымной мгле; но, разглядев пять стремительных фигур, едва освещенных бледными солнечными лучами, человек дико вскрикнул и метнулся в боковой проход.

— *Сейчас надо действовать еще осторожнее,*— передал священник.— *Мы приближаемся к воде, там собралось много вражеских воинов. Необходимо пробраться сквозь их отряды и найти судно.*

— *Вода недалеко,*— ответила М'рин.— *Я чувствую ее запах. Хотя в воздухе дым и гарь, от воды тянет свежестью.*

Неожиданно, раньше, чем предполагал Иеро, морская ширь открылась их взорам. Переулок, вымощенный старым кирпичом, который хрустел под ногами бегущих, вдруг резко оборвался. Перед ними лежал лабиринт старинных пирсов, наполовину сгнивших и покосившихся, словно спьяна; одни еще возвышались над болотистой почвой побережья, другие пылали, подожженные бомбами или случайной искрой. Ветер продолжал подталкивать путников в спины, выдувая из охваченного пожаром города клубы сизого дыма.

Мозг Иеро быстро обшарил округу. Тут не было слуг Нечистого — по крайней мере, вблизи. Священник ощущал присутствие большого отряда солдат, но достаточно далеко. Он прислушался, и вместе с ним насторожили чуткие уши Дети Ветра. Грохот разрывов сместился влево, к западу, и благодаря странной игре природы там, где стояли путники, воцарилась относительная тишина. Только плескались крохотные волны, набегая на берег, да шипел огонь, пожиравший очередной пирс.

Затем на глаза Иеро попался некий предмет, который был полускрыт покосившимся причалом и чуть заметно двигался в такт набегавшим волнам. Именно эти слабые колебания привлекли взгляд метса. Присмотревшись, тот еще раз окинул окрестности мыслью и взглядом, разыскивая следы движения. Иеро не нашел ничего, но инстинкт, более древний, чем разум,

предостерегал: кто-то затаился неподалеку и следит за ними!

«Не имеет значения! — отмахнулся Иеро.— Время слишком дорого, чтобы тратить его на проверку смутных подозрений».

— *Ждите тут и наблюдайте,*— велел он спутникам.— *Если вон та штука которая болтается в воде, под деревянным настилом,— то, что нам нужно, я дам знать.*

Не ожидая ответа, метс быстро пересек открытое пространство и устремился к причалу. Через минуту, оказавшись на борту небольшого суденышка, Иеро внимательно осматривал его единственного матроса — без сомнения, местного рыбака.

Должно быть, бедолага собирался выйти в море: в лодке лежали весла, корму загромождала сеть. Рыбак был безоружен, если не считать короткого ножа на поясе, стягивающем кожаные штаны; торс прикрывала фуфайка. Он, по-видимому, собирался отплыть, когда был сражен выстрелом из арбалета — стрела пробила шею насквозь. Рукояти весел упирались в грудь. Иеро подумал, что несчастный, еще одна жертва войны, расстался с жизнью в тот момент, когда уже хотел оттолкнуть лодку от причала.

Он сотворил над покойным молитву, полагая, что простой рыбак вряд ли мог быть приспешником Нечистого, затем приподнял тело и вывалил его за борт. Пока спутники метса, повинуясь призывному взмаху руки, стремительно неслись к пирсу, Иеро занялся прочной веревкой, привязанной к почерневшей от времени опоре настила. Спустя секунду четверо иир'ова, перепрыгнув узкую полоску воды, очутились в лодке. Иеро сунул весла в уключины и, навалившись на гладкие рукояти, направил суденышко в открытое море.

Чей-то полный ненависти взгляд впился в него, словно стрела, выпущенная с берега, из узкой щели притворенного окна. Белая рука судорожно сжала

медальон на голубоватой цепочке, затем, когда ее обладатель принял решение, снова легла на подоконник. Миг — и закутанная в плащ с глухим капюшоном фигура метнулась к выходу.

Утлая посудина — футов пятнадцати в длину — имела заостренный приподнятый нос. Она резво рассекала воду, подгоняемая сильными ударами весел. Дети Ветра со сверкающими глазами и вставшей дыбом шерстью скорчились на дне лодки: пара — на носу, пара — прямо у ног Иеро. Все четверо трепетали от возбуждения и новизны впечатлений, однако они скорее простились бы с жизнью, чем выдали слабость. Когда волнение усилилось, иир'ова только прижали к черепу остроконечные уши, терпеливо ожидая команды руководителя и друга.

Иеро проверил ветер, прокладывая курс. В его стратегических планах зияли такие прорехи, что лишь редкостная удача могла спасти все предприятие от полного краха. Если бы только продержался южный ветер! Священник оглянулся через плечо, наблюдая, как постепенно редеет дым городских пожаров, который до сих пор мутной пеленой висел над лодкой.

Горизонт уже был ясен, и слева по курсу, на внешнем рейде, священник разглядел мачты метсианского флота. Пять дредноутов, при взгляде с воды еще больше похожие на черепах или плывущие по течению крыши амбаров, теперь медленно перемещались обратно к востоку, усердно поливая город огнем, словно клочья дыма, которые нес бриз, не затрудняли поиск целей. Видимо, разрывов в окутавшем город темном тумане было достаточно для канониров. За линией дредноутов неторопливо потянулись на восток и парусные суда, ожидая сигнала к высадке десанта. Над морем продолжал дуть устойчивый южный ветер.

Корабли Нечистого приближались с востока — быстрее любого парусника, стремительнее, чем новые паровые суда Республики. Вызванные Темными Масте-

рами, они шли на выручку Ниане, их страшные орудия были готовы сокрушить флот метсов.

Иеро не питал надежд на победу в морской баталии. Метсианские паровые дредноуты были достаточно сильны, чтобы неожиданно захватить порт. Но священник не сомневался ни минуты, что им не выстоять в сражении с кораблями Нечистого. Инженеры, которые создали паровые суда по распоряжению Совета Аббатств и отца Демеро, не располагали временем, чтобы добиться той мощи и быстроходности, которая отличала корабли противника. Священник с ужасом представил, как запылает военный флот Республики, включая и эти огромные, похожие на плавучие форты дредноуты, под ударами молний. Гроза неумолимо надвигалась с востока.

— *М'рин*,— торопливо передал он,— *приготовься! Торопись, враг приближается! Нам надо лечь на дно, чтобы лодка казалась пустой. Это вызовет меньше подозрений.*

— *Она уже начала*,— отозвался Б'ургх.— *А я... я вижу этих безволосых обезьян! Как быстро они приближаются!*

Теперь и сам Иеро заметил две темные точки, которые стремительно мчались с востока и росли с каждой минутой. Он стиснул кулаки. Если бы пробиться сквозь ментальный барьер, окружавший его соратников, и сообщить им, что происходит! Укрывшись вместе с иир'ова за низким бортом лодки, он попытался успокоиться. Внезапно священник ощутил волну ужаса, взметнувшуюся над суденышком, и возликовал в душе. Сумка на поясе М'рин была раскрыта, и руки ее лихорадочно двигались, что-то растирая, смешивая, пересыпая из ладони в ладонь. Темный животный страх исходил от Младшей; он как будто совсем не действовал на иир'ова, но тело человека отзывалось каждой клеточкой, каждым нервом! Ветер Смерти обрел крылья и взлетел над морем в поисках жертв. Он понесся вперед вместе с клубами темного дыма, придавая чаду

тлеющего дерева смертоносную силу ядовитых газов далекого прошлого.

Иеро бросил торопливый взгляд на запад. Там все шло хорошо. Флот Аббатств вытянулся в линию вдоль побережья, готовясь к высадке десанта. Большие дредноуты прекратили бомбардировать город, парусные суда под их защитой подбирались к берегу.

— *Они пришли,*— сообщил Б'ургх.— *Сейчас мы увидим.*

Иеро зажмурил глаза и начал молиться. Он сделал все, что мог; теперь оставалось уповать только на милость Божью. Еще мгновение — и колдуны Нечистого почувствуют силу оружия иир'ова, как это случилось в прошлом, когда Дети Ветра, сбросив цепи рабства, вырвались на свободу.

Он молился, пока не услышал знакомые звуки, которые ждал с ужасом и отчаянием. Молнии Нечистого! Казалось, воздух наполнился шипением и потрескиванием. Неужели враги собирались уничтожить крохотное суденышко? Один выстрел мог испепелить их всех в мгновение ока. Не в силах больше сдерживаться, Иеро чуть приподнял голову над бортом. Остальные последовали его примеру, и теперь все пятеро с благоговейным страхом наблюдали картину морской баталии.

Колдуны Нечистого, что направляли бег стремительных узких кораблей, явно не собирались прибегать к тактическим ухищрениям. Это им не требовалось: таинственные суда намного превосходили любого мыслимого врага. Хищные серые корпуса устремились прямо к метсианскому флоту, а орудия на их палубах одну за одной извергали огненные стрелы. Корабли двигались близко друг к другу, будто соревнуясь в стремлении насладиться безнаказанным убийством. Казалось, они даже не заметили одинокую лодку, дрейфующую в четверти мили к югу от их курса; впереди ждала более крупная и соблазнительная добыча. Молнии били в цель. Как и опасался Иеро,

страшные орудия Нечистого превосходили по дальности боя неуклюжие пушки метсианских дредноутов. Уже задымилось одно из неповоротливых судов; в корпусе его зияла большая пробоина, однако оно еще держало строй. И священник понимал, что флот Республики будет сражаться до последнего, пока на плаву останется хоть один корабль, а на его палубе — хоть один живой боец. Он снова взмолился о чуде, глаза слезились от дыма и горечи, ибо что могло быть тяжелей, чем бессильное сожаление о гибнущих соратниках!

И чудо, как бывает порой, когда мужество и стойкость нуждаются в поддержке, произошло.

Оба корабля Нечистого, обтекаемые и стремительные, еще целились острыми форштевнями в метсианский флот, но экипажи их внезапно обезумели. Иеро увидел, как идущее левее судно вдруг резко вильнуло в сторону и ринулось прямо на соседа. Треск и шипение орудий, метавших молнии, смолкли, и скорчившиеся на дне лодки услышали дикие вопли, что неслись над молчаливыми водами. Корабли с грохотом столкнулись; крохотные фигурки, размахивая руками, посыпались в море; остатки обеих команд, охваченные смертным ужасом, искали спасения в волнах. Затем наступил конец. Ближайший к берегу корабль неожиданно повернул в сторону и, поднимая гигантскую волну, устремился на мелководье. Струйка дыма показалась над серым корпусом, затем — ослепительная вспышка взрыва, заставившая пятерых в лодке зажмурить глаза. Последовал чудовищный грохот; Иеро и люди-кошки прижались к смоленым доскам, прикрывая головы руками. Удар обжигающего ветра обрушился на лодку, ее экипаж замер в ужасе под хлынувшим через борт потоком воды.

Переборов панику, Иеро приподнялся — как раз вовремя, чтобы заметить набегавший яростный вал. Он бросился к веслам и одним движением развернул суденышко носом к огромной волне. Оно высоко взлетело, на миг зависнув на гребне, затем рухнуло

вниз, в глубокое зеленоватое ущелье. Напрягая все силы, бешено работая веслами, священник удержал лодку поперек волны; вторая и третья были гораздо ниже, и он справился с ними без труда. Затем, бросив весла и потирая горевшие ладони, Иеро кивнул остальным; теперь они могли встать и полюбоваться на результаты своих усилий.

Там, где встретили конец корабли Нечистого, крутилась расширяющаяся воронка; южный ветер сглаживал ее, посылая череду невысоких волн. Обломки дерева, снасти и шпангоуты покачивались на воде, искореженные и раздробленные мощным взрывом. Но ни одного тела, ни мертвого, ни подающего признаки жизни, видно не было. Мрачные таинственные корабли, которые столь долго держали в страхе южное побережье, исчезли, растворились — вместе со своими командами из лемутов и человеческого отребья, вместе с Темными Мастерами, повелевавшими на их палубах.

На носу рыбачьей лодчонки, сокрушившей силу Нечистого, сидела М'рин: на коленях — кожаная сумка, острые ушки стоят торчком, широкая улыбка приоткрывала острые зубы. Ветер Смерти помог одержать победу над врагами племени — такую победу, о которой они даже не могли мечтать. О ней будут петь у родных очагов, она войдет в легенды для грядущих поколений! Безгубые рты иир'ова растянулись в торжествующей ухмылке; низкий горловой звук — не то рычание, не то смех — затопил лодку. Они радовались, они были переполнены счастьем; те, кто осмелились когда-то наложить цепи на вольных Детей Ветра, мертвы!

Иеро улыбался, наблюдая за ликованием команды, которая сверкала глазами и вздыбила шерсть на загривках. Он с удовольствием присоединился бы к дружному хору, если бы обладал необходимыми вокальными способностями. Но вместо того священник вознес молчаливую хвалу Создателю. Он, всемогущий, податель всех благ, даровал удачу! И время, и место, и оружие, сразившее Нечистого, были выбраны верно! Но

никто не мог рассчитывать, что подобные чудеса будут продолжаться бесконечно, и потому следовало приступить к делу. Выиграна только первая стычка в кровопролитной битве, в тяжелой войне, которая растянется на долгие года и многие мили.

Священник с сожалением прервал триумфальный пеан Детей Ветра, вернув их к суровой действительности.

— *Друзья,*— его мысленная речь была наполнена дружелюбием и теплотой,— *сражение еще не кончено. Надо действовать. В первую очередь — встретиться с моим народом. Вот то, ради чего я проделал такой длинный путь с юга.*— Он вытянул руку в сторону метсианских кораблей, на палубах которых царило легкое замешательство, вызванное столь неожиданным и впечатляющим концом баталии.— *Успокойтесь и сядьте; сейчас я постараюсь подплыть ближе к большим лодкам. И молитесь Ночному Ветру, чтобы мои приятели не обрушили на нас громы прежде, чем разберут, кто мы такие.*

Впрочем, это оказалось несложным. Метсианские боевые корабли неторопливо перемещались вдоль линии побережья, и маленькое суденышко, устремившееся к флоту, было замечено сразу. Передовой дредноут замедлил ход, клубы дыма перестали валить из двух высоких труб, из рулевой рубки на носу появилась группа людей. Заметив, что несколько пушечных жерл развернулось в их направлении, Иеро бросил весла, встал и скрестил руки над головой. Затем он медленно осенил крестом широкую грудь — так, чтобы на судне могли ясно разглядеть этот жест и понять его смысл.

На миг наступило молчание; метс стоял неподвижно, рыбачья лодка тихо покачивалась на волнах. Затем густой бас, усиленный рупором мегафона, проревел:

— Ну, поглядите-ка на его грязную рожу! На его тощее брюхо! На голодную ухмылку этого пожирателя навоза! Я же говорил вам, что даже лысая бестолочь Нечистого побрезгует подвесить за ребра самого тупо-

умного и бесполезного священника Аббатств! Он таки жив!

Иеро с облегчением рассмеялся:

— Что ты делаешь на этом плавучем гробу — ты, старый лесной хорек? Вот не думал, что тебя возьмут в плавание. Ведь ты так боишься воды, что не мылся ни разу в жизни!

Огромный человек поглядывал на него с борта судна с некоторой благосклонностью. Пер Эдард Малуйн был на голову выше Иеро и весил вдвое больше. Он обладал бычьей силой и круглой физиономией невинного дитяти. Кроме того, он являлся ветераном Границы, умелым бойцом и одним из лучших друзей Иеро — они встретились впервые в школе Аббатств, еще десятилетними мальчишками.

— Кто там с тобой, Коротышка? Ну, тебе сильно повезло! Ты видел, что мы сейчас сделали? Мой корабль и четыре остальных?

Иеро взялся за весла и подгреб к массивному корпусу судна. Затем он поднял насмешливый взгляд вверх, на столпившихся у борта людей.

— Вы сделали? Вас всех — и тебя, Толстяк,— объедали бы сейчас крабы на дне морском, если бы не эти мои приятели.— Священник кивнул в сторону четырех иир'ова.— Ты думаешь, что отродья Нечистого сошли с ума и протаранили друг друга, испугавшись твоей немытой физиономии?

Глаза пера Эдарда сузились, на широком лбу пролегла морщина; какая-то смутная мысль бродила в его голове. Наконец он протянул:

— Значит, это был ты? Что ж, я мог бы и догадаться... Ты уже не раз натягивал нос этим грязным выродкам... И хвала Создателю за это! Теперь давай-ка быстро на борт! У нас новый ментальный щит, слишком прочный, чтобы я мог говорить с твоими приятелями. Залезайте сюда, пойдем на мостик и примемся за работу. Скоро войне конец! Мы выметем это змеиное гнездо!

В одно мгновение все пятеро оказались наверху и, миновав узкий проход, по скошенной к воде палубе направились к мостику. Они встали там, разглядывая недавно покинутый город, пока пер Эдард отдавал приказы. Мгновением позже грохот большого орудия где-то под ними и дрожь палубы указали на возобновление бомбардировки. Улучшив минуту между командами рулевым, канонирам, сигнальщикам и десятком других дел, пер Эдард засыпал гостей отрывистыми вопросами, поглядывал на них из-за могучего плеча. На нем были кожаные штаны и куртка — обычное одеяние Стражей Границы,— но над козырьком фуражки Иеро заметил серебряный значок, который никогда не видел раньше. Он пригляделся. Кораблик с квадратным парусом был изображен так, словно он смотрел на него спереди; под ним — скрещенные якорьки, окруженные извивающейся цепью.

— Что это такое? — повторил пер Эдард вопрос Иеро.— О, мы все носим этот знак. Демеро раскопал его в каких-то древних книгах. Обычная глупость, я полагаю, но людям нравятся такие вещи. У нашего адмирала — им стал полковник Бирэйн — золотой значок; капитаны носят серебряный, а у тех, кто рангом пониже,— кораблик из бронзы. Мы теперь моряки, друг мой... — Он хмыкнул, поглядывая на пылающий город.— Нам хватило времени, чтобы собрать металл для пушек. Эта бронза, я полагаю, доставлена из какого-то древнего города. Корпуса судов? Нет, они не металлические, всего лишь дерево. Но армированы тонкими пластинами керамического материала. Неплохая защита от огня и всего прочего... конечно, кроме этих дьявольских пушек, что мечут молнии. Готов допустить, мой мальчик, что на этот раз мы сохранили головы только благодаря тебе.

Корабли?.. Эй, рулевые! Куда правите, медные лбы?! Решили, что это каноэ? При таком курсе мы расстреляем соседа, а не доки! Левей, болваны! — Он снова повернулся к Иеро.— Да, корабли... Ну, Демеро собрал

моряков с побережья на озере севернее Намкуша. Прекрасное озерцо, знаешь ли, и Народ Плотины помог перекрыть речку, что вытекает из него. Они теперь заодно с нами... Многое изменилось с тех пор, как ты отправился геройствовать на юг, мошенник!

Он погрозил Иеро пальцем толщиной с доброе топорище, потом снова начал реветь на парней, стоявших у огромного двойного рулевого колеса. Через минуту пер Эдард опять повернулся к приятелю:

— Да, так мы о кораблях... Понимаешь, тут нет ничего нового. Один бог знает, откуда взялись все нужные сведения, но выглядело это так: мы задавали вопрос, и нам отвечали. Довольно быстро, надо сказать. Думаю, помогли записи, что хранятся в Аббатствах. Там есть что угодно... Как построить все эти проклятые штуки, разные машины... Они называются «паровыми двигателями высокого давления», и мы разнесли две штуки в клочья, прежде чем научились управляться с ними. К счастью, никого не задело... Старые корабли, которые мы копировали, строились так же, но с железными корпусами. Ну, столько железа нам было не набрать, во всяком случае — быстро. Но мы откопали состав этой керамики — она похожа на черепицу, но раз в двадцать прочнее. Хорошая штука... Теперь я даже рад, что нам не хватило железа... Один удар проклятых электрических стрел мог поджарить всех нас, как на сковородке!

Одним словом, мы построили пять кораблей. Народ Плотины открыл шлюзы, и мы отправились вниз по реке к Намкушу... и прибыли туда, дай-ка вспомнить... ранним утром три недели назад. Мы тащили за собой баржи с двумя легионами, и через полчаса город был наш. Ни один корабль не удрал из гавани! Слуг Нечистого там было немного, но шпионов — торговцев, пиратов и всякого отребья — выше макушки. Мы посадили всех под замок, допросили и часть мерзавцев повесили. Затем реквизировали пиратские корабли и те суда, что побольше, а к остальным приставили охрану;

никто не мог предупредить Нечистого. Ну, и двинулись мы вдоль побережья к югу, со всеми этими парусниками на хвосте... Шли довольно медленно, но вот мы здесь... Что тебе, сынок?

Остроглазый паренек примчался с кормы и вытянулся, подняв руку в салюте.

— Приказ адмирала, сэр. Двигаться к побережью и следить за его сигналами. Он дает команду парусникам пройти сквозь наш строй и высадить десант. Корабли должны прикрывать пехоту.

— Ясно. Эй, внизу! Прекратить огонь и ждать команды! — Малуйн оторвался от переговорной трубы и первый раз пристально посмотрел на Детей Ветра.— Твои друзья могут получить кресла в первых рядах, старый бродяга. Значит, так: один большой разбойник, два молодых бандита на подхвате и эта... настоящая красотка! Где ты их подцепил? Никогда не слышал о таких лемутах... извини, чужаках.

Его взгляд, восхищенный и откровенный, скользнул по округлым формам М'рин, моментально преодолев естественный барьер между двумя расами. Младшая сердито прижала ушки, но промолчала.

— Полегче, парень! — осадил приятеля Иеро.— Эта юная леди, что так сердито на тебя поглядывает, недавно обратила в прах два корабля Нечистого — те самые, что могли превратить твое игрушечное суденышко в погребальный костер. Хочешь, чтобы она и с тобой проделала такую же штуку?

При этом поразительном сообщении глаза пера Эдарда расширились, но он слишком хорошо знал Иеро, чтобы сомневаться в его словах. Склонив голову перед необычными гостями, капитан метсианского дредноута с изысканной вежливостью произнес:

— Я счастлив встретить таких храбрых воинов, друзей моего старого товарища. И я приношу глубокую благодарность от всех нас за помощь — она была весьма своевременной. Те, кто возглавляет наш народ, вожди и мудрецы, скажут вам то же самое при встрече. А

сейчас мы рады считать вас дорогими гостями и союзниками на борту этого судна. И все, что мы можем сделать для вас, будет сделано. Только скажите.

Иеро перевел речь приятеля и стал ждать, любопытствуя, кто же ответит. Отозвался Б'ургх; видимо, военный вождь все же считался главным среди четырех иир'ова, несмотря на высокое положение М'рин в Прайде.

— *Благодарю тебя! Мы пришли издалека, чтобы помочь нашему другу Иеро и его народу. И хотим сражаться с теми, кого вы зовете слугами Нечистого; наше название для них еще хуже. Загляни в разум каждого из нас, и ты убедишься, что мы желаем только искренней дружбы. Нельзя ли, однако, сделать так, чтобы мы могли дышать чистым воздухом? Запах города и твоей плавающей в воде большой черепахи угнетает нас... Можно ли сделать его не таким сильным? Если нет, мы потерпим. И обещаю: мы пойдем туда, куда пойдешь ты, будем есть, пить и сражаться вместе с тобой — и умрем, если будет нужно, с твоими воинами.*

Закончив перевод, Иеро заметил, что слова огромного иир'ова произвели впечатление на северянина.

— Пожалуйста, скажи им,— торопливо начал пер Эдард,— что я постараюсь при первой возможности перевести их на вспомогательное парусное судно. Там воздух почище... нет этого дыма и угольной пыли. Честно говоря, меня и самого иногда мутит от запахов... Ну ладно, теперь мне надо прикрывать высадку десанта. Гляди: первый парусник уже приближается к берегу!

Пока шла беседа, суда со Стражами Границы миновали строй дредноутов и начали с осторожностью продвигаться к вытянутым в море причалам. Разговоры на мостике смолкли; все застыли в напряжении, всматриваясь в берег и ожидая контратаки. Иеро попытался вытянуть к городу ментальный щуп, но наткнулся на непроницаемую стену. Барьер, который

воздвигли Аббатства над своим военным флотом, оказался так же непроницаем изнутри, как и снаружи. Священник не мог ни послать, ни принять сообщение; сфера действия его ментальных сил была ограничена палубой корабля. Шепотом он сообщил об этом перу Эдарду.

— Да, правильно. Аббат Демеро предупреждал нас. И еще я слышал, что за последний год ты стал прямо рекордсменом в таких вещах! Теперь у нас много народа занимается этим... наверно, они будут счастливы заполучить тебя обратно! А что касается щитов... Знаешь, большие люди — я имею в виду Совет — решили, что в наших рядах есть пара-другая мерзавцев, а потому каждому навесили эти штуки. Так что утечка любых сведений исключена.

Иеро кивнул, и они обратились к созерцанию стройных шеренг пехоты Аббатств, катившихся мимо причалов к затянутым дымом узким улочкам, что вели в центральную часть Нианы. Кроме отдаленных криков, доносившихся сквозь треск и шипение огня, других звуков не было слышно. Не замечалось и каких-либо попыток к сопротивлению — во всяком случае, в порту. Второе парусное судно подошло к пирсу, и с него хлынул поток воинов. Офицеры — некоторых из них Иеро знал — выкрикивали команды, строили своих людей и вели их в глубь городского лабиринта. Один корабль за другим причаливал к берегу, выплескивая человеческий груз, пока Иеро не подсчитал, что в город вошли уже два полных легиона, не меньше четырех тысяч бойцов. Невольная зависть охватила священника. Он был разведчиком-рейнджером, офицером отборных частей военных сил Аббатств, и сейчас не мог сдержать желания — немного детского, как он сам понимал,— ринуться вместе со Стражами Границы на завоевание Нианы. В нем проснулся солдат, опьяненный предвкушением битвы. Но Иеро был достаточно мудр, чтобы глубже разобраться в собственной душе. Целый год метс не видел соотечественников. Он прошел тысячи миль, подаривших ему новых друзей, жену, высокое поло-

жение — все, о чем стоило мечтать. Однако новое оставалось новым, и сейчас Иеро чувствовал себя так, словно вернулся к родному очагу. И пока монолитные ряды пехоты пересекали предпортовую площадь, исчезая в разверстых зевах улиц, ему страстно, до боли захотелось стать одним из этих парней, рядовым бойцом, частью роя, стаи, легиона, корпуса. Чувство, древнее как мир. Иеро не догадывался, что в этот миг его глазами смотрит один из ветеранов-легионеров, которые пронесли римских орлов от болот Британии до обожженных солнцем плоскогорий Ирана.

Однако метс был не только солдатом — он был священником. И невольно слова благодарности Творцу начали складываться в голове; Господь благословил его, дозволив лицезреть поступь воинов Божьих по земле врага. Он знал, что лишь гордыне обязан этим смятением души. Господь благословил его и не раз вел к победе. Он даровал своему рабу много больше, чем тот потерял, и пер Дистин, смиренный служитель Божий, ни в чем не мог упрекнуть Создателя. Но... но как он хотел бы маршировать в этих молчаливых шеренгах!

Эти раздумья были прерваны некоторым оживлением, воцарившимся на мостике. Кто-то поднимался по трапу — несколько человек, как Иеро успел мельком заметить. Но все взгляды были прикованы к первому из них. Он был уже немолод и почти лыс — редкий случай для метса. Чисто выбритое лицо не выдавало возраста — лишь подсказывало, что его обладателю за сорок. Вновь прибывший не носил фуражки, но левый рукав украшала знакомая эмблема — золотой якорь и кораблик с распущенным парусом. В остальном его одежда казалась столь же простой, как у других, но ни один из стоявших на мостике моряков не сомневался, к т о посетил их.

Быстро повернувшись к Иеро, адмирал ответил на салют и произнес:

— Пер Дистин? Рад приветствовать тебя, сын мой. Юстус Бирэйн, милостью Божьей командир этой эскад-

ры. Я слышал странные вещи насчет тебя... — он сделал паузу,— и твоих друзей. И если все понял верно, Нечистый был уничтожен благодаря твоим усилиям? Расскажи-ка все с самого начала.

Это потребовало времени. Затем Иеро представил Детей Ветра, и адмирал, быстро установив с ними мысленный контакт, произнес все приличествующие случаю благодарности и комплименты. Одновременно он раздавал указания посыльным и курьерам, подходившим непрерывной чередой.

Прислушиваясь к докладам, Иеро получил представление о том, как шли дела. Казалось, сопротивления, кроме незначительных стычек, не было. Город выглядел пустым: видимо, охваченные паникой жители покинули его. Войска Республики продвигались вперед без затруднений. Малочисленные отряды лемутов, которые рисковали ввязаться в бой, полегли на месте. Ни одного из Темных Мастеров найти не удалось. Некоторые улицы были завалены трупами сотен людей, мужчин и женщин. Кое-где начались грабежи, но им тут же был положен конец твердой рукой.

— Я предложил бы, сэр,— заметил Иеро,— чтобы наши офицеры допросили пленных и выяснили, где находится вражеский центр. Тут была очень крупная база, и у них не хватило времени, чтобы все уничтожить. Вряд ли мы накроем кого-либо из главарей, но они не могли обходиться без помощников и слуг. Можно многое узнать. Думаю, самое важное скрыто под землей... так что скажите нашим людям — пусть, ради Бога, будут поосторожнее, когда полезут вниз.

Бирэйн с минуту молча глядел на собеседника; видимо, он не привык выслушивать советы от младших офицеров, к тому же высказанные столь твердым тоном. Иеро выдержал его взгляд. Он был принцем Д'Алва и справедливо полагал, что испытания последнего года сделали его равным любому. Наконец адмирал отвернулся и посмотрел на пылающий город. Пер Эдард затаил дыхание, ожидая взрыва. Но не обладай Бирэйн

острым умом, он не стал бы крупным военачальником. Слабая улыбка коснулась его губ, и только.

— Ты прав, пер Дистин, мне самому следовало об этом подумать. Готов ли ты высадиться на берег? Я дам людей — можешь обыскивать все подвалы в Ниане. Ты лучше нас знаешь, где можно найти что-нибудь интересное.

Итак, Господь услышал Иеро и явил очередную милость. Через несколько минут воин-священник уже шагал мимо пирсов и причалов к городу; за ним торопились четверо иир'ова и десяток метсов-пограничников под командой сержанта. Один из молодых офицеров, адъютантов Бирэйна, проводил отряд на центральную площадь, куда была согнана сотня пленников. Иеро представился охранявшему их капитану и приступил к проверке — и зрительной, и мысленной.

Вдруг он указал на рослого человека, пытавшегося укрыться за чужими спинами:

— Ну-ка, притащите сюда вот этого... да разденьте! Думаю, у него на шее кое-что висит.

Под удивленными взглядами солдат-метсов четверо иир'ова ринулись в толпу и мгновенно содрали с человека куртку и рубаху. Получив голубоватую металлическую пластину, Иеро швырнул ее наземь и сокрушил ударом каблука, затем, не спуская глаз с вражеского офицера, он произнес на батви:

— У тебя, приспешник зла, есть шанс сохранить жизнь — один, и только один. Скажи правду: где расположен центр, где все записи и ваши дьявольские машины? Поторопись! Секунда отделяет твою душу от вечности... если у тебя, конечно, есть душа.

Офицер Нечистого не был трусом; возможно, он бы, не дрогнув, принял смерть от пики или меча в открытом бою. Но эти огромные создания, внезапно схватившие его... устрашающие когти, которые вмиг содрали одежду... явили свету дня тайный знак доверия хозяев... пылающие яростные глаза... Слуга зла был сломлен, устрашен! Захлебываясь слезами, он распростерся у ног Иеро и с криком: «Пощади!» — попытался

облобызать пыльную сандалию метса, но тот с отвращением отдернул ногу.

— Ты проживешь до первой лжи, слетевшей с грязных губ! Слушай и отвечай!

Все получилось лучше, чем надеялся Иеро. Пленник оказался третьим по должности среди командиров городского гарнизона и знал многое. С веревкой вокруг шеи, он повел отряд Иеро через площадь к ближайшей башне. В стене ее утопала маленькая неприметная дверь, с трудом поддавшаяся усилиям солдат; за ней — как и ожидал Иеро — истертые скользкие ступени вели вниз, в темноту.

Пришлось подождать, пока не принесли факелы. Затем люди и иир'ова, возглавляемые пленником, держа оружие наготове, приступили к спуску. Лестница уходила вниз, вниз, вниз; она вилась бесконечной спиралью, иногда переходя в маленькие площадки без дверей. Когда наконец замерцал голубоватый свет, позволивший погасить факелы, Иеро знал, что они уже спустились очень глубоко под землю.

Сырой и узкий каменный коридор уходил в обе стороны. Его заливало холодное сияние светильников, закрепленных на потолке через равные интервалы. Стояла гнетущая, мрачная тишина. Иеро подтолкнул пленника вперед острием копья. Жест был достаточно красноречив, и тот, повернув налево, уверенно направился по коридору. Остальные последовали за ним в молчании, которое нарушалось только звуком шагов да случайным клацаньем оружия.

Они прошли довольно большое расстояние, не найдя ничего, кроме пустоты, когда Иеро, подняв руку, велел отряду остановиться. Разум метса прикоснулся к чему-то, и в следующий миг он с гримасой отвращения понял, что это было. Священник бросился бегом по коридору, безжалостно подгоняя впереди себя пленного. Внезапно каменные стены разошлись, и отряд очутился в большой овальной комнате, по периметру которой шло множество небольших дверей. И все они были распахнуты! Тошнотворным запахом смерти и крови

тянуло из них — столь явственно, что люди на секунду замерли. Одного быстрого взгляда в каждую из камер оказалось достаточно. Мужчины, женщины, даже дети — злоба Нечистого не миновала никого. Все были скованы цепями, и все были мертвы. Раздробленные кости и плоть, страшные раны от мечей и топоров показывали, как пленники встретили конец; и, вероятно, большей милости, чем смерть, и не могли ждать от тюремщиков. Теперь Иеро не сомневался, что там, в коридоре, поймал последнюю вспышку агонизирующего сознания.

— Раны свежие, сэр,— сказал сержант.— Должно быть, мерзавцы только что сбежали.

— Да, и мы последуем за ними. Теперь глядите повнимательней. Негодяй, который ведет нас, говорил, что главная камера впереди. Проход тянется прямо туда... Ну, парни, за ними!

Троих Мастеров Нечистого, не успевших ни ускользнуть на поверхность, ни воспользоваться секретным тоннелем, настигли посреди зала в конце коридора. Возможно, негодяям удалось бы сбежать, не задержи их последняя вспышка садистской жестокости, с которой они перерезали беззащитных заключенных. Когда Иеро со своими людьми ворвался в зал, они еще не успели отворить тайную дверь, скрытую за портьерами. Вместо этого все трое пытались уничтожить огромный проволочный экран. Световые точки, что раньше двигались на нем, уже погасли, но колдуны Нечистого хотели превратить нервный центр Желтого Круга в кучу обломков; видимо, они не ожидали, что их выследят так скоро. Серые одеяния адептов, запятнанные кровью, взметнулись, когда те сделали шаг навстречу атакующим. Их руки крепко сжимали оружие, но три высокие гибкие фигуры скользнули вперед, и колдуны захлебнулись собственной нечистой кровью.

Подняв взгляд от распростертых на каменных плитах тел, Иеро осмотрел комнату и попытался сообразить, что же он нашел.

ГЛАВА 10

Переговоры на Севере

Его преподобие Кулас Демеро, старший священник Аббатств Республики Метс и главнокомандующий республиканской армии, был очень занятым человеком. Худое смуглое лицо аббата прорезали морщины усталости: он слишком мало спал. Смолоду весьма вспыльчивый, святой отец теперь вспыхивал легче, чем сухой трут; и худо приходилось тому несчастному, по чьей вине он терял хоть минуту.

Отец Демеро вел некое совещание, в ходе которого возникли трудности. Аббату приходилось одновременно и сдерживать свой темперамент, и пытаться понять собеседника. Не в первый раз, и даже не в десятый, он пожалел об отсутствии брата Альдо, главы эливенеров и его тайного союзника на протяжении долгих лет. Аббат обладал превосходным мозгом, как, несомненно, и существо напротив, но он был человеком, а собеседник нет! Аббат мог повлиять на умонастроение любого человека в Республике. Но только — человека!

Святой отец вздохнул и попытался вникнуть в мысли Чароо. Главного инженера Народа Плотины — так, в весьма вольном переводе звучал на языке людей его титул — было нелегко понять.

Чароо, даже присев на задние лапы, оставался выше старого священника, и он был тяжелее. Его голова с тупо срезанной мордой и огромными резцами напоминала бочонок, маленькие уши были плотно прижаты к массивному черепу. Он не носил одежды и не нуждался в ней: плотный темно-коричневый мех покрывал тело от головы до основания огромного голого веслоподобного хвоста. Чароо шевельнул когтистой лапой — жест был на удивление осторожным и точным для такого грузного тела; блестящие глаза-бусинки словно пытались пере-

дать человеку ускользающую мысль. Острые запахи бобровой струи и мускуса заполняли небольшую комнату, и Демеро, с трудом сдерживавшему кашель, почудилось, что они находятся не в человеческом жилье, а в норе Чароо на отдаленном озере.

— *Не можем* — (непереводимо) — *уничтожить зло, если не* — (непонятная мысль) — (невероятный образ) — *вода. Водный народ* — (отрицание). *Мы должны* — (мысль о каком-то определенном месте) — (снова отрицание) — *не можем покинуть. Должны быть ТАМ* — (утверждение) — (конец передачи).

Огромные бобры-мутанты, подобно многим другим существам, были порождением Смерти. Робкие, лишенные инстинкта агрессии, они расплодились на далеких, забытых северных озерах. Медленно, очень медленно, после того, как водный народ не раз помогал раненым охотникам, разыскивал и возвращал потерявшихся детей, люди прониклись уважением и доверием к нему. Уже долгие годы в районах совместного обитания действовала система молчаливого товарообмена. И хоть метсы никогда не причиняли вреда водному народу, они не стали друзьями. Каждый держался своей породы. Люди избегали озер, где обитал Народ Плотин, а те были нечастыми гостями в человеческих поселениях. Они обменивали строевой лес и корни целебных растений на ножи, металлические орудия и овощи, но этим исчерпывалось сотрудничество. В Аббатствах знали о недюжинном уме озерных жителей, но долго не подозревали, что гигантские бобры овладели письменностью.

Аббат Демеро, подвигнутый приятелем-эливенером, был первым, кто попробовал вступить в переговоры с водным народом, и его попытка имела успех, так как Братство Одиннадцатой Заповеди заранее подготовило почву. К тому же в недавнем прошлом отряды Нечистого совершили рейд по северным озерам. Их обитатели имели только две вещи, способные заинтересовать Темных Мастеров,— мясо и шкуры! Все это

сделало Народ Плотины естественным союзником Республики, но союз складывался непросто. Бобры были слишком робки и тяжелы на подъем.

Они с готовностью согласились построить дамбы и прокопать каналы, необходимые, чтобы провести республиканский флот в Намкуш, но аббат желал от них много большего. И он не собирался отступать, хотя предвидел трудности. Скажем, иерархическая организация водного народа оставалась тайной за семью печатями. Конечно, Чароо обладал некоторой властью, но насколько она велика? Мог ли он говорить от лица всего Народа Плотины или отвечал только за свое поселение?

Вздохнув про себя, аббат наклонился вперед, чтобы продолжить переговоры. Но тут с порога подземной камеры долетел низкий хрипловатый смешок. Демеро в ярости обернулся, готовый стереть в порошок глупца, который посмел прервать столь важную беседу, однако гнев тут же перешел в радостное удивление.

— Иеро?! — Он подскочил к молодому священнику и сердечно приветствовал его, снова и снова похлопывая по спине.— Я знал, что ты доберешься сюда, но не ждал, так быстро... Но послушай! Ты поможешь мне. Я хотел бы понять, что говорит эта... гм... достойная личность. Как ты полагаешь... — Аббат не закончил фразу, так как Иеро уже застыл перед Чароо в полнейшем молчании. Затем руки его задвигались, производя некие сложные жесты.

Верхние конечности Чароо заплясали в ответ, бусинки глаз заблестели еще ярче. Старый аббат ощутил биение мысли, наполнившее маленькую и тихую подземную комнату. Четыре руки продолжали странный танец; сейчас их движения переплетались, словно собеседники ткали невидимую паутину. Это продолжалось минуту-другую, затем оба шагнули назад и замерли, пристально глядя друг на друга.

— Чирруп,— вдруг произнес огромный бобер. Опустившись на все четыре конечности, он прошествовал

мимо людей и выскользнул в полуотворенную дверь. Они услышали, как стучат его когти по камню ступенек, затем Чароо исчез в ночном мраке.

— Ну,— заметил аббат,— надеюсь, тебе удалось добиться большего, чем мне. Но скажи на милость, как ты узнал, что я хочу сказать?

Иеро плюхнулся в кресло и рассмеялся.

— А вот как, досточтимый сэр: прибыв в Намкуш, я тут же отправился повидаться с вами и, к своему стыду, подслушивал с той минуты, как перешагнул порог этого дома.

— Понимаю,— медленно произнес аббат.— Значит, уговорил Бирэйна послать тебя вперед на одном из новых военных кораблей. Нелегкий он человек, этот Бирэйн... И твоя сила действительно велика, мой мальчик! Я уже слышал кое-что... Надеюсь только, что в сердце твоем сохранился страх Божий, ибо лишь Он властен давать и отнимать. Не было еще человека, не существовало христианской души, одаренной такой ментальной силой... Понимаешь ли ты, Иеро, что мог бы натворить, будь твой разум во власти зла? — Демеро пристально посмотрел на бывшего ученика.

Иеро открыто встретил взгляд старого священника.

— Вы можете исповедать меня, как только захотите, досточтимый отец мой,— спокойно сказал он.— Но не пожелаете ли раньше узнать, о чем говорили мы с Чароо?

На миг в комнате повисло молчание, затем старик хихикнул. Сев в деревянное кресло напротив Иеро, он лукаво улыбнулся и прищурил глаза.

— Да, дерзкий соблазнитель, пожелаю. Я успею попозже разобраться с твоими грехами... уверен, что за целый год их накопилось в избытке. А теперь скажи-ка мне, чего хотел этот старый водяной боров.

— Ну, во-первых, у них есть довольно сложный язык жестов, дополняющий мысленную речь. Я извлек некоторые знаки из его мозга, пока вы вели переговоры, используя другую ментальную зону. Их мышление

протекает на довольно странных частотах... правда, не таких странных, как у моих новых друзей, которых я вам скоро представлю. Итак, он хочет помочь, но не уверен, что сумеет. Его народ не может удаляться от воды — это очевидно. Менее очевидна их совершенно фантастическая привязанность к тому, что может быть названо привычным ареалом обитания. Кроме молодых самцов и самок, оставляющих родные места по весне, бобры не любят покидать свое озеро. Я полагаю, это наследственный признак... Вот что Чароо пытался вам втолковать. У Народа Плотин есть своеобразный совет, и наш приятель имеет в нем изрядный вес... Да, бобры посещают поселения и другие озера, но — в этом-то вся трудность! — ненадолго. Он старался объяснить вам, что нельзя рассчитывать на его соплеменников, если речь идет о длительных походах и путешествиях. Они просто сойдут с ума.

— Понимаю... Ценные сведения, мой мальчик! Значит, если нам понадобится их помощь в большом сражении, поле битвы должно быть где-то неподалеку от озер...

— Точно,— кивнул Иеро,— и лучше всего биться на воде. Но сейчас, отец мой, я сам нуждаюсь в помощи.— Он глубоко вздохнул, будто собирался нырнуть в бездонный омут.— Есть ли какие-нибудь вести с юга? Что слышно от брата Альдо? Никто на всем флоте не знает, что случилось с моей женой, но у вас, возможно, есть новые сведения... Так что же вы слышали?

Он давно сдерживал страх и тревогу, но сейчас был близок к срыву. Только совершенное владение сознанием, позволившее отсечь и спрятать до поры воспоминания о Лучар, помогло Иеро вынести этот груз. Страдание исказило лицо молодого священника, и при взгляде на него аббату Демеро захотелось сбежать, уклониться от ответа.

— Я полагаю, ты ничего не выяснил у пленников в Ниане? — наконец, выдавил он. В определенном

смысле это тоже был ответ, правда, не тот, который хотелось бы дать.

— Ничего,— тусклым голосом подтвердил Иеро и уставился в пол.— И никто, кроме проклятых колдунов, не мог дать сведения. Мы поймали троих — эти звери убили десятки людей — и тут же перерезали мерзавцам глотки.— В комнате, казалось, потемнело, хотя маленький светильник под потолком горел по-прежнему.

— Ты заслужил правду,— кивнул Демеро,— по крайней мере, ту правду, которой я располагаю. Брат Альдо — мой старый приятель... мы знакомы дольше, чем ты можешь представить. Много лет я был в контакте с ним, не сообщая ничего Совету Республики. Он предупреждал меня о замыслах Нечистого, а я... я пытался привлечь Братство к более активному участию в борьбе. Я послал ему сообщение, когда ты впервые отправился на юг,— вот почему эливенер так легко нашел тебя. Давно, очень давно, еще до твоего рождения, он был большим человеком в южных королевствах.

Старик принес найденные тобой книги, благодаря которым мы сумели построить компьютеры, а потом научились пользоваться ими. Вот почему удалось так быстро спустить на воду новые корабли... мы почти мгновенно извлекали всю нужную информацию из старых записей. Эти компьютеры сэкономили нам тогда уйму времени... а сейчас сберегают еще больше...

Но прости! Ты, наверно, хочешь услышать о своей принцессе. Альдо был в Саске не так давно и принес кое-какие новости о Д'Алва; они пришли издалека. Там сейчас междоусобица... Не слишком радостные вести, правда? Брат Альдо снова отправился на юг... возможно, сейчас он знает больше.

Молодой священник опустил голову. Да, новости были невеселые! Дела на юге обстояли так плохо, что брат Альдо поспешил туда сам! Однако Лучар знала о мятеже. Ее отец был жив, и она сумела послать вслед Иеро прыгуна с оружием и припасами... принцесса

всегда отличалась предусмотрительностью... Что же могло произойти? Внезапно он с бесконечной остротой почувствовал свою беспомощность. Чем помочь ей — тут, на севере, в сотнях миль от побережья Лантика? Оставалось утешаться старой воинской поговоркой: терпи, солдат, в генералы выйдешь!

Когда Иеро повернулся к аббату, лицо его напоминало застывшую маску:

— Я знаю, отец мой, что вы постараетесь узнать больше и сообщите мне. Ну, а я... я ничем не могу помочь Д'Алва, разве что косвенно. А потому вернемся к нашим делам. Говорил ли я, что мы захватили тайный центр Нечистого в Ниане почти неповрежденным? Там есть огромный экран из пересекающихся проволок с сотнями крохотных огоньков. Однако мы нигде не обнаружили источник энергии... во всяком случае, ничего похожего на такой источник. Я попробовал разобраться с этой штукой и проникся довольно странным ощущением. В сравнении с нашими достижениями в ментальной науке прибор Нечистого — вершина мастерства. И хотелось бы, чтобы на него поглядели лучшие специалисты Аббатств по компьютерам. Я подозреваю, что это тоже компьютер, но довольно странный, питаемый ментальной энергией. Так что...

Заметив, что к Иеро вернулось обычное железное самообладание, аббат силился вникнуть в его слова. Но за ними, за внешним спокойствием старик ощущал темную бездну отчаяния. Терпи, солдат... Пусть Бог поможет тебе...

Зеленая стена кустарника раздалась, и на лесную поляну выскочил огромный черный зверь. Клуц зашагал по прогалине, тяжелый подгрудок мерно мотался под могучей шеей. В центре поляны лорс поднял голову, раздул широкие ноздри и насторожил уши. Однако ветер не принес ничего нового. Зверь ощущал лишь

биение крови в тех местах, где со временем на развесистых рогах проклюнутся новые отростки. Он фыркнул, просеивая воздух, напоенный запахом огромных сосен и гигантских дубов. Затем, снова вскинув голову, заревел: баоо-ох! Трижды эхо подхватывало зов, разнося его по лесной чаще. Клуц навострил уши, словно надеялся поймать ответ; но если отклик и пришел, то был недоступен чувствам человека.

Далеко, очень далеко — там, где рев лорса превратился в едва уловимый отзвук,— другой зверь внезапно замер, прислушиваясь. Горм присел на лохматые задние лапы, его уши и нос подрагивали, глаза выдавали напряженную работу мысли. Затем медведь удовлетворенно заворчал и направился на зов.

Клуц внезапно опустил морду, пошатываясь, с тяжеловесной грацией пересек поляну и исчез в лесу. Он двигался бесшумно, скользя между деревьев, словно тень, но тень одушевленная и стремящаяся к некой цели.

Королевская армия Д'Алва отступала. Все, что время и суровые обстоятельства позволили собрать и взять с собой, было собрано и взято. Многие люди и животные изнемогали от ран. Все чаще усталые тела отказывались служить им, исчерпав запасы жизненной энергии. Этой темной ночью, когда никто не имел сил помочь соседу, немало воинов и скакунов осталось лежать на земле. Обозы безнадежно отстали, хотя хлысты погонщиков не щадили тащивших их кау. Возок короля затерялся где-то позади. Часть кавалеристов потеряла своих зверей; усталые и мрачные, солдаты шагали пешком. Выжившие хопперы прихрамывали — почти у всех были повреждены ноги. Остатки разбитого войска тащились в ночи, собранные воедино дисциплиной и верностью. Но и то и другое быстро убывало.

Случалось, истомленный усталостью человек оборачивался назад и смотрел на красные отблески,

игравшие на южном небосклоне. Столица Д'Алва пылала. Многие воины были уроженцами города, там остались их семьи. Они закрывали глаза, пытаясь не видеть, не думать о том ужасе, который царил позади.

Принцесса ехала в авангарде, ее прыгуна все еще окружала плотная группа всадников. Рядом скакал граф Камил Гифтах. Его правую руку поддерживала перевязь; изможденное лицо было мрачным, но в глазах горел упрямый огонек. Всех объединяло одно желание — добрести до места, пригодного для отдыха и обороны. И люди, и животные смертельно устали. И никто не сомневался, что утром враг ринется в погоню.

Два дня назад, потерпев поражение в первой битве, армия отошла к городу. Но войска оставались сильны и телом, и духом; никто не сомневался, что удастся выстоять за стенами, пока не подойдут подкрепления с востока и запада, рыбаки с побережья и непобедимая пехота му'аманов с великих равнин. Тогда королевское войско вновь выйдет в поле, отрежет отряды восставшего герцога от союзников, а затем сотрет их в порошок.

Но этого не произошло — случилось нечто ужасное. Мятеж нищих, воров и уличного сброда, подавленный неделей раньше, был всего лишь репетицией, испытанием бдительности стражи. Не успели городские ворота затвориться за последними отрядами королевских войск, как началось светопреставление. Тяжелые решетки, перегораживающие каналы, и люки, что вели к подземным трубам для слива нечистот, оказались поднятыми или незамкнутыми. Из маслянистых темных вод на улицы города полезли ужасные твари, чудовища, от которых столицу Д'Алва столетиями предохраняли камень и металл. Пока свежие силы атакующих карабкались на стены города, внутри него армия боролась с ордами кровожадных рептилий и паникой, охватившей население. Но это было еще не

все. Время от времени стали появляться призраки — отвратительные человекообразные существа, едва различимые в свете дня. Они направляли безмозглых рептилий, загоняя их целыми стаями прямо в тыл бившихся на стенах отрядов.

Когда сообщения об этом участились, Лучар собрала на совет горстку уцелевших вельмож и полководцев. И лучшее, что они могли посоветовать,— пробиться в джунгли через северные ворота. Мало кому удалось дойти до леса; большинство полегло на стенах и улицах города. Когда Лучар попыталась оценить свои силы, стало очевидным — королевская армия сократилась вчетверо, да и эти жалкие остатки состояли из раненых, измученных людей. Так что не было иного выбора, кроме отступления, вернее — бегства. Да, герцог Амибал и помогавшие ему силы зла оказались слишком могущественными! И если не удастся в считанные дни сплотить и поднять на борьбу всю страну, королевство будет потеряно.

Вот о чем размышляла полумертвая от усталости Лучар, покачиваясь в седле. Мысли ее были чернее непроглядного мрака южной ночи. Никто из беглецов не сомкнул глаз больше чем на пару часов за три последних дня.

Где же Иеро? Он жив, конечно, жив! Они были связаны так сильно, так прочно, что Лучар верила — муж ее не ушел в Вечное Странствие. Она ждала и надеялась. Когда-нибудь он вернется... Голова принцессы клонилась все ниже и ниже к теплой шее хоппера; она не заметила, как граф Гифтах, подхватив повод из ослабевших рук, протянул его одному из гвардейцев. Со вздохом облегчения Лучар уплыла в благодетельное беспамятство сна.

Иеро пробудился внезапно. Узкая кровать стояла у окна небольшой комнаты на третьем этаже массивного бревенчатого здания — нового форта в Намкуше. Койка

слабо скрипнула, когда он сел, невольно потянувшись к мечу. Что же его разбудило? Метс покосился на распахнутое окно, за которым серебрилось залитое лунным светом небо. Прислушавшись, он разобрал оклик часового и ответ его напарника. С берега доносился слабый плеск волн и другие звуки, слабые ночные шорохи,— больше ничего. Однако... однако что-то случилось — он привык доверять инстинктам. Где-то глубоко в сознании крошечный колокольчик прозвенел тревогу. Затем... затем он услышал едва различимый шелест, доносившийся из коридора,— не то шум осторожных шагов, не то подавленное сопенье.

Бесшумный как смерть, Иеро поднялся с постели, сжимая меч, и шагнул к двери. Он слушал, как всегда, и звуки, и мысли. Ментальная волна не принесла ничего, но звук повторился. Теперь метс был уверен — по ту сторону двери кто-то подстерегает его, кто-то скрывающий разум за ментальным щитом! Но разве мог убийца пробраться сюда, в крепость, которую охраняло столько солдат?

Внезапно его сомнения разрешились. Откуда-то снизу, с первого этажа, долетел тревожный сигнал горна, и, словно эхо, со стен и от ворот ответили другие трубные звуки. Враг пробрался в форт!

В тот же миг дверь треснула под чудовищным ударом, и массивная темная фигура ввалилась в комнату; лунный свет играл на лезвии высоко поднятого топора.

Убийца ринулся к пустой кровати, но не успел осознать ошибку. Тяжелый короткий меч Иеро со свистом рассек воздух и врезался между плечом и шеей лемута. Вскрик, сменившийся хрипом агонии, фонтан крови — и все было кончено. Грузное тело рухнуло ничком, застыв на полу в смертельной неподвижности.

Иеро стремительно развернулся к темному проему двери, готовый к схватке, но убийца пришел один. Коридор был пуст, и быстрый мысленный поиск подтвердил это. Однако священник прижался к стене и

не двигался, пока снаружи не заплясал свет факелов и гулкий топот бегущих ног не наполнил коридор. Только тогда он опустил меч и шагнул навстречу патрулю.

Через десять минут, когда солдаты покинули комнату, оставив Иеро наедине со старым аббатом, пришло время разглядеть порождение ночного кошмара, лежавшее на полу.

— Альдо рассказывал о таких монстрах,— задумчиво произнес Демеро, рассматривая труп.— Кажется, ты бился с одним на корабле, когда плыл по Внутреннему морю. Мерзкая тварь, даже для лемута... Впрочем, все они мерзкие твари. Что это за чудище?

— Глит. Так назвал его Рок, пират, прежде чем мы с Гимпом прикончили обоих.— Иеро посмотрел вниз на серый череп без ушей и носа, на клыки торчавшие из разверстой в агонии пасти, на могучие конечности, покрытые мельчайшей чешуей. Существо было одето в форму метсианского солдата, но вряд ли ему удалось бы сойти за человека даже в зыбком свете факелов. Его оружие — тяжелый топор — валялось под кроватью.

— Как он здесь очутился? — спросил отец Демеро, гневно приподняв брови.— Тревогу поднял один из приборов с маятником, изготовленных нашими учеными. Я показывал тебе такое устройство, помнишь?

— Возможно, он и поднял тревогу, но слегка запоздал.— Встав на колени, Иеро ощупывал тело. Неприятный запах распространялся по комнате, несмотря на открытое окно.— Поглядите, отец мой! Он носил ментальный щит — вот эту пластинку на цепочке... Что ж, я так и думал... Бог знает, что предостерегло меня. Может быть, разум как-то настроился на присутствие врага... Но времени у меня было немного.— Он поднял пластинку голубоватого металла и задумчиво уставился на нее.— Хотел бы я знать, как работает эта штука... Так же, как наши маятниковые устройства?

— Боюсь, сами ученые не слишком-то понимают принцип их действия... Ладно! Предупреждение пришло, хотя и поздновато, как ты сказал. Но все-таки пришло! Будет над чем поломать голову нашим умникам в Саске... когда доберусь до них... Но что хотел бы знать я,— он подчеркнул последнее слово,— так это как мерзкая тварь пробралась мимо стражи?

— Думаю, ответ мне известен. Эти монстры обладают даром внушения. Один из них едва не усыпил меня... прежде чем расстался с головой. Стоит пошарить в мозгах у часовых: наверняка кто-то из них видел эту пародию на человека и счел его своим. Ну, что еще интересует вас, отец?

— А ты сам не понимаешь? Возможно, я впадаю в старческий маразм, но еще не выжил из ума... Выводы очевидны! Он искал тебя! Итак, Нечистый выяснил, что ты здесь, и послал убийцу... За ним придут другие... Откуда же им известно, что ты в Намкуше? В этом здании? Что ты вообще жив?

— Не знаю. Помню лишь — кто-то следил за мной в Ниане... Да, иного объяснения нет... Они действуют быстро, не так ли? — Глаза Иеро сузились, он пристально оглядел распростертое на полу тело.— Что ж, я могу гордиться! Они действительно ненавидят меня.

Старый аббат усмехнулся:

— Ты всегда пренебрегал классической литературой, Иеро... Так вот, много-много тысяч лет назад в далеких, заморских землях жил могущественный властелин, и было у него любимое изречение. Я уж не помню имени, не помню даже, плох он был или хорош... Но девиз не забыл. Oderint dum metuant!* Пусть ненавидят, лишь бы боялись! Это латынь... Вот тебе и ответ! Думаю, захвати Нечистый целый легион, он с радостью променял бы его на раба Божьего пера

* Слова Атрея, героя одноименной трагедии Акция (римский трагик, 170-90 гг. до н. э.). По свидетельству Светония, были любимым изречением императора Калигулы.— *Примеч. пер.*

Дистина... Ты, мой мальчик, наше тайное оружие. И пришла пора это оружие использовать. Есть какие-нибудь идеи?

— Полагаю,— медленно начал Иеро,— мы должны держать их в напряжении. Дайте мне несколько крепких парней, лучших из рейнджеров, я прихвачу своих кошек и выйду на охоту. Пошарим к северу от Пайлуда, на восточных границах Отвы. Где-то там враг копит силы. Я думаю, они захотят отомстить за Ниану. Мы не пытались удержать город, но нанесли им чувствительный удар: архивы похищены, большой экран разобран и увезен на север, два лучших корабля взорваны, убиты трое Мастеров Желтого Круга. Ничего подобного раньше не случалось! Пришло время заняться С'даной, навестить его Голубой Круг, а заодно и Красный; оба — на северном побережье Внутреннего моря. Я знаю, где свила гнездо голубая нечисть,— на острове Манун. Где остальные, не имею понятия, но думаю, что наша вылазка поможет внести ясность. Наверняка у них не очень много этих кораблей... ну, вы понимаете. Какой бы мощью они ни располагали, металл и высокая технология пока что редкость. Сомневаюсь, что на всем Внутреннем море наберется больше трех таких судов... Одно уничтожил брат Альдо, два — мои кошки. Пожалуй, у Нечистого ничего не осталось в запасе.

Теперь он вышагивал взад-вперед по комнате; старый аббат в немом изумлении слушал, как Иеро развивает свой план.

— Вы уверены, что подойдут войска из Отвы? Кажется, они обещали помощь — еще до того, как я отправился на юг.

— Путь неблизкий, да и Нечистый не так сильно язвит их... Союз боится, что война влетит в копеечку... И, вспомни, Иеро, они другие — больше унаследовали от старой белой породы, немало прочих примесей. Население Республики более однородно. А это значит — меньше головной боли, меньше небольших групп,

которые еще не осознали себя частью единого целого... Но они придут! Я получил обещание их Совета.

— Тогда,— продолжал Иеро,— скажите им, пусть держатся северных дорог, что проходят мимо Пайлуда. Чем меньше враг будет знать о них, тем лучше.— Он повернулся к окну, задумчиво оглядев розовеющее на востоке небо.— Я хотел бы отправиться побыстрее, отец мой. Достаточно будет четырех-пяти человек и этих обросших шерстью ребят с юга. Мы пойдем пешком, без лорсов, хотя Дети Ветра могли бы оставить позади даже Клуца.— Тень мелькнула на лице метса при упоминании о пропавшем друге, но он подавил грусть и спокойным голосом закончил: — Пешком надежнее. Я не знаком с теми землями и не знаю, где мы можем очутиться.

Тяжелая поступь послышалась в коридоре, и объемистая фигура пера Эдарда Малуйна возникла в проеме двери. Ему пожелали доброго утра, после чего разговор возобновился, но не успели собеседники сказать двух слов, как вновь прибывший зарокотал гулким басом:

— Эй, приятель, ты опять собираешься гулять по лесам, пока я глотаю дым на вонючей барже? Все, хватит! Святой отец, прошу вас! Подумайте, кто защитит малыша? Словом, я подаю в отставку из флота и отправляюсь с ним! — И великан вызывающе уставился на друзей.

На губах Демеро заиграла спокойная улыбка:

— Не знаю, что скажет Бирэйн, но попробую уломать его. И если тебя, сын мой, не повесят к вечеру за дезертирство, можешь отправляться. Осмелюсь спросить, на корабле найдется офицер, способный заменить тебя?

Это был праздный вопрос. Шумливый и грубоватый толстяк Малуйн обладал острым умом и твердой волей. Все три его помощника были вышколены и готовы в любой миг заменить капитана.

Иеро пришел в восторг; он знал, на что способен старый друг. За спиной у них лежало немало опасных дорожек. Мысль, что эта могучая рука и светлый разум поддержат его в пути, ободряла. Аббат тоже был доволен. Старик понимал, что должен чувствовать человек, жену которого, возможно, пытают сейчас в застенках Нечистого. Помощь надежного друга окажется совсем не лишней.

— Хорошо, Малуйн, собирайся,— кивнул Демеро великану и поднял взгляд на Иеро.— Ты сам выберешь остальных, сын мой, но хочу порекомендовать одного парня. В местном гарнизоне есть молодой священник, которого стоит взять в этот поход. А почему — ты увидишь сам.

Аббат выглянул в коридор, отдал приказ охране, и вскоре юноша уже стоял перед ними. Он был гибок и невысок, ростом с Иеро, и носил обычное кожаное одеяние метсианского солдата; на груди покачивался серебряный медальон с изображением креста и меча. Судя по гладким щекам, которых нечасто касалась бритва, ему стукнуло не больше восемнадцати. Взгляд черных глаз, отсутствующий и мечтательный, устремлялся куда-то в бесконечность; казалось, он просто скользил по поверхности предметов, но удивительным образом прозревал их внутреннюю суть. Иеро почувствовал силу, какой никогда не встречал раньше. Но это была не ментальная, а духовная мощь. «Да, со временем Универсальная Церковь получит великого вождя, целителя душ,— подумал Иеро, с невольным трепетом и смирением взирая на юношу.— Конечно, если парень выживет. Тогда у Церкви Канды будет пророк и реформатор, каких, возможно, не знала история».

— Это пер Карт Сагенай, Иеро.— Аббат кивнул вошедшему.— Садись-ка, сынок, и послушай, что мы скажем. Вот пер Дистин. Ты наверняка слышал это имя — он выполнял на юге непростую работу. Ну, пера Малуйна ты знаешь. Я просил их, особенно пера

Дистина, взглянуть на тебя. Пока мы трудимся здесь, воздвигая линию обороны, пер Дистин поведет разведчиков в тылы врага. Хорошо бы и тебе принять участие в этом походе. Знаю — ты, как все верные сыны церкви, готов повиноваться ее приказам. Но только пер Дистин скажет, был ли мой выбор правильным.

Иеро не колебался ни секунды:

— Вы не ошиблись, отец, хороший выбор! Однако пусть сам пер Сагенай скажет, готов ли отправиться с нами.

Молодой человек склонил голову. Его голос, мягкий и негромкий, но сильный, наполнил комнату, и, когда юноша замолк, казалось, слова еще звенели под низким потолком. «Какой оратор! — подумал Иеро.— Ну, посмотрим, что будет дальше».

— Досточтимый отец и вы, благородные перы матери нашей церкви, я не рожден воином. Те небольшие таланты, что Господь даровал мне, лежат скорее в сфере духовной, нежели физической. Я имею некоторый опыт предсказаний...

Демеро хмыкнул:

— Иногда он вытягивает двенадцать из Сорока Символов за раз! В нашей школе никогда не видели ничего подобного!

Все, что мог сделать Иеро,— испустить мысленное «ух!». Прекогнистика, или искусство предвидения будущего с помощью Сорока Символов, крохотных деревянных фигурок, преподавалась на старших курсах школы Аббатств. Сам Иеро обычно вытаскивал два-три символа и толковал их весьма туманно; его способности были не выше средних. Говорили, что самым талантливым доставалось не больше шести фигурок. Да, если парень пойдет с ними, шансы на успех сильно возрастут!

Бросив на старого аббата красноречивый взгляд, пер Сагенай продолжал:

— Это предложение — большая честь для меня. Честь тем большая, что я молод и не имею иного

опыта, кроме полученного в стенах Аббатства. Жду вашего решения, святой отец.

В решении сомневаться не приходилось. Они говорили еще с полчаса, пока рассвет не залил алым пламенем восточный горизонт, потом разошлись на отдых. По плану отряд разведчиков должен был покинуть Намкуш вечером следующего дня.

С'дана был в ярости; но, как и прочие его чувства, гнев казался ледяным.

— Намкуш захвачен! Конечно, город не принадлежал нам полностью, но, по крайней мере, не доставлял хлопот. И ни слова предупреждения! Два корабля, охранявших южное побережье, уничтожены. Ниана взята штурмом и разграблена; только двум братьям из пяти, находившихся в городе, удалось бежать. Представьте только,— он обвел мрачным взглядом лица членов Совета,— С'райт, глава Желтого Круга, скитается в дебрях, не может даже связаться с нами! А мы, мы почти отрезаны от Юга, источника нашей силы! С'тарн и я, Красный Круг и Голубой, остались на севере в одиночестве!

Совет Голубого Круга безмолвствовал. Затем один из адептов Темного Братства поднял бледную ладонь.

— Однако, есть добрые вести с юга, Старший Брат. Дикари Д'Алва разгромлены. Эта тощая девчонка, что называет себя принцессой, уничтожена. Наши союзники взяли власть над королевством в свои руки. Разве не так?

С'дана смерил его мрачным взглядом. Верховный Мастер стоял перед большим экраном, сотканным из проволок и световых пятен, и в сумраке подземной камеры его пурпурные зрачки отливали кровью.

— О да, наш брат С'лорн из Зеленого Круга проделал большую работу! Все южные королевства зажаты теперь в его кулаке.— Ледяные глаза сверкнули

дьявольским огнем.— Но чем закончились его старания погубить нашего смертельного врага — этого пера Дистина, так называемого принца Д'Алва, единственного, кто сумел убежать с Мануна? Он жив, братья, он жив!

Голос Мастера перешел в шипение змеи.

— Какой толк в том, что варварские королевства Юга падут? Насколько это важно для нас — здесь и теперь? Сможем ли мы утвердиться на Севере, окрепнуть и сокрушить недоумков, что называют себя Истинной Церковью? Вот она, главная угроза! Можно разгромить Д'Алва, схватить ничтожного короля и зарезать девчонку, его дочь... Но что это даст нам, Кругам Севера?

Он гневно вышагивал вдоль ряда кресел, придвинутых к длинному овальному столу, уменьшенной копии стола Великого Совета. Наконец С'дана с заметным усилием продолжил:

— В последний раз случилось слишком много невероятных и неожиданных вещей. И в довершение всего эливенеры открыто выступили против нас! Только глупец может думать, что они бессильны,— нет, они обладают мощью, и в первый раз за всю свою дурацкую историю решились поддержать одну из сторон, причем не нас! Запомним это!

Четыре блестящих черепа, четыре бледных бесчувственных лица поворачивались в такт его шагам.

— И С'райт видел *его* в Ниане! Так что не надо гадать, кто уничтожил наши корабли! Я получил сообщения от шпионов о чудовищных баржах, что метсы спустили на воду. И с какой скоростью! Нет, здесь что-то не так... Я чувствую руку пера Дистина... Проклятый! Он долго будет висеть в камере пыток, прежде чем умрет! Как мог беспомощный пленник, оглушенный наркотиками, покинуть юг и оказаться за сотни миль в нужное время в нужном месте? Возможно, эливенеры могли бы кое-что рассказать об этом... Ясно одно — он получил помощь неизвестно от куда... Кто-то работает против нас; с каждым днем я все больше

убеждаюсь в этом. Нечто неощутимое, нечто обращающее в прах наши планы — причем такими способами, которые мы не в силах предвосхитить... Я найду его! Вырву с корнем и истреблю!

Резко обернувшись к остальным, С'дана остановился. Он снова усилием воли подавил гнев, и слабый румянец, окрасивший щеки, исчез. Затем предводитель Голубого Круга начал раздавать приказы, анализировать информацию и уточнять планы. Его собратья склонились над столом, делая заметки.

Отряд покинул новый форт в Намкуше без торжественных церемоний, рева труб и салютов. Ночное небо затягивали облака, стояла кромешная тьма. Иеро не хотел, чтобы любопытные глаза следили за началом их путешествия. Главное он сделал — попрощался с отцом Демеро в его маленьком кабинете.

Люди и иир'ова не воспользовались главными воротами форта, а скользнули в ночь через боковую калитку. Несколько солдат сопровождали группу через лабиринт предпортовых улиц до городской окраины. Здесь Иеро покинул тропу и уверенно углубился в заросли неистребимого кустарника, который горожане выжигали каждый год, пытаясь отвоевать место для садов и огородов. Через полчаса последние следы цивилизации остались позади; путники достигли южной границы Тайга, огромной лесной страны, простиравшейся на север континента.

Иеро шел впереди. На вид он ничем не отличался от рейнджеров; лишь на лбу больше не было привычных знаков — желтого кленового листа и кадуцея*.

— Я уже не принадлежу только Аббатствам, отец мой,— смущенно сказал он Демеро, который заметил

* Кадуцей — обвитый двумя змеями магический жезл Гермеса; в эмблеме, которую носили священники-метсы, жезл больше походил на копье.— *Примеч. пер.*

отсутствие знаков,— я сражаюсь за две страны. Надеюсь на прощание. Не вы ли послали меня на юг? Теперь я принц Д'Алва и не могу носить символ северной армии.

Старик взглянул на него и ободряюще похлопал по плечу:

— Сынок, ты священник, а это главное. Истинная вера несет освобождение нашим братьям во всех землях, близких и далеких. У тебя на груди Крест и Меч; значит, ты все еще наш. Ступай же с миром, Иеро, и, с моего благословения, носи, что хочешь.

Размышляя над словами аббата, Иеро шагал под огромными соснами Тайга. Оставался ли он в самом деле священником? Уж слишком непохож был пер Дистин на других слуг Господа, взять хоть пера Сагеная. Впрочем, даже старик Демеро, которого Иеро любил и искренне уважал, больше походил на солдата и политика, чем на святого или пророка.

Иеро вздохнул. Ладно, все они любят Бога, все называют себя христианами, и хватит об этом! Господь приемлет помощь от всех, и, чтобы делать добро, не надо быть святым. Мысли его обратились к другим материям, когда он бросил взгляд на свою команду. Лучшие парни во всей армии! Он подбирал людей на совесть.

Сразу за ним шагал пер Малуйн. На руке великана висел щит, на плечах покачивалось излюбленное оружие, которое тот препочитал копью и мечу. Это была колоссальная секира, древний боевой топор, с которым в давние тысячелетия крестьяне Европы, затерянной во времени и пространстве, шли штурмовать рыцарские замки. На четырехфутовое топорище было насажено загнутое крючком лезвие — смертельная штука в руках такого мастера, как пер Эдард. Когда Иеро обернулся, великан подмигнул ему. Прирожденный лесной бродяга, Малуйн наслаждался походом.

Позади него шли Б'ургх и М'рин с пером Сагенаем. К изумлению Иеро, юный священник и люди-кошки

мгновенно нашли общий язык. Сагенай очень быстро подстроился к ментальной частоте, которую использовали Дети Ветра, и теперь общался с ними уверенней и свободней, чем остальные участники экспедиции, кроме, конечно, Иеро. Будь юноша эливенером, это не казалось бы столь удивительным, но обычные священники-метсы значительно уступали членам Братства в умении контактировать с чуждым разумом.

Воспитанник Демеро был вооружен мечом и кинжалом, за спиной у него висел длинный лук. По словам юноши, он имел некоторый опыт в метании стрел.

Молодые иир'ова, За'рикш и Ч'урш, прикрывали фланги; подобно призракам, они скользили в лесу, докладывая Иеро о результатах разведки.

Наконец, в тылу маленького отряда шли еще двое мужчин. Эти люди не были священниками, но легенды о них ходили вдоль всего побережья; оба — темнокожие, гибкие, похожие как две капли воды. Иеро полагал, что им около пятидесяти. Прошли годы с того дня, когда братья Мантан, вернувшись на лесную заимку, нашли тела изуродованных и замученных жен и детей. С тех пор у них осталась одна цель — разыскивать и убивать тварей Нечистого. Эти ветераны сотен кровавых стычек в дебрях Тайга были немногословны — за них говорили клинки.

Братья не состояли на службе у Аббатств. Время от времени они заходили в поселки, получали все необходимое и вновь растворялись в лесу, торопясь продолжить нескончаемую вендетту. Их знали от границ Отвы до Западного побережья и не отказывали в пище и помощи. Они напоминали Иеро двух угрюмых гончих, молчаливых и не знающих устали. Аббат Демеро вызвал их из леса только ему ведомым способом, наказал присоединиться к экспедиции и слушать молодого командира, как родного отца.

У Мантанов было странное, почти не используемое на севере оружие — шестифутовые духовые трубки, выточенные из темного дерева. Они стреляли короткими

дротиками, отравленными смертельным ядом. Запас стрел братья несли в специальных сумках из плотной кожи; их снаряжение дополняли длинные ножи и топоры, увенчанные остроконечными пиками. Мрачные и неразговорчивые, всегда настороже, они выглядели посланцами неумолимого рока. Иеро знал, что эти лесные охотники стоили целого отряда бойцов. Даже иир'ова поджимали уши под неумолимым взором их запавших глаз.

Маленький отряд двигался все дальше и дальше под ветвями гигантских сосен и елей, под кронами пальм, сквозь заросли кустарника. Мрак постепенно рассеивался; восточный небосклон начал розоветь; защебетали птицы, приветствуя наступление дня. Возможно, кто-то из лесных обитателей заметил крошечные темные фигурки, безостановочно скользившие меж стволов, но они неслись, подобно зыбким лесным теням; миг, другой — и пропали в чаще, исчезли, словно видение.

ГЛАВА 11

В дебрях Тайга

Послеполуденный летний зной плыл над бескрайними лесами севера. Снопы солнечных лучей, пробившись сквозь просветы в плотном пологе листвы, расцвечивали землю золотистыми пятнами; мириады мошек и комаров вились, суетились, мельтешили в столбах света. Но и в погожий день глубины лесного океана наполнял зеленый полумрак. Там, где море хвойных отступало перед лиственным гигантом — мутировавшим тополем или кленом,— тени сгущались, образуя прихотливые узоры на мягких коврах травы и мха. Кое-где, среди обнажений горных пород, заросли колючих кустов и покрытые лишайником гранитные и доломитовые глыбы создавали непроходимые лабиринты; редкие прогалины, почва которых не давала надежной опоры для корней лесных великанов, заросли миртом и папоротником.

В укромном месте, под непроницаемой кроной огромного дерева был разбит лагерь; и сейчас у тлеющих угольков прогоревшего костра шел жаркий спор. Оба Мантана, неутомимые разведчики, рыскали где-то в чаще, так что предводитель маленького отряда беседовал с собратьями-священниками. Иир'ова сидели кучкой поодаль, не вмешиваясь в разговор; видимо, людские споры не вызывали у них интереса. Поигрывая ножами, Дети Ветра наблюдали за спутниками, ожидая решения Иеро.

— Согласись, дружище,— с горячностью произнес Малуйн,— мы искали усердно и не нашли тут ничего. Ни знака, ни звука, ни запаха — ничего вызывающего подозрение. Следы на юге, у берега, оставлены нашими людьми. Мы осмотрели западную часть района — там, где год назад ты встретил колдуна Нечистого. Пусто! Ничего! Спрашивается, что мы здесь потеряли? Я не

собираюсь возвращаться, но к чему это бесполезное ожидание? Пойдем! Пойдем дальше, туда, где мы можем принести какую-то пользу, сделать что-то. Готов выполнить любой приказ... Но объясни, какой смысл торчать здесь, кружиться на этом чертовом пятачке? Ты сказал, что тут подходящее место. Не буду спорить... Но чем оно тебя прельстило? Не понимаю!

Великан прислонился спиной к стволу, сердито попыхивая короткой трубочкой. Он был единственным курящим среди путников и сейчас, когда крохотная искорка мерцала в огромной ладони, походил на бога огня — величественное и могучее воплощение древней силы языческих времен. Прищуренные глаза следили за Иеро сквозь завитки белесого дыма, и тот встретил взгляд приятеля с некоторым смущением. Наконец пер Эдард сказал:

— Кажется, дружище, мы не новички в лесу... Во всяком случае, я не гожусь на роль бессловесного чурбана. Да и пер Сагенай тоже.— Он кивнул в сторону молодого священника.

— Н-нет,— задумчиво протянул юноша, поднимая спокойный взор на Иеро.— Я, как и пер Малуйн, готов следовать за тобой всюду, но... но не стану отрицать, что нахожусь в некотором смущении. Ты не просил использовать мой маленький талант, дар Божий... Я имею в виду Сорок Символов... Ни знамений, ни признаков врага... а вы, лучшие следопыты Севера, нашли бы их обязательно... Мы блуждаем в потемках... — Он приподнялся на локте, и ясный чистый голос прозвенел под зеленым сводом ветвей: — Может быть, брат мой, ты расскажешь нам о своих сомнениях, и мы сумеем помочь?

Иеро встал и, склонив голову, долго прислушивался к лесным шорохам, щебету птиц и тонкому комариному гудению. Наконец он заговорил:

— Я мог бы рассказать о многом, что случилось в прошлом и подтверждает подозрения... Но это бы ничего не объяснило. Я не знаю — только чувствую и

предполагаю.— Он глубоко вздохнул, уставившись на покрытые пеплом угли.— Три недели мы в пути. Дня два назад я внезапно почувствовал — другого слова не подобрать,— что место, в которое мы попали, нечто вроде критической точки... и нужно оставаться здесь. Почему — не могу сказать... сам не знаю... Где-то тут таится враждебная жизнь. Я чувствую ее, ощущаю, хотя и не могу обнаружить! И еще — что-то движется, торопится сюда. Этого не замечают ни иир'ова, ни вы, ни Мантаны, превосходящие нас всех в чутье... Но голову даю на отсечение, я не ошибся! Здесь место... место встречи — так его можно назвать.

Иеро поднял голову, лицо его было задумчивым и чуть грустным. Положив руку на серебряный медальон, висевший на груди, он подался вперед, к спутникам, сидевшим по другую сторону погасшего костра:

— Люди Аббатств годами не забредали сюда. Наши разведчики проходили западнее или севернее. К югу лежит Пайлуд, а за ним — побережье Внутреннего моря. Тут глухомань, вы это знаете. И говорю вам — тут что-то готовится... — Он перевел взгляд на юного священника: — Я не хочу использовать твой дар, пер Сагенай, по одной причине. Мы не знаем, чему научились враги за прошедший год. Вспомни, разум провидца открыт миру, его можно обнаружить... и это едва не погубило меня в прошлом! Не стоит повторять ошибки. Мы на краю, на границе чего-то огромного и непонятного. Наше дело — провести разведку, не обнаруживая себя. А тут... тут я чувствую нечто странное. Лес вокруг нас пуст, ментально пуст! Такого не бывает. О, тут есть гроконы, олени, зайцы... но и те — вялые, немногочисленные... Лишь меньшие существа — птицы, мыши, насекомые — обитают здесь в обычных количествах.— Иеро сделал паузу; пальцы, сжимавшие медальон, побелели, но голос метса, когда он вновь заговорил, оставался спокойным.— Итак, друзья, боюсь, придется просто поверить мне на слово. Здесь собирают-

ся тучи, и мы должны взглянуть, на что будет похожа гроза.

Сагенай первым прервал воцарившееся молчание.

— Брат Дистин, ты наш вождь; остальное не важно. Зло сгущается вокруг, а ты не только наш командир, но и защитник... самое чуткое орудие в руках Господа. Как скажешь, так и будет.

Спокойные слова юноши положили спорам конец. Пер Малуйн хмыкнул пару раз, подбросил хвороста в костер и окинул взглядом усевшегося напротив Иеро. Все трое молчали, словно зачарованные пляской крохотных огоньков на высохших серых сучьях. Тревожное и томительное предчувствие охватило их; затерянные в глубине гигантского леса, что простирался до северных пределов континента, они вслушивались в привычные шорохи, свист, шепот и негромкий монотонный гул насекомых, выискивая инородный звук.

На лицах лежала печать усталости: путь от Намкуша до этой неведомой земли на северо-восток был неблизким. Даже Мантаны, исходившие тысячи миль по лесам Канды, никогда не забредали сюда. Теперь путники шли вперед, повинуясь лишь интуиции вождя.

Иеро предупредил разведчиков, что всем им надо оставаться под покровом ветвей. Воспоминание о том, как он привлек к себе внимание пилота летающей машины Нечистого не погасло, а это случилось где-то неподалеку, на восток от лагеря. Отчет о встрече, переданный в Саск через брата Альдо, дал толчок к глубоким размышлениям и экспериментам; в результате Иеро теперь располагал кое-какой информацией. Машина, которую он видел, была безмоторным планером; сведения о подобных аппаратах, давно забытых, нашлись в центральном архиве. Законы, которые позволяли планеру держаться в воздухе, оставались пока тайной, но никто не сомневался, что такие машины не могут подняться в высокие слои атмосферы. Кроме того, они наверняка были редкостью — ведь только Иеро

видел летательный аппарат. Однако он полагал, что предосторожности не будут лишними.

День клонился к вечеру. Дети Ветра спали, свернувшись на грудах опавшей листвы. Люди сидели у костра, иногда перебрасываясь двумя-тремя фразами. До заката оставалось часа три, но пока ничто не возмутило мир в огромном лесу.

Однако путники недолго наслаждались безмятежным покоем. Перед костром возник Рейн Мантан, словно сотканный из лесного полумрака призрак. Сухощавая мрачная физиономия следопыта казалась совершенно невозмутимой. Он заговорил — как всегда, резко, отрывисто, но выразительно:

— После полудня я оставил Джеора, чтобы пройтись по окрестностям. Я двинулся на восток — хотел обойти лагерь по кругу.

Братьям было велено держаться вместе, но Иеро никак не прокомментировал явное нарушение приказа. Мантаны выслушивали его распоряжения и выполняли их так, как считали нужным. Впрочем, они не относились к Стражам Границы и обладали столь большим опытом, что требовать от них слепого подчинения было бы смешно.

Рейн присел, сгреб под колени охапку листьев и начал чертить на земле карту кончиком кинжала.

— Мы здесь, видишь? Я пошел на восток, потом взял немного к северу.— Он нарисовал ломаную линию.— Здесь камни... обломки скал торчат из болота. Неприятное место! Запаха нет, но смердит, как от падали. Встречалось мне такое на побережье... — Рейн имел в виду берег Великого Западного океана, лежавший за сотни миль отсюда, за огромными горами. Он задумчиво постучал клинком по рисунку.— Там словно что-то шевелится... трудно разглядеть... но я чувствовал какую-то возню... может быть, не одной твари. Странное движение — только с севера на юг, по прямой. Что-то вроде границы... или пограничной охраны. Хочешь взглянуть?

Люди были уже на ногах; Дети Ветра тоже вскочили с горящими от возбуждения глазами.

— Что ты видел на побережье? Где? — нетерпеливо спросил Малуйн.— Почему думаешь, что здесь что-то похожее?

— Трудно сказать. На западе, у океана, оно напоминало круг... этакое пятно... Но чувство было таким же — запаха нет, а смердит! Противно. Мы с Джеором туда не пошли. В тех краях только несколько иннейских стойбищ; и местные близко не подходят к тому кругу. Говорят, опасно. Коли б мы с Джеором тогда не торопились, проверили бы. Ну, решай сам. Я сказал, что видел.

Иеро задумался. Один из лучших северных рейнджеров обнаружил в лесу нечто странное... такое, что не описать словами... Но этот человек долгие годы сражается с Нечистым... ненавидит его... и, несомненно, обладает чутьем не телепатического характера... скорее, чутьем разъяренного волка... Запаха нет, а смердит! Можно ли лучше описать ментальную эманацию врага?

Священник повернулся к Мантану:

— Зови брата и пойдем.— Он кивнул остальным: — Двигайтесь осторожно. Рейн, ты — первым. И никакой мысленной связи! — Иеро коротко передал Детям Ветра суть своих распоряжений, и разведчики начали собираться. Все, что надо было сделать, было сделано: мешки — собраны, оружие — приготовлено. Отряду не требовалось много времени, чтобы выступить в поход.

Примерно час они осторожно пробирались среди исполинских стволов — словно тени в мире теней. Рейн, к которому вскоре присоединился Джеор, шел впереди, остальные, сбившись в плотную кучку,— за ними. Вдруг проводник предостерегающе поднял руку. По сигналу Иеро разведчики растянулись цепью и залегли, используя ближайшие укрытия. Сам священник выбрал позицию позади огромного пня и, чуть приподняв голову, приступил к осмотру.

Место, которое описывал Рейн Мантан, было перед глазами Иеро; священник начал изучать его и зрительно, и ментально. Подобный ландшафт не раз встречался им на пути; для северных краев он не был особенно примечательным. Влажную болотистую почву низины окружали ряды невысоких скал, перемешанных с кустарником. Широкие полосы маслянистой темной воды сверкали там и тут в лучах заходящего солнца. Изредка попадались деревья, невысокие и скособоченные, иногда — просто сухие стволы с голыми ветвями. Местами прямо из воды возносился желтый камыш или торчали заросли ядовито-зеленой осоки.

И все они заметили кое-что еще. В болотистой ложбине царила полная тишина. Ни одна птица не плескалась в воде; не было видно ни цапель, ни уток, ни куликов, и лишь ветер шевелил плотные шелестящие метелки камышей. Казалось, они вступили в обитель вечного молчания.

Снова и снова Иеро напрягал разум, направляя вперед веер ментальных лучей — столь же тонкий и неощутимый, как пушинка, увлекаемая порывом ветра; его прикосновения напоминали ласку, но не удар, чуть заметную прохладу воздушной струи, но не опаляющий жар самума. Постепенно метс прошелся по всем длинам волн — начиная от тех, что соответствовали простейшим насекомым, до зон, используемых существами с высокоразвитым интеллектом. Снова и снова, с бесконечным терпением он повторял попытки, концентрируя сознание на лежавшей впереди впадине.

Контакт! Священник резко отдернул ментальный щуп, затем осторожно вытянул его вперед, нацелившись в определенное место. Объект контакта перемещался; как и докладывал Рейн, это движение не было хаотическим, но следовало некой невидимой линии, пересекавшей их собственный курс. Иеро ощущал теперь почти невыносимое отвращение; видимо, он наткнулся на то, что смердело без запаха.

Метс не сумел в полном смысле связаться с мозгом существа — скорее, только коснулся его эмоционального центра. Чем бы ни была эта тварь, мозг ее обладал защитой, но не искусственной, какой Нечистый снабжал своих слуг. Вероятно, ментальный заслон возник в ходе эволюции — при выслеживании добычи, чувствительной к волнам мысли.

Невзирая на барьер, Иеро мог кое-что уловить, и это не доставило ему удовольствия. Ярость, бешеная ярость составляла сущность этой твари, сущность, которую она не могла подавить. К ней примешивалась свирепая, дьявольская хитрость. Но главное — голод! Голод господствовал надо всем! Иеро поморщился. Пожалуй, лишь Дом, странный вампир в огромной пещере, с такой же неутомимой алчностью жаждал добычи. Бестия, с которой метса соединял неощутимый луч мысленной связи, хотела рвать и терзать, дробить кости и насыщаться плотью, гасить жизнь в беспомощном трепещущем теле и впитывать ее вместе с кровью и мясом жертвы. «Гиена,— подумал Иеро,— чудовищная гиена, одержимая страстью к убийству!»

Однако что-то не давало монстру утолить эту жажду, заставляя его бесноваться. Тварь пребывала в строго ограниченном пространстве и не могла вырваться из него по своей воле. Не сдерживал ли ее некий странный барьер — ментальный или силовой?

Иеро размышлял и одновременно глазами насекомых, а также изредка залетавших птиц оглядывая странное болото. Эта смесь грязи, воды и заросших кустарником скал простиралась довольно далеко на север и юг. Быстро ее не обойти, а времени в обрез. Вожди республики нуждались в информации, а пока что его группа ничем не могла похвастать. Наконец он принял решение и взмахом руки велел разведчикам отходить. Они торопливо зашагали обратно и минут через пятнадцать собрались под защитой тяжелых лап чудовищной ели. Рассказав о своих открытиях, Иеро набросал план действий и отдал приказы.

Три воина-священника затаились под хвойным пологом, переговариваясь шепотом. Иир'ова и оба Мантана исчезли в лесу. Теперь оставалось только ждать, наблюдая за угасавшим на западе светом дня и вслушиваясь в лесные шорохи.

— Это тварь или, скорее, твари свирепеют от голода,— тихо сказал Иеро.— Я подозреваю, что Нечистый установил барьер, который удерживает чудищ. У них, кажется, не слишком много мозгов, а хитрость... хитрости и Мантанам не занимать. Они выведут кошек к нужному месту, а те сделают остальное.

Спустя некоторое время Иеро выпустил в сгущавшийся полумрак луч ментального сигнала и с облегчением вздохнул:

— Они на месте, и охота началась. Надеюсь, деревья не помешают иир'ова. Вообще-то они равнинные жители.

Забившись в глубину елового шатра, они напряженно ждали. Вскоре раздался треск сухой хвои и топот копыт. Иеро определил, что напуганный олень мчится в их сторону. Иир'ова не использовали Ветер Смерти; им вполне хватало быстрых ног. Двигаясь цепью, загонщики то показывались, пугая зверя, то выскакивали вперед, предупреждая все его попытки уклониться в сторону. Наладив мысленное наблюдение за погоней, Иеро в который раз изумился охотничьему искусству Детей Ветра — они направляли оленя прямо к невидимой границе, хотя животное явно не хотело бежать туда. Позади иир'ова во весь опор неслись Мантаны, боявшиеся опоздать к развязке.

Наконец три священника увидели зверя, стрелой промелькнувшего меж коричнево-золотистых сосновых стволов. Знакомая порода — большой пятнистый олень, не слишком отличающийся от полностью вымершего вапити; в это время года на его голове вместо рогов с двумя острыми зубцами виднелись только мягкие отростки. Беспомощное животное! Иеро подавил приступ жалости — без приманки было не обойтись. Метсы

вскочили на ноги и бросились за зверем, зная, что стремительные Дети Ветра будут ждать их на краю зловещего болота.

Они действительно нашли там союзников, а вскоре к отряду присоединились оба запыхавшихся Мантана. Люди и иир'ова скорчились за кустами, разглядывая простиравшуюся перед ними низину. След большого оленя четко отпечатался в грязи — там, где он свернул на жуткую пустошь, предопочитая опасность, поджидавшую в болоте, той, что грозила в лесу.

Мысль Иеро догнала его. Метс уловил начало атаки, внезапной и яростной; затем волна смертельной муки затопила мозг священника. Теперь все услышали низкий угрожающий рык, что перекрыл вопль агонизирующего в зарослях камыша оленя. Людям рычание показалось голосом дьявола, и даже Дети Ветра, гордые охотники равнин, прижали уши.

Пришла пора действовать. Заметив, что братья-рейнджеры восстановили дыхание, Иеро махнул рукой. Отряд, как единое целое, ринулся к болоту. Они бежали, взяв оружие на изготовку, огибая темные лужи и прячась за камнями; бежали молча и целеустремленно, стараясь не производить шума. Схватка в камышах завершилась, но звуки борьбы сменились еще более жутким чавканьем и хрустом костей, перемалываемых могучими челюстями.

Маленький отряд был уже близко к цели. Внезапно звуки кровавого пиршества смолкли, и разведчики поняли, что обнаружены. Они рванулись вперед, уже не заботясь о шуме; сейчас главное было выбраться из этой мешанины грязи, скал и непроходимых зарослей на свободное пространство. Они бежали, растягиваясь в шеренгу, и вдруг почти одновременно очутились у цели. Дети Ветра и люди замерли, успокаивая дыхание и разглядывая открывшуюся перед ними картину.

Болотистая почва здесь чуть понижалась, скатываясь в мелкую воду, из которой торчали пучки остроконечной бурой травы. Ни деревьев, ни камышей вокруг;

грязь да темная водная гладь, посреди которой лежала окровавленная полуобглоданная оленья туша. А над ней возвышался сам убийца, озирая новую добычу безумным и свирепым взглядом.

Этот монстр отдаленно напоминал гигантского гризли, вставшего на колонноподобные задние лапы; но если остальные представители семейства медвежьих в той или иной степени сохранили сходство с древним предком, это чудище под влиянием ужасной атомной радиации гораздо сильнее отклонилось от первоначального образца. Почти безволосая кожа отливала грязно-серым, огромная голова была словно срезана спереди, голые уши плотно прижаты к черепу. На верхней губе и по краям разинутой пасти торчала похожая на проволоку щетина; чудовищные острые клыки обагрила кровь. Выкаченные красноватые глазки под скошенным лбом горели злобой, но в них, несомненно, читались также хитрость и некие зачатки интеллекта. Усомнившимся в разумности существа было достаточно взглянуть на другое свидетельство, довольно весомое: монстр сжимал в могучей лапе палицу из сломанного древесного ствола в рост человека. Пораженный Иеро заметил, что его передние конечности, без сомнения, были руками с когтистой пятипалой кистью, причем большой палец противостоял остальным!

За те несколько секунд, что чудище и разведчики глядели друг на друга, священник вспомнил давние уроки аббатов. Правда, сведения были скудными: тот, кто видел ужас Тайга, нечасто оставался в живых. Перед ними был вербэр, жуткий ночной призрак, невидимая смерть, чьи кровавые следы являлись почти единственным доказательством того, что этот кошмар не плод извращенной фантазии. Развалины лесных заимок, растерзанные тела и исчезновение охотничьих партий говорили об обратном. К счастью, подобные твари попадались крайне редко; видимо, они предпочитали уединение. Все это молнией промелькнуло в голове Иеро; тем временем сражение уже началось.

В воздухе одновременно мелькнули отравленные дротики, выпущенные братьями Мантан из духовых трубок, и стрела Сагеная. Они попали в цель: ядовитые шипы торчали из окровавленной морды чудовища, стрела глубоко вошла в покрытое редкой шерстью брюхо.

Раздался ужасный вопль; сознание мутилось от этого крика. Сжимая палицу, исполин неуклюже шагнул к разведчикам, расплескивая воду и жидкую грязь огромными плоскими ступнями. Он шел прямо на пера Эдарда Малуйна, вероятно, потому, что тот был самым рослым и стоял посередине цепочки нападавших.

Дети Ветра ринулись вперед, обходя чудовище по двое с каждой стороны; вода и вязкая почва чуть замедляли их движения. Иеро увидел, как М'рин молниеносно отпрянула, избежав удара чудовищной палицы. В следующий миг все четверо полосовали ляжки гиганта длинными ножами; словно шершни, они били острыми жалами, успевая отскочить, когда монстр поворачивался к ним.

Сагенай и Мантаны выстрелили снова; стрела глубоко засела в боку вербэра, дротики вонзились рядом с устрашающими челюстями. Иеро придвинулся ближе, его тяжелое копье свистнуло, и заляпанный грязью живот монстра окрасился кровью. Видимо, широкий отточенный наконечник проник глубоко; исполин снова взревел, его ужасающий рык сотряс воздух, подобно взрыву. Выкатив багровые глаза, полные боли и неутолимой ярости, хищник навис над Иеро. Чтобы спастись от когтистой лапы, метс покатился в грязь, в болотные травы. Позади тенькнула тетива, и стрела пронзила зеницу страшного ока. «Боже,— мелькнуло в голове у священника,— этот Сагенай великий стрелок! Но когда же проклятая тварь сдохнет?»

Монстр возвышался над ним, уронив бесполезную палицу и прижав огромную ладонь к искаженной мукой морде. Затем он рухнул ничком и окатил нападавших грязной водой с примесью крови. Он умер. Огромная

туша, темным бугром торчавшая над бурой осокой, закаменела — ни дрожи, ни судорог, ни хрипа. Девять разведчиков придвинулись, не выпуская из рук оружия; они смотрели и ждали. Наконец Иеро облегченно вздохнул и повернулся к товарищам.

— Ты замечательный стрелок, пер Сагенай,— сказал он юноше,— и вы тоже, охотники.— Иеро кивнул братьям Мантан.— Думаю, это ваш яд прикончил его. Удивительное дело! Еще удивительней того, что вербэр оказался не сказкой.— Он послал мысленное сообщение Детям Ветра и ощутил гордость в кратком ответе Б'ургха. Да, о подвигах четырех иир'ова будут долго петь у костров Прайда!

— Мне так и не удалось подобраться к нему поближе,— разочарованно заявил Малуйн, опуская секиру.

— Он рвался прямо к тебе, дурачок, когда наши друзья его остановили,— с улыбкой заметил Иеро.— Еще немного, и ты был бы проглочен вместе с топором. А теперь помолчите! Я попробую пошарить вокруг.

Он начал мысленный поиск, и ждать пришлось недолго! По тому, как внезапно окаменело его лицо, как напряглось тело, остальные поняли, что новости будут тревожными. Разведчики снова подняли оружие.

А в мозгу священника ударами погребального колокола звучал голос, который он не слышал уже много месяцев:

— Берегись, Иеро! К вам идет еще один... с севера... и быстро! Возмездие близко, и мы придем вместе с ним!

В тот же миг метс поймал волну черной злобы и жажды убийства — те же чувства, что исходили полчаса назад от чудища, лежавшего сейчас мертвым. Значит, их двое! Проклиная спускавшиеся сумерки, Иеро повернулся налево, и вся маленькая армия, изготовившись к бою, повторила его движение. Нападение не застало их врасплох.

Новый враг проломил желто-зеленую стену камыша и, ощерив пасть, ринулся на разведчиков. Со стороны его шаги выглядели неуклюжими, но мчался он со скоростью улепетывающего хоппера. И в каждой когтистой лапе монстр сжимал по огромному валуну. Едва появившись из зарослей, он с убийственной точностью метнул камень.

Возможно, мышцы Б'ургха от возраста стали уже не такими гибкими и подвижными; возможно, удача покинула его, заставив броситься в неверном направлении... Камень ударил вождя иир'ова в грудь; раздался хруст, и Б'ургх, словно сломанная кукла, отлетел в сторону. Пронзительный вопль М'рин, крик ярости и горя, перекрыл торжествующий рев врага.

Пропела стрела Сагеная, и наконечник из закаленной бронзы глубоко засел в предплечье чудовища. Дротики братьев Мантан с коротким шипением вырвались из духовых трубок; на таком расстоянии охотники не давали промаха. Но яд, столь смертоносный для обычной жизни, очень медленно разливался по чуждой плоти. Иеро вырвал копье из трупа поверженного врага и теперь стоял прямо на пути второго вербэра, готовый встретить его острой сталью. На миг руки метса дрогнули, словно в предчувствии страшного удара; сердито мотнув головой, он прогнал слабость. Тусклый свет заката не позволял отчетливо разглядеть демона, но на фоне гигантского расплывчатого силуэта Иеро четко видел наконечник копья. Рядом с другом, широко расставив ноги и сжимая обеими руками топорище, встал Малуйн. В следующий момент чудище темной громадой нависло над ними, и времени для раздумий не осталось.

Второй камень, который монстр сжимал в лапах, был остроконечным обломком гранита; вербэр не собирался швырять его, но использовал как палицу. Размахнувшись, Иеро метнул копье, раздался лязг от удара металла о камень, и в следующий миг чудище заслонило собою свет. Человек нырнул вбок, прикры-

ваясь щитом; страшный удар гранитной глыбы обрушился на него, и левая рука онемела от кисти до плеча. Толчок отбросил метса к туше мертвого чудовища, прямо в жидкую болотную грязь.

Снова раздалось низкое торжествующее рычание, но когда Иеро встал на ноги и выхватил меч, рев уже перешел в вопль боли. Покачнувшись, он поднял взгляд и увидел, что произошло.

Пока вербэр пытался вышибить из него дух, пер Эдард Малуйн не терял времени даром; его топор взлетел вверх и обрушился на левую лапу монстра. Огромная когтистая кисть с плеском упала в воду, и хлынул фонтан крови, багровой, почти черной в лучах заходящего солнца.

Когда исполин повернул к Малуйну уродливую голову, Иеро рубанул его по бедру своим коротким тяжелым мечом. Вербэр, однако, быстро уклонился; к тому же священник почувствовал, что выпад был слабым и неуверенным. Сквозь кровавый туман, застилающий взор, он увидел, как промелькнула стрела Сагеная, утонув в серой туше. «Этот упырь прикончит нас раньше, чем умрет сам»,— подумал Иеро. Словно в полусне, он наблюдал, как чудовищная морда разворачивается к нему, как падает пена с желтых клыков. Гигант сделал шаг вперед и наклонился, чтобы раздавить потревожившего его пигмея.

Удар швырнул метса в сторону, меч вылетел из рук. Беспомощный и беззащитный, метс покачивался на ослабевших ногах; темная пелена, сгустившаяся перед глазами, не позволяла рассмотреть исход схватки.

Он не видел, как большой черный зверь вынырнул из зарослей быстрее смертоносного копья. Отбросив Иеро плечом, нежданный спаситель, столь же мощный и массивный, как вербэр, обрушился на врага с силой и точностью выпущенного из катапульты снаряда. Поднявшись на дыбы в последнем бешеном скачке, он обрушил копыта с острыми краями прямо на безобразный череп. Раздался треск, и монстр, ужас северных

лесов, с шумом выдохнув воздух, рухнул в грязь, жизнь покинула его мгновенно.

Барахтаясь в воде, пробуя приподняться и стереть с лица грязь, Иеро обозревал длинные ноги зверя, которые явно были ему знакомы. Он еще пытался привести в порядок мысли, когда длинный шершавый язык облизал лицо, и теплое мощное дыхание взъерошило волосы на затылке. Теперь метс узнал!

— Клуц! Ах ты, протухший собачий хвост! Как ты меня напугал! — Он прижался к могучей шее, пытаясь скрыть навернувшиеся на глаза слезы. Сколько же сотен миль одолел верный скакун, сколько прошел земель, чтобы найти хозяина в самый разгар смертельной битвы? Иеро заморгал, чувствуя, как лорс мягко отстранился; шершавый язык вновь заботливо прошелся по лицу, стирая воду и грязь, кровь и слезы.

Разлепив веки, священник поднял взгляд на товарищей. Пер Малуйн, опираясь на топор, возвышался в нескольких ярдах от него — покрытый грязью, но, похоже, невредимый. Обменявшись взглядом с Иеро, он начал неторопливо чистить пучком травы оружие, что-то насвистывая под нос. Мантаны и Сагенай выдергивали стрелы из тел мертвых чудищ, прополаскивали их в болотной воде и прятали в колчаны. Затем Иеро увидел трех молодых иир'ова, собравшихся в кружок над распростертым в камышах телом, и вспомнил, что Б'ургх мертв. Он сделал шаг к Детям Ветра, когда весьма раздраженный голос вдруг зазвучал в голове. Священник остановился так резко, что трусивший позади Клуц едва не сбил его с ног.

— *Иеро, если вся эта суматоха закончилась, может быть, ты предупредишь своих друзей, что не стоит рассматривать меня как мишень для этих острых палок с колючими концами. Тогда я, пожалуй, вылезу из-за скалы.*— Пока метс соображал, что же — и, главное, кого! — он слышит, мысленный голос ядовито добавил: — *Тебе, знаешь ли, надо благодарить не только Клуца!*

Глубоко вздохнув, священник произнес:

— Эй, послушайте меня! К нам пришел друг... мой старый друг. Не стреляйте, во имя ран Господних! Это он привел Клуца на помощь.

Люди повернулись, с интересом взирая на лохматый бурый ком, возникший из-за невысокой скалы и покатившийся им навстречу. Ни один, однако, не глядел на это существо с большим любопытством и радостью, чем сам Иеро. Прошло много месяцев с тех пор, как они расстались у выхода из огромной пещеры, взлетевшей на воздух вместе с Домом и прочим неприятным содержимым.

Священник заметил, что Горм изменился, и невольно пожелал узнать, какие перемены молодой медведь обнаружил в нем самом. Горм словно вытянулся, стал крупнее и его движения потеряли угловатость, свойственную неуклюжему подростку. Он еще не достиг зрелости, но выглядел превосходно, излучал уверенность и внутреннюю силу, которыми явно не обладал раньше.

Медведь подкатился к Иеро и встал на задние лапы; теперь его темные зрачки были выше глаз человека. Узкий язык нежно коснулся носа священника, затем Горм снова принял естественную позу и довольно фыркнул.

— *Ну и занятие нашел ты себе, должен отметить,*— пришла его ясная, четкая мысль.— *Счастье еще, что Клуц как-то унюхал тебя и сказал мне. Мы несколько дней пытались пересечь проклятый участок, однако тут бродили двое этих, и не стоило рисковать. Но ты потерял друга, Иеро... Надо посмотреть, чем можно помочь остальным... Потом мы должны уходить отсюда — и быстро!*

В очередной раз подивившись скорости и точности ментальной передачи Горма, Иеро двинулся туда, где молчаливые иир'ова застыли над павшим вождем. Должно быть, Б'ургх умер мгновенно: грудная клетка была расплющена чудовищным ударом. Яростные

янтарно-золотистые глаза погасли, но безгубый рот кривился в угрюмой усмешке, словно и смерть воина, и гибель целой вселенной были всего лишь горькой шуткой судьбы.

Иеро обнял поникшие плечи М'рин и мысленно обратился к людям-кошкам:

— Он был великим воином. И умер так, как желал,— в битве с извечным злобным врагом, вашим и моим. Когда мы вернемся — вы и я,— сложим песню, чтобы все знали и помнили о подвигах вождя до тех пор, пока живет Прайд. А теперь... теперь надо позабыть о горе. М'рин, ты — старшая. Скажи: как проводить Б'ургха на вечный отдых? Но поторопись — враги приближаются! И вождь не захотел бы, чтобы нас застали врасплох.

Подняв тело павшего, иир'ова перенесли его на клочок сухой земли и с помощью остальных вырыли узкую неглубокую могилу у подножия гранитного валуна. М'рин пропела короткие слова прощания, потом пер Сагенай спросил, может ли он вознести молитву своему Богу над воином, погибшим от руки Нечистого. Немного посовещавшись, иир'ова согласились.

— Мы далеко от Ночного Ветра южных равнин,— сказал Ч'урш Иеро.— *Ваши боги сильны здесь, и они помогут духу павшего вернуться домой, где он обретет покой.*

Иеро согласился с этим и вознес про себя мольбу к Великому Творцу. «О Боже,— просил он,— Ты должен помочь ему. Он пал, сражаясь за Тебя... Не обойди же милостью его душу!» Метс прошептал слова заупокойной молитвы, и дело было сделано.

Когда разведчики покинули невысокий могильный холм, Иеро уловил растущее нетерпение Горма. Ему было известно, что медведь, изрядный скептик в вопросах религии, считал обращения к Неведомому пустой тратой времени. «Агностицизм — одно из старых заблуждений человечества,— подумал священник,— но если его разделяют другие разумные существа, поистине

Церкви прибавится работы». Он усмехнулся про себя, вспомнив, что в его команде есть молодой и пылкий проповедник. Что ж, скоро ему предстоит столкнуться с достойным противником.

Спустя недолгое время путники уже сидели у маленького костра. Около часа Иеро вел отряд обратно в глубины Тайга, пока не решил, что опасность миновала и можно остановиться на отдых. За тесным кругом разведчиков возвышался молчаливый Клуц; его широкие ноздри раздувались, фильтруя лесные запахи, чуткие длинные уши ловили доносившиеся из чащи звуки. Рога лорса уже достигали пары футов в длину. Он выглядел слегка отощавшим, как и молодой медведь, но был полон сил и отваги, что и доказала недавняя баталия.

Горм развалился в середине, у самого огня, наслаждаясь теплом; свет играл в густой коричневой шерсти. Когда он заговорил, ясность мысленной речи поразила всех слушателей, не исключая Иеро. Даже Дети Ветра могли понимать медведя без труда. Закончив возведение ментального щита, прикрывшего всю группу, священник с насмешливым любопытством наблюдал за реакцией невозмутимых Мантанов. Изумленно переглянувшись при первых словах медведя, братья раскрыли рты и вытянули шеи, уставившись на мохнатого оратора. Малуйн гулко захохотал, а на губах пера Сагеная появилась спокойная улыбка.

— Для начала скажу, что я — всего лишь первый посланец своего народа. Медведи придут, но на это нужно время. Мы не скучиваемся в деревнях, но живем семьями. И собрать всех способных сражаться — дело не быстрое. Но Старейшие приказали, и воины двинулись. Мы не очень хорошие ходоки, а ведь нужно осилить долгий путь с севера, чтобы присоединиться к людям. Нам надо двигаться скрытно, огибая места, в которых владычествует Нечистый, вроде того леса, где мы впервые

повстречались с Иеро; иначе нас могут заметить и остановить.

Меня послали передать слово вашим Старейшим. Во время путешествия я услышал в лесу странные звуки.— Он послал мысленный образ беспомощного олененка, зовущего мать.— *Вопил этот здоровенный пожиратель сорной травы... наверно, ждал, что Иеро сам прибежит к нему. К счастью, я догадался, кто способен так драть горло, и вступил с ним в контакт. Впрочем, он не так глуп, как выглядит, и многое мне рассказал...*

Тут Клуц негодующе фыркнул: очевидно, шуточки медведя были ему не по нраву. Иеро взглянул на темный силуэт лорса; разум его, отринувший напряжение недавней битвы, купался сейчас в ясном спокойствии. Пока медведь размышлял над продолжением речи, странные образы начали возникать в мозгу священника. И они пришли явно не от Горма!

— *Ленивый — толстый* — (неизвестное понятие) — *просился ко мне на спину, когда уставал,*— (неясно) — *не может сражаться! Кому-где — нужен такой*!

К своему восторгу, Иеро догадался — Клуц понимает, что мысли его достигли хозяина, и хочет, чтобы тот знал это. Огромный лорс не испытывал сомнений в собственной ценности, так что сарказм мохнатого хитреца бил мимо цели.

С приходом ночи тени сгустились; лес, окружавший костер разведчиков, казался стеной мрака. В редких просветах меж кронами виднелись клочки темного неба, расшитые блестками звезд, что холодно и безмятежно сияли над лесным морем Тайга. Лишь шипение пламени да треск пылающего хвороста нарушали тишину. Горм продолжал беззвучную речь:

— *Да, у Клуца были важные новости. Он него и гонцов, что пришли к брату Альдо, я узнал о событиях на далеком юге. Важные новости, но плохие. Враги уже выступили. Они торопятся, они*

идут, пока мы сидим у костра. Движутся по дуге с востока на запад и потом на юг — так же, как мой народ. Но их путь короче, он пролегает по внутреннему полукругу; и, хотя мы выступили раньше, враги почти нас догнали. Они всего в двух переходах позади.

Заговорил Малуйн:

— Иеро, я слышу его, но не могу с ним говорить. Спроси: насколько велико войско? Что известно о расположении боевых частей?

Ответ был не слишком ободряющим:

— *Они собрали все силы, всех тварей, что могут сражаться! Мы знаем многие из их тайных крепостей и мест сбора. Но там остались сейчас только самки и молодняк. Если они ударят и мы сломим их силу, весь Север будет очищен! Идут собаки, крысы и эти, похожие на обезьян... ты называл их Волосатыми Ревунами... все с ними! Сумеем ли мы победить их?* — Горм замолчал. В последних словах прозвучало мучительное сомнение.

— *Видел ли ты машины?* — спросил Иеро.— *Эти их серые корабли? И пушки, мечущие молнии? Вспомни — такие штуки, как та, что ударила меня на берегу год назад. Вы наблюдали за небом? Появлялись ли там птицы — огромные неживые птицы? И если их замечал кто-нибудь, то когда и где?*

— *Да, мы следили за всем этим,*— ответил Горм.— *Корабли видели не раз, но далеко на востоке и давно, несколько месяцев назад. Не знаю, сколько их было. Мы сами не можем наблюдать за морем и островами; это делали эливенеры, но самых последних известий у нас нет. Неживую птицу видели только раз или два раза, и тоже давно... Я думаю, она была одна и разбилась...* — Тон медведя стал задумчивым.— *Старейшие говорят, что полеты в небе не понравились слугам Нечистого... иначе они сделали бы множество злых птиц и напустили на нас. Нет, они любят ночь и темные норы гораздо больше, чем чистый воздух и*

солнце. Они могут сражаться при свете дня, но... но... их подлинный союзник — мрак! Они похожи на тех двух Убийц-из-Тьмы, которых вы уложили на болоте. Ударить из засады, напасть ночью, истязать беспомощных, расправиться со старыми, уничтожить самок и щенков — вот это по ним!

— Надеюсь, все они не будут сражаться так, как те Господни недруги, с которыми мы встретились на этот раз! — Мысль, ясная и четкая, пришла от Карта Сагеная. «Немного тренировки,— подумал Иеро,— и парень сможет говорить хоть с дьяволом, хоть с Богом!» Он заметил, как Горм оценивающе поглядел на молодого священника.

— Их, я полагаю, заставили. Ты должен знать, Иеро,— у колдунов Нечистого есть приборы, похожие на те, скрывающие мысль, что они носят на шее... но другого назначения. Может быть, они удерживали Убийц-из-Тьмы с помощью таких устройств, как злых собак на цепи. Но сейчас не время разбираться с этим. Враг идет, сильный враг... И только одну добрую новость могу я поведать, Иеро... Наши Старейшие и эливенеры чувствуют, что стаей движет слепая злоба... ни холодного расчета, ни хитрых планов... словно что-то взбесило их. Но что?

Иеро подумал о разрушении Нианы и двух затонувших кораблях. Да, это должно было взбесить Нечистого!

Следующую мысль Горм направил прямо ему:

— Думаю, нам с тобой легко догадаться, кто их ведет. Там много других колдунов и много дурных мыслей... Но лишь один ненавидит тебя, словно лютый зверь... он не успокоится, пока ты жив.

С'дана! Иеро уставился на оранжевые языки пламени. Бледное лицо и безволосый череп повелителя Голубого Круга, его красноватые зрачки, источающие злобу, всплыли перед священником. Да, среди вражеских войск могли быть другие члены Высшего Совета Темного Братства, другие адепты Нечистого, по-

велители сил зла... Но он знал, что Горм прав,— эту армию ведет С'дана, его величайший недруг. Наконец-то Нечистый выступил открыто, надеясь одним ударом сокрушить республику, прежде чем она расправит крылья... Если так, то враги ошибались; крылья северного орла уже окрепли. Десятки разбойничьих рейдов, коварных засад, тайных убийств, ночных нападений... Лишь сильная рука могла отразить эти удары — множество сильных рук и отважных сердец! И ненависть, которую возбудил в них Нечистый, сейчас обрушится на дьявольское отродье!

Иеро поднялся.

— *Тушите костер и пойдем*,— передал он.— *Мы тронемся на юго-запад, к озерам — там назначено место встречи. Республика нуждается в нас.*

— *И пусть Бог защитит правых*,— добавил пер Сагенай.

ГЛАВА 12

Утро битвы

Над темной гладью озера клубился холодный утренний туман. Этот обширный водоем — вероятно, протяженностью миль в двадцать — метсы называли озером Слез. Согласно легенде, в давние времена в нем утопилась некая девица — предположительно, от несчастной любви. Более важным, по мнению Иеро, являлось то обстоятельство, что озеро Слез было связано с Намкушем — через озеро Опадающих Листьев и реку Дождей. Озеро Слез было глубоким и формой напоминало бумеранг, изгиб которого указывал почти точно на северо-восток.

В нем было несколько островков: одни — ощетинившиеся зубами скал, другие — увенчанные зеленой короной деревьев; их кроны сейчас плавали над белесым молоком тумана. Здесь и там Иеро замечал движущиеся контуры. Весельный баркас ходко шел от одного островка к другому. Туман, уступая натиску солнечных лучей, рассеивался, позволяя разглядеть темные очертания больших парусных судов. Над некоторыми островками вился дымок. Везде ощущалось скрытое движение — активное, но не слишком заметное чужому глазу.

Иеро, верхом на Клуце, находился на самом конце длинного мыса, вдававшегося в озерную гладь почти рядом с изгибом. Место было весьма удобным для наблюдения и вполне подобающим его новому рангу командующего центром; в этом качестве он подчинялся лично Демеро. Когда состоялось назначение, старый аббат, предупреждая споры, решительно заявил, ткнув Иеро в грудь сухим пальцем:

— Кто знает врага лучше тебя? Никто! Кто встречался с ним чаще всех остальных и ухитрился

выжить? Ты! Даже Юстус Бирэйн сказал, что будет рад служить под твоей командой. Неужели ты собираешься спорить с ним? Я включаю в твой штаб Малуйна и молодого Сагеная. И оба Мантана, нечестивые самовольщики, не желают подчиняться никому, кроме тебя. Вся армия знает о твоих кошках; они будут связными. Чего же еще ты хочешь? Все, хватит! Принимайся за работу, мой мальчик!

Теперь Иеро, принц Д'Алва и командующий войсками Севера мрачно усмехался, изучая окрестные берега в подзорную трубу. Сзади доносились тихие голоса младших офицеров и сержантов, толпившихся в почтительном отдалении. Наконец-то до Иеро начало доходить, что он стал живой легендой, и это не вызывало у него восторга. В глазах молодых парней и девушек, служивших под его командой, читалось благоговение, но с этим воин-священник не мог ничего поделать. Он постарался сосредочиться на оценке расположения своих войск. Приходилось использовать лишь память и глаза, свои и чужие: весь район был накрыт ментальным колпаком. Надо думать, Нечистый тоже позаботился о своих войсках. Время покажет, чья ментальная защита прочнее.

После битвы с вербэрами, выслушав тревожные новости, принесенные Гормом, отряд ринулся на юго-запад. Им удалось выиграть четыре дня ценой страшного напряжения; люди соперничали в скорости с неутомимыми иир'ова. Каждая минута была дорога, и неумолимый Иеро гнал разведчиков, используя безотказного Клуца, чтобы подвезти тех, кто падал с ног. Чаще других лорс нес юного пера Сагеная, непривычного к лесным странствиям. Но дня за три до того, как они выбрались к передовым линиям метсов, Джеор Мантан растянул лодыжку и был вынужден с проклятьями взгромоздиться на широкую спину Клуца. Иначе разведчикам пришлось бы оставить его в лесу.

Они подарили республиканским войскам и их союзникам целую неделю — немалый срок в подобных

обстоятельствах. Отряды Отвы были еще далеко и успели столкнуться с трудностями. Видимо, С'дана повел на запад не все свои силы. Уж не было ли у него своих людей в руководстве Отвианского Союза?

«С'дана ненавистен мне,— подумал Иеро,— но было бы ошибкой умалять его ум и хитрость. Выродок соображает хорошо! Он сделал все, чтобы лишить нас любой помощи, на которую мы могли рассчитывать. Естественно, той, о которой он знал. Ну, будем надеяться, что ему не все известно».

Он опустил глаза вниз: девушка-лейтенант застыла перед ним, вскинув руку в воинском салюте. Иеро окинул ее одобрительным взглядом. Кроме короткой юбки из оленьей замши, форма этой амазонки ничем не отличалась от его собственной. И метс знал, что его соплеменницы не хуже мужчин умеют пользоваться оружием и мозгами. К тому же, воительница была хорошенькой.

— Сообщение от генерала-аббата, сэр. В лесу, в двенадцати милях к северо-востоку, идет тяжелый бой. Наши передовые части медленно отходят, пытаясь разведать силы врага. Кавалерия на лорсах отведена назад — там неподходящая для верховой езды местность. Аббат передает, что будет держать вас в курсе событий.

Иеро улыбнулся, глядя прямо в черные дерзкие глаза, отдал салют. Поблагодарив девушку, он тут же забыл о ее существовании.

«Похоже, кавалерия выбывает из игры. В лесу пара-другая всадников могут служить посыльными, но целый отряд не способен маневрировать. Однако Демеро поднял на ноги весь Север, чтобы сколотить эти два легиона на лорсах; такие усилия не должны пропасть».

— Пер Сагинай,— он повернулся к юному священнику,— принеси мне карту местности — той, что перед нами, и западнее.

Вместе они изучили рельеф ближайших окрестностей. Почва там была вязкая и болотистая, но глубоких вод не встречалось — только лужи да медленные протоки в торфянистых берегах. Деревья почти не росли на болоте, его покрывали травы и камыши. Южная окраина полого спускалась к низко лежавшему берегу озера слева от них, примерно в полумиле. Неважное место для размещения войск, но вполне подходящее, если нужно пассивной обороной сковать противника и прикрыть левый фланг. Теперь оставалось выяснить, примет ли этот план начальство. Аббат Демеро изрядный упрямец.

Потолковав с Сагенаем, Иеро отослал его обратно к штабной группе. Он что-то нацарапал на клочке тростниковой бумаги и подозвал М'рин. Солнце разогнало последние клочья тумана над озером; блеск голубого зеркала в зеленой раме листвы слепил глаза.

— *Отнеси это нашему вождю, Мудрейшему. И поторопись вернуться. Сегодня у нас много дел.*

Она помчалась, словно ветер родных степей иир'ова; все следили за гибкой фигуркой, пока она не исчезла вдали. Ч'урш и За'рикш нетерпеливо переминались с ноги на ногу, готовые ринуться вперед по первому приказу.

Эдард Малуйн шагнул вперед и рассеянно похлопал Клуца по могучему загривку. Другой рукой он, словно тросточку, вертел тяжелую секиру, царапая лезвием землю.

— Что ты думаешь о наших флангах, Иеро? Левый меня особо не беспокоит: там только озерный рукав да болото. Справа — другое дело. Озеро Опадающих Листьев — длинное и неширокое; оно переходит в реку Дождей и ручей Тетивы. Прямой путь к Внутреннему морю, и слишком длинный, чтобы охранять его на всем протяжении.

— Демеро знает об этом не хуже нас. Думаю, и противник скоро догадается — если уже не догадался. Ну что ж... Тут у нас четыре полных легиона Стражей

Границы и еще два смешанных, из ополченцев. И женщины, и мужчины неплохо подготовлены... конечно, не так, как Стражи, но неплохо. Шесть легионов — это семь тысяч человек, вместе со вспомогательными войсками и обозными. Присчитай сюда два легиона кавалерии и сильный отряд разведчиков, который сейчас ведет бой с Нечистым. Потом — наших водных союзников, чьи возможности пока неясны, а также все, что ты видишь на озере,— Иеро кивнул на парусники Бирэйна и, подумав, добавил: — плюс то, что не видишь — на востоке и западе. Про отряды Отвы лучше забыть. Они вышли слишком поздно и сейчас находятся в тылу врага. Может быть, они придут через неделю, может, не придут вообще... Но нам, вероятно, помогут сородичи Горма. Я не знаю... никто не знает точно. Горм пошел искать их, но ему надо как-то проскользнуть мимо фланга Нечистого... Очень рискованное дело... И это, мой друг, все. Все! У нас нет ни резервов, ни других союзников. Здесь — наша первая армия, наш первый военный флот. Мы не имеем опыта больших сражений. Тут, на севере, его нет ни у кого — и у Нечистого тоже.

Он перегнулся в седле, пристально всматриваясь в голубые воды, потом поднял взгляд к южному небосклону. Там, на юге, тоже бились армии... Внезапно страстное желание увидеть Лучар затопило его. Он представил, как выскакивает из леса во главе отряда копьеносцев... хопперы мчатся стрелой, ветер рвет султаны на шлемах... он летит к своей любимой, к своей принцессе... «Отец Всемогущий,— с тоской подумал Иеро,— пошли ангела ей во спасение!»

Утро разгоралось. Время от времени подбегали гонцы с донесениями о силах и направлении удара Нечистого, о потерях республиканских войск и с прочими сведениями. Было над чем призадуматься: отряды врага несли много, очень много легких суденышек — от каноэ, способных вместить десяток воинов, до одномест-

ных челноков. И все это добро тащили в первых рядах наступающего войска.

— Похоже, они прекрасно представляют, где мы находимся.— Иеро склонился с седла к перу Эдарду.— Конечно, эта местность изобилует озерами и речушками, но большинство из них можно перейти вброд... Нет, враги задумали что-то иное! Пошли сообщение Бирэйну и во все наши отряды. Пусть будут наготове.

М'рин, давно вернувшаяся, подошла к нему вместе с двумя молодыми иир'ова. Позади маячили угрюмые физиономии братьев Мантан.

— *Мы различаем шум битвы, Иеро. А ты? Эти двое, люди с отравленными гневом сердцами, тоже слышат. Они объяснили нам знаками.*

— Истинная правда, сэр,— подтвердил Рейн.— Только кошки услышали первыми.

Иеро насторожился. С озера долетали плеск весел и скрип снастей, слова команды, далекий зов горна и грохот якорных цепей. Затем сквозь эти звуки он уловил приглушенный расстоянием шум. Еще немного, и монотонный гул распался на обертоны; до него долетали высокие звуки, словно птичьи вскрики на фоне басовитого жужжания насекомых, затем послышалась серия глухих ударов — легчайшая вибрация воздуха, и только. Но этого было достаточно.

— Принимайся за дело, Эдард,— сказал он Малуйну.— Если хочешь, возьми Сагеная в помощь. И запомни, что я сказал — ни одного движения, пока не придет время. Они уже близко.

Иеро обернулся к близнецам. С застывшими холодными лицами они глядели в сторону леса — два волка, почуявших добычу.

— Вы сумеете управиться с лорсами? Если я найду пару? Иначе вам придется куковать здесь.

Джеор кивнул.

— Попробуем. Мы должны быть с вами... другого дела у нас нет.

— Хорошо. Пойдем на баркасе. Клуца я заведу на палубу.

Он махнул иир'ова, и те затрусили вслед за Клуцем. О них можно было не беспокоиться — Дети Ветра не отстанут от кавалерии. Лорс резво преодолел прибрежный откос, затем двинулся на запад по тропинке, что извивалась вдоль озера. Минут через двадцать всадник и пятеро его спутников спустились в крохотную бухточку, где покачивался на волне палубный баркас. Иеро завел на борт своего скакуна; остальные последовали за ним. Краткий приказ сержанту — и десять длинных весел взбили пену; суденышко шло туда, где чистые воды озера мешались с бурыми потоками болотистой низины.

Звуки сражения становились все громче, все ближе. Уже можно было расслышать лязг металла и резкие, пронзительные всхлипы вражеских труб; иногда их перекрывали звонкие голоса метсианских горнов. Рев, вопли, стоны раненых и победные крики атакующих дополняли эту какофонию. Иеро знал, что по мере приближения к берегу оборона становилась все плотней, схватка — все яростней. Однако грохот нарастал с чудовищной быстротой; видимо, Нечистый бросил в сражение все силы, не беспокоясь о потерях. Иеро скосил глаз на яркий солнечный диск, проверяя показания ментальных часов. Было около одиннадцати, но скорость, с которой продвигался противник, ломала все расчеты. Гребцы сильней навалились на весла, баркас прибавил ходу, огибая с подветренной стороны маленький островок. Они прошли уже три четверти пути, и с палубы открывался хороший обзор всего северного побережья, уходившего от изгиба озерного бумеранга к западу и востоку.

Шум продолжал нарастать. Наконец, Иеро увидел, как первые отряды метсов, покинув лес, скатились к длинной линии судов, тянувшейся вдоль берега. Моряки начали переводить на борт раненых, за ними — остальных бойцов. Иеро довольно улыбнулся: маневр

проходил безукоризненно, без паники и суеты. Все больше и больше людей появлялось на травянистом откосе, суда загружались и одно за другим отчаливали. Весла мерно взбивали воду — день выдался безветренным,— и парусники скользили по озерной глади. Наблюдая за операцией через подзорную трубу, Иеро видел, что ни один корабль не покинул берега без приказа; их палубы были заполнены воинами.

Он перевел взгляд на берег. Цепочки вооруженных луками разведчиков, ветеранов Границы, появились на опушке — последний отряд, прикрывавший отступление. Иеро видел, как лучники одной из групп на секунду замерли, дали залп и, стремительно перебежав ярдов на пятьдесят, развернулись для второго. Люди падали; по мере приближения к берегу шеренга становилась все короче, строй уплотнялся.

Среди охристых сосновых стволов наметилось движение, затем из-за деревьев выскочила стая Псов Скорби с лемутами на костлявых спинах. То были Волосатые Ревуны, гориллоподобные мутанты, потрясавшие дубинами и топорами; раз за разом они с убийственной точностью швыряли длинные дротики. Чудовищные собаки приходились по плечо рослому мужчине; их кожа, почти лишенная шерсти, пестрела оранжевыми и красными пятнами, уши свисали, мотаясь у глаз, из ощеренных пастей стекала слюна.

Стрелки перебили половину, затем забросили луки за спины и взялись за мечи: выжившие мутанты были уже рядом. Начался ближний бой. Псы Скорби неистовствовали среди шеренг метсов; тех, кто попадал в капкан огромных челюстей, они трясли, словно безвольных кукол. Ревуны сражались яростно; обуреваемые страстью к убийству, они не заботились о безопасности, не обращали внимания на раны. Схватка закончилась быстро. Поредевшая цепочка метсов двинулась к берегу, оставив позади усеянное телами поле. Воины несли раненых, но их было немного.

Теперь сражение развернулось вдоль всего берега. Разведчики отстреливались и отступали к воде. На многих судах прекратили грести, и лучники с палуб начали метать стрелы, прикрывая товарищей. Смертоносный ливень обрушился на атакующих. Последние разведчики карабкались по трапам. Лучники удвоили усилия — стрел на кораблях хватало, и они сыпались градом. Отряд людей-крыс, серых, с голыми хвостами, такой залп превратил в гору трупов.

Суда с разведчиками отходили от берега. Иеро с болью заметил, что на них хватало места; палубы казались полупустыми. Гнусаво запели трубы Нечистого, и отряды лемутов начали отступать под защиту леса. Когда последние твари исчезли, стрельба прекратилась, и отбившие атаку корабли начали медленно продвигаться за линию тех, кто отплыл раньше. Теперь между урезом воды и лесом простиралась мертвая зона, заваленная телами убитых и раненых.

Внезапно баркас дрогнул. Иеро сообразил, что нос суденышка коснулся берега. Он вскарабкался на спину Клуца, и тот прыгнул прямо в жидкую грязь, доходившую человеку до колена. Впрочем, огромного лорса это не беспокоило; его широкие раздвоенные копыта могли одолеть любое болото.

— Держитесь за стремена,— предложил Иеро близнецам,— больше я ничем не могу вам помочь. Вымокнете, конечно, но сами напросились!

Иир'ова вымокли еще раньше. Это им не нравилось, но они были готовы стерпеть и худшее. Маленький отряд пробирался по колено в воде мимо заросших осокой кочек. Иеро оглянулся; со спины Клуца он мог ясно разглядеть берег и прибрежные воды.

Суда, занятые поредевшим арьергардом метсов — вернее, тем, что от него осталось,— медленно уходили к югу. Парусники, подошедшие к ним от цепочки лесистых островков посреди озера, принимали на борт раненых или высаживали гребцов туда, где их не хватало. Вдоль южного берега тянулась едва заметная

цепочка солдат; солнце поблескивало на их медных шлемах. И всюду развевались белые с зеленым флаги Республики.

Внезапно картина изменилась. Армия Нечистого плотной молчаливой массой потекла из-за деревьев, затопив северный берег. Видимо, враги успели подготовить следующий удар. Каждый боец — человек или лемут — либо тащил небольшой челнок, либо сгибался вместе с остальными под тяжестью длинного каноэ. Люди-крысы первыми вошли в воду; им, расе пловцов, лодки были не нужны. Войска двигались в полном порядке, что говорило о суровой муштре. Иеро разглядел в воде стаю гибких, покрытых коричневым мехом существ и вспомнил схватку с гигантскими норками у ручья год назад. Похоже, Нечистый собрал все свои силы... Удастся ли сломить их?

Взгляд метса скользнул дальше, к стене деревьев, из-за которой текли все новые и новые отряды. Сейчас он пробирался со своими спутниками в глубь болота, по топкой, хлюпающей почве, кое-где поросшей высоким камышом. На таком расстоянии от врага мысленный поиск был бесполезен — барьеры, поставленные Аббатствами и Нечистым, гасили ментальные волны. Все, что он мог,— переговариваться с иир'ова, и то вблизи.

Впереди появилась темная движущаяся полоска, и священник поспешно потянулся к зрительной трубе. Это было то, чего он ждал! Клуц вытянул длинную шею и затрубил от восторга. Устремившись вперед, он через несколько мгновений оказался перед длинными шеренгами всадников, словно по волшебству возникших среди вод, осоки и зарослей камыша. Иеро поднял руку, приветствуя свое войско.

Тут затаились два полных легиона, сбившихся плотным прямоугольником под защитой бурых стен тростника. Иеро знал обоих командиров, которые были значительно старше его. Он служил под командой полковника Саклара и учился у полковника Льюиса в

военной академии. Оба — типичные воины-метсы с суровыми бронзовыми лицами; жизнь их прошла в седле, в бесчисленных пограничных стычках. Вместе со своими адъютантами они встретили молодого командира, вытянув руки в воинском салюте. Иеро ответил тем же, испытывая некоторую неловкость.

Но Саклар быстро развеял ее:

— Мы оба просто в восторге от такого начальника. Еще бы! Стоит вспомнить твои прошлые подвиги... — Тут он чуть прищурил насмешливый черный глаз, что могло сойти за подмигивание. Иеро облегченно вздохнул, и все трое, улыбаясь, соединили руки. Не было сомнений, что в этой битве они встанут как один, плечом к плечу.

— Кстати, я нашел пару лорсов, хотя у нас не так много запасных,— сказал Льюис, с интересом поглядывая на Мантанов.— Мы все слышали об этих парнях. Думаю, ты захочешь держать их при себе... как и кошек... О них тоже всем известно. Чудные создания! Ну ладно, еще успеем на них полюбоваться. Пойдем, командир! Мы тут приготовили одну штуку... тебе, наверно, пригодится.

Штука действительно оказалась полезной. Неподалеку, на холмике, который древние немцы назвали бы «генеральской высоткой», группа людей и лорсов трудилась над установкой наблюдательного пункта — платформы на трех массивных подпорках. Вскоре бревна треноги были закреплены в вязком грунте, и к верхней площадке приставлена лестница. Очевидно, все части этого сооружения заготовили заранее и проволокли сюда через болото.

Минутой позже Иеро и оба полковника уже стояли наверху, изучая поле битвы в подзорные трубы. С платформы открывался превосходный обзор и северных берегов, и озера Слез; наблюдатели едва поспели к началу следующего этапа сражения.

Войска Нечистого, люди и лемуты, все еще текли из леса нескончаемым потоком. Не меньше тысячи

суденышек, совсем крохотных и побольше, роилось у северного берега; легкие и юркие, они были сделаны из шкур, натянутых на деревянные каркасы. Вся эта стая двигалась в сторону редкой линии метсианских парусников, медленно уходивших к спасительному южному берегу. Иеро заметил, что суда с ранеными уже почти пересекли озеро; те же, что были ближе в врагу и несли боеспособный экипаж, явно не торопились. «Все идет как надо,— подумал он,— но, великий Боже, сколько еще тварей лезет из леса! И они тащат лодки — все больше и больше!» Чудовищные огромные собаки плыли целыми стаями; на некоторых восседали Ревуны, видимо командовавшие сворой. Большинство Волосатых уже находилось в лодках, но из леса по-прежнему прибывали свежие отряды людей-крыс, тут же бросавшихся в воду. То тут, то там перед фронтом наступавшей армады показывались гладкие головы гигантских норок. Иеро перевел дыхание. Когда же прозвучит сигнал?

Саклар тронул его за плечо.

— Надень-ка вот это,— сказал он, протягивая прочную кожаную кирасу и бронзовый шлем — защитные доспехи всадника. Саклар и все остальные офицеры уже облачились в боевой наряд.

Иеро не заметил, как оба полковника натянули на него жесткую кирасу и приладили наколенники; он даже не обратил внимания на увенчанный белым генеральским плюмажем шлем. Взгляд его блуждал по воде. Основная масса судов противника уже достигла цепочки островов, к берегам которых вплотную подступал лес, так что длинные поникшие ветви купались в озере.

Внезапно звонкий зов горна эхом раскатился над голубыми водами, перекрыв вопли и завывания орд Нечистого. Затем послышался плеск — это, вздымая фонтаны брызг, падали ветви и целые стволы. Из потаенных бухточек и протоков между островками выплывал метсианский флот: пять дредноутов, испускавших клубы дыма,— впереди, за ними — сонм парус-

ников. Юстус Бирэйн был человеком основательным и неторопливым; он ударил, только когда почувствовал — время пришло! Пушечные порты в бортах кораблей были раскрыты и широкие жерла извергали не ядра и бомбы, а шрапнель — смесь обломков керамической черепицы с камнями и металлической дробью. Вслед за пароходами двигался целый флот гребных галер со стрелками и пращниками; их прикрывали установленные вдоль бортов щиты, деревянные и плетенные из ивовых прутьев. Град стрел обрушился на врага, довершая опустошение и панику, что вызвали первые пушечные залпы.

Под этим шквалом огня, камня и железа, потоком стрел и натиском тяжелых корпусов дредноутов, дробивших каноэ в щепки, противник подался назад. Хрипло взвыли трубы, и из леса потекли новые орды, торопясь к воде.

Тут и там в плотных рядах людей и лемутов Иеро видел теперь облаченные в серые плащи фигуры. Колдуны Нечистого! Что они собираются делать? Контратака флота была полнейшей неожиданностью для них, но слуги зла учились быстро!

Он опустил взгляд на стройные шеренги метсианской кавалерии, замершие у подножия холма, и почувствовал облегчение. Четыре тысячи всадников застыли в грозном молчании — цвет республиканской армии, ее ударная сила. Шлемы сверкают, длинные пики вытянуты в ряд, огромные скакуны словно выточены из черного базальта. У лестницы, что вела на платформу, переминались трое Детей Ветра; рядом, с неистощимым терпением лесных жителей, ждали Мантаны. Чуть поодаль стоял Клуц и еще два лорса, предназначенные для братьев.

Иеро повернулся к полковникам.

— Скоро наш черед,— задумчиво произнес он.— Пока все идет по плану. Вот только как обстоят дела на нижнем озере?.. Там у нас всего один пароход, самый новый... Правда, есть кое-какие сюрпризы... Ну, еще немного — и все станет ясным.

Они продолжали следить за баталией. Сражение бушевало на всем водном пространстве и было доступно взгляду вплоть до того места, где изгиб восточного рукава озера скрывал происходящее. Рев и стон, крики людей и животных, грохот канонады неслись над водой; а вслед за ними — потоки стрел, клубы дыма и смертоносная шрапнель.

— Хвала Создателю, конец виден,— буркнул Саклар, направив трубу на лесную опушку.— И так уже достаточно. Я думал, они заняли половину Тайга... Но смотрите!

Это заметили уже все, и Иеро вознес про себя благодарственную молитву. Устрашенные бойней, воины Нечистого в лодках и плывущие в воде твари повернули назад. Хрупкие суда с кожаными бортами не могли защитить ни от стрел, ни от камня и железа. Довершая разгром, дредноуты врезались в гущу вражьей стаи; они давили, сокрушали, опрокидывали каноэ и челны, одновременно бортовыми залпами разнося в клочья скопища пловцов. Те снова и снова бросались в атаку, тщетно пытаясь по скользкой керамической обшивке вскарабкаться на палубу, но только несли огромные потери. Галеры с лучниками шли в кильватере паровых кораблей, поливая стрелами пространство; парусники с арьергардом — ветеранами Границы, которые час назад бились на берегу,— вдруг повернули и полным ходом устремились на врага. За ними шли все новые и новые суда — те, что скрывались в бухточках южного побережья.

Иногда на борт небольшого корабля прыгала прямо из воды гигантская норка или группа Ревунов цеплялась за скользкие доски; люди-крысы тоже пытались применить эту тактику. Но ивовые плетенки и деревянные щиты сдерживали одних и позволяли быстро расправиться с другими. Что касается людей, служивших Нечистому, то они были не слишком опытными пловцами; огромные же Псы Скорби оказались совершенно беспомощными в воде. Вскоре поверхность озера покрыл слой трупов самых разнообразных существ,

столь плотный, что, казалось, по нему можно пройти, не замочив ног. Среди массы трупов темнели перевернутые лодки, обломки разбитых, изрешеченных шрапнелью корпусов.

Вражеские трубы взвыли пронзительно и тревожно; люди и лемуты, остатки разгромленного войска, устремились к северному берегу. Впрочем, отступление началось даже раньше, чем прозвучали сигналы. Разбитые, павшие духом, но все еще многочисленные, воины Нечистого плыли и гребли изо всех сил; их устрашал лик смерти, глядевшей из жерл метсианских пушек. Ни одному из них не удалось шагнуть на откосы южного побережья, где плескали на слабом ветру флаги Республики.

Дредноуты двигались за обезумевшей толпой, поливая ее картечью. Пушечные залпы вымели берег, стрелы сыпались сквозь темный дым. Взглянув на солнце, Иеро понял, что уже полдень; всего лишь час прошел с той минуты, когда первые лодки Нечистого поплыли по голубым водам озера Слез. Название его оправдалось! Но как обстояли дела восточнее? Враг все еще обладал большой силой, и, если он сплотит ряды, бой будет нелегким. Иеро решил, что осторожность не помешает.

— Треногу убрать — и быстро,— велел он, поворачиваясь к Льюису и Саклару.— Если их отряды двинутся к западу, наш пост сразу заметят.

Они спустились вниз по длинной лестнице, вышку тут же повалили, и три полководца медленно поехали вдоль фронта замершей в плотном строю кавалерии. Саклару и Льюису достались правый и левый фланги, Иеро взял на себя центр. Прислушавшись, он уловил отдаленный грохот орудий, но гул канонады постепенно смолкал. Вскоре лишь случайный выстрел доносился с озера — видимо, подворачивалась подходящая цель.

Иеро наклонился к Детям Ветра, ожидавшим у его стремени.

— *Для вас, друзья, особая задача, очень опасная,*— передал он.— *Мы должны знать о всех передвижениях*

врага — и очень быстро. Ч'урш, ты пойдешь налево, За'рикш — направо. Постарайтесь говорить со мной мысленно; если не получится — возвращайтесь назад. Убивайте только в случае крайней необходимости — мне нужна информация, а не трупы. Понятно? М'рин, ты пойдешь впереди нашего строя, но не беги так быстро, как твои братья. Все, что услышишь от них, передавай мне.

Иир'ова даже не ответили. Три стремительные тени мелькнули, словно сказочные эльфы, меж тростников и зарослей осоки и пропали.

— Будь тут посуше, я бы и вас послал в разведку,— сказал Иеро близнецам.— Но не хочу, чтобы враг увидел даже одного всадника, а по грязи вы не можете бегать со скоростью кошек.

Мантаны одновременно кивнули и расслабились в седлах, отдыхая перед боем.

С томительной неторопливостью тянулось время. Иеро пытался размышлять о будущем; оно, если учесть события на юге, не радовало, и священник сосредоточился на ближайших задачах. Их было две, и обе требовалось решить быстро. «Первая,— думал он,— разнести к дьяволу остатки орды! Разнести и уничтожить! Вторая — добраться до горла этой бледной нечисти, С'даны.— Он судорожно сглотнул; ненависть сжимала горло. — Ты здесь, лысая мразь, я знаю! Ты вывел всех — и людское отребье, грязных предателей, и своих лемутов, оскверняющих очи Божьи! Ты не мог остаться на Мануне в такое время!»

Позади тихо фыркали лорсы, изредка побрякивал металл. Все всадники были в седлах, все ждали только его слова. Где же кошки?

Мысль М'рин, словно молния, пронизала облака изголодавшихся москитов, что вились вокруг людей и животных.

— Мы возвращаемся! Мои воины нашли их! Они идут от опушки, их много, очень много! Будь осторожен!

Иеро махнул рукой, и гул оживления, смешанный со скрипом седел, пыхтением лорсов и звоном оружия, побежал по рядам в обе стороны, словно рябь на воде от брошенного камня. Дети Ветра вынырнули из зарослей; они мчались зигзагами, стремительные, как гончие псы; частокол дротиков вырастал в их следах.

Пика генералу не полагалась. Белый плюмаж на шлеме Иеро дрогнул, когда он, склонившись, потянул длинный прямой меч из подвешенных к седлу ножен. Оба Мантана находились по обе стороны от него, чуть сзади; каждый сжимал длинную рукоять боевого топора. Стена тростника впереди рухнула, втоптанная в грязь, и вражья орда, люди и лемуты вперемешку, покатилась по болоту.

Правой рукой, по локоть укрытой латной рукавицей, Иеро поднял меч и резко опустил его вниз.

— *Вперед, парень!* — мысленно пришпорил он Клуца.— *Пришло наше время!*

Позади потрескивал камыш под быстрыми ногами иир'ова.

В кулаке, защищенном чашеобразным эфесом, Иеро сжимал рукоять длинного кавалерийского тесака; он выставил клинок вперед, словно пику. Пока Клуц набирал скорость, всадник мог слышать долетавший сзади плеск и грохот копыт. Он покосился налево, потом — направо. Добро! Атакующий строй оставался плотным и ровным.

Затем левое крыло, северные шеренги кавалерии, не ломая рядов, начало медленно заворачивать. Правое повторило маневр; теперь строй напоминал полумесяц. Левый фланг должен был ударить первым, смять тылы врага, отрезать от леса и вытеснить основную массу войск Нечистого на открытое пространство болотистой равнины.

Уже не оставалось времени, чтобы мысленно проиграть еще раз давно обдуманную стратегию; Иеро сосредоточился на том, что ждало впереди. Воспоминания о днях и неделях, ушедших на разработку

планов, рассеялись как дым; сейчас он был только киллменом, машиной убийства, и ничем более. Клуц, предчувствуя битву, яростно взревел, и тысячи глоток его сородичей подхватили этот крик; подобный грому, он раскатился от одного конца строя до другого.

Орда Нечистого остановилась — раздробленная, ошеломленная. Для крыс и уже немногочисленных Псов Скорби болото не представляло серьезного препятствия — оно лишь слегка замедляло их бег. Но люди, хорошо обученные и готовые биться до последнего дыхания на твердой земле, увязли в грязи, спотыкались о кочки, поросшие осокой. Большинство Ревунов шли в пешем строю, и топь под ногами нравилась гориллоподобным монстрам не больше, чем их союзникам-людям. Когда перед ними возник лес рогов и сверкающих острых копий, многие ударились в бегство. Другие, потверже духом или находившиеся под командой лучших офицеров, попытались сформировать каре. Результат был плачевным! Крики, вопли, разнобой в приказах — и войско противника обратилось в толпу!

Развернув полумесяцем фланги, которые растянулись слева направо на добрую милю, грозная кавалерия Севера шла в атаку!

Под мечом Иеро треснул череп огромного Ревуна; Клуц подался в сторону, помогая всаднику освободить клинок. Молодой предводитель оглянулся. Каждое копье нашло цель, поразив, самое меньшее, одного врага в передних рядах или в тылу орды. Затем пики были выдернуты из трупов и нацелены вновь; сверкающие острия по-прежнему жаждали добычи.

Уже не имело значения, кто из приспешников Нечистого пытается скрыться, а кто готов принять бой. Там, где не поспевали меднокожие всадники, дело заканчивали их разъяренные скакуны. Тяжелые копыта дробили кости, их острые края рассекали плоть, рога и каменно-твердые лбы таранили людей и лемутов, отбрасывали бездыханными в грязь, а зубы, тоже

пущенные в ход, перекусывали конечности, словно ивовые прутья.

Чудовищный пес — глаза налились кровью, с клыков капает слюна — прыгнул на Иеро слева. Не раздумывая, священник бросил поводья и прикрылся щитом — даром своего далекого странного друга. Рядом свистнул топор; одним ударом Рейн Мантан раскроил собаке череп.

Могучий напор кавалерийского удара медленно, но неизбежно теснил орду к лесу. Всадники не давали возможности бойцам Нечистого остановиться и занять оборону; впереди уже маячили лесные гиганты, возносившие к синим небесам могучие кроны. Враги — сломленная, скованная теснотой беспорядочная толпа — уже не пытались сражаться; они желали только поскорей найти убежище в зеленой крепости Тайга. Те, кому удалось добраться до деревьев, начали метать стрелы и дротики, силясь остановить страшных всадников. Некоторые седла опустели, но лорсы, даже потеряв хозяев, не были беззащитной мишенью! Они оставались в строю и сражались так же яростно, сокрушая врагов копытами и рогами. Иногда огромный зверь падал, пронзенный десятком стрел, но тут же другой — со всадником или без — заступал на место погибшего, продолжая атаку. Наибольшие потери нес левый фланг; однако, сплотив ряды, ни на миг не ослабляя напора, всадники разрезали орду, оттеснив основную массу визжащих лемутов вместе с их закутанными в серые плащи повелителями от спасительной опушки.

Иеро не получил ни царапины, но правая рука его отяжелела. Огромный зверь под ним, глыба неистовой ярости, заработал десяток легких ран; впрочем, Клуц не обращал на них внимания. Он ревел, как боевая труба, не замечая боли; глаза его налились кровью. Рейн Мантан и М'рин, с длинного клинка которой срывались багровые капли, обороняли командира слева, двое молодых иир'ова и Джеор Мантан — справа. Оба

брата держали округлые щиты, обитые бронзой и непроницаемые для дротиков и стрел, надежно прикрывая Иеро.

Молодой предводитель, охваченный холодной яростью, не присматривался к тем, кто заступил ему дорогу; он рубил и колол с неослабевающией силой. Наконец-то он добрался до врага! Метс мстил за дни беспамятства, за свою потерянную любовь, за боль и предательство! Смерть им всем! Уничтожить гнусных тварей, освободить от них землю навсегда!

Сильная рука перехватила повод, и громкий голос прорвался сквозь безумие битвы, овладевшее Иеро. Он опустил меч, сообразив, наконец, что кто-то из соратников пытается привлечь его внимание. Со всхлипом втянув воздух, он почувствовал, как ходят под ним бока Клуца. Багровый туман в голове медленно рассеивался; еще немного, и звуки начали складываться в слова, слова — в фразы.

— Остановись, генерал! Мы разбили их! Может быть, четверть удрала в лес, не больше. А остальные... Ты только погляди!

Почти против воли Иеро повернул голову. Полковник Льюис, свесившись с высокого седла, показывал на заваленную телами врагов болотистую пустошь.

Итак, свершилось! План сработал! Поредевшие отряды Нечистого, сокрушенные в водах озера Слез, выползли на берег и объединились с войсками, ожидавшими под прикрытием леса. Эта орда все еще представляла немалую силу, и ее вожди повернули направо, в казавшееся пустым болото. Несомненно, они хотели смести заслоны республиканских войск, обогнуть западный рукав озера и зайти в тыл армии ненавистных метсов.

Так бы и случилось, не помешай одно маленькое обстоятельство. Мудрый старый аббат и его ученик, вынудившие врага на этот маневр, обладали единственной с сотворения мира кавалерией, которая могла сражаться на болоте не хуже, чем на сухой земле. И

теперь Иеро созерцал плоды своей стратегии — груды, холмы, горы трупов! Он не мог в это поверить, хотя сам помогал разрабатывать план!

Остатки сил Нечистого, устрашенные атакой конницы, отрезанные от спасительного леса, сгрудились на топком берегу. Эта толпа спотыкающихся, сломленных существ, людей и лемутов, оказалась зажатой между шеренгами всадников со смертоносными пиками и водами озера. В плотном строю кавалерии не было щелей. В сражении на болоте Республика потеряла, вероятно, восьмую часть своей конницы, но оставшихся сил вполне хватало, чтобы втоптать в грязь обезумевших врагов. За основной линией воинов и лорсов, у самой опушки, растянулся цепочкой заградительный отряд, но в лесу царило безмолвие.

А позади последних приспешников Нечистого лежала смерть. Там, застыв в молчаливом ожидании на водах озера, высились громады пяти дредноутов; за ними — галеры и парусники со стрелками. Яркое послеполуденное солнце освещало картину готовящегося уничтожения. Пропели горны метсов, и всадники остановились, сплачивая ряды и ровняя строй. Шеренги конницы вытягивались полумесяцем; в центре его находилась вопящая в панике толпа грязных людей и грязных монстров, неумолимо теснимая туда, где край болота упирался в озеро.

Иеро с удовольствием наблюдал за сценой сквозь полуприкрытые веки. Приказ гласил: «Не щадить!» Было хорошо известно, на что способны эти твари; что ж, здесь они, по крайней мере, примут скорую смерть. Впервые за долгие годы попытка нормальных людей, желавших только спокойствия и мира, избавиться от приспешников Тьмы была близка к завершению. Возмездие близилось. Тем, кто породнился со Злом, отказано в искуплении; и сейчас, под ярким светом солнца, они растают как дым. Навсегда!

В рядах всадников снова запели горны, и копья опустились, сверкая широкими остриями; полумесяц

пришел в движение, и битва — скорее, бойня — началась. Это было нетрудно. Утопая по колено в грязи, сторонники Нечистого умирали, не надеясь на побег. С воды за ними бдительно следили жерла молчаливых пушек и лучники, выстроившиеся на палубах малых судов. Никто не ушел от расплаты...

Когда конец стал очевиден, Иеро повернул к середине пустоши, вглядываясь в линию лорсов и всадников, наблюдавших за зеленой стеной леса.

Он сунул в ножны длинный клинок. Оба полковника сопровождали его, и под их восхищенными взглядами Иеро чувствовал себя довольно неуютно.

«Почему они так смотрят? — мелькнула мысль.— Ведь эти люди когда-то учили меня...» У стремени М'рин обматывала длинным лоскутом голову За'рикша, пока Ч'урш пытался вычистить из шерсти грязь. Они тоже с обожанием поглядывали на командира. Братья Мантан, вышедшие из битвы целыми и невредимыми, с невозмутимыми лицами восседали на скакунах, но глаза их говорили о многом!

«Я же ничего не сделал,— напомнил себе Иеро.— Немного предусмотрительности и четкое планирование... в основном это заслуга старика Демеро. Может быть, я слегка помог... Но это не повод для поклонения! — Он начал молиться, устремив взгляд к сияющему небу: — Вседержитель, охрани ничтожнейшего из слуг Твоих от греха гордыни! Кроме того,— смиренно добавил священник,— я же и вправду не сделал ничего особенного!»

Бог — или замещающая его Судьба — прервал эти благочестивые размышления. Перед ними возник курьер на перемазанном грязью лорсе, вручивший Саклару депешу. Быстро вскрыв пакет, полковник углубился в чтение, потом воскликнул:

— Ну и ну! Та банда, что успела удрать в лес, идет обратно — мчится прямо на наши позиции! — Саклар вскинул взгляд на Иеро.— Ваш план, сэр, сработал еще лучше, чем ожидалось. Примите мои

поздравления! — Глаза его возбужденно блестели.— Ты понимаешь, Иеро, сейчас мы возьмем всех! Всех! — Вдруг полковник смущенно улыбнулся: — Простите, генерал... Я забылся. Но, во имя ран Христовых, кто же остановил их в лесу?

— Отряды союзников, о которых никто не знал,— вполголоса произнес Иеро, наклонившись к старому бойцу.— Однако, полковник, какие новости с востока? Мы отбили атаку здесь, а что творится на нижнем озере и реках, ведущих к Намкушу?

— У меня есть сведения, сэр! — Это вступил в разговор молодой человек, один из адьютантов Саклара. Иеро заметил, что левая рука юноши висит на перевязи — он тоже побывал в бою.

— Выкладывай, парень! — восторг, светившийся в глазах юного офицера, не вызывал ответных чувств у Иеро. Сколько таких ребят легло в землю этим утром?

— Сэр, все их попытки продвинуться на востоке оказались безуспешными. Наши корабли и Народ Плотины блокировали каждый водоем. У нас там было одно паровое судно да баркасы с лучниками — вполне достаточно... разбежавшихся прикончили бобры. Нечистый послал туда лишь несколько отрядов.

— Значит, оборона выстояла... Хорошие новости! — Радостная волна нахлынула на Иеро, но он помнил, что вторая задача еще не решена. Где же С'дана?

Он заставил себя вникнуть в слова юного офицера. Народ Плотины! Сколько же молодых самцов и самок из племени Чароо больше не увидят света дня? Сколько малышей потеряли родителей, которые никогда не вернутся в свои уютные хижины? Вероятно, эти восточные реки и ручьи стоили немало жизней... Он глубоко вздохнул, отгоняя мрачные мысли.

Было еще что-то — нечто важное, сказанное им самим... Да, никому не известные союзники! По крайней мере, неизвестные ему. Но он мог догадываться.

Иеро резко повернулся в седле, поймал взгляд Саклара, потом — Льюиса.

— Командиры! Войско — в парадный строй! — Голос метса сорвался, он заметил недоумение на лицах офицеров и попробовал успокоиться.— Великий новый союзник идет к нам с севера. Я хочу встретить его с почестями. Эту мерзость,— он кивнул на горы трупов,— свалите у воды. Пусть на равнине выстроятся все войска и приветствуют гостей.

Но где же С'дана? Странно, священник не ощущал ни одного щита Нечистого вблизи... Поставленный колдунами барьер пал; значит, он должен был нащупать С'дану или его защиту... Но ничего подобного не замечалось.

Иеро испытывал тревогу, смешанную с радостью. Как хорошо, что Горм успел вовремя! Приятно знать, что он где-то вблизи... даже приятней, чем известие о полностью очищенных тылах...

Копьеносная конница Республики застыла в плотном строю, когда три фигуры одна за другой показались на опушке и направились к молодому генералу. М'рин преклонила колено; ее примеру последовали оба самца. Дети Ветра никогда не оказывали такого почтения Иеро, но он не нашел в себе сил упрекнуть их.

За грузными телами двух посланцев медвежьего народа Горм был едва заметен. Эти гиганты превосходили размерами даже древних кодьяков и бурых сибирских медведей. Лишь высокие лбы, под которыми сверкали маленькие глазки, да вытянутые, яйцевидные черепа свидетельствовали о разумности этих созданий. Они двигались по болотной грязи иноходью, покрывая расстояние с поразительной быстротой.

Предводитель — важность, с которой он держался, не оставляла сомнений — сел на задние лапы; его морда находилась теперь на том же уровне, что и голова Клуца. Инстинктивно Иеро отметил, что скакун не встревожен подобной близостью. Шерсть гиганта, тронутая серебристой сединой, пахла отвратительно.

— *Я останусь безымянным,*— пришла мысль огромного существа.— *По крайней мере, до тех пор, пока лучше не познакомлюсь с твоим народом. Люди, которых вы зовете эливенерами, эти сторонники мира, попросили нашей помощи в войне. Но что такое мир? Дни, проведенные в покое. Мы хотим покоя и пришли сражаться. Думаю, мы не ошиблись.*

Второй медведь, отличавшийся пропорциями жителей Бробдингнега, опустился в лужу и теперь перекатывался там с боку на бок. Иеро осторожно скосил глаза на своего приятеля, меньшего из троицы. Кавалерия метсов по-прежнему застыла в парадном строю с поднятыми вверх пиками.

— *Я полагаю,*— ментальный сигнал был отчетливым и мощным, что странным образом не вязалось с тяжеловесностью фразы,— *эти мыслящие, твои братья, стоят так, чтобы почтить нас? Нет необходимости.*— Маленькие глазки гиганта уставились прямо на Иеро.— *Ты — тот, кто взял малыша на Юг? Наш народ в долгу перед тобой... Но мы знаем, что такое благодарность... и принесли дар. Малыш, покажи!*

Горм шагнул вперед. Ремни, охватывавшие шею и туловище, удерживали на спине грубый короб, сплетенный из коры. Медведь наклонился и вывалил его содержимое на землю.

Две лысых головы, два блестящих черепа, два ненавистных лица... Головы покатились по мокрой траве под ноги Клуцу... Одно лицо казалось незнакомым; другое же... другое Иеро не забывал никогда. Голова С'даны, грубо оторванная от тела, лежала перед ним; губы кривились в гримасе смерти.

Предводитель медвежьего народа продолжал:

— *Мы подумали, что такой мрази нет места в мире. Гляди! Это два вождя, которых ты искал, Красный и Голубой. Их Круги уничтожены. Мы знаем, как много ты сделал для этого... И наш малыш считает так же, а он никого не станет лизать зря. Придет день, и он достигнет настоящей мудрости.*

И это будет хорошо для него и для тебя.— Гигант покачал мохнатой головой и смерил человека оценивающим взглядом.— *По нашим понятиям, слишком уж ты скор... Но ничего. Ты можешь стать первым из своего народа, достигшим мудрого равновесия.*

Когда Иеро оторвался от созерцания головы врага, две огромные мохнатые фигуры уже исчезли в лесу. Он вскинул глаза: Горм был здесь.

— *Они сказали, что я могу остаться,*— передал молодой медведь.— *Дело еще не закончено. Иеро, где Лучар?*

Этот внезапный вопрос прорвал барьер, возведенный Иеро в своем сознании. Воспоминания о ней, стянутые в точку и упрятанные под непроницаемый колпак, взметнулись мощным взрывом, затопив мозг.

Лучар!

Эпилог

Лучар чувствовала, что хоппер под ней вот-вот упадет. Обессиленный зверь остановился; секунду она сидела неподвижно, затем спрыгнула на землю. Ноги налились усталостью, и, чтобы устоять, молодая женщина прижалась к тяжело вздымавшемуся боку прыгуна. Словно в полусне, она заметила руку одного из сопровождающих — тот тянулся, желая поддержать ее. Отрицательно мотнув головой, она выпрямилась, собирая остатки энергии и рассматривая трех своих спутников.

Три человека, только три! Сколько часов — или дней — прошло с тех пор, как граф забрал остальных и двинулся назад, прикрыть ее отступление? Она потеряла чувство времени... Когда они повернули в лес, пытаясь раствориться в беспредельном просторе джунглей? Когда же конец? К чему привели эти недели бесконечных сражений?

Собравшись с мыслями, Лучар вернулась к настоящему и посмотрела вокруг. Узкая тропинка, по которой они ехали, обрывалась; колоссальные деревья, расступившись, давали место поляне. День клонился к вечеру, солнце низко висело над западным горизонтом; однако после царившей в лесу полутьмы свет, льющийся с отрытого неба, казался неожиданно ярким. Внезапно странное чувство узнавания охватило ее, словно она была здесь раньше, в другой, счастливой жизни.

Трое мужчин, истомленных долгим переходом, собирали сучья для костра и охапки травы, чтобы устроить ложе. На ужин, как помнила Лучар, у них еще были припасены остатки вчерашней охотничьей добычи. Один из спутников склонился над кучкой сухих ветвей, разжигая огонь; кольцо опаленной земли

свидетельствовало, что костер будет гореть тут не в первый раз. Смутные воспоминания вновь охватили молодую женщину.

Она стояла, пытаясь справиться с ощущением некой странности, почти нереальности происходящего. Это чувство все росло и росло, пока Лучар не обнаружила его источник. Внезапно она поняла, что лес охвачен удивительным молчанием; ни шороха ветвей, ни птичьего щебета, ни крика зверя. Она насторожилась, прислушиваясь; тишина звенела, словно натянутая нить, уходившая куда-то на север, к бескрайним морским водам, зеленому океану Тайга и дальше, в бесконечность полярных ледяных пустынь.

И вдруг... вдруг она услышала!

— *Лучар!*

Зов был слабым, едва различимым... Но ей казалось, что он снова и снова медным колоколом грохочет в голове:

— *Лучар! Лучар!*

Затем все исчезло.

На крыши и стены Намкуша давно спустилась ночь, но суета вокруг одного из военных кораблей, застывшего темной громадой у пирса, не утихала. В капитанской каюте, за маленьким столом, на котором горела единственная свеча сидели два белобородых старика. Они одновременно подняли глаза, когда дверь открылась, и на пороге возникла фигура молодого человека.

— Мне сказали, что я найду вас тут, отец,— начал Иеро. Вдруг он запнулся; радостная улыбка промелькнула на его лице, когда он увидел брата Альдо. Эливенер поднялся, приветствуя друга.

— Слышал, ты выиграл сражение,— произнес он.— Жаль, что я прибыл слишком поздно и не мог увидеть все своими глазами. Но, Иеро, ты выглядишь так, словно не спал неделю!

— Да, времени на сон остается немного,— кивнул молодой священник. — Дел невпроворот.

Демеро указал на кресло; лицо его стало мрачным.

— Садись, мой мальчик. Альдо привез новости с Юга — ужасные новости... но лучше тебе знать правду. Столица Д'Алва потеряна, армия разбита... Король и Лучар исчезли, никто не знает, где они... И нет уверенности, что твоя жена еще жива...

— Она жива,— заявил Иеро.— И я даже знаю, где ее искать.

— Она вступила с тобой в контакт? — Голос Альдо был полон сомнения.

Иеро медленно покачал головой.

— Нет, у нее не хватило бы сил: слишком велико расстояние... Я сам установил ментальную связь... и уверен, что не ошибся. Вот почему я здесь. — Он склонил голову перед Демеро.— Святой отец, я прошу разрешения отправиться на юг, чтобы разыскать ее. Клуц, Горм и Дети Ветра пойдут со мной. Ну и еще несколько добровольцев. Они тоже просят у вас благословения.

— Как далеко на юг сможешь ты забраться? — спросил брат Альдо, не дожидаясь ответа старого аббата.— Я имею в виду — после того, как найдешь Лучар... о чем я буду молить Творца... Итак, готов ли ты идти туда, где лишь человек с твоим опытом и способностями может противостоять Нечистому? Туда, в зловонные джунгли, где проклятая колдунья, мать Амибала, согласилась повенчать своего сына со Злом? Наше Братство имеет сведения... туманные, собранные по крохам... что в тех краях лежит источник злой силы Нечистого.

Иеро невольно вздрогнул, вспомнив предупреждение Солайтера о злобном и могучем разуме, обитающем где-то на юге. Ответ мог быть только один.

— Я пойду, если отец Демеро разрешит мне.

— Хорошо.— Старый аббат встал, словно встреча уже подошла к концу.— Ты получишь разрешение — но лишь после того, как отоспишься.

— Но у нас нет времени! — запротестовал Иеро.— Путь вокруг Внутреннего моря долог и опасен, даже если нам улыбнется удача, что маловероятно... Нет, мы должны выходить немедленно!

Альдо захихикал; Демеро улыбнулся и положил руку на плечо ученика.

— Мой мальчик,— сказал он,— полагаешь, что я не догадывался, зачем ты пришел? Не считай меня идиотом! Я знал все, едва ты переступил порог — и еще раньше! Как ты думаешь, зачем на этот корабль грузят горючее и припасы? — Он негодующе фыркнул.— Иеро, корабли могут не только разрушать, но и плавать! Ну, назови мне своих добровольцев. Затем ты ляжешь в постель — прямо здесь, в этой каюте. А когда проснешься, то будешь уже, вместе с остальными друзьями, на пути к своей принцессе.

Принцесса свернулась на ложе из свежей травы, далеко на юге, под пологом теплой ночи, но она не спала. Слишком многое надо было обдумать.

Иеро был жив, здоров и свободен! Все сомнения, терзавшие ее, исчезли, вытесненные очевидным и неопровержимым фактом — он дотянулся до ее разума! Он придет за ней. Нужно остаться здесь, ждать его.

Взгляд Лучар облетел поляну, залитую ярким светом полной луны. Она узнала это место — здесь они год назад разбили лагерь во время долгого путешествия на юг, как раз перед тем, как встретили странных женщин, обитающих на гигантских деревьях. Лучар вслушивалась в молчание леса, вспоминая, что такая же тишина предшествовала появлению Вайлэ-ри и ее соплеменниц. Они не забыли ее... они дадут безопасное убежище ей и трем мужчинам — особенно мужчинам! — в своих гнездах.

Улыбнувшись, она повернулась на бок и закрыла глаза.

КОММЕНТАРИИ

Аббатства — теократическая структура Кандианской Конфедерации, охватывающая Республику Метс на западе и Отвианский Союз на востоке. Каждое Аббатство выполняет военно-политические, научные и религиозные функции. Совет Аббатств обладает полномочиями, аналогичными прерогативам Палаты Лордов в Англии восемнадцатого века. Столица Республики Метс — город Саск, название которого происходит от названия древней канадской территории Саскачеван.

Батви — торговый жаргон; искусственный язык, используемый в областях, граничащих с Внутренним морем.

Баферы — гигантские быки, результат мутации бизонов. Огромные стада баферов ежегодно мигрируют через западные кандианские районы.

Вербэр (медведь-оборотень) — мало известный вид *лемутов* (см. ниже), разновидность гризли с коротким мехом. Обладает невероятной силой и странной способностью к гипнозу, с помощью которого завлекает своих жертв. В основном бродит ночью; вербэров видели мельком только один или два раза. Их также относят к Нечистому, скорее к его союзникам, чем слугам. Их современный аналог неизвестен. К счастью, они очень редки.

Внутреннее море — большое море со множеством островов, образовавшееся в древности в результате слияния Великих озер. Карты Внутреннего моря несовершенны. Его берега усеяны руинами древних городов. Несмотря на постоянную угрозу со стороны пиратов, Внутреннее море используется для интенсивных торговых перевозок.

Волосатые Ревуны — наиболее опасная разновидность лемутов. Этих больших, покрытых мехом бесхвостых приматов с высоким интеллектом Нечистый использует в качестве солдат. Они ненавидят всех людей, кроме своих Темных Мастеров. Более всего походят на огромных бабуинов.

Глиты — один из видов лемутов, выведены Нечистым (возможно, произошли от рептилий). Чешуйчатые и очень сильные физически, обладают разумом, способны к гипнозу; находятся в полном рабстве у Темных Мастеров.

Грокон — гигантский потомок современной свиньи, обитает в северных лесах. На гроконов интенсивно охотятся, но они очень опасны для охотника, так как достигают размеров крупного быка и отличаются умом и ловкостью.

Д'Алва — крупнейшее и наиболее развитое государство на восточном побережье Лантического океана. Королевство организовано по принципу просвещенной деспотии; однако члены общины пользуются в нем очень немногочисленными правами. В королевстве существует низшая ветвь Универсальной Церкви. Название государства, вероятно, произошло от штата Делавар.

Змееглавы — гигантские всеядные рептилии, небольшие стада которых обитают в глубине южных лесов. Питаются преимущественно мягкими ветвями растений и фруктами, но не брезгуют и падалью. Очень похожи на доисторических двуногих ящеров, однако на самом деле происходят от небольших рептилий, существовавших в период, предшествующий Смерти.

Иир'ова — самоназвание людей-кошек, искусственной расы, выведенной адептами Нечистого; дословно означает «Дети Ночного Ветра». Обитают в великих прериях; непревзойденные охотники и воины; отличаются исключительной подвижностью и быстротой реакции. Ведут ночной образ жизни.

Иннейцы — потомки чистокровных индейцев, обитающие в Канде; весьма немногочисленны.

Канда — область древней страны Канады, сохранившая свое название почти неизменным, хотя во времена Иеро многие об этой стране уже забыли. Память о ней сохранилась только в центральных районах Республики Метс и Отвианского Союза, на западе и на востоке соответственно.

Кандианская Универсальная Церковь — государственная религия Республики Метс и Отвианского Союза. Образовалась в результате слияния наиболее распространенных направлений протестантской и католической церкви, хотя контакты с Римом не поддерживались в течение тысячелетий. Из древних христианских религий в Универсальной Церкви сохранились многие обычаи другие, такие как целибат (обет безбрачия) за ненадобностью отмерли. Родственные церкви, хотя и менее строгие и цельные, существуют во всех королевствах и государствах побережья, таких как Д'Алва.

Кау — вьючное животное, используемое для сельскохозяйственных работ и верховой езды в районах южнее Внутреннего моря (подобно волам в современной Корее). Большой бык; по-видимому, почти не изменившийся с древних времен потомок домашнего рогатого скота.

Киллмен — исключительно опытный и умелый воин Республики Метс, прекрасно тренированный, прошедший длительное обучение военному искусству и владеющий всеми видами оружия. Киллмены автоматически становятся офицерами *Стражей Границы* (см. ниже), а также могут быть лесными рейнджерами и специальными агентами Аббатства. (Иеро — человек

необыкновенный, хотя и не исключительный, ибо он, кроме того, священник и заклинатель. Подобная комбинация способностей высоко ценилась, но встречалась крайне редко).

Круги — административные области, обозначаемые определенными цветами и принадлежащие Нечистому и его Мастерам из Темного Братства (см. ниже). Иеро во время своих путешествий пересек все четыре Круга: Красный, Голубой, Желтый и Зеленый. Верховные Мастера Кругов: С'тарн (Красного), С'дана (Голубого), С'райт (Желтого), С'лорн (Зеленого).

Лантический океан (Лантик) — древний Атлантический океан с сильно измененной линией западного побережья. Не сохранилось документов о существовании каких-либо трансатлантических контактов в течение последних трех тысячелетий.

Лемут — животное или какое-либо негуманоидное существо с человеческим разумом, которое служит Нечистому. Горма, медведя, и Народ Плотины никогда не считали лемутами. Это название — аббревиатура от понятия «летальный мутант», обозначавшего животное, не способное жить и размножаться в естественных условиях. Во времена Иеро так стали называть существа, враждебные нормальным людям и нормальной жизни во всех ее видах. По мере расширения исследованной территории постоянно открывают новые разновидности лемутов, например такие, как обнаруженные Иеро фроги (лягушкоподобные существа). Однако не все вновь открываемые создания лемуты.

Лорс — основное пахотное и верховое животное Канды. Впервые было выведено в Республике Метс. Очень крупная разновидность современного лося, обладает зачатками интеллекта. Используется в кавалерии.

Лоун — невероятно большая, нелетающая водоплавающая птица, которая была найдена в отдаленных районах Внутреннего моря. Питается рыбой. Хотя лоун очень пуглив, у него мало врагов, так как эта птица достигает восьмидесяти футов в длину при соответст-

вующем весе. Лоун встречается очень редко, но многократно упоминается в легендах.

Лукинага — наркотик, известный Аббатствам. Используется священниками для усиления духовной мощи, когда они вступают в мысленный контакт. В малых дозах лукинага расслабляет и вызывает сон.

Люди-крысы — огромные, размером с человека грызуны. Один из наиболее свирепых видов лемутов, часто используется Нечистым в качестве воинов. Вероятно, мутанты крыс, на которых и походят во всем, кроме способности мыслить и размеров.

Манун (остров Смерти) — скалистый остров на севере центральной части Внутреннего моря, место, где Иеро попал в плен. Один из главных центров Голубого Круга Темного Братства.

Метс — преобладающая раса в Канде, образовалась в результате смешения индоевропейской («белой») и американо-индейской рас. Сокращенный вариант древнего слова «метис». В период Смерти метсов выжило больше, чем представителей других рас, так как они в древности селились маленькими группами в отдаленных сельских и лесных районах Канады. В результате от атомного и бактериологического оружия погибли относительно немногие. Метсы, проживающие в Восточной Канде, на территории Отвианского Союза, имеют более светлую кожу, так как в них больше индоевропейской крови.

Му'аманы — одно из племен, обитающих в Д'Алва; занимается скотоводством. Великолепные бегуны; отличаются воинственностью и поставляют лучших пехотинцев в королевскую армию. Их религия уходит корнями в мусульманство.

Намкуш — город и порт в северо-западной части акватории Внутреннего моря. Стоит в дельте реки, которая является кратчайшим водным путем, связывающим Республику Метс с Внутренним морем. До захвата Намкуша метсианскими войсками он носил статус

вольного торгового города, однако фактически находился под контролем Красного Круга Темного Братства.

Народ Плотины — водные грызуны, обладающие человеческим интеллектом и размерами превосходящие людей. Живут в искусственных озерах на территории Республики Метс; находятся под охраной соглашения о взаимной терпимости. Мутанты бобров.

Нечистый — общий термин, обозначающий Темное Братство, всех его слуг и союзников, так же как и все другие формы жизни, сознательно стремящиеся уничтожить нормальных людей и разрушить естественные законы природы и общества.

Ниана — крупнейший порт на юго-восточном побережье Внутреннего моря, торговый центр. Фактически в нем правит Нечистый; Совет Купцов города просто выполняет его указания. Столица Желтого Круга Темного Братства. Тот, кто опасается зла, не задерживается в Ниане (возможно, искаженное древнее название «Индиана»).

Обитающий в Тумане — таинственное злобное существо, живет в Пайлуде; питается телепатической энергией своих жертв. Даже колдуны Нечистого побаиваются этого ментального вампира.

Озеро Слез, озеро Опадающих Листьев, река Дождей, ручей Тетивы — система озер и рек к западу от Намкуша, где разыгралось сражение между армией Республики Метс и войсками Красного и Голубого Кругов.

Олень Смерти — чудовищный мутант, живущий в Пустынях Смерти. Невероятно живучий, очень сильный, плотоядный хищник. Свое название получил из-за растущих на морде шипов, похожих на оленьи рога.

Отвианский Союз — Западное государство, братское Республике Метс, получившее свое название от древнего города Оттава. Союз меньше Республики и отделен от нее обширными дикими землями и *Тайгом* (см. ниже), через который проходит несколько дорог. Между странами установлены тесные контакты; как в Союзе,

так и в Республике существуют Аббатства, выполняющие роль правительства.

Пайлуд — обширнейшее из всех северных болот, тянется на сотни миль вдоль северного побережья Внутреннего моря. Его избегает даже Нечистый. Много странных форм жизни, не обнаруженных в других местах, существует в его безбрежных просторах. Ужасные лихорадки часто поражают тех, кто отваживается проникнуть в Пайлуд. Его точные границы на карте не обозначены и неизвестны.

Порос — травоядное крупное животное с четырьмя бивнями. Обитает в южных лесах, достигает двенадцати футов высоты в холке. Происхождение неизвестно.

Пер — сокращенное «патер» (отец). Уважительный титул священника Кандианской Универсальной Церкви.

Прыгуны (хопперы) — домашние ездовые животные, напоминающие огромных кроликов или кенгуру, которых разводят в южных королевствах. Сила и скорость хопперов позволяют использовать их в качестве скакунов в армии Д'Алва.

Псы Скорби — чудовищные собаки размером с крупного пони. Используются в отрядах Нечистого в качестве ездовых животных для Волосатых Ревунов. Очень сильны и свирепы.

Пустыни Смерти — участки земли, пораженные радиацией. Здесь почти нет воды и растений. Однако жизнь существует даже в этих ужасных местах, хотя в большей части она странная и враждебная, развивающаяся в условиях свирепой борьбы за существование. Некоторые пустыни занимали площадь в сотни квадратных миль, и во времена Иеро их сторонились, словно самой Смерти. Пустыни редко встречались в Канде, но на юге их было много. Наиболее страшные из них испускали ночью глубокое радиоактивное сияние.

Смерть — болезни, вызванные радиацией и применением бактериологического оружия, уничтожившие основные населенные центры и большинство людей

несколько тысяч лет назад. Во времена Иеро эти события давнего прошлого все еще оставались синонимом ужаса и неотвратимой опасности. Существовала поговорка: «Все зло мира принесла Смерть».

Снапер — огромная черепаха, размером с легковой автомобиль. Нападает на крупных животных в воде, крайне свирепа и почти неуязвима.

Сорок Символов — крошечные деревянные знаки, которые носит прошедший обучение священник-заклинатель. Священниками могут быть как мужчины, так и женщины. Вводя себя в состояние транса, священник может «предвидеть» будущее с помощью этих символов. В романах упоминаются следующие Символы:

Копье — битва или охота;

Рука (Раскрытая Рука) — друг;

Рыболовный Крючок — скрытая опасность или скрытое значение чего-либо, тайна, загадка;

Рыба — вода и все с ней связанное (корабли, верфи, сети, мореходство и т. д.)

Крест и Глаз — Зло; опасность, угрожающая не только телу, но и душе;

Скрещенные Руки — друг, очень близкий, на всю жизнь;

Молния — буря, шторм или сильный гнев;

Сапоги (или *Башмаки*) — долгое путешествие;

Лист, проколотый Мечом — Мир и Война;

Дом — крыша, кров, убежище;

Меч и Щит — предстоящая опасная схватка.

Стражи Границы — армия или лица, входящие в состав вооруженных сил Республики Метс. Отвианский Союз имеет аналогичное формирование. В Республике имеется шестнадцать легионов, или полков — полностью независимых воинских частей. Они находятся под командованием Совета Аббатств, который, в свою очередь, докладывает Нижней Палате (Ассамблее) о своих решениях. Последние всегда одобряются. Стражей Границы обычно возглавляют священники. Численность

легиона — от одной до двух тысяч бойцов. Более мелкие подразделения легиона — стая и рой (эквиваленты батальона и роты).

Тайг — великий хвойный лес Канды, не похожий, однако, на древний; содержит много лиственных деревьев и даже некоторые виды пальм. Деревья в среднем стали выше, на далеком юге растут еще более гигантские деревья.

Темное Братство — собственное наименование союза Мастеров Нечистого. Используя слово «темный», они подчеркивают, что пытаются завоевать мировое господство и уничтожить жизнь; они гордятся этим, понимая, что главное зло исходит от них. Аналог этой организации — существовавший когда-то сатанизм.

Чеспек — небольшое королевство на побережье Лантического океана, часто выступающее в союзе с Д'Алва и столь же часто воюющее с этим своим непосредственным соседом. Название государства происходит, быстрее всего, от Чесапикского залива.

Эливенеры — Братство Одиннадцатой Заповеди («Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней»). Группа ученых, экологов и социологов, которая образовалась после Смерти с целью сохранить человеческую культуру и знания, проповедующая любовь ко всему живому. Эта группа проникла во все сферы социальной жизни человечества и постоянно противостоит Нечистому, открыто и тайно.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчиков 3

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРО *5*

Глава 1. Знак рыболовного крючка . 7
Глава 2. В начале 37
Глава 3. Крест и Глаз 65
Глава 4. Лучар 91
Глава 5. На восток 122
Глава 6. Остров Смерти 151
Глава 7. Забытый Город 181
Глава 8. Опасность и Мудрец . . . 208
Глава 9. Морские бродяги 237
Глава 10. Южные леса 272
Глава 11. Дом и деревья 310
Глава 12. Конец и начало 343

ИЕРО НЕ ДАЮТ ПОКОЯ 381

Пролог. Новая миссия 383
Глава 1. Королевство Востока . . . 393
Глава 2. Один 415
Глава 3. Вызванный и преследуемый . 446
Глава 4. Темные Угрозы, Темные Советы 466
Глава 5. Ткач и паутина 491
Глава 6. Бегущие сквозь ночь . . . 515
Глава 7. Охотники и их жертва . . 539
Глава 8. Буря над портами 566
Глава 9. Ветер перемен, ветер удачи . 592
Глава 10. Переговоры на Севере . . 618
Глава 11. В дебрях Тайга 641
Глава 12. Утро битвы 664
Эпилог 690

Комментарии 694

Стерлинг Ланье

ИЕРО НЕ ДАЮТ ПОКОЯ

Фантастические романы

Редактор Лютиков А. Г.
Технический редактор Жихарев Ю. А.
Литературные редакторы Выдревич Г. С., Рошаль В. М., Козицкая М. И., Филатова Т. Г.

Сдано в набор 01.10.93. Подписано в печать 15.02.94. Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл.печ.л. 36,96. Уч.-изд.л. 36,34. Тираж 30000 экз. Заказ № 197.

Агентство «Сфинкс СПб», лицензия ЛР № 061952 от 23.12.1992 г.
193167 Санкт-Петербург, Невский пр., 176, а/я 875.

АО "ЭГОС", 193171, Санкт-Петербург, ул. Седова, 80.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии им. И. Е. Котлякова Министерства печати и информации РФ
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

